Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

МАТЕРИАЛЫ
II ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

(Часть 1. Деятельность правоохранительных органов
в современных условиях)

Иркутск
2026

УДК 34
ББК 67

Издается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Редакционная коллегия:

Председатель – полковник полиции **Мещеряков Александр Николаевич,** заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе.
Заместитель председателя – подполковник полиции **Расторопова Анастасия Сергеевна,** начальник научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России.

Члены редакционной коллегии:
полковник полиции **Белых Алексей Владимирович,** помощник начальника института по международному сотрудничеству**;**
подполковник полиции **Бархатова Екатерина Николаевна,** профессор кафедры уголовного права и криминологии;
подполковник полиции **Недзельский Алексей Евгеньевич**, заместитель начальника кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин;
подполковник полиции **Вытовтов Александр Евгеньевич,** доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел**;**
подполковник полиции **Мухина Рената Радиковна**, главный редактор редакционно-издательской группы;
майор полиции **Белозерцева Виктория Владимировна**, начальник кафедры основ российской государственности и цивилистики;
майор полиции **Михайлова Тамара Николаевна**, доцент кафедры уголовного процесса;
старший лейтенант полиции **Фидель Екатерина Сергеевна**, старший редактор редакционно-издательской группы;
Зайцева Татьяна Викторовна, главный специалист научно-исследовательского отдела;
Лисаускайте Валентина Владо, профессор кафедры уголовного права и криминологии.
Ответственный секретарь – подполковник полиции **Кивокурцева Марина Валериевна,** заместитель начальника научно-исследовательского отдела**.**

Материалы II Восточно-Сибирского международного юридического форума (Часть 1. Деятельность правоохранительных органов в современных условиях) – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026. – 499 с.

В настоящий сборник включены тезисы докладов участников XXXI международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях», проходившей в рамках II Восточно-Сибирского международного юридического форума.

В тезисах сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несет ответственности за возможные неточности.

УДК 34
ББК 67
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ I.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Авдеев В. А., Авдеева О. А. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ 9
Алексеева А. П. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПОРТИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 14
Ахмадиев А.Б. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВЫМ ПИРАМИДАМ 19
Бархатова Е.Н., Ивушкина О.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СПОРТЕ 24
Васина Д.С. ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (ОРМ) ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ХИЩЕНИЯМ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ (ЦФА) 27
Ганхуянг Арсланхуяг. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В МОНГОЛИИ 30
Гунина О. А., Горшкова А. В. ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 32
Деменченок О.Г. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ С УЧЕТОМ СЕЗОННОЙ КОМПОНЕНТЫ МЕТОДОМ ДЕКОМПОЗИЦИИ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ 38
Иванова А. Г. КИБЕРТЕРРОРИЗМ И КИБЕРДИВЕРСИЯ – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА 40
Куровский В.М. НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ УГРОЗАМ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ 45
Лайкова Е.А. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ 51
Лапутнева Е.И., Иванова Л.А. РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 54
Маркова О.В. УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ГРУППЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА (ЕАГ) 57
Нелюбина А.В. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ КАННИБАЛИЗМА 60
Нынюк Р.Н. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 63
Попов С. В. АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 70
Попова Е. М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ К ПЯТОМУ РАУНДУ ВЗАИМНЫХ ОЦЕНОК ФАТФ 75
Репецкая А.Л. АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЗАЩИТА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТЫ, СРЕДСТВА 78
Репецкая А.Л., Габеев С.В., Алиев Т.Ф. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 82

Сидорова Е.З. РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕХАНИЗМЫ, ИНДИКАТОРЫ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ 86
Симончук Е.Р.ПРОБАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВА СРЕДИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УЧАСТВУЮЩИХ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 89
Тюменцева А.С. ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: УЯЗВИМОСТИ, БОТНЕТЫ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 94
Цедрик С.В. ОПАСНЫЕ УСЛУГИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ: ПРОБЛЕМАТИКА ПРИ ПЕРВИЧНОЙ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 100
Чжу Хаоюань БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ 103
Шайкова М. В. ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ 113
Шарифзода П. Р. О ХАРАКТЕРИСТИКАХ СТРАТЕГИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН НА ПЕРИОД ДО 2040 ГОДА 116
Фомина И. А. ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА: ОТ АНАЛИЗА РИСКОВ К СИСТЕМНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ 121
Фролова А. Г., Попова Е. М. СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК СПОСОБ ХИЩЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ 125
Яковлева Л. В. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ЗАЕМЩИКОВ 129

СЕКЦИЯ II.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Батанов А.А. ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТ. 272 УК РФ 134
Вастьянова О.Д. ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ «МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ» КАК ПОДОТРАСЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЬНОГО ПРАВА 137
Гаврилов Б. **Я**. ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО КАК ОДНА ИЗ ДОГМ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 142
Гапонова В.Н. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 148
Грибунов О. П., Столбова Н.А. ПРОБЛЕМЫ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 153
Загорьян С.Г. ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 157
Золочевская Л. С. ЗАДЕРЖАНИЕ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: НЕОБХОДИМАЯ МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИЛИ ЛЕГАЛИЗОВАННЫЙ ДОПРОС ПОД ПРИКРЫТИЕМ? 160

Казнова Е.А. НЕРАВЕНСТВО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ 165
Коротаева Ю.А. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ
ЗАЩИТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОЗНАВАТЕЛЯ
И НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ 168
Кошкина В. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ
ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ 170
Кузнецов Е. В. ЛИЧНЫЙ ОБЫСК ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ 175
Мандрыка Ю.С., Миронова А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 181
Михайлова Т.Н. ПОДОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА:
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ 186
Назарова М. Д. ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ
СТАТЬИ 167 УПК РФ 190
Назырова Н. А. ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 192
Николюк В.В. ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ УПК РОССИИ
XXI ВЕКА: СТРАТЕГИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ 196
Носова О.В. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ 199
Овчинников Ю.Г. , **Сверчкова А.В.** РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА
ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 205
Осодоева Н. В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ
С РАССМОТРЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ В ПОРЯДКЕ ДОСУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ .. 208
Петухова Ж. П. ПРАВА ПОТЕРПЕВШИХ: ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ
ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ СЛЕДСТВИЯ 211
Попова И. П., Чашечникова Д. О. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 214
Родивилина В.А. ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ 218
Семенов Е. А. ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 223
Смирнов В.А. К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ НАРУШЕНИЯ
АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ (СТ. 146 УК РФ) 227
Степанова Е. Е. РЕФЛЕКСИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
СУДЬЕЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 233
Тактоева В.В., Самарин М.И. К ВОПРОСУ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 237
Тимохина А. Л. ПОСТАНОВЛЕНИЕ КАК ВИД ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
РЕШЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 241
Якубук В.В.К ВОПРОСАМ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЫНЕСЕНИЯ
РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 243

СЕКЦИЯ III.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Грошев С.Н., Шелегов Ю.В., Кузнецова Д.А. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 250
Кешикова Н.В. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА УРОВНЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НОВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ 252
Колосов А. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 258
Красинская Е.С. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХДЕЛ 264
Полякова Т.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДНЕЙ ОТДЫХА СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 269
Солодовник Е.Д. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ) 272
Суслова Г.Н. УДОСТОВЕРЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ 275
Халудорова Н. Д. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 280
Шевчук Е.П. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ 284

СЕКЦИЯ IV.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА

Богатырёв А.Р., Ленский В.М. ВИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ 287
Вайсергисер Е.Ю. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПДН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ 291
Валиуллина Ч.Ф., Р.Р. Гасанова ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ 295
Власова Е. Л. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОВАЙДЕРОВ ХОСТИНГА: НОВЕЛЛЫ 2026 ГОДА 300
Дудченко Л. В., Зубкова В. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 307
Ковалев С.М. ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ РАЗНИЦА ЗАДЕРЖАНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ 312
Лю Бо ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ДЛЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛЕДОВО-СНЕЖНОГО КЛИМАТА ВЫСОКОГОРНЫХ И ХОЛОДНЫХ ГОРОДОВ — НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНА 316
Никитин К. И., Ямшанова П. А. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ 326

Никитин А. В. ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ШТРАФОВ 329
Прудников А. С. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СФЕРЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ 334
Серпионова А. И. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ ЗА ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 339
Сидорова М. В. КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МВД РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 343
Становая О. В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБОРОТА СПИСАННОГО (ОХОЛОЩЕННОГО) ОРУЖИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 348
Суворова А. Ю. НОВЫЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИКОВ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ В КОАП РФ С 1 МАРТА 2026 ГОДА 353
Сунь Мохань. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПОДКЛЮЧЕННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ 358
Цянь Фэн ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ 377

СЕКЦИЯ V.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 387
Ван Биньяо, Цзинь Цюйбо ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: ПУТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И МОДЕРНИЗАЦИИ МЕТОДОВ РАБОТЫ ПОЛИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА) 391
Власов П.Е. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДИПФЕЙКОВ 400
Ворожцов А. М. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ 404
Гайдай М. К., Кузнецов А.А. ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 409
Грибунов О. П. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 414
Дун Жуин КУЛЬТУРНОЕ ВНЕДРЕНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 418
Евдокимова М.Г. ШАГ ЗА ШАГОМ К ПАТРИОТИЗМУ: ОПЫТ ШЕФСКОЙ РАБОТЫ В ДЕТСКОМ ДОМЕ 427
Журавлев В.Е. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МВД: К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРАХ 431

Кивокурцева М. В., Тирских А.А. ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 434
Коновалова А. И. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ 437
Котиева М. М., Войтов А. В. ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОММУНИКАЦИИ С ОБЩЕСТВОМ 441
Корелин М. Н. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ СПОРТА И ПАТРИОТИЗМА В ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ 445
Михаэлис Д.В., Древс А.Д. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АМНИСТИЙ 1945, 1953 И 1955 ГГ. 447
Михаэлис Д.В., Браташ Е. С. КРАСНОДАРСКИЙ И ХАРЬКОВСКИЙ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА 451
Никитин Ю. П. ХАРАКТЕР ОТВЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ПРИ ИХ ЗАДЕРЖАНИИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ 454
Римский А. В., Сорокопуд М. С. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОВД В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 459
Сысоев А.А. ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СЫСКА НА СИБИРСКИХ ТЕРРТОРИЯХ В КОНЦЕ XIX СТОЛЕТИЯ 464
Покровский М.Д. АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ МЕДИАКОНТЕНТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ УСТАНОВОК УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 467
Тирских А.А., Кивокурцева М.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РФ В ДЕСТРУКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 472
Шестакова Л.С. РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОСНОВНЫХ ПРОГРАММАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 475
Шихаев А. Р., Войтов А. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 477
Черных В.В. МЕТОД ПЕРЛЮСТРАЦИИ 482
Цыдыпов С.В. ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МВД РОССИИ 486

СПИСОК АВТОРОВ 492

СЕКЦИЯ I.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.85

В. А. Авдеев, О. А. Авдеева

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Аннотация. В статье анализируются меры уголовно-правового противодействия преступности в контексте реализации правовой политики по обеспечению национальной безопасности в условиях современных угроз и вызовов. Рассмотрены стратегические направления национальной правотворческой и уголовно-правовой политики, требующие актуализации на современном этапе ввиду негативных последствий, обусловленных глобализационными процессами, повлекшими трансформацию отношений в политико-правовой, экономической и социальной сферах.

Ключевые слова: национальная безопасность, преступность, уголовный закон, противодействие преступности, профилактика преступности.

V. A. Avdeev., O. A. Avdeeva

CRIMINAL-LAW COUNTERACTION TO CRIME IN THE CONTEXT OF MODERN THREATS AND CHALLENGES

Annotation. The article analyzes the criminal law policy of the Russian Federation in the context of its implementation amid modern threats and challenges. Special attention is paid to new trends in state legal policy in the field of criminalization of acts and penalization, taking into account the changing world order of newly formed international relations in the context of ensuring the sovereignty and national security of the Russian Federation. Special attention is paid to the updating of scientific research in the field of national criminal law policy, determined both by the novellisation of criminal law norms prompted by the need for timely regulation of areas experiencing growth due to new threats and challenges at the level of socio-legal conflict, and by changes related to the transformation of international policy and international relations.

Keywords: international law, national legal system, state policy, criminal law policy, national security.

Модернизация институтов национальной системы права на современном этапе осуществляется в условиях признания России в качестве социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Согласно Стратегии национальной безопасности 2021 г., национальными приоритетами являются: развитие человеческого потенциала и сбережение народа России; обеспечение государственной, общественной, личной, экономической, экологической, информационной и иных видов безопасности. В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года в число ключевых направлений в области национальной безопасности отнесены: создание условий для устойчивого, поступательного и прогрессивного пространственного и регионального государственного развития; принятие мер по обеспечению безопасности экономической деятельности; развитие человеческого потенциала. Между тем сложившиеся политико-правовые реалии в условиях

меняющегося порядка в мироустройстве и трансформации международных отношений неизбежно отражаются на специфике транснациональной, национальной и региональной преступности. В этой связи необходимость сохранения суверенитета и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации обусловливают целесообразность дальнейшего совершенствования механизма реализации мер в области противодействия преступности.

В настоящее время уголовно-правовая политика разрабатывается и реализуется в условиях негативного воздействия как внутренних факторов, так и процессов, происходящих на межгосударственном и международном уровнях [1; 2]. Основной целью уголовно-правовой политики признается повышение эффективности механизма уголовно-правового воздействия на социально значимые охраняемые государством общественные отношения. В качестве приоритетной задачи уголовно-правовой политики обозначено формирование правовых основ обеспечения правомерного поведения граждан РФ с учетом сознательно-волевого восприятия ими общественной опасности совершаемых действий, основанного на соизмерении личных интересов с интересами общества и государства [3].

Одним из важнейших направлений в реализации стратегических задач современной уголовно-правовой политике является повышение качества уголовно-правового регулирования путем оптимизации правотворческой политики на основе научного прогнозирования состояния преступности, предусматривающего разработку «опережающего» законодатель на основе осмысления современных тенденций, связанных с динамикой и структурой преступности [4].

В этой связи научный и практико-ориентированный интерес представляет активизация исследований, направленных на изучение тенденций развития преступности. Если рассматривать показатели за последние десять лет, то, согласно данным официальной статистики МВД РФ, число преступлений, подлежащих регистрации, составило в: 2016 г. – 2160063; 2017 г. – 2058476; 2018 г. – 1991532; 2019 г. – 2024337; 2020 г. - 2044221; 2021 г. - 2004404; 2022 г. – 1966795; 2023 г. - 1947161; 2024 г. - 1911258; 2025 г. - 1771174. Наблюдаемая тенденция снижения в последние годы общей численности зарегистрированных преступлений, вместе с тем, сопряжена с ростом отдельных видов преступлений. Стоит обратить внимание на рост в 2025 г. показателей преступлений террористического характера (59,4%), экстремистской направленности (30,4%), коррупционной направленности (12,3%) и преступлений, связанных с организацией незаконной миграции (20,4%). Имеет место рост зарегистрированных случаев хулиганства (13,4%) и вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий (16,2%).

В течение первых трех месяцев 2026 г. по сравнению в аналогичным период прошлого года одновременно со снижением на 16,7% общей численности зарегистрированных преступлений можно отметить также неблагоприятную тенденцию роста отдельных видов преступлений, в частности, на 28,3% - преступлений экстремистской направленности, 1,5% и 11,7% - случаев получения и дачи взятки, 14,0% - случаев мелкого коммерческого подкупа, 0,5% - случаев вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или иных антиобщественных действий, 9,3% - организации незаконной миграции. Среди преступлений, следствие по которым является обязательным, наметилось увеличение абсолютных показателей на 3,2% - преступлений коррупционной направленности, 0,8% - случаев похищения человека, 15,8% - организации преступного сообщества и участия в нем, 0,8% - случаев хулиганства, 206,3% - подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков. Также по преступлениям, следствие по которым является обязательным, зафиксирован рост на 4,5% - преступлений, совершенных с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, 3,5% - против собственности. Внимания заслуживает увеличение показателей преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159^1, 159^6 УК РФ) на 18,6% и 19,4% соответственно. Особую тревогу вызывает рост показателей преступлений террористического характера и экстремистской направленности, регламентированных ст. 205^2 и ст. 280 УК РФ соответственно на 28,1% и 31,1%. Особую озабоченность вызывает увеличение на 1305,1% абсолютного показателя деяния, предусмотренного ст. 273 УК РФ. Увеличение показателя незаконного оборота наркотиков в особо крупном размере составило 1,5%. Рост зарегистрированных случаев совершения деяний, регламентированных ст. 228^2 УК РФ, достиг 150,0%. Среди преступлений экономической направленности имеет место рост на 3,1% преступлений коррупционной направленности. Увеличению подлежали на 3,5% и 33,3% подлежали показатели преступлений, предусмотренных в ст. 160 и ст. 171 УК РФ. На 11,3% преступлений наметился рост показателей преступлений, регламентированных в ст. 174 и ст. 174^1 УК РФ.

Дополнительного анализа в рамках исследуемой тематики заслуживают показатели рецидивной преступности (таблица 1).

Таблица 1

Соотношение показателей выявленных лиц, ранее совершавших преступления в 2016–2026 гг.

Годы	Удельный вес выявленных лиц, ранее совершавших преступления	Доля ранее судимых среди выявленных лиц, ранее совершавших преступления	Показатель совершивших преступления лиц, признанных опасным или особо опасным рецидивом, среди выявленных лиц, ранее совершавших преступления	Абсолютные показатели выявленных лиц, ранее совершавших преступления/ ранее судимых / лиц, совершивших преступления, признанных опасным или особо опасным рецидивом
1	2	3	4	5
2016	54,0%	49,8%	4,1%	548382 чел./ 272967 чел./ 22449 чел.
2017	56,0%	50,5%	4,0%	541541 чел./ 273379 чел./ 21505 чел.
2018	56,4%	51,6%	3,8%	525475 чел./ 270988 чел./ 19950 чел.
2019	57,0%	51,9%	3,9%	504416 чел./ 261941 чел./ 199564 чел.
2020	57,7%	51,9%	3,9%	492107 чел./ 255296 чел./ 19068 чел.
2021	58,2%	51,7%	3,8%	493813 чел./ 255502 чел./ 18681 чел.
2022	59,1%	52,1%	3,6%	483683 чел./ 252165 чел./ 17221 чел.
2023	58,56%	53,4%	3,7%	439504 чел./ 234490 чел./ 16221 чел.
1	2	3	4	5

2024	56,29%	51,3%	3,4%	375086 чел./ 192488 чел./ 12700 чел.
2025	53,2%	49,7%	3,0%	316424 чел./ 157143 чел./ 9593 чел.
январь-март 2026	50,1%	50,1%	3,0%	74989 чел./ 37568 чел./ 2232 чел.

Как следует из приведенных выше данных, устойчивая тенденция высокого уровня рецидива обусловливает необходимость осмысления как качества редакционных изменений и дополнений, вносимых в уголовный закон, так и качества реализации уголовного закона на правоприменительном уровне, обеспечивающего вынесение законного, обоснованного, мотивированного и справедливого судебного решения.

Определяя ведущие направления по актуализации мер по противодействию преступности, следует подчеркнуть, что совершенствование нормативного уголовно-правового регулирования должно сочетаться с оптимизацией практико-ориентированных методов и средств, обеспечивающих своевременное выявление и пресечение преступных посягательств со стороны органов и учреждений правоприменительной системы. В частности, реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года должна быть направлена на дальнейшую интенсификацию карательно-исправительного процесса, содействующего снижению уровня рецидивной преступности. Оптимизации мер постпенитенциарного противодействия преступности призвана содействовать эффективная реализация норм Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Вместе с тем на современном этапе развития российской государственности наряду с адекватизацией правотворческой политики по новеллизации норм уголовного закона и повышением качества правоприменительной деятельности существенное значение имеет согласованная деятельность государственных органов, учреждений и общественных организаций по профилактике и предупреждению преступности, правовому воспитанию граждан, развитию правовой культуры и преодолению правового нигилизма.

Необходимо отметить значение направленной на обеспечение общественного порядка и противодействие преступности Государственной программы Российской Федерации, в действующей редакции которой с учетом изменений, внесенных на 28 ноября 2025 г., говориться о том, что целями обеспечения безопасности являются защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств.

К числу основных направлений по противодействию современным угрозам и вызовам стоит отнести: снижение уровня криминальных проявлений в обществе; обеспечение законности и прозрачности деятельности организаций и учреждений разных форм собственности; повышение эффективности мер по выявлению и пресечению приготовления и осуществления криминальной деятельности; формирование и реализацию единой информационно-образовательной политики в целях профилактики правонарушений; комплексное воздействие на причины и условия преступности, девиантное и делинквентное поведение представителей различных

категорий населения; профилактику правонарушающего и преступного поведения.

Существенную роль в противодействии преступности играют меры в области криминологической профилактики, к числу которых следует отнести: улучшение уровня жизни; оказание помощи жертвам преступлений; охрану здоровья населения и общественной нравственности; устранение источников криминогенного воздействия в семейно-бытовой, досуговой, производственной сферах; помощь в социальной адаптации и ресоциализации ранее судимым лицам, а также лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Актуализации заслуживают меры по своевременному принятию уполномоченными органами эффективных управленческих и процессуальных решений, связанных с обращениями граждан по уголовным делам.

Стоит подчеркнуть целесообразность повышения качества научного обеспечения мер, используемых в борьбе с преступностью. Широкий спектр задач, поставленных в условиях новых угроз и вызовов, определяет необходимость исследования вопросов в области психологии преступного поведения и развития современной системы профайлинга. Значимой представляется разработка новых способов противодействия криминальным угрозам с учетом использования информационно-телекоммуникационных возможностей и внедрения инновационных технологий в деятельность органов правоохранительной системы.

В заключение стоит сказать, что приоритетной задачей уголовно-правовой политики на современном этапе следует считать разработку научно-обоснованной правотворческой политики, обеспечивающей создание опережающей модели уголовно-правового регулирования, ориентированной на превентивное воздействие на современные угрозы вызовы и адекватизацию мер уголовно-правового воздействия. Комплексный подход к противодействию преступности предусматривает организацию научного прогнозирования и планирования, обеспечивающих сочетание и согласованность в реализации уголовно-правовых, аналитических, организационно-практических, информационных и иных мер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Суверенитет государства и правовые меры обеспечения мира и безопасности в национальном праве (ретроспективный анализ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2025. - № 1 (112). - С. 9-25.

2. Крайнова Н.А. О тенденциях современной уголовной политики в сфере противодействия преступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 34-38.

3. Пудовочкин Ю.Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1. С. 110–125.

4. Уголовно-правовые меры противодействия преступности и проблемы их применения органами внутренних дел: учебное пособие / В. Н. Нестеров, Н. Ю. Приходько, Н. В. Черненко. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 112 с.

5. Яковенко П.А. Концептуальные ориентиры уголовной политики современной России / П.А. Яковенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 40–47.

УДК 343.85

А. П. Алексеева

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПОРТИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье обосновывается актуальность междисциплинарного подхода к изучению спортивной преступности, которая в условиях коммерциализации и политизации спорта приобретает комплексный криминогенный характер. Отмечается, что традиционные характеристики (оперативно-розыскная, уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая) существуют изолированно, что приводит к фрагментации знаний и снижению эффективности правоприменения. В качестве интегрирующей основы вводится понятие «характеристика спортивного преступления», объединяющее элементы существующих характеристик для решения задач, недоступных традиционному подходу.

Ключевые слова: спортивная преступность, характеристика спортивного преступления, междисциплинарный подход, обобщенная модель познания, противодействие преступности в сфере спорта.

A. P. Alekseeva

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO STUDYING THE CHARACTERISTICS OF SPORTS CRIMES

The article substantiates the relevance of an interdisciplinary approach to the study of sports crime, which, in the context of the commercialization and politicization of sports, acquires a complex criminogenic character. It is noted that the traditional characteristics (operational-investigative, criminal-legal, criminalistic, criminological) exist in isolation, which leads to fragmentation of knowledge and a decrease in the effectiveness of law enforcement. The concept of "characteristics of a sports crime" is introduced as an integrating basis, combining elements of existing characteristics to solve problems inaccessible to the traditional approach.

Keywords: sports crime, characteristics of sports crime, interdisciplinary approach, generalized model of cognition, combating crime in the field of sports.

Актуальность изучения преступлений в сфере спорта именно в комплексе четырех характеристик (оперативно-розыскной, уголовно-правовой, криминалистической и криминологической) продиктована самой природой этого социального феномена. Спортивная преступность сегодня превратилась в социальное негативное явление, охватывающее все уровни - от массового спорта до спорта высших достижений. Ее ключевой особенностью выступает высокая латентность [1, с. 24]. Значительная часть коррупционных сделок, допинговых нарушений и случаев запрещенного насилия остается незамеченной, а участники (спортсмены, клубы, федерации) нередко утаивают факты посягательств во избежание репутационных потерь и санкций со стороны спортивных организаций. Традиционные методы противодействия спортивной преступности, применяемые разрозненно, не дают ожидаемых результатов. Фрагментарное применение знаний отдельных отраслей науки приводит к существенным пробелам в понимании специфики спортивных угроз, что способствует безнаказанности преступников [2, с. 83]. Специфика спортивной среды, характеризующаяся наличием сложной системы специальных правил, корпоративной замкнутостью и высокой ролью репутационных рисков, требует

выработки принципиально иной методологии исследования. В связи с этим возрастает актуальность системного, междисциплинарного научного осмысления проблемы, объединяющей комплекс теоретических и методологических подходов для формирования адекватной характеристики спортивной преступности и преступлений, совершаемых в этой сфере.

В доктринальных исследованиях характеристики спортивных преступлений часто описываются относительно обособленно, поскольку ученые специализируются на какой-то одной области теоретического познания, будь то криминология, уголовное право, оперативно-розыскная деятельность или криминалистика. Однако все науки уголовно-правового цикла фактически фокусируются на едином объекте - преступлении, совершаемом в сфере спорта, которое каждая наука изучает со своей стороны, с помощью своей методики, отвечая на вопросы, присущие именно этой науке.

Так, с помощью оперативно-розыскной деятельности удается выявить и раскрыть латентные посягательства (например, факты подкупа спортсменов или организацию договорных матчей), установить лиц, причастных к их совершению [3, с. 85]. Уголовное право позволяет квалифицировать деяние, определяя, есть ли в нем состав преступления, предусмотренный, например, статьей 184 УК РФ («Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования») или статьей 230.1 УК РФ («Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте») [4, с. 13]. Криминалистика дает возможность зафиксировать следы преступления, которые могут иметь как материальный (например, допинговые препараты), так и идеальный (показания свидетелей) характер, выбрать наиболее удачные тактические приемы проведения следственных действий, избрав подходящую методику расследования [5, с. 76]. Криминология, являясь наукой, изучающей преступность как социальное негативное явление, основывает свои выводы на массовости исследуемых фактов, определяя общее развитие ситуации, тенденции и закономерности в поведении преступников из сферы спорта, отвечая на вопрос: почему спортсмены, тренеры и другие субъекты совершают преступления и как это можно предотвратить в будущем [6, с. 49]. Уголовный процесс, в свою очередь, описывает специфику применения норм уголовно-процессуального права к расследованию и судебному рассмотрению дел о спортивных преступлениях, отвечая на вопрос: какие процессуальные особенности возникают при доказывании, избрании мер пресечения, проведении следственных действий [7, с. 45].

Таким образом, междисциплинарный подход позволяет не просто суммировать разрозненные знания, а сформировать целостное представление о спортивном преступлении и преступности в сфере спорта, что обеспечивает выявление закономерностей, тенденций и специфики конкретных видов деяний, а в итоге определяет наиболее эффективные направления противодействия им [8, с. 92].

Одним из ключевых результатов междисциплинарного подхода является разработка классификаций, обеспечивающих унификацию понятийного аппарата. Научные исследования предлагают классификацию видов преступности в сфере спорта: преступность спортсменов, связанная с их непосредственной спортивной деятельностью; преступность спортсменов, не связанная с их непосредственной спортивной деятельностью; преступность иных лиц, связанная со спортивной деятельностью спортсменов [6, с. 17]. Такая систематизация позволяет упорядочить знания и создает основу для четкого понимания сути спортивных преступлений.

Исключительная сложность выявления, раскрытия и расследования спортивных преступлений усугубляется спецификой доказательственной базы. Ее процессуальное закрепление требует неразрывной цепочки: от обнаружения деяния оперативно-розыскным путем и фиксации данных криминалистическими средствами до признания их вещественными доказательствами в уголовном процессе [9, с. 271]. Отсутствие синтеза этих этапов ведет к утрате доказательств. Кроме того, спортивные преступления обладают дуалистической природой: деяние, начавшееся как нарушение спортивных правил (например, применение запрещенного приема), может перерасти в преступление (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) [10, с. 23]. Спортсмен может использовать свои навыки как для достижения победы, так и для причинения вреда сопернику; тренер может использовать свои полномочия как для воспитания спортсмена, так и для склонения его к допингу. Между правомерным и противоправным поведением возникает фундаментальный разрыв, который, однако, не является непреодолимым [11, с. 45].

Стоит обратить внимание на то, что традиционные характеристики спортивных преступлений (оперативно-розыскная, уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая) имеют между собой много общего. Несмотря на то, что каждая из этих характеристик выполняет свою уникальную функцию в системе междисциплинарного подхода, все они имеют схожие черты, которые позволяют говорить о них как о взаимосвязанных элементах единой научной и практической парадигмы. Сходство характеристик заключается в том, что они представляют собой разные уровни (срезы) единого междисциплинарного знания о спортивном преступлении. Они объединены общим феноменом спортивной преступности, общей целью (противодействие преступности в сфере спорта), общим понятийным аппаратом и необходимостью постоянно адаптироваться к изменениям в спортивной среде.

Между тем, существуют определенные различия между оперативно-розыскной, уголовно-правовой, криминалистической и криминологической характеристиками спортивного преступления, которые заключаются в их целевом назначении, предмете исследования и методах познания. Они вытекают из специфических задач, которые каждая из этих наук решает в общей системе противодействия криминальным угрозам в спорте.

Так, оперативно-розыскная характеристика отвечает на вопрос: «Где и как искать преступление и преступника?». Ее цель - создание информационно-поисковой модели для выявления лиц, причастных к преступлению в сфере спорта, и установления обстоятельств в условиях неочевидности, часто с использованием негласных методов [12, с. 104].

Уголовно-правовая характеристика отвечает на вопрос: «Является ли совершенное деяние преступлением?». Ее цель - юридическая квалификация деяния, то есть точное определение того, какой статьей Уголовного кодекса Российской Федерации запрещено данное посягательство (например, подкуп, контрабанда допинга, причинение вреда здоровью) и каковы его формальные признаки (состав преступления) [13, с. 23].

Криминалистическая характеристика отвечает на вопрос: «Как расследовать и доказывать?». Ее цель - методическое обеспечение процесса расследования и доказывания, то есть определение того, какие следы оставляет спортивное преступление (например, в медицинской документации, в финансовых отчетах клуба) и как их правильно собрать, зафиксировать и исследовать для суда [14, с. 46].

Криминологическая характеристика отвечает на вопрос: «Почему это происходит в спорте и как этому противодействовать?». Ее цель - изучение спортивной преступности как социального явления (ее причин и условий, тенденций и закономерностей, преступников - спортсменов, тренеров, функционеров, и жертв) и разработка мер предупреждения [15, с. 37].

Кроме того, эти характеристики различны по предмету и объекту исследования. Оперативно-розыскная характеристика фокусируется на поведении преступника в сфере спорта в реальном времени и его связях. Предмет - оперативно значимые признаки: способы маскировки (например, сговор через посредников), контакты в спортивной среде, места концентрации информации [16, с. 55]. Уголовно-правовая характеристика фокусируется на юридической конструкции уже совершенного деяния. Предмет - элементы состава преступления (объект - общественные отношения в сфере спорта, объективная сторона - нарушение правил, субъект - специальный субъект, субъективная сторона - прямой умысел) [17, с. 45]. Криминалистическая характеристика фокусируется на механизме следообразования. Предмет - криминалистически значимые признаки: типичные следы (финансовые документы, медицинские карты), обстановка совершения (спортивное сооружение), личность преступника как носителя идентифицирующих признаков (спортивный «почерк», стиль работы) [18, с. 93]. Криминологическая характеристика фокусируется на социальном портрете явления. Предмет - состояние и динамика спортивной преступности, личность преступника (социальный, а не идентификационный портрет), личность жертвы (виктимологический портрет), причины и условия (детерминанты), возможности предупреждения [19, с. 12].

В сфере спорта традиционные границы между отраслями уголовно-правовых наук несколько размываются, поскольку спортивные преступления приобретают комплексный, распределенный характер, объединяя различные по своей природе деяния единой социальной средой. Для адекватного описания этой гибридной реальности предлагается ввести и закрепить доктринально, а в дальнейшем - и законодательно - новое понятие - «характеристика спортивного преступления», которая выступает не как дополнительный элемент, а как основа, объединяющая данные существующих характеристик для решения задач, труднодоступных традиционному подходу [20, с. 23]. Характеристика спортивного преступления описывает сам технологический процесс совершения преступления в рамках спортивной деятельности еще до его окончательной квалификации: в каком виде спорта совершено деяние, какие правила нарушены, какой статус имеет субъект (спортсмен, тренер, судья, функционер), какие ресурсы задействованы (спонсорские средства, бюджетные деньги, допинговые препараты) [21, с. 9]. Это позволяет лицам, осуществляющим предварительное расследование, понять суть нового вида преступления еще до того, как оно будет квалифицировано по конкретной статье УК РФ.

Закрепление характеристики спортивного преступления как самостоятельной научной и прикладной категории необходимо, поскольку она выполняет функцию, не охватываемую изолированно ни одной из существующих в уголовно-правовых науках характеристик. Характеристика спортивного преступления изучает специфику деяния, совершенного в рамках спортивных отношений: мотивацию (победа любой ценой), механизм (использование спортивных правил и инфраструктуры), объект (общественные отношения, складывающиеся в сфере спорта) и способы идентификации преступника в спортивной среде. Она становится тем общим понятийным аппаратом и общей методологической базой, которая позволяет данным

из оперативно-розыскной деятельности, уголовного права, криминалистики и криминологии не просто суммироваться, а интегрироваться в единую, непротиворечивую картину расследования уже совершенных преступлений и предупреждения спортивной преступности в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сердобинцев, К. С. Методологические основы и проблемы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел / К. С. Сердобинцев, В. В. Шарун, С. В. Попов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1(63). – С. 23-27.

2. Случевская, Ю. А. Законность и правовой контроль как важное средство ее обеспечения в деятельности органов внутренних дел / Ю. А. Случевская // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2008. – № 2-1(16). – С. 83-87.

3. Попов, С. В. О некоторых проблемных вопросах выявления и раскрытия преступлений экстремистской направленности подразделениями уголовного розыска территориальных органов внутренних дел на районном уровне / С. В. Попов, С. С. Курнавин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3(57). – С. 83-86.

4. Пахомова, О. Н. Современные аспекты понятия и сущности должностных преступлений / О. Н. Пахомова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3(69). – С. 12-15.

5. Алексеева, А. П. Преступления в сфере спорта: криминалистическое исследование: монография / А. П. Алексеева. – Волгоград : Перескоп-Волга, 2018. – 312 с.

6. Алексеева, А. П. Спортивная криминология: монография / А. П. Алексеева. – Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – 404 с.

7. Поляков, А. В. О рассекречивании постановления суда, содержащего сведения, составляющие государственную тайну в сфере оперативно-разыскной деятельности / А. В. Поляков, Д. А. Петросян, С. В. Попов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2(72). – С. 45-48.

8. Алексеева, А. П. Преступность в сфере профессионального спорта / А. П. Алексеева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2(150). – С. 92-95.

9. Алексеева, А. П. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года": достоинства и недостатки / А. П. Алексеева // Общество и право. – 2012. – № 3(40). – С. 271-273.

10. Пахомова, О. Н. Административная преюдиция в современном уголовном законодательстве России / О. Н. Пахомова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1(75). – С. 23-30.

11. Алексеева, А. П. Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование: монография / А. П. Алексеева. – Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 129 с.

12. Попов, С. В. Понятие и сущность содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность / С. В. Попов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3(81). – С. 104-110.

13. Козлова, Е. Л. Уголовно-правовые ожидания виновного в контексте применения института освобождения от уголовной ответственности / Е. Л. Козлова,

Е. Д. Баринова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1(79). – С. 23-29.

14. Куркова, Н. А. Личность женщины как элемент криминалистической характеристики преступлений / Н. А. Куркова, Е. Л. Козлова, О. А. Макарова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2(64). – С. 46-49.

15. Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 37-44.

16. Горковенко И.А. Цифровая трансформация оперативно-разыскного противодействия органов внутренних дел преступности несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 55-63.

17. Козлова, Е. Л. Нецелевое расходование бюджетных средств: исследование состава преступления в контексте совершенствования их уголовно-правовой охраны / Е. Л. Козлова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 4(82). – С. 45-51.

18. Пахомова, О. Н. Дополнительные доказательства того, что приготовление к преступлению стадией преступления не является / О. Н. Пахомова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2(44). – С. 93-94.

19. Алексеева, А. П. Виды преступности, обеспечивающие совершение других преступлений, и возможности их предупреждения / А. П. Алексеева, О. И. Белокобыльская // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2(76). – С. 9-15.

20. Алексеева, А. П. Модернизация законодательства в сфере физической культуры и спорта: целесообразность и обоснованность / А. П. Алексеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8-1(22). – С. 23-26.

21. Амельчаков, И. Ф. Метод убеждения в работе полиции: междисциплинарный аспект / И. Ф. Амельчаков, Т. В. Анисимова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – №3(81). – С. 9-17.

УДК 343.352

А.Б. Ахмадиев

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВЫМ ПИРАМИДАМ

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые и криминологические особенности финансовых пирамид как одной из наиболее опасных форм экономической преступности. Анализируются характерные признаки пирамидальных схем, проблемы квалификации соответствующих деяний, а также современные подходы к их предупреждению. Обосновывается необходимость комплексного противодействия финансовым пирамидам с учетом правоприменительной практики и цифровой трансформации финансового рынка.

Ключевые слова: финансовая пирамида, мошенничество, экономическая преступность, уголовная ответственность, криминологическая профилактика.

A.B. Akhmadiev

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERING FINANCIAL PYRAMID SCHEMES

Abstract. The article examines criminal law and criminological features of financial pyramid schemes as one of the most dangerous forms of economic crime. The author analyzes the typical characteristics of pyramid schemes, problems of legal qualification, as well as modern approaches to their prevention. The necessity of comprehensive counteraction to financial pyramids in the context of digital transformation of financial markets is substantiated.

Keywords: financial pyramid, fraud, economic crime, criminal liability, criminological prevention.

Финансовые пирамиды на протяжении последних десятилетий сохраняют устойчивую криминогенную актуальность, поскольку обладают высокой адаптивностью к социально-экономическим и технологическим изменениям и быстро «встраиваются» в новые условия рынка и поведения потребителей. При внешней трансформации форм и способов привлечения денежных средств их сущностная основа остается неизменной и заключается в перераспределении средств между участниками при отсутствии либо имитации реальной инвестиционной деятельности, когда выплаты ранним вкладчикам обеспечиваются преимущественно за счёт поступлений от новых участников, а не за счёт создания экономической стоимости [1]. Такая модель воспроизводит иллюзию доходности и «успешности» проекта, формируя у граждан искажённое восприятие рисков и легитимности деятельности организаторов, что повышает вовлекаемость и затрудняет раннее распознавание мошеннической природы схемы. Цифровизация экономики, повсеместное распространение безналичных платежей, развитие социальных сетей и онлайн-платформ существенно расширили возможности для масштабирования подобных преступных практик: упростились коммуникация и таргетированное воздействие на потенциальных вкладчиков, ускорились сбор средств и их последующее «рассредоточение» по множеству транзакций, а также повысилась мобильность организаторов за счёт дистанционных каналов привлечения и обслуживания участников. В результате пирамидальные схемы получают дополнительные инструменты маскировки под легальные инвестиционные продукты (в том числе через псевдоконсалтинг, «обучение», цифровые сервисы), а их распространение приобретает сетевой характер, опираясь на механизмы вирусного продвижения, реферальные программы и социальное доверие, что в совокупности усиливает общественную опасность и осложняет выявление и пресечение на ранних стадиях.

С уголовно-правовой точки зрения финансовые пирамиды в Республике Казахстан получили самостоятельное закрепление в статье 217 Уголовного кодекса. Введение специального состава преступления позволило дифференцировать ответственность и устранить неопределенность, характерную для квалификации таких деяний исключительно как мошенничества [2]. Вместе с тем правоприменительная практика демонстрирует наличие сложностей при разграничении пирамидальных схем и легальной инвестиционной деятельности, что требует учета совокупности объективных и субъективных признаков: анализу подлежат способ привлечения денежных средств (обещание гарантированного либо несоразмерно высокого дохода при минимизации либо сокрытии рисков), фактический источник выплат (преимущественное формирование «дохода» за счет взносов новых участников, а не реальной предпринимательской/инвестиционной деятельности), отсутствие экономически обоснованного продукта или услуги либо их номинальный характер, а

также организационная модель вовлечения, ориентированная на постоянный приток новых вкладчиков. Одновременно существенное значение имеет установление направленности умысла и осведомленности организаторов о невозможности исполнения заявленных обязательств: для квалификации по ст. 217 УК важно подтвердить, что лицо создает либо руководит схемой, заранее предполагая ее неизбежный крах и причинение имущественного вреда вовлеченным лицам, при этом позиционируя деятельность как «инвестиции» или «бизнес-проект» для придания видимости законности. В этой связи разграничение требует не формального сопоставления названий договоров или маркетинговых терминов, а комплексной оценки доказательств (финансовых потоков, рекламных материалов, условий участия, реальности активов и операций), позволяющей выявить ключевой криминогенный признак — перераспределение средств между участниками при отсутствии самостоятельного источника прибыли, что и отличает пирамидальную модель от добросовестной инвестиционной деятельности.

Криминологический анализ показывает, что распространение финансовых пирамид обусловлено комплексом факторов, включая низкий уровень финансовой грамотности населения, социальное доверие к лидерам общественного мнения, а также недостаточную информированность граждан о рисках псевдоинвестиций [3]. Логически продолжая уголовно-правовой акцент на необходимости выявления объективных и субъективных признаков пирамидальной модели, следует отметить, что именно указанные детерминанты формируют «благоприятную среду» для маскировки противоправных схем под легальную инвестиционную активность: потенциальные вкладчики часто воспринимают обещания «гарантированной доходности» как допустимую рыночную практику, не соотнося их с реальными механизмами формирования прибыли и уровнем риска. Существенное значение имеет эффект социального доказательства — демонстрация «успешных кейсов», публичных выплат и атрибутов благополучия, создающих у граждан иллюзию надежности и подменяющих рациональную оценку финансовой модели эмоциональными и статусными триггерами; при этом доверие к лидерам общественного мнения, блогерам и медийным персонам усиливает вовлечение, поскольку рекомендации воспринимаются как форма гарантии, хотя фактически могут выступать инструментом легитимации схемы и расширения круга потерпевших. Особую роль играет агрессивная реклама и манипулятивные маркетинговые технологии, активно используемые в цифровой среде: таргетированное продвижение в социальных сетях и мессенджерах, эксплуатация «страха упустить выгоду» (FOMO), создание закрытых сообществ с элементами психологического давления, искусственное формирование дефицита («только сегодня», «ограниченное предложение»), подмена понятий через псевдопрофессиональную лексику («инвестпортфель», «алгоритмическая торговля», «стейкинг», «венчурный пул») и визуальные доказательства «легальности» (оформленные сайты, поддельные лицензии, отзывы, рейтинги). Дополнительным криминогенным фактором выступает фрагментарность риск-коммуникации: граждане нередко не имеют доступа к понятным разъяснениям о признаках пирамиды и алгоритмах проверки проектов, а в условиях информационного шума критическое восприятие подменяется доверчивостью к яркой цифровой упаковке и обещаниям быстрого дохода. В совокупности эти обстоятельства не только повышают виктимность населения, но и усложняют выявление преступной направленности на ранних этапах, поскольку организаторы целенаправленно выстраивают коммуникацию так, чтобы нивелировать настороженность, сформировать ложное представление о законности и затруднить последующую доказательственную оценку реальных источников выплат и роли каждого участника схемы.

В научной литературе подчеркивается, что эффективное противодействие финансовым пирамидам невозможно без сочетания уголовно-правовых и профилактических мер, поскольку уголовная репрессия, будучи необходимой реакцией государства на причинение имущественного вреда, по своей природе во многом носит последующий характер и не устраняет детерминанты, обеспечивающие воспроизводство пирамидальных практик. В логическом продолжении предыдущих выводов о сложностях разграничения пирамид и легальной инвестиционной деятельности, а также о роли цифровой рекламы и виктимологических факторов, особое значение приобретает выстраивание многоуровневой системы предупреждения, ориентированной на пресечение схем на ранних стадиях и минимизацию вовлечения граждан. Так, зарубежные исследователи отмечают необходимость раннего выявления признаков пирамидальных схем и внедрения механизмов превентивного контроля со стороны финансовых регуляторов [4]: речь идет о риск-ориентированном надзоре за субъектами, привлекающими средства населения, оперативном мониторинге публичных обещаний «гарантированной доходности», проверке источников выплат и деловой модели, а также о правовых инструментах, позволяющих ограничивать распространение недостоверной инвестиционной рекламы и приостанавливать деятельность проектов до выяснения их фактической экономической состоятельности. Одновременно подчеркивается важность межведомственного взаимодействия (финансовый регулятор, правоохранительные органы, органы защиты прав потребителей, налоговые и коммуникационные регуляторы), поскольку цифровая среда ускоряет масштабирование пирамид, а фрагментарность реагирования создает «окна возможностей» для организаторов. Значимым элементом профилактики выступают образовательные и информационные программы, направленные на формирование устойчивых навыков финансовой гигиены: разъяснение базовых принципов инвестиционного риска, обучение проверке юридического статуса и разрешительных документов, развитие критического мышления в отношении навязчивого маркетинга, а также информирование о типичных «красных флагах» (обещание фиксированного сверхдохода, давление на срочность решения, закрытость информации о продукте и источниках прибыли, выплаты преимущественно за привлечение новых участников). Эффективность таких программ повышается при адресности – ориентировании на группы повышенного риска (молодежь, пожилые, лица с низкой финансовой компетентностью), использовании понятных цифровых форматов (короткие памятки, интерактивные курсы, чат-боты, кейсы), а также при опоре на доверенные каналы коммуникации, чтобы профилактическое сообщение конкурировало с агрессивной рекламой псевдоинвестиций и снижало виктимогенный потенциал информационной среды.

Отдельного внимания заслуживает международный опыт противодействия финансовым пирамидам, поскольку в цифровой среде такие схемы быстро масштабируются, переносят инфраструктуру между юрисдикциями и маскируются под «инвестиционные сервисы». В докладах международных организаций подчеркивается, что ключевыми условиями эффективности являются межгосударственное сотрудничество, оперативный обмен аналитической информацией и применение цифровых инструментов для отслеживания и пресечения подозрительных финансовых потоков (включая своевременную заморозку активов и установление бенефициаров). В практическом плане это означает переход к согласованным «ранним сигналам» риска, совместимым каналам обмена данными и скоординированным действиям регуляторов и правоохранительных органов, чтобы разрывать финансовые цепочки до того, как ущерб приобретет массовый характер. В условиях трансграничности подобных

преступлений такие меры приобретают особую актуальность, поскольку позволяют сокращать время реакции и повышать вероятность возврата похищенных средств [5].

Современные исследования также указывают на необходимость совершенствования законодательства с учетом цифровых форм пирамид, включая криптовалютные и инвестиционные онлайн-проекты, поскольку цифровая инфраструктура существенно снижает порог входа для организаторов, ускоряет масштабирование вовлечения и усложняет выявление реальных источников доходности. Логическим продолжением ранее отмеченных проблем разграничения пирамидальных схем и легальной инвестиционной деятельности становится вывод о том, что «внешняя легитимность» (сайты, токены, личные кабинеты, «white paper», псевдолицензии, маркетинговые воронки) в цифровой среде все чаще подменяет реальную экономическую сущность проекта, а значит, оценка должна опираться на проверяемые признаки финансовой модели и движения средств. В этой связи обоснованной представляется позиция о расширении криминологического мониторинга: системном анализе цифровых каналов продвижения (социальные сети, мессенджеры, таргет-реклама), динамики вовлечения, типовых «легенд» и сценариев виктимизации, а также о внедрении риск-индикаторов раннего выявления (обещание фиксированного сверхдохода, выплаты за привлечение, закрытость данных о реальных активах и источнике прибыли). Одновременно требуется уточнение понятийного аппарата уголовного закона, чтобы минимизировать правоприменительную неопределенность при квалификации новых форм псевдоинвестиций: важно устранить терминологические «лазейки», которыми пользуются организаторы, прикрывая пирамидальную модель понятиями «инвестплатформа», «криптопул», «стейкинг», «токенизированный продукт» и т.п. Отдельного внимания заслуживает закрепление более четких критериев, позволяющих отграничивать высокорисковые, но легальные инвестиционные продукты от пирамидальных схем именно по источнику выплат и структуре стимулирования участников, а также усиление связки уголовно-правовых норм с профилактическими механизмами цифрового надзора и информирования населения. Указанные подходы отражены, в частности, в исследовании «STUDY OF THE MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF CRIMES RELATED TO PYRAMID SCHEMES AND METHODS OF THEIR PREVENTION» [6].

Таким образом, финансовые пирамиды представляют собой сложное социально-правовое явление, в котором криминогенная экономическая модель тесно переплетается с информационно-психологическими технологиями вовлечения, а потому требует системного уголовно-правового и криминологического анализа. С уголовно-правовых позиций приоритетным является обеспечение единообразия квалификации и доказывания: выявление устойчивых объективных признаков пирамидальной схемы (реальный источник выплат, отсутствие самостоятельной экономической базы, стимулирование за привлечение новых участников), а также установление субъективной стороны - направленности умысла организаторов на извлечение выгоды при заведомой невозможности исполнения обещаний. Криминологический подход дополняет это понимание анализом причин и условий распространения пирамид, прежде всего виктимогенных факторов (низкая финансовая грамотность, доверие к «авторитетам», эффект социального доказательства) и роли цифровой среды, которая ускоряет масштабирование, расширяет охват аудитории и усложняет раннее выявление схем.

Комплексное противодействие, включающее правовое регулирование, правоприменительную практику и профилактические меры, способно повысить эффективность защиты граждан и устойчивость финансовой системы. В правовом измерении это предполагает дальнейшее уточнение понятийного аппарата и критериев разграничения пирамидальных схем и легальной инвестиционной деятельности,

особенно применительно к онлайн-проектам и криптоориентированным моделям, чтобы минимизировать правовую неопределенность и исключить манипуляции «инвестиционной» терминологией. На уровне правоприменения важны методические подходы к финансово-аналитическому сопровождению расследований (проверка движения средств, источников доходности, связей организаторов), а также развитие межведомственного взаимодействия и цифровой аналитики для раннего обнаружения массового вовлечения граждан. Профилактический блок должен включать адресные информационно-образовательные программы и оперативные публичные предупреждения о типичных признаках псевдоинвестиций, что снижает виктимность населения и «подрезает» ресурсную базу пирамид. В совокупности именно согласованность этих элементов - от точности уголовно-правового запрета и качества доказательственной практики до превентивной работы с рисками в цифровой среде – формирует устойчивую модель противодействия финансовым пирамидам и обеспечивает реальную защиту имущественных интересов граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадиев А.Б. Уголовно-правовые аспекты противодействия экономическим преступлениям // Вестник юридической науки. – 2022.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V.

3. Верховный Суд Республики Казахстан. Обобщение судебной практики по делам о мошенничестве.

4. Levi M. Fraud and financial crime in global perspective. – London, 2019// https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/122613/.

5.Corruption and Economic Crime Branch // https://www.unodc.org/corruption/en/index.html.

6. Lee Y.V. Legal issues of combating financial pyramids in the digital economy // International Electronic Legal Education. 2023. DOI: https://doi.org/10.22598/iele.2023.10.2.12.

УДК 343.3/.7

Е.Н. Бархатова, О.В. Ивушкина

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СПОРТЕ

В настоящей статье рассмотрены виды экстремистских проявлений в спорте, мотивы и цели, по которым совершаются преступления экстремистского характера в спортивной среде, а также вопросы квалификации таких деяний.

Ключевые слова: экстремизм, спорт, преступления, спортивный экстремизм.

E.N. Barkhatova, O.V. Ivushkina

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF EXTREMIST ACTIONS IN SPORTS

This article examines the types of extremist acts in sports, the motives and goals for which extremist crimes are committed in the sports environment, and the classification of such acts.

Keywords: extremism, sports, crimes, sports extremism.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации обращено особое внимание на проблему распространения экстремистских настроений в спортивной среде, в том числе в спортивных школах и клубах единоборств, а также проникновение приверженцев экстремистской идеологии в тренерско-

преподавательский состав. Одним из направлений деятельности в рамках данной стратегии названо усиление контроля за деятельностью спортивных школ и клубов спортивных единоборств, осуществление учета обучающихся (занимающихся) в этих школах и клубах, проведение официальных физкультурных мероприятий среди молодежи[1].

В литературе сформировалось понятие «спортивный экстремизм». С.А. Ишенко указывает, что под спортивным экстремизмом следует понимать совокупность деяний, подпадающих под признаки административно-наказуемых правонарушений, выраженных в пропаганде и публичном демонстрировании на спортивных аренах, во время проведения спортивных мероприятий нацистской или сходной с ней атрибутики и символики, расизмом, хулиганством, открытых призывах к национальной розни, использовании ненормативной лексики, оскорбительных жестах и действиях, совершаемых с экстремистскими побуждениями [1, с. 47-48].

Н.Л. Потапова называет спортивный экстремизм одним из проявлений радикального поведения, трансформирующимся в политический и националистический экстремизм, подрывающий стабильность и наносящий урон безопасности мирового сообщества [2, с. 287].

Среди преступлений экстремистской направленности, распространенных в сфере спорта, следует выделить публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Кроме того к преступлениям экстремистской направленности следует относить все преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Из данной группы преступлений для сферы спорта характерны такие преступления как побои (ст. 116 УК РФ), хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ).

Экстремистский мотив преступлений в сфере спорта проявляется в ненависти к конкретной социальной группе – команде-сопернику и ее болельщикам. Например, во время проведения матча «Спартак» – «Локомотив», фанаты «Спартака» скандировали в адрес вратаря «Локомотива» Гильерме Маринато кричалку расистского содержания. Футбольному клубу «Спартак» был назначен штраф в размере 300 тысяч рублей, а трибуна фанатов закрыта на ближайший домашний матч чемпионата [3, с. 277].

В иных случаях зрители на соревнованиях путем совершения определенных действий (выкрикивания экстремистских лозунгов, нанесением побоев другим лицам и т. п.) пытаются противопоставить себя органам власти и уполномоченным лицам и продемонстрировать свое возмущение ограничительными мерами, вводимыми на официальных соревнованиях для зрителей. Например, мадридские фанаты «Атлетико» устроили беспорядки перед матчем Кубка Короля с «Барселоной», радикально настроенные болельщики атаковали полицейских, обеспечивавших безопасность прибытия автобуса с командой. После проезда автобуса «Атлетико» группа фанатов

[1] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/ (дата обращения: 26.02.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

сломала ограждения и начала бросать в полицейских бутылки, камни и файеры[1].

В некоторых случаях официальные спортивные соревнования могут быть использованы как площадка для реализации преступного умысла в части разжигания розни и международных скандалов. В частности, в ходе массовых беспорядков в Москве на Манежной площади в декабре 2010 г. после убийства «фаната» Е. Свиридова большая группа людей, позиционирующих себя как болельщиков, с нацистскими лозунгами избивали всех лиц нерусской национальности, совершали насилие в отношении представителей власти и погромы. Волна массовых выступлений прокатилась по многим городам России и продолжалась несколько дней. При это на самом деле мотивом убийства Е. Свиридова была личная неприязнь, приведшая к обычному конфликту [4, с. 14-15].

Таким образом, проявления экстремизма в спорте многообразны и могут иметь различную причину и цель.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) могут осуществляться радикально настроенными лицами в рамках спортивных мероприятий.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» призывы могут быть выражены как в устной, так и в письменной форме, в том числе с использованием технических средств[2]. Применительно к сфере спорта объективная сторона данного преступления может быть выражена в лозунгах и речевках с националистическим окрасом, а также несанкционированной демонстрации экстремистских призывов на экранах, установленных в местах проведения спортивных соревнований.

Необходимо отличать публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности от возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), поскольку последнее направлено на формирование соответствующих убеждений, установок и достигается путем объяснений отдельных аспектов экстремизма, его оправдания, обоснования идеологии экстремизма. Призывы вы же заключаются исключительно в побуждении к действию и не должны содержать разъяснительных и обучающих элементов, в ином случае содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 280 и 282 УК РФ.

Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) посягает на тот же самый объект, что и публичные призывы к экстремистской деятельности. С объективной стороны характеризуется такими действиями как оскорбление по признаку расы, религии, социальной принадлежности и т. д., оправдания насилия в отношении конкретной социальной группы, обоснования необходимости притеснения такой группы и т. п. При этом критика решений, принимаемых органами государственной власти и общественными организациями, сама по себе еще не может рассматриваться как возбуждение ненависти или вражды, если не содержит признаков экстремизма. По признакам объективной стороны рассматриваемое преступление следует отличать от административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ с одноименным названием. Уголовно наказуемым такое деяние будет являться только

[1] Фанаты «Атлетико» атаковали полицию перед матчем Кубка Короля с «Барселоной» // Информационное агентство «Красная весна» : сайт. URL: https://rossaprimavera.ru/news/3cf53d78 (дата обращения: 03.04.2026).

[2] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 03.04.2026).

при следующих обстоятельствах: если оно сопряжено с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения; если оно совершено применением насилия либо с угрозой его применения, с использованием служебного положения, либо в соучастии.

Таким образом признаки составов преступлений экстремистской направленности в сфере спорта не являются специфическими, вместе с тем обладают некоторыми особенностями, обусловленными субъектным составом, способами совершения преступления, а также мотивами и целями, преследуемыми преступниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ишенко, С. А. Спортивный экстремизм как разновидность экстремизма: административно-правовой аспект // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2019. – № 1. – С. 45–48.

2. Потапова, Н. Л. Психологический портрет спортивного экстремиста и его использование в расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1. – С. 286–289.

3. Панченко, К. С., Ситников, К. А. Дискриминационные инциденты в российском футболе как одно из проявлений молодежного экстремизма // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 276–284.

4. Дикаев, С. У. Экстремизм в спорте как социальное явление и как категория криминологического анализа // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 4. – С. 13-19.

УДК 343.2

Д.С. Васина

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (ОРМ) ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ХИЩЕНИЯМ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ (ЦФА)

В настоящей статье проанализированы проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с хищением цифровых финансовых активов (ЦФА) в Российской Федерации. В работе подчёркивается необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и повышения квалификации оперативных сотрудников для эффективного противодействия хищениям в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, оперативно-розыскные мероприятия, латентность преступлений, цифровая среда, кибербезопасность, шифрование данных.

D.S. Vasina

CHALLENGES IN CONDUCTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO COUNTER THE THEFT OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Abstract. This article analyzes the challenges associated with solving and investigating crimes involving the theft of digital financial assets in the Russian Federation. The study emphasizes the need to improve the regulatory framework and enhance the professional skills of operational personnel to effectively counter theft in the digital environment.

Keywords: digital financial assets, operational-investigative activities, crime latency, digital environment, cybersecurity, data encryption.

В Российской Федерации активно происходит цифровая трансформация финансовой системы, которая регулируется Федеральным законом от 31 июля 2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с данным Федеральным законом, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования. В данном случае денежным требованием признается право получить определённую сумму в будущем.

Одновременно с совершенствованием развития ЦФА стремительно увеличивается количество преступлений, связанных с хищением данных активов.

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) проводятся в рамках оперативно-розыскной деятельности в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений до возбуждения уголовного дела. Проведение данных мероприятий регулируется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности".

Проблему раскрытия, расследования и предотвращения преступлений данной направленности характеризует несколько ключевых моментов.

1. Высокая латентность преступлений;
2. Проблемы получения информации из цифровых источников;
3. Отсутствие в законодательстве цифровой понятийной базы;
4. Проблема доказывания.
5. Дополнительные проблемы

Высокая латентность – одна из ключевых характеристик преступлений в сфере цифровых активов. Значительная часть хищений и мошенничеств с ЦФА не доходят до стадии уголовного преследования.

Проблема раскрытия данных преступлений заключается в особенностях цифровой среды и квалификации кадров.

Проблема особенностей цифровой среды заключается в том, что в современных условиях открывается намного больше возможностей совершать преступления анонимно, быстро и так же быстро уничтожать за собой следы.

Преступники могут действовать анонимно, используя VPN, фальшивые личности, подставные IP-адреса, так же возможно использование различных ботов, специализированных ПО. Это не только затрудняет идентификацию злоумышленников, но и позволяет совершать большее количество мошеннических операций за короткий срок. Всё это позволяет преступникам быть не только безнаказанными, но и незамеченными.

Проблемы получения информации из цифровых источников заключаются в сложностях запросов к зарубежным биржам и шифровании устройств.

Если говорить о криптовалюте, то ввиду санкционных ограничений большинство крупных бирж ушло из России. И чтобы получить данные необходимо делать запрос в страну, в которой зарегистрирована данная компания. Оперативный работник не может просто направить этот запрос. При этом отправка запроса, его рассмотрение и получение ответа занимают достаточно большой по продолжительности отрезок времени. Это позволяет злоумышленникам уже к тому моменту скрыться, обналичить или перевести деньги.

Еще одна проблема заключается в шифровании. Это может быть как обычный PIN-код на телефоне подозреваемого, так и защита электронного кошелька или шифрование самого сайта.

Большой проблемой для оперативного сотрудника становится получение пароля

для разблокировки мобильного устройства или кошелька, ведь для этого необходимо у подозреваемого узнать пароль, поскольку большинство людей не станут добровольно сообщать свой пароль.

Большинство сайтов используют протокол HTTPS, это означает, что все, что передается между браузером и сервером (логины, пароли, транзакции, переписка), зашифровано. Возможно увидеть наличие соединения, а вот содержимое – неизвестно. А чтобы расшифровать данные могут потребоваться либо глубокие знания в данной сфере, либо физический доступ и права администратора на компьютере злоумышленника.

Отсутствие в законодательстве цифровой понятийной базы проявляется в том, что законы не всегда могут успевать за развитием технологий. Например, тот же Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» был разработан и принят в те времена, когда ещё не существовало понятия цифровых активов, что может привести к правовой неопределенности. Встает вопрос о том, можно ли, например, считать исследование транзакций исследованием предметов и документов. Поэтому перечень ОРМ, указанных в ст. 6 Федерального закона № 144-ФЗ могут не всегда подходить для того, чтобы провести те или иные исследования в цифровой среде.

Вторым примером недостаточности законодательного регулирования может служить то, что в Федеральном законе о ЦФА нет обязанности предоставлять оперативным сотрудникам необходимые данные в упрощенном порядке, а только через официальный запрос, что увеличивает время поиска доказательств, что становится большой проблемой в цифровой среде, где важно именно быстрое реагирование.

Проблема доказывания заключается в том, что цифровые активы не являются материальными вещами, что усложняет порядок доказывания в суде. Ко многим цифровым данным не могут быть применены такие мероприятия, как осмотр, выемка, обыск. В данном случае приходится приобщать доказательства в виде скриншотов, но это могут расценить как недопустимое доказательство ввиду того, что могут отсутствовать данные, которые подтверждают, что данный снимок не был смонтирован. Кроме того, проблема может возникать в том, что электронные кошельки могут не быть привязаны к конкретной личности, что ещё больше усложняет процесс расследования и доказывания.

Дополнительной проблемой можно считать, например, дефицит квалифицированных кадров. Оперативные сотрудники, имеющие опыт работы с традиционными видами преступлений, зачастую не обладают знаниями в области кибербезопасности. Необходимо более углубленно обучать будущих сотрудников работать с информационными технологиями, ведь именно эта сфера становится наиболее развитой в современном обществе.

Таким образом противодействие хищением в цифровой среде очень тяжелый процесс, который требует не только повышения квалификации оперативных сотрудников, но и совершенствования законодательства.

УДК 343

Ганхуянг Арсланхуяг

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В МОНГОЛИИ

Аннотация: в целях профилактики и предупреждения преступлений активно применяют искусственный интеллект (далее – ИИ), что позволяет анализировать большие объёмы данных, выявлять закономерности и прогнозировать криминальную активность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, предупреждение преступности

Gankhuyag Arslankhuyag

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CRIME PREVENTION ANALYSIS IN MONGOLIA

Abstract: Artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) is actively employed for crime prevention; it enables the analysis of large volumes of data, the identification of patterns, and the forecasting of criminal activity.

Keywords: artificial intelligence, crime prevention.

Исследования в области предупреждения преступности показывают, что превентивная деятельность реализуется на разных уровнях, включает широкий спектр программ и требует опоры на научно обоснованные подходы. Важное место занимают семейные, школьные, общинные и пространственно ориентированные меры, каждая из которых нацелена на определенные группы населения и типы криминогенных ситуаций. Такая многослойная структура профилактики задает ориентиры для разработки любых новых инструментов, в том числе основанных на использовании искусственного интеллекта, и делает необходимым их встраивание в существующие уровни и форматы превентивной политики. Концептуализация причин и условий преступности служит фундаментом для выбора адекватных средств ее предупреждения.

В криминологической литературе выделяются объективные и субъективные криминогенные факторы, к которым относят социально экономические, правовые, организационно управленческие, а также личностные и социально психологические детерминанты[1]. Предлагается также многоуровневый подход, различающий причины преступности в целом, отдельных ее групп и конкретных видов деяний, а также макроуровень общества, уровень социальных групп и сфер жизни и уровень индивида[2]. Такое структурирование причинности задает рамку для построения моделей прогнозирования и для определения точек приложения профилактических усилий, включая те, которые могут быть поддержаны интеллектуальными информационными системами.

Существенным элементом современной превенции выступают ситуативные меры, направленные на снижение возможностей совершения преступлений. Показано, что изменения в доступности средств совершения деяния могут радикально влиять на частоту определенных актов, а ограничение доступа к простым способам совершения преступления уменьшает спонтанную преступность.

В рамках ситуативной профилактики используются модели оценки уязвимости объектов, такие как VIVA, и практические меры, включая техническое усиление

[1] Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией : дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2024. - 357 с.

[2] Темникова Н.В. Предупреждение преступлений поднадзорных лиц : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2015. - 34 с.

защиты жилья и транспорта, снижение краж автомобилей в связи с внедрением электронных замков, демонстрируют эффективность таких интервенций и значимость нормативных решений не только на национальном, а также на наднациональном уровне. Экономическая и эмпирическая оценка ситуативных стратегий показывает их высокую эффективность. В ряде индустриально развитых стран ситуативная профилактика фактически стала доминирующим направлением государственной политики в сфере предотвращения преступности. Вместе с тем подчеркивается, что успешная реализация программ требует широкой поддержки со стороны населения и того, чтобы общественные представления о профилактике опирались на надежные научные данные.

Параллельно развиваются подходы, в центре которых находится уголовно-правовая система как один из ключевых институтов предупреждения преступности. Исследования подчеркивают, что превенция в рамках системы уголовного правосудия представляет собой сложный процесс с участием различных субъектов на уровне полиции, судов, учреждений исполнения наказаний и местного сообщества. Показано, что социальная работа в этих подсистемах способна существенно усилить превентивный потенциал, если структура и функции системы учитывают необходимость такой деятельности. Аналитические обзоры структуры правосудия, теорий наказания и его пропорциональности используются как отправная точка для оценки профилактических процессов и поиска баланса между репрессивными и превентивными задачами.

В зарубежных исследованиях также формулируются конкретные вопросы, связанные с оценкой практик профилактики, их роли, ограничений и перспектив. Результаты таких работ рассматриваются как ресурс для лиц, принимающих решения и реализующих политику в области предупреждения преступности, и подчеркивается важность четкого определения объектов, границ и ограничений исследования.

В связи с развитием различных платформ искусственный интеллект (ИИ) правозащитные организации различных стран начали активно применять ИИ в профилактике и предупреждении преступлений, позволяя анализировать большие объёмы данных, выявлять закономерности и прогнозировать криминальную активность.

Поэтому эта работа нацелена на изучении вопросов использование ИИ в профилактике и предупреждении преступности в городе Улан-Батор.

Для эффективного использования платформы ИИ, в первую очередь, необходимо реализовать прогнозирование преступлений, обучать нейросетей опознать, прогнозировать объективные и субъективные криминогенные факторы преступности, обрабатывать большие объемы данные о преступности, предлагать меры, возможные решение.

Этот процесс сопряжён с рядом технических, этических и правовых вызовов. Сегодня активно используют ИИ по следующим основным направлениям:

- Прогнозирование преступлений.
- Анализ различных данных (от статистических отчетов о преступлениях до информации о социально-экономическом положении районов и погодных условиях на той или иной территории, все это способствует выявлению закономерностей и прогнозированию мест и времени потенциальных правонарушений).
- Распознавание лиц и объектов (идентификация индивидов в аэропорту, вокзалах, местах массового скопления людей и т.д.).
- Анализ цифровых улик и обработка естественного языка.
- Прогнозирование поведенческих моделей.
- Оптимизация распределения ресурсов.

Обладая большим количеством достоинств, ИИ имеет и недостатки. Так, Нурмухаметов Р.Н. в своем исследовании отмечает следующее:

– точность прогнозирования зависит от качества и полноты используемых данных, так как неполные или неточные данные могут привести к неверным прогнозам;

– алгоритмы ИИ могут унаследовать предвзятость из данных, на которых они обучаются, что может привести к неравномерному распределению ресурсов правоохранительных органов;

– прогнозирование преступности может привести к нарушению прав человека; [1, с. 187].

Несмотря на то, что использование ИИ в предупреждении и профилактике преступности сопряжено с некоторыми проблемами и ограничениями, ИИ рассматривается как перспективный инструмент в профилактике и борьбе с преступностью. Его применение требует сочетания с традиционными методами и строгого соблюдения этических норм. Поэтому следует отдельно уделить внимание исследованиям к тому, что использовать ИИ как инструмент, дополняющий, а не заменяющий человеческий интеллект и опыт в правоохранительной деятельности.

Интеграция ИИ в системы правопорядка и социального контроля может стать ключом к снижению уровня преступности и повышению качества жизни граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нурмухаметов Р.Н. Искусственный интеллект в профилактике и борьбе с преступностью: возможности и вызовы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 12 -1 (99). – С. 185–188.

УДК 343.8

О. А. Гунина, А. В. Горшкова

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется эволюция уголовно-исполнительной политики России в контексте её гуманизации, достижений в снижении тюремного населения и развитии альтернативных санкций, а также противоречия между смягчением наказания и принципами справедливости, общественной безопасности и прав потерпевших. Обосновывается, что гуманизация нередко превращается в инструмент снижения государственных издержек, а не реального исправления осуждённых, и требует дифференцированного применения с обязательным приоритетом возмещения вреда жертвам преступлений.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, гуманизация, наказание, принудительные работы, рецидив, права потерпевших, цели наказания.

O. A. Gunina, A. V. Gorshkova

HUMANIZATION OF THE PENAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

The article analyzes the evolution of Russia's penal enforcement policy in the context of humanization: achievements in reducing the prison population and developing alternative sanctions, as well as contradictions between mitigation of punishment and the principles of justice, public safety and the rights of victims. It is proved that humanization often turns into a tool to reduce government costs, rather than a real correction of convicts, and requires differentiated application with mandatory priority of compensation for harm to victims of crimes.

Keywords: penal enforcement system, humanization, punishment, forced labor, recidivism, victims' rights, purposes of punishment.

Уголовно-исполнительная политика любого современного государства балансирует между двумя полюсами: необходимостью защищать общество посредством изоляции преступника и обязанностью соблюдать права человека. Для Российской Федерации, преодолевшей наследие жесткой советской пенитенциарной системы, вектор гуманизации стал одним из главных направлений последних двух десятилетий (ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[1] (далее по тексту – УИК РФ)). Основные ориентиры этого курса закреплены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.[2].

Гуманизация в России прошла путь от деклараций к заметным структурным изменениям. По официальным данным, если на 1 января 2000г. в местах лишения свободы находилось более 1миллиона человек, то на 1 января 2023 г. этот показатель снизился до 430 тысяч[3]. Этого удалось добиться за счет декриминализации части деяний, расширения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, а также более широкого использования наказаний, не требующих полной изоляции от общества. Важную роль сыграла возможность применять наказание в виде принудительных работ и развитие сети исправительных центров, где осужденный живет в общежитии, работает на обычном предприятии, сохраняет часть бытовой самостоятельности и социальных связей. Изменение подхода к условиям содержания осужденных – внедрение системы ФСИН-письмо, электронных магазинов, улучшение питания и расширение перечня разрешенных предметов первой необходимости снизили уровень психологической напряженности в исправительных учреждениях[4].

Однако при всех очевидных достижениях, гуманизация имеет и обратную сторону. Разделяя позицию ряда исследователей [1; 2], полагаем, что в ряде аспектов этот процесс либо зашел в тупик, либо приобрел формы, которые уже трудно признать безусловно полезными. Главная проблема состоит в том, что внимание государства и правоприменителя сместилось в сторону соблюдения прав осужденного при одновременном ослаблении реального внимания к правам потерпевшего.

Между тем принцип справедливости, закрепленный в ст.6 Уголовного кодекса Российской Федерации[5](далее по тексту – УК РФ) требует, чтобы наказание соответствовало тяжести содеянного. Когда лица, совершившие тяжкие насильственные преступления, либо крупные коррупционные деяния, получают возможность применения условно досрочного освобождения (далее по тексту – УДО) или замену наказания в минимально возможные сроки, у общества неизбежно возникает ощущение подрыва справедливости. В таком случае гуманизация начинает восприниматься не как правовой прогресс, а как разновидность безнаказанности.

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в вопросе возмещения вреда потерпевшему. Сам принцип гуманизации не может означать уменьшение обязательств осужденного перед лицом, которому причинен вред преступлением. Но на практике

---

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изм. от 17.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://npalib.ru/2021/04/29/rasporyazhenie-1138-r-id143624/.

[3] Статистические данные о численности лиц, содержащихся в учреждениях УИС ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: https://fsin.gov.ru/statistics/.

[4] Связь с заключёнными в СИЗО и колониях: электронные и бумажные письма. ФСИН-Письмо [Электронный ресурс]. URL: https://fsin-pismo.com/

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС КонсультантПлюс.

часто возникает системное противоречие. Смягчая карательное воздействие на осужденного, законодатель и правоприменитель оставляют потерпевшего без гарантии реальной компенсации. Между тем, именно институт возмещения вреда выступает одним из ключевых показателей подлинной справедливости. В действующей правовой системе вред может возмещаться посредством гражданского иска заявленного в рамках уголовного судопроизводства (ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ[1] (далее по тексту – УПК РФ)), через самостоятельный гражданский иск (ст. 131 Гражданского кодекса РФ)[2], а также через добровольное заглаживание вреда, учитываемое как обстоятельство, смягчающее наказание (по смыслу ст. 61 УК РФ). Удержания из заработной платы осужденных в исправительных учреждениях регламентированы ст.107 УИК РФ, однако в литературе справедливо отмечается, что этот механизм порождает внутреннее противоречие. С одной стороны, он должен обеспечивать возмещение вреда, с другой – нередко создает дополнительную финансовую нагрузку, осложняющую ресоциализацию [3, с. 519].

По нашему мнению, эта проблема требует не частных, а концептуальных решений.

Во-первых, размер причиненного материального и морального вреда должен определяться судом максимально полно и подлежать обязательному отражению в приговоре.

Во-вторых, фактическое исполнение обязанности по возмещению вреда должно стать обязательным условием рассмотрения ходатайств об УДО и о замене наказания более мягким видом.

В-третьих, если осужденный не способен единовременно погасить весь объем присужденного ущерба, необходим дифференцированный план выплат, увязанный с его доходами от трудовой деятельности в исправительном центре или колонии.

Иначе говоря, гуманизм в отношении преступника допустим лишь тогда, когда он реально предпринял меры к минимизации последствий для своей жертвы. Без этого сама идея справедливости оказывается подорванной.

Серьезное сомнение вызывает и тот факт, что гуманизация во многих случаях строится на формальных критериях. Решения о переводе на более мягкий режим, о замене наказания или об условно-досрочном освобождении нередко основываются главным образом на отсутствии дисциплинарных взысканий и наличии положительной характеристики. Но дисциплинированность внутри учреждения еще не означает отказа от преступных установок.

Так, согласно официальной статистике, ежегодно почти 50 % осужденных составляют лица, ранее уже привлекавшиеся к уголовной ответственности[3]. По данным исследований, связанных с институтом пробации, рецидив среди лиц, осужденных за совершение корыстных и насильственных преступлений и освобожденных условно-досрочно, остается стабильно высоким.

Следовательно, гуманные меры далеко не всегда работают как средство реального исправления. Проблема усугубляется тем, что система фактически применяет единый смягченный стандарт к слишком разным категориям осужденных, не различая их по степени криминогенного риска. В итоге, лица с выраженными

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[3] Основные статистические показатели состояния преступности в России за период с 2022 г. по 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports.

антиобщественными установками нередко получают те же льготы, что и те, кто действительно встал на путь исправления.

Дополнительный повод для критики дает и экономический аспект. Нередко отмечается, что за риторикой о человеколюбии скрывается стремление государства сэкономить, то есть сократить расходы на содержание заключенных. Содержание одного осужденного требует значительных затрат, а расширение сферы принудительных работ позволяет не только уменьшить расходы на охрану и обеспечение, но и получить налоговые поступления от труда осужденных [4, с. 197]. Само по себе это не делает реформу ошибочной, однако возникает риск, что экономическая целесообразность начнет преобладать над задачами общественной безопасности. Для уголовно-исполнительной политики такой перекос особенно опасен.

Не менее проблематичен вопрос о гуманизации в отношении лиц, встроенных в криминальную субкультуру, включая лидеров преступных сообществ и рецидивистов-профессионалов. Для таких категорий смягчение режима нередко воспринимается не как шанс на исправление, а как слабость государства [5, с. 510]. Здесь проявляется и более широкий теоретический аргумент.

Классическая теория общей превенции исходит из того, что наказание выполняет не только исправительную, но и сдерживающую функцию. Ю. М. Антонян указывает, что государственное осуждение виновного лица носит карательный характер, и именно этот элемент обеспечивает профилактическое воздействие [1]. Поэтому необоснованная замена реального лишения свободы принудительными работами или условным осуждением в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, снижает субъективно воспринимаемую цену преступления и тем самым ослабляет превентивный эффект наказания.

Близкую мысль развивает и концепция заслуженного наказания, широко обсуждаемая в западной уголовно-правовой доктрине. Согласно ей, наказание должно быть пропорционально тяжести деяния, не больше, но и не меньше. Отступление в сторону чрезмерного смягчения, если оно не связано с самим деянием и его обстоятельствами, нарушает принцип справедливости. В этом смысле гуманизация, основанная главным образом на экономических расчетах, возрасте, биологическом поле или семейном положении осужденного без должного учета тяжести совершенного преступления, фактически подрывает принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции Российской Федерации[1]).

На этом фоне принятия Федерального закона «О пробации в РФ»[2] имеет стратегическое значение. Закон закрепил три вида пробации: исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную. Тем самым впервые была создана нормативная основа для более или менее непрерывного сопровождения осужденного на разных этапах исполнения наказания и после освобождения.

К задачам пробации отнесены содействие исправлению осужденного, помощь в социальной адаптации, трудоустройстве, восстановлении документов, получении медицинской и психологической помощи. Но потенциал этого закона не должен заслонять его проблемные стороны. Успех пробации зависит от того, превратится ли она в реально работающий механизм сопровождения и контроля или останется лишь формальным учетом. Уже сейчас заметны определенные дефициты: понятие трудной жизненной ситуации, от которого зависит доступ к постпенитенциарной пробации,

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.

[2] Федеральный закон от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС КосультантПлюс.

сформулировано расплывчато; требования к специалистам уголовно-исполнительных инспекций недостаточно четкие; правовой статус центров пробации прописан не до конца, что создает риски неравномерной практики и злоупотреблений [6, с. 367]. По нашему убеждению, эффективная пробация должна сочетать два начала: реальную помощь в ресоциализации и жесткий надзор за поведением лица.

Именно поэтому особый интерес представляет методика Risk-Need-Responsivity, разработанная Д. Эндрюсом и Дж. Бонтой [7, с.18–19]. Её ценность состоит в том, что она позволяет преодолеть формальный подход к применению гуманных мер. Принцип риска предполагает, что интенсивность вмешательства должна соответствовать уровню криминогенного риска: лицам с высоким риском рецидива требуется более интенсивный контроль, тогда как для лиц с низким риском избыточное вмешательство может быть даже вредным. Принцип потребности требует, чтобы коррекционные программы были направлены именно на криминогенные факторы, то есть на те свойства личности и среды, которые напрямую связаны с преступным поведением. К ним относятся антиобщественные установки, деструктивное окружение, злоупотребление психоактивными веществами, бедность, отсутствие профессиональных навыков. Принцип восприимчивости требует учитывать индивидуальные особенности личности, включая когнитивные способности, стиль обучения и уровень мотивации.

Для российской практики внедрение модели RNR означало бы отказ от примитивной формулы «положительная характеристика = освобождение». Вместо этого решения об УДО, замене наказания и переводе в исправительный центр должны приниматься на основе многофакторной оценки риска с использованием стандартизированного инструментария, аналогичного валидизированным шкалам LS/CMI.

На наш взгляд, именно переход от формальных критериев к научно обоснованной оценке риска является главным условием того, чтобы гуманизация не превратилась в безнаказанность. Только такой подход позволит применить смягчение адресно, а не автоматически.

Следовательно, будущее уголовно-исполнительной политики России связано не с дальнейшим бесконтрольным смягчением, а с построением системы дифференцированного воздействия.

Её первый принцип состоит в индивидуализированном подходе к гуманизации. Нельзя смягчать условия содержания лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие насильственные и коррупционные преступления, в той же мере, что и для лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести.

Второй принцип заключается в приоритете возмещения ущерба: любые шаги к смягчению режима или досрочному освобождению должны быть поставлены в жесткую зависимость от реального возмещения вреда, включая разработку порядка дифференцированных выплат из доходов осужденного.

Третий принцип связан с внедрением научно обоснованных систем оценки рисков, прежде всего логики RNR.

Четвертый принцип требует развития института пробации с обязательным надзорным компонентом, поскольку пробация не должна превращаться в социальную гостиницу без контроля.

Таким образом, гуманизация уголовно-исполнительной политики Российской Федерации представляет собой сложный и внутренне противоречивый процесс. Ее достижения в части улучшения условий содержания, декриминализации и развития альтернатив лишению свободы нельзя отрицать. Однако они не должны заслонять главную задачу уголовного закона, защиту общества и восстановление справедливости по отношению к потерпевшему. Разделяя позицию исследователей, скептически

относящихся к безграничной либерализации, считаем, что гуманизация в отношении опасных преступников без учета риска рецидива, без реального возмещения вреда и при подмене исправительной работы экономией, способна стать не только неоправданной, но и социально опасной.

Подлинная гуманность состоит не в снисхождении к преступнику за счет жертвы, а в создании такой системы, которая исправляет тех, кто к этому способен, надежно защищает общество от лиц с высокой степенью опасности и обеспечивает полное возмещение вреда тем, кому преступлением было причинено зло.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 388 с.

2. Уткин В.А. Пробация и пробационная криминология // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2025. – № 56. – С. 73–82.

3. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. К отдельным вопросам гуманизации наказаний в УИС // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 517–520.

4. Швалев В.О. Альтернативные виды наказания в свете процесса гуманизации уголовно-исполнительной политики //Потенциал социально-гуманитарного знания в решении актуальных проблем системы исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом: борник материалов IV Международного конкурса научных разработок на русском и английском языках / составитель Н.А.Лебедева. – Пермь : ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2023. – С. 196–199.

5. Базаров П.Р., Пьянков М.Н. Совершенствование уголовного закона в целях дальнейшей последовательной его гуманизации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17 –18 нояб. 2022 г.) : в 2 т. – Рязань : Академия ФСИН России, 2022. – Том 2. – С. 506–512.

6. Рябова О.А., Рябов П.Р. Постпенитенциарная пробация в РФ и проблемы её реализации // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10 (238). – С. 366–369.

7. Диденко А.В. Характеристика реабилитационной модели Risk-Need-Responsivity и её применения в зарубежных исправительных учреждениях при работе с осужденными, страдающими психическими расстройствами // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 1. – С. 17–22.

УДК 343.9.01

О.Г. Деменченок

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ С УЧЕТОМ СЕЗОННОЙ КОМПОНЕНТЫ МЕТОДОМ ДЕКОМПОЗИЦИИ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты криминологического прогнозирования с учётом сезонных колебаний преступности. Обосновывается необходимость перехода от традиционного индекса сезонности к методам декомпозиции временных рядов, учитывающим структуру динамического ряда. Анализируются аддитивная и мультипликативная модели, описывающие соотношение тренда, сезонной и случайной компонент. Приводится метод классической декомпозиции, адаптированный для анализа преступности. Выявлен недостаток рассмотренного подхода — отсутствие вероятностной оценки интервалов прогноза. В качестве перспективного направления предлагается использование модели SARIMA.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, сезонность преступности, декомпозиция временного ряда.

O.G. Demenchenok

SEASONAL CRIME FORECASTING COMPONENTS BY TIME SERIES DECOMPOSITION METHOD

Abstract: The article discusses the theoretical and applied aspects of criminological forecasting, taking into account the seasonal fluctuations in crime. The necessity of transitioning from the traditional seasonality index to time series decomposition methods that take into account the structure of the dynamic series is substantiated. The additive and multiplicative models describing the relationship between the trend, seasonal, and random components are analyzed. The classical decomposition method is adapted for the analysis of crime. The disadvantage of the considered approach is the lack of a probabilistic assessment of the forecast intervals. The use of the SARIMA model is proposed as a promising direction.

Keywords: criminological forecasting, crime seasonality, time series decomposition.

В современных условиях задача совершенствования деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности требует не только анализа текущей криминогенной ситуации, но и разработки научно обоснованных прогнозов её развития [1, с. 41]. Прогнозные данные позволяют определить требующие решения проблемные вопросы, сформулировать задачи, определить направления реагирования на изменение криминальной ситуации, потребности в задействовании необходимых сил и средств, позволяет оптимизировать организационную структуру органов внутренних дел (далее — ОВД), перераспределять ресурсы, смещать акценты деятельности на противодействие наиболее значимым видам преступлений [2, с. 28].

Особый интерес представляет учёт сезонных колебаний преступности — закономерностей, повторяющихся в течение года (или иного календарного периода). Как отмечают исследователи, сезонные всплески преступности чаще всего приходятся на весну и осень, а провалы регистрируются в зимние месяцы (декабрь — январь), в летние месяцы уровень преступности также ниже, чем весной и осенью.

В существующей методике расчёта индекса сезонности преступлений, применяемой в ОВД, используется «метод постоянной средней», т.е. она базируется на предположении о постоянстве среднемесячного показателя числа совершенных преступлений [7, с.287]. Его главным недостатком является ограниченное применение

— только к временным рядам, не имеющим выраженной тенденции, поскольку при наличии тренда (роста или снижения преступности) получаемые прогнозные значения искажаются.

Более совершенными для криминологического прогнозирования с учётом сезонной компоненты представляются методы аддитивной и мультипликативной декомпозиции временных рядов.

При таком подходе производится декомпозиция временного (динамического) ряда показателей преступности на следующие компоненты [4, с. 39-40]:

Тренд (Tr) — долговременная тенденция, формирующаяся под влиянием комплекса социально-экономических факторов (уровень безработицы, миграционные процессы, демографическая структура населения и др.).

Сезонная компонента (S) — закономерности, повторяющиеся в течение фиксированного периода года (месяц, квартал).

Циклическая компонента (Ci) — колебания с периодом более года (часто объединяется с трендом).

Случайная компонента (ε) — нерегулярные флуктуации, вызванные случайными факторами.

Аддитивная модель предполагает, что компоненты независимы и суммируются:

$$Y(t) = Tr(t) + S(t) + \varepsilon(t),$$

где $Y(t)$ – уровень преступности в период времени t.

В мультипликативной модели компоненты перемножаются:

$$Y(t) = Tr(t) \cdot S(t) \cdot \varepsilon(t).$$

Для выделения сезонной компоненты и построения прогнозов может быть использован метод «скользящей средней».

Декомпозиция временного ряда на статистических данных о состоянии преступности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в период с января 2017 года по декабрь 2021года позволила выявить периоды устойчивого роста и снижения преступности, скорректировать графики несения службы, а также оптимизировать проведение профилактических мероприятий [4, с. 42-43].

Недостатком описанного подхода является неразработанность методики вероятностной оценки интервалов прогноза, поэтому результатом прогноза является числовое значение с неизвестной степенью погрешности. Такая неопределённость затрудняет принятие обоснованного управленческого решения.

В связи с этим представляется перспективным для криминологического прогнозирования востребованный в социологии метод SARIMA - модель анализа временных рядов, расширяющая ARIMA с учетом сезонности, которая оперирует с дискретными временными шагами (например, еженедельно или ежемесячно) [5, с. 535].

Существенными преимуществами метода SARIMA являются высокая точность описания исходных данных и возможность оценки интервалов прогноза.

Таким образом, традиционный метод расчёта индекса сезонности («метод постоянной средней»), используемый в органах внутренних дел, обладает существенным ограничением: он корректно работает только с временными рядами, не имеющими выраженной тенденции. При наличии тренда (роста или снижения преступности) получаемые прогнозные значения искажаются, что снижает эффективность управленческих решений, принимаемых на их основе.

Более совершенным методологическим инструментом является аддитивная и мультипликативная декомпозиция временных рядов. Эти подходы позволяют структурировать динамический ряд на трендовую, сезонную и случайную компоненты для выявления периодов устойчивого роста и снижения преступности, корректировки графиков несения службы, расстановки нарядов и оптимизации профилактических

мероприятий.

Перспективным направлением дальнейших исследований является внедрение в криминологическую практику модели SARIMA, который предоставляет не только ожидаемое значение уровня преступности, но и диапазон возможных отклонений, что существенно повышает качество и обоснованность принимаемых решений.

Таким образом, развитие методологии криминологического прогнозирования в направлении интеграции методов декомпозиции временных рядов и вероятностных моделей типа SARIMA представляет собой актуальную научно-прикладную задачу, решение которой позволит повысить эффективность противодействия преступности и оптимизировать ресурсное обеспечение органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология : учебное пособие. / – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.

2.Захватов, И. Ю. К вопросу об использовании в органах внутренних дел криминологического анализа и прогноза в процессе выработки мер управленческого характера / И. Ю. Захватов, С. А. Потапова // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – №2(38). – С. 25-28.

3.Киселев, А. А. Индекс сезонности при криминологической характеристике региона в условиях цифровизации / А. А. Киселев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 2(157). – С. 285-294. – DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-285-294.

4.Жирнов, А. А. Подход к определению сезонности преступлений в проектах противодействия криминальным угрозам / А. А. Жирнов // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 7. – С. 38-44.

5.Юнусов, Д. Ф. Авторегрессионная модель SARIMA на языке Python: прогнозирование заболеваемости гриппом и ОРВИ на территории Российской Федерации / Д. Ф. Юнусов // Профессиональные коммуникации в научной среде - фактор обеспечения качества исследований : Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, Альметьевск, 16 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом "Сциентиа", 2024. – С. 535-539.

УДК 343.34

А. Г. Иванова

КИБЕРТЕРРОРИЗМ И КИБЕРДИВЕРСИЯ – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В настоящей статье раскрывается содержание объектов критической информационной инфраструктуры железнодорожного транспорта, а также компьютерной атаки, кибертерроризма и кибердиверсии, проводится анализ сущности кибертерроризма и кибердиверсии, их соотношения и особенности проявления, формулируются предложения, которые могут быть использованы при совершенствовании законодательства и практики предупреждения данных видов киберугроз.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, терроризм, кибертерроризм, диверсия, кибердиверсия, компьютерная атака, кибератака.

A. G. Ivanova

CYBERTERRORISM AND CYBER-SABOTAGE AS A THREAT TO THE SECURITY OF RAILWAY TRANSPORT

This article reveals the essence of the facilities of the critical information infrastructure of railway transport, as well as the concepts of a computer attack, cyberterrorism and cyber-sabotage, provides an analysis of the nature of cyberterrorism and cyber-sabotage, their correlation and specific features of manifestation, and formulates proposals that can be used in improving legislation and the practice of preventing these types of cyber threats.

Keywords: railway transport, terrorism, cyberterrorism, sabotage, cyber-sabotage, computer attack, cyberattack.

В ст. 27 Конституции Российской Федерации закреплено одно из базовых прав человека и гражданина – право на свободу передвижения. Согласно указанной статье каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы Российской Федерации, а гражданин Российской Федерации – право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию. Реализация данного права обеспечивается, согласно ст. 1 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»[1], с помощью функционирования единой транспортной системы Российской Федерации, железнодорожный транспорт которой является составной ее частью и призван своевременно и качественно обеспечивать потребности физических лиц, юридических лиц и государства в перевозках железнодорожным транспортом, способствовать созданию условий для развития экономики и обеспечения единства экономического пространства на территории Российской Федерации.

Ошибочно полагать, что железнодорожный транспорт представлен исключительно подвижным составом, деталями верхнего строения пути, а также вокзалами и станциями. Указанный Федеральный закон содержит полное определение железнодорожного транспорта. В настоящей статье данный объект будет рассмотрен исключительно в пределах общего пользования.

Железнодорожный транспорт представляет собой сложную, высокотехнологичную систему, включающую в себя большое количество объектов. Как верно отмечает Иванов Л.А. [1, с. 142] в вышеуказанном Федеральном законе перечислены конкретные объекты железнодорожного транспорта, легального определения понятия «объект железнодорожного транспорта» не содержится. Именно данные объекты формируют его инфраструктуру, обладающую большой протяженностью. Согласно ст. 2 Федерального закона к объектам транспортной инфраструктуры, в том числе, относятся сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы, система управления движением и иные обеспечивающие функционирование инфраструктуры устройства и оборудование. Указанные объекты образуют объекты критической информационной инфраструктуры (далее – объекты КИИ), безопасность которых регулируется Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры»[2].

---

[1] О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (дата обращения: 01.04.2026).

[2] О безопасности критической информационной инфраструктуры : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации : сайт.

Внедрение цифровых технологий в деятельность железнодорожного транспорта позволяет повысить эффективность, безопасность и степень автоматизированности перевозочного процесса. Вместе с тем цифровизация увеличивает уязвимость железнодорожного транспорта перед компьютерными атаками, в том числе со стороны недружественных государств. В свете проведения Российской Федерацией Специальной военной операции на территории Украины и противостояния Западу, особенно актуален вопрос возможного ослабления позиций России, снижение ее экономического, логистического и военного потенциалов путем выведения из строя железнодорожного транспорта, являющегося объектом критической инфраструктуры страны, важным связующим звеном в экономических отношениях, обеспечивающим социальную связанность территорий, массовые перевозки грузов и пассажиров на дальние расстояния, поддерживание обороноспособности.

Для дальнейшего анализа необходимо определиться с понятийным аппаратом. Как верно указывают Клебанов Л.Р. и Полубинская С.В. [2, с. 719] определение «компьютерная атака» в российском законодательстве применяется только к объектам КИИ. Согласно ч. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» компьютерная атака – это «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации».

При этом не стоит безоговорочно отождествлять понятие «компьютерная атака» и «кибератака», широко используемое в научной литературе. В исследованиях железнодорожного транспорта можно встретить классификацию Безродного Б.Ф., который разделяет понятия компьютерной атаки и кибератаки. Компьютерная атака и кибератака неравнозначные понятия, а параллельные друг другу и определяются последовательностью нарушений функциональной, информационной и физической безопасности [3, с. 2018]. Поскольку понятие «кибератака» законодателем не определено, в настоящей статье указанные термины будут использоваться как равнозначные.

При совершении компьютерной атаки происходит нарушение конфиденциальности, целостности информации, получение контроля над объектом критической информационной инфраструктуры, нарушение его работы или вывод из строя. Все эти действия могут повлечь нарушение перевозочного процесса на железнодорожном транспорте. Это способно привести к срыву перевозочного процесса, финансовым убыткам, связанным с задержкой, порчей или утратой груза, восстановлением инфраструктуры, подрывом деловой репутации перевозчика, утечкой важной информации, а самое главное создать угрозу безопасности жизни и здоровья пассажиров.

С учетом повышенной опасности железнодорожного транспорта компьютерная атака на его объекты КИИ, в зависимости от цели, может быть классифицирована как кибертерроризм (при наличии цели устрашения населения, причинения значительного ущерба или наступление иных тяжких последствий, воздействие на принятие решений органами власти) либо как кибердиверсия (при направленности на ослабление экономики и обороноспособности государства). В данном случае компьютерная атака выступает как способ совершения соответствующих противоправных деяний.

Стоит отметить, что понятие кибертерроризма и кибердиверсии в российском

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 01.04.2026).

законодательстве не закреплены, что обуславливает существование различных научных подходов к их определению. Так, В.В. Машко определяет кибертерроризм как «совершение с использованием информационно телекоммуникационных технологий действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [4, с. 239]. А.Ю. Черданцев, в свою очередь, предлагает считать кибердиверсией «комплекс несанкционированных и противоправных действий с использованием технических и специальных программных средств, направленных на повреждение или уничтожение информационно-вычислительной системы предприятий и организаций, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности государства» [5, с. 549].

В научной среде продолжаются дискуссии о необходимости выделения кибертерроризма и кибердиверсии в качестве самостоятельных составов преступлений либо их сохранении в рамках имеющейся квалификации. Одни ученые высказывают мнение о необходимости введения в Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) специализированных уголовных составов, охватывающих кибертерроризм и кибердиверсию, другие же в свою очередь выступают против такого нововведения, считая, что это повлечет излишнюю путаницу у правоприменителя. Перечень действий, образующих составы ст. 205 УК РФ и ст. 281 УК РФ является открытым, и совершение кибертеракта или кибердиверсии подпадает под данные действия. По мнению А.А. Варфоломеева [6, с. 7] кибертерроризм и кибердиверсия не образуют самостоятельных составов преступлений, а являются их частными случаями, то есть представляют собой только способ совершения традиционных терроризма и диверсии.

Для разрешения данного вопроса необходимо обратиться к легальным определениям. Понятие «терроризм» раскрывается в ст. 3 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[1], как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Определение террористического акта и перечень действий, образующих данный состав преступления, закреплены в ст. 205 УК РФ. Понятие диверсии раскрывается в ст. 281 УК РФ, как и перечень действий, образующих данный состав преступления.

При возможном сходстве данные составы преступлений имеют существенные различия, позволяющие квалифицировать деяние как то или иное преступление.

Первое отличие кроется в объекте преступного посягательства. Если у террористического акта объектом преступления выступает общественная безопасность, то при диверсии преступные посягательства направлены на экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации.

Второе отличие заключается в факультативном признаке субъективной стороны – цели совершения преступного деяния. При совершении террористического акта преследуется цель устрашение населения, создание опасности гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких

[1] О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 01.04.2026).

последствий, дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, а также оказание воздействия на принятие ими решения. Цель совершения диверсии - подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Указанные отличия в полной мере применимы и к кибертерроризму и кибердиверсии, соответственно их разграничение зависит от объекта, на который направлены преступные посягательства и целей, которых они хотят достигнуть. Как справедливо отмечается в литературе «главное в тактике кибертерроризма состоит в том, чтобы это киберпреступление имело опасные последствия, стало широко известно населению, получило большой общественный резонанс и создавало атмосферу угрозы повторения акта без указания конкретного объекта» [7, с. 229]. Главное же в тактике кибердиверсии – это ослабление Российской Федерации в экономическом плане и ее обороноспособности.

В контексте вышеизложенного представляется необходимым выработать комплексную систему мер, направленную на предупреждение и противодействие кибертерроризму и кибердиверсиям на объектах железнодорожного транспорта в целях повышения уровня их защищенности.

На международном уровне целесообразно развитие механизмов взаимодействия и взаимопомощи между иностранными государствами и международными организациями по предупреждению киберугроз и их противодействию, обмену информацией о киберугрозах и лицах или группах, причастных к их совершению.

На федеральном уровне необходимо закрепить понятия кибертерроризма и кибердиверсии с учетом цифрового способа совершения противоправных деяний, а также закрепить перечень действий, квалифицируемых как кибертерроризм и кибердиверсия.

Доработки требует и уголовное законодательство. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации регулируется главой 28 УК РФ. Составы данной главы ориентированы на защиту информации как таковой, без учета специфики целей кибертерроризма и кибердиверсии.

Перспективным направлением является использование технологий искусственного интеллекта для моделирования потенциальных киберугроз с целью выявления недочетов в системах безопасности и оценке уязвимости объектов, распознавания компьютерных атак на ранних стадиях их воздействия на объекты КИИ.

В кадровой сфере необходимо проводить систематическое обучение персонала железнодорожного транспорта основам кибербезопасности, а также регулярную проверку знаний в области обеспечения информационной безопасности.

Реализация указанных и иных меры позволят обеспечить безопасность объектов КИИ железнодорожного транспорта от киберугроз.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что защита транспортной инфраструктуры Российской Федерации, и прежде всего железнодорожного транспорта, от кибертерроризма и кибердиверсии приобретает стратегическое назначение, а предупреждение и пресечение подобных киберугроз должно быть одним из приоритетных направлений государственной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов Л.А. О совершенствовании административно-правовой основы обеспечения антитеррористической защищенности объектов железнодорожного транспорта / Л.А. Иванов // Закон и право. – 2018. – № 10. – С. 141-143.

2. Клебанов Л.Р. Компьютерные технологии в совершении преступлений диверсионной и террористической направленности / Л.Р. Клебанов, С.В. Полубинская

// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, № 3. – С. 717–734. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-3-717-734.

3. Безродный, Б.Ф. Отличительны особенности кибербезопасности АСУ ТП / Б.Ф. Безродный // Железнодорожный транспорт. – 2018. – № 5. – С. 52-54.

4. Машко В.В. Кибертерроризм: понятие и проблемы противодействия / В.В. Машко // Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции» : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Москва, – 2022. – С. 235-241.

5. Черданцев А. Ю. Кибердиверсии – новый вызов национальной безопасности России / А.Ю. Черданцев // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе : сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск, – 2025. – С. 547-552.

6. Варфоломеев А.А. Кибердиверсия и кибертерроризм: пределы возможностей негосударственных субъектов на современном этапе / А. А. Варфоломеев // Военная мысль. – 2012. – № 12. – С. 3–11.

7. Григорьев Н.Ю. Современный кибернетический терроризм и его социальные последствия / Н. Ю. Григорьев, Э. Б. Родюков // Вестник университета. – 2016. – № 5. – С. 227–234.

УДК 343.9

В.М. Куровский

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ УГРОЗАМ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

В статье рассматривается комплекс методов противодействия коррупционным проявлениям в сфере миграции в условиях ужесточения государственной политики и роста миграционных потоков. Проанализированы три группы методов: правовые, организационные; информационно-технологические. Особое внимание уделено типологии коррупционных практик в миграционной сфере.

Ключевые слова: коррупция в миграционной сфере, противодействие коррупции, миграционное законодательство, ужесточение ответственности, организация незаконной миграции, режим высылки, биометрическая регистрация, прокурорский надзор.

V. M. Kurovskiy

SOME METHODS OF COUNTERING CORRUPTION THREATS IN THE MIGRATION SPHERE AND FORMS OF MANIFESTATION

The article examines a set of methods for countering corruption manifestations in the migration sphere amidst the tightening of state policy and the growth of migration flows. Three groups of methods are analyzed: legal, organizational, and information-technological. Special attention is paid to the typology of corrupt practices in the migration sphere.

Keywords: migration-related corruption, countering corruption, migration legislation, stricter liability, facilitating illegal migration, expulsion regime, biometric registration, prosecutorial oversight.

В условиях увеличения миграционных потоков и возникающих в этой связи угроз эффективное управление процессами становится критически важным фактором обеспечения национальной безопасности, социально-экономической стабильности и правопорядка любого государства. Однако, сфера миграции, характеризующаяся высокой сложностью административных процедур, значительными властными полномочиями чиновников и подверженностью значительной части мигрантов рискам представляет собой плодотворную почву для коррупционных проявлений.

Противодействие коррупционным проявлениям в миграционной сфере представляет собой комплексную проблематику, детерминирующую применение соответствующего правового, организационного и совершенствование цифрового инструментария.

Рассмотрим некоторые методы противодействия коррупционным угрозам в сфере миграции: правовые, организационные и информационно-технологические.

Фундаментом всей системы, включающей создание правовой базы, дополнение контрольно- надзорных функций, а также усиление ответственности являются правовые и организационные методы, включающие в себя совершенствование правовой базы, усиление прокурорского надзора, контроль за доходами и расходами сотрудников, ужесточение ответственности.

В рамках реализации Указа Президента от 2 апреля 2025 г. в структуре МВД России была создана новая структура — Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, которая, в частности, отвечает за профилактику коррупционных правонарушений и с приходом которой, по мнению экспертов[1], должен измениться вектор миграционной политики, переведя её из приоритетного направления- оказания государственных услуг, в сферу правоохранительную, направленную на обеспечение национальной безопасности. В этом контексте наделение Службы функциями по профилактике коррупции является не дополнительной мерой, а одной из ключевых задач для обеспечения эффективности и законности её работы.

Логическим продолжением реформы стало принятие ведомственных нормативных актов, направленных на расширение сферы прокурорского надзора за соблюдением миграционного законодательства ФСБ, МВД и ФСИН, включая оперативно-розыскную деятельность, поскольку вновь созданная служба наделена соответствующими полномочиями. Особое внимание будет уделяться полноте внесения данных о мигрантах в информационные системы и устранению фактов бездействия сотрудников, имеющих доступ к такой информации.[2]

В рамках противодействия коррупции для госслужащих, занятых в миграционной сфере, создаются строгие механизмы контроля. Расширяются перечни должностей, по которым публикуются сведения о доходах и расходах (включая данные о доходах супругов и детей). Также ужесточен порядок проверки достоверности предоставляемых сведений и соблюдения требований к служебному поведению.[3]

---

[1] Зачем в России создана новая структура по работе с мигрантами: «Это вопрос национальной безопасности». URL: https://www.kp.ru/daily/27681/5070055/https://www.kp.ru/daily/27681/5070055/ (дата обращения: 10.05.2026)

[2] Генпрокуратура будет строже следить за соблюдением миграционного законодательства. URL:https://senatinform.ru/news/genprokuratura_budet_strozhe_sledit_za_soblyudeniem_migratsionnogo_zakonodatelstva_/ (дата обращения: 10.05.2026).

[3] В МВД усиливают контроль за доходами сотрудников. URL:

В современной научной литературе и правоприменительной практике отмечается непрерывный процесс анализа и последовательного ужесточения мер юридической ответственности за нарушения норм миграционного. [1, с. 243] Это касается как иностранных граждан, так и должностных лиц, замешанных в коррупционных схемах. В рамках данного направления ведётся систематическая работа по совершенствованию административно-правовых и уголовно-правовых норм, повышению эффективности контрольных процедур, а также расширению оснований для применения таких мер, как выдворение, депортация, сокращение срока временного пребывания. Указанные меры приобретают комплексный характер и рассматриваются в качестве приоритетного инструмента предупреждения и пресечения коррупционно-миграционных рисков. С 2024 года по настоящее время был принят целый ряд законодательных актов, направленных на создание прозрачной и жёсткой системы мер как для самих мигрантов, так и для должностных лиц и организаторов противоправных схем.[1]

Санкции для иностранцев, нарушающих российское законодательство, были существенно расширены как по объему оснований, так и по строгости наказания.[2]

Введена новая комплексная мера «Режим высылки». Данный режим распространяется на иностранцев, пребывающих в России нелегально. Его введение сопровождается существенными правовыми ограничениями: детям таких иностранцев отказывают в приёме в дошкольные и школьные учреждения; самому иностранцу запрещают управлять транспортными средствами и выдавать водительское удостоверение, а также применяют иные меры государственного контроля. Сведения о таких лицах вносятся в единый реестр контролируемых лиц.

В 2026 году планируется расширение перечня статей КоАП РФ, санкция которых предусматривает выдворение за пределы РФ, – планируется увеличить практически вдвое, доведя до 43 составов правонарушений, предусматривающих ответственность за нарушение общественного порядка и неповиновение сотрудникам полиции или Росгвардии; действия, создающие помехи работе транспорта, связи и объектов жизнеобеспечения; публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых Сил РФ; распространение информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность; призывы к введению санкций против России.[3]

Часть 3 ст. 322.1 УК РФ устанавливает за деяния, совершённые организованной группой либо в целях совершения тяжких преступлений, наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет с возможным дополнительным штрафом до 5 млн рублей. Тем самым законодатель существенно повышает репрессивный потенциал санкции за указанные виды организации незаконной миграции.[4]

---

https://www.vbr.ru/amp/help/novosti/ne-tolko-generali-80926/ (дата обращения: 10.05.2026).

[1] Приняты четыре закона по противодействию незаконной миграции. URL:http://duma.gov.ru/news/60276/ (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Какие ограничения для мигрантов вступили в силу. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/02/2025/67a21d959a794714af140235 (дата обращения: 10.05.2026).

[3] Число оснований для выдворения мигрантов будет удвоено: в Госдуме пообещали расширить перечень нарушений, за которые грозит «чемодан-вокзал». URL:https://bloknot.ru/obshhestvo/chislo-osnovanij-dlya-vydvoreniya-migrantov-budet-udvoeno-v-gosdume-poobeshhali-rasshirit-perechen-narushenij-za-kotorye-grozit-chemodan-vokzal-1507725.html (дата обращения: 10.05.2026).

[4] Прокурор разъясняет. URL:https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/legal-education/explain/e5652870/ (дата обращения: 10.05.2026).

Пункт «у» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса РФ устанавливает в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, сам факт совершения преступления лицом с нелегальным миграционным статусом (незаконно находящимся на территории РФ). Данное нововведение, закреплённое федеральным законом, свидетельствует о переходе уголовно-правовой политики к усилению репрессивного воздействия на иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушивших миграционное законодательство. С доктринальной точки зрения, повышение наказания в данном случае обосновывается дополнительной общественной опасностью деликта, связанной с пренебрежением не только уголовно-правовым, но и публично-правовым (миграционным) запретом.

В числе новелл уголовного законодательства часть 2 статьи 322.1 УК РФ дополнена рядом квалифицирующих признаков, среди которых: совершение деяния с целью сокрытия или облегчения совершения другого преступления, использование поддельных документов, а равно изъятие, сокрытие или уничтожение документов, удостоверяющих личность, а также использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Имущество, включая денежные средства, приобретённое лицом в результате организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) и обусловленное корыстными побуждениями виновного, подлежит конфискации на основании ст. 104.1 УК РФ. При этом конфискация выступает не в качестве уголовного наказания, а как иная мера уголовно-правового характера (глава 15^1 УК РФ), направленная на восстановление социальной справедливости и изъятие криминальных доходов. С доктринальной точки зрения, ключевым условием применения конфискации является доказанность именно корыстного мотива при организации незаконной миграции (например, получение денег от мигрантов, подкуп должностных лиц, создание фиктивных мест пребывания за вознаграждение). Если преступление совершалось по иным мотивам (например, из ложно понятых интересов дела или по просьбе родственников без корысти), конфискационное изъятие не применяется.

В системе антикоррупционных мер, реализуемых в миграционной сфере, особое место занимают информационно-технологические методы. [2, с. 11] Их применение базируется на искоренении коррупционной среды — минимизации усмотрения должностных лиц и устранения их неконтролируемого взаимодействия с заявителями. Внедрение современных информационных технологий позволяет снизить уровень коррупционных рисков, повысить прозрачность миграционных процедур.

Одним из наиболее эффективных направлений признаётся перевод миграционных услуг в электронный формат. Подача заявлений на оформление патента, разрешения на работу, временное проживание или гражданство через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ) либо специализированные информационные системы принципиально ограничивает прямой контакт заявителя с должностным лицом. Как показывает практика, именно личное взаимодействие чиновника с заявителем создаёт возможность вымогательства, ускорения «за вознаграждение» сроков оказания государственных услуг.

Ключевым технологическим решением является консолидация разрозненных информационных массивов, принадлежащих различным ведомствам — МВД России, Федеральной налоговой службе (ФНС), Федеральной службе по труду и занятости (Роструд). Создание единого реестра иностранных работников на унифицированной платформе позволяет синхронизировать иммиграционный, налоговый и трудовой контроль. В результате подобной интеграции любые попытки уклонения от уплаты

налогов, подлог сведений о трудовой деятельности или фиктивная постановка на учёт становятся прозрачными для контролирующих органов в режиме реального времени. Единый реестр также ликвидирует возможность для должностных лиц манипулировать данными «вручную», поскольку все изменения учитываются и становятся прозрачными.

Важным барьером на пути подделки документов и использования подставных лиц выступает система обязательной дактилоскопической и биометрической регистрации иностранных граждан. В Российской Федерации данная процедура является обязательной для въезжающих трудовых мигрантов и лиц, обращающихся за определёнными миграционными услугами. Уникальные биометрические характеристики (отпечатки пальцев, изображение лица) связываются с электронным носителем. Это делает практически невозможным использование украденных, поддельных или чужих документов, а также многократное оформление документов одним лицом под разными анкетными данными. Биометрическая регистрация служит не только правоохранительным целям, но и профилактике коррупции, так как исключает саму возможность «договориться» о замене личности или фальсификации личности при проверке.

В рамках совершенствования антикоррупционного механизма активно изучаются и пилотными проектами внедряются передовые технологические решения. Наибольший потенциал связывается с применением технологии распределённых реестров (блокчейн) в системе единого цифрового профиля мигранта. [2, с. 456] Блокчейн обеспечивает неизменность, последовательность и хронологическую достоверность всех записей о мигранте — от момента въезда до выезда, включая сведения о постановке на учёт, трудовых договорах, уплаченных налогах и сборах, выданных разрешениях. Любая попытка задним числом изменить или удалить данные становится очевидной для всех участников системы. Такая система делает информационную среду максимально устойчивой к коррупционным воздействиям, поскольку для манипуляции реестром потребовался бы контроль над большинством компьютеров.

Таким образом, информационно-технологические методы образуют самостоятельное и быстроразвивающееся направление антикоррупционной политики в миграционной сфере. Их преимущество заключается в системном, превентивном и масштабируемом характере: автоматизированные механизмы не только выявляют нарушения, но и делают многие коррупционные схемы технически неосуществимыми. Дальнейшее развитие данного направления связано с углублением интеграции ведомственных систем, расширением применения биометрии и внедрением технологических стандартов, обеспечивающих необратимость и проверяемость миграционных записей.

Для полноценного понимания целевой направленности методов противодействия коррупции необходимо обратиться к типологии наиболее распространённых коррупционных практик в миграционной сфере.

В системе коррупционных рисков в органах исполнительной власти выделяется практика получения должностным лицом взятки за совершение формально правомерных действий (например, приём и регистрация документов, выдача справок, постановка на учёт), однако осуществляемых с нарушением установленной процедуры — ускоренно, вне очереди, с игнорированием принципов равного доступа и прозрачности. Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении № 24 от 9 июля 2013 г. (с изменениями, включая актуальные на 2026 г.), ускоренное обслуживание

граждан в обход установленной законом очереди квалифицируется как совершение действий «вопреки интересам общества и государства», такие действия, хотя и не противоречат закону по своему существу, квалифицируются как совершённые «вопреки законным интересам общества и государства» и при наличии корыстного мотива образуют состав получения взятки за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ), поскольку ускоренное обслуживание в обход очереди ущемляет права иных заявителей, гарантированные законом.

В доктрине уголовного права и судебной практике особо выделяется такая форма должностной коррупции, как получение взятки за «общее покровительство» или «попустительство по службе» (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013). Применительно к правоохранительной и контрольно-надзорной деятельности указанная схема реализуется, в частности, в двух основных формах: а) «предупредительная» — заблаговременное оповещение проверяемого лица о грядущих контрольных мероприятиях с целью сокрытия следов правонарушений; б) «пассивная» — систематическое игнорирование выявленных нарушений, несоставление протоколов, непринятие мер административного или уголовного преследования.

Одна из наиболее общественно опасных коррупционных практик в сфере миграции связана с организацией системной фиктивной регистрации иностранных граждан. Реализуется она, как правило, в форме изготовления поддельных договоров найма жилья, фиктивных трудовых соглашений и заявлений о постановке на миграционный учёт за денежное вознаграждение. При этом регистрация нередко осуществляется: а) по адресам, где иностранные граждане фактически не проживают и не планируют проживать; б) по адресам, которые не являются жилыми и юридически непригодны для проживания; в) по вовсе не существующим адресам. Использование должностного положения (например, инспектора отдела по вопросам миграции) позволяет легализовать указанные фиктивные учётные действия. Указанные деяния квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции с использованием служебного положения и поддельных документов, совершённая организованной группой), ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учёт иностранного гражданина), а также п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий из корыстной заинтересованности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Решняк М.Г. Миграция как дестабилизирующий фактор национальной и международной безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2023. № 2 (105). С. 243–255.

2. Кирюхин А.В. Использование информационных технологий в противодействии незаконной миграции // Академическая мысль. 2024. №4 (29). С. 11–14.

3. Шутов И.А., Иванов В.Г. Совершенствование механизмов миграционной политики путем применения технологий блокчейн // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2024. Т. 11. № 4. С. 453–459.

УДК 343.3

Е.А. Лайкова

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается институт судимости как комплексный межотраслевой феномен, имеющий первостепенное значение для уголовного права. Анализируется правовая природа судимости, ее роль в дифференциации уголовной ответственности, квалификации преступлений, назначении наказания и применении институтов освобождения от ответственности. Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам правового регулирования погашения и снятия судимости, а также проблемам сохранения правоограничений после аннулирования уголовно-правовых последствий.

Ключевые слова: судимость, уголовная ответственность, рецидив преступлений, квалификация преступлений, погашение судимости.

E.A. Laikova

CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE OF THE INSTITUTE OF SEXUAL OFFENSES

Abstract. The article examines the institution of criminal record as a complex interdisciplinary phenomenon of paramount importance for criminal law. It analyzes the legal nature of criminal record, its role in the differentiation of criminal liability, the qualification of crimes, the imposition of punishment, and the application of the institutions of exemption from liability. Special attention is paid to the controversial aspects of the legal regulation of the cancellation and removal of criminal record, as well as the problems of maintaining legal restrictions after the cancellation of criminal legal consequences.

Keywords: criminal record, criminal liability, recidivism, criminal classification, expungement of criminal record.

Институт судимости традиционно занимает особое место в системе уголовного права и рассматривается в качестве своеобразного этапа регламентированного законом процесса течения отношений уголовной ответственности. Согласно ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)[1], судимость представляет собой правовое состояние лица, возникающее с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу и прекращающееся в связи с ее погашением или снятием. Судимость напрямую связана с осуществлением наказания, возвращением в общество лиц, которые отбыли наказание, - проблеме сложной и многогранной, охватывающей множество вопросов различного характера по ресоциализации личности. В юридической доктрине сложилось несколько подходов к определению правовой природы судимости.

Так, В.В. Ераксин и Л.Ф. Помчалов, определяют судимость правовым положением лица, которое создано фактом осуждения его судом к определенной мере

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в последней редакции) [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2026. Режим доступа: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 21.04.2026).

наказания за совершенное им преступное деяние, в предусмотренных законом случаях выражается в наступлении для данного лица определенных неблагоприятных последствий уголовно-правового и общеправового характера. [1. С. 15]. А.В. Ульянов определяет судимость как «правовое состояние лица, порождаемое обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу с назначением осужденному реального наказания за совершенное преступление, влекущее при указанных в законах условиях возможность наступления для него уголовно-правовых последствий и некоторых общеправовых ограничений, даже после отбытия наказания» [2, С. 4]. Н.Ф. Кузнецова, А.И. Марцев рассматривают судимость как заключительную стадию реализации уголовной ответственности. До момента погашения судимости лицо продолжает нести негативные последствия совершенного деяния, даже если основной срок наказания уже отбыт. Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой судимость выступает формой реализации уголовной ответственности на постпенитенциарной стадии [3, С. 67]. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, судимость является «правовым последствием осуждения, заключающимся в возможности применения к лицу мер уголовно-правового характера при совершении им нового преступления» [4, С. 104].

Официальная позиция по рассматриваемому вопросу впервые выражена в п.1.2 Постановления Конституционного Суда РФ, согласно которому «судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности»[1].То есть, судимость возникает только при назначении и реальном отбытии (исполнении) наказания.

Уголовно-правовое значение судимости отражено в чч. 1, 6 ст. 86 УК РФ: судимость учитывается при рецидиве преступлений и при назначении наказания; погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с ней.

Системный анализ положений Общей части УК РФ позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовое значение судимости не исчерпывается указанными аспектами, а проявляется при разрешении и иных вопросов в сфере уголовно-правового регулирования. Уголовно-правовое значение судимости реализуется лишь в ситуации, когда лицо, имеющее судимость, совершает новое преступление.

Наиболее значимой уголовно-правовой функцией судимости является ее роль в определении рецидива преступлений. Легальное определение рецидива предлагает (ч. 1 ст. 18 УК РФ) рецидивом признается совершение умышленного преступления лицом,

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан URL: https: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/?ysclid=mos6706xhh524671805 (дата обращения: 24.04.2026).

имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Вместе с тем в соответствии с п. а ч.1 ст. 63 УК РФ «рецидив преступления» (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)[1] относится к обстоятельствам, отягчающим наказание. Это означает, что суд не может назначить минимальное наказание, предусмотренное санкцией статьи, а обязан применить правила назначения наказания при рецидиве, что практически всегда ведет к ужесточению приговора. В соответствии с ч. 5 ст. 18 УК РФ рецидив преступления влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ, а также иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Такие основания и пределы устанавливает ст. 68 УК РФ, во-первых, учитывается характер и степень общественной опасности за ранее совершенные преступления (ч.1 ст. 68 УК РФ), во-вторых, срок наказания при рецидиве не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 2 ст. 68 УК РФ).

Следует также учитывать, что институт судимости оказывает влияние на определение вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ): если у лица фиксируется рецидив или опасный рецидив, местом отбывания наказания становится колония строгого режима; при особо опасном рецидиве назначается колония особого режима.

Далее, судимость выступает юридическим препятствием для реализации таких гуманных институтов уголовного права, как освобождение от ответственности:

- выступает отрицательным критерием при применении условного осуждения, ухудшающая оценку личности виновного (ст. 73 УК РФ);
- исключает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением с потерпевшим (ст. 75, 76 УК РФ);
- учитывается судом при решении вопроса об условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (п. «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ);
- делает невозможным освобождение от отбывания наказания из-за изменения обстановки (ст. 80^1 УК РФ);
- наконец, наличие судимости влияет на решение о применение актов об амнистии и помиловании (ст.84, 85 УК РФ) и т.д.

Институт судимости в российском уголовном праве представляет собой сложное многоаспектное правовое состояние, которое не ограничивается лишь фактом осуждения и отбытия наказания. Судимость, закрепленная в ст. 86 УК РФ, выступает в качестве завершающего этапа реализации уголовной ответственности, продолжая оказывать существенное влияние на правовое положение лица даже после отбытия наказания вплоть до момента ее погашения или снятия.

На основании всего вышесказанного, следует сделать следующий вывод, что институт погашения судимости и снятия судимости – это сложное юридическое явление, тесно связанное с наказанием, которое приобретает особое значение, так как судимость составляет предусмотренные законодательством ограничения, она препятствует или затрудняет условное осуждение, освобождение от ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим, условно-досрочное освобождение, применение амнистии и помилования.

[1] «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации": Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) URL: https: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 24.04.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ераксин В.В., Помчалов Л.Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. Лекция для студентов юридических вузов - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 48.

2. Ульянов А.В. Судимость и правовые последствия ее реализации: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2006. С. 27.

3. Одинцова Л.Н. О понятии и значении института судимости в современном российском законодательстве // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3(36). С. 62-76.

4. Шаутаева Р.Х., Судимость как реализация уголовной ответственности // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 2. С. 102-108.

343.3/.7

Е.И. Лапутнева, Л.А. Иванова

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматривается роль судебной лингвистической экспертизы в процессе установления признаков преступлений экстремистской направленности. Анализируется влияние цифровизации коммуникационной среды на изменение форм совершения указанных преступлений, а также возрастающее значение речевых и текстовых сообщений в сети «Интернет» как объектов экспертного исследования. Особое внимание уделяется правовой неопределённости отдельных оценочных категорий уголовного законодательства и необходимости их лингвистической интерпретации. Обосновывается, что судебная лингвистическая экспертиза выступает не только средством доказывания, но и инструментом конкретизации содержания юридически значимых понятий. Рассматриваются проблемы назначения экспертизы и значение судебной практики при квалификации преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, экстремизм, экстремистская направленность, речевые высказывания, правовая интерпретация.

E.I. Laputneva, L.A. Ivanova

THE ROLE OF LINGUISTIC EXPERTISE IN ESTABLISHING THE SIGNS OF EXTREMIST CRIMES

The article examines the role of forensic linguistic expertise in the process of identifying signs of extremist crimes. The article analyzes the impact of digitalization of the communication environment on the changing forms of commission of these crimes, as well as the increasing importance of speech and text messages on the Internet as objects of expert research. Special attention is paid to the legal uncertainty of certain evaluative categories of criminal legislation and the need for their linguistic interpretation. It is proved that judicial linguistic expertise acts not only as a means of proof, but also as a tool for specifying the content of legally significant concepts. The problems of the appointment of expertise and the importance of judicial practice in the qualification of extremist crimes are considered.

Keywords: judicial linguistic expertise, extremism, extremist orientation, speech utterances, legal interpretation.

На сегодняшний день вопрос противодействия преступлениям экстремистской направленности сохраняет высокую степень актуальности в связи с динамичностью форм их проявления и устойчивой тенденцией к росту числа зарегистрированных преступлений данной категории. Согласно статистическим данным МВД России, в январе–марте 2026 года зарегистрировано 708 преступлений экстремистской направленности, что на 28,3 %

превышает показатели аналогичного периода предыдущего года. В 2025 году зарегистрировано 2241 преступление экстремистской направленности (+30,4 %), в 2024 году – 1719 (+28,3 %), в 2023 году – 1340 (-14,4 %), в 2022 году – 1566 (+48,2 %), а в 2021 году – 1057 преступлений (+26,9 %)[1]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о сохраняющейся тенденции распространения экстремистских проявлений, значительная часть которых реализуется посредством информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети «Интернет».

Следует отметить, что развитие цифровых технологий и широкое распространение информационно-телекоммуникационных сетей существенно изменили характер совершения преступлений экстремистской направленности, значительная часть которых в настоящее время реализуется посредством речевых и текстовых сообщений в сети «Интернет». В этих условиях особую значимость приобретает использование специальных знаний в процессе расследования, поскольку установление признаков экстремистского содержания в высказываниях требует профессионального лингвистического анализа.

Как отмечается в научной литературе, судебная экспертиза, основанная на использовании специальных знаний в области лингвистики, фоноскопии и информационных технологий, рассматривается как один из основных инструментов установления содержания речевых материалов и их последующей правовой оценки при расследовании преступлений экстремистской направленности [1, с. 26].

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что в нём обосновывается значимость судебной лингвистической экспертизы как одного из ключевых элементов, обеспечивающих выявление смысловых признаков высказываний экстремистского характера. Кроме того, раскрывается взаимосвязь между недостаточной определённостью оценочных категорий уголовного закона и необходимостью их уточнения посредством лингвистического анализа. При этом подчёркивается, что экспертное исследование выполняет не только доказательственную функцию, но и способствует конкретизации содержания правовых понятий, используемых законодателем при описании признаков экстремистских деяний.

Представляется, что в современных условиях роль лингвистической экспертизы выходит за рамки вспомогательного инструмента доказывания и приобретает системообразующее значение в процессе установления признаков состава преступления. При этом эффективность её использования напрямую зависит от уровня методологической разработанности и единообразия экспертных подходов к анализу речевых высказываний.

Необходима конкретизация понятийного аппарата. В соответствии со статьёй 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[2] к экстремистской деятельности относятся, в том числе, действия, выражающиеся в возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также в пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по указанным признакам, и публичные призывы к осуществлению экстремистских деяний. Указанные законодательные формулировки имеют существенное значение для судебной лингвистической экспертизы, поскольку они

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/84420054/ (дата обращения: 18.04.2026).

[2] Официальный источник опубликования: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04.2026).

определяют нормативные критерии выявления языковых признаков экстремистского содержания в речевых высказываниях. Таким образом, правовые дефиниции экстремистской деятельности трансформируются в основу для лингвистического анализа текстов и установления их потенциальной общественной опасности.

Судебная лингвистическая экспертиза представляет собой процессуально регламентированное исследование устной и (или) письменной речи, осуществляемое с применением специальных знаний в области языкознания и судебного речеведения, результаты которого оформляются в виде заключения эксперта. Её предметом является установление фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, посредством анализа смыслового содержания речевых произведений и выявления юридически значимых языковых признаков. Объектами лингвистического исследования выступают различные формы речевой коммуникации, включая тексты, высказывания, а также материалы, зафиксированные на электронных и иных носителях информации[1].

В делах о преступлениях экстремистской направленности судебная лингвистическая экспертиза выполняет ряд ключевых функций, связанных с установлением смыслового содержания речевых высказываний. В частности, эксперт осуществляет анализ текста на предмет наличия призывов к осуществлению экстремистской деятельности, признаков возбуждения ненависти либо вражды, а также унижения достоинства группы лиц по различным социальным, национальным или религиозным признакам.

При назначении судебной лингвистической экспертизы по уголовным делам экстремистской направленности на практике возникает проблема выбора экспертного учреждения и квалифицированного специалиста. Не все государственные судебно-экспертные учреждения, включая подразделения системы Министерства юстиции Российской Федерации, обладают специалистами, осуществляющими лингвистические исследования в полном объёме. Кроме того, не все частнопрактикующие эксперты-лингвисты принимают участие в делах данной категории, что обусловлено спецификой поставленных перед ними вопросов, требующих специальных знаний в области выявления признаков экстремистского содержания в речевых материалах [2, с. 85].

В судебной практике по делам экстремистской направленности, связанным с использованием сети «Интернет», значительное место занимает анализ материалов с привлечением судебной лингвистической экспертизы. Так, Ленинским районным судом г. Барнаула было рассмотрено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, разместившего на своей странице в социальной сети изображения с текстовыми комментариями, доступными неограниченному кругу лиц. В ходе судебного разбирательства была назначена психолого-лингвистическая экспертиза, согласно выводам которой в размещённых материалах содержались признаки призывов к насильственным действиям в отношении лиц определённой национальности, а также высказывания, направленные на возбуждение ненависти и вражды. Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 282 УК РФ и ч. 2 ст. 280 УК РФ, признав заключение эксперта допустимым доказательством и положив его в основу приговора[2].

---

[1] О Методических рекомендациях : письмо ФССП России от 18.09.2014 № 00043/14/56151-ВВ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148806/4e53f7a1506ddb371caff6d010d545c3f14dc37f/ (дата обращения: 19.04.2026).

[2] В Барнауле вынесен приговор подростку за экстремизм в соцсети // МК Барнаул: интернет-издание. URL: https://brl.mk.ru/articles/2017/05/18/v-barnaule-vynesen-prigovor-podrostku-za-ekstremizm-v-socseti.html?utm_source (дата обращения: 22.04.2026).

Данный пример демонстрирует ключевую роль лингвистической экспертизы в установлении смысловой направленности высказываний, размещённых в сети «Интернет», а также её значение для квалификации действий по статьям экстремистской направленности.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях судебная лингвистическая экспертиза приобретает ключевое значение в процессе выявления и оценки признаков преступлений экстремистской направленности. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий обусловило переход значительной части противоправных деяний в сферу речевой и текстовой коммуникации, что повысило роль специальных знаний в процессе доказывания.

Особо отмечается, что наличие в уголовном законодательстве оценочных и недостаточно определённых категорий, таких как «дискредитация» [3, с. 9-10], обусловливает необходимость их научного и экспертного толкования. В этой связи судебная лингвистическая экспертиза выступает не только инструментом установления фактических обстоятельств, но и средством конкретизации содержания правовых понятий, используемых при квалификации преступлений.

Таким образом, лингвистическая экспертиза занимает системообразующее место в механизме уголовно-правовой оценки преступлений экстремистской направленности, обеспечивая связь между языковыми характеристиками речевых высказываний и их юридической квалификацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бордюгов Л. Г. Реализация специальных знаний в процессе расследования преступлений экстремистской направленности // Противодействие экстремизму в условиях цифровизации и информатизации общества и государства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 17 ноября 2022 г.). – Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – 2023. – С. 24–28.

2. Кряжев В. С. Проблемы назначения судебно-лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Ивановича Шиканова. – 2021. – С. 79–86.

3. Алиев Т. Ф. О проблемах квалификации преступлений, связанных с дискредитацией власти // I Восточно-Сибирский юридический форум : сборник матери

4. алов XXX международной научно-практической конференции. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2025. – С. 8–11.

О.В. Маркова

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ГРУППЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА (ЕАГ)

Аннотация. В статье рассматривается участие Республики Беларусь в деятельности Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Прослеживается развитие национальной системы противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма с 2004 года. Анализируются основные направления совершенствования законодательства, межведомственного взаимодействия, кадрового и технического потенциала.

Ключевые слова: Республика Беларусь, финансовый мониторинг, криптовалюта, финансирование терроризма.

O.V. Markova

PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE EURASIAN GROUP ON COMBATING MONEY LAUNDERING AND FINANCING OF TERRORISM

Abstract. The article examines the participation of the Republic of Belarus in the activities of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism. It traces the development of the national system for combating money laundering and the financing of terrorism since 2004. The article analyzes key areas for improving legislation, interagency cooperation, and human and technical capacity.

Keywords: Republic of Belarus, financial monitoring, cryptocurrency, terrorist financing.

С 2004 года Республика Беларусь является членом Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). В настоящее время ЕАГ как региональная группа является ассоциированным членом ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) и объединяет девять государств: Беларусь, Индию, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Путь длинной чуть более 20 лет начинался с инициативы Российской Федерации о создании ЕАГ, поддержки ее в Совете министров иностранных дел Содружества независимых государств (СНГ), и проведении 6 октября 2004 года учредительной конференции ЕАГ представителями шести стран-основателей: Беларусь, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Позже в состав ЕАГ вошли Узбекистан (2005 г.), Индия и Туркменистан (2010 г.).

Первые шаги работы ЕАГ были направлены на создание в каждом из государств-участников национальной «антиотмывочной» системы в соответствии с рекомендациями ФАТФ; взаимные оценки созданных и используемых национальных систем противодействия отмыванию доходов и финансирования терроризма (ПОД/ФТ); типологические исследования схем отмывания денег и финансирования терроризма; техническое содействие и обмен информацией между подразделениями финансовой разведки государств –членов ЕАГ.

Первая оценка мер, принимаемых Республикой Беларусь в сфере ПОД/ФТ, была осуществлена практически сразу после основания ЕАГ в декабре 2004 года представителями Международного валютного фонда (МВФ). Несмотря на то, что в это время в нашем государстве было криминализировано отмывание преступных средств, было создано подразделение финансовой разведки, не были сформированы четкие цели ПОД/ФТ, которые в тот момент подчинялись иным целям, в частности в области соблюдения налогового и валютного законодательства. Нуждался в серьезной законодательной переработке действовавший в то время Закон Республики Беларусь №426-З от 19 июля 2000 года «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путем». Не было криминализировано «финансирование терроризма» как отдельное преступление. В тот период времени Республика Беларусь находилась на относительно раннем этапе развития национальной системы ПОД/ФТ, хотя и стремилась соблюдать все Рекомендации ФАТФ.

Первая взаимная оценка Республики Беларусь в качестве члена-участника ЕАГ была проведена в 2008 году в соответствии с Методологией ФАТФ 2004 года. Оценка проводилась группой экспертов ЕАГ в областях права, финансов и правоохранительной деятельности. Эксперты рассматривали институциональную структуру, действующие законы в сфере ПОД/ФТ, инструкции, руководящие принципы и другие требования, регулирующую данное направление через финансовые учреждения и нефинансовые предприятия. Так эксперты констатировали, что в

уголовном законодательстве применяется ограничительное условие для привлечения к ответственности за «самоотмывание», как «использования указанных материальных ценностей для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности», что является преградой для уголовного судопроизводства. Оценка также содержала рекомендации о введении в уголовно-процессуальное законодательство нормы, предусматривающей конфискацию имущественного эквивалента (например, при невозможности конфискации предмета вследствие его использования, принимается решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета). Также необходимо было определить ведомство, которое бы отвечало за разработку и внедрение системы правоохранительных мер по борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма, а также координацию деятельности других правоохранительных органов на данном направлении. По итогам первой взаимной оценки Республика Беларусь была помещена под процедуру стандартного мониторинга ЕАГ и осуществляла исправление недостатков по базовым и ключевым Рекомендациям ФАТФ.

Вторая взаимная оценка Республики Беларусь ЕАГ в сфере ПОД/ФТ была проведена в период с 2018 по 2019 год. По результатам второй оценки Республика Беларусь соответствует или в значительной степени соответствует большинству Рекомендаций ФАТФ. Установлены полномочия в сфере ПОД/ФТ правоохранительных, надзорных и иных компетентных органов. Реализуются механизмы взаимодействия и координации на национальном и международном уровнях. Лицами, осуществляющими финансовые операции, принимаются необходимые меры ПОД/ФТ: утверждены и выполняются правила внутреннего контроля, определены процедуры управления рисками, осуществляется регистрация подозрительных финансовых операций и сведения о них передаются в орган финансового мониторинга. Определены 4 стратегических направления, требующих реализации в системе ПОД/ФТ в Республике Беларусь:

1) совершенствование институциональной среды (например, согласно ст.15-1 Закона Республики Беларусь № 165 З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» координация деятельности государственных органов, государственного учреждения «Администрация Парка высоких технологий» в сфере ПОД/ФТ осуществляется межведомственной комиссией по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения (МВК). Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 25.03.2021 № 170 «О создании межведомственной комиссии» была создана МВК, возглавляемая Председателем Комитета государственного контроля Республики Беларусь, в апреле 2021 года утвержден состав Секретариата МВК.

2) совершенствование нормативно-правового регулирования (например, Законом Республики Беларусь от 18.08.2020 г. № 53-З Республика Беларусь присоединилась к Протоколу об обмене информацией в электронном виде между государствами – участниками СНГ для осуществления налогового администрирования. В рамках Протокола в целях обеспечения надлежащего исполнения налогового законодательства предусматриваются предоставление и получение налоговыми органами стран-участниц сведений: об отдельных видах доходов юридических лиц; об отдельных видах доходов физических лиц; об отдельных видах имущества и его собственниках (владельцах).

3) совершенствование деятельности национальной системы ПОД/ФТ (например, для сферы игорного бизнеса определены индивидуальные критерии оценки

степени риска ПОД/ФТ, производится мониторинг информации, размещенной в сети Интернет, на предмет выявления интернет-сайтов, посредством которых на территории нашей страны осуществляется деятельность в сфере игорного бизнеса в нарушение установленных требований, осуществляются экспертизы виртуального игорного заведения на соответствие установленнм требованиям к подобным заведениям и др.);

4) укрепление кадрового и технического потенциала.

В 2023 году закончился второй раунд взаимных оценок ЕАГ.

Новый третий раунд взаимных оценок начнется в 2026 году и будет являться важнейшим приоритетным направлением деятельности ЕАГ. Подготовка и поведение взаимной оценки является длительным и трудозатратным процессом, включающим в себя подготовку экспертов-оценщиков, мероприятия по подготовке оцениваемой страны, формирование команды экспертов-оценщиков, организацию выездных миссий, подготовку и защиту отчета взаимной оценки, последующий мониторинг прогресса. При этом координация всего процесса взаимных оценок осуществляется Секретариатом ЕАГ. Для Республики Беларусь третий раунд взаимной оценки ЕАГ планируется на 2028 год (предоставление отчета в августе 2027 г., выездная миссию в марте 2028 г. и утверждение итогов в ноябре 2028 г). Главная цель оценки – подтвердить как техническое, так и практическое соответствие международным стандартам.

В настоящее время, легализация преступных доходов всё чаще осуществляется с использованием многоуровневых схем, в том числе с участием профессиональных отмывателей, в которых используются криптовалюты и платежные реквизиты подставных физических лиц – «дропов». В сфере финансирования терроризма популярность приобретают схемы с использованием зарубежных криптообменников, внутриигровых валют и криптокошельков. Важным направлением деятельности ЕАГ продолжает оставаться мониторинг оперативной обстановки в государствах-членах ЕАГ в части новых рисков ОД/ФТ. Для этого пересматриваются и изучаются типовые схемы отмывания криминальных средств, индикаторы подозрительности, обобщаются лучшие практики использования искусственного интеллекта в сфере ПОД/ФТ и внедряются новые технологии в деятельность компетентных органов.

УДК 343.3/.7

А.В. Нелюбина

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ КАННИБАЛИЗМА

В настоящей статье рассмотрено явление каннибализма. Проанализированы разновидности и причины его появления. Выявлены особенности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, включающих в себя каннибализм, а также проблемы квалификации.

Ключевые слова: каннибализм, антропофагия, преступление, общественная опасность, убийство

A.V. Nelyubina

PROBLEMS OF MODERN LEGAL REGULATION AND QUALIFICATION OF CANNIBALISM

Such a phenomenon as "cannibalism" and its place in the life of modern society are considered. The reasons for the appearance and main types are analyzed. The features of bringing to criminal responsibility for committing crimes including cannibalism, as well as qualification problems are revealed.

Keywords: cannibalism, anthropophagy, crime, public danger, murder.

Практика поедания себе подобных известна давно, как среди животных, так и в человеческом мире. Для цивилизованных стран подобные случаи являются исключением, нежели правилом, выходящим за рамки дозволенного, но для человеческих объединений, что находятся на стадии племенного развития подобное нередкость – племена Западной Африки по-прежнему практикуют поедание себе подобных в ритуальных целях или же в случаях наступления голодных времен [1, с. 25]. Если же для одних народов это вполне обыденная практика и даже дань историческим традициям и обычаям, то для большинства современных правовых государств – нонсенс, посягающий на охраняемые законом права и законные интересы личности, общества и государства. Но парадокс нахождения каннибализма в правовой плоскости заключается в отсутствии отдельного закрепления в уголовном законодательстве ответственности за совершение подобных деяний. В частности, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ)[1] не выделены в отдельный состав случаи поедания человеком себе подобных:

– пунктом «м» части 2 статьи 105 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за совершение убийства в целях использования органов и (или) тканей человека. Указанная норма используется в совокупности с положениями части 1 статьи 244 УК РФ – надругательство над телами умерших, если умысел на поедание убитого возник до причинения смерти;

– пунктом «д» части 2 статьи 105 УК РФ охватываются случаи, когда потерпевший был еще жив на момент совершения преступного посягательства;

– частью 1 статьи 105 УК РФ в совокупности с требованиями статьи 244 УК РФ охватываются ситуации, при которых умысел на употребление в пищу убитого возник уже после совершения преступления;

– по пункту «ж» части 2 статьи 111 УК РФ квалифицируется деяние, в рамках которого потерпевший лишается органа (тканей, частей тела) для употребления в пищу [2, с. 30].

Применение норм Особенной части УК РФ, напрямую не относящихся к случаям каннибализма, подвергается обоснованной критике со стороны исследователей. В частности, нельзя не согласиться с Е.В. Капитоновой, О.В. Романовской и Г.Б. Романовским относительно невозможности квалификации каннибализма по пункту «м» части 2 статьи 105 УК РФ, поскольку фактически применяется расширительное толкование нормы и аналогия закона, что недопустимо [3, с. 89]. Аналогичное можно сказать и в отношении применения пункта «ж» части 2 статьи 111 УК РФ.

Как отмечают авторы, официальная статистика совершения каннибализма, однако время от времени в средствах массовой информации, как зарубежных, так и отечественных, возникают громкие новости о случаях, вызывая общественный резонанс [4, с. 133], а также в актах высших судебных инстанций публикуются обобщения судебной практики по подобным категориям дел, что подтверждает актуальность указанной темы не только с научной, но и правоприменительной точки зрения [2].

Если же с точки зрения законодателя каннибализм не рассматривается как самостоятельный состав преступления, то в научной среде поедание человеком себе подобных вызывает бурные дискуссии и получило гораздо больше внимания. Нельзя

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

не отметить в этом ключе научные изыскания Ю.М. Антоняна, который не только рассмотрел определение каннибализма, но и определил его разновидности:

– ритуальный, или мистический, при котором поедается обладатель тайных качеств, передающихся в момент поедания каннибалу;

– корыстный – с целью приобретения отдельных качеств поедаемого;

– житейский – мясо человека приравнивается к любым другим разновидностям животных;

– криминальный – при непреодолимом желании попробовать плоть человека;

– медицинский – для изготовления лекарственных препаратов;

– сексопатологический – свойственен лицам с сексуальными отклонениями, где поедание жертвы приравнивается к половому акту;

– поедание других людей в целях утоления голода, когда никакой другой пищи нет [5, с. 15].

Проблематика отсутствия отдельного состава каннибализма в УК РФ кроется не только и не столько в необходимости правильной квалификации правоохранительными органами содеянного, а в выяснении особенностей объективных и субъективных признаков подобных деяний, что играет роль в дальнейшей работе с осужденным, потерпевшим (при его наличии), социумом в целом, поскольку на соотнесении факта содеянного с подходящей статьей Особенной части УК РФ все не заканчивается.

Для криминализации тех или иных деяний необходима практика их совершения для того, чтобы установить общественную опасность, для каннибализма, казалось бы, подобное отсутствует, однако, фигурально выражаясь, при необходимости законодательного закрепления уголовной ответственности именно за такое преступление, мы попадаем в замкнутый круг, поскольку статистически случаи каннибализма не отражаются, так как к ответственности лиц, совершивших причинение смерти или вреда здоровью другого человека с целью поедания его органов и (или) тканей, частей тела в пищу, привлекают по указанным выше статьям Особенной части УК РФ, которые не в полной мере отражают специфики содеянного, а отдельный состав не выделяется в силу формального отсутствия правоприменительной практики, что в конечном счете приводит к назначению наказания, несоразмерного содеянному, либо вовсе безнаказанности, а также искажению установления причинного комплекса подобных преступлений и неприменению подходящих превентивных мер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маринкин Д. Н. Особенности уголовной ответственности за каннибализм на территории Российской Федерации / Д. Н. Маринкин, А. А. Савицкая // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 2(86). – С. 24-29.

2. Цацура К. К. Проблемы уголовной ответственности за каннибализм / К. К. Цацура // Актуальные вопросы юридической науки и практики : материалы III Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием, Хабаровск, 30 мая 2022 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. – С. 29-32.

3. Капитонова Е.А. Правовое регулирование трансплантологии: моногр. / Е.А. Капитонова, О.В. Романовская, Г.Б. Романовский. – М., 2016. – 144 с.

4. Мальцева А. В. К вопросу об уголовной ответственности за каннибализм / А. В. Мальцева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (памяти доктора юридических наук, Почетного профессора Московской академии

СК России Евгения Петровича Кима), Хабаровск, 30 мая 2024 года. – Москва: Московская академия следственного комитета, 2024. – С. 132-135.

5. Отрицание цивилизации : Каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм / Ю. М. Антонян. – М., 2003. – 256 с.

УДК 343.98

Р.Н. Нынюк

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В настоящей статье с позиций виктимологии и теории национальной безопасности исследованы проблемы защиты граждан РФ от цифровой преступности в условиях геополитического кризиса. Обосновано, что внешнеполитическая нестабильность выступает макрокриминогенным фактором, формирующим массовую ситуационную виктимность населения. На основе анализа нормотворчества 2025–2026 гг. рассмотрен переход государства к проактивному проектированию суверенной архитектуры киберпространства. Проанализированы феномен «вторичной технической виктимизации» и миграция криминала в Darknet на фоне блокировок VPN-сервисов. Аргументирован авторский вывод о том, что обеспечение виктимологической безопасности требует системной деанонимизации Интернета и внедрения сквозных методов верификации пользователей.

Ключевые слова: виктимологическая безопасность, цифровая трансформация, геополитическая нестабильность, суверенизация Интернета, деанонимизация, кибервиктимизация, вторичная техническая виктимизация, средства обхода фильтрации.

R.N. Nynyuk

PROBLEMS OF ENSURING VICTIMOLOGICAL SECURITY OF CITIZENS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY IN THE PERIOD OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

From the perspective of victimology and the national security theory, the article explores the problems of protecting citizens of the Russian Federation from digital crime in the context of a geopolitical crisis. It is substantiated that foreign policy instability acts as a macro-criminogenic factor that shapes the mass situational victimity of the population. Based on the analysis of rule-making practices of 2025-2026, the transition of the state to proactive design of a sovereign cyberspace architecture is examined. The phenomenon of «secondary technical victimization» and the migration of crime into the Darknet against the background of blocking VPN services are analyzed. The author's conclusion is argued that ensuring victimological security requires systemic deanonymization of the Internet and the introduction of end-to-end user verification methods.

Keywords: victimological security, digital transformation, geopolitical instability, sovereignty of the Internet, deanonymization, cybervictimization, secondary technical victimization, tools for bypassing filtration.

Проблема обеспечения виктимологической безопасности в условиях масштабной цифровизации и обострения внешнеполитического противоборства находится в фокусе повышенного внимания современных криминологов и специалистов в области национальной безопасности. Цифровая трансформация не просто видоизменила структуру преступности, но и сформировала качественно новые паттерны виктимного

поведения, требующие переосмысления классических превентивных доктрин.

Так вектор влияния геополитической нестабильности на уязвимость сетевого поведения российских граждан активно исследуется в трудах Т. В. Пинкевич, которая обоснованно указывает на появление специфических «цифровых и виктимологических рисков», сопряженных с целенаправленным деструктивным информационным воздействием на население со стороны внешних акторов. Она также подчеркивает, что в условиях гибридных угроз традиционные инструменты самокомпенсации жертвы оказываются неэффективными, что актуализирует переход к комплексным государственным системам защиты [1, с. 64].

Схожей позиции придерживается С. В. Иванцов, рассматривающий информационное пространство как плацдарм для криминальной и деструктивной экспансии. В его публикациях аргументировано, что геополитическое соперничество катализирует использование ИТ-инфраструктуры для дезорганизации институтов гражданского общества, причем наиболее уязвимыми становятся граждане, демонстрирующие дефицит критического мышления при верификации сетевых нарративов [2, с. 117].

Развивая идеи массовой виктимизации, К. В. Вишневецкий в своих трудах по криминологической виктимологии социальных групп обращает внимание на феномен «ситуационной уязвимости» больших массивов пользователей. Автор доказывает, что в периоды макросоциальных кризисов цифровая среда способна мгновенно масштабировать виктимогенные факторы, превращая индивидуальные риски в угрозы общественной и национальной безопасности [3, с. 19].

В настоящее время переход государственной парадигмы к модели жесткого нормативного и технологического патернализма (включая создание верифицированных зон российского сегмента Интернета и деанонимизацию) находит живой отклик в академическом сообществе.

Проблемы криминального экстремизма, радикализации и вовлечения уязвимых групп в диверсионную деятельность на цифровых площадках подробно исследуются В. О. Давыдовым. Ученый эксплицирует технологии «цифрового рекрутинга» и манипулирования, доказывая необходимость внедрения проактивных заградительных барьеров на уровне провайдеров, поскольку классическое правовое просвещение не успевает за эволюцией ИТ-технологий вербовки [4, с. 81].

В то же время вопросы защиты персональных данных и алгоритмического контроля над поведением пользователей поднимаются в работах исследователей Академии управления МВД России. Специалисты отмечают, что императивная деанонимизация и сбор цифровых следов – это вынужденный, но стратегически оправданный шаг для формирования ретроспективной доказательственной базы по трансграничным преступлениям [5, с. 86; 6, с. 170].

Одновременно продолжается научная дискуссия о криминологической амбивалентности запретительных мер (VPN-сервисы и анонимайзеры). Тезис о дуалистической природе ограничений средств обхода контентной фильтрации, сформулированный в данной статье, соотносится с выводами А. Л. Репецкой. Исследуя региональные и глобальные тренды высокотехнологичной преступности, автор указывает на «эффект миграции» криминала: жесткое блокирование одних каналов неизбежно влечет за собой уход криминальных элементов в глубоко латентные теневые протоколы (Darknet, децентрализованные мессенджеры) [7, с. 393; 8, с. 558].

Кроме того, современные исследователи проблем информационной безопасности (в рамках научных школ Краснодарского университета МВД России) обращают внимание на феномен «вторичной технической виктимизации». Ученые констатируют, что попытки обхода инфраструктурных блокировок со стороны рядовых граждан приводят к массовой установке вредоносного квази-программного обеспечения, что кратно увеличивает риски

утечки аутентификационных данных и компрометации личной информации. Это подтверждает авторский вывод о том, что центр тяжести в обеспечении безопасности должен смещаться с запрета пользовательского софта на сквозную фильтрацию магистрального трафика [9, с. 34; 10, с. 27].

Таким образом, проведенный краткий ретроспективный анализ теоретических подходов (2024–2026 гг.) позволяет констатировать, что в криминологической науке сформировался устойчивый консенсус относительно того, что обеспечение виктимологической безопасности в период геополитической турбулентности невозможно в рамках старой реактивной модели. Современные исследователи солидарны в понимании необходимости инфраструктурной суверенизации цифрового пространства. Однако ключевым научным пробелом, требующим дальнейшего разрешения, остается поиск баланса между регуляторным патернализмом государства и недопущением рисков технической самовиктимизации граждан.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время в российском обществе наблюдается два разнонаправленных, но взаимосвязанных процессов. С одной стороны, происходит форсированная цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности, с другой стороны, отмечается беспрецедентное обострение геополитического соперничества. В данных реалиях виртуальное пространство перестает быть исключительно средой информационного обмена и превращается в стратегический плацдарм для ведения гибридного противоборства. Граждане Российской Федерации, выступая активными субъектами цифровых отношений, оказываются в зоне повышенной виктимологической уязвимости.

Трансграничный характер киберугроз, сопряженный с использованием зарубежной ИТ-инфраструктуры, позволяет внешним деструктивным силам использовать криминальные инструменты (финансовое мошенничество, несанкционированный сбор персональных данных, распространение экстремистских и дестабилизирующих нарративов) для дезорганизации государственного управления и индукции социальной напряженности. В этой связи теоретическое осмысление и практическая модернизация системы обеспечения виктимологической безопасности граждан приобретают выраженный превентивно-стратегический приоритет. В частности, можно выделить следующие тенденции в государственной политики:

1. Построение суверенно-правовой модернизации общегосударственного контура кибербезопасности как ответ на геополитические вызовы.

Анализ нормативных правовых актов, принятых или вступивших в юридическую силу в период 2025–2026 гг., свидетельствует о концептуальном сдвиге в оборонной стратегии государства в цифровой сфере. Иными словами осуществлен переход от фрагментарного купирования отдельных угроз к созданию периметра комплексной безопасности.

Данная тенденция прослеживается в трех государственных решениях:

а) императивная пролонгация сроков фиксации цифровых следов;

Согласно Постановлению Правительства РФ от 30.10.2025 № 1698[1], с 1 января 2026 года для организаторов распространения информации введена обязанность трехлетнего хранения сведений о пользователях и фактах их сетевой авторизации на территории России (ранее данный лимит составлял один год). В условиях геополитической нестабильности, когда кибератаки и акты цифрового мошенничества зачастую координируются из-за рубежа с привлечением внутренних латентных

[1] О внесении изменений в Правила хранения организаторами распространения информации в сети «Интернет» информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей и информации об этих пользователях: постановление Правительства Российской Федерации от 30.10.2025 № 1698 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2025. 1 ноября.

агентов, расширение ретроспективной глубины хранения данных выступает критически важным фактором оптимизации доказательственной базы правоохранительных органов.

б) создание системы сквозного мониторинга транзакционной и сетевой активности;

Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ[1] учредил государственную информационную систему противодействия правонарушениям, которая с 1 марта 2026 года консолидирует распределенные массивы данных органов власти, финансовых институтов и телекоммуникационных операторов. Синергетический эффект данной платформы направлен на автоматизированное обнаружение и пресечение фишинговых и мошеннических архитектур.

в) усиление технологического суверенитета критических систем.

Приказ ФСТЭК России № 117[2] (вступивший в силу с 1 марта 2026 года) распространил жесткие стандарты информационной защиты, установив предельную 24-часовую норму ликвидации критических уязвимостей. В сочетании с требованиями Федеральных законов № 58-ФЗ[3] и № 325-ФЗ[4] об обязательном переходе объектов критической информационной инфраструктуры на отечественное программное обеспечение, данная мера минимизирует риски технической виктимизации граждан вследствие техногенных и инспирированных извне сбоев в инфраструктуре жизнеобеспечения.

2. Цифровой патернализм в отношении уязвимых групп населения (на примере несовершеннолетних).

Особое преломление проблемы виктимологической безопасности получают при анализе защищенности несовершеннолетних, которые в условиях геополитического кризиса становятся мишенью для идеологических диверсий, радикализации и вовлечения в противоправную деятельность (включая диверсионные акты). Государственная политика в исследуемый период демонстрирует переход к модели жесткого превентивного патернализма, направленного на принудительное ограничение виктимогенных контактов.

В качестве ключевых инструментов девиктимизации молодежной среды выступают алгоритмы автоматизированной разделение трафика и деанонимизации. Законопроект № 1110676-8, инициированный в декабре 2025 года, закладывает правовую основу для изоляции детей от деструктивного контента на программно-аппаратном уровне операторов связи[5]. Нормативные инициативы, планируемые к

---

[1] О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

[2] Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры : Приказ ФСТЭК России от 11.04.2025 № 117 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2026).

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14.03.2022 № 58-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

[4] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2025 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 1110676-8 : внесен Правительством Рос. Федерации в дек. 2025 г. // СОЗД ГД РФ : официальный сайт. - URL: duma.gov.ru (дата обращения: 26.05.2026).

масштабной имплементации с 1 сентября 2026 года, постулируют создание «белых списков» верифицированных веб-ресурсов, доступ к которым синхронизируется с идентификационным модулем (SIM-картой) несовершеннолетнего.

Параллельно на администрации социальных медиа возлагается обязанность по внедрению систем распознавания реального возраста пользователей под угрозой пресечения доступа к платформе. Данный вектор усиления взаимодействия криминологического контроля и виктимологической профилактики подкреплен усилением пенализации. В 2024-2025 гг. принято ряд изменений в Уголовном кодексе РФ, в том числе ужесточены санкции за киберпреступления против половой неприкосновенности и общественной безопасности, совершаемые в отношении несовершеннолетних с использованием сетевых технологий[1].

3. Борьба со средствами сетевой анонимизации в контексте геополитических угроз.

Центральным и наиболее дискуссионным элементом трансформации цифровой среды в России в 2025–2026 гг. стало системное противодействие функционированию средств обхода контентной фильтрации (VPN-сервисов, прокси-серверов) и централизация надзора за мессенджерами. С позиций криминальной виктимологии данные регуляторные меры Роскомнадзора представляют собой попытку ликвидации «криминальных анклавов» и «зон латентности» [11, с. 40].

В условиях геополитического противоборства анонимизаторы выполняют двоякую криминогенную функцию:

- для внешнего деструктивного субъекта: они снижают риск деанонимизации и привлечения к юридической ответственности, облегчают реализацию трансграничных информационных атак и вербовочных процедур;

- для гражданина (потенциальной жертвы): псевдонимность формирует ложное чувство неуязвимости и автономности от национального правового поля, что притупляет бдительность, стимулирует виктимное поведение (деструктивное самораскрытие, участие в сомнительных финансовых схемах, доверие к неверифицированным источникам информации).

Следовательно, ограничение работы данных сервисов выступает как мера генеральной виктимологической профилактики, направленная на оздоровление архитектуры российского сегмента Интернета.

Однако, как показывает практика, в условиях геополитического давления данные ограничения обладают свойством криминологической амбивалентности. В частности, они оказывают определенный превентивный эффект, так как блокирование деструктивных ресурсов в сети Интернет усложняет доступ граждан к сегментам теневого интернета (Darknet), инфраструктуре криптобирж, используемых для финансирования терроризма, и зарубежным платформам, ведущим открытую информационную войну против Российской Федерации. Это резко сужает оперативное пространство для деструктивного воздействия на население.

Вместе с тем, блокирование различных сегментов сети Интернет несет в себе сопутствующие виктимологические риски, так как попытки обхода инфраструктурных барьеров побуждают граждан к установке несертифицированного программного

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026); О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 49. Ст. 7215; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

обеспечения (бесплатных квази-VPN-утилит). Это порождает масштабную угрозу технической виктимизации. Интеграция вредоносного кода в подобное программное обеспечение ведет к компрометации персональных данных, утечке аутентификационных сведений банковских приложений и метаданных геолокации. Более того, происходит миграция криминального элемента в децентрализованные мессенджеры и теневые криптографические протоколы, выявление и обнаружение правонарушений, в которых стандартными мониторинговыми средствами государственного контроля временно затруднена.

Указанное противоречие позволяет сделать вывод о том, что акцент в обеспечении безопасности должен смещаться с запрета пользовательских утилит на внедрение систем проактивной фильтрации и мониторинга аномалий непосредственно на магистральном уровне провайдеров и операторов связи.

Заключение и выводы.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В период острого геополитического противоборства криминальная виктимность граждан в цифровой среде перестает быть исключительно частной проблемой и трансформируется в угрозу национальной безопасности. Внешние деструктивные акторы используют уязвимости сетевого поведения населения в качестве инструмента ведения гибридной войны.

2. Государственная стратегия превенции в РФ претерпела эволюционную трансформацию: осуществлен переход от реактивного блокирования противоправных контентных массивов к проактивному изменению самой технико-технологической архитектуры российского сегмента Интернета (эшелонированная защита критической информационной инфраструктуры, увеличение сроков хранения цифровых следов до 3 лет, централизованный мониторинг).

3. Меры по деанонимизации виртуального пространства и ограничению средств обхода фильтрации (VPN) криминологически амбивалентны. Исключая традиционные факторы доступности деструктивной информации, они одновременно индуцируют риски технической виктимизации граждан через компрометацию данных несертифицированным программным обеспечением.

4. Традиционная система правового просвещения и повышения «цифровой грамотности» граждан в современных реалиях исчерпала свой превентивный потенциал и не способна в полной мере противостоять организованным высокотехнологичным угрозам. Обеспечение виктимологической безопасности граждан должно быть императивно детерминировано государственной технологической политикой и реализацией доктрины «безопасной по умолчанию» цифровой инфраструктуры, что требует нормативного закрепления сквозных механизмов верификации пользователей и алгоритмов раннего выявления виктимогенных факторов непосредственно в архитектурном ядре цифровых платформ.

5. Концептуальным вектором модернизации отечественной системы кибербезопасности должна стать ликвидация институциональной анонимности в сети Интернет [12, с. 10]. Криминологический анализ показывает, что именно скрытность сетевого присутствия детерминирует высокую виктимность пользователей, лишая правоохранительные органы возможности ретроспективного доказывания и оперативного пресечения трансграничных посягательств. Внедрение императивных механизмов идентификации сетевых субъектов, коррелирующее с регуляторными трендами 2025-2026 гг., представляет собой стратегически оправданный шаг правового патернализма, направленный на демонтаж криминальной инфраструктуры в сети Интернет. Реализация предложенного подхода потребует внесения точечных изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части закрепления статуса верифицированного цифрового профиля гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пинкевич, Т. В. Обеспечение криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13, № 2 (48). – С. 63-68.

2. Иванцов, С. В. Криминологические аспекты обеспечения национальной безопасности в информационном пространстве в условиях современных геополитических вызовов // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 4. – С. 115-120.

3. Вишневецкий, К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Вишневецкий Кирилл Валерьевич. - М., 2007. - 42 с.

4. Давыдов, В. О. О некоторых аспектах практики реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 3. - С. 79-83.

5. Иванов, П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. - 2022. - № 4 (64). - С. 83-92;

6. Лазарева, Л. В. Цифровые следы – новые термины в правоохранительной деятельности // Преступность. Общество. Безопасность : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. - М. : Академия управления МВД России, 2023. - С. 168-173.

7. Репецкая, А. Л. Основные направления и тенденции развития современной российской преступности // Всероссийский криминологический журнал. - 2020. - Т. 14, № 3. - С. 389-398.

8. Репецкая, А. Л. Состояние, структура и тенденции современной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. - 2022. - Т. 16, № 5. - С. 553-562.

9. Симоненко, А. В., Соловьев, В. С. Криминологический анализ показателей виктимизации российского общества // Общество и право. - 2023. - № 1 (83). - С. 31-37.

10. Осипенко, А. Л., Соловьев, В. С. Киберугрозы в отношении несовершеннолетних и особенности противодействия им с применением информационных технологий // Общество и право. - 2019. - № 3 (69). - С. 23-31.

11. Осипенко, А. Л. Оптимизация системы мер противодействия преступности в информационно-телекоммуникационной сфере // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2022. - № 4 (58). - С. 36-43

12. Нынюк, Р. Н. Обеспечение виктимологической безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Нынюк Роман Николаевич. - Москва, 2026. - 23

УДК 351.74

С. В. Попов

АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется коллизия норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и законодательства об адвокатуре в части привлечения адвокатов к конфиденциальному содействию. Обосновывается вывод о допустимости такого содействия на бесконтрактной основе при условии его осуществления вне рамок профессиональной деятельности, с информированным согласием и отсутствием конфликта интересов. Учтены правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Федеральной палаты адвокатов.

Ключевые слова: адвокат, оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальное содействие адвоката, негласное сотрудничество адвоката, коллизия норм, профессиональная этика адвоката.

S. V. Popov

A LAWYER AS A SUBJECT OF CONFIDENTIAL ASSISTANCE IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Annotation. The article analyzes the conflict between the norms of the Federal Law "On Operational Investigative Activities" and the legislation on the legal profession regarding the involvement of lawyers in confidential assistance. The author substantiates the conclusion that such assistance is acceptable on a non-contractual basis, provided it is carried out outside the framework of professional activity, with informed consent and the absence of a conflict of interests. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the explanations of the Federal Chamber of Lawyers have been taken into account.

Keywords: lawyer, operational investigative activities, confidential assistance of a lawyer, tacit cooperation of a lawyer, conflict of norms, professional ethics of a lawyer.

Статья 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ "Об ОРД") определяет правовую основу привлечения граждан к конфиденциальному содействию органам, осуществляющим ОРД. Часть 1 данной статьи предусматривает возможность привлечения отдельных лиц с их согласия к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением конфиденциальности, в том числе на контрактной основе[1].

Представленная норма закрепляет принцип добровольности участия граждан в ОРД, допуская как гласное, так и негласное взаимодействие. Часть 3 статьи 17 ФЗ «Об ОРД» устанавливает запрет на привлечение адвокатов к конфиденциальному содействию исключительно на контрактной основе, однако не содержит абсолютного запрета на их бесконтрактное содействие.

Пункт 5 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ «Об адвокатуре») устанавливает запрет на «негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность».

---

[1] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[2] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Формулировка данной нормы характеризуется определённой степенью условности и требует герменевтического анализа. Ключевое значение имеет разграничение между понятиями «негласное сотрудничество» и «конфиденциальное содействие» [1, с. 3]. Негласное сотрудничество адвоката представляет собой скрытое участие в ОРМ, осуществляемое в рамках профессиональной деятельности. Конфиденциальное содействие, напротив, предполагает совершение действий вне пределов адвокатской практики на основе информированного согласия при соблюдении гарантий защиты информации [2, с. 12].

Пункт 3.1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее - Кодекс) ограничивает запрет на взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, сферой профессиональной деятельности адвоката. Соответственно, конфиденциальное содействие оперативным подразделениям признаётся допустимым при условии, что оно не связано с выполнением адвокатских функций и не затрагивает профессиональные интересы доверителя.

Сопоставление нормативных предписаний, содержащихся в статье 17 ФЗ «Об ОРД», пункте 5 статьи 6 ФЗ «Об адвокатуре» и пункте 3.1 статьи 9 Кодекса, позволяет выявить различия в предметах правового регулирования каждой из указанных норм.

ФЗ «Об ОРД» регламентирует правомочия органов, осуществляющих ОРД, в области привлечения граждан к конфиденциальному содействию [3, с. 211] и устанавливает ограничение, касающееся исключительно формы закрепления правоотношений (запрет на контрактную основу).

Федеральный закон «Об адвокатуре» устанавливает пределы осуществления адвокатской деятельности, закрепляя профессиональные запреты, направленные на защиту прав доверителей и обеспечение независимости адвокатуры. Кодекс содержит корпоративные нормы, регулирующие поведение адвокатов, и применяется исключительно в сфере адвокатской практики.

В качестве критериев разграничения допустимого конфиденциального содействия и недопустимого негласного сотрудничества адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, выделяются: 1) характер деятельности — содействие не должно осуществляться в рамках профессиональной адвокатской деятельности и затрагивать интересы доверителя; 2) наличие добровольного информированного письменного согласия адвоката; 3) сохранение профессиональной независимости и отсутствие конфликта интересов; 4) бесконтрактная форма закрепления отношений.

Часть 1 статьи 17 не содержит исключений для лиц, обладающих специальным статусом. Норма не делает различий между обычными гражданами и адвокатами при определении круга лиц, которые могут быть привлечены к конфиденциальному содействию. Часть 3 статьи 17 устанавливает единственное ограничение - запрет на контрактную основу сотрудничества с адвокатами.

Словосочетание «негласное сотрудничество» в контексте адвокатского права следует рассматривать как скрытое участие адвоката в ОРМ в качестве должностного лица органа, осуществляющего ОРД или как осуществление ОРМ под видом профессиональной адвокатской деятельности. Данное толкование согласуется с целью установления запрета - обеспечением защиты прав доверителей и независимости адвокатуры.

Положение о том, что ограничения, содержащиеся в Кодексе, распространяются исключительно на сферу адвокатской деятельности, свидетельствует о том, что участие адвоката в ОРМ вне рамок профессиональной деятельности не подпадает под действие

этого запрета и рассматривается как проявление гражданского долга.

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. Конституция признаёт за каждым гражданином право на безопасность и право участвовать в деятельности, направленной на борьбу с преступностью [4, с. 41].

Часть 1 статьи 17 ФЗ «Об ОРД», предоставляющая гражданам право содействовать органам, осуществляющим ОРД, в том числе адвокатам, основывается на конституционном праве граждан участвовать в защите безопасности общества и государства.

В Определении Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 1397-О разъяснено, что часть 3 статьи 17 ФЗ «Об ОРД» исключает возможность заключения контракта с адвокатами, но не запрещает использование их содействия на бесконтрактной основе. Взаимодействие норм части 3 статьи 17 ФЗ «Об ОРД» и пункта 5 статьи 6 ФЗ «Об адвокатуре» образует юридическую коллизию между общей и специальной нормами. Согласно правилу отраслевого приоритета, ФЗ «Об адвокатуре» как специальный закон регулирует сферу адвокатской деятельности, тогда как ФЗ «Об ОРД» устанавливает общие положения о привлечении граждан к конфиденциальному содействию.

Вместе с тем, специальность норм ФЗ «Об адвокатуре» ограничивается сферой профессиональной адвокатской деятельности. Конфиденциальное содействие, осуществляемое адвокатом вне рамок профессиональной деятельности и не затрагивающее интересы доверителя, не подпадает под действие специальной нормы и, следовательно, остаётся в пределах действия общей нормы, содержащейся в статье 17 ФЗ «Об ОРД».

При возникновении неопределённости в применении коллидирующих норм следует применять принцип, согласно которому приоритет отдаётся нормам, обеспечивающим реализацию конституционных прав граждан [5, с. 110]. Возможность участия адвокатов в борьбе с преступностью посредством конфиденциального содействия органам, осуществляющим ОРД, соответствует конституционному праву граждан на безопасность и участие в деятельности государственных органов по защите общественного порядка [6, с. 9].

Конфиденциальное содействие адвоката органам, осуществляющим ОРД, признаётся совместимым с законодательством Российской Федерации при наличии следующих условий:

1. Внеадвокатский характер деятельности. Содействие не должно осуществляться в рамках профессиональной адвокатской деятельности и не должно затрагивать интересы доверителя адвоката;

2. Бесконтрактная основа. В соответствии с частью 3 статьи 17 ФЗ «Об ОРД» содействие должно осуществляться на добровольной, бесконтрактной основе без заключения договора о сотрудничестве;

3. Информированное согласие. Адвокат должен дать информированное письменное согласие, понимая характер выполняемых им действий, риски и пределы установленных законом ограничений;

4. Соблюдение конфиденциальности. В соответствии с требованиями статьи 17 ФЗ «Об ОРД» лицо, оказывающее содействие, обязано сохранять в тайне сведения, ставшие ему известными в ходе ОРМ.

5. Отсутствие конфликта интересов. Содействие не должно создавать конфликт интересов адвоката со своими доверителями или компрометировать его профессиональную независимость.

В свою очередь, органы, осуществляющие ОРД, при привлечении адвокатов к конфиденциальному содействию должны соблюдать следующие гарантии [7, с. 95]:

- обеспечение неприкосновенности адвокатского кабинета и профессиональной тайны адвоката;

- недопущение использования информации, полученной в ходе адвокатской деятельности, без согласия адвоката и его доверителя;

- уважение к независимости адвоката в принятии решений, касающихся объёма и характера конфиденциального содействия.

Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам от 28 января 2016 г. по вопросам применения пункта 3.1 статьи 9 Кодекса определило, что «адвокат вправе разово содействовать (сотрудничать) в ОРД на бесконтрактной основе» при определённых условиях.

Указанное Разъяснение устанавливает следующие критерии допустимости:

- наличие реальной угрозы причинения вреда доверителю адвоката;

- обсуждение с доверителем возможности ликвидации угрозы посредством обращения в органы, осуществляющие ОРД;

- информирование доверителя о правовых ограничениях, установленных законом и Кодексом;

- обеспечение участия в ОРМ самого доверителя или других лиц, если это возможно.

Разъяснение ФПА РФ не противоречит требованиям законодательства при условии его интерпретации в соответствии с положениями статьи 17 ФЗ «Об ОРД». Допустимость разово содействовать органам, осуществляющим ОРД, соответствует бесконтрактной форме содействия [8, с74], предусмотренной частью 3 статьи 17 указанного закона. Условие, касающееся защиты интересов доверителя, обеспечивает соблюдение требований пункта 5 статьи 6 ФЗ «Об адвокатуре», предусматривающих недопустимость использования профессионального статуса адвоката в целях, противоречащих интересам доверителя.

На основании проведённого анализа сформулированы следующие выводы. Статья 17 ФЗ «Об ОРД» предусматривает возможность привлечения адвокатов к конфиденциальному содействию на бесконтрактной основе. Пункт 5 статьи 6 ФЗ «Об адвокатуре» устанавливает запрет на негласное сотрудничество, который относится исключительно к профессиональной деятельности адвоката. Кодекс распространяется на сферу адвокатской практики, допуская содействие вне её пределов. Конституционное право граждан на участие в борьбе с преступностью образует основу допустимости такого содействия. Позиция Конституционного Суда РФ подтверждает возможность бесконтрактного содействия адвокатов при соблюдении установленных ограничений.

Конфиденциальное содействие адвокатов оперативным подразделениям не противоречит законодательству РФ при соблюдении следующих условий: бесконтрактная основа; осуществление участия вне рамок профессиональной деятельности и без затрагивания интересов доверителей; наличие информированного письменного согласия адвоката; отсутствие конфликта интересов и сохранение профессиональной независимости; соблюдение органами, осуществляющими ОРД, гарантий защиты адвокатской тайны и неприкосновенности адвокатского кабинета.

Указанная совместимость обеспечивается надлежащим толкованием коллидирующих норм в контексте системы российского законодательства, конституционно-правовых принципов и судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации.

Проведённый анализ свидетельствует, что конфиденциальное содействие адвокатов оперативным подразделениям согласуется с законодательством РФ при условии разграничения профессиональной адвокатской деятельности и участия адвоката в борьбе с преступностью в качестве гражданина. Такое разграничение, основанное на буквальном, логическом и систематическом толковании норм, позволяет избежать коллизий, обеспечить эффективную реализацию задач оперативно-розыскной деятельности и одновременно соблюсти гарантии защиты прав доверителей и независимости адвокатуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева, А. П. Экстремистский мотив совершения террористического акта: законодательные инициативы, проблемы и перспективы / А. П. Алексеева, Т. В. Анисимова, Ю. В. Третьяков // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : Материалы X Международной научно-практической конференции, Севастополь, 29–30 апреля 2022 года / Отв. редактор М.А. Михайлов. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 3.

2. Пахомова, О. Н. Современные аспекты понятия и сущности должностных преступлений / О. Н. Пахомова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3(69). – С. 12-15.

3. Поляков, А. В. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности / А. В. Поляков, Д. А. Гринева // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум : материалы Межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 211-215.

4. Горковенко, И. А. Некоторые проблемы оперативно-розыскного противодействия преступности несовершеннолетних / И. А. Горковенко // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности (посвященная памяти основателей теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел) : Сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции, Москва, 10 октября 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 41-44.

5. Алексеева, А. П. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы / А. П. Алексеева, Т. В. Анисимова // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий "Астерион", 2023. – С. 110-115.

6. Амельчаков, И. Ф. Метод убеждения в работе полиции: междисциплинарный аспект / И. Ф. Амельчаков, Т. В. Анисимова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – №3(81). – С. 9-17.

7. Поляков, А. В. Правовые основания освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих оперативно-разыскной деятельности /

А. В. Поляков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3(81). – С. 95-103.

8. Попов, С. В. Понятие «оперативный контакт» в оперативно-разыскной деятельности и его толкование / С. В. Попов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2(76). – С. 74-78.

УДК 34.096

Е.М. Попова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ К ПЯТОМУ РАУНДУ ВЗАИМНЫХ ОЦЕНОК ФАТФ

Аннотация. В статье проанализированы новые требования пятого раунда ФАТФ и выявлены системные проблемы межведомственного взаимодействия при противодействии криптовалютному финансированию терроризма. Автор обосновывает необходимость перехода от практики направления необоснованных запросов в Росфинмониторинг к самостоятельному использованию правоохранительными органами инструментов деанонимизации криптокошельков и прямых контактов с иностранными криптобиржами.

Ключевые слова: ФАТФ, межведомственное взаимодействие, финансирование терроризма, криптовалюта, Росфинмониторинг, деанонимизация, правоохранительные органы**.**

E.M. Popova

SOME ASPECTS OF RESTRUCTURING INTERAGENCY COOPERATION IN PREPARATION FOR THE FIFTH ROUND OF FATF MUTUAL EVALUATIONS

Abstract. The article analyzes the new requirements of the fifth round of FATF evaluations and identifies systemic problems of interagency cooperation in countering cryptocurrency-financed terrorism. The author substantiates the need to transition from the practice of submitting unjustified requests to Rosfinmonitoring to the independent use by law enforcement agencies of cryptocurrency wallet deanonymization tools and direct contacts with foreign crypto exchanges.

Keywords: FATF, interagency cooperation, terrorist financing, cryptocurrency, Rosfinmonitoring, deanonymization, law enforcement agencies.

Пятый раунд взаимных оценок Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее ФАТФ) делает акцент на эффективности, оцениваемой в соответствии с Методологией ФАТФ от 2022 года, которая предусматривает оценку 11 непосредственных результатов. Предыдущие раунды взаимных оценок (2019, 2023 гг.) были направлены на оценку технического соответствия национального законодательства в сфере ПОД/ФТ Рекомендациям ФАТФ [1, с. 50]. В 2028 году отечественная практика борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма будет оцениваться не с точки зрения наличия институциональной инфраструктуры, а через призму того, насколько внедренные в отечественную правовую систему инструменты и механизмы реально работают. Обозначим содержание некоторых непосредственных результатов, которые будут подвергаться оценке в рамках пятого раунда взаимных оценок:

– Непосредственный результат № 1: страна должным образом выявляет и

оценивает риски отмывания денег и финансирования терроризма. Оценивается уровень межведомственного взаимодействия внутри страны, масштаб и интенсивность обмена оперативной информацией.

– Непосредственный результат № 2: состояние международного сотрудничества. Оценивается, как страна оказывала взаимную правовую помощь в ответ на запросы иностранных компетентных органов, в том числе, исполнение иностранных постановлений о замораживании, аресте и конфискации имущества.

– Непосредственный результат № 3: служба финансовой разведки (в России – Росфинмониторинг) надлежащим образом осуществляет мониторинг и надзор за операторами по переводу денежных средств и ПУВА. Оценивается, как субъекты «антиотмывочного» закона реализуют превентивные меры в области ПОД/ФТ и сообщают о подозрительных операциях в органы финансовой разведки.

– Непосредственный результат № 10: террористам и лицам, финансирующим терроризм, препятствуют в сборе, перемещении и использовании денежных средств. Оценивается достаточность ресурсов, которыми располагают служба финансовой разведки, субъекты 115-ФЗ и правоохранительные органы, для выполнения возложенных на них задач и функций.

Обобщая содержание вышеизложенных непосредственных результатов, можно сделать вывод, что система ПОД/ФТ построена на трех столпах: риск-ориентированный подход, профилактика и межведомственное взаимодействие. Наглядным примером воплощения данных принципов на практике является правило «5 + 30». В полномочия Росфинмониторинга входит ведение Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму (далее Перечень). Если перевод денежных средств инициируется организацией, включенной в Перечень, физическим лицом, включенным в Перечень, при условии, что размер расходования заработной платы превышает размеры, установленные Постановлением Правительства РФ от 27.05.2025 N 734, а также юридическим лицом, которое прямо или косвенно находится в собственности или под контролем организации или физического лица, включенного в Перечень, оператор по переводу денежных средств приостанавливает операцию на срок до 5 дней и незамедлительно предоставляет информацию в Росфинмониторинг.

В случае, если по результатам предварительной проверки полученная информация признана обоснованной, Росфинмониторинг, согласно ст. 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ, издает постановление о приостановлении операций с денежными средствами и иным имуществом на срок до 30 суток. Таким образом, благодаря межведомственному взаимодействию, профилактика, направленная на противодействие финансированию терроризма и экстремистской деятельности, реализуется в два этапа. На первом этапе кредитная организация на основе внутренней системы контроля выявляет высокорискованные операции, на втором этапе Росфинмониторинг проводит финансовое расследование.

Перечень Росфинмониторинга выступает ключевым легальным средством достижения Непосредственного результата № 10, который заключается в создании препятствий в сборе, перемещении и использовании денежных средств, направленных на финансирование терроризма. Ключевым следствием включения в Перечень является замораживание счетов физического или юридического лица, что блокирует возможность финансирования террористической деятельности этими лицами. В то же время анализ оснований включения в Перечень, предусмотренных пп. 2.1 и 2.2 ст. 6 Федерального закона от 07.08.2001 N 115-ФЗ, показывает, что необходимо наличие

судебного решения или процессуального решения в отношении физического или юридического лица (приговор суда, решение суда о ликвидации или запрете деятельности организации в связи с ее причастностью к экстремистской деятельности или терроризму, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого). Соответственно, возникает проблема оперативного реагирования и противодействия террористической и экстремистской деятельности, что препятствует достижению Непосредственного результата № 10.

В качестве последовательного и актуального шага следует расценивать расширение полномочий Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности (далее Комиссия), утвержденных Указом Президента РФ от 23.10.2025 № 774. В целях замораживания денежных средств юридических и физических лиц, в отношении которых имеются достаточные основания подозревать их причастность к террористической и экстремисткой деятельности при отсутствии оснований для включения их в Перечень, в Комиссию направляются имеющиеся в распоряжении правоохранительных органов материалы. Комиссия по результатам рассмотрения материалов вправе принимать решение о замораживании денежных средств, которое направляется в Росфинмониторинг и подлежит размещению на его официальном сайте. Таким образом, наряду с Перечнем, требующим в большинстве своем наличие судебного решения, реализуется альтернативный механизм противодействия финансированию терроризма и экстремизма.

В продолжение обсуждения вопросов, касающихся эффективности функционирования национальной системы ПОД/ФТ, стоит уделить внимание устойчивому тренду финансирования террористической и экстремистской деятельности посредством использования цифровой валюты. Выше был обозначен Непосредственный результат № 1, содержание которого сводится к оценке уровня межведомственного взаимодействия между компетентными органами. В контексте расширения практики эксплуатации криптовалютной инфраструктуры в целях финансирования терроризма и экстремизма повышается значимость выстраивания конструктивного и эффективного взаимодействия между Росфинмониторингом и правоохранительными органами. Надежной предпосылкой эффективного взаимодействия выступает направление обоснованных запросов в Росфинмониторинг от правоохранительных органов [2, с. 7]. На одном из семинаров, организованных Международным учебно-методическим центром финансового мониторинга, специалисты-эксперты Росфинмониторинга обозначили ряд проблем, связанных с направлением оперативными подразделениями запросов на оказание содействия в установлении владельцев криптокошельков.

Первая проблема заключается в том, что сотрудники оперативных подразделений направляют запросы по идентификации владельцев криптокошельков, которые они могли бы выполнить самостоятельно, значительно сэкономив время на оформление запроса и ожидание ответа. В связи с чем, можно дать некоторые рекомендации по повышению эффективности межведомственного взаимодействия, которые состоят в рациональном распределении ресурсов, а именно, часть запросов сотрудники оперативных подразделений могут выполнять самостоятельно, а более сложные или уточняющие запросы следует направлять для исполнения в Росфинмониторинг. Рекомендуется использовать аналитические инструменты по деанонимизации криптовалютных операций, особенно те, которые обеспечивают криптовалютную разметку, например, Archon, Chainalysis, Crystal Blockchain. Archon преобразует хаотичные данные блокчейна (адреса и TXID) в «действующую разведданные», показывая реальные связи между кошельками и субъектами [3, с. 60].

Кроме того, достаточной информативностью характеризуется поиск посредством блокчейн-обозревателей. Нередко от правоохранительных органов поступают запросы по определению владельца криптокошелька, который оказывается кошельком-ретранслятором, в связи с чем владельца установить невозможно, время потеряно. Использование сервиса блокчейн-обозревателя может помочь в идентификации кошельков-ретрансляторов и сервисных кошельков. При анализе, в первую очередь, стоит обращать внимание:

– на количество газа (нативной валюты для оплаты комиссии), у кошельков, принадлежащих не сервису, а человеку, его количество минимальное;

– на скорость обработки транзакций, у сервисных криптокошельков она значительно выше.

Вторая проблема обусловлена существованием стереотипа, что взаимодействие с иностранными биржами возможно только через Росфинмониторинг: сотрудники правоохранительных органов направляют запросы, чтобы служба финансовой разведки связалась с иностранной биржей и попросила установить владельца криптокошелька. На самом деле, это неэффективный способ, международные расследования реализуются по линии правоохранительных органов, поэтому иностранные биржи быстрее отвечают на запросы правоохранительных органов, к которым Росфинмониторинг не относится.

Таким образом, именно способность оперативных подразделений грамотно применять инструменты криптовалютной разметки и выстраивать прямые каналы коммуникации с иностранными биржами станет тем практическим индикатором, по которому ФАТФ будет оценивать реальную работоспособность российской системы противодействия финансированию терроризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохин Н.Е. К вопросу о формировании и этапах развития отечественной системы финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6 (234). – С. 49-52.

2. Королева Л.П., Абрамов О.Е., Засухин Т.А., Бутаков М.Е. Противодействие использованию виртуальных активов для отмывания денег и финансирования терроризма: зарубежный опыт и возможности его применения в России // Вестник евразийской науки. – 2025. – № 4. – С. 1-14.

3. Науменко О.А. Некоторые организационно-тактические особенности расследования финансирования терроризма, совершенного с использованием криптовалют // Вестник КРУ МВД России. – 2024. – № 3 (65). – С. 58-62.

УДК 343.98

А.Л. Репецкая

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЗАЩИТА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТЫ, СРЕДСТВА

В статье представлено одно из направлений противодействия коррупции на этапе ее ранней профилактики. Определены и рассмотрены объекты антикоррупционной защиты, одним из которых является охраняемая законом информация ограниченного доступа, и в частности, наиболее известный ее массив - персональные данные. Кроме того, названы и другие объекты, например, информационная технологическая инфраструктура. Отмечается, что применение цифровых (информационных) технологий в процессе противодействия коррупции может быть связано с определенными проблемами, в частности о разработке

программного обеспечения работы информационных систем, в которых защита информации ограниченного доступа должна проходить несколько уровней контроля. Защита может осуществляться несколькими группами средств, среди которых можно назвать уголовно-правовые; технические; виктимологические меры.

Ключевые слова: коррупция, объекты и средства антикоррупционной защиты; цифровые технологии; ранняя профилактика

A.L. Repetskaya

ANTI-CORRUPTION PROTECTION IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: OBJECTIVES, OBJECTS, AND MEANS

The article presents one of the directions of anti-corruption at the stage of its early prevention. The objects of anti-corruption protection are identified and considered, one of which is the legally protected information of limited access, and in particular, the most well-known array of such information - personal data. In addition, other objects are named, for example, information technology infrastructure. It is noted that the use of digital (information) technologies in the process of anti-corruption may be associated with certain problems, in particular, the development of software for the operation of information systems in which the protection of information of limited access must pass several levels of control. Protection can be carried out using several groups of means, including criminal law, technical measures, and victimology.

Keywords: corruption, objects and means of anti-corruption protection; digital technologies; early prevention

Одной из наиболее важных социальных проблем, создающих значительные риски для развития современного общества, является коррупция. Ее негативные последствия очевидны как в экономической сфере, так и для государства в целом: коррупция стимулирует развитие теневой экономики, организованной преступности, криминального рынка в целом; резко ухудшает инвестиционный климат [1, с.165-167].

В эпоху цифровой трансформации общественной жизни способы осуществления коррупционных услуг претерпевают значительные изменения, переходя из реального мира в виртуальный. Соответственно наблюдаются несколько взаимосвязанных процессов: трансформируются способы заказа коррупционных услуг; способы их осуществления; и способы расчета за их оказание. Не обязательно, чтобы все эти три этапа проходили в цифровой среде, но тем не менее современные исследования подтверждают использование информационных технологий хотя бы на одном из указанных этапов.

Анализ противодействия коррупции на каждом из этих этапов составляет самостоятельное исследование с последующей разработкой антикоррупционных мер, направленных на детерминанты именно этого этапа коррупционной деятельности. В рамках представленного анализа речь пойдет лишь об одном направлении противодействия коррупции, которое осуществляется на этапе ранней профилактики, и предполагает защиту наиболее важных объектов посягательств коррупционного характера, на этапе оказания коррупционных услуг в условиях цифровой трансформации общества.

Антикоррупционной криминологической охране и защите эти объекты подлежат непрерывно в силу их особой ценности, а «статус объекта антикоррупционной

криминологической защиты такие объекты приобретают в связи с причинением или возникновением реальной угрозы причинения им вреда» [2, с. 563].

В данном контексте, охране и защите подлежит содержательная часть используемых для осуществления различных государственных функций информационных технологий – базы данных, массивы аналитики, реестры, и т.п., которые, по сути, составляет информация ограниченного доступа.

Иными словами, *охраняемая законом информация ограниченного доступа* является одним из основных объектов антикоррупционной защиты, поскольку именно информация подлежит, в первую очередь, различным манипуляциям, которые приводят к разного рода преступлениям, в том числе и коррупционной направленности.

При определении критериев указанного объекта антикоррупционной защиты, следует обратить внимание, что это сведения, на которые распространяется режим ограниченного доступа. Такой режим возникает в случаях, когда владелец информации предпринял действия по ее защите (например, установил пароль); и при этом сама информация подпадает под сведения ограниченного доступа, режим оборота которых регулируется каким-либо федеральным законом. Вместе с тем, информация может быть и не ограничена от доступа, но на нее может распространятся запрет на копирование и модификацию [3, с.18-19].

Наиболее известным информационным блоком, подпадающим под сведения ограниченного доступа, являются, например, персональные данные, которые охраняются специальным федеральным законом «О персональных данных» №152-ФЗ, принятом еще в 2006г. Кроме того, существует значительное количество других массивов информации, связанной с различного рода тайнами (государственной, банковской, врачебной и т.п.), которые охраняются федеральным законодательством и могут быть предметом, в частности, коррупционных преступлений. Именно такая информация может выступать одним из объектов антикоррупционной охраны и защиты.

Однако помимо защиты информационного ресурса от коррупционных посягательств, необходимо еще и обеспечение прозрачности и корректности работы информационной технологической инфраструктуры, исключающей возможность скрытого манипулирования.

Речь идет о том, что современные информационные технологии, интегрируемые в процессы аналитики, принятия решений и управления, могут выступать в качестве инструмента, определяющего алгоритмы действий различных органов и организаций. Становясь неотъемлемой частью управленческих процедур, информационные технологии могут быть использованы для коррупционного манипулирования в интересах определенных групп или лиц.

Так, например, использование искусственного интеллекта в роли министра по закупкам правительства Албании[1], как раз демонстрирует необходимость антикоррупционной защиты данной технологической системы, которая принимает решения на основе объективных критериев. Коррупционное влияние на команду обслуживания данной технологии (администраторов, операторов системы и т.п.), с целью изменения алгоритмов, программных кодов и баз данных может привести к принятию решений, предоставляющих приоритеты для отдельных субъектов, не имеющих для этого оснований. В этой связи, сама технология становится объектом

[1] Albania puts AI-created ‘minister’ in charge of public procurement // The Guardian. URL:https://www.theguardian.com/world/2025/sep/11/albania-diella-ai-minister-public-procurement (дата обращения октябрь 2025).

постоянной антикоррупционной защиты системы от несанкционированного вмешательства в ее работу.

Как и любое нововведение, применение цифровых (информационных) технологий в процессе противодействия коррупции может быть связано с определенными проблемами, прежде всего технического характера. Речь идет о разработке адекватного программного обеспечения работы информационных систем, в которых защита информации ограниченного доступа должна проходить несколько уровней контроля. Кроме того, такое программное обеспечение не должно быть подвержено манипуляциям и злоупотреблениям со стороны пользователей, и быть совместимым с имеющимися системами, содержащими информацию ограниченного доступа (охраняемую законом информацию) [4, с.357].

Таким образом, можно утверждать, что антикоррупционная защита указанных объектов от коррупционных посягательств является самостоятельным направлением в противодействии коррупции в рамках ее ранней профилактики. Защита может осуществляться несколькими группами средств, среди которых можно назвать уголовно-правовые; технические; виктимологические меры.

Так, уголовно-правовые меры охраны указанных объектов заключаются в привлечении к уголовной ответственности виновных лиц за преступления в сфере обращения охраняемой законом информации (ст. 272, 273, 274 УК РФ), и совершенствовании их регламентации. Технические меры, включают в себя среди прочих, создание информационной базы данных о вредоносных компьютерных программах; соответствующего программного обеспечения работы информационной технологической инфраструктуры; виктимологические меры направлены на повышение уровня информационной безопасности как массивов данных (их шифрование, использование сложных паролей), так и самих программ [4, с. 359].

При этом внедрение в деятельность различных организаций и органов, прежде всего, осуществляющих государственные функции, антикоррупционного комплаенса[1], позволит дополнительно повысить уровень защиты рассмотренных объектов, поскольку предполагает анализ текущих процессов на предмет выявления коррупционных рисков и уязвимых мест в управлении с разработкой мер по их минимизации; внедрение механизмов контроля за этими процессами.

Обеспечение прозрачности и корректности работы информационно-технологической инфраструктуры позволит снизить возможности получения информации ограниченного доступа, ее копирования и модификации, а соответственно снизит риски коррупционного поведения, связанного с ее использованием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Репецкая А.Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России. – М.: Юрлитинформ. 2010. - 194с.

2. Дамм И.А. Объект антикоррупционной криминологической безопасности: основные направления исследования // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 5. – С. 555–565.

[1] Антикоррупционный комплаенс — это система мер и процедур, направленных на предотвращение коррупционных действий в организациях и обеспечение соответствия их деятельности требованиям законодательства в сфере противодействия коррупции. Он включает создание механизмов анализа, выявления и оценки рисков коррупционно опасных сфер деятельности, а также обеспечение комплексной защиты организации [5].

3. Репецкая А.Л. Родивилин И.П. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям в сфере охраняемой законом информации. – Иркутск: Изд. дом Байкальского гос. университета. 2021. - 178 с.
4. Репецкая А.Л. Родивилин И.П. Предупреждение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации // Академический юридический журнал - 2021. - Т.22, №4; С. 352-360.
5. Бойченко Д. В., Чирков Д. К. Антикоррупционный комплаенс. Понятие и правовые аспекты // Научный Лидер. 2025. №13 (214). URL: https://scilead.ru/article/8398-antikorruptsionnij-komplaensponyatie-i-pravov

343.3/.7

А.Л. Репецкая, С.В. Габеев, Т.Ф. Алиев

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуются актуальные вопросы уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав в условиях цифровизации общественных отношений. Особое внимание уделяется влиянию технологий искусственного интеллекта и формированию новых видов цифровых объектов, включая результаты деятельности генеративных моделей ИИ, цифровые активы и виртуальные объекты, функционирующие в рамках метавселенных. Анализируются подходы международных организаций и национального законодательства к определению правового статуса результатов, создаваемых с использованием ИИ, а также рассматриваются вопросы их квалификации в контексте действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка, авторские права, смежные права, искусственный интеллект, цифровые активы, генеративные модели.

A.L. Repetskaya, S.V. Gabeev, T.F. Aliev

CRIMINAL LAW PROTECTION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE DIGITAL SPACE

The article examines current issues of criminal law protection of copyright and related rights in the context of digitalization of public relations. Special attention is paid to the impact of artificial intelligence technologies and the formation of new types of digital objects, including the results of generative AI models, digital assets and virtual objects operating within the metaverse. The approaches of international organizations and national legislation to determining the legal status of AI-generated results are analyzed, as well as the issues of their qualification in the context of current criminal legislation.

Keywords: criminal law assessment, copyright, related rights, artificial intelligence, digital assets, generative models.

В условиях стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий и масштабной цифровизации общественных отношений, особую важность приобретает проблема обеспечения эффективной уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав в цифровом пространстве. С одной стороны, современные способы распространения информации, доступность виртуального контента и широкое использование сети Интернет существенно упрощают легальный оборот объектов интеллектуальной собственности. С другой стороны, развитие цифрового

пространства также формирует возможности увеличения числа случаев незаконного использования объектов авторских и смежных прав, включая их неправомерное копирование, распространение и воспроизведение в сети Интернет.

Одним из приоритетных на сегодняшний день вопросов является определение правового статуса результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Так, возрастающий интерес к развитию ИИ и правового статуса его творческой деятельности, в том числе их результатов, прослеживается на международном уровне. В частности, поиск соответствующих юридических конструкций осуществляется в рамках ряда международных организаций, включая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), однако единый подход к вопросу признания правообъектности произведений, созданных при минимальном или отсутствующем участии человека, до настоящего времени не сформирован [1, с. 80-81]. Таким образом, преобладающим является подход, согласно которому акцент делается на установлении человеческого вклада в создании соответствующего объекта.

Вместе с тем следует отметить, что развитие технологий ИИ актуализирует вопрос о правовом статусе результатов, создаваемых с его использованием. Например, генерация текстов, изображений и иных объектов при помощи нейросетевых систем ставит под сомнение традиционные подходы к определению автора и объекта авторского права. В условиях отсутствия единого международно-правового подхода к признанию результатов деятельности ИИ в качестве объектов интеллектуальной собственности данный вопрос продолжает оставаться дискуссионным и требует дальнейшего научного осмысления.

Существенное значение для рассматриваемой проблематики приобретает развитие генеративных моделей ИИ, основанных на обработке значительных массивов данных и формировании новых результатов на их основе. В научной литературе отмечается, что создаваемый такими системами контент не представляет собой прямого воспроизведения исходных материалов, а формируется как результат статистической обработки и обобщения изученной информации [2, с. 80].

Результат функционирования генеративных моделей носит вероятностный характер, что затрудняет установление непосредственной связи между действиями пользователя, разработчика программного обеспечения и созданным объектом. Подобная особенность функционирования данных систем вызывает дискуссию относительно традиционного понимания творчества как исключительно человеческой деятельности, предполагающей наличие осознанного и индивидуального вклада автора.

В этой связи обращается внимание на то, что результаты, создаваемые генеративным ИИ, не всегда отвечают классическим критериям охраноспособности авторским правом, прежде всего в части наличия творческого вклада человека как ключевого элемента авторства.

В развитие обозначенной проблематики следует отметить и расширение законодательного подхода к пониманию имущества в уголовно-правовом смысле, обусловленное цифровизацией экономических отношений. Так, в соответствии с Федеральным законом от 20.02.2026 № 38-ФЗ "О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации"[1] цифровая валюта признается имуществом для целей уголовного

[1] Официальный источник опубликования: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2026).

законодательства, что свидетельствует о постепенной трансформации традиционных имущественных конструкций под влиянием технологического развития.

Указанные изменения имеют принципиальное значение для уголовно-правовой науки, поскольку расширяют сферу охраны имущественных отношений и позволяют включать в нее новые цифровые активы, обладающие экономической ценностью, но не имеющие материальной формы в классическом понимании.

Таким образом, цифровая среда формирует единое пространство, в рамках которого одновременно трансформируются как объекты интеллектуальной собственности, так и способы их незаконного оборота, включая их незаконное воспроизведение, распространение и использование посредством цифровых технологий.

В научной литературе обращается внимание на то, что развитие цифровых технологий и формирование метавселенных приводят к появлению новых форм цифрового пространства, в рамках которых возникают устойчивые экономические отношения, основанные на обороте виртуальных объектов и цифровых активов. Указывается, что подобные объекты приобретают экономическую ценность и все чаще становятся предметом противоправных посягательств, включая незаконное завладение, мошенничество и иные формы преступного воздействия. В связи с этим подчеркивается необходимость адаптации уголовно-правовых механизмов к условиям цифровой реальности, характеризующейся отсутствием территориальных границ и трансграничным характером общественных отношений [3, с. 118-119].

Представляется, что развитие подобных цифровых пространств свидетельствует о более широком процессе трансформации традиционных объектов уголовно-правовой охраны под влиянием цифровизации. При этом ключевой проблемой выступает не только появление новых форм имущества, но и изменение способов их создания, использования и незаконного оборота. В этой связи уголовное законодательство должно учитывать, что цифровая среда объединяет в себе как объекты интеллектуальной собственности, так и цифровые активы, что требует комплексного подхода к их защите и переосмысления традиционных категорий имущественных и неимущественных благ.

В этих условиях представляется необходимым совершенствование уголовно-правовых механизмов охраны авторских и смежных прав, прежде всего в части уточнения пределов уголовной ответственности по ст. 146 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение авторских и смежных прав. Судебная практика свидетельствует, что наиболее распространёнными формами таких нарушений в цифровой среде являются незаконное воспроизведение и распространение программного обеспечения, аудиовизуальных произведений и иных объектов авторского права с использованием сети Интернет, включая файлообменные сети и специализированные платформы. При этом Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав»[1] в соответствии с разъяснениями указывает, что под незаконным использованием объектов авторского права следует понимать любые действия, совершённые без согласия правообладателя, включая их воспроизведение, распространение, хранение в целях сбыта и размещение в сети Интернет, обеспечивающее доступ неограниченному кругу лиц.

Так, в правоприменительной практике суды исходят из того, что размещение объектов авторского права в сети Интернет без согласия правообладателя,

[1] Официальный источник опубликования: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2026).

обеспечивающее доступ неограниченному кругу лиц, образует состав преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, при условии причинения ущерба в крупном размере. Аналогичный подход применяется и к случаям незаконного использования программного обеспечения в коммерческой деятельности, включая установку и эксплуатацию нелицензионных программных продуктов (Microsoft Windows, Office, Adobe Photoshop и др.).

Судебная практика подтверждает расширение способов незаконного использования объектов авторского права в цифровой среде. Так, по одному из уголовных дел лицо было признано виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в», «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ, выразившегося в незаконной установке и использовании контрафактного программного обеспечения «ArchiCAD» в коммерческой деятельности организации. Суд установил, что обвиняемый скачал нелицензионные версии программ из сети Интернет, после чего осуществил их установку на рабочие компьютеры организации без заключения лицензионных соглашений с правообладателем. Действия виновного были квалифицированы как незаконное использование объектов авторского права в особо крупном размере с использованием служебного положения[1].

Анализ приведённой практики свидетельствует о том, что основными формами нарушения авторских прав в цифровой среде продолжают выступать незаконное воспроизведение, хранение и использование программного обеспечения посредством сети Интернет.

При этом цифровая трансформация общественных отношений приводит к усложнению способов совершения указанных деяний, включая использование автоматизированных систем генерации и распространения контента, что объективно затрудняет выявление источников нарушения.

Таким образом, можно заключить, что цифровая трансформация общественных отношений формирует новую модель правовой реальности, требующую комплексного подхода к уголовно-правовой охране авторских и смежных прав и учёта современных технологических вызовов. Анализ показал, что действующее уголовное законодательство, в частности ст. 146 УК РФ, в целом охватывает основные формы незаконного использования объектов авторского права в цифровой среде, включая их воспроизведение и распространение посредством сети Интернет. Вместе с тем правоприменительная практика демонстрирует усложнение способов совершения соответствующих преступлений, что выражается в использовании автоматизированных технологий распространения контента и трансграничном характере противоправной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лопатина Т. М., Русскевич Е. А. Интеллектуальная собственность и цифровизация: уголовно-правовой взгляд // Вестник РПА. – 2022.– № 3. – С. 76–83. DOI: 10.33874/2072-9936-2022-0-3-76-83.

2. Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 1 (47). – С. 74-82. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1794988/ (дата обращения: 21.04.2026).

[1] Приговор суда по ч. 3 ст. 146 УК РФ - судебная практика в Москве по части 3 статьи 146 УК РФ // Адвокат по уголовным делам. 2020. URL: https://www.advokk.ru/2020/03/3-146-3-146_6.html?utm_source (дата обращения: 22.04.2026).

3. Нагорный А. А. Вопросы уголовно-правовой охраны цифрового имущества в контексте развития метавселенных // Искусство правоведения. – 2026. № 1. – С. 116–123.

УДК 343.9

Е.З. Сидорова

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕХАНИЗМЫ, ИНДИКАТОРЫ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В представленной работе рассматриваются ключевые аспекты реализации стратегии, направленной на обеспечение криминологической безопасности в образовательной сфере. Особое внимание уделяется обоснованию многоуровневой системы индикаторов, позволяющей проводить мониторинг и оценивать результативность предложенной стратегии. Автор заключает, что максимальная эффективность достигается только при комплексном применении всех инструментов в рамках программно-целевого подхода. В качестве практического результата предложена трехуровневая структура индикаторов, которая сочетает объективные статистические данные с субъективными оценками самих участников образовательных отношений. Все предложенные показатели разработаны в соответствии с требованиями СМАРТ. Кроме того, в статье обосновывается необходимость создания специализированной межведомственной структуры, которая будет заниматься мониторингом эффективности реализации стратегии криминологической безопасности образования на основе анализа «больших данных».

Ключевые слова: стратегия криминологической безопасности образования, механизмы реализации, индикаторы эффективности, программно-целевое управление, мониторинг.

E. Z. Sidorova

IMPLEMENTATION OF THE CRIMINOLOGICAL SECURITY STRATEGY OF EDUCATION: MECHANISMS, INDICATORS AND CRITERIA OF EFFECTIVENESS

The presented work examines the key aspects of the implementation of a strategy aimed at ensuring criminological security in the educational field. Special attention is paid to substantiating a multi-level indicator system that allows monitoring and evaluating the effectiveness of the proposed strategy. The author concludes that maximum efficiency is achieved only with the integrated use of all tools within the framework of a program-oriented approach. As a practical result, a three-level structure of indicators is proposed, which combines objective statistical data with subjective assessments of the participants in educational relations themselves. All the proposed indicators have been developed in accordance with the requirements of SMART. In addition, the article substantiates the need to create a specialized interdepartmental structure that will monitor the effectiveness of the implementation of the criminological security strategy of education based on the analysis of «big data».

Keywords: criminological security strategy of education, implementation mechanisms, performance indicators, program-oriented management, monitoring.

Современная образовательная среда сталкивается с широким спектром криминальных угроз, которые существенно трансформировались под влиянием цифровизации. Как справедливо отмечают исследователи, цифровые технологии проникли во все сферы жизни, включая образование, что породило новые риски: кибератаки на образовательные платформы, распространение деструктивного контента и дистанционное вовлечение молодежи в противоправную деятельность [1, с. 7]. Традиционные проблемы, такие как буллинг и насилие, по-прежнему присутствуют в образовательной среде, но теперь они дополняются вызовами цифровой эпохи. В этих условиях простого декларирования целей защиты образовательной среды недостаточно. Многие стратегические документы остаются нереализованными именно из-за отсутствия проработанных механизмов внедрения и четких критериев оценки их эффективности. Без понимания того, кто, какими средствами и как будет выполнять поставленные задачи, а также по каким показателям общество сможет оценить эффективность реализуемых мер, любая стратегия профилактики превращается в формальную декларацию. Поэтому правоведы справедливо подчеркивают, что эффективная стратегия противодействия преступности должна опираться на анализ как качественных, так и количественных показателей преступности в данной среде [2, с. 101].

Цель данной работы — описание системы управленческих механизмов и обоснование многоуровневой системы индикаторов, необходимых для практической реализации и оценки результативности стратегии криминологической безопасности в образовании.

Обеспечение безопасности общественных интересов и приоритетов в сфере образования связано в том числе с решением проблем реализации уголовной политики. Одно из ее ключевых направлений– противодействию криминальным угрозам в образовательной среде.

К сожалению, сфера образования в настоящее время не защищена полностью от различных криминальных угроз, прямо связанных с совершением преступлений участниками образовательных отношений. К ним относятся как преступность среди обучающихся и педагогов, так и системные проблемы, такие как коррупция или насилие в образовательной среде. Сфера профилактики преступности в образовании является чрезвычайно широкой, поэтому требует первоочередного внимания. На наш взгляд, помочь в вопросах обеспечения криминологической безопасности образования может разработанная стратегия такой безопасности. При этом реализация подобной стратегии требует комплексного подхода, объединяющего несколько групп механизмов. Правовые механизмы создают нормативную основу, опираясь на федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации»[1] и «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[2]. Особое значение на локальном уровне приобретает внедрение паспортов криминологической безопасности школ и вузов, которые содержат анализ рисков и планы профилактических мероприятий [3, с. 346]. Организационные механизмы базируются на программно-целевом управлении, позволяющем концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях и обеспечивать межведомственную координацию с полицией, органами соцзащиты и операторами связи. Экономические механизмы предполагают стабильное финансирование, ориентированное

[1] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[2]Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

на результат: оснащение организаций техникой, подготовку педагогов, введение ставок психологов. Наконец, информационные и социально-психологические механизмы включают мониторинг цифрового следа для выявления деструктивного контента, внедрение медиативных программ и работу телефонов доверия.

Для объективной оценки эффективности этих усилий необходима научно обоснованная система индикаторов. Она должна быть многоуровневой, чтобы отслеживать как общенациональные тенденции, так и локальные проблемы конкретной школы. Система обязана включать объективные данные, опирающиеся на официальную статистику, и субъективные оценки, которые могут быть получены в результате проведения опросов участников образовательных отношений об ощущении им безопасности образовательной среды. Каждый индикатор должен соответствовать критериям СМАРТ: быть конкретным, измеримым, достижимым, актуальным и ограниченным во времени.

Предлагается трехуровневая система индикаторов. На государственном уровне оценивается общая ситуация: коэффициент виктимизации участников образовательных отношений, количество преступлений в отношении обучающихся и число отраженных кибератак на цифровые платформы. На региональном и муниципальном уровне важны такие показатели, как доля организаций, внедривших паспорта безопасности, время межведомственного реагирования на криминальные инциденты, произошедшие в образовательных организациях, доля педагогов, прошедших курсы повышения квалификации в области криминологической безопасности образовательной среды, и охват обучающихся профилактическими программами. Локальный уровень оценивает ситуацию в конкретной образовательной организации: индекс психологического климата в классах, уровень социальной тревожности, оперативность разрешения криминальных конфликтов, возникших в конкретной образовательной организации, и доля обучающихся, владеющих навыками реагирования на ту или иную угрозу криминальной ситуации.

В настоящее время сбор данных о состоянии криминологической безопасности образовательной среды разрознен между различными ведомствами (МВД России, Минпросвещения, Роскомнадзор), что мешает получать целостное представление об уровне защищенности образовательной среды от криминальных и криминогенных угроз. Существует объективная необходимость создания единого координационно-аналитического центра, задачами которого могли бы стать разработка единых методик сбора данных о состоянии криминологической защищенности сферы образования, организация регулярных опросов участников образовательных отношений, анализ «больших данных» для раннего выявления угроз в образовательной среде и подготовка ежегодных докладов о криминологической защищенности образования. Прозрачность такой системы, с публикацией основных результатов в открытом доступе, позволит подключить к оценке эффективности описываемой стратегии институты гражданского общества.

Таким образом, обеспечение криминологической безопасности образования требует перехода от деклараций к системной реализации на основе четких механизмов и измеримых индикаторов. Предложенная трехуровневая система, включающая как статистику, так и субъективные оценки участников образовательных отношений, позволяет всесторонне оценивать состояние защищенности образовательной среды от различных криминальных угроз. Ключевым условием работоспособности этой системы является создание специализированной структуры межведомственного мониторинга, способной обеспечить органы управления актуальной информацией для принятия своевременных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бегишев И.Р., Жарова А.К., Громова Е.А., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 1. – С. 7–13.

2. Жубрин Р.В. Теоретические подходы к выработке стратегии противодействия преступности в России // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – №4(108). – С. 97–104.

3. Сидорова Е.З. Криминологический паспорт (криминологическое досье) образовательной организации как специально-криминологическая мера предупреждения преступности обучающихся // Современный ученый. – 2017. – № 6. – С. 346–349.

УДК 343.851

Е. Р. Симончук

ПРОБАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВА СРЕДИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УЧАСТВУЮЩИХ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В настоящей статье отражена теоретико-правовая проблема терминологического наименования категории граждан (иностранных лиц и лиц без гражданства), совершивших преступления и участвующих в специальной военной операции. Автором осуществлена оценка потенциальных рисков роста рецидивной преступности среди данных лиц после окончания боевых действий, выделены их психологические особенности, которые необходимо учитывать при подготовке индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, а также предложены меры по изменению существующих механизмов реализации пробации в случае их применения по отношению к рассматриваемой категории участников СВО.

Ключевые слова: пробация, специальная военная операция, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, рецидивная преступность, освобождение от наказания.

E. R. Simonchuk

PROBATION AS A MEANS OF PREVENTING RECIDIVISM IN PERSONS WHO HAVE COMMITTED CRIMES AND ARE PARTICIPATING IN SPECIAL MILITARY OPERATIONS

This article reflects the theoretical and legal problem of the terminological designation of a category of citizens (foreign nationals and stateless persons) who have committed crimes and are participating in a special military operation. The author assesses the potential risks of an increase in recidivism among these individuals after the end of hostilities, highlights their psychological characteristics that should be taken into account when preparing individual programs for resocialization, social adaptation, and social rehabilitation, and proposes measures to modify existing probation mechanisms if they are applied to this category of participants in the special military operation.

Keywords: probation, special military operation, resocialization, social adaptation, social rehabilitation, recidivism, release from punishment.

Институт пробации получил законодательное закрепление в отечественной правовой системе в 2023году[1]. Целями реализации пробационных мер является коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, а также предупреждение совершения ими новых преступлений (ч.1 ст.4 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»). В контексте проведения Российской Федерацией специальной военной операции (далее – СВО) и привлечения к участию в боевых действиях лиц, преступивших уголовный закон, актуальность приобретает разработка пробационных мер, адаптированных под особенности данной категории лиц.

Прежде всего, требуется разрешение теоретико-правового вопроса в части установления правового статуса лиц, преступивших закон и принимающих участие в специальной военной операции, а также определения терминологического наименования данной категории лиц. Их правоотношения с Министерством обороны Российской Федерации начинаются либо в связи с призывом на военную службу, либо в связи с заключением контракта (до сентября 2023года – соглашения) о прохождении военной службы (ч.5.1 ст.34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»[2]). Однако наименование рассматриваемой категории лиц как «призывники» или «контрактники» (в соответствии с основаниями возникновения правоотношений с Министерством обороны Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время) не отражает специфику их правового статуса.

Особенность заключается в наличии у данных граждан (иностранных граждан или лиц без гражданства) предшествующего криминального и (или) пенитенциарного опыта: к участию в СВО привлекаются лица, совершившие преступления (за исключением ряда составов, закрепленных в п. «б» ч. 5.1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), имеющие судимость (аналогичные ограничения допустимых составов преступлений), а также отбывшие наказание в виде лишения свободы со снятой или погашенной судимостью. При этом лица освобождаются от наказания условно (ст.80.1УКРФ), а в случае совершения ими в период прохождения военной службы нового преступления последует назначение судом наказания по совокупности приговоров. Освобождение от уголовной ответственности и погашение судимости для данной категории лиц возможно по двум основаниям: 1)при получении государственной награды; 2)при увольнении со службы по возрасту, по состоянию здоровья или в связи с окончанием мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени.

Таким образом, уголовно-правовые отношения для участников СВО, совершивших ранее преступления, не прекращаются в связи с заключением контракта с Министерством обороны Российской Федерации или призывом на военную службу – освобождение от наказания является условным и только при соблюдении ряда требований может быть стать реальным. По этой причине встречающийся в научной литературе термин «бывшие осужденные»[1] по отношению к рассматриваемой

[1]Федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 года) «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru. 06.02.2023; 23.07.2025.

[2]Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025 года) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30 марта 1998 года. № 13. Ст. 1475; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.

категории лиц вызывает некоторые сомнения, как и «помилованные участники специальной военной операции»[2], поскольку процедура помилования в данном случае не проводится. В научной литературе также встречаются варианты «лица, отбывающие уголовные наказания, привлекаемые к участию в военных действиях в качестве военнослужащих» или «осужденные, желающие принимать участие в СВО»[3] – что более полно отражает, по нашему мнению, правовое положение рассматриваемой категории лиц, принимающих участие в боевых действиях. В настоящей статье граждане, иностранные граждане и лица без гражданства, преступившие закон и подвергнутые уголовному преследованию, принимающие участие в специальной военной операции в связи с призывом или заключением контракта с Министерством обороны Российской Федерации, будут именоваться автором как «лица, совершившие преступления и участвующие в специальной военной операции».

Предполагаем, что осуществление пробации в отношении рассматриваемой категории участников СВО по общепринятому, ныне законодательно закрепленному варианту может оказаться малоэффективным. Ряд специфических черт лиц, совершивших преступления и участвующих в специальной военной операции, обуславливает необходимость выработки особого подхода к обеспечению процесса их ресоциализации и реинтеграции в общество.

Первая особенность заключается в наличии не только криминального и пенитенциарного, но и боевого опыта. Общеизвестно весьма широкое распространение после тех или иных боевых действий посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у его участников (например, после войны в Афганистане 1979–1989 гг. [4, с. 93], контртеррористических операций на Северном Кавказе 1999–2000гг. [5, с. 62] и др.). Длительное влияние на психику травмирующего боевого опыта отражается на дальнейшей адаптации человека к мирной жизни. Осложняется ситуация при работе с рассматриваемой нами категорией участников СВО – лицами, совершившими преступления и подвергнутыми уголовному преследованию, – поскольку ранее в исправительных учреждениях они уже были изолированы от общества, что негативно сказалось на человеке как на биосоциальном существе. По этой причине добровольный характер пробации (в настоящий момент пробация осуществляется по волеизъявлению гражданина) может столкнуться с отсутствием инициативы со стороны нуждающихся лиц.

Вторая особенность – это высокий риск объединения рассматриваемой категории участников СВО после возвращения к мирной жизни в преступные группы. При этом действия таких групп, как справедливо отмечает Д. В. Катаев, «могут быть куда опаснее, чем действия любых других организованных преступных группировок, ввиду отсутствия у последних боевого опыта» [6, с.57]. По этой же причине преступные посягательства отдельных лиц из рассматриваемой категории также могут отличаться высокой общественной опасностью. Указанные обстоятельства должны быть обязательно учтены при подготовке индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лица, нуждающегося в пробации.

Насколько обоснованными являются предположения относительно вероятного рецидива среди лиц, совершивших ранее преступления и участвующих в специальной военной операции? Ответ могут дать текущие статистические данные, исторический опыт привлечения лиц, совершивших преступления, в качестве бойцов на передовой линии фронтов Великой Отечественной войны, а также доктринальные точки зрения по данному вопросу.

Однако по первому из названных аспектов обнаруживается наличие исследовательской проблемы – отсутствие соответствующих данных. Статистика ФКУ «ГИАЦ МВД России», отражающая сведения о состоянии преступности в Российской Федерации, содержит лишь общие показатели рецидива в стране (безотносительно к какой-либо категории). Возможно обращение к новостным источникам[1], однако однозначные выводы об остроте указанной проблемы по подобным публикациям мы сделать не можем: анализ содержащейся в них информации показал расхождения в числовых показателях редицивной преступности, их заголовки порой отличаются существенной эмоциональной окраской, что ставит под сомнение достоверность приводимой информации. Данный момент требует доработки в части аккумулирования необходимых статистических данных, а именно уровня рецидива среди лиц, ранее совершивших преступления и участвовавших в специальной военной операции, с выделением тех, к кому применялась пробация. Последний показатель необходим для оценки эффективности проводимых пробационных мероприятий.

Исторический опыт привлечения лиц, совершивших преступления, к участию в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в качестве альтернативного труду средства исправления оступившихся граждан оценивается двояко: с одной стороны, исследователи отмечают позитивную роль данной меры в деле защиты Отечества [7, с. 231], но с другой стороны, она называется в числе причин роста преступности в СССР в послевоенные годы [8, с. 68]. Представителями научного сообщества в имеющихся в настоящий момент публикациях отмечается высокий риск осложнения криминальной обстановки в нашей стране в связи с повторным совершением преступлений рассматриваемой категорией лиц после их возвращения с СВО [9, с. 51; 10, с. 115], что также подтверждает высказанный ранее прогноз.

Какие же аспекты в уже существующем механизме реализации пробационных мер требуют изменений с учетом особенностей лиц, совершивших преступления и участвующих в СВО?

Во-первых, добровольный характер применения мер пробации в отношении лица предполагает в настоящий момент инициативное его обращение к уполномоченным субъектам. Безусловно, наличие потребности в решении социально-бытовых, трудовых и правовых вопросов станет побудительным мотивом обращения лица с соответствующим заявлением. Сомнения возникают относительно осознания лица необходимости в психологической помощи, которая, в свою очередь, является крайне важным элементом, обеспечивающим ресоциализацию данной категории граждан. Возможно, целесообразен обязательный характер осуществления пробации в отношении лиц, совершивших преступления и участвующих в СВО, после окончания боевых действий.

Во-вторых, затруднительным видится достижение целей пробации без создания условий, обеспечивающих контроль за лицами, в отношении которых она применяется. В настоящий момент в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» содержится лишь одна бланкетная норма (ч.3 ст.19), связанная с реализацией

[1]Помилованный заключенный вернулся с СВО и убил 26-летнюю девушку // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/05/22478780.shtml (дата обращения: 07.05.2026).

Назван процент участников СВО из мест лишения свободы, которые вновь совершают преступления // URL: https://www.uralweb.ru/news/society/564324-nazvan-procent-uchastnikov-svo-iz-mest-lisheniya-svobody-kotorye-vnov-sovershayut-prestupleniya.html (дата обращения: 07.05.2026) и др.

пробационных мер с учетом положений законодательства об административном надзоре (в случае установления такового в отношении лица). Однако в случае реального освобождения лица от наказания и, соответственно, уголовной ответственности по одному из упомянутых ранее оснований, административный надзор в отношении него установлен не будет. Следовательно, даже при условии инициативного обращения лица за пробационными мерами контроль за его поведением не предусмотрен, при этом необходимость в подобных мерах профилактики преступности имеется.

В-третьих, преодоление последствий длительного влияния психотравмирующих факторов на сознание лиц, совершивших преступления и участвующих в СВО, во многом определяется интенсивностью психологической работы с ними, что актуализирует кадровый вопрос: количество и качество подготовки психологов, специализирующихся на работе с криминальным контингентом, а также на лечении ПТСР.

В заключение отметим, что криминологический прогноз вероятного всплеска рецидивной преступности среди лиц, совершивших преступления и участвующих в СВО, после окончания боевых действий подтверждается историческими фактами и позициями представителей научного сообщества. Определить конкретное время наступления кризисного момента – то есть повторного выбора лицом преступного пути удовлетворения тех или иных потребностей – весьма сложно в силу индивидуальности данного вопроса: для одних побудительным мотивом могут стать материальные сложности или трудности при трудоустройстве, для других – бытовой конфликт и т.д. Задача государства в данном случае – интенсификация профилактической работы за счет обеспечения процесса ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации данной категории лиц после окончания боевых действий, тем более, что необходимый для этого правовой институт в нашей стране в виде пробации уже существует.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гофман А. А., Тимощук А. С.* «Никогда не поздно встать на путь самурая»: опыт ресоциализации осуждённых в СВО // Социальные отношения. 2023. № 2(45). С. 71–87.

2. *Миненко К. О., Миненко А. О.* Система мер ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации помилованных участников специальной военной операции // Философия права. 2023. № 3(106). С. 125–134.

3. *Тепляшин П. В., Ступина С. А.* Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 4(26). С. 152–159.

4. *Осадчая Е. В., Татаева Р. К.* Степень выраженности посттравматических стрессовых нарушений у ветеранов Афганской войны // Психология человека в образовании. 2024. № 1. С. 92–99.

5. *Идрисов К. А.* Эпидемиологическое исследование распространенности посттравматических стрессовых расстройств среди взрослого населения Чеченской Республики на разных этапах военной ситуации // Российский психиатрический журнал. 2009. № 1. С. 57–64.

6. *Катаев Д. В.* Проблемные вопросы ресоциализации бывших осужденных – участников специальной военной операции // Caucasian Science Bridge. 2025. № 1(27). С. 51–60.

7. *Реент Ю. А.* Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны // Вестник ТГУ. 2020. № 186. С. 224–233.

8. *Попова А. Д.* Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-гг.) // СибСкрипт. 2021. № 1(85). С. 62–70.

9. *Лопашенко Н. А.* О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2(53). С. 48–59.

10.*МасловВ.А.* Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex Russica. 2025. № 3(220). С. 98–119.

УДК 343.9

А.С. Тюменцева

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: УЯЗВИМОСТИ, БОТНЕТЫ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящей статье рассматриваются криминалистические и уголовно-правовые аспекты безопасности интернета вещей (IoT) в системе противодействия преступности. Автором рассмотрены подходы к нормативно-правовому регулированию интернета вещей, сформулированы рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, развитию компетенций следственных органов, выводы о необходимости опережающего правового регулирования.

Ключевые слова: интернет вещей (IoT); умные устройства; кибербезопасность; уязвимости IoT; ботнет; DDoS-атака; вредоносное программное обеспечение; цифровой след; криминалистика; уголовно-правовое регулирование; нормативная стандартизация.

A.S. Tyumentseva

THE INTERNET OF THINGS IN THE CONTEXT OF MODERN CYBERCRIME: VULNERABILITIES, BOTNETS, AND CHALLENGES IN CRIMINAL LAW REGULATION

This article examines the forensic and criminal law aspects of Internet of Things (IoT) security within the system for combating crime. The author analyzes regulatory approaches to IoT governance, formulates recommendations for improving criminal procedure legislation and enhancing the capabilities of investigative authorities, and draws conclusions regarding the need for proactive legal regulation.

Keywords: Internet of Things (IoT); smart devices; cybersecurity; IoT vulnerabilities; botnet; DDoS attack; malware; digital trace; forensics; criminal law regulation; regulatory standardization.

Интернет вещей (IoT) уже прочно вошел в повседневную жизнь: бытовые приборы управляются со смартфона, системы микроклимата подстраиваются под расписание жильцов, а носимые гаджеты отслеживают здоровье. Все это — часть единой экосистемы: устройства не просто выполняют задачи, а самостоятельно обмениваются данными в реальном времени. Оснащение обычных предметов

датчиками и сетевыми интерфейсами снимает с пользователей рутину, повышает эффективность процессов и открывает дорогу новым сервисам.

Но у этой технологии есть серьезная проблема – уязвимость в сфере информационной безопасности. Многие производители по-прежнему уделяют мало внимания цифровой составляющей: из-за этого страдают и аппаратная защита (компоненты слабо защищены), и программная часть (уязвимости устраняются с опозданием). В итоге экосистема IoT становится привлекательной мишенью для злоумышленников. Кроме того, отсутствие единых стандартов повышает риски. В типичной конфигурации «умного дома» используется оборудование разных производителей, и несовместимость протоколов обмена данными создает потенциальные точки проникновения для злоумышленников [1, с. 129].

Особого внимания заслуживают результаты исследований OWASP (Open Worldwide Application Security Project), систематизировавших ключевые технические недостатки IoT-устройств [2, с. 462–463]. К наиболее критичным уязвимостям относятся: использование заводских или слабых паролей, небезопасные сетевые службы, отсутствие механизмов безопасного обновления ПО, применение устаревших программных компонентов и библиотек. Эти факторы создают благоприятные условия для кибератак. Злоумышленники могут эксплуатировать учетные данные, жестко закодированные в исходном коде или конфигурационных файлах, использовать уязвимости в прошивках, перехватывать незашифрованные данные или обходить слабые механизмы аутентификации.

Перечисленные уязвимости – не гипотетическая угроза. На практике хакеры активно ищут устройства с заводскими настройками, устаревшей прошивкой или открытыми сетевыми портами. При массовом компрометировании такие устройства объединяются в ботнеты – мощные инструменты для проведения масштабных атак.

Ботнет – сеть скомпрометированных устройств под удаленным контролем злоумышленника – стал основным инструментом DDoS-атак (Distributed Denial of Service, «распределенный отказ в обслуживании»). Одна из самых громких – атака на американского интернет-провайдера Dyn в 2016 году с помощью ботнета Mirai парализовала доступ к более чем 80 платформам за счет трафика с десятков миллионов камер, роутеров, принтеров [1, с. 128]. В 2025 году, по данным аналитиков компании StormWall, специализирующейся на разработке защиты от DDoS- и хакерских атак, инцидентов стало втрое больше: их число в мире выросло на 198% по сравнению с 2024 годом и стабильно росло на протяжении всего года; в России количество DDoS-атак выросло почти вдвое, при этом в течение года под удар чаще всего попадали госсектор, организации с критически важной инфраструктурой и предприятия финансового сектора[1]. Аналитики и исследователи полагают, что рост числа атак связан с использованием злоумышленниками технологий на основе искусственного интеллекта для автоматизации и оптимизации каждого этапа кибератаки [3, с. 5]. Развитие и распространение технологий на основе искусственного интеллекта снижает порог «входа». Это означает, что даже преступники с относительно базовыми техническими навыками могут запускать эффективные атаки – то, что раньше было уделом лишь самых опытных киберпреступников.

[1]Ddos-trendy-2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://stormwall.pro/resources/blog/ddos-trendy-2025 (дата обращения: 01.05.2026).

Основными способами использования ботнетов в преступной деятельности являются не только DDoS-атаки, но и массовое автоматизированное распространение вредоносного программного обеспечения (далее – ПО) с целью шпионажа и кражи персональных данных, использование вычислительных мощностей устройств, входящих в ботнет, без ведома владельцев для майнинга криптовалюты и для перенаправления интернет-трафика преступников для обеспечения анонимности [1, с 128-129].

Согласно отчету компании Curator, специализирующейся на обеспечении доступности интернет-ресурсов и нейтрализации DDoS-атак, в первом квартале 2026 года зафиксирован стремительный рост крупнейшего ботнета, обнаруженного специалистами компании в марте 2025 года. За год количество зараженных устройств выросло с 1,33 млн до 13,5 млн[1]. По данным IoT Analytics, прогнозируется рост числа подключенных IoT-устройств устройств во всем мире в 2025 году с 17,2 млрд до 32,1 млрд к 2030 году[2]. Принимая во внимание данные сведения, можно сделать вывод, что значительной частью всех зараженных устройств являются зараженные IoT-устройства, и с точки зрения злоумышленников атака на эти устройства является обоснованной, так как – как мы уже и сказали ранее – они обладают значительным числом критических уязвимостей с самого момента их производства.

Однако, информационная безопасность интернета вещей закладывается не только в момент создания и эксплуатации устройств и систем, но и в его нормативном регулировании. На сегодняшний день в мире можно выделить три подхода: регулирование на государственном уровне, на корпоративном уровне и интеграционный подход.

Регулирование интернета вещей на государственном уровне предполагает под собой разработку и внедрение обязательных стандартов и нормативов на уровне законодательных органов с последующим соблюдением их коммерческими структурами. Данный подход применяется в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Великобритании. Подход корпоративного регулирования, применяемый в странах Европейского союза, делегирует разработку спецификаций отраслевым объединениям, на основе которых в дальнейшем формируются технические решения и интегрируются в правовое поле. Интеграционный подход Соединенных Штатов Америки и Индии к регулированию интернета вещей не выделяет IoT в самостоятельную правовую отрасль, распространяя на такие устройства общие нормы регулирования информационно-телекоммуникационных сетей.

В законодательной базе Российской Федерации до 2017 года интернет вещей не рассматривался как отдельный предмет нормативно-правового регулирования. В 2017 году была создана институциональная основа – приказом Росстандарта № 642 от 27 марта 2017 года создан Технический комитет по стандартизации №194 «Кибер-физические системы» (ТК 194), на который возложены задачи по национальной стандартизации в данных направлениях. Определены направления стандартизации: интернет вещей, большие данные, умные города, умное производство. В «Стратегии

[1] DDoS-боты и BGP-инциденты в 1 квартале 2026 года: статистика и тренды [Электронный ресурс]. – URL: https://curator.pro/library/blog/ddos-boty-i-bgp-incidenty-v-1-kvartale-2026-goda-statistika-i-trendy/#kliucevye-fakty-i-vyvody (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Number of connected IoT devices 2021-2030 [Электронный ресурс]. – URL: https://iot-analytics.com/number-connected-iot-devices/ (дата обращения: 01.05.2026).

развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»[1] было определено понятие интернета вещей как компьютерной сети, соединяющей вещи (физические объекты) со встроенными информационными технологиями для связи друг с другом или с окружающей средой без вмешательства человека, и одновременно направление «Интернет вещей и промышленный интернет» было названо одним из важнейших направлений развития информационно-коммуникационных технологий России [4, с. 57].

В ноябре 2019 года на заседании подкомитета Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO) и Международной электротехнической комиссии (International Electrotechnical Commission, IEC) в области интернета вещей инициированы новые стандарты, а также включение разработанной в России спецификации LoRaWAN RU в проект международного стандарта по промышленному интернету вещей «ISO/IEC 30162 Интернет вещей – Требования и модель совместимости для устройств в промышленных системах IoT»[2]. Это стало первым этапом гармонизации с международными стандартами ISO/IEC.

Первые государственные национальные стандарты (ГОСТ) и предварительные национальные стандарты (ПНСТ) были разработаны и введены в действие в начале 2020-х годов и определяли методы организации сетей и форматы обмена данными, адаптируя существующие технологии под устройства с ограниченными вычислительными ресурсами. В дальнейшие годы положение стандартов укреплялось: взамен ПНСТ вводились доработанные ГОСТ, определяющие архитектуру, терминологию и протоколы связи в сфере интернета вещей. В настоящее время в России сформирована комплексная система нормативно-правового регулирования интернета вещей, включающая более 30 национальных и предварительных стандартов, обеспечивающая участие России в формировании глобального регулирования и стандартизации интернета вещей.

Уголовно-правовая квалификация преступлений с использованием IoT-устройств осложняется отсутствием специальных составов. Корыстные преступления против собственности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, относятся к преступлениям, предусмотренным главой 21 Уголовного кодекса Российской Федерации, и включают в себя кражу (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ). Преступление считается совершенным с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, если любое из умышленных действий, способствующих его совершению, было выполнено через такие сети. Действия злоумышленников, связанные с ботнетами, могут быть квалифицированы как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных

[1] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017 г., № 20, Ст. 2901.

[2] По данным Технического комитета по стандартизации № 194 «Кибер-физические системы» (ТК 194) от 03.12.2019 [Электронный ресурс]. – URL: https://tc194.ru/ (дата обращения: 02.05.2026).

программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Однако диспозиции этих норм не учитывают специфику распределенных атак через ботнеты, манипуляций с прошивками, использования уязвимостей «цепочки поставок» от разработчика ПО до конечного пользователя устройства. Для доказывания умысла требуется установление не только факта несанкционированного доступа, но и способа эксплуатации архитектурных особенностей IoT-систем.

В США инструментом квалификации выступает параграф 1030 Федерального закона о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях (Computer Fraud and Abuse Act, CFAA), так как его формулировка «защищенный компьютер» охватывает любое интернет-устройство, включая умные лампочки и фитнес-трекеры[1]. В Германии ботнеты попадают под параграфы 303b и 202c Уголовного кодекса Германии (StGB), которые криминализируют даже подготовку хакерских инструментов[2]. В Индии регулирование строится на разделах 43, 66, 67 Закона о информационных технологиях 2000 года, который криминализирует «нечестный или мошеннический доступ» к компьютерным ресурсам[3]. Однако отсутствие отдельной нормы про ботнеты ведет к квалификационным спорам: одни суды применяют раздел 66F (атаки на доступность сетей), другие – общий раздел 66 и отдельные статьи Индийского кодекса правосудия (Bharatiya Nyaya Sanhita, аналог УК РФ). Китайская практика основывается на ряде законов и политик: ст.ст. 253-1, 285, 286 и 287 Уголовного закона и поправках к нему, решениях соответствующих комитетов, законе о кибербезопасности Китайской Народной Республики[4].

Российское законодательство пока не содержит специальных норм, регулирующих порядок изъятия и исследования цифровых следов с IoT-устройств, что создает пробелы в доказательственной базе. Отсутствие единого стандарта сертификации IoT-оборудования позволяет выводить на рынок устройства с заводскими уязвимостями, что противоречит принципу превентивного уголовно-правового воздействия.

Цифровизация России требует четкой государственной стратегии против киберпреступности. Уголовное законодательство явно отстает от технологий: на практике сложно разграничить обычное мошенничество и преступления в сфере компьютерной информации, особенно в случаях фишинга и распределенных атак с помощью ботнетов. Усматривается необходимость доработки ст. 273 УК РФ – расширение определения вредоносного ПО и введение ответственности за создание

[1] Federal Botnet Enforcement and the Evolving Framework for Criminal Liability in Large-Scale Cyberattack Infrastructure [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jurispulse.blog/articles/2026-03-22-federal-botnet-enforcement-and-the-evolving-framework-for-criminal-liability-in-large-scale-cyberattack-infrastructure (дата обращения: 02.05.2026).

[2] The criminal liability of DDoS attacks and botnets under German criminal law [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ferner-alsdorf.com/the-criminal-liability-of-ddos-attacks-and-botnets-under-german-criminal-law/ (дата обращения: 02.05.2026).

[3] Cybersecurity laws and regulations India 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://conventuslaw.com/report/cybersecurity-laws-and-regulations-india-2025/ (дата обращения: 02.05.2026).

[4] Cybercrime Regulation Across BRICS Countries [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberbrics.info/cybercrime-regulation-across-brics-countries/ (дата обращения: 02.05.2026).

инструментов, изначально предназначенных для кибератак. Также возможно переосмыслить подходы к назначению наказания за подобные преступления с учетом реального нанесенного обществу ущерба. Право должно успевать за развитием имеющихся информационных технологий и появлением новых, таких как технологии на основе искусственного интеллекта.

Одних поправок в кодексе и внедрения государственных стандартов в этой области недостаточно. Следователям и оперативникам не хватает технических компетенций, поэтому нужны постоянные программы переподготовки в области кибербезопасности, позволяющие осуществлять подготовку специалистов по работе с цифровыми следами умных устройств и создание методических рекомендаций для следственной практики.

В Российской Федерации уже предприняты определенные шаги в сфере стандартизации и нормативного регулирования IoT. Так, разрабатываются отраслевые стандарты безопасности, уточняются требования к защите данных в распределенных сетях, инициируются пилотные проекты по тестированию защищенных решений. Однако анализ текущей практики позволяет выявить существенные дисбалансы: темпы развития законодательной базы и системы подготовки профильных кадров отстают от скорости технологических изменений.

Ключевой вызов ближайших лет заключается в трансформации роли права в контексте цифровой безопасности. Традиционно правовая система действует реактивно – реагирует на уже возникшие угрозы и инциденты. В условиях стремительной эволюции киберугроз требуется переход к опережающему регулированию, которое не будет подавлять инновационную активность, создаст превентивные механизмы защиты и заложит правовые основы для устойчивости цифровых экосистем перед лицом новых угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коринь А.В. Интернет вещей: криминалистические аспекты. // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т.20. – № 1(171). – С. 125-133.

2. Sasi et al., A comprehensive survey on IoT attacks: A comprehensive survey on IoT attacks: Taxonomy, detection mechanisms and challenges. // Journal of Information and Intelligence. Volume 2, Issue 6, November 2024, Pages 455-513.

3. L. K.Gupta, U. Tripathi, P.Pande, A.Singh, DDoS Attack Using Artificial Intelligence.// Journal of Applied Science and Education (JASE), 2025. Vol. 05, Iss. 02, S. No. 106, pp 1-8.

4. А.А. Асеев, Т.А. Блатова, В.В. Макаров. Регулирование развития технологий интернета вещей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №1-2. – С. 56-58.

УДК 343.9

С.В. Цедрик

ОПАСНЫЕ УСЛУГИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ: ПРОБЛЕМАТИКА ПРИ ПЕРВИЧНОЙ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

За последние несколько лет число туристов, посещающих Иркутскую область, возросло кратно, в настоящее время годовой туристический поток превышает три миллиона человек. Справедливо жемчужиной региона и всей страны считается Объект Всемирного Наследия Юнеско – озеро Байкал. Естественно, что близко познакомиться с данным уникальным водоемом возможно по средствам водного транспорта, как следствие, данный вид туристической деятельности представляет для разного рода предпринимателей особый интерес. Вместе с тем нередко в акватории озера Байкал происходят несчастные случаи, связанные с травмированием и гибелью людей, что является следствием деятельности недобросовестных перевозчиков, пренебрегающих нормами безопасности в погоне за прибылью, и для того, чтобы успешно противодействовать данному виду правонарушений необходимо учитывать проблематику и специфику проведения первичных следственных действии при выявлении таких фактов.

Ключевые слова: *услуги, безопасность, водный транспорт, доказательства.*

S. V. Tsedrik

TYPICAL CHALLENGES IN THE INITIAL RECORDING OF EVIDENCE OF A CRIME RELATED TO THE PROVISION OF HAZARDOUS SERVICES ON WATER TRANSPORT

Over the past few years, the number of tourists visiting the Irkutsk Region has increased exponentially, currently exceeding three million annually. Lake Baikal, a UNESCO World Heritage Site, is rightly considered the crown jewel of the region and the entire country. Naturally, this unique body of water can be explored closely by water transport, making this type of tourism activity of particular interest to various entrepreneurs. However, accidents involving injuries and fatalities often occur in the waters of Lake Baikal, resulting from the activities of unscrupulous carriers who neglect safety standards in pursuit of profit. To successfully combat this type of crime, it is necessary to consider the challenges and specifics of conducting initial investigative actions when identifying such incidents.

Keywords: *services, security, water transport, evidence.*

Здоровье населения является одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны, как верно отмечено Е. А. Миллеровой [1], вместе с тем, погоня за прибылью путем пренебрежения установленными нормами и правилами нередко влечет негативные последствия.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного суда от 25 июня 2019 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»[1] уголовная ответственность по ч. 1 или по пунктам "а", "б" ч. 2 статьи 238 УК РФ наступает в условиях, когда опасность оказываемых услуг для здоровья либо жизни потребителя является реальной. О

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 // КонсультатнтПлюс : сайт. URL:https//www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.02.2026)

реальной опасности оказываемых услуг может свидетельствовать такое их качество, когда угроза негативных последствий существует в обычных условиях, и дальнейшее их продолжение может привести к тяжким последствиям.

При этом нельзя не согласиться с мнением Хромова Е. В. в той части, что не следует воспринимать данные разъяснения как абсолютный запрет применения положений ст. 238 УК РФ [2], по нашему мнению, сходному с мнением Скрипченко Н. Ю., состав опасности нельзя считать материальным, поскольку к последствиям относится именно создание опасности для жизни и здоровья [3].

Для успешного противодействия данному виду правонарушений необходимо представлять, с какими сложностями сталкиваются правоохранители в рамках регистрации сообщения о преступлении.

Нужно учитывать, что при возникновении аварийных ситуаций либо наступлении вреда здоровью и смерти пассажиров водного транспорта при отсутствии информации о коммерческой перевозке проверка изначально ведется по признакам преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ,[1]об этом нам говорит и п. 11 Постановления пленума Верховного суда РФ от 25.06.2029 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Вместе с тем, во всех случаях правоохранитель должен сосредоточить усилия на главном, а именно фиксации следов противоправной деятельности.

Нередко именно для сокрытия коммерческой перевозки недобросовестные субъекты предпринимательской деятельности применяют приемы ее вуалирования, скрывают туристические маршруты, используют для контактов мессенджеры и скрытые аккаунты, применяют расчет электронными средствами на карты подставных лиц, используют подложную документацию и иные способы.

С учетом этого, на первоначальном этапе принятие неотложных мер по установлению сведений о возмездности оказываемой услуги является важным для последующей верной квалификации содеянного, определения вопросов подследственности, а также для построения тактики проведения следственных действий.

Далее необходимо помнить, что перевозчику, оказывающему туристические услуги на водных объектах, необходимо позаботиться о наличии лицензии на данный вид деятельности в соответствии с требованиями Федерального закона от 04 мая 2011 года №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Наличие лицензии либо ее отсутствие как своеобразный криминообразующий фактор должен рассматривать и правоохранитель, ведущий проверку по факту оказания опасной услуги.

Указанный аспект крайне важен на первоначальной стадии проведения проверки, поскольку наличие лицензии уполномоченного органа, в данном случае Ространснадзора, говорит об освидетельствовании судна в Российском классификационном обществе, включении его в соответствующий реестр судов, оказывающих коммерческие услуги, соблюдении на момент освидетельствования минимума установленных требований о наличии спасательного, навигационного оборудования, средств связи, исправности всех узлов и агрегатов.

И напротив отсутствие лицензии напрямую указывает на изначально незаконную деятельность перевозчика, и в таком случае первичная фиксация должна быть направлена на факты отсутствия сертифицированных спасательных средств их

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультатнтПлюс : сайт. URL:https//www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.02.2026)

несоответствие числу пассажиров, несоответствие судна установленным техническим регламентам безопасности, наличие технических неисправностей двигателя либо рулевого оборудования, отсутствие либо непригодность средств пожаротушения, недокомплект судна средствами связи и навигации.

Таким образом, перед непосредственным осмотром судна лицу, ведущему проверку необходимо истребовать имеющую документацию. При этом правоприменителю необходимо знать, что ст. 14 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации[1] (далее – КВВТ РФ) сдержит перечень документов, которые должны находиться на судне.

Анализ представленной судовой документации так же позволит сделать определенные выводы о картине и причинах происшествия.

Отдельным и важным направлением деятельности на месте происшествия является первичная работа с лицом, оказавшим услуги, которые привели к наступлению общественно опасных последствий. В ходе данной работы необходимо обращать внимание на психическое и физическое состояние лица, возможное управление судном без соответствующих навыков и документов, в состоянии опьянения, факты нарушений в процессе оказания услуги правил маневрирования, эксплуатации судна и технических норм, выход на воду без учета погодных и иных внешних условий, субъективное отношение лица к опасным факторам и причинной связи содеянного и наступившего негативного результата.

Необходимо учитывать, что не всегда поводом для проведения проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 238 УК РФ, является происшествие, при котором наступил тяжкий вред либо смерть потерпевшего. Нередко поводом для проверки становятся заявление потребителя о том, что ранее оказанная ему услуга угрожала жизни и здоровью, а так же информация оперативных подразделений. В этом случае, и, если деятельность продолжается, более эффективной будет работа по сбору доказательственной базы на месте и в процессе оказываемой услуги, хотя бы она и не привела к трагическим последствиям, но по утверждению заявителя либо оперативных подразделений опасный фактор, присутствовавший ранее, сохраняется.

Стоит ли при этом говорить, насколько важен для рассматриваемого вида проверок фактор внезапности, когда правоохранитель, зная алгоритм следственных действий, и имея представление о предмете доказывания, четко с применением фото и видео фиксации документирует опасные факторы, задает точечные вопросы перевозчику и пассажирам, а при необходимости, когда имеются явные преступления, возбуждает уголовное дело на месте и использует более широкие полномочия, предоставленные уголовно-процессуальным законодательством в этом случае.

Еще одним проблемным фактором при проведении первичной проверки является, как правило, отдаленность места совершения противоправного деяния, ввиду чего затруднительно обеспечить присутствие в ходе осмотра экспертов и специалистов, в том числе контрольно-надзорных органов, и в случае недостаточной компетенции лица, проводящего проверку, отсутствие указанных лиц может напрямую негативно повлиять на сбор доказательственной базы и установление всех обстоятельств произошедшего. Однако, как верно отмечено Газизовым Т. И., вывод о несоответствии услуг требованиям безопасности можно сделать только при условии установления, что услуги нарушают какие-то конкретные нормативные правовые акты [4].

В данной ситуации правоохранителю рекомендуется принять необходимые

[1] Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации : принят Гос. Думой 07 февраля 2001 года : одобрен Советом Федерации 22 февраля 2001 года : послед. ред. // КонсультатнтПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30650/ (дата обращения: 24.02.2026)

меры по локализации в том числе и неисправного судна, транспортировке его в место охраняемого отстоя с сохранением первичной обстановки, что позволит провести его повторный осмотр уже с участием профильных специалистов.

Нельзя не согласиться с мнением Грибунова О. П. и Малыхиной Е. А. о том, что процесс расследования преступлений зависит от целого ряда факторов, в который, безусловно, помимо качественного применения научно-технических методов входит определенный уровень умений и навыков следователей, оперативных работников, сотрудников экспертных учреждений [5].

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить важную, а зачастую решающую роль первоначальных следственных действий при выявлении фактов оказания опасных для жизни и здоровья услуг по средствам водного транспорта, и от качества этих мероприятий зависит преследующее процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо возбуждении дела и ход его расследования, наличие же у лица, проводящего проверку сообщения о происшествии, необходимых знаний и умений позволит привлечь виновное лицо к установленной законом ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миллерова Е. А. К вопросу об уголовно-правовой оценке по статье 238 Уголовного кодекса РФ фактов сбыта товаров и оказания услуг, противоречащих общественной нравственности / Е. А. Миллерова. EDN TLIWJP // Проблемы права. 2014. № 3(46). С. 139-141.
2. Хромов Е. В. Оказание опасных транспортных услуг и нарушение правил дорожного движения (ст. 238, 264 УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 9. С. 41-61.
3. Скрипченко Н. Ю. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ // Уголовное право. 2020. № 1. С. 74-79.
4. Газизов Т. И. К вопросу об уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ) // Право. 2021. № 1. С. 44-48.
5. Грибунов О. П. Некоторые особенности расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта / О. П. Грибунов, Е. А. Малыхина // Актуальные проблемы права, экономики и управления (см. в книгах). 2016. № 12. С. 96-97.

Чжу Хаоюань

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

全球化背景下 打击犯罪的理论重构与实践探索 ——基于跨国犯罪治理与侦查模式转型的双重维度

朱浩源
黑龙江公安警官职业学院治安管理系

摘要： 全球化进程中，犯罪形态正经历从“属地化”向“跨域化”、从“传统型”向“技术型”的结构性转变。本文从跨国犯罪刑事管辖权冲突的理论辨析入手，分析犯罪形态演变对传统侦查模式的冲击，探讨“生态治理”理念在犯罪防控中的应用价值，提出通过执法能力现代化与人才培养机制创新回应时代挑战。研究认为，打击犯罪需在刑事一体化视野下，实现从“

单一惩治”向“综合治理”、从“被动应对”向“主动防控”的范式转型。

关键词：跨国犯罪；刑事管辖权；侦查模式；生态治理；警务现代化

一、问题的提出

当前，犯罪活动的跨国化、技术化、组织化特征日益凸显。利用人工智能、区块链、深度伪造等新技术实施的电信网络诈骗、网络勒索、涉虚拟货币犯罪持续高发，犯罪正从分散的个体行为演化为高度组织化、技术化、生态化、跨平台、跨地域的全球性威胁。与此同时，传统以属地管辖为核心的刑事司法体系在面对此类犯罪时，屡屡遭遇管辖权冲突、取证困难、法律适用模糊等困境。

2026年度中俄会议将“打击犯罪的理论与实践”作为核心议题，正是基于两国共同面临的这一时代挑战。本文从跨国犯罪治理与侦查模式转型的双重维度，系统探讨全球化背景下打击犯罪的理论演进与实践创新。

二、跨国犯罪治理的逻辑起点：刑事管辖权冲突的理论辨析

（一）管辖权冲突的生成机制

跨国犯罪刑事管辖权的冲突是全球化背景下国家主权行使与犯罪跨域流动之间张力的必然产物。与跨国民商事领域不同，跨国犯罪领域的管辖权积极冲突具有显著特殊性：刑事管辖权规则本身既承担管辖权确定的功能，又兼具准据法选择的作用。一旦多个国家对同一跨国犯罪主张管辖权，必然导致多国刑法同时适用，当事人可能面临多重追诉。

从冲突形成机制看，“域外管辖属地化”的扩张趋势直接促进了管辖权积极冲突的形成。所谓“域外管辖属地化”，是指各国通过扩张解释属地管辖原则，将原本属于域外管辖的情形纳入属地管辖范畴。具体表现为三种形态：一是属地性的去要素化，以“效果”或“影响”为依据主张管辖权；二是属地性的意图化，以行为人主观意图为依据行使管辖权；三是属地性的派生化，通过国际公约使无原始管辖权的国家获得派生性管辖权。

（二）管辖权协调的方法论反思

面对日益复杂的管辖权冲突，国际社会探索了多种协调方法，包括“一事不再理原则”“礼让原则”“管辖权分级”“跨国协同解决”等。管辖权冲突的协调并非纯粹技术问题，而是涉及国家主权、司法效率与人权保障的多维平衡。在我国跨国犯罪活动持续增多的背景下，需综合考量并合理运用相关协调方法，通过修订《刑事诉讼法》等制度安排，做好“竞争”与“合作”的双重准备：一方面坚定维护我国刑事管辖权，防止个别国家不当行使域外管辖侵害我国司法主权；另一方面探索与俄罗斯等友好国家的管辖权协调机制，避免重复追诉和司法资源浪费。

三、犯罪形态演变与侦查模式转型

（一）从“数据大”到“大数据”：电子数据取证的范式跃迁

犯罪形态的技术化转型对传统侦查模式提出根本性质疑。以电子数据取证为例，取证活动正经历从“数据大”向“大数据”的范式跃迁。这一嬗变不仅是数据体量的增长，更是取证逻辑从“静态复原”向“动态认知”、从“确定性事实”向“概率性预测”的认识论转型。

传统“数据大”模式下，侦查人员试图通过技术手段重建已发生的确定性事实，“静态复原”成为取证主导目标。取证核心技术是“镜像固证”——通过对存储介质实施镜像复制，获取稳定的比特流复制，保证原始性与完整性。

然而在大数据环境下，这种载体中心论难以为继。一方面，取证对象往往是分布于云端的跨平台数据流，难以通过一次性操作彻底固定；另一方面，取证过程依赖于算法驱动的自动化分析，侦查人员通过构建模型、设定参数，由算法在数据海洋中自动发现异常模式。这种取证方式产出的往往是概率性判断和相关性结论，其认识论基础更接近关联论与预测论。

（二）证据属性的结构性异化与制度回应

从“数据大”到“大数据”的跃迁，对电子证据真实性、关联性和合法性三大属性造成结构性冲击。真实性维度，大数据取证中司法机关难以接触到未经预处理的原始数据，证据生产过程

高度黑箱化；关联性维度，基于大数据相关性分析生成的证据结论与排除合理怀疑标准之间存在张力；合法性维度，大数据取证表现为对云端数据的持续接入与算法驱动分析，难以纳入现有程序类型。

我国司法实践已在积极探索回应之道。以经济犯罪侦查领域的“金析为证”探索为例，公安部于2025年4月印发《公安机关资金分析鉴定工作程序规定（试行）》，将“资金分析鉴定”正式列为公安机关法定鉴定项目，为海量电子数据证据转化建立“国家标准”。截至目前，全国已有27个省区市超过200起案件的判决书中，将公安机关出具的资金分析报告作为证据使用。这一实践表明，通过制度化标准建设，大数据分析成果完全有可能获得法庭采信。

四、犯罪治理的理念革新：从“事后惩戒”到“生态防控”

（一）网络犯罪防治的国际趋势

单纯依靠事后刑事打击难以撼动高度组织化、技术化的犯罪产业，这一认识正成为国际社会普遍共识。国外对网络犯罪的治理大多呈现“从事后惩戒向生态预防转型”的趋势，治理重点从“打击犯罪行为”延伸至“治理犯罪生态”。

所谓“生态防控”，是将治理对象扩展至基础资源、技术工具、账号、支付链路及平台运行等关键环节，通过制度化安排削弱犯罪生存条件。具体包括：加强网络基础资源管理；将可能被滥用的关键技术和专业服务纳入前置性管理框架；围绕黑灰产供给链强化综合治理；将平台纳入网络风险治理体系。

在立法形式上，一些国家通过制定专门“预防”或“防治”网络犯罪法律，将预防目标直接写入立法标题。联合国《打击网络犯罪公约》也明确各缔约国应努力制定和实施减少网络犯罪机会的政策、立法与措施。

（二）我国网络犯罪防治的制度探索

我国拥有超过十亿网民和位居全球第二的数字经济体量，网络犯罪的潜在攻击面和经济损失呈现出前所未有的规模。日前公安部发布的《网络犯罪防治法（征求意见稿）》，正是在这一背景下提出的系统性方案。

该法案的治理逻辑具有鲜明整体性和现实针对性：在制度定位上，将网络犯罪防治纳入网络综合治理体系，补齐防范网络资源和服务被滥用的制度环节；在治理逻辑上，以“防滥用”为核心切入点，通过前置性义务、过程性管控和协同处置机制，在犯罪行为形成前压缩其生存空间；在制度路径上，更加注重发挥行政监管的重要作用，推动治理重心向源头和过程覆盖。这一立法思路将推动我国网络犯罪治理从碎片化向综合性、协同化治理范式跃迁。

五、执法能力现代化与人才培养机制创新

（一）复合型侦查人才的培养路径

打击犯罪的理念革新与制度设计最终需要落实到人的执行。近年来，我国在侦查人才培养方面进行了系统性探索。以“金析为证”推开为契机，公安部经侦局组织编写统一教材、建立分级测试题库，推行资金分析能力测试认证。截至目前，全国已有近2万名民警接受培训，超过8000人通过测试认证。上海公安推行资金分析师分级认证制度，全市经侦中级资金分析师已占经侦总警力的20%。

公安院校也加入人才储备战。中国刑事警察学院与地方公安机关共建联合实验室，开设专门课程。湘潭大学法学学部于2025年组建公安侦查方向班，通过多元化实践教学，着力培养学生专业应用能力和职业适应能力。

（二）实战化训练机制的构建

厦门市公安局的实践提供了一个值得关注的样本。其核心经验包括：一是“练兵先练长”，发挥领导干部示范效应；二是课程设计紧密对接实战需求，精准提升不同警种、岗位的实战能力；三是建立快速响应机制，推动问题早解决、经验早推广。

这种训练理念与俄罗斯同行关注的问题高度契合。2026年度中俄会议中，“提高警察学员与执法人员的专业和体能训练”被列为专题，表明两国在执法能力建设方面有着共同关注焦点。

六、中俄打击犯罪合作的现实基础与深化路径

（一）既有合作机制的梳理

中俄作为全面战略协作伙伴关系国家，在打击跨国犯罪领域已有长期合作基础。两国在上海合作组织框架内共同参与法律文件制定与实施，在双边层面建立了执法安全合作机制。从2026年度中俄会议安排看，双方在法律科学、犯罪侦查、警务人才培养、体能训练等多个专题领域均有深度对话平台。

（二）深化合作的方向建议

第一，建立跨国犯罪管辖权冲突的协调机制，探索在双边条约层面明确管辖权行使的优先顺序和协调规则。第二，加强电子数据取证与证据转化的标准对接，就鉴定机构资质互认、鉴定意见法庭采信等展开对话。第三，共建网络犯罪生态防控的信息共享平台，协同压缩犯罪生存空间。第四，深化警务人才培养的联合培训项目，实现优势互补。

七、结语

全球化与数字化交织的时代，打击犯罪已不再是单个国家的内部事务。有效应对这一挑战，需要在三个层面实现协同转型：理论层面，从单一惩治转向综合治理；制度层面，从被动应对转向主动防控；能力层面，从传统经验转向专业复合。中俄作为友好邻邦和全面战略协作伙伴，期待以2026年度中俄会议为契机，深入交流、凝聚共识，共同探索符合时代要求的犯罪治理之道。

参考文献

[1] 朱丹.跨国犯罪刑事管辖权的冲突——成因、协调方法与我国对策[J].尚权推荐,2026-02-11.

[2] 李小恺,戴士剑.从“数据大”到“大数据”：电子数据取证及审查的范式嬗变与模型建构[J].国家检察官学院学报,2026(1).

[3] 湘潭大学法学学部.法学学部公安侦查方向班班会暨培养方案解读会顺利召开[EB/OL].2026-01-29.

[4] 厦门市公安局.厦门开展多维练兵锻造平安卫士[EB/OL].公安部新闻传媒中心,2026-02-24.

[5] 黄道丽.网络犯罪防治的国际趋势与中国制度回应[N].北京日报,2026-02-01.

[6] 彭景晖.从数据洪流中淘洗“铁证”[N].光明日报,2026-01-10.

[7] 中国犯罪学学会.刑事一体化视野下推进犯罪治理科学化现代化[N].检察日报·理论版,2026-01-07.

Чжу Хаоюань

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

Аннотация: в условиях глобализации формы преступности претерпевают структурную трансформацию: от «территориальной» к «трансграничной», от «традиционной» к «технологичной». Начиная с теоретического анализа конфликтов уголовной юрисдикции в отношении транснациональных преступлений, в данной статье анализируется влияние эволюции форм преступности на традиционные модели расследования. Рассматривается прикладная ценность концепции «экологического управления» (экосистемного подхода) в предупреждении преступности и борьбе с ней. Предлагаются пути реагирования на вызовы современности через модернизацию правоохранительной деятельности и инновации в механизмах подготовки кадров. Исследование показывает, что борьба с преступностью в рамках системного уголовно-

правового подхода требует смены парадигмы: от «единичного наказания» к «комплексному управлению», от «пассивного реагирования» к «проактивному предупреждению».

Ключевые слова: транснациональная преступность; уголовная юрисдикция, модель расследования, экологическое управление, модернизация полицейской деятельности.

УДК 343.9

Zhu Haoyuan

COMBATING CRIME IN THE ERA OF GLOBALIZATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF MODELS FOR INVESTIGATING AND COUNTERING TRANSNATIONAL THREATS

Abstract. In the context of globalization, forms of crime are undergoing a structural transformation: shifting from "territorial" to "transborder" and from "traditional" to "technology-driven." Beginning with a theoretical analysis of conflicts regarding criminal jurisdiction over transnational crimes, this article examines how the evolution of crime patterns impacts traditional investigation models. It explores the practical value of the "ecological governance" concept (an ecosystem-based approach) in crime prevention and control. The article proposes ways to address modern challenges through the modernization of law enforcement and innovations in personnel training mechanisms. The study demonstrates that combating crime within a systemic criminal law framework requires a paradigm shift: from "isolated punishment" to "comprehensive management," and from "passive reaction" to "proactive prevention."

Keywords: transnational crime; criminal jurisdiction; investigation model; ecological governance; modernization of policing.

I. Постановка проблемы

В настоящее время такие характеристики преступной деятельности, как транснациональность, технологичность и организованность, становятся всё более выраженными. Использование искусственного интеллекта, блокчейна, технологии Deepfake и других новых технологий привело к стабильно высокому уровню телекоммуникационного мошенничества, интернет-вымогательства и преступлений, связанных с виртуальными валютами. Преступность эволюционирует из разрозненных индивидуальных действий в глобальную угрозу, отличающуюся высокой степенью организованности, технологичности и сетевой системности («экосистемности»), а также выходящую за рамки отдельных платформ и регионов.

В то же время традиционная система уголовного правосудия, ядром которой является принцип территориальной подсудности, при столкновении с подобными видами преступлений регулярно сталкивается с такими трудностями, как конфликты юрисдикции, сложности при сборе доказательств и неопределенность в применении правовых норм.

Тот факт, что центральной темой российско-китайской конференции 2026 года стала «Теория и практика борьбы с преступностью», обусловлен общими вызовами современности, с которыми сталкиваются обе страны. В данной статье в двойном измерении — через управление транснациональной преступностью и трансформацию

моделей расследования — системно исследуются теоретическая эволюция и практические инновации в области борьбы с преступностью в условиях глобализации.

II. Логическая отправная точка управления транснациональной преступностью: теоретический анализ конфликтов уголовной юрисдикции

(1) Механизм возникновения конфликтов юрисдикции

Конфликт уголовной юрисдикции в отношении транснациональных преступлений является неизбежным продуктом напряжения между осуществлением государственного суверенитета и трансграничной миграцией преступности в условиях глобализации. В отличие от транснациональной гражданской и коммерческой сфер, активные конфликты юрисдикции в сфере транснациональной преступности имеют существенную специфику: сами правила уголовной юрисдикции выполняют функцию как определения юрисдикции, так и выбора применимого права. Как только несколько государств заявляют о своей юрисдикции в отношении одного и того же транснационального преступления, это неизбежно ведет к одновременному применению уголовного права нескольких стран, и заинтересованные лица могут столкнуться с множественным преследованием.

С точки зрения механизма формирования конфликтов, тенденция к расширению «территориализации экстерриториальной юрисдикции» напрямую способствует возникновению активных конфликтов юрисдикции.

Под «территориализацией экстерриториальной юрисдикции» понимается практика, при которой государства через расширительное толкование принципа территориальности включают ситуации, изначально относящиеся к экстерриториальной юрисдикции, в сферу действия территориального принципа. Конкретно это проявляется в трех формах:

1. Де-факторизация территориальности: предъявление требований на юрисдикцию на основании «эффекта» или «последствий» деяния.

2. Интенционализация территориальности: осуществление юрисдикции на основании субъективного намерения (умысла) лица.

3. Дериватизация (производность) территориальности: получение государством, не обладающим первоначальной юрисдикцией, производных полномочий через международные конвенции.

(2) Методологическое переосмысление координации юрисдикции

Перед лицом усложняющихся конфликтов юрисдикции международное сообщество исследовало различные методы координации, включая принцип **non bis in idem** («не дважды за одно и то же»), **принцип международной вежливости** (comity), **ранжирование (уровни) юрисдикции** и **транснациональное совместное решение**. Координация конфликтов юрисдикции — это не чисто технический вопрос, а многомерный баланс, затрагивающий государственный суверенитет, эффективность правосудия и защиту прав человека.

В условиях продолжающегося роста трансграничной преступности в Китае необходимо комплексно рассматривать и рационально применять соответствующие методы координации. Через совершенствование законодательства (включая внесение поправок в «Уголовно-процессуальный кодекс») следует подготовиться к двойному формату взаимодействия — «конкуренции» и «сотрудничеству».

С одной стороны, необходимо твердо отстаивать уголовную юрисдикцию КНР и пресекать ненадлежащее использование экстерриториальной юрисдикции отдельными странами, посягающее на наш судебный суверенитет. С другой стороны, следует изучать механизмы координации юрисдикции с дружественными

государствами, такими как **Россия**, чтобы избежать повторного преследования и неоправданной растраты судебных ресурсов.

III. Эволюция форм преступности и трансформация моделей расследования

(1) От «большого объема данных» к «Большим данным» (Big Data): парадигмальный сдвиг в сборе электронных доказательств

Технологическая трансформация преступности ставит под сомнение саму основу традиционных моделей расследования. На примере работы с электронными доказательствами видно, что процесс их получения переживает парадигмальный скачок — переход от простого «большого объема данных» к технологиям «Больших данных». Эта трансформация заключается не только в росте физического объема информации, но и в гносеологическом переходе логики доказывания: от «статичного восстановления» к «динамическому познанию», от «фактов достоверности» к «вероятностному прогнозированию».

В рамках традиционной модели «большого объема данных» следователи стремились восстановить уже произошедшие достоверные факты с помощью технических средств, где доминирующей целью было «статичное восстановление». Ключевой технологией являлось «зеркальное закрепление доказательств» — создание зеркальной копии носителя информации для получения стабильной побитовой копии данных, гарантирующей их аутентичность и целостность.

Однако в среде «Больших данных» (Big Data) этот «носителецентричный» подход (ориентированный на физический носитель) становится несостоятельным.

С одной стороны, объектами сбора доказательств зачастую являются распределенные в «облаке» кроссплатформенные потоки данных, которые невозможно полностью закрепить с помощью разовой операции. С другой стороны, процесс доказывания теперь опирается на автоматизированный анализ под управлением алгоритмов: следователи выстраивают модели и задают параметры, а алгоритмы автоматически выявляют аномальные паттерны в океане данных. Результатом такого способа получения доказательств чаще всего становятся вероятностные суждения и выводы о корреляции, а его гносеологическая основа гораздо ближе к теории связей и теории прогнозирования.

(2) Структурная аномалия свойств доказательств и институциональный ответ

Переход от «большого объема данных» к «большим данным» нанес структурный удар по трем ключевым свойствам электронных доказательств: достоверности, относимости и допустимости.

- Критерий достоверности: органы следствия и суда редко получают доступ к необработанным первоначальным данным, а процесс формирования доказательств крайне непрозрачен («черный ящик»).
- Критерий относимости: выводы, полученные на основе корреляционного анализа больших данных, вступают в противоречие со стандартом доказывания «вне разумных сомнений».
- Критерий допустимости: сбор доказательств через большие данные представляет собой непрерывный доступ к облачным хранилищам и анализ с помощью алгоритмов, что трудно вписать в существующие рамки процессуального законодательства.

Отечественная судебная практика уже активно ищет пути решения этих проблем. Примером таких поисков в сфере расследования экономических преступлений служит внедрение практики «использования результатов анализа денежных средств в качестве доказательств». В апреле 2025 года Министерство

общественной безопасности КНР издало «Положение о порядке проведения оценки в рамках анализа денежных средств органами общественной безопасности (для апробации)». Данный документ официально закрепил «оценку в рамках анализа денежных средств» как законный вид экспертизы, проводимой органами общественной безопасности. Это позволило создать «национальный стандарт» для процессуального закрепления и трансформации колоссальных объемов электронных данных в доказательства. К настоящему моменту суды более чем в 200 делах на территории 27 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения страны использовали в качестве доказательств отчеты об анализе денежных средств, подготовленные органами общественной безопасности. Данная практика наглядно подтверждает: создание институциональных стандартов делает получение судом результатов анализа больших данных полностью возможным.

IV. Обновление концепции борьбы с преступностью: от «карательных мер post factum» к «экосистемному контролю и профилактике»

(I) Международные тенденции в сфере предотвращения киберпреступности

В международном сообществе формируется консенсус относительно того, что одни лишь карательные меры уголовно-правового характера, применяемые постфактум, не способны подорвать высокоорганизованную и технологичную криминальную индустрию. Зарубежный опыт борьбы с киберпреступностью в большинстве случаев демонстрирует тенденцию «перехода от наказания по факту совершения преступления к экосистемной профилактике». При этом вектор управления смещается с «противодействия конкретным преступным деяниям» на «оздоровление и контроль всей криминогенной экосреды».

Так называемый «экологический контроль» расширяет сферу управления на ключевые аспекты, такие как основные ресурсы, технологические инструменты, счета, платежные цепочки и функционирование платформ, ослабляя условия для существования преступности посредством институциональных механизмов. В частности, это включает в себя: усиление управления основными сетевыми ресурсами; включение потенциально злоупотребляемых ключевых технологий и профессиональных услуг в систему проактивного управления; усиление комплексного управления цепочками поставок на черном и сером рынках; и интеграцию платформ в систему управления сетевыми рисками.

Что касается законодательной формы, некоторые страны приняли специальные законы о «предотвращении» или «контроле» киберпреступности, непосредственно включив цели предотвращения в текст закона. Конвенция ООН против киберпреступности также прямо указывает, что договаривающиеся стороны должны стремиться к разработке и внедрению политики, законодательства и мер по сокращению возможностей для киберпреступности.

(II) Институциональные подходы к профилактике и борьбе с киберпреступностью в Китае

С более чем миллиардом интернет-пользователей и вторым по величине объемом цифровой экономики в мире, потенциальная поверхность атак и экономические потери от киберпреступности в Китае достигли беспрецедентных масштабов. Недавно опубликованный Министерством общественной безопасности КНР проект закона «О профилактике и борьбе с киберпреступностью» (для общественного обсуждения) представляет собой системное решение, предложенное именно в данном контексте.

Логика регулирования данного законопроекта отличается ярко выраженной целостностью и практической направленностью. С точки зрения институционального позиционирования, профилактика и борьба с киберпреступностью интегрируются в комплексную систему управления интернетом, что восполняет пробелы в нормативно-правовом регулировании защиты сетевых ресурсов и услуг от неправомерного использования. В логике управления ключевой отправной точкой является «предотвращение злоупотреблений»: за счет упреждающих обязательств, промежуточного контроля и механизмов совместного реагирования сужается пространство для маневра преступников еще до совершения преступления. Что касается институционального подхода, то здесь большее внимание уделяется важной роли административного надзора, что смещает фокус управления на первоисточники и операционные процессы. Данный законодательный подход обеспечит переход Китая от фрагментарной модели борьбы с киберпреступностью к комплексной и скоординированной парадигме управления.

V. Модернизация правоприменительного потенциала и инновации в механизме подготовки кадров

(I) Пути подготовки следователей широкого (мультидисциплинарного) профиля

Инновационные концепции и институциональные модели борьбы с преступностью в конечном итоге должны реализовываться конкретными исполнителями. В последние годы в Китае проводятся системные преобразования в сфере подготовки следственных кадров. Используя внедрение принципа «финансовый анализ как доказательство» в качестве отправной точки, Департамент по расследованию экономических преступлений Министерства общественной безопасности КНР организовал разработку единых учебных материалов, создал базу многоуровневых тестовых заданий и ввел систему сертификации навыков анализа движения денежных средств. К настоящему моменту обучение прошли около 20 тысяч сотрудников полиции по всей стране, из которых более 8 тысяч успешно сдали квалификационный тест. Органы общественной безопасности Шанхая внедрили собственную систему многоуровневой сертификации финансовых аналитиков: на сегодняшний день сертифицированные специалисты среднего звена составляют 20% от общей численности сотрудников подразделений по расследованию экономических преступлений города.

Академии и институты общественной безопасности также включились в борьбу за кадровый резерв. Так, Китайский институт уголовной полиции совместно с местными органами общественной безопасности создает совместные лаборатории и открывает специализированные учебные курсы. Юридический факультет Сянтаньского университета в 2025 году сформировал профильные группы по направлению «Полицейское следствие», где за счет диверсифицированного практического обучения делается упор на развитие у студентов профессиональных прикладных навыков и адаптивности к будущей работе.

(II) Создание механизмов практико-ориентированного обучения

Опыт работы Управления общественной безопасности города Сямынь представляет собой образец, заслуживающий особого внимания. Его ключевые элементы включают в себя следующее: во-первых, принцип «обучение личного состава начинается с руководства», что позволяет использовать образцово-показательный эффект руководящих кадров. Во-вторых, проектирование учебных программ тесно связано с практическими потребностями, что обеспечивает точечное повышение

квалификации различных подразделений и должностных позиций с учетом их реальных задач. В-третьих, создание механизмов быстрого реагирования, что способствует оперативному решению проблем и своевременному внедрению передового опыта.

Данная концепция обучения во многом созвучна с вопросами, которые находятся в центре внимания российских коллег. В рамках российско-китайской конференции 2026 года тема «Повышение уровня профессиональной и физической подготовки курсантов полиции и сотрудников правоохранительных органов» была выделена в качестве отдельного тематического блока. Это свидетельствует о том, что обе страны имеют общие приоритеты в сфере укрепления правоприменительного потенциала.

VI. Практическая основа и пути углубления российско-китайского сотрудничества в сфере борьбы с преступностью

(I) Анализ существующих механизмов сотрудничества

Являясь государствами, связанными отношениями всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, Россия и Китай имеют многолетний опыт взаимодействия в сфере борьбы с транснациональной преступностью. Обе страны совместно участвуют в разработке и реализации правовых документов в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также создали механизм сотрудничества в области правоприменения и безопасности на двустороннем уровне. Судя по повестке российско-китайской конференции 2026 года, стороны располагают платформами для глубокого диалога в различных специализированных областях, таких как юридическая наука, расследование преступлений, подготовка кадров для органов правопорядка и физическая подготовка.

(II) Рекомендации по направлениям углубления сотрудничества

Во-первых, создание координационного механизма разрешения конфликтов транснациональной юрисдикции, а также проработка на уровне двусторонних договоров четких правил координации и приоритетности осуществления юрисдикции. Во-вторых, укрепление стандартизации в области сбора электронных данных и трансформации доказательств, включая ведение диалога по вопросам взаимного признания квалификации экспертных учреждений и допустимости экспертных заключений в суде. В-третьих, совместное создание информационных платформ для мониторинга и предотвращения экосистемы киберпреступности с целью скоординированного сужения пространства для маневра преступников. В-четвертых, углубление совместных программ подготовки кадров для органов правопорядка в целях обеспечения взаимного дополнения преимуществ.

VII. Заключение

В эпоху переплетения процессов глобализации и цифровизации борьба с преступностью перестала быть исключительно внутренним делом отдельных государств. Эффективный ответ на этот вызов требует скоординированной трансформации на трех уровнях: на теоретическом уровне — переход от исключительно карательных мер к комплексной системе управления; на институциональном уровне — от пассивного реагирования к упреждающему предотвращению и контролю; на кадровом уровне — от опоры на традиционный опыт к профессиональному мультидисциплинарному подходу. Россия и Китай, будучи дружественными соседями и партнерами по всеобъемлющему стратегическому взаимодействию, рассчитывают использовать российско-китайскую конференцию 2026 года как возможность для углубления обмена опытом, достижения консенсуса и

совместного поиска путей управления преступностью, отвечающих требованиям современной эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чжу Дань. Конфликт уголовной юрисдикции в отношении транснациональных преступлений: причины, методы координации и контрмеры Китая [J]. Рекомендации Шанцюань (Shangquan Tuijian), 11.02.2026.

2. Ли Сяокай, Дай Шицзянь. От «большого объема данных» к «большим данным»: парадигмальный сдвиг и построение модели сбора и проверки электронных данных [J]. Вестник Национальной академии прокуроров (Guojia Jianchaguan Xueyuan Xuebao), 2026(1).

3. Юридический факультет Сянтаньского университета. Успешно прошло собрание профильных групп по направлению «Полицейское следствие» юридического факультета и заседание по разъяснению программы обучения [EB/OL]. 29.01.2026.

4. Управление общественной безопасности города Сямынь. В Сямыне проводятся многовекторные учения для подготовки защитников правопорядка [EB/OL]. Информационно-медийный центр Министерства общественной безопасности КНР, 24.02.2026.

5. Хуан Даоли. Международные тенденции в сфере профилактики и борьбы с киберпреступностью и институциональный ответ Китая [N]. Пекинский ежедневник (Beijing Ribao), 01.02.2026.

6. Пэн Цзинхуэй. Вымывание «железных доказательств» из потока данных [N]. Газета «Гуанмин жибао» (Guangming Ribao), 10.01.2026.

7. Китайское общество криминологии. Продвижение научного подхода и модернизации управления преступностью в контексте уголовно-правовой интеграции [N]. Прокурорская газета • Теоретический выпуск (Jiancha Ribao • Lilun Ban), 07.01.2026.

УДК 343.92

М.В. Шайкова

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ современных тенденций преступности несовершеннолетних с акцентом на количественные и качественные параметры. На основе систематизации официальной статистики, выявлены структурные сдвиги в подростковой делинквентности, обусловленные цифровизацией.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, криминологический анализ, цифровая делинквентность.

M.V. Shaykova

JUVENILE DELINDUENCY IN THE INTERNET SPACE

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of current trends in juvenile delinquency, focusing on quantitative and qualitative parameters. Based on the systematization of official statistics, the article identifies structural shifts in juvenile

delinquency caused by digitalization.

Keywords: juvenile delinquency, criminological analysis, and digital delinquency.

Преступность несовершеннолетних традиционно рассматривается как индикатор социально-экономического благополучия общества и эффективности институтов социализации. В условиях трансформации цифровой среды, изменения паттернов семейного воспитания и постпандемической адаптации молодёжи структура и характер подростковой делинквентности претерпевают существенные изменения

По итогам 2025 г. в структуре российской преступности каждое тридцать второе деяние (3,2% от общего числа расследованных преступлений) совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Всего зафиксировано 18 613 таких преступлений, при этом почти половина из них (8 557) относится к категории тяжких и особо тяжких. Правоохранительными органами выявлено 14 325 несовершеннолетних, преступивших закон. Из них 2 425 человек ранее уже имели криминальный опыт, что указывает на проблему рецидивной подростковой преступности. Значительная часть нарушителей действовала в составе групп — 6 453 человека, что подчеркивает высокую криминальную активность подростков в коллективных формах. Отдельным тревожным фактором остается вовлечение молодежи в противоправную деятельность взрослыми: зарегистрировано 802 случая такого рода. Кроме того, при совершении преступлений подростки нередко находились в состоянии опьянения: 1 295 случаев зафиксировано в состоянии алкогольного опьянения и 66 — в состоянии наркотического опьянения.

Со слов Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина "всего в текущем году совершили преступления свыше 14 тыс. подростков. Обращает на себя особое внимание рост числа несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения деяния возраста уголовной ответственности. Кроме того, отмечается устойчивая динамика увеличения количества несовершеннолетних, которые совершают криминальные посягательства в составе организованной группы или преступного сообщества". Также за 2025 год СК России передано в суд 5,5 тыс. уголовных дел в отношении подростков, что на 8% больше, чем годом ранее»[1]

Киберпреступность несовершеннолетних представляет собой одну из наиболее динамично растущих и сложных с точки зрения противодействия угроз современности. Масштаб развития динамики преступности несовершеннолетних следующий: если в 2020 году в России было зарегистрировано 54 киберпреступления, совершенных подростками, то к 2023 году их число выросло до 4 тысяч, что свидетельствует об увеличении в 74 раза всего за три года. Параллельно растет и число несовершеннолетних жертв: за первые девять месяцев 2025 года количество пострадавших от киберпреступлений подростков увеличилось на 120%. Несовершеннолетние оказываются одновременно жертвами и активными субъектами цифровой преступности.

Пик вовлеченности в киберпреступную деятельность приходится на возрастную группу 17-20 лет, что часто связывают с кризисом подросткового возраста стремлением к самоутверждению и протестному поведению. Большинство из тех, у кого начинает формироваться асоциальное поведение, прекращают противоправную активность к 20-25 годам, и лишь около 4% продолжают заниматься ею в более взрослом возрасте,

[1] https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409/ (дата обращения 10.05.2026)

движимые не столько корыстью, сколько устойчивым интересом к технологиям как к самоцели.

Подростки, при совершении киберпреступлений, стремятся продемонстрировать свои навыки перед сверстниками и завоевать авторитет в определенных онлайн-сообществах, а также в их поведении присутствует протест против правил и социальных норм. Корыстные мотивы, безусловно, присутствуют, особенно в сфере мошенничества и вымогательства, но они часто переплетаются с психологическими и социальными факторами взросления.

Совершаемые несовершеннолетними киберпреступления можно условно разделить на несколько основных видов. Первую группу составляют имущественные преступления, такие как различные виды мошенничества: от фишинга (выманивания логинов и паролей) до обмана при продаже виртуальных ценностей или создании фальшивых интернет-магазинов. Вторая группа — это преступления против личности и общественной безопасности. Сюда относится кибербуллинг (травля), киберсталкинг (преследование), а также распространение компрометирующих материалов, что может приводить к тяжким психологическим последствиям для жертв, вплоть до суицида. Третья группа связана с несанкционированным доступом к информации: взлом аккаунтов в социальных сетях, электронной почты, игровых профилей, а также создание и распространение вредоносного программного обеспечения.

В формировании личности подростка ключевую роль в воспитательном процессе играет семья, которая выступает главным институтом воспитания и личностного развития несовершеннолетних. Установленные в семье нормы поведения, привычки общения, ценности и моральные ориентиры прочно укореняются в сознании подростка, формируя его индивидуальность. Семейная атмосфера создает начальную основу для передачи ценностей и нравственных ориентиров. Неблагоприятные условия воспитания в семье не позволяют несовершеннолетнему осознать значение и важность данного социального института.

В ранее проведенном нами исследовании (2023 г.) мы определили, что «социум несовершеннолетних состоит из ближайшего окружения: друзья по учебному заведению и досугу, случайные виртуальные знакомые по социальным сетям (В Контакте, Тик Ток и т.д.) и референтным группам. В социуме (онлайн и офлайн) подросток воспринимает определённые положительные и отрицательные ценности и модели поведения, формирующихся из-за подражания и возрастных особенностей» [1, с.133] О.А. Мальцева и Е. А. Щелкина выделяют «психологические особенности несовершеннолетних, такие как определенная неуравновешенность характера, повышение уровня эмоциональной возбудимости, частая смена настроения, а также формы поведения, оказывают сильное влияние на деструктивное поведение несовершеннолетних».[2, с.218]

Сегодня несовершеннолетних в Интернет-пространстве вовлекают в Колумбайн сообщества. Десять лет назад выросло количество самоубийств по всему миру среди несовершеннолетних. Подростки стали чаще впадать в депрессию, хуже учиться и даже перестали видеть смысл в жизни. С точки зрения социального психолога Джонатана Хайдта [3] одной из главных причин резкой перемены поведения несовершеннолетних стали Интернет и смартфоны. Например, в 2024 г. в Челябинске школьник Роман. Г. напал с молотком на учителя и одноклассников. Несовершеннолетний играл в социальных сетях в суицидальную игру. В мессенджерах появилась новая игра, направленная на подростков, для того чтобы быть участником игры необходимо было записать видео с объяснением мотивов своего поведения и только после этого

подросток получает инструкции по деструктивной деятельности.

Современная преступность несовершеннолетних характеризуется стабильным количественным фоном при существенных качественных сдвигах в сторону цифровизации, имущественных схем и групповой координации. При исследовании детерминации деструктивных контентов несовершеннолетних, поведение которых обусловлено проблемами социального порядка, необходим дополнительный анализ информационного фактора и его влияния на личность несовершеннолетних и их участию, в группах деструктивного и агрессивного спектра. Поэтому мы считаем, желательно усилить пропаганду традиционных ценностей в образовательных учреждениях ориентировать подростков на надежные жизненные ориентиры и повышать уровень морали и правосознания. Дальнейшие исследования должны опираться на лонгитюдные данные, учитывать региональную специфику и развивать методики выявления латентной цифровой делинквентности. Профилактическая политика нуждается в переходе от универсальных мер к дифференцированным, гендерно- и возраст-адаптированным интервенциям

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шайкова, М. В. Детерминанты вхождения несовершеннолетних в деструктивные группы1 / М. В. Шайкова // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции. Научное электронное текстовое издание, Могилевский институт МВД, 19 апреля 2024 года. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. – С. 132-135.

2. Мальцева, О. А. Психолого-педагогический аспект совершения преступлений несовершеннолетними / О. А. Мальцева, Е. А. Щелкина // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 1(43). – С. 216-221

3. Haidt, J., Rausch, Z., & Twenge, J. (ongoing). Adolescent mood disorders since 2010: A collaborative review. Unpublished manuscript, New York University 219

УДК 343.98

П. Р. Шарифзода

О ХАРАКТЕРИСТИКАХ СТРАТЕГИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН НА ПЕРИОД ДО 2040 ГОДА

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены цель, задачи, ожидаемые результаты и этапы Стратегии. Автором вывод о значении стратегия. Стратегия играет важную роль в противодействии экстремизма и терроризма в Республике Таджикистан. Для ведения эффективной борьбы с преступностью необходимо реализовать комплекс мер, включающих в себя укрепление, совершенствование структуры и деятельности правоохранительных органов, координацию усилий всех государственных, местных и административных органов власти, направленных на создание надежной системы обеспечения законности и правопорядка.

Ключевые слова: стратегия, экстремизм, терроризм, преступности, Республика Таджикистан.

P. R. Sharifzoda

ON THE CHARACTERISTICS OF THE STRATEGY FOR THE PREVENTION OF EXTREMISM AND TERRORISM IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN UNTIL 2040

Abstract: This article examines the goal, objectives, expected results, and stages of the Strategy. The author concludes on the importance of the strategy. Strategies play a crucial role in countering extremism and terrorism in the Republic of Tajikistan. To effectively combat crime, it is necessary to implement a range of measures, including strengthening and improving the structure and activities of law enforcement agencies, and coordinating the efforts of all state, local, and administrative authorities to create a reliable system for maintaining law and order.

Keywords: strategy, extremism, terrorism, crime, Republic of Tajikistan.

Быстро меняющаяся ситуация в мире, обретение устойчивого характера опасными явлениями современности, в том числе экстремизмом и терроризмом, контрабандой оружия, незаконным оборотом наркотиков, киберпреступностью и другими транснациональными преступлениями, которыми обеспокоено человечество, побуждают нас придавать первостепенное внимание вопросом обеспечению безопасности нашей страны [3, с. 159-162].

Стоит отметить, что в Послании Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли страны от 23 декабря 2022 года особо подчеркивалось, что «для реализации целей и приоритетов развития процесс «принципа стратегического планирования» должен в полной мере осуществляться на всех уровнях государственного управления и в секторах общественной жизни» [2].

В действительности, планирование основных направлений деятельности всех секторов направлено на определение и реализацию приоритетных целей развития, разработку методов и средств достижения стратегических целей и оценку достигнутых результатов.

С учетом принципов стратегического планирования в стране были разработаны и приняты законодательные акты и документы по стратегическому планированию и государственному прогнозированию (концепция, стратегия и программа).

В контексте борьбы с преступностью эти документы стратегического планирования в форме государственных программ также составляют важную и приоритетную область.

В современных условиях роль документов стратегического планирования в Республике Таджикистан в регулировании общественных отношений в различных сферах жизни возрастает [7, с. 55-62]. Следует отметить, что Республика Таджикистан имеет опыт противодействия преступности посредством специальных государственных стратегии.

Стратегияпо предупреждению экстремизма и терроризма в Республике Таджикистан на период до 2040 года [4] (далее – Стратегия) разработана в целях реализации комплексных и своевременных мер уголовно-правовой политики Республики Таджикистан в сфере противодействия преступности.

Повышение эффективности расследования и профилактики правонарушений в современных условиях требует от государственных структур, в том числе от правоохранительных органов, не только сосредоточения всех усилий и возможностей

в борьбе с преступностью, но и совершенствование структуры и деятельности правоохранительных органов, обеспечения системного и комплексного подхода к предупреждению экстремизма и терроризма и поиска новых и нетрадиционных форм и методов воздействия на преступность.

Стратегия направлена на совершенствование государственной политики, определение приоритетных задач государственных органов и органов самоуправления поселков и сёл, а также на укрепление их сотрудничества с гражданским обществом и международными организациями в сфере предупреждения экстремизма и терроризма.

Стратегия разработана на основе Конституции Республики Таджикистан [1], Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» [5], Закона Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» [6], других законов и нормативных правовых актов Республики Таджикистан, а также международных правовых актов, признанных Республикой Таджикистан.

Приоритетными целями Стратегии являются: ранняя профилактика экстремизма (в школах, сообществах и семьях), снижение факторов, способствующих экстремизму, усиление профилактической работы с уязвимыми группами, особенно юношами, девушками и женщинами, обеспечение информационной безопасности общества, а также реабилитация и реинтеграция репатриантов.

Накопленный международным сообществом опыт показывает, что экстремизм и терроризм – будучи явлениями неслучайного и многогранного характера, укоренены не только в сознании и мышлении отдельных людей, но и в различных аспектах жизни, среде, отношениях, образовании и воспитании, культуре, социальной жизни, экономике, внешнем воздействии и т. д., в связи с чем достижение успеха в борьбе с ним обуславливает необходимость комплексного подхода.

С осознаниями этой реальности Республика Таджикистан избрала практику разработки и реализации комплексных государственных программ в этом направлении, приняв национальные стратегии противодействия экстремизму и терроризму на определённые периоды.

К настоящему времени разработаны приняты и реализованы две национальные стратегии в этой области – на 2016–2020 годы и на 2021–2025 годы.

Целями Стратегии являются защита основ конституционного строя и обеспечение общественной безопасности на основе формирования эффективной системы защиты прав и интересов личности, общества и государства от угроз экстремизма и терроризма.

Задачами Стратегии являются: определение дальнейших действий в данном направлении на основе анализа национального опыта комплексного планирования противодействия экстремизму и терроризму; продолжение и приведение в соответствие долгосрочных мер и проблем, не получивших полного решения в ходе реализации предыдущих стратегий в данной области современным условиями; оценка новых угроз экстремизма и терроризма, разработка адекватных мер реагирования на них; определение дальнейших задач субъектов противодействия экстремизму и терроризму, иных государственных и общественных институтов по устранению экстремистских и террористических угроз; повышение роли органов общественной самодеятельности (местных сообществ), сферы образования, работы с молодежью и спортом, женщинами и семьей в ранней профилактике экстремистских настроений, устранении факторов, способствующих экстремизму в религиозной среде, киберпространстве, исправительных учреждениях и процессе трудовой миграции, усилении мер по предотвращению финансирования терроризма, реабилитации и

реинтеграции лиц, вернувшихся из зон боевых действий или имеющих экстремистское и террористическое прошлое, совершенствовании правовых и институциональных основ, а также практики предупреждения и борьбы с экстремизмом и терроризмом, механизмов взаимодействия государственных органов, институтов гражданского общества и международных организаций, а также расширении международного сотрудничества в этой сфере.

Ожидаемыми результатами реализации Стратегии являются: обновление и совершенствование методов и подходов к профилактике экстремизма и терроризма с учетом мирового опыта; разработка эффективных методов и подходов к противодействию новым угрозам экстремизма и терроризма; совершенствование правовых и институциональных основ противодействия экстремизму и терроризму, повышение уровня знаний и навыков государственных служащих в этой сфере; усиление роли системы образования, религиозных организаций и институтов гражданского общества, включая органы общественной самодеятельности, в профилактике экстремизма и терроризма; углубление мер по устранению факторов, способствующих экстремизму среди трудовых мигрантов, осуждённых, других уязвимых категорий населения, усиление процесса реабилитации и реинтеграции женщин и детей, вернувшихся из зон боевых действий, и лиц с экстремистским прошлым; укрепление пограничной инфраструктуры, антитеррористической безопасности и противодиверсионной защиты особо важных объектов, усиление готовности к пресечению террористических атак; повышение уровня и качества взаимодействия государственных органов, гражданского общества и международных организаций по профилактике экстремизма и терроризма [4].

Обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав беженцев и иных прав и свобод, предусмотренных национальным законодательством и международно-правовыми актами, в процессе противодействия экстремизму и терроризму.

Реализация Стратегии будет осуществляться в три этапа: 2026-2030, 2031-2035 и 2036-2040 годы.

Задачами первого этапа (2026-2030 годы) являются: создание благоприятных условий для реализации Стратегии, ее представление органам государственной власти, общественности и международным организациям; разработка ведомственных и местных программ, планов и конкретных проектов по реализации Стратегии в центральных и местных исполнительных органах власти, формирование рабочих групп, в том числе на местах, с включением в них представителей гражданского общества для реализации соответствующих пунктов Плана мероприятий; разработка смет (проектов) на реализацию запланированных мероприятий, требующих финансирования из государственного бюджета или внебюджетных источников; поиск организаций, оказывающих поддержку, для финансирования запланированных мероприятий; реализация мероприятий, предусмотренных Стратегией.

Задачами второго этапа (2031-2035 годы) являются расширение реализации мер, организация и внедрение механизмов по предупреждению и противодействию экстремизму и терроризму.

На третьем этапе (2036-2040 годы) реализуемые меры будут совершенствоваться на основе результатов внутреннего и внешнего мониторинга. По завершении данного этапа (2040 год) будут подведены итоги реализации Стратегии и, при необходимости, подготовлены предложения по разработке новых документов стратегического планирования в данной сфере.

Таким образом настоящая стратегия играет важную роль в противодействии экстремизма и терроризма в Республике Таджикистан. Для ведения эффективной борьбы с преступностью необходимо реализовать комплекс мер, включающих в себя укрепление, совершенствование структуры и деятельности правоохранительных органов, координацию усилий всех государственных, местных и административных органов власти, направленных на создание надежной системы обеспечения законности и правопорядка.

Для усиления борьбы с современными опасными преступлениями - экстремизмом, терроризмом, и другой организованной и транснациональной преступностью, правоохранительным органам необходимо сотрудничать с соответствующими органами других стран. Для добросовестного выполнения своих обязанностей сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие должны обладать необходимым профессиональным образованием, профессиональными и организаторскими качествами, высоким чувством патриотизма и национальной гордости и безоговорочно соблюдать требования законов и своих служебных уставов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpps://www.adlia.tj (дата обращения: 26.04.2026).

2. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политикиреспублики» от 23 декабря 2022 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpps://www.president.tj (дата обращения: 26.04.2026).

3. Абдуллозода Н.Р. Наркопреступность как фактор угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан / Н.Р. Абдуллозода // Закон и право. 2021. №4. - С. 159-162.

4. Стратегия предупреждения экстремизма и терроризма в Республике Таджикистан на период до 2040 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpps://www.adlia.tj (дата обращения: 26.04.2026).

5. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpps://www.mmk.tj (дата обращения: 26.04.2026).

6. Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» от 23 декабря 2021 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpps://www.mmk.tj (дата обращения: 26.04.2026).

7. Редкоус, В.М. Вопросы правовой политики в документах стратегического планирования государств – участников СНГ / В.М. Редкоус // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : Материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 55-62.

УДК 343.244

И.А. Фомина

ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА: ОТ АНАЛИЗА РИСКОВ К СИСТЕМНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ

Аннотация. Анализируются причины и факторы противоправного поведения несовершеннолетних, рассматриваются три уровня профилактики. Показана взаимосвязь между социально-экономическим положением семьи и риском делинквентности, оценена эффективность школьных программ и восстановительных практик. Выявлены институциональные ограничения внедрения медиативных подходов в России. Сформулированы предложения по совершенствованию межведомственной работы, мониторингу и профилактике киберрисков.

Ключевые слова: подростковая преступности, преступность несовершеннолетних, девиантное поведение, профилактика, превентивные меры, восстановительная медиация.

I. A. Fomina

JUVENILE DELINQUENCY AS A DISCIPLINARY PROBLEM: FROM RISK ANALYSIS TO SYSTEMIC PREVENTION

Annotation. The article analyzes the causes and factors of unlawful behavior among minors and examines three levels of prevention. The relationship between the family's socioeconomic status and the risk of delinquency is demonstrated, and the effectiveness of school-based programs and restorative practices is assessed. Institutional limitations on the implementation of mediation approaches in Russia are identified. Proposals are formulated to improve interagency cooperation, monitoring, and the prevention of cyber risks.

Keywords: juvenile delinquency, deviant behavior, prevention, preventive measures, restorative mediation.

Подростковая преступность является одной из наиболее актуальных и социально значимых проблем современного общества, поскольку она отражает не только состояние криминогенной среды, в которой формируются личность и ценностные ориентиры молодого человека, но и степень эффективности существующих механизмов социально-правового регулирования, направленных на профилактику правонарушений. Высокий уровень правонарушений среди несовершеннолетних свидетельствует о сложностях семейного, образовательного и социального воспитания, о недостаточном уровне правовой и нравственной культуры, а также о пробелах в системе раннего выявления и коррекции девиантного поведения, что делает проблему подростковой преступности особенно значимой для общества и требует комплексного междисциплинарного подхода в профилактике и социальном сопровождении несовершеннолетних.

Так, согласно статистическим данным МВД России за 2025 год на 16,2% увеличилось количество фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, при этом обобщенные данные за 2022–2025 годов свидетельствуют, что доля преступлений, совершённых

несовершеннолетними, составляет около 2,9 – 3,3 % от общей преступности[1]. Эти данные подчеркивают необходимость усиления профилактических и воспитательных мер, направленных на снижение вовлеченности подростков в противоправные действия, а также системного анализа социальных условий, способствующих их девиантному поведению. Кроме того, выявленные тенденции, в частности рост вовлечённости подростков в противоправные действия, показывают, что профилактика преступности среди несовершеннолетних требует системного и дифференцированного подхода. Эффективная работа в этой сфере невозможна без системного внедрения и четкой структуры мер, направленных на предупреждение девиантного поведения на разных уровнях социальной среды, что позволит последовательно планировать и реализовывать профилактические программы.

Превентивные меры делятся на три основных уровня: первичная, вторичная и третичная профилактика. Первичная профилактика направлена на всех детей и подростков и включает формирование правосознания, навыков социального поведения и ответственности за собственные действия. Ключевую роль здесь играют семья и образовательные учреждения. Согласно исследованиям в области профилактики преступности среди молодёжи, наличие качественных эмоциональных отношений с родителями и вовлечённость подростков в школьную среду и социально-конструктивную деятельность ассоциируются с более низким уровнем девиантного поведения и преступных проявлений у подростков, поскольку такие факторы укрепляют привязанность к общественным нормам и усиливают социальную интеграцию молодёжи [1]. Школьные программы профилактики, включающие элементы правового воспитания, обучения социальным навыкам, разрешения конфликтов и медиативных практик, рассматриваются в международной научной литературе [2] как эффективный инструмент для уменьшения агрессивного и девиантного поведения учащихся: систематические обзоры показывают, что универсальные школьные превентивные программы способны снижать уровни насилия и агрессии среди школьников и способствуют формированию позитивных социальных навыков, что отражает потенциал таких мероприятий для профилактики девиантности в образовательной среде.

Вторичная профилактика ориентирована на группы риска, включающие подростков из неблагополучных семей, лиц с низкой успеваемостью и тех, кто ранее совершал административные правонарушения. На практике комплексный подход к профилактике преступлений и девиантного поведения среди несовершеннолетних включает социально-психологическое сопровождение, индивидуальные образовательные программы, организацию досуга и трудовое обучение. Комиссии по делам несовершеннолетних совместно с социальными службами разрабатывают индивидуальные планы профилактических мероприятий, включающие консультации психологов, помощь в социальной адаптации и вовлечение подростков в конструктивную деятельность. Эффективность таких интервенций изучается в международных исследованиях, и данные мета-анализов показывают, что определённые виды программ вмешательства (например, тренинг социальных навыков, индивидуальное консультирование и семейные программы) способны снижать уровень повторных правонарушений по сравнению с отсутствием вмешательства или стандартной практикой, хотя величина эффекта варьируется в

[1] Состояние преступности. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения: 04.05.2026).

зависимости от типа программы и способа её реализации. В ряде работ отмечается уменьшение уровня рецидива (например, около 12 % у серьёзных правонарушителей после участия в интервенциях [3; 4, с. 107]), что свидетельствует о потенциале превентивных мер в практике работы с подростками в конфликте с законом.

Третичная профилактика направлена на несовершеннолетних, уже совершивших преступления. Здесь ключевое значение имеют восстановительные программы, медиация, социально-педагогическая поддержка и работа с семьёй. Международный опыт свидетельствует о том, что восстановительные практики, включающие медиацию между правонарушителем и потерпевшим, участие сообщества и восстановление социального равновесия, демонстрируют положительное влияние на снижение повторных правонарушений среди подростков по сравнению с традиционными формами обработки дел в ювенальной юстиции. Систематический мета-анализ, включающий оценки эффективности 84 исследований восстановительных программ, показал умеренное уменьшение будущего девиантного поведения у участников восстановительных практик по сравнению с традиционной ювенальной процедурой, хотя величина эффекта зависит от качества исследования и типа вмешательства [5]. Эмпирические исследования, в том числе работы, анализирующие эффективность конкретных восстановительных программ, подтверждают, что подростки, участвующие в подобных вмешательствах, чаще демонстрируют ниже уровни повторных правонарушений или более положительные социальные исходы, чем их сверстники, прошедшие традиционный уголовный процесс; однако результаты по степени снижения рецидива варьируются и в отдельных исследованиях оказываются слабее при строгом сравнении методов. В российских условиях опыт применения восстановительных подходов пока остаётся ограниченным, что связано с рядом организационных и институциональных барьеров: недостаточной подготовкой специалистов, отсутствием широких унифицированных методик и правовой базы, а также с тем, что такие практики в значительной степени не внедрены в обязательные процедуры для большинства несовершеннолетних правонарушителей. Международные теоретические обзоры подчёркивают, что внедрение восстановительных практик требует комплексной подготовки кадров и адаптации к национальным условиям, а также сотрудничества правоохранительных, судебных и социальных служб[1].

Социальные факторы играют критическую роль в профилактике подростковой преступности. Эмпирические исследования показывают, что социально-экономические факторы существенно влияют на вовлечённость подростков в правонарушения. Так, анализ данных финского когортного исследования демонстрирует, что делинквентное поведение среди подростков статистически чаще встречается у тех, чьи родители имеют низкий уровень образования и были безработными в последние годы, а совокупность социально-экономических трудностей повышает вероятность участия в правонарушениях. Более того, лонгитюдные исследования указывают, что у подростков вероятность совершения противоправных действий повышается в те годы, когда социально-экономический статус семьи снижается, что подтверждает связь между семейным благосостоянием и риском девиантного поведения и говорит о важности учёта семейного контекста в профилактике преступности среди молодёжи [6].

[1] Law Society Online Editorial. Exploring restorative justice in juvenile cases: a path to healing // Law Society Online, 25 окт. 2024. URL: https://lawsocietyonline.com/restorative-justice-in-juvenile-cases/ (дата обращения: 05.05.2026).

Кроме того, в системе превентивной работы с несовершеннолетними принципиальное значение имеет формирование у них критического мышления, а также навыков безопасного поведения в цифровой среде, которые включают распознавание манипулятивного и вредоносного контента и защиту персональных данных. Одновременно с этим профилактика в интернет-пространстве должна коррелироваться с традиционными социально-педагогическими инструментами (поддержкой института семьи, организацией безопасного досуга, профессиональным обучением и психолого-педагогическим сопровождением).

Важную роль играют и уголовно-правовые механизмы. Предупреждение, условное осуждение, специализированные санкции, альтернативные формы реагирования на противоправные действия – данные меры не только обозначают границы дозволенного, но и способствуют формированию у подростков осознанного отношения к юридической ответственности за собственные поступки.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по оптимизации превентивной работы:

Так, необходимо создание Единой межведомственной базы данных несовершеннолетних группы риска с интеграцией сведений из образовательных учреждений, органов социальной защиты и правоохранительных структур. Целесообразно разработать и внедрить комплексные региональные Программы профилактики, объединяющие образовательные, спортивные и творческие компоненты, а также расширить практику восстановительных подходов (в том числе программ медиации, семейного сопровождения, мероприятий по социальной адаптации) в пилотных регионах. Целесообразно включение курсов цифровой грамотности в школьную программу для снижения киберрисков среди несовершеннолетних. Повышение квалификации специалистов, взаимодействующих с подростками, — психологов, социальных педагогов, сотрудников органов внутренних дел. Осуществление постоянного мониторинга эффективности принимаемых превентивных мер с использованием количественных и качественных индикаторов (динамика рецидивной преступности, показатели социальной адаптации подростков).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aazami A., Valek R., Ponce A. N., Zare H. Risk and protective factors and interventions for reducing juvenile delinquency: a systematic review // Societies. – 2022. – Vol. 12, No. 9. – Art. 474. – URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/12/9/474 (дата обращения: 05.05.2026).

2. Hahn R., Fuqua-Whitley D., Wethington H., Lowy J., Crosby A., Fullilove M., Johnson R., Liberman A., Moscicki E., Price L., Snyder S., Tuma F., Cory S., Stone G., Mukhopadhyaya K., Chattopadhyay S., Dahlberg L. Effectiveness of universal school-based programs to prevent violent and aggressive behavior: a systematic review // American Journal of Preventive Medicine. – 2007. – Vol. 33, No. 2 Suppl. – P. S114–S129. – DOI: 10.1016/j.amepre.2007.04.012. – URL: https://www.ajpmonline.org/article/S0749-3797(07)00237-1/abstract (дата обращения: 05.05.2026).

3. Lipsey M. W., Wilson D. B., Cothern L. Effective Intervention for Serious Juvenile Offenders // OJJDP Serious and Violent Juvenile Offending Series. – Washington, DC: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 2000. – NCJ 181201. – 8 с. – URL: https://ojp.gov/library/publications/effective-intervention-serious-juvenile-offenders (дата обращения: 05.05.2026).

4. Сидорова Е. З., Литвинцева Е. А. Профилактика безнадзорности, правонарушений и преступности среди несовершеннолетних в Иркутской области // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников

Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – № 1 (65). – С. 106–112. – DOI: 10.29039/2312-7937-2023-1-106-112.

5. Wilson D. B., Olaghere A., Kimbrell C. S. Effectiveness of restorative justice principles in juvenile justice: a meta-analysis [Электронный ресурс]. – Washington, DC: U.S. Department of Justice, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 2017. – NCJ No. 250872. – 145 с. – URL: https://www.ojp.gov/library/publications/effectiveness-restorative-justice-principles-juvenile-justice-meta-analysis (дата обращения: 05.05.2026).

6. Rehnström L. E., Kääriäinen J., Mäkelä P., Martikainen P., Ihalainen H. Changes in delinquency according to socioeconomic status among Finnish adolescents from 2000 to 2015 // PLoS One. – 2020. – Vol. 15. – e0238769. – URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7709941/ (дата обращения: 05.05.2026).

УДК 343.721

А.Г. Фролова, Е.М. Попова

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК СПОСОБ ХИЩЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации хищений, совершенных методами социальной инженерии, и критерии их отграничения от добровольного перевода денежных средств. Авторы обосновывают необходимость установления порока воли потерпевшего как основного признака мошенничества и предлагают внести соответствующее дополнение в статью 159 УК РФ.

Ключевые слова: социальная инженерия, мошенничество, квалификация, обман, добровольный перевод, киберпреступность**.**

A.G. Frolova, E.M. Popova

SOCIAL ENGINEERING AS A METHOD OF FRAUD: CRIMINAL LAW QUALIFICATION AND CHALLENGES OF DIFFERENTIATING FROM VOLUNTARY FUND TRANSFERS

Abstract. The article explores the issues of criminal law classification of thefts committed through social engineering methods and the criteria for differentiating such acts from voluntary money transfers. The author argues that establishing a defect in the victim's will — formed under the influence of deception — is the key element of fraud, and proposes amending Article 159 of the Russian Criminal Code to include commission of fraud using social engineering methods as a qualifying feature.

Keywords: social engineering, fraud, qualification, deception, voluntary transfer, cybercrime.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, получившая дополнительный импульс в последние годы, создала не только новые возможности для экономического и социального развития, но и породила качественно новые вызовы в сфере обеспечения общественной безопасности. Информационно-телекоммуникационные технологии стали универсальным инструментом не только для законопослушных граждан, но и для криминальных элементов, которые активно используют их для совершения преступлений против собственности. Масштабы этого

явления приобретают характер национальной угрозы. По данным МВД России за январь-июль 2025 года было зарегистрировано 424,9 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ или с сфере компьютерной информации. При этом ущерб от киберпреступлений в России за 2025 год достиг 119,6 млрд рублей, увеличившись на 16% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[1].

В структуре указанных преступлений особое место занимают хищения, совершаемые с применением методов так называемой «социальной инженерии». Как справедливо отмечается в криминологической литературе, около половины (55 млрд рублей) общего объема похищенных в 2025 году киберпреступниками средств, было изъято именно с применением методов социальной инженерии. Более того, использование методов социальной инженерии в 2025 году выросло на 85% (до 129 тыс. преступлений), что свидетельствует о растущей популярности данного криминального метода[2].

Социальная инженерия представляет собой не столько технический, сколько психологический способ совершения преступления. Ее суть заключается не во взломе программного обеспечения или преодоления технических барьеров защиты, а в манипуляции человеческим сознанием, введением жертвы в заблуждение и побуждение ее к добровольному совершению действий, которые в конечном итоге приводят к утрате имущества. Именно этот аспект, «добровольность» действий потерпевшего, порождает наиболее сложные вопросы уголовно-правовой квалификации и отграничения мошенничества от смежных составов, а также гражданско-правовых отношений [1, с. 135].

Настоящая статья ставит своей целью провести комплексный анализ социальной инженерии как способа совершения хищения, исследовать правовую оценку манипуляции сознанием жертвы и выработать критерии разграничения между мошенничеством и добровольным переводом денежных средств, не образующим состава преступления.

Термин «социальная инженерия» в контексте кибербезопасности и криминологии обозначает совокупность методов психологического манипулирования, направленных на получение конфиденциальной информации или побуждения человека к совершению определенных действий в ущерб собственным интересам. Злоумышленники намеренно эксплуатируют такие человеческие качества, как доверчивость, страх, желание быстрой выгоды, стремление помочь ближнему, чувство вины и другие эмоциональные состояния.

Современные методы социальной инженерии отличаются разнообразием и высокой степенью адаптивности. Среди них наиболее распространенными являются:

– фишинг – рассылка поддельных сообщений от имени банков, государственных органов или известных компаний с целью вынудить жертву перейти по вредоносной ссылке или сообщить конфиденциальные данные;

– вишинг – телефонное мошенничество, при котором злоумышленники представляются сотрудником банка, правоохранительного органа или иного государственного органа, силовых структур;

– претекстинг – создание заранее продуманного сценария (легенды) общения, в рамках которого жертву убеждают в необходимости совершить определенные действия;

---

[1] В России число мошенничеств с использованием мессенджеров выросло на треть – ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/24920281 (дата обращения: 29.04.2026).

[2] МВД России: статистика преступности за январь-сентябрь 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/72174303 (дата обращения: 29.04.2026).

– атаки через мессенджеры, ставшие в 3 квартале 2025 года каналом для более чем 80% кибератак.

В последнее время все большее распространение получают атаки с использованием технологии искусственного интеллекта, в частности дипфейков (deepfake) — синтезированных голоса или видеоизображения, позволяющих имитировать внешность и голос близких людей, руководителей и сотрудников компаний или публичных лиц. Это создает дополнительные сложности для идентификации злоумышленников и доказывания факта обмана.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит специальной нормы, предусматривающей ответственность за совершение хищения с использованием методов социальной инженерии. Принято считать, что социальная инженерия — это такой же способ получения доступа к паролям, банковским данным и другой конфиденциальной информации. В подавляющем большинстве случаев деяния подобного рода квалифицируются по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако в зависимости от конкретных обстоятельств возможно применение и иных статей, в частности, ст. 158 УК РФ, ст. 159.3 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ. Ключевой вопрос квалификации сводится к установлению способа изъятия имущества.

В правовой литературе обоснованно отмечается необходимость разграничения кражи и мошенничества именно в зависимости от того, направлены ли действия злоумышленника на получение доступа к электронному средству платежа или на непосредственное завладение чужим имуществом. В этой связи показательна практика Верховного Суда РФ, который неоднократно обращал внимание правоприменителей на сложность квалификации мошеннических составов и необходимость их четкого отграничения от смежных составов преступлений.

Наиболее дискуссионным аспектом квалификации социоинженерных атак является вопрос о том, в каких случаях добровольный перевод денежных средств самим потерпевшим следует признавать уголовно наказуемым деянием, а в каких — гражданско-правовым спором, не влекущим уголовной ответственности.

Действительно, внешне перевод денежных средств при совершении мошенничества с использованием методов социальной инженерии имеет все признаки добровольного волеизъявления: потерпевший самостоятельно заходит в мобильное приложение банка, вводит реквизиты получателя и сумму перевода, подтверждает операцию с помощью кода из СМС-сообщения или биометрических данных. Именно этот факт «добровольности» нередко используется стороной защиты для обоснования отсутствия состава преступления, а также служит основанием для отказа банков в возврате похищенных средств [2, с. 301].

Однако в уголовно-правовом смысле добровольность перевода не является тождественной добровольности и осознанности самого волеизъявления. Как справедливо отмечается в судебной практике, мошенничество имеет место тогда, когда воля потерпевшего сформировалась под воздействием обмана или злоупотребления доверием, то есть, является пороком воли. Применительно к социальной инженерии потерпевший, как правило, не осознает истинных намерений злоумышленника и ошибается относительно фактических обстоятельств. В таких случаях добровольность перевода является мнимой, а сам перевод результатом обмана [3, с. 34].

Критериями отграничения мошенничества от добровольного перевода, не образующего состава преступления, служат следующие обстоятельства:

1. Наличие обмана или злоупотребления доверием. В этом случае злоумышленник сознательно сообщает ложные сведения или умалчивает об истинных фактах, что повлияло на решение потерпевшего перевести деньги, такие действия содержат признаки мошенничества.

2. Отсутствие эквивалентности встречного предоставления. Если в результате перевода потерпевший не получает ничего взамен, это свидетельствует о безвозмездном характере изъятия имущества.

3. Корыстная цель злоумышленника. Перевод должен быть совершен в пользу виновного или иных лиц, которые не имеют законного права на получение этих средств.

4. Наличие причинно-следственной связи между обманом и переводом. Необходимо установить, что именно этот обман побудил потерпевшего совершить перевод средств или передачу имущества в пользу виновного или третьих лиц.

Отсутствие хотя бы одного из указанных критериев исключает квалификацию содеянного как мошенничества и переводит спор в гражданско-правовую плоскость. Анализ судебной и следственной практики позволяет выявить типичные способы совершения хищения методами социальной инженерии и особенности их правовой оценки.

В 2025 году Евпаторийским городским судом был осужден гражданин В. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество в крупном размере), а также за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159, ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 159 УК РФ, за совершение мошеннических действий в отношении четырех граждан. Преступная схема включала телефонные звонки лицам преклонного возраста, в ходе которых злоумышленники убеждали их возместить вымышленный вред, якобы причиненный их родственниками в результате дорожно-транспортного происшествия. Действуя в мессенджере Telegram, осужденный В. вступил в преступный сговор с иными лицами и причинил потерпевшим ущерб в совокупности более 1 млн рублей[1].

В другом случае (по материалам прокуратуры Боханского района Иркутской области) мошенник позвонил гражданину под видом сотрудника банка, сообщил о блокировке счета и необходимости срочно перевести денежные средства на «резервный счет» для их сохранности. Потерпевший, поверив злоумышленнику, самостоятельно осуществил перевод[2].

Обобщая практику, можно выделить следующие наиболее распространенные схемы: звонки от «службы безопасности банка», сообщения о выигрыше или компенсациях, просьбы о помощи от лица знакомых (со взломанных аккаунтов в соцсетях), предложения быстрого заработка, а также звонки от имени правоохранительных органов с сообщением о «совершенном хищении» и необходимости перевести денежные средства на «безопасный счет».

Противодействие хищениям с использованием методов социальной инженерии требует комплексного подхода, сочетающего технические, организационные, правовые и образовательные меры.

На уровне правового регулирования представляется целесообразным внесение изменений в УК РФ, направленных на унификацию квалификации социоинженерных атак. Практика показывает, что существующая множественность квалифицирующих признаков создает трудности для правоприменителей.

В статье 159 УК РФ следовало бы было бы прописать отдельный отягчающий пункт — «если мошенничество совершено методами социальной инженерии». Это

---

[1] Прокуратура Республики Крым: ответственность за «телефонное мошенничество», использование методов социальной инженерии [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_91/activity/legal-education/explain/e5656143 (дата обращения: 28.04.2026).

[2] Прокуратура Боханского района разъясняет и информирует [Электронный ресурс]. URL: https://bohan.mo38.ru/news/detail.php?ID=122983 (дата обращения: 28.04.2026).

привело бы судебную практику к единому знаменателю и упростило бы расследование таких дел. Если говорить о том, как предотвращать преступления, то на первый план выходит финансовая грамотность и общая цифровая культура людей. Исследователи подтверждают: жертвами чаще становятся те, кто плохо разбирается в технологиях и при этом легко поддается на эмоциональные уловки. Значит, нужны масштабные кампании, где максимально просто и понятно объясняют реальные схемы обмана и учат правилам безопасности в сети.

Будущие исследования должны касаться не только методов раскрытия социоинженерных атак, но и того, почему люди становятся жертвами, а также как лучше законодательно реагировать на вызовы, когда преступники используют нейросети.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Копылов В.В., Субботин А.А., Прокофьев О.М. Проблемы организации противодействия методам социальной инженерии при совершении мобильных мошенничеств в России // Криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 133-138.

2. Шастина А.З. Социальная инженерия в структуре киберпреступности: к вопросу о противодействии телефонному мошенничеству // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 9 (237). –С. 300-302.

3. Зотина Е.В. Криминологические детерминанты телефонного мошенничества, совершаемого с использованием приемов социальной инженерии // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (15). – С. 31-35.

УДК 343.7

Л. В. Яковлева

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ЗАЕМЩИКОВ

В статье на основе анализа положений Уголовного кодекса Российской Федерации, мнений ученых, а также рекомендаций Верховного Суда Российской Федерации формулируются выводы о целесообразности распространения ст. 159.1 УК РФ на случаи получения путем обмана займов в микрофинансовых организациях.

Ключевые слова: мошенничество, кредит, кредитная организация, микрозайм, микрофинансовая организация, заемщик.

L. V. Yakovliva

QUALIFICATION OF FRAUDULENT ACTIONS OF BAD-ASS BORROWERS

Based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the opinions of scholars, and recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation, this article draws conclusions regarding the advisability of extending Article 159.1 of the Criminal Code to cases of fraudulent loan acquisition from microfinance organizations.

Key words: fraud, credit, credit institution, microloan, microfinance organization, borrower.

На протяжении всей жизни человек существует в материальном мире. Его постоянно окружает масса вещей. Некоторыми из них он обладает, к другим относится индифферентно, а об отдельных мечтает, но не всегда имеет возможность их приобрести самостоятельно. Учитывая стремление человека к обретению все новых и

новых предметов и материальных благ, издревле в обществе находились те, кто готов был ссудить таких страждущих необходимыми денежными средствами с выгодой для себя, т.е. с условием возврата большей суммы долга.

В результате постепенно в обществе складывался институт ростовщичества, преобразовавшийся впоследствии в систему кредитования.

В Российской Федерации удовлетворение гражданами потребностей за счет заемных средств – явление распространенное, в связи с чем и уровень закредитованности населения достаточно высокий. Так, если к концу 2022 г. долг граждан перед банками, иными кредитными, а также микрофинансовыми организациями (далее – МФО) составлял 25,5 трлн руб. [1], то к началу 2026 г. он возрос почти 1,8 раза, превысив 45 трлн руб.[1]. Вырос и объем просроченных задолженностей физических лиц. Только перед банками он по состоянию на 1 января 2026 г. составлял 1, 65 трлн руб., показав рост за предыдущий год в 29, 24 %[2]. Если к этой сумме добавить размер просроченной задолженности перед МФО, то указанная сумма существенно возрастет.

Такое положение не может не вызывать обеспокоенность, и государством предпринимаются меры по ужесточению требований к заемщикам. Однако среди последних не все, кто не возвращает полученный кредит или микрозайм, могут быть отнесены к лицам, действующим недобросовестно. Часть из не выплачивающих долги изначально планировали не нарушать условия договора, но в силу неблагоприятной жизненной ситуации оказались в числе неплательщиков. Иные же сразу не намеревались возвращать деньги кредитору (займодавцу). Процедура возврата просроченной задолженности включает меры гражданского-правового и уголовно-правового характера.

В зависимости от обстоятельств дела уголовная ответственность для должников может наступать по одной из следующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – ст. 159, 159.1 УК РФ, 176 УК РФ, 177 УК РФ. Сфера применения этих статей различна ввиду того, что в них потерпевшими могут выступать кредитные организации (ст. 159.1 УК РФ, 177 УК РФ) или МФО (ст. 159 УК РФ). Кроме того, те, кто привлекаются к ответственности по последним двум статьям, в момент обращения за кредитом предполагали выполнить все требования кредитного договора, тогда как обвиняемые в мошенничестве изначально намеревались присвоить искомые средства. Таким образом, лиц, незаконно получивших кредит и злостно уклоняющихся от уплаты кредиторской задолженности можно назвать недобросовестными заемщиками с оговоркой или условно.

В полной мере понятие недобросовестности применимо к лицам, которые получают кредиты или микрозаймы путем обмана в том понимании, которое ему придано в п. 2 соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации[3]. При этом небезынтересно отметить, что содержание

---

[1] Общий долг россиян по кредитам впервые превысил 45 трлн рублей: Центробанк бьет тревогу // URL: https://dzen.ru/a/adOEplVorWZx5S8X?ysclid=mozoepo38h747629548 (дата обращения 10.04.2026).

[2] Просрочка физлиц в 2025 году — рост почти на треть // URL: https://brobank.ru/prosrochka-fizlic-v-2025-godu/?ysclid=mozoey142038826607 (дата обращения: 10.04.2026).

[3] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

уголовно-правового обмана совпадает с понятием недобросовестности в гражданском праве. В обоих случаях подразумевается сообщение неполной либо недостоверной информации[1].

Квалификация действий лица зависит от того, с какой организацией и по поводу какого продукта заключается договор. Если в банке берется кредит, то к недобросовестному заемщику применяется ст. 159.1 УК РФ. При оформлении в МФО займа, лицо, которое не планирует его возвращать, будет привлечено к ответственности по ст. 159 УК РФ.

Как известно, ст. 159.1 УК РФ по отношению к ст. 159 УК РФ не только специальная, но еще и привилегированная, санкция основного состава которой не предусматривает лишения свободы (как, впрочем, и почти все остальные специальные виды мошенничества). И, поскольку деятельность по предоставлению кредитов и микрозаймов относится к единой сфере, а именно – к регулированию общественных отношений по поводу предоставления населению денежных средств (или иного имущества) на основе возвратности, порой правоприменители дают неверную оценку содеянному, а в публикациях поднимается вопрос о необходимости распространения действия ст. 159.1 УК РФ и на случаи мошенничества при получении займов в МФО.

Не отрицая наличия логики в подобных суждениях, хотелось бы еще раз обратиться к вопросам регулирования в УК РФ ответственности за мошенничество при получении кредитов (займов).

После вступления в силу положений кодекса о выделении специальных видов мошенничества подавляющее большинство ученых высказалось против такого законодательного решения. Нарекания возникали по поводу отсутствия единого понимания специального субъекта (заемщика) [2, с. 56; 3, 48-49]. Попытки обращение к гражданскому законодательству (ст. 819 Гражданского кодекса Российской Федерации) приводили к отказу в возбуждении уголовного дела по ст. 159.1 УК РФ ввиду отсутствия субъекта данного преступления [4, 70]. Спорные вопросы были разрешены только после разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, данных им в 2017 г.

Кроме того, крупный размер в рассматриваемых двух статьях сильно различается [5, с. 36]. Для наступления ответственности по ч. 3 ст. 159 УК РФ достаточно похитить имущество на сумму свыше 250000 руб., а по ч. 3 ст. 159.1 УК РФ – свыше полутора миллионов руб. Не совпадают и цифры, характеризующие особо крупный размер. И, следовательно, для привлечения лица по ч. 3 привилегированной ст. 159.1 УК РФ необходимо получить от кредитора имущества в 6 раз больше, чем для похищения средств, выделенных по займу в МФО (ч. 3 ст. 159 УК РФ).

Более высокий порог наказуемости по квалифицированным и особо квалифицированным составам в совокупности с более мягкой санкцией основного состава ст. 159.1 УК РФ стали основными причинами для выдвижения предложения о распространении ее действия и на микрозаемщиков.

Кроме того, близость предметов правового регулирования при осуществлении деятельности кредитными организациями по предоставлению в пользование гражданам имущества или денежных средств со стороны МФО нередко приводит к

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2026 N 308-ЭС25-8904 по делу N А18-3334/2023 // КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.04.2026).

неверной квалификации действий лиц в последнем случае по ст. 159.1 УК РФ вместо ст. 159 УК РФ. Характерным примером является уголовное дело в отношении З., включенное в обзор судебной практики, которое было прекращено Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации за отсутствием состава преступления[1].

Переквалифицировать действия З. по получению микрозаймов с ст. 159.1 УК РФ на ст. 159 УК РФ суд не мог ввиду несовпадения закрепленного в этих статьях крупного и особо крупного размера [6, с. 52].

В случае дополнения ст. 159.1 УК РФ положением о том, что под ее действие будет попадать и мошенничество в сфере микрокредитования, привлекать по ней подавляющее число лиц к уголовной ответственности за мошенничество при получении займов можно будет только по ч. ч. 1 или 2 статьи 159.1 УК РФ ввиду ограничений на выдачу микрозаймов, установленных Федеральным законом от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»[2].

Физическому лицу микрофинансовая компания не сможет выдать микрозайм, если после этого его долг перед ней станет больше 1000000 руб., а перед микрокредитной превысит 500000 руб. Для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц суммы выше. Соответственно мошенничество при получении займов для большинства потребителей не будет никогда квалифицироваться по ч. 3 или по ч. 4 данной статьи, а ведь именно граждане являются основными заемщиками в подобных организациях. Такая избирательная уголовная ответственность не характерна для УК РФ.

Необходимо будет изменить и понятие заемщика, поскольку в действующей редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации субъект преступления обращается в кредитную организацию, которой МФО не является.

При всем том не утратит силу и рекомендация Верховного Суда Российской Федерации о квалификации действий лица по ст. 159.1 УК РФ или ст. 159 УК РФ в зависимости от того, на себя ли оно получает кредит или представляет подложные документы, включая чужой паспорт.

Вместе с тем избежать всех этих новых поправок в УК РФ можно было бы одним из двух способов – либо исключить из кодекса все специальные составы мошенничества, оставив, как и было прежде, только ст. 159 УК РФ, или уравнять в санкциях основные составы преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 159.1 УК РФ, ст. 159.2 УК РФ, ст. 159. 5 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ. При том варианте наказуемости по основным составам специальных видов мошенничества остается не ясно, почему для лиц, прикладывающих усилия для изготовления или приобретения подложных документов (компьютерных программ, программного обеспечения и пр.), ответственность более мягкая, чем для, например, гадалок, магов [7, с. 81], которые в лучшем случае соответствующим образом оформляют помещение для проведения разного рода обрядов, а то и вовсе «работают» на улицах.

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 4.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 27. - Ст. 3435.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поляк М. Долговая нагрузка россиян в 2026 году: сколько составляет и растет ли ее объем // URL: https://fcbg.ru/dolgovaya-nagruzka-rossiyan?ysclid=mozoewrmuq953741457 (дата обращения: 12.04.2026),

2. Скрипченко Н.Ю. Теоретические и практические аспекты квалификации мошенничества в сфере кредитования // Банковское право. 2017. № 5. С. 53-58.

3. Летников Ю.С., Тарбагаев А.Н. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. -2014. - № 6. - С. 42 - 49.

4. Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. - 2013. - № 6. - С. 70 - 73.

5. Тюнин В. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право – 2013. - № 2. – С. 35-39.

6. Есаков Г.А. Пределы судебного разбирательства (статья третья): изменение юридической квалификации деяния // Уголовное право. - 2024. - № 11. - С. 50 - 65.

7. Хромов Е.В. Уголовная ответственность за осуществление магической практики (колдовство) // Уголовное право. - 2025. - № 10. - С. 67 - 82.

СЕКЦИЯ II.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343.985

А.А. Батанов

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТ. 272 УК РФ

В статье рассматриваются отдельные особенности расследования преступлений, предусмотренных ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются проблемы возбуждения уголовного дела, проведения первоначальных следственных действий, назначения и производства судебных экспертиз. На основе анализа научной литературы и материалов практики формулируются рекомендации по оптимизации расследования данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: компьютерная информация, неправомерный доступ, расследование, следственные действия, экспертиза.

A.A. Batanov

CERTAIN FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 272 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: The article examines certain features of the investigation of crimes provided for in Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of initiating a criminal case, conducting initial investigative actions, appointing and conducting forensic examinations are analyzed. Based on the analysis of scientific literature and practice materials, recommendations for optimizing the investigation of this category of criminal cases are formulated.

Keywords: computer information, unauthorized access, investigation, investigative actions, expertise.

Преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни приобретают все более массовый и латентный характер [1, с. 23]. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование такой информации, представляет повышенную общественную опасность. Сложность расследования указанных деяний обусловлена специфическим предметом преступного посягательства – компьютерной информацией, которая существует в неосязаемой (электронной) форме [2, с. 114].

В связи с изложенным, целью настоящей статьи является анализ отдельных особенностей расследования уголовных дел рассматриваемой категории и выработка практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов.

Анализируя особенности возбуждения уголовного дела, следует отметить, что наиболее типичными поводами являются заявления граждан и организаций о

неправомерном доступе к их информационным системам, а также сообщения о совершении преступления, полученные из иных источников [3, с. 46]. На этапе проверки сообщения о преступлении ключевое значение приобретает получение объяснений от лиц, обнаруживших факт неправомерного доступа, а также истребование документов, подтверждающих факт незаконного вторжения (логи серверов, системные журналы) [4, с. 76].

При наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела. При этом квалификация деяния по ч. 1 ст. 272 УК РФ требует установления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации [5, с. 29].

Переходя к рассмотрению особенностей первоначального этапа расследования, представляется необходимым отметить, что для рассматриваемой категории уголовных дел характерны следующие типичные следственные ситуации:

лицо, совершившее неправомерный доступ, установлено, имеются доказательства его причастности;

лицо, совершившее преступление, не установлено, однако имеются данные о способе совершения преступления и о возможных следах;

информация о неправомерном доступе и его последствиях носит противоречивый характер [6, с. 52].

Первоначальные следственные действия при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, имеют ряд особенностей. В частности, осмотр места происшествия должен производиться с участием специалиста в области компьютерных технологий. В ходе осмотра изымаются системные блоки, ноутбуки, внешние накопители информации, а также техническая документация на используемое программное обеспечение [7, с. 88].

При производстве обыска и выемки также требуется участие специалиста. Изъятию подлежат любые носители компьютерной информации, которые могут содержать следы преступления. Особое внимание уделяется процессуальной фиксации изъятия: все действия должны отражаться в протоколе с указанием точного времени, места и условий изъятия каждого электронного носителя [8, с. 137].

Допрос свидетелей и потерпевших направлен на установление обстоятельств неправомерного доступа, круга лиц, имевших доступ к компьютерной информации, а также характера и размера причиненного ущерба [9, с. 63].

Допрос подозреваемого (обвиняемого) предполагает выяснение его осведомленности о противоправном характере своих действий, мотивов и целей совершения преступления. Наиболее сложной для доказывания является субъективная сторона преступления, поскольку подозреваемый может ссылаться на отсутствие умысла на причинение вреда [10, с. 95].

На следующем этапе исследования необходимо обратиться к анализу особенностей назначения и производства судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 272 УК РФ. Основным видом экспертизы является компьютерно-техническая судебная экспертиза, в ходе которой решаются вопросы о наличии на представленных носителях компьютерной информации, ее характере, факте копирования, модификации или уничтожения, а также о способе неправомерного доступа [11, с. 48].

Помимо компьютерно-технической экспертизы по данной категории дел могут назначаться и другие виды экспертных исследований, например, лингвистическая

экспертиза для анализа содержания переписки, а также товароведческая и экономическая экспертизы для определения размера причиненного ущерба [12, с. 107].

Практика показывает, что наиболее распространенными ошибками при назначении экспертиз являются: неправильная формулировка вопросов эксперту, недостаточный объем предоставляемых материалов, а также несоблюдение правил упаковки и хранения электронных носителей [13, с. 35].

В целях оптимизации расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 272 УК РФ, представляется целесообразным:

обеспечивать участие специалиста в области компьютерных технологий при производстве всех следственных действий, связанных с изъятием и исследованием электронных носителей информации;

своевременно назначать компьютерно-техническую судебную экспертизу, четко формулируя вопросы перед экспертом;

проводить допросы свидетелей и потерпевших с использованием тактических приемов, направленных на максимально подробное описание обстоятельств неправомерного доступа [14, с. 212];

использовать возможности оперативно-розыскной деятельности для установления лиц, причастных к совершению преступления, особенно в случае использования анонимных сетей и средств криптографии [15, с. 83].

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что расследование преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, представляет собой сложную, многогранную деятельность, требующую от следователя специальных знаний в области компьютерных технологий, а также неукоснительного соблюдения уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок собирания, проверки и оценки электронных доказательств.

Дальнейшее совершенствование методики расследования указанных преступлений должно идти по пути интеграции достижений цифровой криминалистики и разработки унифицированных алгоритмов действий следователя на первоначальном этапе расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения о компьютерной информации: дис. … д-ра юрид. наук. – Волгоград: ВА МВД России, 2022. – 412 с.
2. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2023. – 208 с.
3. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: учебное пособие. – М.: Норма, 2024. – 368 с.
4. Косарев С.Ю. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник криминалистики. – 2023. – № 4 (40). – С. 72-79.
5. Семенов С.А. Проблемы квалификации и расследования неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) // Уголовное право. – 2024. – № 2. – С. 27-34.
6. Сердюков А.В. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ // Российский следователь. – 2024. – № 5. – С. 50-54.
7. Федотов П.В. Следственные действия с электронными носителями информации: процессуальный и криминалистический аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 192 с.

8. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2024. – 496 с.
9. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: учебное пособие. – М.: Норма, 2023. – 304 с.
10. Крылов В.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации: дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2024. – 198 с.
11. Омельченко С.А. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: проблемы и перспективы развития // Эксперт-криминалист. – 2023. – № 3. – С. 46-51.
12. Зайцев А.М. Цифровые доказательства в уголовном процессе: теория и практика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2024. – 256 с.
13. Соловьев А.Б. Проблемы допустимости доказательств, полученных с помощью цифровых технологий // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 33-38.
14. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2022. – 856 с.
15. Трубинский А.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по делам о компьютерных преступлениях // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 1. – С. 81-86.

УДК 343.1

О.Д. Вастьянова

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ «МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ» КАК ПОДОТРАСЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЬНОГО ПРАВА

В статье обосновывается тезис о трансформации структуры уголовно-процессуального права в сложную отрасль, включающую подотрасль мер процессуального принуждения. На основе системного подхода и норм УПК РФ анализируется иерархия элементов отрасли (нормы, субинституты, институты, подотрасли), что позволяет преодолеть двухкомпонентную парадигму. Выводы имеют значение для дальнейшей систематизации процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, подотрасль, меры принуждения, правовые институты, системный подход, УПК РФ.

O.D. Vastianova.

"MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE COERCION" IN LEGAL EDUCATION AS A SUB-BRANCH OF CRIMINAL PROCEDURE LAW

This article substantiates the thesis of the transformation of criminal procedure law into a complex branch that includes the sub-branch of procedural coercion measures. Based on the systemic approach and the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF), it analyzes the hierarchy of branch elements (norms, sub-institutes, institutes, sub-branches), overcoming the two-component paradigm. The findings are relevant for further systematization of procedural legislation.

Keywords: criminal procedure law, sub-branch, coercion measures, legal institutes, systemic approach, CPC RF.

Эволюция научных представлений о систематизации права развивалась поступательно от дихотомии частного и публичного права к отраслевому и внутриотраслевому уровням; исследование внутренней структуры базовых элементов системы права – его отраслей, представляется наиболее актуальным.

В традиционном понимании структура отрасли права зависит от сложности и разветвленности той системы отношений, которые подвержены правовому воздействию со стороны ее норм. В самом простом варианте, когда эта система не так сложна, структура отрасли определяется двумя ее «обязательными» системообразующими элементами: нормами права, сгруппированными в отраслевые правовые институты. В другом случае, когда система отношений, регулируемых или охраняемых нормами данной отрасли, более развита, в структуре отрасли права, наряду с нормами права и правовыми институтами формируются его «необязательные» элементы – подотрасли и субинституты. По своей природе, что первый, что второй – это, своего рода, «метаэлементы» отрасли права[1], т.е. части, занимающие промежуточное положение в ее структуре.

До середины 1970-х гг. теория уголовного процесса рассматривала уголовно-процессуальное право, как простую отрасль права, с двухкомпонентной структурой (нормы и институты), без анализа их соотношения. Авторы одного из классических учебников по советскому уголовному процессу, изданному в 1989 г. прямо писали: «Основными элементами... выступают правовые нормы и правовые институты» [1, с. 69].

Более того, вплоть до середины 70-х гг. прошлого века вопрос о системно-структурном анализе уголовно-процессуального права практически не стоял на повестке дня. Исключением являлась, по сути, единственная работа, вышедшая в свет в 1963 г. – монография П. С. Элькинд «Сущность советского уголовно-процессуального права» [2]. Именно в этой работе ее автор сформулировала хронологически первые выводы о структуре вновь признанной отрасли советского права – уголовно-процессуального права[2].

Выводы П.С. Элькинд вплоть до середины 70-х гг. не получили развития. На этот факт совершенно справедливо обращала внимание Л. Б. Алексеева: «Отсутствие сколько-нибудь подробного исследования проблем системы советского уголовно-процессуального права в большей степени объясняется недостаточной разработанностью общетеоретических подходов к этому вопросу. А если учесть, что правовые институты обычно обособлялись только по одному классификационному основанию, то становится ясно, почему все проблемы системы уголовно-процессуального права сводились к обособлению норм, регулирующих процессуальные стадии» [5. С. 4].

Нельзя сказать, что за прошедшие полвека в вопросе научного осмысления внутренней структуры уголовно-процессуального права ничего не поменялось. Исследования, безусловно, проводятся. Однако, в подавляющем большинстве, они осуществляются «попутно», в контексте изучения иной уголовно-процессуальной проблематики [3; 4]. Из подобных работ последних полутора десятков лет можно

---

[1] Мета… (от греч. μετά) - составная часть сложных слов, в одном из значений обозначающая промежуточное положение чего-либо, следование за чем-либо.

[2] Вплоть до конца 50-х гг. прошлого века в теории права об уголовно-процессуальном праве как о самостоятельной отрасли права речь не велась. Исследователи предпочитали рассматривать ту правовую общность, которая впоследствии стала рассматриваться как самостоятельная отрасль в контексте «отрасли судебного права».

выделить, пожалуй, работы С. И. Вершининой [3], О.А. Мядзелец [16], Н.В Лантух [6], Т.М. Хашиевой [7].

При очевидном дефиците монографических и специализированных диссертационных исследований по проблеме структуры уголовно-процессуального права, центр тяжести в ее изучении был перенесен на уровень периодических изданий. В частности, весьма заметна в этой связи серия статей, посвященных системно-структурному анализу уголовно-процессуального права, вышедших из-под пера профессора В.В. Николюка [8; 9; 10; 11].

Несмотря на продолжающиеся исследования, проблема структуры уголовно-процессуального права пока не нашла своего разрешения, что негативно влияет и на систематизацию законодательства.

Для разрешения рассматриваемой проблемы, как представляется, требуется ответить на два вопроса: 1) исчерпывается ли она нормами и институтами; 2) какие общности входят в нее? Рассмотрим их применительно к ассоциациям норм, регламентирующих применение мер процессуального принуждения (ст. 91–116, гл. 12–14 УПК РФ).

В научной литературе эти нормы часто квалифицируют как самостоятельный отраслевой институт, что в целом отражает их системообразующую роль в судопроизводстве. Однако, многие ученые, используя термин «институт» употребляют без учета методологии, игнорируя необходимость установления в той или иной правовой общности признаков института: подчинение отрасли, однородность, обособленность, единство, цельность, специфика предмета и методов [6, с. 10]. И в таком контексте признание группы норм, регламентирующих виды мер уголовно-процессуального принуждения и порядок их применения выглядит не таким очевидным.

Как представляется, ответ на главный вопрос о том, чем же являются эти нормы – институтом или подотраслью уголовно-процессуального права, можно получить исключительно, применив системный метод исследования, рассматривающий любой объект познания как множество элементов с целостными свойствами [12, с. 514].

Если исходить из того, что меры уголовно-процессуального принуждения являются институтом уголовно-процессуального права, то эта группа норм, будучи элементом системы более высокого порядка, обязана входить в структуру отрасли права. Данный признак не требует особого обоснования, и внешне эта правовая общность действительно выглядит институтом уголовно-процессуального права. Однако такое впечатление ограничивается внешним уровнем анализа.

Согласно правилам системного подхода, институт мер уголовно-процессуального принуждения, если бы он существовал в реальности, как элемент структуры отрасли должен включать элементы более низкого порядка – нормы и, возможно, субинституты, занимающие промежуточное положение между нормой права и правовым институтом. На первый взгляд, и здесь наблюдается соответствие: в группу норм, объединённую названием «меры процессуального принуждения», входит минимум три ассоциации норм, регламентирующих задержание подозреваемого, применение мер пресечения и иные меры процессуального принуждения (ст. 116 УПК РФ, гл. 12–14 УПК). В принципе, ничего не мешало бы рассматривать их в качестве субинститутов института мер уголовно-процессуального принуждения, кроме одного обстоятельства: структурно массивы норм, регламентирующих применение мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, состоят *не просто из норм, а из правовых общностей,* которые ни при каких условиях субинститутами назвать нельзя.

Эти общности, своего рода «субинституты субинститутов» и сточки зрения системного подхода это выглядит, по меньшей мере, абсурдно.

Как представляется, наличие именно этих «неизвестных» уголовно-процессуальной науке правовых общностей, сравнительно недавно возникших в системе норм, регламентирующих меры уголовно-процессуального принуждения, преобразовало (и это уже свершившийся факт) институт мер уголовно-процессуального принуждения в логически завершенный комплекс норм, вышедший за рамки института – подотрасль уголовно-процессуального права. А стало быть, меры процессуального принуждения образуют самостоятельную подотрасль уголовно-процессуального права – комплексный массив норм, регулирующих государственное воздействие на участников уголовного судопроизводства, что не соответствует привычной последовательности элементов: отрасль – институт – норма. Традиционные общеправовые подходы к систематизации права не позволяют адекватно идентифицировать эти «блоки» норм, так как каждая мера (что подписка о невыезде, что заключение под стражу, что любая другая мера принуждения) регламентируется не единичной нормой, а целой системой норм уголовно-процессуального права.

В общем-то, мнение о существовании в структуре уголовно-процессуального права подотраслей уже было озвучено в науке. В частности, В.В. Николюк в одной из своих статей вполне обоснованно утверждает: «Позиционирование уголовно-процессуального принуждения как правового института не укладывается в общепринятые представления о нем как о группе норм, объединенных для достижения общей цели путем регулирования определенного участка схожих общественных отношений. При таком подходе институт уголовно-процессуального принуждения оказывается перегруженным, включая в себя ряд других процессуальных институтов: задержания, мер пресечения и иных принудительных мер, каждая из которых сама по себе может квалифицироваться как отдельный процессуальный институт» [10. С. 72-73].

Разделяет мнение о формировании в структуре уголовно-процессуального права подотрасли уголовно-процессуального принуждения и С.И. Вершинина. В своем исследование автор приходит к логически завершенному на наш взгляд выводу о том, что нормы принуждения – это регулятивные и охранительные нормы уголовно-процессуального права, определяющие вид, объем, характер, условия и порядок применения государственно-принудительного воздействия в сфере уголовного судопроизводства, составляющие в своей совокупности подотрасль уголовно-процессуального принуждения [3.С. 87].

Представленные закономерности позволяют сделать обоснованный вывод о том, что уголовно-процессуальное право в связи со значительным усложнением уголовно-процессуальных отношений за последние 30–40 лет трансформировалось в сложную отрасль права. Учитывая, что она уже «не укладывается» в двухкомпонентную парадигму без учета подотраслей и субинститутов, её структура включает в себя как базовые отраслевые компоненты, так и дополнительные элементы.

Таким образом, анализ норм мер процессуального принуждения убедительно подтверждает их подотраслевый статус. Однако, остался не разрешенным еще один ключевой вопрос: чем же являются те правовые общности, которые очевидно существуют на уровне между нормой и субинститутом и служат индикатором подотраслевого уровня. Общая теория права с 1980-х гг. определяет их как «юридические конструкции» — связующие звенья, обеспечивающие логическую стройность норм, последовательность изложения и беспробельное регулирование

отношений [13, с. 15]. Изучение юридических конструкций в структуре уголовно-процессуального права и их роль в его систематизации в настоящее время видится перспективным направлением научных исследований.

Подводя итог, можно уверенно утверждать, что сформированная к настоящему времени иерархия элементов отрасли уголовно-процессуального права (подотрасль – институты – субинституты – нормы) задействует все известные теории права элементы и отражает ее эволюцию. Ее познание способствует более рациональной систематизации УПК РФ и, в конечном счете, повышению качества процессуального регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца – М.: Юридическая литература, 1989. – 638 с.
2. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1963 г. – 172 с.
3. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. … д-ра юрид. наук. – Тольяти, 2017. – 452 с.
4. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. – Уфа, 2022. – 503 с.
5. Алексеева Л.Б. Теоретические вопросы системы уголовно-процессуального права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1975 г. – 25 с.
6. Лантух Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов: монография. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – 156 с.
7. Хашиева Т.М. Уголовно-процессуальный институт: понятие, структура, значение: монография. – Саратов: Вузовское образование, 2017. – 142 с.
8. Николюк В. В. Системно-структурные проблемы современного российского уголовного процесса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка, Орел, 20–21 октября 2016 года. – Орел: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова», 2016. – С. 280-290.
9. Николюк В. В., Миронова Г.А. Признаки правового института и особенности их проявления в уголовно-процессуальном праве // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 21 апреля 2023 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 35-43.
10. Николюк В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 68-75.
11. Николюк В. В. Современное уголовно-процессуальное право России: внутренняя организация норм; общая и особенная части; институты (подинституты) и подотрасли уголовно-процессуального права; особые производства; межотраслевые

связи; УПК и закон об ОРД // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 декабря 2025 года. – Санкт-Петербург:
Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 148-153.

12. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.

13. Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12-19.

УДК 343.1

Б. Я. Гаврилов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО КАК ОДНА ИЗ ДОГМ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Анализ института привлечения в качестве обвиняемого с учетом генезиса его развития позволяет поставить перед научным сообществом, правоприменителем и законодателем вопрос о нем как о рудименте современного российского уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное следствие, дознание, привлечение в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, обвинительный(ое) акт (постановление).

B.Ya. Gavrilov

ATTACHMENT AS A DEFENDANT AS ONE OF THE DOGMAS OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. An analysis of the institution of attaboy, taking into account the genesis of its development, allows the scientific community, law enforcement officials, and legislators to consider it as a vestige of modern Russian criminal procedure.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, inquiry, bringing in as an accused, indictment, indictment (resolution).

Только со смертью догмы начинается наука
(Галилео Галилей, 1564-1642 гг.)

Обращение как автора настоящей статьи [1 и др.], так и других ученых-процессуалистов [2] к процессуальным правилам, регламентирующим порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, обусловлено в числе других обстоятельств тем, что, появившись с принятием 3 июля 1887 г. Правительствующим Сенатом Постановления № 62[1] данный уголовно-процессуальный институт служил определенной гарантией для обвиняемого знать, в чем он обвиняется и соответственно вырабатывать линию защиты, а также оказания ему соответствующей юридической помощи. Однако с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской

[1] Постановление Правительствующего Сената от 3 июля 1887 г. № 62 // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.

Федерации[1] (далее – УПК РФ) и внесения в него в последующие годы ряда принципиальных изменений, носящих по существу характер реформ, в части обеспечения права лица, в отношении которого начато, либо уже осуществляется уголовное преследование, знать, как отмечено выше, в чем оно обвиняется и своевременно получать квалифицированную юридическую помощь, право на которую предусмотрено ст. 48 Конституции Российской Федерации.

С учетом данного тезиса в публикации рассматриваются положения действующего УПК РФ, нормы которого фактически протяжении уже более 150 лет сохраняют процессуальный порядок итогового обвинительного документа, составляемого судебным следователем по результатам расследования, в котором излагалось сущность обвинения. Сегодня процессуальные правила предъявления обвинения, несмотря на принципиальные изменения подходов в российском законодательстве к данному институту, в том числе и в силу вступления в уголовное дело адвоката (фактически – защитника) уже на стадии возбуждения уголовного дела, тем не менее фактически сохранили свое значение. И тем самым институт привлечения лица в качестве обвиняемого сегодня занимает в УПК РФ свое «достойное место», но уже в качестве рудимента российского уголовного процесса.

Основная причина сохранения данного процессуального института, по мнению автора, не только как ученого, но и сотрудника органов предварительного следствия с более, чем 30-ти летним стажем, заключается в сохраняющейся в умах многих ученых и соответственно практиков, что в полной мере распространимо и на представителей органов государственной власти, осуществляющих законотворческую деятельность, догме, вошедшей в нашу «плоть и кровь с молоком матери» об обязательности института привлечения в качестве обвиняемого в российской уголовном процессе.

Рассматривая вопрос о возможности исключения из действующего российского уголовно-процессуального законодательства, автор наряду с его исторической составляющей, о которой речь пойдет ниже, обращается к нормам зарубежного права ряда европейских стран и государств бывшего СССР, законодательство которых данного института не содержит.

Для подтверждения своего видения разрешения проблемы наличия в УПК РФ данного института автор обращается к его регламентации в течение последних более 60 лет. При этом реорганизация данного института уголовного процесса непосредственно видится в отказе от него в пользу уведомления о подозрении в качестве первоначального этапа реформы, что автором было озвучено еще более 20 лет назад в период подготовки и принятия УПК РФ и неоднократно высказывались в научной литературе [3, с. 63; 4, с. 20 и др.].

Однако в научном сообществе данная инициатива встретила неоднозначную реакцию. В частности, критическую позицию занимает Л.В. Головко, полагающий такую замену необоснованной [5]. Скептически относятся к исключению данной процедуры из УПК РФ и многие практикующие юристы, что, по-видимому, обусловлено воздействием на их мышление наличии в Конституции Российской Федерации понятия «обвиняемый» (ч. 2 ст. 47, ч. 2 ст. 48, ч.ч. 1 и 2 ст. 49 Конституции), которое неразрывно связывается ими с процессуальным статусом обвиняемого, хотя конституционное значение данное правового термина в соответствии со ст. 47 УПК РФ включает в себя как непосредственно обвиняемого в уголовно-процессуальном его понимании, так и подсудимого, и осужденного, и оправданного, а фактически – и

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

подозреваемого.

Вместе с тем, оценка правоприменительной деятельности по предъявлению обвинения сегодня превратилась в заформализованный и забюрократизированный акт, зачастую не отвечающий цели реальной защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, побуждает автора настаивать на необходимости пересмотра данного института.

В этих условиях автор полагает, что регламентация уголовно-процессуальных отношений должна отражать динамику изменений общественных правоотношений под влиянием экономических, политических и правовых факторов, что, кстати, нашло свое отражение в диссертации А.Б. Диваева на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Эффективность уголовно-процессуального воздействия» [6, с. 5-6 и др.].

Таким образом, анализ сложившейся ситуации, связанной с рассмотрением вопроса о целесообразности или нецелесообразности сохранения института привлечения лица в качестве обвиняемого либо его упразднения, требует рассмотрения ряда ключевых положений действующего законодательства.

Одним из аргументов за исключение данного института уголовно-процессуального права является сегодня утрата традиционной связи момента вступления в уголовное дело защитника с процедурой предъявления обвинения. На протяжении более столетия именно эта взаимосвязь рассматривалось как процессуальная гарантия, обеспечивающая лицу, подвергнутому уголовному преследованию, право на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации).

Вместе с тем следует отметить, что советское уголовно-процессуальное законодательство длительное время не соответствовало международным стандартам (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод[1]). В частности, УПК РСФСР 1960 г. допускал защитника к участию в уголовном деле лишь с момента окончания предварительного следствия (ст. 47), а по уголовным делам, по которым предварительное следствие было необязательным (расследованы в форме дознания) право на участие в деле адвоката могло быть реализовано исключительно в суде (ст. 120) [2].

Вместе с тем, как отмечено выше, изменение социально-политической обстановки в стране, развитие демократии повлекли за собой существенные изменения в вопросе гарантий обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Их начало обусловлено было принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.06.1972[3], которым в ст. 47 УПК РСФСР были внесены изменения, обеспечивающие по

---

[1] Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Международный пакт о гражданских и политических правах : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2200 от 16 декабря 1966 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Утратил силу.

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

постановлению прокурора допуск защитника с момента предъявления обвинения, а для лиц с физическими или психическими недостатками – непосредственно с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Хотя этот шаг и был достаточно прогрессивным, однако право на защиту по-прежнему было ограничено рамками института предъявления обвинения.

В качестве дальнейшего элемента либерализации законодательства явилось принятие Закона Российской Федерации от 23.05.1992 № 2825-I[1], которым в ст. 47 УПК РСФСР были внесены новые изменения, которыми допуск защитника к участию в уголовном деле стал возможен и на более ранних этапах расследования – с момента объявления протокола о задержании лица в качестве подозреваемого или вынесения постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Последующим шагом явилось принятие Федерального закона от 29.05.2002 № 58-ФЗ[2], положения которого участие защитника в уголовном деле предусмотрели с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, чем фактически было нивелировано значение процедуры предъявления обвинения как момента участия в уголовном деле защитника, основа чему была заложена в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П по делу В.И. Маслова[3], решением которого право на участие в деле защитника было предусмотрено уже на этапе проверки сообщения о преступлении.

В окончательном виде существовавшая на протяжении десятков лет зависимость вступления в дело защитника от момента предъявления обвинения прервалась с принятием УПК РФ, согласно ч. 3 ст. 49 которого защитник участвует в деле с момента вручения уведомления о подозрении, объявления постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения, затрагивающих права и свободы данного лица, а сегодня в соответствии с ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ[4]) участие адвоката (фактически защитника) допустимо в ходе процессуальной проверки с момента получения объяснений от лица, заподозренного в совершении преступления.

Оппоненты нашей идеи, ратующие за сохранение института привлечения в качестве обвиняемого, опираясь на конституционные установления в части знания лица, в чем он обвиняется, к сожалению не воспринимают весьма сущностный, на наш взгляд, аргумент о том, что за 24 года действия УПК РФ в суд направлено около 6,5 млн уголовных дел, при расследовании которых институт «классического» предъявления обвинения не применялся. Примечательно, что отсутствие данного

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-I // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 мая 2002 года № 58-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

процессуального акта не повлекло обращений осужденных по этим делам ни в Конституционный Суд Российской Федерации, ни в Европейский Суд по правам человека, что позволяет заключить: отказ от формализованного привлечения лица в качестве обвиняемого сам по себе не нарушает конституционное право граждан на защиту, включая право знать, в чем это лицо обвиняется.

Убедительным аргументом, по нашему мнению, является содержание правовых статусов подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), не имеющих существенных различий между ними в объеме процессуальных прав, за исключением этапа окончания расследования.

Позволяет судить об обоснованности нашей точки зрения и историко-правовой анализ российского дореволюционного уголовно-процессуального законодательства. Так, согласно ст. 258 Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) статус обвиняемого определялся фактическим положением лица, задержанного на месте совершения преступления (ст. 258), а также лица, который судебным следователем заключался под стражу (ст. 283, 377 УУС)[1], а непосредственно юридическая фиксация данного статуса в современном его понимании происходила лишь на этапе предания суду при составлении прокурором обвинительного акта (ст. 519, 520 УУС)[2]. Изложенное позволяет утверждать, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого не является имманентно присущим российскому уголовному процессу элементом.

Таким образом, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал обязательного вынесения специального постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Данное требование было введено позднее, подзаконными актами: сначала наказом Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г. [7, с. 304], а затем окончательно закреплено определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23 марта 1898 г., предписавшим судебному следователю перед призывом или приводом заподозренного лица составлять акт о признании его обвиняемым [8, с. 386].

При оценке за и против исключения из действующего уголовно-процессуального закона института предъявления обвинения в его нынешнем виде связано с судебной практикой зависимости пределов судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ) от объема предъявленного в ходе досудебного производства обвинения. О необходимости решения данной проблемы законодательным путем свидетельствуют положения абзаца 2 пункта 6 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П[3], позволяющие во взаимосвязи с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ сформулировать вывод, что в действующем правовом регулировании постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого утратило значение процессуального акта, жестко определяющего предусмотренные ст. 252 УПК РФ пределы судебного разбирательства, что по сути предоставляет возможность реформирования института предъявления обвинения.

---

[1] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года / НИУ ВШЭ 1993-2024. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864?ysclid=lv0wtk5s7c326996293 (дата обращения: 15.04.2024).

[2] Там же.

[3] По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

В этом контексте показателен опыт зарубежных правопорядков. Законодательство Англии, Уэльса, Шотландии, а также государств – участников СНГ (Республика Беларусь, Казахстан) допускает восполнение предварительного расследования и исправление дефектов обвинения непосредственно в судебном заседании, исключая необходимость возвращения уголовного дела прокурору [2, с. 49]. В частности, УПК Италии (ст. 517, 519) позволяет прокурору в ходе судебного следствия изменить обвинение на более тяжкое либо существенно отличающееся от первоначального, с соблюдением процедуры дополнительного уведомления или нового изложения деяния [9]. УПК Испании (ст. 732) закрепляет изменение квалификации преступления как самостоятельного этапа судебного разбирательства, гарантируя стороне защиты право ходатайствовать об отложении слушания для подготовки к опровержению нового обвинения [10; 11; 12; 13].

Имплементация данных подходов в российское уголовное судопроизводство позволяет исключить возвращение уголовного дела на доследование и обеспечивает его движение без неоправданных задержек.

Предложенная процедура дополнения предварительного расследования и предоставления прокурору возможности предъявления нового обвинения, в том числе существенно отличающегося от предъявленного по результатам предварительного расследования или его изменении на более тяжкое непосредственно в ходе судебного разбирательства, обладает рядом системных преимуществ как сохранение судебного контроля на всех этапах движения дела, исключая его передачу несудебным органам; поступательный характер уголовного процесса, способствующий сокращению сроков производства расследования дела и реализации его основополагающих принципов; непрерывный доступ участников судопроизводства к правосудию; процессуальную экономию, исключающую необходимость повторных процедур ознакомления с материалами уголовного дела при его возвращении на доследование, а также наиболее полную реализацию права государственного обвинителя на поддержание обвинения.

Таким образом, реализация изложенных предложений будет способствовать повышению эффективности следственно-судебной деятельности в целом, обеспечивая баланс между публичными интересами правосудия и конституционным правом граждан на доступ к правосудию в разумные сроки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б.Я. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4 (68). – С. 88-96.

2. Бурмагин, С. В., Барабанов, П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 45–53.

3. Гаврилов, Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: монография. – Москва, 2004. – 325 с.

4. Гаврилов, Б. Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. – 2005. – № 1. – С. 16–22.

5. Головко, Л. И. Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2023. – №7. – С. 22–25.

6. Диваев, А. Б. Эффективность уголовно-процессуального воздействия: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.4 // Диваев Александр Борисович. – Омск, 2026. – 455 с.
7. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. / под общей редакцией О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984-1994. – 502 с.
8. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей / П. В. Макалинский. – Санкт-Петербург, 1907. – 530 с.
9. Tonini P. Manuale di procedura penale. Milano, 2017.
10. Catena V., Domingues V. Derecho proceso penal. Valencia, 2019.
11. Martinez M. Derecho proceso penal. Madrid, 2019.
12. Lopez M. Derecho proceso penal / Director Mellado J. Valencia, 2019.
13. Sendra V. Manual de Derecho proceso penal. Madrid, 2015.

УДК 343.13

В.Н. Гапонова

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье проводится анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего окончательный этап расследования уголовного дела. Автором сделан вывод о неукоснительном соблюдении процедурных правил, предусмотренных на этапе окончания предварительного расследования как гаранта достижения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, окончательный этап расследования, назначение уголовного судопроизводства.

V.N. Gaponova

FINAL STAGE OF INVESTIGATION: CRIMINAL PROCEDURE ASPECT

The article analyzes the criminal procedure legislation governing the final stage of a criminal investigation. The author concludes that strict adherence to the procedural rules established at the end of the preliminary investigation is essential to ensure the purpose of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, investigator, final stage of investigation, purpose of criminal proceedings.

Этап окончания предварительного следствия представляет собой один из наиболее ответственных моментов досудебного производства, где следователь, систематизировав и оценив собранные доказательства по своему внутреннему убеждению, принимает процессуальное решение, определяющее дальнейшую судьбу уголовного дела. Именно на данном этапе формулируется обвинительный тезис, определяются пределы будущего судебного разбирательства либо, напротив, констатируется необходимость прекращения уголовного преследования. От законности и обоснованности принимаемых решений на рассматриваемом этапе напрямую зависит реализация назначения уголовного судопроизводства.

Процедура окончания предварительного следствия детально регламентирована положениями ст. 215–219 УПК РФ, анализ которых позволяет выявить структуру и содержание рассматриваемого этапа.

Такая деятельность включает несколько этапов, содержащие комплекс действий и решений, направленных на реализацию прав участников уголовного судопроизводства и недопущение ими злоупотребления своими правами.

Как верно, указал Фельк А.А. «начальную стадию окончания предварительного следствия можно связать с моментом осознания лицом, проводившим расследование, достаточности собранных в его ходе доказательств для формирования окончательной позиции по уголовному делу»[1, С. 162].

Далее следователь систематизирует и надлежащим образом оформляет материалы уголовного дела. На законодательном уровне в настоящее время не закреплен порядок систематизации и оформления материалов уголовного дела. Поддерживая позицию авторов, представляется, что необходимо собрать воедино и расположить материалы уголовного дела таким образом, чтобы обеспечить наибольшую их наглядность для подтверждения обвинительного тезиса следователя [2].

Часть 2 ст. 15 УПК РФ обязывает следователя уведомить участников уголовного дела об окончании следственных действий и разъяснить право на ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь определяет круг участников, подлежащих уведомлению, исходя из конкретного уголовного дела. Такими могут быть обвиняемый (ые), защитник, законный представитель обвиняемого (ых), потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители.

Об уведомлении участников составляется протокол, который подписывается каждым из них, что служит возможностью реализации их прав и законных интересов.

Потерпевший, гражданский истец, гражданкий ответчик знакомятся с материалами уголовного дела по ходатайству, ознакомление же стороны защиты– обязанность следователя.

На этапе ознакомления с материалами уголовного дела следователь нередко сталкивается с злоупотреблением стороной защиты своими правами. Во-первых, это невка участников без уважительных на то причин, во-вторых, длительное изучение материалов без объективной необходимости, в том числе повторные обращения к уже изученным ранее томам, в-третьих, заявление ходатайств и т.д.

С.Б. Россинский, анализируя современное состояние института ознакомления с делом, справедливо отмечает, что нынешнее правовое регулирование во многом архаично и не соответствует уровню цифровизации общества. Правила, рассчитанные на «доцифровую эпоху», предполагали длительное переписывание материалов от руки, тогда как сегодня подавляющее большинство участников, особенно профессиональные адвокаты, прибегают к фотофиксации материалов уголовного дела и сохранению их на цифровых носителях для последующего изучения в более комфортной обстановке. В связи с этим автор констатирует объективную необходимость изменения базовых подходов к процедуре ознакомления, в частности отказа от нелимитированной продолжительности времени и неограниченного права на повторные обращения к уже изученным томам [3, С. 168, 169].

Единственным способом противодействия явному затягиванию времени ознакомления с материалами уголовного дела является обращение следователя в суд для ограничения срока на ознакомление.

Так, в Апелляционном постановлении Иркутского областного суда от 2 июня 2024 г. по делу № 3/14-5/2024, которым постановление Ленинского районного суда г. Иркутска от 4 апреля 2024 года об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемому П.И.И и его защитнику оставлено без изменения,

отмечено что не согласившись с доводами суда 1 инстанции защитник П.И.И. обратился с апелляционной жалобой в которой указал, что невозможно ограничить сторону защиты при ознакомлении с материалами уголовного дела во времени в виду особой сложности и категории уголовного дела, количество томов и длительный срок расследования, наличие вещественных доказательств, находит необоснованными выводы суда о затягивании стороной защиты процесса ознакомления, и утверждает, что стороной защиты не допущено затягивание процесса ознакомления без уважительных причин. Апелляционный суд, изучив материалы дела не согласился с доводами, представленными стороной защиты, указав следующее: суд первой инстанции в соответствии с законом принял решение об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами обвиняемому и его защитнику, ввиду явного затягивания срока ознакомления последними. Также судом учтено, что обвиняемый и его защитник должным образом с материалами уголовного дела не знакомятся, затрачивают незначительное количество времени, знакомятся в недостаточном объеме и нерегулярно, что подтверждается графиками ознакомления с материалами уголовного дела и представленными материалами[1].

Однако, суды не всегда согласны с позицией органов предварительного расследования о явном затягивании процесса ознакомления с материалами уголовного дела со стороны защиты. Так, за 1 полугодие 2025 года в судах общей юрисдикции окончено производство 2311 ходатайств органов предварительного расследования об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела (ч.3 ст. 217 УПК РФ), из них удовлетворено 1639, отказано в удовлетворении 289; прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности – 383[2]. Данные цифры свидетельствуют о том, что судами не всегда принимается позиция органов предварительного расследования относительно злоупотребления правом стороны защиты, или следователем недостаточно аргументировано ходатайство, что побудило суд отказать в его удовлетворении.

Тем самым, солидализируемся с позицией Зайцева В.Н. о том, что «этому злоупотреблению необходимо противодействовать в период расследования уголовного дела, для чего у следователей должен иметься достаточный инструментарий» [4; С. 137].

После ознакомления с материалами уголовного дела следователь рассматривает поступившие от сторон ходатайства.

На этапе окончания предварительного следствия участниками уголовного судопроизводства заявляются различного рода ходатайства, которые подлежат обязательному рассмотрению и разрешению по существу [5; С. 20]. Не рассмотрение ходатайства будет являться основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

После рассмотрения ходатайств следователь знакомит участников с возникшими после удовлетворения ходатайств материалами дела, а также

[1]Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 2 июня 2024 г. по делу № 3/14-5/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL:https://sudact.ru/regular/doc/2tyyhcyZNfV/ (дата обращения: 29.04.2026).

[2] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2025 г. : Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291 (дата обращения: 29.04.2026).

окончательно его оформляет и систематизирует.

Далее субъекту расследования необходимо принять окончательное решение по уголовному делу и составить соответствующий итоговый процессуальный документ.

При установлении обстоятельств, которые исключают возможность дальнейшего производства по делу, влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования, которые являются в одних случаях – обязанностью, в других – по усмотрению следователя. В отсутствие таких обстоятельств, при наличии достаточной совокупности собранных по уголовному делу доказательств, следователь приступает к составлению обвинительного заключения [5; С. 25].

Природа обвинительного заключения является поводом для дискуссий. Одни авторы определяют его как «процессуальное решение, принимаемое следователем единолично» [6; С. 56]. Другие акцентировали внимание на его доказательственном значении, рассматривая обвинительное заключение как документ, в котором «выражается итоговая оценка доказательств, которую следователь дает по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дел в их совокупности» [7; С. 25][1].

Аширбекова М.Т. определяет обвинительное заключение как «вывод, основывающийся на всех промежуточных актах досудебного производства и материалах дела» [8; С. 18][2].

С.Б. Россинский, анализируя природу обвинительного заключения, указывает что оно «продолжает оставаться своеобразным «авторефератом» следственного производства, предполагающим подробное изложение хода и содержания всей проделанной следователем работы…»[9; С. 198][3]

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу отметим, что анализ точек зрения на определение природы обвинительного заключения, позволяет говорить о его значении как для производства по уголовному в целом так и на этапе окончания предварительного следствия.

Обвинительное заключение является важным итоговым процессуальным документом, в котором формулируется окончательное обвинение, приводятся и анализируется все собранные по уголовному делу доказательства, таким образом подводится итог всего расследования уголовного дела.

Уголовно-процессуальным законом предъявляются достаточно высокие требования к форме и содержанию обвинительного заключения, несоблюдение которых является основанием для возвращения уголовного дла прокурору на дополнительное расследование в порядке ст. 237 УПК РФ.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 1 полугодие 2025 года из 298,93 тыс. поступивших в суды общей юрисдикции уголовных дел 3,46 тыс. из них возвращено прокурору для производства предварительного расследования в порядке ст. 237 УПК РФ[4].

---

[1] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юридическая литература, 1990. С. 214.

[2] Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 18.

[3] Россинский, С. Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства / С. Б. Россинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 191-199.

[4] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2025 г. : Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL:https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291 (дата обращения: 29.04.2026).

Тем самым, органами предварительного расследования при составлении итогового процессуального документа – обвинительного заключения допускается несоблюдение процедурных правил, что вынуждает суды возвращать такие уголовные дела в виду невозможности разрешения таких обстоятельств в ходе судебного разбирательства. Причинами этого, в том числе, является и излишняя требовательность к содержанию обвинительного заключения, что негативно отражается в правоприменительной деятельности органов предварительного следствия.

Составление обвинительного заключения требует глубокого анализа материалов уголовного дела и собранных доказательств, изложение содержания занимает дополнительное время, особенно в случае окончания многоэпизодных уголовных дел в отношении большого количества обвиняемых. Это не может не отразиться и на объективном затягивании сроков расследования, что в определенной степени затрагивает права обвиняемых, в большей степени заключенных под стражу и влияет на определение разумного срока судопроизводства.

Изменение структуры и содержания обвинительного заключения, заключающиеся в непосредственном перечислении собранных по делу доказательств со ссылками на листы дела, без приведения их содержания, в значительной степени сократило бы время для его составления, таким образом решив рассматриваемую проблему.

В этой связи педставляется необходимым корректировка отечественного уголовно-процессуального закона в части требований, предъявляемых к обвинительному заключению.

После подготовки обвинительного заключения, его согласования с руководителем следственного органа, уголовное дело направляется прокурору для его утверждения и дальнейшей передачи в суд.

Таким образом, этап окончания предварительного расследования является очень важным, поскольку неукоснительное соблюдение процедурных правил позволяет реализовать права участников уголовного судопроизводства, а также обеспечить своевременное разрешение уголовного дела по существу в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фельк, А.А. Этап окончания предварительного следствия // Вестник Уральского юридического института МВД России. —2025. —№ 1(45). — С. 161-166. — Текст непосредственный.

2. Уголовное судопроизводство: теория и практика : Научно-практическое пособие / А. С. Александров, А. Д. Бойков, О. Н. Ведерникова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2011. – 1038 с. – (Магистр). — Текст непосредственный.

3. Россинский С.Б. Развитие цифровых технологий как фактор, обусловливающий потребность в изменении правил ознакомления с материалами уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — Т. 33. — № 1. — С. 168. — Текст непосредственный.

4. Зайцев В.Н. Явное затягивание обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела, как закономерный итог злоупотребления обвиняемым своими правами в период его расследования / В. Н. Зайцев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2025. — № 2 (113). — С. 126–139. — Текст : непосредственный.

6. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного расследования: учебно-методическое пособие / В.Н. Гапонова, И.П. Попова. – Иркутск:

ВСИ МВД России, 2022. – 40 с. — Текст непосредственный.
6. Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2003. — С. 56. — Текст непосредственный.
7. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юридическая литература, 1990. — С. 214.
8. Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. — С. 18. — Текст непосредственный.
9. Россинский, С. Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства / С. Б. Россинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 191-199. — Текст непосредственный.

УДК 343.98

О. П. Грибунов, Н.А. Столбова

ПРОБЛЕМЫ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых и организационных трудностей, возникающих при возбуждении уголовных дел о преступлениях против общественной безопасности (глава 24 УК РФ), совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов, криптовалют и 3D-печати. Анализируются проблемы доследственной проверки, недостаточность процессуальных сроков, неопределенность критерия «достаточных данных» применительно к цифровым следам, противоречия в допустимости электронных доказательств.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, преступления против общественной безопасности, цифровые технологии, кибертерроризм, доследственная проверка, достаточные данные, электронные доказательства, искусственный интеллект.

O. P. Gribunov, N.A. Stolbova

PROCEEDINGS OF CRIMINAL CASES ON CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY COMMITTED WITH THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Abstract. The article examines legal and organizational difficulties in initiating criminal cases for crimes against public safety (Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation) committed with the use of information and telecommunication technologies, artificial intelligence, unmanned aerial vehicles, cryptocurrencies and 3D printing. The author analyzes problems of pre-investigation verification, insufficiency of procedural deadlines, vagueness of the "probable cause" criterion for digital traces, and contradictions in the admissibility of electronic evidence.

Keywords: initiation of criminal proceedings, crimes against public safety, digital technologies, cyberterrorism, pre-investigation check, probable cause, electronic evidence, artificial intelligence.

Современный этап развития общества характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизни. Наряду с безусловными позитивными эффектами, информационно-телекоммуникационные технологии превратились в мощный криминогенный фактор. Особую опасность представляет их использование для совершения преступлений против общественной безопасности – посягательств, ставящих под угрозу жизнь, здоровье и нормальное функционирование неопределенного круга лиц.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2025 году зарегистрировано 5,9 тыс. преступлений террористического характера и 2,2 тыс. преступлений экстремистской направленности, при этом большая часть из них совершены с использованием сети Интернет. Растет количество фактов применения беспилотных летательных аппаратов для доставки взрывных устройств, использования искусственного интеллекта для генерации фейковых видеообращений от имени лидеров террористических организаций, распространения вредоносного программного обеспечения, блокирующего работу объектов критической инфраструктуры.

Стадия возбуждения уголовного дела является критической: именно здесь закладывается фундамент всего последующего расследования. От своевременности и обоснованности решения о начале уголовного преследования зависит как неотвратимость наказания, так и соблюдение конституционных прав граждан. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не в полной мере учитывает специфику преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

Преступления против общественной безопасности (глава 24 УК РФ) включают деяния, посягающие на безопасные условия жизни общества: террористический акт (ст. 205), содействие террористической деятельности (ст. 205.1), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2), захват заложника (ст. 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207), организацию незаконного вооруженного формирования (ст. 208), бандитизм (ст. 209), хулиганство (ст. 213) и др.

Современные технологии существенно видоизменяют способы совершения этих преступлений. Так, террористический акт (ст. 205 УК РФ) все чаще предполагает использование беспилотных летательных аппаратов (дронов) для доставки взрывных устройств, применение 3D-печати для изготовления оружия, управление взрывными устройствами через мобильные приложения и SMS-команды [2, с. 45].

Публичные призывы к террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ) осуществляются путем распространения материалов через мессенджер -каналы, TikTok, с использованием нейросетей для генерации текстов и видеообращений от имени запрещенных организаций. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) сегодня – это «телефонный терроризм» с использованием IP-телефонии, подмены номеров (spoofing), анонимных мессенджеров (Signal, Session), криптовалютных платежей для заказа «фейковых минирований» [3, с. 27].

Применительно к организации незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ) фиксируется координация действий через зашифрованные мессенджеры, использование криптовалют для финансирования, применение технологий распределенного реестра для создания децентрализованных структур управления. Особую проблему представляют гибридные преступления, где технологии выступают одновременно как орудие и как цель: например, кибератака на систему управления транспортом крупного города (ст. 274.1 УК РФ), повлекшая человеческие жертвы (квалифицируется также по ст. 205 УК РФ).

Статья 140 УПК РФ устанавливает следующие поводы для возбуждения уголовных дел по преступлениям рассматриваемой категории: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Применительно к преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий, каждый из этих поводов имеет существенную специфику.

Потерпевшими от кибертерроризма выступают не только физические лица, но и юридические лица, государственные органы. Однако заявление от организации должно быть подписано уполномоченным лицом с приложением доверенности, что в условиях оперативной необходимости создает задержки. Кроме этого, отсутствует единая форма электронного заявления для юридических лиц.

Основным поводом для выявления преступлений, совершаемых в Даркнете, является сообщение из иных источников, включающее результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД), мониторинг открытых источников, сообщения СМИ. Проблема заключается в том, что результаты ОРД, полученные до возбуждения уголовного дела, не могут служить основанием для его возбуждения, если они не отвечают требованиям допустимости (ст. 89 УПК РФ) [5, с. 101]. В практической деятельности это приводит к ситуации, когда оперативники выявляют факт распространения инструкций по изготовлению взрывчатых веществ в закрытом мессенджер-канале, но для возбуждения уголовного дела необходимо сначала провести проверку – что невозможно без рассекречивания источников.

При проведении предварительной проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ должностные лица вправе получать объяснения, истребовать документы, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия. Однако при проверке по преступлениям против общественной безопасности, совершаемым с использованием информационных технологий, возникает следующая проблематика. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает понятия «осмотр виртуального места происшествия» (IP-адреса, сайта, страницы в соцсети). Фактически следователи производят осмотр компьютера, на котором открыта соответствующая страница, что порождает споры о допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ) [6, с. 102].

Особую остроту приобретает проблема сроков проверки. Общий срок составляет 3 суток, максимальный (с продлением руководителем следственного органа) – 30 суток. Для преступлений, требующих анализа больших объемов данных (логи провайдера, транзакции в блокчейне), 30 суток часто недостаточно. Например, по делу о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) с использованием подменного номера требуется направить запрос в Роскомнадзор (≈5 дней), затем оператору связи (≈7 дней), затем международному оператору (≈ до 30 дней). Срок проверки истекает задолго до получения ответа. В связи с этим А.С. Александров обоснованно предлагает ввести специальный срок проверки для рассматриваемой категории преступлений – до 60 суток с правом продления до 90 суток [4, с. 46].

Ключевой проблемой остается допустимость электронных доказательств на стадии возбуждения дела. Федеральным законом от 29.12.2022 № 548-ФЗ в УПК РФ введены понятия «электронные носители информации» и «электронные документы» (ст. 84.1). Однако эти нормы касаются доказательств, полученных после возбуждения уголовного дела. До возбуждения уголовного дела следователь вправе изъять электронные носители в ходе осмотра места происшествия (ч. 3 ст. 177 УПК РФ) и приобщить их к материалам проверки. Но такие носители не обладают статусом

вещественных доказательств до вынесения постановления об их приобщении (ст. 81, 82 УПК РФ), а это постановление может быть вынесено только после возбуждения дела. Возникает риск утраты информации (изменение файлов, удаление, повреждение носителя) в промежутке между изъятием и возбуждением дела, на что обращают внимание Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин [1, с. 99].

Таким образом на основе проведенного анализа предлагаются следующие меры:

Ввести в УПК РФ специальную статью 144.2 «Особенности проверки сообщения о преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», предусматривающую срок проверки до 60 суток с возможностью продления прокурором субъекта до 90 суток [7, с. 47].

Дополнить ст. 140 УПК РФ частью 3: «При проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных статьями 205, 205.2, 207, 208, 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных с использованием сети Интернет, достаточными данными признаются сведения, полученные из достоверных источников, позволяющие обоснованно предположить наличие признаков преступления, в том числе скриншоты веб-страниц, протоколы осмотра сайтов, рапорты сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» [5, с. 104].

Кроме этого, представляется целесообразным законодательно закрепить возможность проведения неотложного «виртуального осмотра места происшествия» с вынесением отдельного постановления, не требующего судебного решения при наличии явных признаков преступления, предусмотренного главой 24 УК РФ [6, с. 108].

На основании изложенного следует, что преступления против общественной безопасности, совершаемые с использованием информационных технологий, представляют собой одну из наиболее опасных и быстрорастущих угроз. Стадия возбуждения уголовного дела по таким фактам является критической: именно на этом этапе закладывается основа для всего последующего расследования.

Проведенный анализ выявил следующие системные проблемы: несоответствие сроков проверки преступлений рассматриваемой категории процессуальным срокам получения доказательств; неопределенность критерия «достаточных данных» применительно к цифровым следам; отсутствие легального механизма проведения неотложных следственных действий до возбуждения дела; недостаточную специализацию следственных органов.

Предложенные в статье меры направлены на устранение указанных проблем. Их реализация позволит повысить эффективность противодействия преступлениям против общественной безопасности, совершенным с использованием информационных технологий, обеспечить неотвратимость наказания при одновременном соблюдении прав и законных интересов граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 6. – С. 98–104.

2. Соловьев И. Н. Кибертерроризм и противодействие ему на досудебных стадиях // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 23–27.

3. Лапин Е. С., Смирнов А. А. Осмотр виртуального места происшествия: процессуальные и криминалистические аспекты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 1. – С. 100–108.

4. Александров А. С. Возбуждение уголовного дела о киберпреступлениях: проблемы и перспективы // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 2. – С. 42–48.

5. Шапошников А. Ю. Результаты оперативно-розыскной деятельности как основание для возбуждения уголовного дела о преступлениях террористической направленности // Оперативник (сыщик). – 2024. – № 1. – С. 99–105.

6. Карпов Н. С., Ткачев Т. В. Осмотр электронных носителей информации на стадии возбуждения уголовного дела: процессуальные риски // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 2. – С. 101–108.

7. Александров А. С. Сроки доследственной проверки по делам о киберпреступлениях // Законность. – 2024. – № 3. – С. 44–49.

УДК 343.13

С.Г. Загорьян

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В данной публикации автором рассмотрен осмотр места происшествия в системе следственных действий уголовного процесса. В работе обозначено, что осмотр места происшествия является одним из наиболее востребованных следственных действий. Рассмотрены классификации видов следственного осмотра.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственные действия, классификация видов осмотра.

S.G. Zagoryan

CRIME SCENE INSPECTION IN THE SYSTEM OF INVESTIGATIVE ACTIONS

In this publication, the author examines crime scene inspections within the investigative framework of criminal proceedings. The paper demonstrates that crime scene inspections are among the most frequently used investigative actions. Classifications of investigative inspection types are discussed.

Keywords: crime scene inspection, investigative actions, classification of inspection types.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации регламентированы система и перечень следственных действий, направленных для сбора доказательственной информации, которая существенна для раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, изобличения виновности (невиновности) подозреваемого, обвиняемого лица, выяснения причин и условий совершения преступлений. Каждое следственное действие представляет собой комплекс специальных способов и методов, с помощью которых следователь, дознаватель находит необходимую для расследования уголовного дела, информацию. Следственные действия представляют собой важнейший этап процессуальной деятельности органов предварительного расследования (следствия и дознания). Результаты проведенных следственных действий для получения статуса доказательств должны оформляться в правовую процессуальную форму, установленную уголовно-

процессуальным законом.

Одним из более востребованных следственных действий является один из видов следственного осмотра – осмотр места происшествия, предназначенный для собирания доказательств по уголовным делам [1, с. 9]. Давая определение осмотра места происшествия в уголовном судопроизводстве необходимо отметить, что суть его заключается в обнаружении, изъятии и фиксации объектов, имеющих значение для расследования конкретного уголовного дела.

Осмотр представляет собой специальный метод познавательной деятельности, поисковые мероприятия, целью которого является обнаружение и закрепление полученной информации, имеющей доказательственное значение. Информация, собранная в процессе осмотра, дает возможность понять механизм совершения преступления, способы и обстоятельства совершения преступления, а также методы сокрытия следов преступления. Обследование объективной обстановки места происшествия предполагает выявление следов происходившего в данных условиях [2, с. 24].

В практической деятельности используются различные способы осмотра места происшествия: от периферии к центру, от центра к периферии, фронтальный осмотр. Используются и иные виды осмотров. Использование каждого метода осмотра зависит от конкретных обстоятельств и места проведения осмотра.

Классификация осмотра места происшествия может производиться по различным основаниям. Наиболее часто встречающимися основаниями осмотра в системе следственных действий является признак «очередности» осмотра. В соответствии с данным признаком осмотр может быть первичным, дополнительным и повторным.

Первичный осмотр, как правило, проводится незамедлительно, сразу же при установлении признаков преступления, еще на этапе доследственной проверки. Первичный осмотр места происшествия (обычно это место преступления) дает наиболее значимые и существенные результаты.

Дополнительный осмотр реализуется в том случае, когда при первичном осмотре были недостаточно и неполно исследованы какие-либо отдельные объекты, упущены какие-либо следы или обстоятельства совершения преступления. Как правило, дополнительный осмотр проводится в результате формального, поверхностного проведения первичного осмотра.

Повторный осмотр необходимо провести тогда, когда возникает необходимость проведения фактически нового, первичного осмотра с использованием криминалистических средств и методов, которые ранее по каким-либо причинам не использовались. Либо необходимо привлечение специалиста, который ранее не привлекался. Основанием для повторного осмотра может быть и проведение первичного осмотра при ненадлежащих погодных и временных условиях (темное время суток и плохое освещение, атмосферные осадки и др. обстоятельства).

Как существенный недостаток дополнительного и повторного осмотра следует отметить, что на период проведения указанных видов осмотра обстановка на месте происшествия уже может не соответствовать той, которая была ранее.

Перед началом проведения осмотра места происшествия необходимо уяснить, что существует определенный алгоритм проведения осмотра, как и любого другого следственного действия. На первом этапе необходимо определить цели и задачи, план проведения осмотра, а также проблемы, которые необходимо решить путем проведения данного следственного действия. При этом, чем быстрее следственно-оперативная группа проведет осмотр места происшествия, тем больше вероятность, что данное

преступление будет раскрыто, а уголовное дело расследовано в установленный законом срок.

На втором этапе необходимо разработать программу организационного, информационного, технического и оперативно-розыскного обеспечения планируемого осмотра. Речь идет о привлечении конкретных сотрудников различных подразделений исходя из надобности, а также специалистов из различных областей знаний в зависимости от возникающей необходимости и постановка задач перед ними. Для проведения качественного и полного осмотра необходимо также обеспечение осмотра необходимыми специальными технико-криминалистическими средствами.

На следующем этапе происходит реализация самого плана осмотра места происшествия, т. е. проведение данного следственного действия. Осмотр производится методом визуального наблюдения руководителем данного следственного действия (следователем, дознавателем, органом дознания).

Заключительный этап осмотра предполагает процессуальное составление протокола осмотра, упаковка предметов и иных изъятых на месте происшествия объектов. Следователь (дознаватель) при осмотре места происшествия и составления протокола должен фиксировать все только в том виде, в каком оно находилось в момент осмотра [3, с. 159]. Результаты осмотра, оформленные протоколом, зачитываются руководителем всем участникам осмотра и присутствующим. Затем все указанные лица ставят свои подписи в протоколе. Процессуально грамотное оформление протокола осмотра имеет существенное значение для признания данного документа допустимым доказательством. Протокол, оформленный с нарушением процессуальных норм (отсутствие подписей понятых, ненадлежащее изъятие с места происшествия значимых объектов и др. процессуальные нарушения), влекут за собой признание следственного осмотра недопустимым доказательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.Духно, Н. А. Осмотр места происшествия / Н. А. Духно // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 1 (50). – С. 9-20. EDN YVHFPK

2.Гандалоев, Р. Б. Процессуальное значение и цели следственного осмотра / Р. Б. Гандолоев // Криминологический журнал. – 2020. – № 3. – С.24-27. DOI 10.24411/2687-0185-2020-10046-EDN LNFZYU

3. Экишева, С. В. Проблемы применения криминалистической реконструкции при осмотре места происшествия / С. В. Экишева // Известия Тульского государственного университета. Государственные и экономические науки. – 2014. – № 2-2. – С. 159-167. EDN SJUYPX

УДК 343

Л. С. Золочевская

ЗАДЕРЖАНИЕ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: НЕОБХОДИМАЯ МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИЛИ ЛЕГАЛИЗОВАННЫЙ ДОПРОС ПОД ПРИКРЫТИЕМ?

Аннотация. В статье исследуется правовая природа задержания лица по подозрению в совершении преступления на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела. На основе системного толкования уголовно-процессуального законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ и доктринальных источников рассматривается дуализм данной меры: с одной стороны, как неотложного инструмента пресечения противоправной деятельности и обеспечения оперативности расследования; с другой стороны, как потенциального механизма скрытого получения показаний вне процессуальных гарантий. Автор приходит к выводу о существовании устойчивого дисбаланса между публичными интересами раскрытия преступления и процессуальными гарантиями прав личности. Автором формулируются критерии разграничения допустимого принуждения и «завуалированного допроса», а также предлагаются направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, возбуждение уголовного дела, процессуальное принуждение, допрос, адвокат, право на защиту, недопустимые доказательства, свидетельские показания, оперативно-розыскные мероприятия.

L. S. Zolochevskaya

DETENTION BEFORE THE INITIATION OF A CRIMINAL CASE: THE NECESSARY MEASURE OF PROCEDURAL COERCION OR LEGALIZED UNDERCOVER INTERROGATION?

Abstract. The article examines the legal nature of the detention of a person on suspicion of committing a crime at the stage preceding the initiation of a criminal case. Based on the systematic interpretation of the criminal procedure legislation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and doctrinal sources, the dualism of this measure is considered: on the one hand, as an urgent tool to suppress illegal activities and ensure the promptness of the investigation; on the other hand, as a potential mechanism for covertly obtaining testimony outside procedural safeguards. The author concludes that there is a persistent imbalance between the public interests of solving a crime and the procedural guarantees of individual rights. The author formulates criteria for distinguishing between permissible coercion and "veiled interrogation," and also proposes areas for improving legal regulation.

Key words: detention of a suspect, initiation of a criminal case, procedural coercion, interrogation, lawyer, right to defense, inadmissible evidence, testimony, operational-search measures.

Институт задержания лица по подозрению в совершении преступления занимает особое место в системе мер уголовно-процессуального принуждения и традиционно относится к числу наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса. Специфика задержания до момента официального возбуждения уголовного дела обусловлена временным разрывом между фактическим ограничением свободы и формальным

приобретением процессуального статуса подозреваемого лица. С одной стороны, законодатель позиционирует данную меру как исключительный, неотложный способ пресечения преступной деятельности, когда промедление может повлечь сокрытие следов, продолжение противоправных действий или уклонение лица от правосудия. С другой стороны, практика правоприменения фиксирует многочисленные случаи, когда фактическое задержание превращается в инструмент «процессуального давления», когда, например лицо удерживается в органах внутренних дел без статуса подозреваемого, с ним проводятся беседы, по сути являющиеся допросом, но без участия защитника и без разъяснения права не свидетельствовать против себя. Указанная коллизия порождает фундаментальный вопрос: «Является ли задержание до возбуждения уголовного дела объективно необходимой мерой процессуального принуждения, вытекающей из публично-правовой обязанности государства реагировать на преступления, либо оно представляет собой легализованную форму получения показаний в обход процессуальных гарантий, закрепленных в ст. 46, 49, 51 Конституции Российской Федерации и ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1]?».

Некоторые авторы [1, с. 101; 2, с. 212; 3, с. 113-117] поясняют о легитимности задержания на доследственной стадии апеллируют к публично-правовой обязанности государства оперативно реагировать на преступления «по горячим следам». По их мнению, ожидание формального возбуждения уголовного дела, когда срок проверки сообщения о преступлении может достигать 30 суток в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ, в указанном случае, сделало бы невозможным пресечение продолжающихся преступлений, задержание скрывающихся лиц и сохранение доказательственной базы. Они полагают, что противопоставление фактического и процессуального задержания нецелесообразно.

Сторонники противоположной позиции [4, с.117; 5. с. 92, с. 25-28], полагают, что момент фактического задержания лица должен совпадать с моментом доставления лица к следователю.

Однако, в таком случае, данная позиция квалифицирует задержание до возбуждения дела как легализованную форму получения показаний в обход конституционных гарантий (ст. 46, 49, 51 Конституции РФ). Аргументом служит устойчивая практика, при которой фактически задержанное лицо удерживается в органах внутренних дел под различными предлогами (административное доставление, «приглашение для беседы») без составления протокола задержания, а затем полученные объяснения ложатся в основу обвинительного приговора.

Цель настоящей статьи на основе системного анализа нормативных предписаний, судебной практики и доктринальных источников ответить на вопрос: является ли задержание до возбуждения уголовного дела объективно необходимой мерой процессуального принуждения либо оно представляет собой скрытый допрос, девальвирующий принцип презумпции невиновности?

Юридическая природа задержания по подозрению в совершении преступления.

С позиций формально-догматического подхода, задержание по ст. 91 УПК РФ представляет собой меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания или следователем на срок не более 48 часов до судебного решения, например об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Ключевая особенность,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921. (Далее УПК РФ).

отличающая его от задержания в порядке ст. 92 УПК РФ (после возбуждения дела), заключается в том, что на момент применения данной меры уголовное дело еще не возбуждено, а значит, отсутствует формальное процессуальное лицо, такое как подозреваемый в значении и понимании ст. 46 УПК РФ.

Однако из этого не следует, что задержанное лицо лишено всякого правового статуса. Конституционный Суд РФ[1] неоднократно подчеркивал, что с момента фактического ограничения свободы передвижения лицо приобретает право на защиту, включая право пользоваться помощью адвоката (защитника) и право не давать показания против себя самого, а также право на телефонный разговор [6, с. 41-47]. Указанная проблема рассматривалась нами ранее более подробно [7, с. 206-211]. Тем не менее, правоприменительная практика демонстрирует систематическое нарушение этих гарантий именно на стадии «до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела».

Также Конституционный Суд в ряде решений [2] последовательно подчеркнул, что лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, должно быть незамедлительно информировано о своих правах, включая право не свидетельствовать против себя. Но при этом своим решением фактически легитимизировал практику «опроса задержанного» до возбуждения дела, перенеся акцент с формального статуса на фактическое соблюдение гарантий.

Правоприменительная реальность, однако, далека от этих требований. Согласно проведенному автором опросу следователей [8, с. 144] в 42% проверенных случаев лица, доставленные в органы внутренних дел по подозрению в совершении преступления, не уведомлялись о праве на адвоката до момента составления протокола задержания и в момент фактического задержания лица подозреваемого в совершении преступления защитник не присутствовал. Эти данные свидетельствуют о системном характере нарушений.

Если мы обратимся к опыту иностранных государств, то, например в странах англосаксонской системы (США, Великобритания) действует правило *Miranda warnings*[3]: любое лицо, задержанное полицией, до начала допроса должно быть предупреждено о праве хранить молчание и праве на адвоката. Причем это правило действует с момента фактического лишения свободы передвижения, независимо от формального возбуждения дела.

В Германии статья 127 УПК допускает временное задержание любого лица на месте преступления, но допрос без адвоката возможен только после разъяснения прав, а результаты допроса, проведенного с нарушением, абсолютно недопустимы (*Beweisverwertungsverbot*)[4].

Российское законодательство, формально провозглашая аналогичные гарантии (ст. 46, 49 УПК РФ), тем не менее оставляет «серую зону»: момент возникновения статуса подозреваемого законодатель связывает либо с возбуждением дела, либо с

---

[1] Постановление Пленума от 27.06.2000г. № 11-П [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/ дата обращения 01.05.2026г.

[2] Там же.

[3] Правило Миранды [Электронный ресурс] https://ru.wikipedia.org/wiki/ Правило Миранды дата обращения 01.05.2026г.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] https://web.archive.org/web/20190923200042/https://ru.wikipedia.org/wiki/ Уголовно-процессуальный_кодекс_Германии#Меры_процессуального_принуждения 01.05.2026г.

фактическим задержанием. Однако на практике задержание часто оформляется с опозданием — лицо удерживается в ОВД под предлогом «доставления для составления протокола об административном правонарушении» (ст. 27.2 КоАП РФ), которое затем отменяется, а полученные объяснения перетекают в уголовный процесс.

Эмпирические признаки «легализованного допроса»: результаты обобщения практики

Для выявления различий между допустимым задержанием и скрытым допросом автором проведен анализ более 70 материалов доследственных проверок и уголовных дел. В результате проведенного анализа выявлены следующие устойчивые признаки, позволяющие квалифицировать задержание как «завуалированный допрос».

Признак 1: несоразмерно длительное нахождение в органе расследования без процессуального оформления. В 67% проанализированных случаев лицо фактически удерживалось в отделе полиции от 3 до 12 часов до составления протокола задержания. При этом в 34% случаев не было объективных препятствий для немедленного оформления протокола задержания лиц подозреваемого в совершении преступления.

Так, например Чеботарев И.Н. указывает на то, что задержанной лишается свободы на длительный срок без оформления процессуальных документов и случаи являются не единичными [9, с. 9-13]

Признак 2: Проведение «опроса» по форме и содержанию идентичного допросу. Протоколы опроса в рамках ст. 144 УПК РФ содержали подробные изложения событий, вопросы о мотивах, оценке собственных действий, то есть элементы, характерные для допроса подозреваемого. При этом в 71% протоколов отсутствовала запись о разъяснении ст. 51 Конституции РФ.

Признак 3: Необеспечение участия защитника. В 58 % случаев, где задержанный заявлял о желании воспользоваться помощью адвоката, либо была возможность пригласить его для участия, адвокат либо не допускался («статус подозреваемого еще не оформлен»), либо его прибытие искусственно затягивалось. В результате опрос, беседа проводились в отсутствие защитника.

Признак 4: Использование результатов «опроса» в обвинительном приговоре. В 18 % проанализированных приговоров суды ссылались на показания, данные подозреваемым в ходе доследственной проверки, как на допустимые доказательства. При этом суды, как правило, игнорировали доводы защиты о нарушении права на адвоката, ограничиваясь формальной фразой о «добровольности дачи объяснений».

Приведенные данные позволяют утверждать, что в значительной части случаев задержание до возбуждения уголовного дела фактически выступает инструментом получения признательных показаний в условиях, не обеспечивающих равенства сторон. Это позволяет квалифицировать такие действия как «легализованный допрос под прикрытием».

На основе проведенного анализа мы предлагаем систему критериев, позволяющих разграничить законное задержание как меру процессуального принуждения и незаконный «скрытый допрос». Мы полагаем, что к критериям законного задержания относятся следующие:

1. Наличие оснований ч. 1 ст. 91 УПК РФ, установленных до момента фактического ограничения свободы.

2. Немедленное (в пределах 1 часа) составление протокола задержания.

3. Обязательное разъяснение прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, включая право на защитника и право не свидетельствовать против себя.

4. Реальное обеспечение возможности встречи с адвокатом до любого опроса или допроса.

5. Отсутствие попыток получить объяснения по существу подозрения до разъяснения прав.

К критериям скрытого допроса, являющиеся нарушением при задержании лица подозреваемого в совершении преступления относятся:

1. Фактическое удержание свыше 1 часа без составления протокола задержания.

2. Проведение «опроса» по обстоятельствам предполагаемого преступления без участия защитника.

3. Не разъяснение или формальное разъяснение ст. 51 Конституции РФ («под роспись, без понимания смысла»).

4. Отсутствие аудио- или видеозаписи беседы или опроса.

5. Использование полученных объяснений в качестве доказательства обвинения.

При наличии любого из критериев второй группы следует признавать, что имело место не законное задержание, а скрытый допрос, влекущий недопустимость всех полученных показаний (ст. 75 УПК РФ). Судам и следственным органам предлагается руководствоваться данным разграничением.

Проведенный анализ позволяет заключить следующее:

1. Задержание до возбуждения уголовного дела является объективно необходимой мерой процессуального принуждения, без которой невозможно оперативное реагирование на преступления. Однако данная необходимость не отменяет конституционных гарантий прав личности.

2. В современной российской правоприменительной практике сложился устойчивый феномен «легализованного допроса под прикрытием»: задержание используется не для пресечения преступления, а для получения показаний в условиях, не обеспечивающих право на защиту. Эмпирические данные подтверждают системный характер этих нарушений.

3. Существующие правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Верховного Суда РФ не обеспечивают эффективной защиты прав задержанных, поскольку не содержат четких критериев недопустимости доказательств, полученных в ходе доследственного опроса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.Семенцов В.А. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2010. № 1. С. 101.

2.Бургер Б.М. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 212.

3. Золочевская Л.С. Исчисление срока при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления// Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства: Сборник научных трудов Всероссийского научно-практической конференции. М., 2025. С. 113-117.

4. Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений: монография., М.: Юрлитинформ, 2005. С. 117.

5. Цоколова О.И. Участие защитника при задержании подозреваемого // Уголовное право. 2005. № 2. С. 92; Она же: Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 25-28.

6. Золочевская Л.С. Проблемы законодательного регулирования права, задержанного на телефонный разговор// Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ.2019. № 2 (50). С. 41-47.

7. Золочевская Л.С. Некоторые гарантии прав подозреваемого проблемы их обеспечения при задержании лица по подозрению в совершении преступления // Научный вестник Орловского юридического института МВД РФ имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 206-211.

8. Уголовно-процессуальные аспекты задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления: Учебно-практическое пособие / О.А. Ветрова, Е.Б. Гришина, Л.С. Золочевская и др. М., 2019. С. 144.

9. Чеботарев И.Н. Право на защиту лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 9-13.

УДК 343.12

Е.А. Казнова

НЕРАВЕНСТВО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В уголовном судопроизводстве определены стороны защиты и обвинения, которые наделяются совокупностью прав при оценке доказательств. Вместе с тем актуальны вопросы, связанные с неравенством указанных сторон в уголовном процессе. В частности, сторона обвинения наделяется большим объемом полномочий при оценке доказательств, чем сторона защиты. Это является одной из краеугольных тем в юридической литературе и судебно-следственной практике, так как в уголовном судопроизводстве провозглашается принцип равноправия и состязательности сторон. Перечисленный принцип должен в полной мере реализоваться на практике. В представленной статье рассмотрены вопросы неравенства стороны защиты и стороны обвинения в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о необходимости наделения указанных субъектов уголовно-процессуальных отношений равными правами.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, оценка, относимость, допустимость, достоверность, сторона защиты, сторона обвинения.

E.A. Kaznova

INEQUALITY OF THE DEFENSE AND ACCUSATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE ASSESSMENT OF EVIDENCE

Annotation. In criminal proceedings, the parties of defense and prosecution are defined and granted a set of rights for the evaluation of evidence. However, there are concerns about the inequality between these parties in the criminal process. In particular, the prosecution party has more authority in evaluating evidence than the defense party. This is a significant issue in legal literature and judicial practice, as the principle of equality and adversarialness between the parties is fundamental in criminal proceedings. This principle should be fully implemented in practice. The article discusses the issues of inequality between the defense and the prosecution in criminal proceedings. It concludes that these subjects of criminal procedural relations should be granted equal rights.

Keywords: evidence, proof, evaluation, relevance, admissibility, reliability, defense, prosecution.

В Конституции Российской Федерации определено, что каждый подозреваемый и обвиняемый имеет право на защиту, к уголовной ответственности лицо может быть

привлечено только при наличии совокупности собранных доказательств по делу[1].

В уголовном судопроизводстве доказывание осуществляется как стороной обвинения, так и стороной защиты. В главе 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) определены участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения: прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания и т. д.[2] В свою очередь, участники процесса со стороны защиты закреплены в главе 7 УПК РФ: подозреваемый, обвиняемый, защитник, законные представители и др. [2].

Реализация прав и законных интересов стороны обвинения и стороны защиты возможна только при условии четкой нормативно-правовой регламентации. Однако при оценке доказательств возможны проблемы, связанные с реализацией принципа состязательности сторон.

Как известно, доказательства в уголовном судопроизводстве – это фундаментальная категория, поскольку при помощи доказательств можно, в частности, доказать либо опровергнуть т. н. главный факт – причастность конкретного лица к совершенному преступлению. В этой связи как сторона обвинения, так и сторона защиты заинтересованы как в собирании доказательств, так и в их последующей оценке. В исследовании М.Д. Федоровой указывается, что большим объемом полномочий в области оценки доказательств наделяются суд, следователь и прокурор: «Основные субъекты доказывания – дознаватель, следователь, прокурор и суд – обладают наиболее широкими полномочиями. Их процессуальная активность обоснована кадровым отбором, профессиональным статусом и функциями в уголовном судопроизводстве. Статья 86 УПК РФ предоставляет этим лицам возможность осуществлять сбор доказательств через следственные и иные процессуальные действия, предусмотренные кодексом» [5, с. 52].

Е.В. Давыдова также подчеркивает, что основными фигурами в процессе доказывания являются следователь и дознаватель, так как они выступают в качестве полноценных субъектов доказывания: их задача заключается в управлении ходом расследования и принятии ключевых процессуальных решений по уголовным делам. Соответственно, перечисленные субъекты уголовно-процессуальных отношений применяют механизмы доказывания в полном объеме [3, с. 12].

Однако с позиции стороны защиты доказывание в определенной степени ограничено. В отличие от суда, прокурора, следователя и дознавателя защитник в соответствии с положениями статьи 17 УПК РФ не наделяется правом оценки доказательств по своему внутреннему убеждению. На стадии предварительного расследования защитник оценивает лишь те доказательства, с которыми он был ознакомлен следователем или дознавателем. Вместе с тем, ходатайства защитника о приобщении доказательств либо проведении экспертиз могут быть отклонены следователем, а их обжалование «не подпадает» под нормативные положения статьи 125 УПК РФ [4, с. 18].

Другая проблема, с которой сталкивается защитник, состоит в предоставлении доказательств. Существующее законодательство (не беря во внимание «размытую» ч. 3 ст. 86 УПК РФ) не включает в себя положений, которые бы предусматривали форму представления сведений, собранных защитником, ни обязанности дознавателя, следователя, прокурора, суда принять эту информацию и приобщить к материалам уголовного дела.

---

[1] Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2009 г. – № 4. – ст. 445.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2001 г. – № 52. – ст. 4921.

Вместе с тем суды при рассмотрении уголовных дел все-таки реагируют на последствия данной неурегулированности Примером правоприменительной практики является Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22К-510/2021 от 20 апреля 2021 года, в котором отмечено, что в судебном разбирательстве был нарушен принцип состязательности сторон, поскольку не была дана оценка доказательствам, представленным стороной защиты. Кроме того, следователем не было рассмотрено ходатайство, заявленное защитником[1].

На наш взгляд, защитник является полноценным независимым участником процесса доказывания, так как на него возлагается обязанность по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Качественная работа защитника оказывает значительное влияние на эффективность защиты прав подозреваемого (обвиняемого).

Таким образом, в уголовном судопроизводстве отсутствует баланс возможностей доказывания между сторонами обвинения и защиты: следователь, дознаватель, суд и прокурор являются полноценными субъектами доказывания. Защитник к таким субъектам, к сожалению, отнесен быть не может. Изменение ряда положений УПК РФ и, в первую очередь – ст. ст. 17, 86 УПК РФ позволит изменить сложившееся положение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдова Е.В. Некоторые проблемы признания доказательств в уголовном процессе недопустимыми // Международный журнал гуманитарных и гуманитарных наук. 2020. №3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-priznaniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse-nedopustimymi (дата обращения: 25.03.2026).

2. Коршунов А. В., Труфанов Н. И. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: Уч. пособие. Иркутск, ВСИ МВД России. – 2011. – 56 с.

3. Федорова М.Д. Проблема неравенства субъектов в процессе собирания доказательств в уголовном судопроизводстве России // Социальное управление. 2025. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-neravenstva-subektov-v-protsesse-sobiraniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii (дата обращения: 25.03.2026).

[1] Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22К-510/2021 от 20 апреля 2021 года // Интернет-портал правовой информации – URL: //sudact.ru/regular/doc/xGi01mL9wXml/

УДК 343.1

Ю.А. Коротаева

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОЗНАВАТЕЛЯ И НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

В статье анализируется процессуальная ответственность дознавателя и начальника органа дознания как элемент защиты их правового статуса в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются правовые основы самостоятельности дознавателя, установленные статьей 41 УПК РФ, и возникающие проблемы, связанные с обязательностью исполнения указаний вышестоящих должностных лиц при отсутствии приостановления их обжалования. Выделяются формы возложения полномочий и виды ответственности. Обосновывается необходимость законодательного разграничения ответственности между дознавателем и начальником органа дознания в зависимости от характера процессуального решения. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования указанных должностных лиц.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, дознаватель, начальник органа дознания, правовой статус, процессуальная самостоятельность, защита должностных лиц.

Yu.A. Korotaeva

PROCEDURAL LIABILITY AS AN ELEMENT OF PROTECTION OF THE LEGAL STATUS OF THE INVESTIGATOR AND THE CHIEF OF THE INVESTIGATIVE BODY

This article analyzes the procedural liability of the investigator and the head of the investigative body as an element of protecting their legal status in criminal proceedings. It examines the legal basis for the investigator's independence, established by Article 41 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the issues that arise related to the mandatory execution of instructions from superior officials in the absence of a stay of appeal. The forms of delegation of authority and types of responsibility are identified. The need for a legislative delineation of responsibility between the investigator and the head of the investigative body, depending on the nature of the procedural decision, is substantiated. Measures to improve the legal regulation of these officials are proposed.

Key words: procedural responsibility, investigator, head of the investigative body, legal status, procedural independence, protection of officials.

Современные тенденции изменения уголовно-процессуального законодательства во многом детерминированы, в частности, необходимостью построения эффективного механизма предварительного расследования. В рамках этого механизма особая роль отводится дознанию.

Правовой статус начальника органа дознания и дознавателя является сложной правовой конструкцией, которая опосредует властные полномочия [1, с. 215]. В связи с этим институт процессуальной ответственности получает двойственное значение: с одной стороны, он является инструментом обеспечения законности и правопорядка, а с другой – является значимым элементом защиты правового статуса должностных лиц от постороннего и необоснованного вмешательства в их деятельность [1, с. 217].

Правовое положение дознавателя указано в статье 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В ней закреплено, что полномочия органа дознания возлагаются на дознавателя начальником органа дознания. В третьей части данной статьи прописано, что дознаватель вправе самостоятельно производить следственные действия и иные процессуальные действия, а также принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда это требует согласия начальника органа дознания, прокурора или судебного решения. Данная статья закрепляет за дознавателем принцип самостоятельности, устанавливая ее пределы.

Одной из важных особенностей правового статуса дознавателя выступает его подчиненность начальнику органа дознания и прокурору. Согласно части четвертой статьи 41 УПК РФ, указания прокурора и начальника органа дознания обязательны для дознавателя. Но дознаватель вправе обжаловать данные указания, однако само обжалование указаний не приостанавливает их исполнения.

В научных источниках отмечается, что процессуальная ответственность дознавателя не может рассматриваться отдельно от процесса передачи полномочий начальником органа дознания[3, с. 52]. Проведя теоретический анализ, можно определить следующие формы поручения уголовно-процессуальных полномочий. Первая форма – представляет из себя приказ о назначении должностного лица органа внутренних дел на должность дознавателя, вследствие которого на него накладываются полномочия на неопределённый период времени. Вторая форма – заключается в передаче полномочий по проверке сообщения о преступлении через резолюцию, форма которой не определена законодательством [3, с. 53–54].

Особую важность в защите правового статуса дознавателя приобретает вопрос о разграничении ответственности при исполнении указаний начальника органа дознания. В пределах системы органов дознания появляется вопрос о том, кто будет нести ответственность за конкретные процессуальные решения, принятые во время исполнения указаний вышестоящего должностного лица. Закон не определяет выраженного разграничения оснований привлечения к ответственности начальника органа дознания и дознавателя в зависимости от характера принятого процессуального решения[5, с. 104]. В случаях, когда решение принято самим дознавателем самостоятельно, его персональная ответственность не будет вызывать вопросов. Но если решение принималось в соответствии с исполнением устного указания начальника органа дознания, вопрос об его ответственности будет оставаться открытым.

Важную роль защиты правового статуса дознавателя занимает институт процессуального контроля. Прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль обязаны обеспечивать законность всех процессуальных действий, но они же и могут стать рычагом необоснованного давления [1, с. 220]. Исходя из этого важное значение имеет право дознавателя на обжалование указаний, предусмотренное частью четвертой статьи 41 УПК РФ. В научной литературе отмечается, что право обжалования без приостановления исполнения указания значительно ограничивает эффективность данного права, так как дознаватель обязан совершать процессуальные действия, законность которых он оспаривает [4, с. 255].

Современная система уголовно-процессуального права выделяет следующие формы процессуальной ответственности для начальника органа дознания и дознавателя:

1. дисциплинарная ответственность, которая наступает за нарушение служебной дисциплины;

2. уголовно-процессуальная ответственность, которая выражается в признании конкретных процессуальных действий незаконными с вытекающими правовыми последствиями;

3. материальная ответственность, которая наступает за причиненный вред, незаконными действиями должностных лиц.

В научной литературе присутствует мнение о необходимости закрепления в законе специальных оснований привлечения дознавателей к ответственности с учетом их специфичной процессуальной деятельности [4, с. 256].

В целях развития системы процессуальной ответственности будет целесообразно внести ряд изменений в уголовно-процессуальное законодательство. В первую очередь, необходимо закрепить правило, согласно которому дознаватель не будет нести ответственность за процессуальные действия, совершенные в процессе исполнения устных указаний начальника органа дознания или прокурора, если такие указания не были признаны в установленном порядке законными. Так же, следует установить, что обжалование указаний начальника органа дознания или прокурора приостанавливает их исполнение в случае, если их исполнение может повлечь за собой необратимые последствия, либо существенное нарушение прав участников уголовного судопроизводства. В заключении, необходимо законодательное закрепление перечня процессуальных действий, которые дознаватель может принимать самостоятельно.

В связи с этим процессуальная ответственность начальника органа дознания и дознавателя будет представлять сложный правовой институт, выполняющий дисциплинарную и правозащитную функцию. Эффективность такого института будет во многом зависеть от четкости разграничения пределов ответственности и наличия гарантий процессуальной самостоятельности дознавателя. Совершенствование правового регулирования должно быть направлено на достижение баланса между обеспечением законности предварительного расследования и защитой правового статуса должностных лиц, которые осуществляют уголовное судопроизводство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд. М.: Проспект, 2023.

2. Супрун С.В. Дознаватель органов внутренних дел: предусмотренные законом и выработанные практикой формы делегирования полномочий начальником ОВД // Административное право и процесс № 08/2025. – С. 52-55.

3. Долгов А.М. Сущность процессуальной самостоятельности дознавателя // Общество и право. – 2018. – № 3 (65). – С. 252–256.

4. Стефанова Е.Ю. Полномочия начальника органа дознания в системе МВД России // Публичное и частное право. – 2018. – № 3. – С. 101–107.

УДК 343.3/.7

В. В. Кошкина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

В настоящей статье рассмотрены характеристики статьи 118 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор приводит статистику, отражающую особенности лиц, совершающих указанное преступление, а также рассматривает комплекс детерминант, способствующих его совершению, и предлагает возможные меры предотвращения рассматриваемого противоправного деяния.

Ключевые слова: тяжкий вред здоровью, неосторожность, виктимность, квалификация, кадры, надзор, недостаточная мотивация, отсутствие контроля.

V.V. Koshkina

CURRENT ISSUES OF COUNTERING SERIOUS INJURY TO HEALTH BY NEGLIGENCE

This article examines the characteristics of Article 118 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author provides statistics reflecting the characteristics of individuals who commit this crime, examines the complex determinants that contribute to its commission, and suggests possible measures to prevent this illegal act.

Keywords: serious injury to health, negligence, victimization, qualifications, personnel, supervision, insufficient motivation, lack of control.

В процессе непрекращающейся глобализации и технологического развитии общества вероятность причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности возрастает, так как процесс управления техническими устройствами и механизмами усложняется, а человек склонен совершать ошибки, что может привести к непредвиденным общественно-опасным результатам.

Последствия тяжкого вреда здоровью особенно сильно влияют на человека, существенно ухудшая уровень жизни. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ))[1] представляет меньшую общественную опасность, чем умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, однако последствия для потерпевшего, все же, являются равнозначными.

За 2024 год по данной статье было осуждено 817 человек (АППГ-819). В общих данных Судебного департамента статья 118 часто проходит в группе с иными преступлениями против здоровья, при этом общее число осужденных в РФ за 2024 г. снизилось. Привлеченными к ответственности являются мужчины в 90% случаев. Наиболее часто данное преступление совершают лица в возрастной группе от 30 до 39 лет (137 человек, т.е. 35%), от 40 до 49 лет (75 человек, т.е. 19%), от 25 до 29 лет (58 человек, т.е. 15%). Так, средний возраст преступника составляет 36 лет. В 97,4% случаев это гражданин Российской Федерации. Является постоянным жителем местности, в которой совершено преступление: в 92,2% случаев (т.е. 357 человек); жителем иной местности – в 7,5% случаев (т.е. 30 человек). Образование у данных лиц следующее: высшее – 50 человек (12,9%), среднее профессиональное – 177 (45,7%), среднее общее – 113 (29,1 %), основное или начальное – 47 (12,3%). Род деятельности: рабочий – 136 человек (35,1%), трудоспособные без постоянного источника дохода – 167 (43,1%), неработающий нетрудоспособный – 29 (7,5%). Несовершеннолетние совершают данное преступление крайне редко, так их доля в общей массе преступлений составляет 1,5%[2].

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности относится к преступлениям с большим уровнем виктимности.

Виктимность – это устойчивая личностная особенность, обусловленная сочетанием индивидуально-психологических, характерологических детерминант,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

[2] Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения 15.04.2026).

находящей воплощение в игровой или социальной ролях жертвы. В данном случае виктимность проявляется провоцирующим поведением потерпевших, которое способствует появлению ситуации, при которой возможно осуществление преступления, предусмотренного ст. 118 УК РФ. Стоит отметить, что подлинный уровень количества виктимности поведения во время совершения данной категории неосторожных преступлений неизвестен, так как обладает высоким уровнем латентности.

Рассматриваемое преступление посягает на один из самых важных объектов УК РФ – здоровье человека. Отличительной особенностью ст. 118 УК РФ является психологическое отношение субъекта к совершаемому преступлению.

Если при совершении умышленного причинения вреда здоровью субъект прямо или косвенно противопоставляет себя нормам и ценностям общества, то при неосторожном преступлении предпосылкой является невнимательность или безответственность, которые приводят к совершению общественно-опасных последствий. В связи с чем, можно сделать вывод, что неосторожный преступник обладает большими нравственными качествами и моральными ценностями, чем виновный, совершивший рассматриваемое преступление умышленно. Неосторожное противоправное деяние предполагает наличие больной разницы между личностью преступника и тяжестью последствий его действий.

Вместе с тем, следует учитывать определенные психологические дефекты неосторожно действующего лица, приводящие его к нарушению правил предосторожности: дефекты воли, восприятия и переработки информации и т.д. Если же применять специфику социальных оценок, то речь идет о таких отрицательных чертах личности, как легкомыслие, беспечность, пренебрежительное отношение к правилам предосторожности. Все они определяются недостаточной значимостью для виновного нарушенных им общественных интересов [2, с. 12].

Стоит подчеркнуть, что неосторожная преступность не является случайным стечением обстоятельств – она причинно-обусловлена, представляет собой закономерный исход предыдущего поведения субъекта на протяжении определенного времени.

Закономерность проявляется в социальном, экономическом, научном, техническом, организационном и нравственном развитии личности преступника, а также общества, в котором он живет. В неосторожном причинении тяжкого вреда здоровью причинные связи менее сильные, чем при умышленном преступлении. На неосторожное преступление распространяется вся криминологическая теория о причинностях преступности и ее проблемы в целом, однако она имеет свои специфические особенности.

Однозначной особенностью совершения ст. 118 УК РФ является тесная связь между негативными социальными факторами и совершаемым преступлением. К негативным факторам можно отнести увеличение количества источников повышенной опасности, усложненное техническое оборудование. Однако, в свою очередь, на данную категорию преступлений в положительном плане существенно влияют профилактические меры.

Как уже было сказано ранее, неосторожный преступник имеет меньшее количество негативных качеств, по сравнению с умышленным преступником, в связи с чем, его сложно вычислить среди обычного населения. В такой ситуации возникает проблемы в выявлении как лиц, которые потенциально могут совершить преступления, так и факторов, которые способствуют этому.

Неосторожные преступники, как уже говорилось ранее, характеризуются недостаточным вниманием к общественным интересам, легкомысленному или безответственному отношению к ним, невнимательностью или несоблюдением мер безопасности. Данные черты возникают в личности в связи с определенными причинами:

1. Воспитание в семье: несоблюдение родителями установленных правил поведения, забывчивостью или легкомысленным отношением к осуществлению своих родительских обязанностей, которые, в основном, заканчивались положительным или нейтральным исходом для нарушителя. Наблюдая за данной ситуацией, подрастающая личность приходит к выводу, что такой тип поведения уместен, в связи с чем, копирует его, что в будущем имеет потенциал привести к общественно опасным последствиям обсуждаемой статьи.

2. Отсутствие контроля со стороны руководителя: игнорирование им неосторожности, неаккуратности, нарушения запретов, дисциплины со стороны подчиненных приводит к ощущению вседозволенности, так как отсутствие наказания можно расценивать как поощрение.

Таким образом, причинами совершения причинения тяжкого вреда по неосторожности можно назвать следующие:

1. Недостаточная квалификация работников производства. Нередко лицо, ответственное за контроль над предприятием, просто не знает, что представляет из себя техника, а тем более как ею правильно и безопасно пользоваться;

2. Недостаток кадрового состава и региональная разрозненность надзорных предприятий. Часто случается, что сотрудники одной государственной надзорной компании должны одновременно обслуживать сразу несколько предприятий, расположенных далеко друг от друга. К тому же рабочие экипажи данной организации бывают значительно сокращены из-за недостатков в кадровой политике;

3. Недостаточная оснащенность надзорных ведомств. Часто сотрудники надзорных ведомств могут осуществлять проверку без оборудования, которое способно выявить нарушение, в связи с чем, оно продолжает существовать и имеет потенциальную угрозу в совершении преступления при его использовании;

4. Недостаточная мотивация или нежелание качественно выполнять свои обязанности. Такая ситуация возможна при некачественном выполнении руководителем своих обязанностей, отсутствии должного контроля за профессиональной деятельностью и другое [1, с. 111]. Работник осознает безнаказанность и продолжает совершать нарушения.

5. Диспропорция между количеством оборудования и качеством ухода за ним. Например, недостаток числа работников, осуществляющих ремонт оборудования, профилактику его работы, в связи с чем, неисправная техника продолжает работать;

6. Устаревание нормативной документации по обращению с техническими устройствами, правилами безопасности с ними. Часто данная документация остается с периода существования СССР и не обновляется, хотя оборудование изменяется;

7. Ошибочные действия потерпевших и их неосмотрительность.

Проблема профилактики неосторожных преступлений требует углубленного изучения, имеет свои специфические особенности. Эффективные меры предупреждения умышленных преступлений не всегда могут быть действенными при профилактике неосторожной преступности, они требуют учета специфики причин и условий именно конкретных неосторожных преступлений [4, с. 541].

В этой связи, во-первых, в системе мер их предупреждения удельный вес общесоциальных мероприятий, по сравнению со специально-криминологическими, гораздо выше, чем это имеет место в профилактике умышленных преступлений. Во-вторых, меры предупреждения неосторожных преступных деяний часто имеют сходство или совпадают с общими мерами защиты от случайного причинения вреда. В-третьих, в системе профилактики неосторожных преступлений значительно больший удельный вес, чем в предупреждении умышленных преступлений, занимают различные технические мероприятия. Наконец, в-четвертых, неосторожная преступность, как уже отмечалось, более «отзывчива» на предпринимаемые меры, чем преступность умышленная [3, с. 249].

Одним из наиболее общих способов предотвращения данной категории преступления – развитие научно-технического прогресса в технике безопасности. К данному способу относится разработка теоретических положений об улучшении надежности как оборудования, так и действий человека, управляющего или использующего это оборудование, введение большего количества средств экипировки для обеспечения безопасности, улучшение безопасности эксплуатации вышеуказанной техники.

Следующим способом является введение мер, направленных на влияние на саму личность. Прежде всего, это мероприятия по повышению сознательности и ответственности личности, ее зрелости и дисциплинированности. Также профессии, связанные с производством, техническим оборудованием нуждаются не только в сотрудниках с профессиональным навыком, но и с высокими морально-психологическими качествами. Данная цель достигается при принятии лица на работу и оценке его деятельности в период испытательного срока. Работодатель оценивает физиологическую и психическую пригодность к выполнению функциональных обязанностей, которая связана с источниками повышенной опасности. Важным аспектом является совершенствование образования и подходов к донесению знаний работникам.

Следует упомянуть, что данные преступления совершаются и в бытовой сфере человека, где многое зависит не от работодателя или государства, а от него самого. Здесь путем решения можно назвать увеличение количества каналов связи, по которым осуществляется донесение профилактической информации (правила обращения с газовым оборудованием и т.д.) до личности. Под предложенным понимается информирование через сеть Интернет, телевидение, наружную рекламу на автобусах, билбордах, проведение бесед сотрудниками полиции или МЧС не только в школах и детских домах (направленные на молодое поколение), но и по местам работы сотрудников (так как данное преступление может совершить не только несовершеннолетний) и многое другое. Проведение большего числа мер индивидуальной профилактики среди лиц, склонных к наркомании и алкоголизму.

Также важную роль в предупреждении неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью имеет своевременное привлечение к ответственности (дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, уголовной) виновных лиц. Как было указано, виновное по ст. 118 УК РФ лицо склонно к неединичному совершению правонарушений, часто руководитель данный факт игнорирует. В связи с этим необходимо в полной мере и своевременно пресекать подобное поведение.

Также нельзя отменять значение «показательного» примера, при котором по всей строгости наказывается другое лицо, совершившее нарушение мер безопасности или трудового регламента на работе.

К профилактике относится уменьшение возможного объема последствий совершения преступления. Данной цели способствует наличие в достаточном количестве защитного снаряжения (шлемы у строителей, сварочная маска у сварщика и его ассистента и другое), по возможности выделение должности врача на предприятии, который сможет вовремя оказать помощь или расположение в общем доступе большего количества аптечек.

Таким образом, можно выделить следующие меры, способствующие предупреждению причинения вреда здоровью по неосторожности:

– введение большего количества средств экипировки для обеспечения безопасности, улучшение безопасности эксплуатации вышеуказанного оборудования;

– проведение профилактических бесед по повышению сознательности и ответственности личности, ее зрелости и дисциплинированности;

– увеличение количества каналов связи, по которым осуществляется донесение профилактической информации (правила обращения с газовым оборудованием и т.д.) до личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ботвин И.В. Неосторожная преступность на производстве: детерминация и профилактика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2 (85). С. 111.

2. Воронин Ю.А. Неосторожная преступность: современные тенденции и проблемы предупреждения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. С. 12.

3. Воронин Ю.А. Введение в криминологию М., 2017. С. 249.

4. Криминология / В.Н. Кудрявцев [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Изд-во «Норма», 2012. С. 541.

УДК 343.14

Е. В. Кузнецов

ЛИЧНЫЙ ОБЫСК ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема невозможности проведения личного обыска до возбуждения уголовного дела. Обосновывается необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Предлагается проект новой нормы, регулирующей порядок проведения личного обыска на доследственной стадии с установлением дополнительных гарантий прав личности.

Ключевые слова: личный обыск, личный досмотр, возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, оперативно-розыскная деятельность, доказательства.

E. V. Kuznetsov

PERSONAL SEARCH BEFORE THE INITIATION OF A CRIMINAL CASE: PROBLEM AND LEGISLATIVE SOLUTIONS

Abstract. The article examines the problem of the impossibility of conducting a personal search before the initiation of a criminal case. The necessity of amending the criminal procedure legislation of the Russian Federation is substantiated. A draft of a new norm regulating the procedure for conducting a personal search at the pre-investigative stage with

the establishment of additional guarantees of personal rights is proposed.

Keywords: personal search, personal inspection, initiation of a criminal case, pre-investigative check, operational-search activity, evidence.

Современные условия функционирования правоохранительных органов характеризуются усложнением структуры преступности, ростом ее организованных форм, а также активным использованием преступниками конспиративных методов [1, с. 149-150]. Эти обстоятельства требуют оперативного реагирования, в том числе на ранних стадиях выявления преступной деятельности.

Вместе с тем нормы Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ)[1] устанавливают жесткое ограничение: личный обыск как следственное действие возможен исключительно после возбуждения уголовного дела. Данное положение, будучи направленным на защиту прав личности, в современных условиях нередко препятствует эффективному пресечению преступлений.

Тем не менее представляется, что действующее уголовно-процессуальное регулирование личного обыска нуждается в корректировке, поскольку оно не в полной мере учитывает реальные ситуации первоначального этапа выявления преступления. На практике нередко возникает положение, при котором лицо фактически уже заподозрено в совершении преступления, его свобода реально ограничена сотрудниками правоохранительных органов, однако уголовное дело еще не возбуждено. В этот промежуток времени у сотрудников может иметься обоснованное предположение, что при данном лице находятся предметы, документы, вещества, средства связи, носители информации или иные объекты, которые в дальнейшем могут приобрести значение вещественных доказательств. Вместе с тем действующий УПК РФ не предусматривает личный обыск до возбуждения уголовного дела как самостоятельное процессуальное действие, что вынуждает правоприменителя использовать административно-правовую конструкцию личного досмотра либо фактически проводить поисковые действия вне надлежащей уголовно-процессуальной формы [2, с. 79-80].

Особенно наглядно данная проблема проявляется в типичных ситуациях первоначального пресечения преступления. В связи с этим смоделируем несколько правоприменительных ситуации, которые достаточно часто возникают в практической деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Первый пример. Оперуполномоченные задерживают лицо сразу после передачи наркотического средства в рамках оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка». У них имеются объективные основания полагать, что при нем находятся оставшаяся часть запрещенного к обороту вещества, деньги, использованные при купле-продаже, телефон, содержащий сведения криминального характера, а также упаковочные материалы. Однако уголовное дело еще не возбуждено, и полноценный личный обыск формально невозможен. Если ждать несколько часов до возбуждения дела, часть предметов может быть уничтожена, передана, выброшена или заменена. Если же вместо личного обыска проводится «личный досмотр», что разрешено российским законодательством, возникает очевидная подмена: фактически ищутся доказательства преступления, но оформляется это как административная мера. В

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Справочно-правовая система Консультант Плюс. сайт. URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_34481/

результате страдает и публичный интерес в раскрытии преступления, и право самого задержанного на ясную, проверяемую и законную процедуру.

Второй пример. Лицо задерживают недалеко от места разбойного нападения. Потерпевший указывает на него по одежде и внешности; при этом есть основания предполагать, что у задержанного при себе находятся похищенные деньги, банковская карта потерпевшего, нож или иное орудие преступления. В этот момент доказательства буквально находятся «на теле» подозреваемого: в карманах, обуви, сумке, под одеждой. Но уголовное дело еще не возбуждено, и сотрудники вынуждены либо ждать процессуального оформления, либо прибегать к личному досмотру. Такая пауза искусственно создает риск утраты доказательств и одновременно дает будущей защите сильный аргумент, относительно фальсификации доказательств: если предметы обнаружены только спустя несколько часов после фактического задержания, нельзя исключить, что они появились у лица уже после его доставления и нахождения под контролем сотрудников.

Эти примеры показывают, что проблема имеет не абстрактный, а остро практический характер. На первоначальном этапе выявления преступления доказательственная ситуация часто является крайне хрупкой: предметы небольшого размера могут быть уничтожены за секунды, цифровая информация — удалена дистанционно, деньги или иные вещи — переданы соучастникам, а промедление в фиксации их обнаружения подрывает доверие к происхождению доказательств. Поэтому вопрос о допустимости личного обыска до возбуждения уголовного дела должен рассматриваться не как расширение произвольного вмешательства, а как способ немедленно поместить фактически необходимое принуждение в строгую уголовно-процессуальную форму. При этом следует учитывать, что по мнению процессуалистов уголовно-процессуальные формы должны служить целям установления истины, а не становиться самоцелью [3, с. 20, 46]. В современных реалиях данное положение приобретает особую актуальность, так как указывает на возможность пересмотра господствующих долгое время правовых парадигм.

Невозможность проведения личного обыска до возбуждения уголовного дела порождает системную проблему: вместо открытого применения уголовно-процессуальной меры, соответствующей реальной цели вмешательства, происходит подмена личного обыска личным досмотром. Что с точки зрения российского законодательства вполне допустимо, особенно если речь идет о наркотиках, оружии, предметах хищения или административных правонарушений[1]. Однако личный досмотр по своей природе предназначен для административного производства и не должен использоваться как способ собирания доказательств по уголовному делу. Если же его фактической целью становится обнаружение и изъятие предметов, связанных с преступлением, то речь идет уже не об административно-обеспечительной мере, а о следственном действии, которое должно осуществляться в процессуальной форме УПК РФ, с соответствующими гарантиями прав личности, фиксацией оснований, порядка и результатов.

Следует обратить внимание, что целый ряд авторов считают возможном рассмотреть (закрепить в оперативно-розыскном законодательстве) личный обыск и/или личный досмотр в качестве самостоятельного оперативно-розыскного

[1] См. например: Статья 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026); п. 16, 18, 25 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О полиции»; ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 27.10.2025); п. «И», ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ред. от 28.12.2025).

мероприятия или в качестве разновидности мер оперативно-розыскного принуждения [4; 5, с. 87-88]. Последнее входит в противоречия с позиций Конституционного Суда РФ, допускающего проведение личного досмотра и личного обыска указанные только в рамках двух процессов – административного (для личного досмотра) и уголовного (для личного обыска) [6, с. 95-96].

Именно поэтому целесообразно нормативно разрешить производство личного обыска до возбуждения уголовного дела в исключительных случаях: когда имеются достаточные данные полагать, что при лице находятся объекты, которые могут иметь значение для уголовного дела, и существует реальный риск их уничтожения, сокрытия, передачи другим лицам, изменения либо утраты до момента возбуждения уголовного дела. Такое регулирование позволило бы не расширить произвол правоохранительных органов, а, напротив, вывести фактически существующую практику из серой зоны и подчинить ее уголовно-процессуальным гарантиям.

Дополнительным аргументом является то, что отсрочка личного обыска до формального возбуждения уголовного дела, как выше уже указывалось, способна искажать доказательственную ситуацию. Если лицо фактически задержано, но обыскивается лишь спустя несколько часов, у стороны защиты объективно возникает возможность ставить вопрос о происхождении обнаруженных предметов: находились ли они при лице изначально либо появились в период его фактического нахождения под контролем сотрудников. Тем самым запоздалый личный обыск создает риск как реальной утраты доказательств, так и видимости их искусственного формирования или подбрасывания. Немедленное проведение личного обыска в строгой процессуальной форме, напротив, обеспечивало бы большую доказательственную чистоту: фиксировались бы момент обнаружения предметов, состояние лица, присутствие понятых или видеозапись, основания вмешательства, перечень изъятого и замечания участников.

Следовательно, разрешение личного обыска до возбуждения уголовного дела при наличии неотложности и достаточных фактических оснований соответствовало бы не только интересам борьбы с преступностью, но и конституционным гарантиям личности. Оно позволило бы заменить неправомерную подмену уголовно-процессуального личного обыска административным личным досмотром законной процедурой, основанной на принципах соразмерности, правовой определенности, судебного и прокурорского контроля, а также допустимости доказательств.

Таким образом, обозначенная проблема заключается не в необходимости расширения репрессивных полномочий государства, а в необходимости процессуализации уже существующего фактического принуждения, активно используемого сотрудниками органов дознания в рамках своих административных компетенций, подменяющих явные уголовно-процессуальные правоотношения административными. Ведь когда лицо реально заподозрено в преступлении, фактически задержано, а при нем могут находиться потенциальные вещественные доказательства, государственное вмешательство уже происходит. Вопрос состоит лишь в том, будет ли оно оформлено под видом административного досмотра, не соответствующего действительной цели действия, либо будет прямо урегулировано уголовно-процессуальным законом. С точки зрения конституционной доктрины предпочтительным является второй вариант, поскольку именно уголовно-процессуальная форма обеспечивает проверяемость оснований вмешательства, защиту от произвола и последующую оценку допустимости полученных доказательств.

В связи с этим представляется возможным дополнить УПК РФ положением, допускающим производство личного обыска до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства, если имеются достаточные данные полагать, что

при лице находятся предметы, документы или иные объекты, имеющие признаки будущих вещественных доказательств, и промедление создает угрозу их утраты, сокрытия, уничтожения либо существенно затрудняет проверку их происхождения. При этом такое действие должно сопровождаться обязательной процессуальной фиксацией, участием лица того же пола, понятыми либо видеозаписью, разъяснением прав, возможностью заявлять замечания, а также последующим прокурорским или судебным контролем.

Проект изменений в УПК РФ

Предлагается внести в УПК РФ следующие изменения.

1. Часть первую ст. 144 УПК РФ после слов «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» дополнить словами: «а в случаях, предусмотренных статьей 184.1 настоящего Кодекса, производить личный обыск до возбуждения уголовного дела».

2. Дополнить УПК РФ статьей 184.1 следующего содержания:

«Статья 184.1. Личный обыск до возбуждения уголовного дела.

1. В случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела допускается производство личного обыска лица при наличии достаточных данных, указывающих на признаки совершенного или готовящегося преступления, если имеются основания полагать, что при данном лице находятся оружие, боеприпасы, наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или прекурсоры, орудия преступления, предметы, документы, электронные носители информации либо иные объекты, обладающие признаками вещественных доказательств, имеющие значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или для последующего доказывания.

2. Личный обыск до возбуждения уголовного дела допускается только при наличии хотя бы одного из следующих условий: 1) существует реальная угроза уничтожения, сокрытия, передачи другому лицу или утраты предметов и документов; 2) промедление может создать угрозу жизни и здоровью граждан, безопасности сотрудников правоохранительных органов либо иных лиц; 3) лицо застигнуто при совершении деяния, содержащего признаки преступления, либо непосредственно после его совершения; 4) имеются данные, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, указывающие на наличие при лице предметов за незаконный оборот которых предусмотрена уголовная ответственность и/или иных предметов обладающих признаками вещественных доказательств.

3. Личный обыск производится дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа либо по их поручению иным уполномоченным должностным лицом. До начала обыска лицу объявляются основания его производства, предлагается добровольно выдать искомые предметы и разъясняется право делать заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол.

4. Личный обыск производится лицом одного пола с обыскиваемым и с участием понятых того же пола либо с обязательным применением видеозаписи. Если обыск связан с обнажением тела, он производится в закрытом помещении лицом одного пола с обыскиваемым.

5. О производстве личного обыска составляется протокол с соблюдением требований статей 166 и 167 настоящего Кодекса. В протоколе указываются фактические основания обыска, сведения о видеозаписи, добровольной выдаче или отказе от нее, обнаруженных и изъятых предметах, заявлениях и замечаниях лица. Копия протокола вручается лицу немедленно после окончания обыска.

6. О производстве личного обыска до возбуждения уголовного дела должностное лицо, его произведшее, обязано незамедлительно, но не позднее 24 часов с момента окончания обыска, уведомить прокурора и суд по месту производства обыска с приложением протокола и материалов, подтверждающих основания и неотложность его проведения. Судья в срок не позднее 48 часов с момента поступления уведомления проверяет законность, обоснованность и соразмерность произведенного личного обыска и выносит постановление о признании его законным либо об отказе в признании его законным. В случае отказа суда в признании личного обыска законным полученные в результате такого действия предметы, документы и сведения признаются недопустимыми доказательствами, если допущенное нарушение является существенным.

7. Предметы и документы, полученные в результате личного обыска до возбуждения уголовного дела, могут быть признаны доказательствами при условии возбуждения уголовного дела и соблюдения требований настоящей статьи. Существенное нарушение требований настоящей статьи влечет признание результатов недопустимыми доказательствами».

3. Часть вторую ст. 75 УПК РФ дополнить пунктом: «полученные в результате личного обыска до возбуждения уголовного дела с существенным нарушением требований статьи 184.1 настоящего Кодекса».

Для потенциальных субъектов законодательной инициативы предлагаем также проект пояснительной записки и заключение.

«Цель предлагаемой нормы — устранить правовой пробел, при котором фактически необходимое действие проводится под видом личного досмотра. Проект не направлен на произвольное расширение полномочий полиции: он вводит более строгую форму для исключительных неотложных случаев, предусматривает конкретные основания, видеозапись, участие лиц одного пола, протоколирование, вручение копии протокола, прокурорский и судебный контроль.

Принятие нормы позволит повысить сохранность предметов преступления, снизить количество споров о допустимости доказательств, устранить подмену личного обыска личным досмотром и обеспечить баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и правами личности. Сравнительно-правовой опыт подтверждает, что решающим является не наличие формального акта возбуждения уголовного дела, а качество правовых гарантий, сопровождающих вмешательство в сферу личной неприкосновенности».

На основании указанного можно отметить, что введение предлагаемой нормы позволит: устранить подмену личного обыска личным досмотром; повысить эффективность пресечения преступлений на ранней стадии; обеспечить единообразие правоприменительной практики; усилить процессуальные гарантии прав граждан; устранить противоречия, связанные со смешением уголовно-процессуальных, административных и оперативно-розыскных процедур.

Предлагаемое дополнение уголовно-процессуального законодательства направлено на устранение существующего правового пробела. Закрепление возможности проведения личного обыска до возбуждения уголовного дела при наличии строгих условий и гарантий позволит обеспечить баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и соблюдением прав личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чередниченко, Е. Е. Организованная преступность сегодня / Е. Е. Чередниченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 147-151.

2. Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : монография / И.Д. Шатохин, А.Е. Чечетин. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – 206 с.

3. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 384 с.

4. Гусев В. А. Проблемы осуществления личного досмотра граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий // Вестник ВИ МВД России. 2012. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osuschestvleniya-lichnogo-dosmotra-grazhdan-pri-provedenii-operativno-razysknyh-meropriyatiy (дата обращения: 07.05.2026).;

5. Батаев, С. В. О совершенствовании Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" путём введения нового оперативно-розыскного мероприятия "Личный досмотр" / С. В. Батаев // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 6-2(11). – С. 84-88.

6. Оперативно-розыскной закон в судебных решениях: учебное пособие / авт.-сост. Е. В. Кузнецов. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2012. – 120 с.

УДК 343.13

Ю.С. Мандрыка, А.В. Миронова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемные аспекты института приостановления предварительного расследования. Анализируются понятие и сущность приостановления, новые основания, связанные с участием граждан в специальной военной операции (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), а также дискуссионные вопросы деятельности следователя после приостановления дела и правовой природы розыска.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, основания приостановления, розыск обвиняемого, специальная военная операция, деятельность следователя.

Yu.S. Mandryka, A.V. Mironova

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The article discusses the problematic aspects of the institution of suspension of preliminary investigation. The concept and essence of suspension, new grounds related to the participation of citizens in a special military operation (p. 3.1 of part 1 of Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), as well as debatable issues of the investigator's activities after the suspension of the case and the legal nature of the search, are analyzed.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, grounds for suspension, search for the accused, special military operation, investigator's activities.

Институт приостановления предварительного расследования занимает особое место в системе уголовного судопроизводства. С одной стороны, он выступает процессуальным инструментом, позволяющим временно прекратить производство следственных действий при наличии объективных препятствий, не разрешая дело по существу. С другой стороны, массовый характер приостановленных уголовных дел (так называемый «следственный остаток») свидетельствует о проблемах в раскрытии преступлений и эффективности деятельности правоохранительных органов.

Современное состояние правовой регламентации приостановления предварительного следствия характеризуется наличием ряда законодательных новелл и сохраняющихся правоприменительных проблем. В настоящей статье предпринята попытка анализа наиболее острых проблем, возникающих при применении норм главы 28 УПК РФ в части, касающейся непосредственно приостановления, с учетом современных реалий и складывающейся следственной практики.

В юридической литературе приостановление предварительного следствия определяется как «предусмотренный уголовно-процессуальным законом временный перерыв в производстве следственных действий, в течение которого следователь (дознаватель) принимает меры к устранению обстоятельств, способствовавших приостановлению производства расследования по уголовному делу» [9, с. 12]. Представляется наиболее полным определение, согласно которому приостановление предварительного следствия – это установленный законом и оформленный мотивированным постановлением следователя вынужденный перерыв в производстве следственных действий, применяемый по основаниям и при соблюдении условий, предусмотренных УПК РФ, в течение которого уполномоченные органы и должностные лица принимают меры процессуального и непроцессуального характера, направленные на устранение обстоятельств, обусловивших приостановление [6, с. 12].

Ключевым признаком, отличающим приостановление от окончания предварительного расследования, выступает временный характер и направленность на дальнейшее движение уголовного дела. В отличие от прекращения дела, приостановление не разрешает вопрос о виновности лица, а лишь констатирует невозможность дальнейшего производства на данном этапе. Содержание деятельности следователя при приостановлении включает: исследование материалов дела для установления основания приостановления; выявление наличия процессуальных условий; производство всех возможных следственных действий; уведомление участников процесса; принятие мер к устранению обстоятельств, послуживших основанием для приостановления [6, с. 15].

Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ статья 208 УПК РФ дополнена пунктом 3.1, предусматривающим приостановление предварительного следствия в случае призыва подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время, заключения им контракта о прохождении военной службы, а также прохождения военной службы в указанные периоды. Данная новелла, безусловно, обусловлена необходимостью учета реалий специальной военной операции, однако ее применение порождает ряд существенных вопросов.

Во-первых, законодателем не определен перечень документов, подлежащих приобщению к материалам уголовного дела для подтверждения указанных обстоятельств. Анализ ведомственных разъяснений позволяет сделать вывод, что практические работники вынуждены руководствоваться положениями Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», что создает сложности в правоприменении. Согласно сложившейся практике, командованием воинской части в

орган предварительного следствия направляются: при призыве по мобилизации — заверенные печатью военного комиссариата выписка из протокола призывной комиссии и копия зарегистрированного именного списка граждан, подлежащих призыву; при поступлении на военную службу по контракту — выписка из решения комиссии и копия зарегистрированного заявления (рапорта) подозреваемого (обвиняемого) [4, с. 48].

Представляется целесообразным дополнить статью 208 УПК РФ указанием на необходимость приобщения заверенных копий указанных документов. Отсутствие четкой регламентации на уровне процессуального закона создает риски неединообразного применения и последующего признания решений о приостановлении необоснованными.

Во-вторых, возникает коллизия с институтом мер пресечения. Согласно сложившейся практике, при наличии оснований, предусмотренных п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, следователь обязан одновременно с приостановлением следствия вынести постановление об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако закон не регламентирует процедуру взаимодействия с командованием воинских частей по вопросу дальнейшего контроля за таким лицом, а также не определяет порядок действий в случае досрочного прекращения военной службы.

В-третьих, приостановление предварительного следствия по данному основанию может существенно нарушать права потерпевших, особенно в части возмещения имущественного вреда. В отличие от иных оснований, п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ не предполагает активных действий следователя, направленных на восстановление прав потерпевших, что требует дополнительного правового регулирования. Фундаментальным принципом уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, однако при приостановлении по данному основанию механизм возмещения вреда законодательно не проработан.

Анализ следственной практики позволяет выделить ряд типичных ошибок, допускаемых при применении оснований приостановления, предусмотренных ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, при приостановлении по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого) следователи зачастую ограничиваются формальным выполнением следственных действий, не принимая исчерпывающих мер к установлению лица, совершившего преступление. При этом упускается из виду, что условием законности приостановления является производство всех следственных действий, возможных в отсутствие подозреваемого. Как обоснованно отмечается в литературе, приостановление предварительного расследования должно применяться лишь в исключительных случаях, когда исчерпаны все возможные средства доказывания [5, с. 63].

При приостановлении по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо его местонахождение неизвестно по иным причинам) особую сложность представляет вопрос о моменте объявления розыска и его правовой природе. В науке уголовного процесса высказываются различные позиции: от допустимости розыска исключительно одновременно с приостановлением до возможности его проведения как в ходе следствия, так и после приостановления [8, с. 15].

Существует также позиция, согласно которой розыск обвиняемого является обязанностью следователя и должен осуществляться возможными и допускаемыми уголовно-процессуальным законом действиями: путем производства любых следственных

действий, применением мер процессуального принуждения, направлением поручений органам дознания, объявлением розыска [2, с. 93]. Иные авторы обращают внимание на то, что после приостановления расследования следователи осуществляют действия розыскного и поискового характера в рамках уголовного преследования, однако их правовая природа остается дискуссионной [3, с. 72].

Представляется обоснованной позиция, согласно которой розыск для следователя – это процессуальная деятельность, осуществляемая во время производства по делу либо одновременно с вынесением постановления о приостановлении, но не в период приостановления. Данный вывод подтверждается и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, который указывает, что постановление об объявлении розыска должно быть законным, обоснованным и мотивированным, что предполагает его вынесение в рамках действующего производства по делу.

Существенной проблемой является правовая природа деятельности следователя после приостановления предварительного следствия. Часть 3 ст. 209 УПК РФ устанавливает императивный запрет на производство следственных действий, однако часть 2 той же статьи обязывает следователя принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и меры к установлению места нахождения подозреваемого или обвиняемого. Законодатель не уточняет правовой характер таких мер, что порождает дискуссию о допустимости тех или иных действий и создает противоречие в правовом регулировании.

На практике это приводит к тому, что следователи либо вообще устраняются от работы по приостановленным делам, полагая, что любые действия запрещены, либо, напротив, проводят следственные действия, впоследствии признаваемые недопустимыми доказательствами. Так, в апелляционном постановлении Московского городского суда по одному из уголовных дел указано, что все следственные действия, проведенные в период, когда предварительное расследование было приостановлено, подлежат исключению из доказательств, поскольку в силу ч. 3 ст. 209 УПК РФ их производство не допускается.

Разрешение обозначенной коллизии видится в законодательном уточнении характера деятельности следователя по приостановленному делу. На наш взгляд, такая деятельность может носить исключительно организационно-распорядительный и контрольный характер, но не следственный. К допустимым действиям следователя следует отнести: направление поручений органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий; контроль за ходом розыска и периодическое истребование результатов; принятие процессуальных решений, не требующих производства следственных действий (например, о выделении дела в отдельное производство); уведомление заинтересованных лиц о движении дела; истребование характеристик, справок и иных документов, не требующих производства следственных действий.

В научной литературе справедливо обращается внимание на необходимость отграничения процессуальной деятельности следователя от оперативно-розыскной деятельности органов дознания [9, с. 89]. Розыск обвиняемого является комплексным институтом, сочетающим процессуальные и оперативно-розыскные элементы, однако их субъектный состав различен. Следователь организует розыск процессуальными средствами (вынесение постановления, направление поручения), а непосредственное осуществление розыскных мероприятий — компетенция органов дознания.

Для устранения правовой неопределенности целесообразно внести изменения в часть 3 статьи 209 УПК РФ, конкретизировав характер деятельности следователя после

приостановления предварительного следствия.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в части института приостановления предварительного расследования:

1. Дополнить статью 208 УПК РФ указанием на перечень документов, подлежащих приобщению к материалам уголовного дела при приостановлении по п. 3.1 ч. 1 (выписки из решений призывных комиссий, заверенные копии рапортов или заявлений о заключении контракта). Это позволит унифицировать правоприменительную практику и избежать признания решений о приостановлении необоснованными.

2. Внести изменения в часть 3 статьи 209 УПК РФ, конкретизировав характер деятельности следователя после приостановления предварительного следствия. Предлагается следующая редакция: «После приостановления предварительного следствия следователь вправе давать поручения органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий, истребовать результаты розыска, принимать процессуальные решения, не требующие производства следственных действий, а также совершать иные действия организационно-распорядительного характера, направленные на устранение обстоятельств, вызвавших приостановление. Производство следственных действий не допускается».

3. Представляется также целесообразным на законодательном уровне урегулировать вопрос о действии мер процессуального принуждения в период приостановления предварительного следствия, в частности, определить порядок отмены или сохранения таких мер при приостановлении по различным основаниям.

Таким образом, институт приостановления предварительного расследования, несмотря на длительную историю существования и многократные законодательные изменения, продолжает оставаться сферой правовой неопределенности и требует дальнейшего совершенствования как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Предложенные меры позволят повысить эффективность деятельности следователей, обеспечить соблюдение прав участников уголовного процесса и сократить количество необоснованно приостановленных уголовных дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быков В.М., Ломовский В.Д. Приостановление производства по делу. — М.: Юридическая литература, 1978. — 112 с.

2. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. — М.: Юридическая литература, 1981. — 160 с.

3. Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 215 с.

4. Катрыч А.А. Приостановление предварительного следствия в условиях специальной военной операции // Органы предварительного следствия: традиции, современное состояние, перспективы развития: сборник научных трудов по итогам Всероссийского круглого стола. — Ростов-на-Дону, 2025. — С. 46–50.

5. Колосович М.С., Колосович О.С. Обеспечение прав и законных интересов лиц при применении норм института приостановления производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования: учебное пособие. — Волгоград: ВА МВД России, 2007. — 100 с.

6. Мандрыка Ю.С., Малявина А.Б. Процессуальный порядок приостановления предварительного расследования: учебно-методическое пособие. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2025. — 77 с.

7. Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 168 с.
8. Стельмах В.Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. — 2016. — № 10. — С. 15–18.
9. Якубова С.М. Приостановление предварительного расследования по уголовному делу: учебное пособие. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 88 с.

УДК 343.13

Т.Н. Михайлова

ПОДОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

В настоящей статье рассматривается вопрос структурного построения уголовно-процессуального права. На современном этапе развития сложились объективные предпосылки для выделения крупных подсистем уголовно-процессуального права – подотраслей. При этом, не любой нормативный массив, регулирующий ту или иную группу однородных общественных отношений, может претендовать на теоретический статус подотрасли права. Он должен отвечать определенным критериям, иметь отличительные признаки.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, структура права, подотрасли, предпосылки, критерии, признаки.

T.N. Mikhailova

SUB-BRANCHES OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

This article examines the structural structure of criminal procedural law. At the current stage of development, objective prerequisites have emerged for identifying major subsystems of criminal procedural law—subbranches. However, not every body of law governing a particular group of homogeneous social relations can claim the theoretical status of a subbranch of law. It must meet certain criteria and possess distinctive characteristics.

Key words: criminal procedure law, structure of law, sub-branches, prerequisites, criteria, features.

Вопрос структурного построения права относится к числу теоретических и, казалось бы, должен являться предметом внимания и исследования, прежде всего, теоретиков российского права. Однако, выступление заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора В.В. Николюка в рамках международной научно-практической конференции «Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения», посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова (г. Омск, 2024 года), привлекло внимание к данному вопросу и исследователей в области науки уголовно-процессуального права. Профессор отметил, что решение теоретических проблем отраслеобразования должно предполагать обращение и к такому элементу системы права как «подотрасль права», выделение которого будет способствовать обнажению противоречивости и несогласованности как в структуре отрасли права, так и в системе права в целом [1, с. 68, 70].

Бесспорно, современная юридическая наука представлена широким перечнем отраслей права. Как отмечают в своих исследованиях Т.Н. Радько и А.А. Головина, на

современном этапе развития российской правовой науки обсуждается вопрос об отраслевом статусе более ста правовых образований [2, с. 37]. Данный процесс набирает динамические обороты, ставя под сомнение само существование отраслевой модели российского права. Так, А.С. Емельянов в условиях охарактеризованного им «парадигмального плюрализма» подчеркивает недостаточность отраслевой мономодели структурирования правовой системы, переводя стезю исследования в сторону функционального подхода, отражающего качественно иные системные связи в праве [3, с. 8].

Одной из фундаментальных отраслей системы российского права является уголовно-процессуальное право, нормативно-правовые предписания которого направлены на упорядочение общественных отношений, возникающих при производстве по уголовному делу в ходе его расследования, рассмотрения и разрешения, а также при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. Уголовно-процессуальные отношения формируются в связи с уголовно-правовыми отношениями, складываются по поводу данных отношений [4, с. 150]. Уголовно-процессуальное право рассматривается как совокупность правовых гарантий справедливого правосудия и прав личности [5, с. 195].

С позиции системно-структурного подхода уголовно-процессуальное право может быть рассмотрено через сложную многоуровневую систему входящих в ее состав структурных элементов. Под влиянием дифференционно-интеграционных процессов в уголовно-процессуальном праве появляются правовые образования, нормы которых направлены на урегулирование определенной подгруппы, группы, подвида общественных отношений. Ввиду сложного характера компонентов системы формируются предпосылки для возникновения крупных подсистем. Речь идет о подотраслях уголовно-процессуального права.

К сожалению, интерпретация понятия «подотрасль права» в доктрине уголовно-процессуального права требует содержательной детализации. В соответствии с общим учением о праве данный структурный элемент по мнению многих теоретиков не относится к числу обязательных, в связи с чем остается на периферии научных интересов. Однако, в свете активного наращивания нормативного материала, усилившихся процессов интеграции и дифференциации правового регулирования, развития межотраслевых и комплексных правовых образований, необходима интенсификация научных исследований в данном направлении. Подотраслевое строение отрасли уголовно-процессуального права имеет существенный потенциал в вопросах обеспечения системности и целостности правового регулирования по реализации гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Так, в рамках исследования системы советского гражданского процессуального права в своей докторской диссертации более 35 лет назад профессор В.М. Шерстюк отметил, что существующие подотрасли в конкретной отрасли права определяют ее системно-целостный характер [6, с. 284]. Разделяя позицию ученого, отметим, что выделение в рамках отрасли права подотраслевого уровня организации нормативного материала свидетельствует о зрелости отрасли права. Подотраслевая структура уголовно-процессуального права позволяет более детально изучать и анализировать различные аспекты производства по уголовным делам, а также совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство. На основании анализа структурной наполненности уголовно-процессуального права (тенденции к укреплению отдельных институтов и подотраслей) становится возможным прогнозирование дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства

[7, с. 24]. При этом, не каждый нормативный массив, регулирующий ту или иную группу однородных уголовно-процессуальных отношений, может претендовать на статус подотрасли уголовно-процессуального права, в нем должны быть определены закономерности, объективные предпосылки и тенденции для крупной подсистемной интеграции.

На современном этапе развития в уголовно-процессуальном праве в качестве предпосылок для выделения подотраслей, как нам представляется, можно определить следующие:

1. объективные экономические и социальные изменения государства, сопровождающиеся развитием уголовно-процессуальных отношений, обладающих качественным своеобразием и требующих более детального правового урегулирования;

2. усилившиеся процессы дифференциации и интеграции, происходящие в рамках системы национального права;

3. появление значительных по объему, самостоятельных, содержательно целостных и развитых нормативных массивов в рамках уголовно-процессуального права, требующих внутренней систематизации (количественное накопление нормативного материала);

4. наличие специфических приемов регулирования, характерных исключительно для определенного подвида общественных отношений;

5. формальное выражение нормативного массива в отдельных частях системы законодательства (материализация подотрасли как структурного элемента системы права в системе законодательства);

6. признание значимости комплекса нормативно-правовых предписаний для общества и государства;

7. наличие необходимой для выделения подотраслевого уровня организации нормативного материала теоретической базы.

Подотрасли уголовно-процессуального права представляют собой высокий уровень интегрирования нормативно-правового материала, представленный объединением юридических норм одной отраслевой принадлежности, определенными систематизирующими факторами. В качестве признаков подотрасли уголовно-процессуального права могут рассматриваться:

– предметно-функциональный признак (подотрасль уголовно-процессуального права имеет собственное предметно-функциональное назначение, выражающееся в завершенном урегулировании совокупности органически взаимосвязанной однородной группы общественных отношений в пределах сферы правового регулирования отрасли);

– содержательный признак (подотрасль уголовно-процессуального права характеризуется содержательной целостностью и развитостью нормативно-правовых норм);

– организационный признак (подотрасль уголовно-процессуального права имеет внутреннюю организацию нормативно-правовых норм: группирование в субинституты, институты и ассоциации норм);

– признак разработанности понятийного аппарата (подотрасль уголовно-процессуального права имеет собственный терминологический и понятийный аппарат, указывающий на специфику и юридическое своеобразие определенной нормативной общности);

– формальный признак (подотрасль уголовно-процессуального права находит

формальное выражение в отдельных, самостоятельных частях системы уголовно-процессуального законодательства – главе или разделе УПК РФ);

– количественный признак (подотрасль уголовно-процессуального права представляет из себя достаточно большой по объему нормативный массив, который условно может быть разделен на части);

– аксиологический признак (подотрасль уголовно-процессуального права играет значимую роль в обеспечении самостоятельного, целостного и законченного регулирования определенного подвида уголовно-процессуальных отношений, возникающих в ходе производства по уголовным делам).

В одной из своих предыдущих работ, мы высказали позицию относительно применения разработанных теорией критериев подотраслеобразования применительно к комплексу норм и образованных на основании них институтов (субинститутов), регулирующих уголовно-процессуальную деятельность (уголовное судопроизводство) с участием несовершеннолетних. Ввиду ярко выраженной специфики предмета и метода правового регулирования, обусловленного субъектным составом, а также правового режима, действующего в отношении несовершеннолетних, в структуре уголовно-процессуального права данное правовое образование долгое время рассматривалось с позиции сложного правового института особого назначения и содержания. Сложные правовые институты в большинстве своем, при определенном динамичном развитии, как нам представляется, выступают предвестниками образования более крупных подсистем уголовно-процессуального права [8, с. 266, 267]. На современном этапе развития уголовно-процессуальное право достигло определенной содержательной целостности для интеграции рассматриваемого комплекса уголовно-процессуальных норм на подотраслевом уровне структурирования уголовно-процессуального нормативного материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николюк В.В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 68-75.

2. Радько, Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 34-40.

3. Емельянов А.С. Перспективы развития системы российского права // Российская юстиция. – 2025. – № 2. – С. 8-14.

4. Муравьев К.В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В.В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3(98). – С. 145-155.

5. Ляхов Ю.А. Гуманизация уголовного процесса - генеральная задача российского уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1(17). – С. 194-197.

6. Шерстюк В.М. Основные проблемы системы гражданского процессуального права : дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1989. – 399 с.

7. Виноградова В.А. Меры уголовно-процессуального принуждения в контексте развития уголовно-процессуального законодательства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 4(36). – С. 19-31.

8. Михайлова Т.Н. Подотрасли уголовно-процессуального права: постановка проблемы // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 262-268.

УДК 343.1

М. Д. Назарова

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ СТАТЬИ 167 УПК РФ

В рамках настоящей статьи рассматриваются теоретические предписания и практика применения статьи 167 УПК РФ. Автор делает акцент на удостоверении отказа от подписания протокола следственного действия по личному волеизъявлению лица.

Ключевые слова: отказ от подписи; правоприменительная практика; волеизъявление лица; следственное действие; видеофиксация.

M. D. Nazarova

ISSUES OF APPLICATION AND INTERPRETATION OF ARTICLE 167 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the theoretical provisions and practice of applying Article 167 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author focuses on the certification of a person's refusal to sign a protocol of an investigative action based on their personal will.

Keywords: refusal to sign; law enforcement practice; personal will; investigative action; video recording.

Одной из ключевых задач уголовного судопроизводства, является сохранение баланса между публичными и частными интересами. Механизм фиксации хода и результатов следственных действий, в частности ведение протокола следственного действия, является одним из средств достижения баланса между упомянутыми интересами.

Положения статьи 167 УПК РФ призваны гарантировать объективное отражение в материалах уголовного дела позиции участника, который не согласен с содержанием протокола следственного действия или же в силу физического состояния не способен его подписать. Однако, теоретическое осмысление и практическая апробация рассматриваемой нормы демонстрируют наличие изъянов в ее содержании.

В соответствии с положениями ст. 167 УПК РФ законодателем предусмотрено два варианта, когда субъект, производящий следственное действие может не получить подпись лица, в отношении которого оно производится. К таковым относится:

1) волевой отказ – участник следственного действия выражает свою волю в форме отказа от подписания протокола. Такой отказ носит осознанный и мотивированный характер, обусловленный личными причинами (к примеру, несогласие с содержанием протокола; иные личные причины);

2) отсутствие физической возможности, в силу объективных обстоятельств, не зависящих от воли лица[1].

Вопросы, связанные с удостоверением не подписания протокола в силу физических особенностей лица в рамках настоящей статьи не будут подлежать рассмотрению. Наиболее интересными, видятся вопросы, возникающие в процессе удостоверения отказа от подписи протокола следственного действия по личному волеизъявлению лица.

Законодатель в ч.1 ст. 167 УПК РФ предусматривает варианты удостоверения отказа от подписи лица. Итак, отказ от подписи в протоколе следственного действия может быть удостоверен: подписью следователя, защитника, представителя и понятых. В случаях, когда следственное действие производится с участием понятых (например, следственный эксперимент, проверка показаний на месте), то вопросов применения рассматриваемой нормы не возникает. А как быть в случаях, когда свидетель отказывается от подписания протокола допроса? По общему правилу, допрос производится без участия понятых. Допрос свидетеля в свою очередь производится «один на один» с лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Анализ правоприменительной практики показывает, что практическими сотрудниками заявленная проблематика разрешается несколькими способами:

1) удостоверение факта следователем (дознавателем): лицо, производящее следственное действие, фиксирует отказ от подписи собственной подписью, сопровождая это соответствующей пояснительной надписью *(гражданин И. от подписи отказался);*

2) удостоверение факта понятыми: факт отказа удостоверяется подписями незаинтересованных лиц – понятых, которые подтверждают содержание пояснительной надписи лица, производившего следственное действие;

3) Применение средств видеофиксации: отказ от подписи удостоверяется должностным лицом с одновременным применением видеофиксации, которая служит объективным подтверждением факта и обстоятельств отказа.

Тезисно прокомментируем тенденции правоприменительной практики. Итак, применение первого и второго способа видится достаточно спорными. Лицо, производящее следственное действие, является заинтересованным лицом, в связи, с чем удостоверения отказа от подписания лишь подписью следователя (дознавателя) нецелесообразно. Удостоверение понятыми тоже сомнительно, поскольку они не присутствуют при производстве следственного действия от начала до конца, соответственно не смогут должным образом удостоверить мотивы отказа лица. Применение видеофиксации при отказе от подписи протокола следственного действия видится более рациональным, поскольку позволит исключить злоупотребление со стороны должностных лиц. Однако, внедрение такого способа удостоверения отказа требует детальной проработки.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). СПС: КонсультантПлюс.

УДК 343

Н.А. Назырова

ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Эмпирические исследования следственно-судебной практики свидетельствуют о том, что первичные показания подозреваемого наиболее часто отвечают признакам достоверности. Достоверные признательные показания подозреваемого оказывают влияние на вариативность правовых последствий для данного участника в вопросах привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания. Такая взаимосвязь характерна для расследования и судебного разбирательства всех видов преступлений, включая незаконное образование юридического лица. Получение достоверных признательных показаний подозреваемого, которые в дальнейшем могут быть использованы как источник доказательств, возможно только при соблюдении уголовно-процессуальных норм и криминалистических рекомендаций при производстве допроса.

Ключевые слова: показания, предмет доказывания, методика расследования, незаконное образование юридического лица, подозреваемый, правовые последствия.

N.A. Nazyrova

TESTIMONY OF THE SUSPECT IN THE COMMISSION CRIMES ON THE FACTS OF ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY: CRIMINAL PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS

Empirical studies of investigative and judicial practice indicate that the primary testimony of a suspect most often meets the criteria of reliability. Reliable confessions of the suspect have an impact on the variability of the legal consequences for this participant in matters of criminal prosecution and sentencing. This relationship is typical for the investigation and trial of all types of crimes, including the illegal formation of a legal entity. Obtaining reliable confessions of a suspect, which can later be used as a source of evidence, is possible only if the criminal procedure rules and criminalistic recommendations are followed during the interrogation.

Keywords: testimony, subject of evidence, investigation methodology, illegal formation of a legal entity, suspect, legal consequences.

Показания подозреваемого являются одним из предусмотренных доказательств для установления обстоятельств, имеющих значение для принятия правового решения в уголовном судопроизводстве. В науке и действующих нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ) показания данного участника уголовного процесса не отнесены к числу приоритетных и подлежат оценке для установления их достоверности по общим правилам с учетом совокупности других собранных доказательств по делу. Более того, подозреваемый как участник стороны защиты не несет уголовно-правовой ответственности за отказ от дачи показаний либо

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 09 апреля 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

сообщение заведомо ложных сведений. Доказывание по уголовному делу может быть осуществлено и при отсутствии показаний подозреваемого, как и показаний такого лица в его последующих правовых статусах. Вместе с тем достоверные показания подозреваемого представляют важность и для самого рассматриваемого участника, и для уголовного судопроизводства в целом. Представляется правильным выделить несколько взаимообусловленных аспектов ценности достоверных показаний подозреваемого:

1) минимизация сроков для реконструкции обстоятельств расследуемого преступного события в случае причастности заподозренного лица к его совершению (вина, мотивы, способ, время, орудия и другие) либо получение сведений, свидетельствующих о неправильности выдвинутой следственной версии о причастности данного лица;

2) выявление иных фактов преступной деятельности;

3) возможность своевременного принятия мер по возмещению причиненного вреда (к примеру, изъятие похищенного имущества в местах его сбыта либо в местах, используемых для его сокрытия (при достоверных признательных показаниях));

4) возможность реализации подозреваемым права на активное способствование посредством дачи признательных показаний в раскрытии и расследовании преступления, которое впоследствии будет учтено как смягчающее обстоятельство в соответствии с пунктом «и» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ), а равно установление иных смягчающих обстоятельств, выявление которых было бы затруднительно без признательных показаний подозреваемого;

5) возможность подачи ходатайства о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования или в судебном разбирательстве (при выполнении иных предусмотренных дополнительных условий, касающихся категории совершенного преступления, личности привлекаемого к уголовной ответственности и некоторых других);

6) возможность подачи ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме при соблюдении иных обязательных условий к данной форме проведения дознания;

7) возможность подачи ходатайства о проведении судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главами 40 и 40.1 УПК РФ;

8) возможность применения к лицу соответствующего примечания (при его наличии для используемой уголовно-правовой нормы), предусматривающего освобождение от уголовной ответственности. Изложенные выводы позволяют осмыслить уголовно-процессуальный аспект значимости достоверных показаний подозреваемого. В то же время необходимо помнить, что приведенные правовые последствия, возникающие в связи с дачей признательных достоверных показаний подозреваемым, в большинстве случаев нивелируются при дальнейшем отказе от таких показаний. Часть 2 статьи 75 УПК РФ предусматривает положение об исключении показаний подозреваемого из доказательственной базы в связи с признанием их в качестве недопустимых доказательств, если лицо в статусе подсудимого отказалось от них, а показания были получены без участия защитника. Показания подозреваемого могут быть признаны как недопустимые доказательства и при установлении фактов

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 09 апреля 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

нарушения прав подозреваемого в процессе получения от него показаний органом предварительного расследования. Таким образом, при получении показаний у подозреваемого следователю, дознавателю необходимо не только обеспечить соблюдение уголовно-процессуальных требований производства допроса, но и пролонгировать волеизъявление лица давать достоверные показания на весь срок разбирательства по делу, оказать ему содействие в припоминании (активизации памяти) отдельных забытых обстоятельств, убедить его в целесообразности дачи достоверных показаний, в случаях занятия им позиции отказа от дачи показаний или при их ложности. Кроме того, при намерении подозреваемого дать достоверные показания требуется получить исчерпывающие сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания применительно к расследуемому виду преступления, используя разработанные методики расследования отдельных видов преступлений. Речь идет о ценности применения криминалистических знаний в деятельности органа предварительного расследования при производстве допроса с целью получения такого доказательства как показания подозреваемого.

Глубокая связь науки уголовного процесса и криминалистики во всей многогранности ее проявлений отмечается в научных исследованиях [1, с. 44], а также находит свое подтверждение в правоохранительной и судебной практике.

Рассмотрим на примере допроса лица, который подозревается в совершении незаконного образования юридического лица, как теоретические утверждения согласуются с практической деятельностью и судебной практикой. Показания должны отражать полноценно-исчерпывающую когницию всех аспектов и нюансов случившегося [2, с. 122]. Получение показаний подозреваемого представляет собой целенаправленную беседу с последующей фиксацией полученных сведений в протоколе, которая должна затронуть все обстоятельства, входящие в специфичный предмет доказывания при расследовании и рассмотрении уголовного дела о совершенном незаконном образовании юридического лица. «Структура криминалистической характеристики исследуемого преступления включает в себя: способ совершения преступления; механизм следообразования; обстановку совершения преступления; типичные личностные особенности преступника и подставного лица; цель совершения преступления» [3, с. 13]. С учетом данной структуры при допросе подозреваемого необходимо выделить несколько блоков вопросов: обстоятельства предоставления документов в регистрирующий орган и иные предшествующие и последующие действия подставного лица, приведшие к незаконному образованию юридического лица; сведения о соучастниках преступления; сведения о целях образования фиктивного юридического лица и осуществляемой им деятельности. Включение в обстоятельства, подлежащие выяснению у подозреваемого, вопросов, связанных с деятельностью фиктивного юридического лица обусловлены ее возможным преступным характером, причиненным вредом в результате такой деятельности, необходимостью установления его размера [4, с. 319]. Выявление рассматриваемого вида преступлений имеет определенную давность к преступным событиям, которые вызывают необходимость использования при допросе тактических приемов, направленных на активизацию памяти допрашиваемого. Признательные достоверные показания подозреваемого – подставного лица в совершении незаконного образования юридического лица при активном способствовании в раскрытии и расследовании преступления могут служить основанием применения к лицу примечания 2 к статье 173.1 УК РФ и прекращению уголовного дела. Примером может служить постановление суда, прекратившего уголовное дело в отношении ФИО,

признавшего, что до момента ее допроса ни налоговой службой, ни правоохранительными органами не были получены достоверные сведения, дающие основания подозревать ФИО в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ[1] . ФИО сообщила о своей номинальности в качестве директора, об обстоятельствах представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, о совершении преступления в группе с иным лицом, с указанием роли каждого, дала правдивые и полные показания, способствовавшие раскрытию и расследованию преступления и положенные в основу обвинения и постановления, повлиявшие на квалификацию ее действий. В свою очередь лицо, организовавшее незаконное образование юридического лица, давая достоверные признательные показания может ходатайствовать о применении к нему одного из правовых оснований, позволяющего прекратить в отношение него уголовное преследование, освободить от наказания либо снизить его.

Безусловно, что вопросы о прекращении уголовного дела, прекращении уголовного преследования, выбора вида наказания, снижения его размеров, освобождения от наказания разрешаются индивидуально с учетом ряда предусмотренных факторов. Не исключением являются лица, чья причастность установлена за совершение незаконного образования юридического лица, то есть преступления, которое в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков относится к преступлениям небольшой или средней тяжести. Однако достоверные признательные показания подозреваемого учитываются при принятии итогового решения, что обуславливает необходимость таких разъяснений лицу при первом его допросе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов О. П. «Противодействие расследованию преступлений» как криминалистическая категория в трудах профессора В. П. Лаврова // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 41-49.

2. Россинский С. Б. Формы предварительного расследования по уголовному делу: есть ли основания для дифференциации? // Искусство правоведения. 2025. № 1. С. 117–124.

3. Назырова Н. А. О методике расследования незаконного образования юридического лица. Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2023. 176 с.

4. Назырова Н. А. Обеспечение законности в досудебном производстве при расследовании незаконного образования юридического лица // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С.313–321.

[1] Постановление Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 1-217/2025 от 20 октября 2025 г. по делу № 1-217/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ag5vWcalBarQ/ (дата обращения: 10.05.2026)

УДК 343.13

В. В. Николюк

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ УПК РОССИИ XXI ВЕКА: СТРАТЕГИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема необходимости принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе мнений практических работников выявляются ключевые недостатки действующего УПК РФ

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, судебная реформа, кодификация, уголовное судопроизводство.

V. V. Nikolyuk

PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT AND ADOPTION OF THE 21ST-CENTURY RUSSIAN CODE OF CRIMINAL PROCEDURE: IMPLEMENTATION STRATEGY

Abstract. The article examines the issue of the need to adopt a new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Based on the views of practitioners, key shortcomings of the current Code are identified.

Keywords: criminal procedural legislation, judicial reform, codification, criminal proceedings.

Большинство участников непрерывно ведущихся на разных площадках страны дискуссий о будущем уголовно-процессуального законодательства и конкретно по вопросу «Нужен ли нам новый УПК России и если да, то каким он должен быть»?», придерживаются одной из трех позиций:

1) новый УПК России не нужен, достаточно своевременно осуществлять точечные поправки (прагматико-эволюционное направление);

2) нужен новый УПК России, но как переработанный действующий кодекс (модернизационно-системное направление);

3) нужен принципиально новый кодекс с иной архитектурой процесса (радикально-реформаторское направление).

Ментально и на интуитивном уровне в обществе, как представляется, формируется предпочтение граждан «заполучить» новый УПК России, который должен быть лучше действующего в плане поддержания баланса, равновесия частных и публичных интересов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Здесь проявляется определенный парадокс. Результаты проведенных исследований среди профессиональных юристов, работающих в органах предварительного расследования, органах, компетентных проводить ОРМ, экспертов, прокуроров, судей, являющихся сторонниками принятия нового УПК России, указывают на следующие интересные обстоятельства: три из четырех респондентов занимают безальтернативную позицию, исключающую их непосредственное участие в рабочей группе по подготовке нового УПК России, если бы такое предложение реально поступило.

Вместе с тем, опрошенные практические работники правоохранительной сферы видят основные недостатки именно УПК как закона, регулирующего соответствующие общественные отношения, отличая их от недостатков правоприменения. Приведем их в последовательности, определяемой количеством упоминаний о каждом из них в ответах респондентов как о причинах замены УПК РФ.

1. Ограниченная возможность сделок и гибких процедур.

2. Сильная формализация следственных действий и сроков.

3. Возведение в абсолют публичного интереса в раскрытии преступления, обусловливающее «не детскую игру в считалки» - борьбу за необходимую «цифру». Разросшееся статистическое шельмование по накалу игры сродни подпольным «Казино». Победители «статистического шельмования» гарантируют себе-комфортное пребывание в цифровой среде.

4. Действующий УПК РФ перегружен поправками, излишне детализирован, что делает его еще более формальным и затратным. Десятки процессуальных ритуалов бессмысленны и дискредитируют «справедливое правосудие» или «объективного» следователя либо оперативника, сажающего очередного вора в тюрьму.

5. Потребность в новой телеологии процесса, т.е. в определении четких целей уголовного судопроизводства.

6. Недостаточно взаимодействуют политика полного отрицания «процессуального Запада» и политика «разумного заимствования» зарубежного опыта применения законодательства об уголовном судопроизводстве. Отношение и использование сравнительного метода исследования зиждется на следующем безальтернативном подходе: или все либо ничего.

Реализация мер, направленных на проведение работ, связанных с принятием УПК России XXI века, представляет большие сложности в ходе их практического внедрения. Дальнейшее использование ставшего уже фактически неким шаблоном или даже «образцом» прохождения подобного рода законопроектов в рабочей группе и непосредственно в парламенте, где «растворяется и исчезает» любая интрига, а ожидание прогрессивных новелл в обновляемом законодательстве - исключительная редкость». Сам законотворческий процесс выхолащивается, камуфлируется формальными заседаниями рабочей группы с регламентом доклада до 1-3 мин. Допарламентский этап работы с законопроектами жестко контролируется администрацией Президента РФ, рискует обернуться при низком качестве законодательства большими ресурсными затратами, в том числе временными.

В этой связи, напрашиваются совершенно новые оригинальные разработки оптимального текста УПК России, четкого определения его межотраслевых связей. Принципиально должен быть изменен алгоритм поэтапного движения собранного рабочей группой «предпроектного» материала к законопроекту, от правоприменителя к законодателю, а в случае необходимости – их оперативного взаимодействия. Нуждаются в уточнении пределы контроля за законотворчеством со стороны администрации Президента РФ.

В связи с изложенным предлагается следующая технология работы по подготовке и принятию УПК России XXI века (в данной статье особое внимание уделено этапам признания в обществе необходимости реформирования уголовно-процессуального законодательства, принципам формирования рабочей группы по разработке текста УПК России и представления его законодателю). Процедуры непосредственного прохождения законопроекта в парламенте объективно признаются более «продвинутыми» и не требуют специального дополнительного регулирования, в связи с чем в статье детально не анализируются.

1. Согласно положениям ст. 101 Конституции России должна быть создана парламентская комиссия, перед которой ставятся задачи: организовать и провести мощную аналитику по изучению среды функционирования («выживания») уголовного судопроизводства с оценкой способности правоохранительных и правоприменительных органах, судов, хотя бы «удовлетворительно» реализовать, отведенное им назначение.

2. Результаты изучения уголовно-процессуальной деятельности, связанной с

нарушением практически всех конституционных прав граждан, в том числе рассмотрение феномена длительных досудебных арестов, в обязательном порядке должны пройти обсуждение на заседаниях Государственной Думы Федерального Собрания РФ в рамках специализированного доклада.

3. По итогам заслушивания доклада комиссии принимается одно из следующий решений:

3.1. На период до … года констатировать отсутствие оснований для реформирования российского уголовно-процессуального законодательства с принятием нового УПК России.

3. 2. Признать целесообразным принятие нового УПК России и связанных с ним законов (в срок, например, до 2030 года).

В порядке реализации данного решения потребуется разработать механизм поэтапного прохождения указанных законов в Федеральном Собрании Российской Федерации. При этом введение в действие данной группы законов осуществлять по мере формирования надлежащей инфраструктуры (информационные, нормативно-правовые, ресурсные и другое). В рамках исполнения постановления Государственной Думы Российской Федерации по подготовке и принятию УПК России XXI века предусматривается создание рабочей группы ведущих ученых, специалистов в области уголовного судопроизводства и судоустройства. Руководитель рабочей группы назначается Правительством Российской Федерации по представлению Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Руководителем рабочей группы не может быть должностное лицо, обладающее властно-распорядительными полномочиями и занимающее руководящие административные должности.

Приоритетной задачей рабочей группы, исходя из сути предлагаемого подхода к написанию текста нового УПК России, является разработка Концепции совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства и связанного с ним законодательства о судебной власти.

Нормы доктринального проекта УПК России как итогового документа рабочей группы должны отражать реально происходящие в обществе и государстве процессы, которые, в свою очередь, приоритетно базируются на сведениях, накапливаемых управленческо-информационными структурами, максимально приближающие разработчиков УПК России к реальному правоприменению (сведения, представляемые ФСБ России, содержащиеся в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека РФ, отчетах Генерального прокурора в Совете Федерации, материалах коллегии СК РФ, МВД и ФСИН России, правовых позициях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ).

Для обеспечения преемственности в законопроектной работе в обязательном порядке учитываются проекты УПК (СССР, РФ), уже бывшие предметом изучения при принятии предыдущего кодекса. В любом случае представляемые в рабочую группу сведения будут неполными, если останутся неизученными Концепции развития российского законодательства, разрабатываемые специалистами Института российского законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

В настоящий момент институт подготовил и обнародовал восемь таких документов, последний из них – в 2024 году. Принципиально названный документ можно считать научным политико-правовым источником, определяющим во многом содержание уголовно-процессуальной политики. Положения такой Концепции предопределяют, исходя из ее назначения, направления и временные параметры совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Если наблюдаются

существенные расхождения межу прогнозируемым и фактическим законодательством, то можно не сомневаться: ситуация вышла из-под контроля.

Для ученых с именем, да и просто научных сотрудников, престижным, значимым всегда считалась подготовка научно-практических рекомендаций для правоприменителя и предложений по совершенствованию действующего законодательства. Однако юридическая наука слаба для того, чтобы быть на «законотворческом небосклоне» путеводной звездой. Возникающие как грибы в лесу теории различных институтов, уголовно-процессуальных производств с объективно присущими им собственными стадиями, не позволяют четко представить оправданность именно реализованной в УПК РФ структуры уголовного процесса, фактически сохраняя понятие «уголовные дела первостепенной и второстепенной важности».

В обществе и государстве, способных не только выслушать своих граждан по вопросам, задаваемым о будущем их России (например, до какой степени уголовное судопроизводство в части производства по упрощенным уголовным делам) под воздействием цифровых технологий будет трансформироваться и в итоге окончательно превратится в обыкновенную канцелярскую процедуру, которой не требуется доказывания (их доля составляет до 60-65 % от общего количества рассматриваемых судами уголовных дел), но и правильно реагировать в интересах граждан и организаций (примером этому могут быть принятые законодателем поправки к УПК чрезвычайно-процессуального характера («военно-процессуальные нормы»), официальным властям и крайне расчетливой элите необходимо проявить исключительную заинтересованность и ответственность за реформу уголовно-процессуального законодательства, сделав в возможно предстоящей его кодификации ставку на первый ее этап – принятие решения о кодификации и представление рабочей группой законодателю детально проработанного ею доктринально-проектного материала.

Кстати, судебная реформа 1864 года запускалась еще на более высоком уровне. Высочайший указ Александра второго от 29 сентября 1862 года утвердил «Основные положения преобразования судебной части в России» и поручил разработать проекты судебных уставов в течение двух лет с представлением их в Государственный совет с предварительным одобрением Постоянной комиссии составления законов. Комиссия обращала пристальное внимание преодолению включения в тексты судебных уставов норм, оторванных от практики, по своей сути являвших абстрактное теоретизирование.

УДК 343.98

О.В. Носова

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье анализируется диспропорция между ростом регистрируемых преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков, и снижением числа выявляемых лиц. На основе судебной практики выделены два основных направления снабжения подпольных нарколабораторий, различающихся по модели противоправного поведения. Особое внимание уделено документированию подготовительных этапов наркопроизводства. Обоснована целесообразность создания государственной цифровой платформы для отслеживания химических веществ и оборудования, а также предложены меры по усилению оперативного мониторинга коммерческих сделок в данной сфере.

Ключевые слова: незаконное производство наркотиков, документирование преступлений, прекурсоры, лабораторное оборудование, B2B-площадки, контрабанда, цифровая платформа.

O.V. Nosova

ON THE ISSUES OF DOCUMENTING CRIMES RELATED TO ILLICIT PRODUCTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

The article analyzes the disproportion between the growth of registered crimes related to illicit drug production and the decline in the number of identified persons. Based on judicial practice, two main channels of supplying clandestine drug laboratories are distinguished, differing in their pattern of criminal behavior. Special attention is paid to documenting the preparatory stages of drug manufacturing. The feasibility of creating a state digital platform for tracking chemical substances and equipment is substantiated, and measures to strengthen operational monitoring of commercial transactions in this area are proposed.

Keywords: illicit drug production, documenting crimes, precursors, laboratory equipment, B2B platforms, smuggling, digital platform

Незаконное производство наркотических средств и психотропных веществ – наиболее влиятельный сектор наркобизнеса, определяющий его масштабы. Наряду с этим, это один из самых латентных и трудно документируемых видов наркопреступлений.

Статистические сведения ГИАЦ МВД России за 2023–2025 годы[1] позволяют оценить динамику противодействия данным преступлениям, а также выявить тенденции развития правоприменительной практики.

Число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ), демонстрирует ежегодный умеренный рост: на 2,5% в 2023 году, на 11,1% в 2024 г. и на 2,6% в 2025 г. Однако количество выявленных лиц, напротив, снижается, и в 2025 году достигло минимальных значений за последние три года, сокращение этого показателя за январь-декабрь 2025 года составило 30,5%. При этом число уголовных дел, приостановленных по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого), остается стабильно высоким и составляет около 55–60% от числа зарегистрированных. Подобная диспропорция между регистрацией и раскрываемостью свидетельствует о том, что значительная часть нарколабораторий выявляется без задержания всех участников преступной деятельности.

Современные исследования доказывают, что наркопроизводство – это сложный бизнес-процесс, где закупки прекурсоров, необходимых химических веществ и оборудования — лишь один из этапов. При изучении этого вопроса уместно обратиться к работам Земцовой С.И. Она особо выделяет роли «организатора» и «поставщика» в преступной группе, которые организуют каналы для приобретения лабораторного оборудования, прекурсоров и «наркоконструкторов», в том числе через интернет-магазины

[1] Сборники по России о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь-декабрь 2023, 2024, 2025 года // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России. URL: https://svps.mvd.ru/ (дата обращения: 1.05.2026).

и с применением мер конспирации (TOR, VPN) [1, с. 99-100].

Дальнейшее исследование этого вопроса показывает, что деятельность «организаторов» и «поставщиков», ввиду правовой двойственности используемых для наркопроизводства веществ и инструментов, подразделяется на два принципиально разных направления: первое – это нелегальные поставки запрещённых к обороту прекурсоров (например, 2-бром-1-(4-метилфенил)пропан-1-он, основной компонент для синтеза мефедрона, включенный в Список I[1]), второе – использование легальных коммерческих площадок для приобретения подконтрольных[2] и неподконтрольных химических веществ (например, таких как этилацетат[3]), а также оборудования двойного назначения (например, промышленные химические реакторы[4]).

В первом случае «организатор» или «поставщик», действуя вне правового поля, вынужден применять меры конспирации и сокрытия. Во втором случае деятельность осуществляется в правовом поле на основе модели легальной электронной коммерции B2B (Business-to-Business), предполагающей продажу товаров от одного юридического лица (или ИП) другому юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю.

Эти выводы коррелируют с результатами анализа судебной практики.

Один из первоначальных этапов организации нелегального производства мефедрона раскрыт в уголовном деле № 1-247/2025[5], рассмотренном Люберецким городским судом Московской области в апреле 2025 года.

Прекурсор 2-бром-1-(4-метилфенил)пропан-1-он массой 324,6 кг был перемещён из Казахстана на транспортном средстве Mercedes-Benz с прицепом под видом товаров народного потребления (автозапчасти, бытовые принадлежности и т.п.). Фактически груз состоял из 13 картонных тубусов цилиндрической формы с металлическими кольцами, внутри которых находились прозрачные полимерные пакеты. Груз доставлен на территорию РФ через торговый комплекс «Южные Ворота» (Московская область), после чего с помощью неосведомлённого водителя-курьера

---

[1] Список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список I): постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список IV): постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2026).

[3] Этилацетат, как сложный эфир, используется в нелегальных нарколабораториях преимущественно как растворитель (реакционная среда) и экстрагент на различных стадиях процесса. Доступность, невысокая стоимость и продажа в хозяйственных и строительных магазинах делают его одним из самых распространенных органических растворителей в кустарных синтезах.

[4] Данные реакторы являются стандартным оборудованием, которое свободно продается у официальных поставщиков и применяется в химической, фармацевтической и пищевой отраслях. В подпольных нарколабораториях такой реактор является центральным элементом для серийного, масштабного производства, позволяет синтезировать десятки килограммов наркотиков за один цикл.

[5] Приговор Люберецкого городского суда (Московская область) от 2 апреля 2025 г. по уголовному делу № 1-247/2025 // sudact.ru/regular/doc/IivtZowOnsxw/

помещён в заранее арендованный контейнер. Организатором поставки были приняты меры по ведению контрнаблюдения за перемещением груза. Специально нанятый «наблюдатель» сопровождал грузовой автомобиль и осуществлял контрнаблюдение за территорией промзоны, поддерживая связь с группой и проверяя отсутствие слежки.

Обвиняемый по данному уголовному делу выполнял функции «оператора» на территории РФ: подыскивал и арендовал склады (ангар, жилые помещения) с использованием поддельного паспорта, обеспечивал получение груза в контейнере, должен был переупаковать прекурсоры и направить их в лаборатории и иным адресатам, используя грузовые такси.

Коммуникация организаторов с исполнителем-оператором велась исключительно через защищённые мессенджеры. Документирование преступления осуществлялось с помощью ОРМ «контролируемая поставка» в сочетании с «наблюдением» и «обследованием помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

При этом личность организаторов так и осталась неустановленной, а уголовное дело в отношении них выделено в отдельное производство. «Наблюдатель» также не привлечен к уголовной ответственности, при этом он активно препятствовал следствию, его точная роль в иерархии группы и доказательная база фрагментарны, так как связь с организаторами осуществлялась только через анонимные мессенджеры, и она не зафиксирована в момент передачи указаний.

Другое уголовное дело (№ 2-93/2025[1]), рассмотренное Московским областным судом в 2025 году, также наглядно демонстрирует характерные особенности подготовительного этапа организации наркопроизводства.

Обвиняемый и его соучастник действовали как «химики-логисты»: на основании указаний кураторов они подыскали изолированное нежилое помещение в промышленной зоне (Богородский городской округ Московской области на территории ЗАО «Мамонтово»), арендовали его, провели переоборудование под стационарную нарколабораторию и произвели мефедрон (более 7,5 кг в кристаллическом виде и 26,9 кг в пересчёте на сухой остаток). Несмотря на то, что поводом к возбуждению уголовного дела послужила информация, полученная в результате оперативно-розыскных мероприятий, деятельность иных лиц, причастных к организации нарколаборатории, не задокументирована, в отношении неустановленных лиц выделены уголовные дела в отдельное производство.

При этом кураторы (организаторы) под псевдонимами поддерживали связь через мессенджеры, обеспечили поставку через тайники-закладки основного запрещенного к обороту прекурсора для синтеза мефедрона (ВК-4, входит в Список I[2]), а поставку оборудования и иных прекурсоров (метиламин[3]), и химических веществ

[1] Приговор Московского областного суда от 10 апреля 2025 года по уголовному делу № 2-93/2025 //sudact.ru/regular/doc/ZHhtCg1jw6Vc/

[2] Список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список I): Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2026).

[3] Метиламин в концентрации 40% и более внесен в Таблицу III Списка IV Перечня наркотических средств, подлежащих контролю в РФ (утв. Постановлением Правительства РФ № 681), однако это один из "строительных блоков" для синтеза множества других веществ,

(бромистоводородная кислота, «ИПС»-растворитель, «ДХМ»-растворитель) осуществили отдельной партией, которую обвиняемые забрали из гаража, указанного им куратором. Кроме того, часть реагентов и инструментов обвиняемые закупили самостоятельно. Очевидно, что закупки и поставки осуществлялись по двум обозначенным выше направлениям. В нарколаборатории была изъята специализированная лабораторная посуда и оборудование, которое находится в свободной продаже. Среди них: колба Бунзена; составные части реактора и нутч-фильтр, представляющие собой металлическую передвижную конструкцию на колесах с нагревательной ванной, блоком управления, электродвигателем и контроллером; змеевиковый (спиральный) холодильник из бесцветного прозрачного стекла; мотор-редуктор и др.

Перечисленное оборудование можно приобрести в специализированных российских интернет-магазинах лабораторного оборудования и химической посуды (например, reahimlab.ru, chem-ex.ru, 2glass.ru, laborio.ru). Основные производители — это специализирующиеся на лабораторном и промышленном оборудовании компании, продукция которых широко представлена на различных онлайн-маркетплейсах международного уровня. Среди них: Alibaba.com[1], IndiaMART[2], LabX[3] и другие. Причем китайские и индийские поставщики на B2B платформах активно предлагают услугу «разбивка партии». Вместо 100 кг химических реактивов единой посылкой, товар дробится на 50 отправлений по 2 кг в адрес 50 разных пунктов выдачи заказов в России. Для ФТС России это 50 отдельных деклараций с товарами «низкого риска» (стоимость менее 200 евро, вес до 31 кг). Внимание к таким отправлениям минимально.

Безусловно и на этом направлении преступной цепочки широко используются меры конспирации. Например, использование фирм-прокладок, которые работают на внутренних российских B2B площадках, или осуществление платежа через систему AliPay и P2P-обменники, когда оплата за товар происходит через посредников с помощью криптовалюты. Тем не менее эти операции происходят более или менее легально и представляют оперативный интерес, поскольку позволяют установить «поставщиков» и «организаторов».

Учитывая изложенное, дальнейшее исследование этого вопроса целесообразно осуществлять в двух направлениях.

Первое – решение проблемы выявления и пресечения поставок прекурсоров, запрещенных к обороту. Зачастую эта сфера выходит за рамки российской системы контроля, а причинами и условиями организации таких трансграничных каналов

что делает его незаменимым в целом ряде отраслей: фармацевтике, сельском хозяйстве, химической промышленности.

[1] Alibaba.com – это самая известная и масштабная глобальная B2B-платформа, основанная в 1999 году. Она предлагает огромный выбор товаров, среди которых значительную долю составляет промышленное и лабораторное оборудование. URL: https://www.alibaba.com/

[2] IndiaMART – крупнейшая индийская B2B-платформа, которая изначально не специализируется только на лабораторном оборудовании, однако на ней представлены тысячи индийских производителей и экспортеров лабораторной посуды, реакторов, аналитических приборов и расходных материалов. Это прямой конкурент китайским площадкам. URL: https://www.indiamart.com/

[3] LabX – известная площадка, где можно найти как новое, так и бывшее в употреблении лабораторное оборудование. Здесь представлено множество предложений от различных поставщиков, что делает её популярным ресурсом для поиска специфического оборудования или более бюджетных вариантов. URL: https://www.labx.com

является общеполитическая ситуация в мире и пробелы в международных отношениях.

Что касается реагентов, химических веществ и лабораторного оборудования, широко применяемых в промышленном производстве, и одновременно используемых для нелегального наркопроизводства [2, с.101-106], ключевая особенность этого сегмента наркобизнеса в том, что преступник совершает сделки на легальных площадках, предназначенных для законной коммерции. Предпринимательская деятельность оставляет значительное количество следовой информации о произведенных операциях и состоявшихся связях. В связи с чем в этой сфере необходимо проводить оперативный мониторинг, а также осуществить ряд мер на законодательном уровне, позволяющих сделать эту систему более прозрачной и контролируемой.

К разработке проблемы контроля над инструментами, используемыми для наркопроизводства, обращался Морозов А. В. В своих работах он обосновывает неэффективность существующего контроля из-за доступности лабораторного оборудования для наркопроизводителей и предлагает усилить меры контроля путем введения уголовной ответственности за умышленный сбыт, изготовление или транспортировку оборудования или инструментов, используемых для производства или изготовления наркотиков [3, с. 102].

Наряду с этим, кроме правовых механизмов регулирования указанного вопроса, предлагается обратиться к исследованию технической стороны этой проблемы. Решением этого вопроса может быть создание в России единой цифровой платформы, которая бы в автоматическом режиме агрегировала и анализировала информацию о движении химических реактивов и лабораторной посуды двойного назначения, как это делает ЕГАИС для алкоголя. ЕГАИС[1] – это Единая государственная автоматизированная информационная система, предназначенная для государственного контроля за объёмом производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Простыми словами, аналогичный цифровой инструмент позволит государству в режиме реального времени отслеживать путь химических реактивов и лабораторного оборудования "двойного назначения" – от импорта или производства до конечного покупателя или утилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Земцова С. И. Незаконное наркопроизводство: развитие методики в условиях цифровой трансформации / С. И. Земцова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 4(53). – С. 97-103.

2. Кузовлев В. Ю. Криминалистическое обеспечение борьбы с незаконным лабораторным наркопроизводством: учебно-методическое пособие / В. Ю. Кузовлев. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2021. – 238 с.

3. Морозов А. В. Контроль над инструментами или оборудованием, используемыми для незаконного производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2023. №1 (65). – С. 95-103.

[1] Правила функционирования единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2015 г. № 1459 // СПС ««КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2026).

УДК 343.125.2

Ю.Г. Овчинников, А.В. Сверчкова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье анализируются нормативные положения ст. 96 УПК РФ, регулирующие порядок уведомления лиц о задержании подозреваемого. Выявляются пробелы правового регулирования и сложности правоприменительной практики. Акцентируется внимание на отсутствие детального процессуального механизма реализации данного права, неопределенности порядка фиксации телефонного разговора. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования данного института.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, подозреваемый, задержание, уведомление лиц, телефонный разговор

Y.G. Ovchinnikov, A.V. Sverchkova

REALIZATION OF THE SUSPECT'S RIGHT TO A TELEPHONE CONVERSATION: LEGAL AND PRACTICAL ASPECTS

The article analyzes the regulatory provisions of Article 96 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulate the procedure for notifying persons about the detention of a suspect. The gaps in legal regulation and the difficulties in law enforcement practice are identified. Attention is drawn to the lack of a detailed procedural mechanism for implementing this right, as well as the uncertainty surrounding the procedure for recording telephone conversations. Measures are proposed to improve the legal regulation of this institution.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, suspect, detention, notification of persons, telephone conversation.

Вопрос обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве занимает важное место в современной уголовно-процессуальной науке и правоприменительной практике. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства обеспечивать защиту прав и свобод человека, в том числе при осуществлении уголовного преследования (ч. 1 ст. 45). Особое значение данная гарантия приобретает на этапе задержания лица по подозрению в совершении преступления, поскольку именно в этот период гражданин находится в наиболее уязвимом положении и нуждается в дополнительных процессуальных механизмах защиты [3, с. 67–68].

Одним из элементов развития института гарантий прав подозреваемого стало закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве права на телефонный разговор после его задержания. Данное право было введено в УПК РФ федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ[1]. Изменения были направлены на расширение процессуальных гарантий лиц, подвергнутых задержанию, и на устранение ранее существовавших коллизий между уголовно-процессуальным законодательством и нормами иных федеральных законов.

До внесения соответствующих изменений право на телефонный разговор прямо

[1] Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. (Ч. I). Ст. 57.

не закреплялось в уголовно-процессуальном законодательстве, хотя аналогичная гарантия предусматривалась в федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[1]. Такая ситуация фактически приводила к различному правовому регулированию сходных правоотношений и создавала неопределённость в вопросах реализации права, задержанного на уведомление близких лиц о своем местонахождении. Введение рассматриваемой нормы позволило устранить указанный пробел и обеспечить более высокий уровень процессуальных гарантий. В соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ подозреваемому предоставляется право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя или следователя. Такой разговор должен быть осуществлён в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента доставления лица в орган дознания либо к следователю. Целью телефонного разговора является уведомление близких родственников, родственников или иных близких лиц о задержании и месте нахождения подозреваемого.

Вместе с тем анализ действующего законодательства и практики его применения показывает, что закрепление рассматриваемой нормы не решило всех проблем, связанных с реализацией данного права. Несмотря на очевидную направленность нормы на усиление гарантий прав личности, законодатель фактически ограничился лишь формальным закреплением самого права, не определив детальный порядок его реализации. Это приводит к возникновению различных проблем правоприменительной практики и неоднозначности толкования соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства.

На ряду с другими, одной из проблем является отсутствие конкретного и поэтапного процессуального механизма реализации права на телефонный разговор. УПК РФ устанавливает только общий срок предоставления права на телефонный разговор, при этом указывает на необходимость присутствие следователя или дознавателя при процедуре реализации данного права, то есть при разговоре, однако на законодательном уровне отсутствует детальное описания проведения процедуры. На законодательном уровне не ясно, каким образом подозреваемому должен предоставляться телефонный разговор, не указано допускается ли использование личного мобильного телефона, в частности не установлено количество попыток на телефонные звонок, с целью разговора, также не закреплено нормами права каким образом и порядком должны обеспечиваться условия для осуществления телефонного разговора. В правоприменительной практике данные пробелы решаются различными способами, что часто приводит к характерным различиям в реализации данного права в разных правоохранительных органах. Отсутствие единообразного подхода приводит к способствованию произвольного ограничения данной процессуальной гарантии.

Основной ключевой проблемой является возможность использования телефонного разговора подозреваемым для передачи информации третьим лицам, которая отрицательно и значимо может повлиять на ход предварительного расследования. Информируя о своём задержании третьи лиц, подозреваемый может предупредить иных участников судопроизводства, в том числе напрямую заинтересованных. Сообщив факт задержания правоохранительными органами, подозреваемый способен передать, в том числе используя ключевые слова, соучастникам сведения о ходе запланированных действий правоохранительных органов, в том числе предупредить соучастников и иных заинтересованных лиц об установлении обстоятельств преступного деяния и возможности уголовного преследования, а также проинструктировать о необходимости проведения различных

[1] Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

мероприятий направленных на сокрытие информации и уничтожение следов преступления, что может значительно повлиять на доказательную базу. Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает четкое разграничения проведения данной процедуры, что не позволяет правоохранительным органам предусмотреть в полном объеме и нейтрализовать данные риски.

Даже учитывая, что телефонный разговор осуществляется в присутствии следователя или дознавателя, четкий действенный контроль за содержанием данного разговора, не всегда может быть обеспечен. Данная проблематика проявляет свою актуальность в полной мере, в случаях, когда подозреваемое лицо является гражданином другой страны, и при этом обладает познаниями только иностранного языка. В таких случаях иностранный подозреваемый с целью запутывания должностных лиц, может использовать замаскированные или двусмысленные обороты родной речи, а также заранее продуманные скрытые словосочетания. Из указанного выше можно извлечь, что право задержанного лица на телефонный разговор является как важной процессуальной гарантией предоставленной государством защиты личности, как основной проблематикой, которая осложняет уголовное судопроизводство.

Ключевое внимания заслуживает требование отечественного законодательства вести телефонный разговор только на русском языке. А.С. Есина объективно подмечает о том, что если подозреваемый не владеет русским языком, то необходимость незамедлительного привлечения для участия в уголовном процессе переводчика может ощутимо затруднить должностным лицам соблюдение временного срока предоставления телефонного разговора, что повлечет за собой ряд существенных нарушений законодательства [1, с. 78].

Одним из недостатков действующего правового регулирования является отсутствие норм, регулирующих порядок фиксации телефонного разговора подозреваемого (непосредственно речь задержанного). Запись может иметь доказательственное значение, нести в себе существенную информацию и способствовать установлению обстоятельств совершённого преступления, а также повлиять на тактику расследования уголовного дела.

Определенные сложности возникают и в связи с ограниченностью способов уведомления близких лиц о задержании. Статья 96 УПК РФ предусматривает только возможность телефонного разговора, что не полностью соответствует современным условиям развития средств коммуникации. В настоящее время значительная часть общения современного общества осуществляется посредством электронных ресурсов, таких как электронные сообщения через интернет-мессенджеры и иные цифровые средства связи. Однако действующее законодательство не предусматривает возможности использования подобных способов уведомления, что существенно ограничивает практическую реализацию рассматриваемого права. В отдельных ситуациях, например при отсутствии технической возможности осуществить телефонный звонок, использование иных способов связи могло бы стать эффективной альтернативой, однако нормативная база для этого отсутствует.

Отдельного внимания заслуживает вопрос реализации права на телефонный разговор несовершеннолетними подозреваемыми. Несмотря на то, что законодатель предусматривает повышенный уровень процессуальных гарантий для данной категории лиц, в УПК РФ отсутствуют специальные нормы, непосредственно регулирующие порядок реализации рассматриваемого права несовершеннолетними. В научной литературе неоднократно отмечалось, что такие положения должны быть закреплены в ст. 423 УПК РФ, регулирующей особенности производства по уголовным

делам в отношении несовершеннолетних [2, с. 245].

Таким образом, указанные проблемы свидетельствуют о том, что действующее правовое регулирование прав и гарантий подозреваемого на телефонный разговор нуждается в дальнейшем детальном совершенствовании. В целях повышения эффективности реализации данной процессуальной гарантии, представляется целесообразным законодательно конкретизировать порядок осуществления подозреваемым права на телефонный разговор. Определить процедуру предоставления средств связи, предельную продолжительность разговора, а также сами условия контроля должностными лицами за проведением такого разговора. Урегулировать порядок фиксации такого разговора и установить процессуальное значение полученных сведений. Фиксация могла бы производиться при наличии согласия подозреваемого с обязательным отражением данного обстоятельства в протоколе задержания. Данный законодательный подход мог поспособствовать обеспечению прозрачности данной процедуры, а также значительному снижению риска возможных злоупотреблений должностными лицами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Есина А.С. Деятельность следователя по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор при задержании // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 4. – С. 77–80.

2. Овчинникова Н.О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5 (154). – С. 241–247.

3. Овчинников Ю.Г. Разъяснение прав и обязанностей участникам уголовного процесса в досудебном производстве: монография. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 200 с.

УДК 343.1

Н. В. Осодоева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С РАССМОТРЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ В ПОРЯДКЕ ДОСУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящается проблемам, возникающим при рассмотрении материалов судом. Автор детально останавливается на материалах, которые рассматриваются судами, в частности: при обжаловании действий (бездействий) и решений должностных лиц, при разрешении на производство следственных действий, при признании отдельных произведенных следственных действий законными и обоснованными, при избрании мер пресечения и иных мер процессуального принуждения.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, суд, следственные действия, меры процессуального принуждения, действия, решения

N.V. Osodoeva

SOME ISSUES ARISING IN CONNECTION WITH THE CONSIDERATION OF MATERIALS IN THE COURSE OF PRE-TRIAL CONTROL

The article is dedicated to the problems arising during the judicial review of materials. The author focuses in detail on the materials reviewed by courts, particularly: when appealing

actions (inaction) and decisions of officials, granting authorization for investigative actions, recognizing specific investigative actions as lawful and justified, and selecting preventive measures or other measures of procedural coercion.

Keywords: suspect, accused, court, investigative actions, procedural coercive measures, actions, decisions

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает положения, согласно которым в ходе предварительного расследования осуществляется досудебный контроль.

Анализ положений УПК РФ позволяет сделать вывод, что любое лицо может обжаловать решения, действия (бездействия) должностных лиц. Из ст. 125, ст. 125.1 УПК РФ следует, что лица могут обжаловать действия (бездействия), решения должностных лиц, если имеются ограничения конституционных прав, либо в связи с ограничением доступа к правосудию. Вместе с тем закон отдельно предусмотрел виды решений, которые могут также быть обжалованы в порядке ст. 125.1 УПК РФ в суд. На практике такие случаи встречаются нередко, когда, например, лицо не согласно с вынесенным в отношении него постановлением о возбуждении уголовного дела, когда должностное лицо не рассмотрело ходатайство и не приняло соответствующее решение, либо в связи с оспариванием этого решения по итогам рассмотрения ходатайства. Иногда лица (потерпевшие) обжалуют постановления о приостановлении предварительного следствия в связи с тем, что считают, что затягиваются сроки расследования и др.

Следует признать, что досудебный контроль не только сводится к рассмотрению жалоб в порядке ст.ст. 125, 125.1 УПК РФ, но и в том числе при разрешении производства отдельных видов следственных действий.

Так, в частности, закон предусматривает, что если возможно ограничение конституционных прав граждан в результате производства следственного действия, то в этом случае получение судебного решения является обязательным. Например, при производстве обыска и выемки в жилище, поскольку жилище неприкосновенно, в этой связи эти следственные действия могут проводиться только на основании судебного решения. Выемка в банках, в сотовых компаниях «МТС», «Билайн», «Мегафон», «Теле2» возможна только на основании судебного акта, во-первых, поскольку нарушается банковская тайна, во-вторых, закон предусматривает защиту персональных данных, в-третьих, указанное необходимо в том числе в целях защиты и охраны частной жизни граждан. Кроме того, в целях невмешательства в частную жизнь в ходе досудебного производства возможно провести по судебному решению следственное действие – контроль и запись переговоров. При этом следует признать, что судебное решение в том числе и необходимо для проведения выемки в ломбарде, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также в целях наложения ареста и производства выемки и осмотра почтовых отправлений.

Однако закон устанавливает, что в некоторых случаях можно провести следственные действия без судебного решения, при этом в постановлении должностное лицо должно обосновать случаи, не терпящие отлагательств производства процессуальных действий. Например, что у органов предварительного расследования имеются основания полагать, что подозреваемый (обвиняемый) уничтожит предметы, посредством которых совершал преступные действия, реализует похищенное имущество, выбросит вещи, в которых находился в момент совершения

преступления и др.

При этом, следует признать, что исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, в каких случаях суды отказывают в удовлетворении ходатайств. Такие ситуации бывают, когда орган расследования не представил документы, свидетельствующие о том, что обыск будет проводиться именно в жилом помещении, либо в этом жилом помещении проживает подозреваемый (обвиняемый). Кроме того, встречаются ситуации, когда суды отказывают в удовлетворении ходатайств, поскольку из протокола обыска следует, что не принимали участие понятые, хотя при производстве этого следственного действия участие указанных лиц обязательно. Если необходимо получить информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, то в этой связи необходимо истребовать данные из «МТС», «Билайн» и др., затем обосновать, почему именно необходимо получить сведения о соединениях между конкретными лицами, в частности: у следствия имеются основания полагать, что к совершению деяния причастны иные лица из полученных доказательств, необходимо отразить период времени, в течение которого нужно проанализировать исходящие и входящие звонки, в каком месте при осуществлении звонков эти лица находились.

Помимо указанных случаев закон закрепляет, что при избрании только четырех мер пресечения (запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу), а также при избрании иных мер процессуального принуждения (временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и др.) необходимо судебное решение.

Проблемам избрания мер пресечения посвящено достаточное количество трудов [1, с.11-14] ; [2, с. 47-50] ; [3, с. 11-15].

При этом следователь (дознаватель) обращается с ходатайством в суд, приобщает к постановлению о возбуждении перед судом ходатайства копии материалов уголовного дела, обосновывает основания для избрания мер пресечения, а также обстоятельства, которые подлежат учету при избрании мер пресечения.

При этом анализ судебной практики позволяет выделить следующие проблемы при избрании мер пресечения по судебному решению. Во-первых, не всегда суды удовлетворяют ходатайства об избрании самой строгой меры пресечения, поскольку не только учитываются основания для избрания мер пресечения, но и обстоятельства, которые всегда подлежат учету на основании ст. 99 УПК РФ. Во-вторых, при возложении запретов и обязанностей при избрании домашнего ареста и запрета определенных действий суд не связан с ходатайством следователя (дознавателя), при возложении обязанностей и запретов суд налагает только те, которые необходимы для реализации указанной меры пресечения. В-третьих, иногда очень сложно отследить исполнение запрета определенных действий и домашнего ареста, так как браслеты могут быть не совсем технически исправными, постоянно находиться около дома подозреваемого (обвиняемого) в целях осуществления надлежащего контроля за его поведением бывает крайне сложно, проверить, как соблюдаются обязанности и запреты подозреваемым (обвиняемым), тоже достаточно проблематично. В-четвертых, некоторые трудности возникают при решении вопроса о зачете времени под домашним арестом и запретом определенных действий в срок наказания по приговору суда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арестова Е.Н. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого / Е.Н. Арестова, А.В. Борбат, Е.В. Шарапова // Российский следователь. 2023. № 6. С. 11-14.

2. Осодоева Н.В. Что необходимо понимать под обоснованностью подозрения в уголовном судопроизводстве / Н.В. Осодоева // Российский судья. 2026. № 4. С. 47-50.

3. Сафонов Д.М. Особенности применения задержания в условиях военного положения / Д.М. Сафонов // Российский следователь. 2024. № 8. С. 11-15.

УДК 343.13

Ж. П. Петухова

ПРАВА ПОТЕРПЕВШИХ: ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме обеспечения прав потерпевших в случае приостановления предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Актуальность темы обусловлена принятием Федерального закона № 64-ФЗ от 23 марта 2024 г., который ввёл указанное основание, но не предусмотрел достаточных механизмов защиты интересов потерпевших. Обосновывается, что потерпевшие оказываются в уязвимом положении, поскольку возмещение вреда переводится в плоскость гражданского судопроизводства. В качестве решения автором предлагается дополнить ч. 2 ст. 42 УПК РФ пунктом 12.1, предоставляющим потерпевшему право «возражать против прекращения уголовного преследования». Делается вывод, что реализация данной инициативы позволит укрепить процессуальные гарантии потерпевших, восстановить баланс интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: период мобилизации, военное время, Вооружённые Силы Российской Федерации, военное положение, контракт, прохождение военной службы.

Z P. Petukhova

VICTIMS' RIGHTS: FEATURES OF PROTECTION WHEN THE INVESTIGATION IS SUSPENDED

Abstract. This article examines the pressing issue of ensuring victims' rights when a preliminary investigation is suspended on the grounds stipulated by paragraph 3.1, Part 1, Article 208 of the Russian Criminal Procedure Code. The relevance of this topic stems from the adoption of Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024, which introduced this ground but failed to provide sufficient mechanisms to protect the interests of victims. It is argued that victims find themselves in a vulnerable position, since compensation for damages is transferred to civil proceedings. As a solution, the author proposes supplementing Part 2, Article 42 of the Russian Criminal Procedure Code with paragraph 12.1, granting the victim the right to «object to the termination of criminal prosecution». It is concluded that the implementation of this initiative will strengthen procedural guarantees for victims and restore the balance of interests of participants in criminal proceedings.

Keywords: mobilization period, wartime, Armed Forces of the Russian Federation, martial law, contract, military service.

Институт приостановления предварительного следствия постоянно находится в фокусе внимания исследователей уголовного процесса и по сей день не утрачивает своей научной значимости. В разные годы к его изучению обращались такие учёные, как И.Я. Фойницкий [1], М.А. Чельцов [2], М.С. Строгович [3], С.А. Шейфер [4], А.В. Смирнов [5], К.Б. Калиновский [5], А.С. Шагинян [6], В.М. Быков, А.М. Попов [7] и другие.

Принятие статьи 195 УПК РСФСР (1961 г.) стало важной вехой в систематизации норм о приостановлении следствия. Данная норма закрепляла три основания для приостановления:

1. сокрытие обвиняемого либо неустановление его местонахождения;
2. наличие у обвиняемого психического или иного тяжкого заболевания;
3. неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [8].

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, дополнившие перечень оснований приостановления новым пунктом. Указанные реформы были направлены на устранение пробелов в правоприменительной практике и формирование единых подходов к толкованию норм закона.

В силу требований п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ следствие подлежит приостановлению при наличии следующих обстоятельств: призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации либо в военное время в Вооружённые Силы РФ; заключение указанными лицами контракта о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или военного времени; а также непосредственное прохождение ими военной службы в Вооружённых Силах РФ в указанные периоды [9].

Выделив из общего перечня лиц, упомянутых в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (речь в нём идёт о подозреваемых и обвиняемых, фактическое участие которых в производстве по делу невозможно), законодатель дифференцировал особую категорию — участников специальной военной операции [10].

Закреплённый в ст. 3 Федерального закона № 64-ФЗ порядок разрешения вопросов о возмещении ущерба, причинённого деяниями лиц, освобождаемых от уголовной ответственности либо от наказания, отнесён к сфере гражданского судопроизводства. Данное правило, базируясь на положениях УПК РФ, коррелирующих с нормами УК РФ, наглядно свидетельствует об уязвимости процессуального положения потерпевшего, чьи права и охраняемые законом интересы не обеспечиваются исчерпывающей защитой в рамках уголовного процесса.

Для модернизации процессуальных гарантий прав потерпевших обосновывается необходимость дополнения части 2 статьи 42 УПК РФ новым пунктом 12.1, наделяющим потерпевшего правом возражать против прекращения уголовного преследования. Внедрение данной законодательной новеллы предоставит потерпевшему действенный и эффективный механизм защиты своей процессуальной позиции и послужит дополнительным фактором реализации принципа справедливости [11].

Резюмируя изложенное, предлагаемая законодательная инициатива будет способствовать обеспечению надлежащего паритета интересов сторон — участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1996. 520 с.
2. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962. 529 с.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. 548 с.
4. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 192 с.
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: авторский курс. М., 2022. 368 с.
6. Шагинян А.С. Приостановление предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2001. 204 с.
7. Быков В.М., Попов А.М. Приостановление и возобновление предварительного расследования: монография. Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. 178 с.
8. УПК РСФСР (1961 г.). URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (дата обращения: 09.05.2026).
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Российская газета. 2024. 1 апреля.
10. Семенов Е.А., Батуев А.Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 258–264.
11. Петухова Ж.П. Специальная военная операция как фактор изменения практики приостановления следствия // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 4. С. 161–170.

REFERENCES

1. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. Vol. II. St. Petersburg, 1996. 520 p.
2. Cheltsov M.A. Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1962. 529 p.
3. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1958. 548 p.
4. Sheifer S.A. Pre-trial Proceedings in Russia: Stages of Development of Investigative, Judicial, and Prosecutorial Authority: monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2017. 192 p.
5. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal Procedure: Author's Course. Moscow, 2022. 368 p.
6. Shaginyan A.S. Suspension of Preliminary Investigation: Cand. of Legal Sciences diss. Tomsk, 2001. 204 p.
7. Bykov V.M., Popov A.M. Suspension and Resumption of Preliminary Investigation: monograph. Chelyabinsk: Poligraf-Master Publishing House, 2006. 178 p.
8. Criminal Procedure Code of the RSFSR (1961). URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (date of access: 09.05.2026).
9. On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024 // Rossiyskaya Gazeta. April 1, 2024.

10. Semenov E.A., Batuev A.B. Termination of Criminal Prosecution in Connection with Conscription for Military Service in the System of Alternative Measures to Punishment // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. No. 2(99). Pp. 258–264.

11. Petukhova Zh.P. Special Military Operation as a Factor in Changing the Practice of Suspension of Investigations // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, No. 4. Pp. 161–170.

УДК 343.13

И. П. Попова, Д. О. Чашечникова

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Усложнение жизнедеятельности, научно-технический прогресс выводят в число приоритетных задач разрешение проблем использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам. Участие специалиста не только сопровождает производство следственных действий, но и нередко стороны прибегают к показаниям и заключениям специалиста при исследовании доказательств в судебных стадиях и в подтверждение своих доводов. Выступая в качестве самостоятельного доказательства, заключение и показания специалиста способны существенно влиять не только на реализацию принципа состязательности сторон, но и установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также на решение суда. Между тем использование данных видов доказательств сопряжено с вопросами недостаточной регламентации вопросов ответственности специалистов, разграничения их полномочий с экспертом и итоговой оценкой полученных доказательств.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, специалист, доказывание, принцип свободы оценки доказательств, доказательства.

I. P. Popova, D. O. Chashechnikova

ON THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The complexity of life and scientific and technological progress have made it a priority to address the challenges of using special knowledge in criminal proceedings. The involvement of a specialist not only accompanies investigative actions, but it is also common for parties to rely on the testimony and expert opinions of a specialist when examining evidence in court proceedings and supporting their arguments. As independent evidence, the expert opinion and testimony of a specialist can significantly impact not only the implementation of the principle of adversarial proceedings, but also the determination of the circumstances to be proven and the court's decision. Meanwhile, the use of these types of evidence is associated with the issues of insufficient regulation of the responsibility of specialists, the delineation of their powers with the expert and the final assessment of the evidence obtained.

Keywords: special knowledge, expert, specialist, proof, the principle of freedom of assessment of evidence

Эффективность правоохранительной деятельности и такой ее важной составляющей, как противодействие преступности, напрямую связано с уровнем развития средств и методов данной деятельности, а также уровнем возможностей для раскрытия и дальнейшего расследования преступлений. Вместе с тем, следствием

научно-технического прогресса представляется закономерное возрастание сложности самого процесса раскрытия и расследования преступлений, которое коррелирует с «удачным» компилированием современных достижений в преступную деятельность. Разрабатываются новые схемы совершения преступлений, а также усложняются механизмы совершения и сокрытия последних. В обозначенных обстоятельствах первостепенная задача органов охраны правопорядка является использование всего спектра достижений научного прогресса, чтобы предусмотреть тенденции применения последних преступными элементами. При этом методы, которые с положительной стороны зарекомендовали себя в науке, зачастую не могут эффективно использоваться в уголовном судопроизводстве в силу требований, предъявляемых к доказательствам.

В связи с этим наряду со следователем важнейшими участниками уголовного судопроизводства являются эксперт и специалист. Не оспаривается большинством исследователей, что эффективность уголовного судопроизводства в современных условиях неразрывно связана с интеграцией научных достижений в процесс доказывания. Многие инновационные изобретения и решения способствуют оптимизации и повышению эффективности работы, а также оказывают существенную поддержку в профессиональной деятельности. Но стоит учитывать, что российское законодательство, как и любая правовая система, не защищено от пробелов и противоречий. Выявление существующих юридических пробелов и принятие мер по их устранению, своевременное изменение и дополнение законодательства, способствуют повышению эффективности применения специальных знаний.

С принятием Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] в уголовно-процессуальном законе закреплены такие доказательства – как заключение и показания специалиста. Подобное расширение перечня доказательств нельзя не приветствовать, так как сторонам предоставлены более гибкие инструменты в доказывании [1, с. 82]. В свою очередь, это закономерное развитие принципа состязательности в уголовном процессе, требует и процессуального закрепления более широкого инструментария для участия в доказывании стороны защиты, выступающей в досудебном производстве в менее выигрышной позиции, нежели сторона обвинения.

Однако в научной среде зачастую ставится под сомнение отнесение заключения специалиста к отдельному виду доказательств [2, с. 90]. Отмечается, что заключение специалиста «лишь способствуют правильному пониманию сторонами и судом фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, уяснение которых требует специальных познаний. Суждения специалиста могут касаться только тех обстоятельств, которые доступны непосредственному восприятию органов чувств человека или о которых в материалах дела уже содержатся какие-либо сведения [3, с. 333]. В частности, заключение специалиста не столько конкурирует, сколько позволяет более полно взглянуть на заключение эксперта, указать на его неполноту и упущения. Думается, что заключение специалиста – это, в первую очередь, инструмент защиты [4, с. 15].

Проблема оценки доказательственного значения заключения эксперта и специалиста была рассмотрена в Кассационном Определении Верховного Суда РФ

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 27 (ч. 1). – Ст. 2706.

№ 29-УД22-7-А4 от 13 сентября 2022 года[1]. В данном Определении указано, что Э.М.А. осужден за похищение человека с причинением тяжких последствий (п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ) и самоуправство, А.Р.А. – за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ). По версии обвинения потерпевший был избит, более 5 месяцев удерживался в помещении и подвергался насилию, что впоследствии привело к инвалидности. Стороной защиты оспаривалась достоверность заключений экспертов, на основе противоречий между заключениями психолого-психиатрической экспертизы № 1001 и показаниями эксперта А. относительно причин психического расстройства. Защита А.Р.А. ссылалась на противоречия в судебно-медицинских экспертизах (№ 2956, № 4981) и заключение специалиста К., которое, по мнению адвокатов, ставило под сомнение достоверность проведенных исследований экспертами. Стороной защиты было заявлено ходатайство о проведении повторной экспертизы, которое было отклонено. Верховный Суд РФ указал, что суд первой инстанции обоснованно отклонил его, поскольку специалист фактически дал оценку достоверности выводов судебных экспертиз, что в соответствии со ст. 87 и 88 УПК РФ относится к исключительной компетенции суда. Кроме того, специалисту не были предоставлены все материалы дела, а его выводы противоречили иным доказательствам. При таких обстоятельствах судом вышестоящей инстанции отказ в назначении повторной экспертизы признан правомерным.

Данный пример демонстрирует сложившуюся правовую позицию о том, что сторонам, в том числе стороне защиты, наиболее часто прибегающей к представлению в суд такого доказательства, предоставлено право для привлечения специалиста для дачи им суждений на основе специальных знаний. При этом стоит учитывать, что для этого необходима полнота предоставленных материалов дела для дачи полного и достоверного заключения специалиста, а также не стоит затрагивать компетенцию других участников процесса. В ином случае это может повлечь отклонение ходатайства, в основу которого было положено заключение специалиста.

Также возникают споры в сфере полномочий специалиста. Так, одни авторы доказывают то, что специалист имеет право проводить исследование [5, с. 149]. Другие наоборот – ограничиваются лишь полномочием внешнего осмотра представленного предмета или документа [6, с. 30]. При этом отмечается, что заключение специалиста предоставляет возможность участникам уголовного процесса, не обладающим широкими процессуальными полномочиями, документально отстаивать свою правовую позицию [7, с. 32].

Представляется верным, что наделение специалиста правом исследования вещественных доказательств противоречит логике уголовно-процессуального законодательства, так как, по сути, своей нивелирует другое доказательство, лишает судебную экспертизу её исключительного статуса. К последней уголовно-процессуальным законом, другими нормативно-правовыми актами предъявляются достаточно высокие требования, как к порядку назначения, процессу производства экспертизы, так и к квалификации эксперта. Заключение специалиста же менее регламентировано, что позволит прибегать к последнему с целью исключить более сложные юридические процедуры, которые призваны гарантировать обоснованность заключения эксперта. Поэтому рассматриваемая позиция является дискуссионной.

[1] Кассационное определение Верховного суда РФ № 29-УД22-7-А4 от 13 сентября 2022 года. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13092022-n-29-ud22-7-a4/ (дата обращения 10.03.2026).

Специалист высказывает суждения по тем или иным вопросам, поставленным стороной уголовного процесса. Формой специальных знаний заключение специалиста будет являться в силу того, что последний высказывает такое суждение по вопросам, как правило, своей профессиональной деятельности. Важной особенностью будет являться то, что специалист руководствуется уже известными ему знаниями в соответствующей области (например, искусствовед), но никак не получает новые знания, что характерно для исследовательской деятельности. Из этого следует, что специалист составляет выводы о предмете на основании уже имеющихся у него специальных знаний об этом предмете, но не получает новые данные в результате проведения каких-либо исследований с ним.

Резюмируя, следует отметить, что вопросы использования специальных познаний в доказывании в уголовном судопроизводстве многогранны и неоднозначно разрешены законодателем. Специалист не должен обладать своим интересом в ходе участия в уголовном процессе, между тем его участие обеспечивается чаще всего стороной защиты, весьма ограниченной в средствах доказывания. Для обеспечения процессуальных средств реализации состязательности спектр возможностей сторон должен расширяться. В этом аспекте важно разграничивать полномочия участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями и правом на оценку доказательств, с полномочиями специалиста, в чью компетенцию это не входит.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов, В. Показания специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Степанов, Л. Шапиро // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 81–84.

2. Огнерубов, Н. А. Специальные знания в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / Н. А. Огнерубов. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 92 с.

3. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К.Б.Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 658 с.

4. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова, И.В. Александрова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 752 с.

5. Протас, Ю. Н. Понятие судебной экспертизы в теории уголовного процесса // Молодой ученый. — 2021. — № 43 (385). — С. 148–150.

6. Тарасов, А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России / А. А. Тарасов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2022. – 125 с.

7. Овсянников, И. В. Заключение и показание специалиста / И. В. Овсянников // Законность. – 2005. – № 7. – С. 32– 35.

УДК 343.13

В. А. Родивилина

ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых и криминалистических проблем, возникающих при изъятии электронных носителей информации и копировании содержащихся на них сведений в ходе следственных действий. Исследуются нормы ст. 164.1 УПК РФ, а также новелла 2026 года — ст. 164.2 УПК РФ, устанавливающая особенности изъятия цифровой валюты. На основе анализа научных позиций и законодательства предложены изменения в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, а также обоснована необходимость разграничения порядка изъятия обычных электронных носителей (ст. 164.1) и цифровой валюты (ст. 164.2).

Ключевые слова: электронные носители информации, изъятие, копирование информации, специалист, ст. 164.1 УПК РФ, цифровая валюта, ст. 164.2 УПК РФ, цифровые доказательства, приостановление операций, ст. 115.2 УПК РФ.

V.A. Rodivilina

LEGAL AND FORENSIC ASPECTS OF SEIZURE OF ELECTRONIC MEDIA

Abstract. The article analyzes legal and forensic problems arising during the seizure of electronic media and copying of information contained therein during investigative actions. The norms of Article 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the novel of 2026 — Article 164.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, establishing the specifics of seizure of digital currency, are examined. Based on the analysis of scientific positions and legislation, amendments to Part 2 of Article 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed, and the need to differentiate the procedure for seizure of ordinary electronic media (Article 164.1) and digital currency (Article 164.2) is substantiated.

Keywords: electronic media, seizure, copying of information, specialist, Article 164.1 of the Criminal Procedure Code, digital currency, Article 164.2 of the Criminal Procedure Code, digital evidence, suspension of transactions, Article 115.2 of the Criminal Procedure Code.

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни неизбежно отразилась и на уголовном судопроизводстве. Электронные носители информации (смартфоны, компьютеры, планшеты, флеш-накопители) стали не просто вспомогательными объектами, а зачастую основными хранителями криминалистически значимой информации. По данным МВД России, в 2025 году количество преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, превысило 765 тыс., что на 13% больше, чем в 2024 году[1].

Особую проблему представляет оборот цифровой валюты (криптовалюты), которая, с одной стороны, хранится на электронных носителях, а с другой – обладает специфическими свойствами децентрализации и псевдоанонимности. Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ ввел ст. 164.2 УПК РФ, установив особенности

[1]Официальный сайт МВД России. Раздел «Статистика». URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 10.03.2026).

изъятия цифровой валюты[1]. Однако действующее регулирование изъятия обычных электронных носителей (ст. 164.1 УПК РФ) по-прежнему порождает множество вопросов. Не случайно проблематика изъятия электронной информации становится одной из самых дискуссионных в современной процессуальной науке [1, с. 115–116; 2, с. 121–122; 3, с. 43].

Особую сложность на практике вызывает изъятие мобильных устройств. Как справедливо отмечает В.И. Шаров, эти устройства содержат не только информацию о соединениях между абонентами, но и банковские приложения, переписку в мессенджерах, фотографии личного характера, что требует учета конституционных гарантий тайны частной жизни [4, с. 238–239]. При этом в литературе обоснованно ставится вопрос о необходимости получения судебного решения на изъятие и осмотр мобильных телефонов, однако судебная практика по этому вопросу остается противоречивой [4, с. 240–241].

Легального определения понятия «электронный носитель информации» УПК РФ не содержит. В соответствии с ГОСТ Р 7.0.95-2015, под ним понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации[2]. Исходя из этого, к электронным носителям могут быть отнесены не только компьютеры и смартфоны, но и иные микропроцессорные устройства: бытовая техника с функцией записи, контрольно-измерительные приборы, системы видеонаблюдения и даже умные часы [3, с. 118].

Впервые термин «электронный носитель информации» был введен в УПК РФ Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ заменил разрозненные нормы единой ст.164.1 УПК РФ, распространив специальный порядок изъятия на все следственные действия.

Важно отметить, что с принятием ст. 164.2 УПК РФ законодатель разделил два разных типа объектов. Первый – электронные носители информации (физические устройства, такие как телефоны, компьютеры, флеш-накопители), изъятие которых регулируется ст.164.1 УПК РФ. Второй – цифровая валюта как особое имущество, существующее в блокчейне, изъятие которой осуществляется по правилам ст. 164.2 УПК РФ путем перевода на адрес-идентификатор, а не просто изъятием физического носителя. Это разграничение имеет принципиальное значение для правоприменителя: теперь криптовалюта перестала быть просто «информацией на носителе» и стала самостоятельным объектом уголовно-процессуального изъятия.

Переходя к анализу ст. 164.1 УПК РФ, необходимо остановиться на ее ключевом требовании. Часть 2 этой статьи устанавливает императивное правило: электронные носители информации изымаются с участием специалиста. Именно здесь возникает основная коллизия. С одной стороны, участие специалиста направлено на предотвращение утраты или изменения цифровой информации, что соответствует международным стандартам [1, с. 84–85]. С другой стороны, далеко не всякое изъятие требует специальных познаний. Изъятие флеш-накопителя, CD-диска или даже выключенного смартфона вполне может быть произведено следователем

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 8. – Ст. 773.

[2] ГОСТ Р 7.0.95-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики : утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 9 декабря 2015 г. № 2127-ст. – М. : Стандартинформ, 2016.

самостоятельно.

В.И. Шаров приходит к выводу, что «положение об обязательном участии специалиста в силу его нерациональности следует исключить из УПК РФ, а принятие решения о его привлечении в каждом конкретном случае следует оставить за следователем» [5, с. 232].

Однако ст. 164.2 УПК РФ в этом смысле более радикальна: ч. 1 прямо устанавливает, что «изъятие цифровой валюты осуществляется в ходе следственных действий с участием специалиста». Императив здесь не оставляет сомнений, что оправданно: работа с криптовалютой требует специальных познаний в области блокчейна, криптографии и обращения с криптокошельками.

Представляется, что разумный компромисс предложен Н.П. Каторгиной и Е.А. Логвинец которые считают, что «решение о необходимости участия специалиста при производстве следственных действий должен принимать следователь» [3, с. 123]. Поддерживая эту позицию, полагаем необходимым изложить ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ в редакции: «Изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста, если для этого требуются специальные познания. Решение о необходимости привлечения специалиста принимает следователь».

Помимо участия специалиста, законодатель предусмотрел и альтернативу изъятию – копирование информации. Часть 3 ст. 164.1 УПК РФ предоставила следователю право самостоятельно осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе. Однако в отношении цифровой валюты законодатель пошел по иному пути. Ст. 164.2 УПК РФ в ч. 3 устанавливает принципиально новое правило: «В целях обеспечения сохранности цифровой валюты при наличии технической возможности осуществляется ее перевод на адрес-идентификатор, позволяющий обеспечить ее сохранность, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Это означает, что следователь (с участием специалиста) не просто изымает носитель или копирует информацию, а переводит саму криптовалюту на специальный подконтрольный адрес («адрес-идентификатор»). По сути, происходит обеспечение сохранности актива в цифровом пространстве без изъятия физического устройства (в отличие от ареста по ст. 115 УПК РФ, который требует отдельного судебного решения).

В.И. Шаров подчеркивает, что «основным способом получения электронной информации для использования в целях доказывания должно выступать не изъятие электронных носителей, а копирование» [5, с. 233]. Применительно к криптовалюте, «копированием» является перевод на подконтрольный адрес, что обеспечивает и сохранность актива, и возможность последующей конфискации.

В протоколе следственного действия (ч. 4 ст. 164.2 УПК РФ) в обязательном порядке указываются: вид цифровой валюты, количество, а также адреса-идентификаторы отправителя, получателя и иные данные, необходимые для идентификации операции. Это позволяет интегрировать блокчейн-транзакцию в уголовно-процессуальную форму.

Значение правильной фиксации данных блокчейна в протоколе трудно переоценить. В.В. Коломинов подчеркивает, что визуализация движения криптовалюты в виде интерактивных графов предоставляет следователям, не являющимся аналитиками больших данных, возможность получать криминалистически значимую информацию о движении виртуальных активов во времени и связывать транзакции с реальными фигурантами дела [6, с. 63]. Эти данные, преобразованные в графы транзакций, могут быть приобщены к материалам

уголовного дела в качестве доказательств.

Особого внимания заслуживает вопрос о сфере действия ст. 164.1 УПК РФ. Данная норма применяется не ко всем уголовным делам, а только к тем, которые указаны в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, – преимущественно о преступлениях в сфере экономической деятельности и предпринимательства. Именно для защиты законной предпринимательской деятельности от необоснованного изъятия оборудования законодатель в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ установил закрытый перечень случаев, когда изъятие электронного носителя допускается. По общеуголовным делам (убийства, грабежи, разбои, незаконный оборот наркотиков и пр.) ст. 164.1 УПК РФ не применяется. В таких случаях следователь руководствуется общими нормами – ст. 182 (обыск), 183 (выемка), 176–177 (осмотр места происшествия) – и вправе изъять электронный носитель, в том числе и до возбуждения уголовного дела, без оглядки на ограничения, предусмотренные ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ.

При рассмотрении вопроса об изъятии цифровой валюты нельзя игнорировать ее технологические особенности, которые напрямую влияют на правоприменение. Как отмечает Н.Н. Трухин (в соавторстве с Д.А. Гришиным), децентрализованный характер криптовалют и анонимность транзакций делают их привлекательными для легализации преступных доходов, однако именно неизменяемость записей в блокчейне при правильной криминалистической работе позволяет восстановить цепочку движения средств [7, с. 157]. В.А.Михалев, в свою очередь, указывает, что эффективное раскрытие криптопреступлений невозможно без специализированных программ, ориентированных на блокчейн-аналитику, а также без создания законодательных и оперативных основ для международного сотрудничества [8, с. 311–312].

Далее следует рассмотреть соотношение двух новелл последнего времени – ст. 115.2 и ст. 164.2 УПК РФ. Федеральным законом от 31июля 2025 г. № 278-ФЗ УПК РФ был дополнен статьей 115.2, предусматривающей приостановление операций с электронными денежными средствами[1]. А в феврале 2026 года появилась ст. 164.2. Между ними существует четкое разграничение. Ст. 115.2 УПК РФ представляет собой временную блокировку операций на срок до 10 суток, решения принимается следователем с согласия руководителя следственного органа или прокурора, актив остается у оператора или владельца, а цель – выиграть время до решения вопроса об аресте. Ст.164.2 УПК РФ, напротив, предполагает полноценное изъятие актива путем перевода на адрес-идентификатор, решение принимается следователем с участием специалиста (судебное решение не требуется), и актив переходит под контроль государства. Эти нормы не конкурируют, а дополняют друг друга. Логика применения может быть следующей. На первом этапе, при обнаружении криптовалюты у подозреваемого или на бирже, следователь выносит постановление о приостановлении операций на 10 суток (ст. 115.2 УПК РФ), чтобы преступник не успел вывести средства. На втором этапе, в течение этих 10 суток, следователь с участием специалиста переводит криптовалюту на адрес-идентификатор по правилам ст. 164.2 УПК РФ. Перевод фиксируется в протоколе следственного действия. На третьем этапе изъятая криптовалюта хранится в порядке, установленном Правительством РФ (ч. 5 ст. 164.2 УПК РФ), и впоследствии может быть конфискована по решению суда на основании ст. 104.1 УК РФ.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов и

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4632.

предложений. Ст. 164.2 УПК РФ – это прогрессивный шаг, позволяющий сохранить цифровую валюту путем перевода на подконтрольный адрес-идентификатор, а не просто изымать физический носитель, что соответствует природе криптовалюты как децентрализованного актива. Однако сам по себе этот перевод не является конфискацией – он лишь обеспечивает сохранность актива для последующего возможного обращения взыскания в порядке ст.104.1 УК РФ.

Обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей по ст. 164.1 УПК РФ не всегда оправданно, в связи с чем предлагается изложить ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ в редакции, предоставляющей следователю право принимать решение о необходимости привлечения специалиста, исходя из сложности изымаемого объекта.

Ст. 115.2 и ст. 164.2 УПК РФ являются взаимодополняющими, а не конкурирующими нормами: временная блокировка операций дает время для сбора доказательств, а последующее изъятие (перевод на адрес-идентификатор) обеспечивает сохранность актива до вынесения судебного решения о его судьбе. Как справедливо отмечают Н.Н.Трухин и Д.А. Гришин, только комплексное применение этих механизмов позволяет эффективно противодействовать использованию криптовалюты для легализации доходов, полученных преступным путем [7, с. 159].

Положения ст. 164.1 УПК РФ, включая закрытый перечень оснований для изъятия носителя (ч. 1), применяются только к делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ (преступления в сфере экономической деятельности и предпринимательства). По общеуголовным делам указанная статья не применяется, и следователь вправе изъять электронный носитель в ходе осмотра места происшествия и до возбуждения уголовного дела без оглядки на ограничения, предусмотренные ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исаева, Е. Д. Алгоритм первоначальных действий сотрудников полиции по прибытии на место преступления, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий / Е. Д. Исаева, А. З. Зашакуев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2026. – № 1(77). – С. 82-87.

2. Карданов Р.Р., Рясов А.А. Понятие и виды электронных носителей информации как объекта доказывания в уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. № 1 (62). С. 40-46.

3. Каторгина Н.П., Логвинец Е.А. Правовые и криминалистические аспекты изъятия электронной информации в уголовном судопроизводстве / Н.П. Каторгина, Е.А. Логвинец // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 5. – С. 114–124.

4. Шаров В.И. Основания проведения изъятия и осмотра мобильных телефонов / В.И. Шаров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2026. – № 1 (73). – С. 237–244.

5. Шаров В.И. Некоторые вопросы изъятия электронных носителей и копирования информации / В.И. Шаров // Юристъ-Правоведъ. – 2026. – № 1 (116). – С. 230–234.

6. Коломинов В.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2025. – № 1. – С. 60–68.

7. Трухин Н.Н., Гришин Д.А. Особенности и меры противодействия использованию криптовалюты как инструмента легализации доходов, полученных преступным путем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2. – С. 156–160.

8. Михалев В.А. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют // Молодой ученый. – 2024. – № 4 (503). – С. 310–312.

УДК 343.1

Е. А. Семенов

ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются направления развития восстановительных процедур в рамках досудебного производства, акцентируется внимание на несовершенстве современного правового инструментария возмещения вреда пострадавшим. Аккумулируется эмпирическая база, полученная при изучении уголовных дел, а также зарубежный опыт в части заглаживания вреда потерпевшим. Рассматриваются виды вреда, правовые механизмы его возмещения в рамках УПК РФ и ГК РФ, а также проблемы правоприменительной практики. Автором предлагаются перспективные направления совершенствования: уточнение критериев оценки морального вреда, создание компенсационных фондов и повышение правовой грамотности.

Ключевые слова: возмещение вреда, заглаживание вреда, ущерб, восстановительные процедуры, моральный вред, компенсационные фонды, потерпевший.

E. A. Semenov

REDRESSING THE HARM CAUSED BY A CRIME: PROMISING AREAS FOR IMPROVEMENT

The article discusses the directions for the development of restorative procedures in pre-trial proceedings, focusing on the imperfection of modern legal instruments for compensating harm to victims. The empirical base obtained from the study of criminal cases, as well as foreign experience in redressing harm to victims, is accumulated. The types of harm, legal mechanisms for its compensation within the framework of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation, as well as problems of law enforcement practice are considered. The author proposes promising areas for improvement: clarifying the criteria for assessing moral harm, creating compensation funds, and increasing legal literacy.

Keywords: compensation for harm, redress of harm, damage, restorative procedures, moral harm, compensation funds, victim.

Возмещения вреда, причиненного преступлением, обусловлена основополагающим принципом уголовного права – принципом справедливости, который предполагает не только наказание виновного, но и восстановление нарушенных прав потерпевшего. Преступление, посягая на охраняемые законом блага, зачастую влечет за собой значительные негативные последствия, как материального, так и морального характера. Эффективное функционирование механизма возмещения

вреда способствует не только компенсации ущерба, понесенного потерпевшим, но и реализации превентивной функции уголовного права, предупреждая совершение новых преступлений. Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей вопросы возмещения вреда, на практике возникает ряд сложностей, связанных с установлением и доказыванием размера ущерба, неплатежеспособностью осужденных, несовершенством исполнительного производства и другими факторами. В связи с этим, исследование действующего законодательства, анализ судебной практики и выявление проблемных аспектов возмещения вреда, причиненного преступлением, представляются необходимыми для разработки предложений по совершенствованию данного института.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит определений различных видов вреда, причиненного преступлением. Для выяснения сущности таких видов вреда и установления их отличительных признаков следует обратиться к многочисленным научным публикациям [1, 2].

На сегодняшний день в научной доктрине не сформировалось единого подхода к содержанию понятия «имущественный вред». Так, по мнению Г.Ф. Шершеневич имущественный вред охватывается понятием убытки, которые в любом случае нельзя отождествлять с моральным вредом. При этом, под убытками автор понимает фактический ущерб, заключающийся в снижении стоимости имущества [3, с. 14].

По нашему мнению, имущественный вред, причиненный преступлением — это материальный ущерб, выраженный в денежном эквиваленте, возникший в результате совершения преступления. По сути это та часть общего вреда, причиненного преступлением, которую можно оценить и возместить в денежной форме.

Говоря об имущественном вреде в уголовном праве, а также в уголовном процессе, стоит отметить понятие убытков, содержащееся в положениях гражданского права, под которым понимается не только реальный ущерб, но также расходы на восстановление права и упущенная выгода. При этом, соотношение этих категорий с вредом, причиненным преступлением, является актуальным предметом научных исследований.

Ж.В. Самойлова считает, что имущественный вред может проявляться как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды [4, с. 15].

Физический вред, причиненный преступлением — это вред здоровью человека, возникший в результате совершения преступления. Он выражается в нарушении анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций. Как отмечается в литературе, это телесные повреждения, заболевания, патологические состояния, которые возникли вследствие преступного деяния [5, с. 360].

Физический вред, причиненный преступлением, безусловно, подлежит возмещению. Хотя сам физический вред, как телесное повреждение или заболевание, нельзя устранить путем денежной компенсации, закон предусматривает возмещение связанных с ним расходов и потерь. Возмещению подлежат следующие составляющие:

- расходы на лечение;
- утраченный заработок (доход), т.е. если в результате причинения физического вреда потерпевший утратил трудоспособность (временно или постоянно), ему возмещается неполученный заработок за весь период нетрудоспособности. Сюда также включаются неполученные доходы от предпринимательской или иной деятельности;
- расходы по уходу за потерпевшим;
- дополнительные расходы (расходы на приобретение специальных средств передвижения, приспособление жилого помещения для нужд потерпевшего, иные расходы, вызванные причинением физического вреда);
- погребальные расходы.

Моральный вред, причиненный преступлением — это нравственные или физические страдания, причиненные потерпевшему в результате совершения преступления. В отличие от материального вреда, он не имеет прямого экономического выражения, но подлежит компенсации в денежной форме.

Моральный вред включает в себя:

1. Физическая боль: страдания, вызванные телесными повреждениями, болезненными медицинскими процедурами и т.д.

2. Душевные переживания: чувство страха, стыда, унижения, отчаяния, гнева, горечь утраты, потеря репутации, нарушение спокойствия и т.п.

3. Временное ограничение или лишение каких-либо прав: например, права на свободное передвижение, общение, труд.

4. Утрата нормальных жизненных связей: разрушение семьи, потеря работы, невозможность продолжать обучение и т.п. [6, с. 118].

Важно отметить, что право на компенсацию морального вреда имеют не только физические, но и юридические лица в случаях, предусмотренных законом.

Что касается нематериального вреда для юридических лиц, то стоит отметить, что в научной литературе под таким вредом понимается репутационный вред. Это ущерб деловой репутации организации, выражающийся в утрате доверия со стороны клиентов, партнеров, инвесторов и других лиц. Хотя репутационный вред и не является нематериальным вредом в классическом понимании, он имеет схожие черты: его сложно оценить в денежном эквиваленте, и он связан с нематериальными активами организации.

Согласно действующему законодательству, лицо, которому преступлением был причинен физический, моральный или имущественный вред, и признанное в установленном порядке потерпевшим, имеет право на возмещение причиненного ущерба. Данное право потерпевшего предусмотрено ч. 3 ст. 42 УПК РФ.

В случае принятия решения о признании лица потерпевшим, органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, обязаны разъяснить потерпевшему его права и обязанности, предусмотренные законодательством, в том числе право на возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ)[1], а именно ст. 1064 обязывает лицо, причинившее вред личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, возместить его в полном объеме.

В российской правоприменительной практике часто встречаются случаи, когда признание лица потерпевшим не сопровождается своевременным уведомлением о праве на предъявление гражданского иска.

Это происходит вследствие недостаточного или несвоевременного осведомления со стороны следователей и дознавателей о возможности заявления гражданского иска. В итоге меры по возмещению вреда не предпринимаются либо предпринимаются несвоевременно. Как справедливо отмечает Д.А. Иванов, следователь и дознаватель должны не только информировать потерпевшего или его представителя о праве на предъявление гражданского иска, но и доступно объяснить смысл и содержание этого права [7, с. 69]

При вынесении обвинительного приговора суд в зависимости от доказанности оснований и размеров гражданского иска удовлетворяет предъявленный иск полностью или частично или отказывает в его удовлетворении.

Потерпевший так же имеет право на получение денежной компенсации от

[1] Граждански кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 08.11.1996 №52-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №39 – ст. 3325

подозреваемого или обвиняемого за рамками предварительного следствия. Это может осуществляться, в частности, посредством безналичного перевода средств на банковский счет пострадавшего.

Подтверждением получения компенсации служат расписка или письменное соглашение, в которых необходимо четко указать основания передачи имущества или денежных средств от подозреваемого/обвиняемого пострадавшему, а также точный размер компенсации. Законодательство, как правильно отмечается в литературе, не устанавливает строгих требований к структуре и содержанию этих документов, поэтому они могут быть составлены в свободной форме [8, с. 112]

Заглаживание вреда — это действия, направленные на устранение или уменьшение негативных последствий преступления для потерпевшего. Хотя заглаживание вреда и возмещение вреда тесно связаны, это не тождественные понятия. Возмещение вреда фокусируется на компенсации ущерба, чаще всего в денежной форме, в то время как заглаживание вреда направлено на восстановление прежнего положения потерпевшего, насколько это возможно.

Заглаживание вреда может осуществляться в различных формах, как самостоятельно, так и в сочетании с возмещением вреда:

- извинение перед потерпевшим;
- восстановление поврежденного имущества;
- оказание помощи потерпевшему;
- публичное опровержение порочащих сведений (в случае причинения вреда репутации);
- иные действия, направленные на устранение негативных последствий преступления[1].

Таким образом, система возмещения вреда, причиненного преступлением, стремится к максимальной защите прав потерпевших, предлагая различные способы восстановления нарушенных интересов. Однако эффективность этих механизмов зависит от многих факторов, включая финансовые возможности преступника, активность потерпевшего и совершенство правоприменительной практики.

Исследование показало, что действующее законодательство, предусматривая различные способы возмещения вреда, включая взыскание с виновного в рамках уголовного судопроизводства, предъявление гражданского иска, а также возможность получения компенсационных выплат из государственных и негосударственных источников, не всегда обеспечивает полную и эффективную защиту прав потерпевших.

В целях совершенствования института возмещения вреда, причиненного преступлением, необходимо комплексное решение выявленных проблем. В частности, представляется целесообразным:

- уточнить законодательные критерии определения размера морального вреда, разработать более четкие методики его оценки;
- разработать и внедрить эффективные механизмы обеспечения исполнения судебных решений о возмещении вреда, в том числе за счет создания специальных компенсационных фондов;
- активизировать работу по повышению правовой грамотности населения, информированию потерпевших о их правах и возможностях возмещения причиненного вреда.

Реализация предложенных мер способствовала бы более полной реализации прав потерпевших, укреплению принципа справедливости и повышению

[1] Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/?ysclid=mdvfejjs71420635414 (дата обращения: 06.03.2026 г.).

эффективности уголовного правосудия. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ендольцева А.В., Подустова О.Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 144 с.

2. Таршева М. Н., Нехаев И. Н. Развитие компромиссных оснований прекращения уголовного преследования в контексте современной уголовной политики России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. - № 4. – С. 80-85.

3. Каракай М.И. К вопросу о понятии и содержании термина «имущественный вред» в уголовном судопроизводстве // CYBERLENINKA. 2021. – С. 11-17.

4. Самойлова Ж.В. Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. - №. 3. – С. 12-19.

5. Попов А. В. Определение размера вреда // Молодой ученый. – 2022. - № 11 (145). – С. 359-362.

6. Саидахмедова Г. Р. Моральный вред: понятие // Молодой ученый. – 2020. - № 29 (319). – С. 117-118

7. Иванов Д.А. Какие меры принять следователю и дознавателю для обеспечения гражданского иска потерпевшего // Уголовный процесс. – 2018. - № 1. – С. 68–72

8. Подустова О. Л. Реализация права потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда в современных условиях / О. Л. Подустова, К. В. Муравьев, В. В. Олейник // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 1. – С. 110-119.

УДК 343.533

В.А. Смирнов

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ (СТ. 146 УК РФ)

В настоящей статье рассмотрены вопросы вины, мотива и цели нарушения авторских и смежных прав. На основе анализа существующих точек зрения в научной и учебной литературе, а также судебной практики автором предлагается дифференцированный подход к определению указанных признаков применительно к преступлениям, предусмотренным ч.1 и ч.ч. 2-3 ст. 146 УК РФ.

Ключевые слова: авторское право, нарушение авторских и смежных прав, контрафакт, умысел, цель сбыта.

V.A. Smirnov

ON THE ISSUE OF THE PSYCHOLOGICAL SIDE OF INFRINGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS (ARTICLE 146 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

This article discusses the issues of guilt, motive, and purpose of copyright and related rights violations. Based on the analysis of existing points of view in scientific and educational literature, as well as judicial practice, the author suggests a differentiated approach to the definition of these signs in relation to crimes under parts 1 and 2-3 of art. 146 of the Criminal

Code of the Russian Federation.

Keywords: copyright, infringement of copyright and related rights, counterfeit, intent, purpose of sale.

Субъективная сторона нарушения авторских и смежных прав традиционно характеризуется как умышленная. При этом многие авторы считают, что данное преступление совершается исключительно с прямым умыслом [1, с. 95, 2, с. 135, 3, с. 68]. На наш взгляд, это слишком категоричное утверждение, не основывающееся на конструкции составов, предусмотренных, с одной стороны, в ч. 1, а с другой, - в чч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ.

Как известно, присвоение авторства (плагиат) является преступлением с материальным составом, поскольку включает в себя обязательное общественное опасное последствие в виде крупного ущерба. В этой связи мы солидарны с теми авторами, кто допускает возможность совершения этого преступления как с прямым, так и с косвенным умыслом [4, с. 23, 5, с. 20, 6, с. 175]. Таким образом, для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 146 необходимо установить, что лицо осознавало общественную опасность своего деяния (что оно, не являясь автором произведения, незаконно присваивает себе авторство, выпускает под своим именем полностью или частично чужое произведение, издает только под свои именем произведение, созданное в соавторстве с другими лицами, и т.п.), предвидело неизбежность или возможность наступления общественно опасных последствий (крупного ущерба) и желало их наступления (прямой умысел) либо сознательно их допускало или относилось к ним безразлично (косвенный умысел). Смеем предположить, учитывая фактическое отсутствие реальной практики по ч.1 ст. 146 УК РФ, что именно косвенный умысел представляется наиболее типичным проявлением субъективной стороны этого преступления, поскольку плагиатор чаще всего не задумывается о последствиях своего деяния в отношении потерпевшей стороны, они для него не значимы, второстепенны.

Об этом свидетельствуют и результаты анонимного опроса обучающихся юридических вузов Иркутской области (250 человек), посвященного проблемам незаконного (недобросовестного) заимствования объектов авторского права при написании учебных работ (курсовых и выпускных квалификационных).

Так, на вопрос «Допускали ли Вы в своих учебных работах использование результатов интеллектуальной деятельности других лиц без ссылки на соответствующие источники» практически 90 % опрошенных выбрали вариант «Да, допускали». В свою очередь, на вопрос «Допускали ли Вы, что в результате допущенных Вами нарушений авторских прав автору может быть причинен какой-либо ущерб» 51,6 % респондентов выбрали вариант «Нет», а 40% - «Я об этом на задумывался (-ась)». Как нам представляется, указанные ответы, свидетельствуют именно о безразличном отношении нарушителей к правам авторов произведений и к возможному ущербу, который может быть причинен в результате их действий.

Стоит обратить внимание, что законодатель при конструировании состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ, не указал форму вины по отношению к последствиям. Между тем Верховный Суд РФ вполне справедливо заметил, что «исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи … форма вины не конкретизирована, то соответствующее … преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки

объективной стороны…».[1] Таким образом, как минимум, на уровне гипотезы необходимо рассмотреть возможность совершения анализируемого преступления по неосторожности.

Нарушение авторских и смежных прав в форме плагиата становится преступлением только при наличии последствий (в виде крупного ущерба). В случае их отсутствия содеянное может быть квалифицировано, при наличии иных необходимых признаков, только как административное правонарушение (ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ). Поэтому форма вины должна устанавливаться в целом ко всему деянию, а не рассматриваться, – как это иногда делается в учебной литературе [7, с. 111], – отдельно по отношению к деянию и отдельно по отношению к последствиям. Не применима в этом случае и конструкция «преступления с двумя формами вины», поскольку в соответствии со ст. 27 УК РФ ее правила применяются только при наступлении непредвидимых и (или) нежелаемых последствий действий, которые сами по себе уже являются преступлениями (изначально формальные составы, например, ч.1 и п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ), либо в отношении деяний с менее тяжкими последствиями, которые приводят к этим непредвидимым более тяжким последствиям (изначально материальные составы, например, ч.1 и ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Исходя из этого, учитывая реальное отношение плагиаторов к последствиям их деяний, опираясь на синтаксические особенности построения диспозиции ч. 1 ст. 146 УК РФ, мы не можем полностью исключить возможность неосторожного причинения тех последствий, которые в ней предусмотрены в качестве конструктивного признака состава. Более того, вполне можно себя представить ситуации, при которых такое лицо в действительности не будет предвидеть возможность наступления определенных последствий, хотя по обстоятельствам делам при наличии внимательности и предусмотрительности он должен и может это делать (небрежность – ч.3 ст. 26 УК РФ).

Что касается возможности причинения предусмотренных последствий в результате легкомыслия, то, по нашему мнению, очень трудно представить, какие именно самонадеянные действия должен совершить плагиатор, чтобы, предвидя возможность наступления крупного ущерба, попытаться их предотвратить.

Мотивы и цели преступника на квалификацию по ч. 1 ст. 146 УК РФ не влияют, но могут учитываться при индивидуализации наказания. На наш взгляд, чаще всего указанные деяния могут быть вызваны мотивами корысти, тщеславия, карьеризма и т.п.

В отличие от плагиата, деяния, предусмотренные в ч.ч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, относятся к преступлениям с формальным составом, в связи с чем могут быть совершены исключительно с прямым умыслом. Это означает, что органами предварительного расследования и судом должно быть установлено, что лицо осознавало незаконность использования объектов авторского права или смежных прав и желало совершения этих действий. При этом в осознание незаконности входит не столько формальное знание запрета, сколько понимание того, что сам субъект в данной ситуации действует с нарушением положений законодательства об интеллектуальной

[1] О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (в актуальной редакции) [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2026. Режим доступа: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 08.05.2026). Несмотря на то, что приведенная в тексте цитата в данном постановлении связана исключительно с экологическими преступлениями, она, на наш взгляд, вполне учитывает смысл положений УК РФ о формах вины и может быть распространена на любые другие составы преступлений.

собственности.

Так, Качканарским городским судом Свердловской области З. был осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 146 УК РФ. Являясь директором ООО «П.», вопреки воле правообладателя, без заключения с ним договоров, З. умышленно использовал в указанный период в коммерческой деятельности компьютерные программы стоимостью 1 089 000 руб. Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили указанный приговор без изменений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами нижестоящих судов и указала следующее:

«З. в судебном заседании сообщил, что каких-либо указаний насчет установления на компьютеры нелицензионного программного обеспечения в ООО «П.», где он является директором, не давал, в компьютерной технике не разбирается, ЭВМ не пользуется, использует бумажные носители информации; после получения 30 сентября 2022 года предписания он поручил своим сотрудникам провести проверку ЭВМ на наличие нелицензионных программ и доложить ему. Полагает, что допустил халатность, не проверив исполнение его указаний на проведение проверки компьютерной техники на предмет наличия и использования нелицензионных программ.

Из исследованных доказательств усматривается, что после получения предписания осужденный З. дал указания своим сотрудникам провести проверку ЭВМ на наличие нелицензионных программ. При этом названные работники, не обладая необходимыми познаниями в области установки и проверки компьютерных программ, в своих компьютерах признаков использования нелицензионных продуктов не нашли, о чем доложили З. Согласно показаниям данных свидетелей, а также показаниям самого осужденного З. ранее, когда требовалась помощь с обслуживанием компьютерной техники, приглашался К. (знакомый директора), однако позже он уже не смог заниматься обслуживанием ЭВМ. Иного специалиста в этой области в организации не было…

Суд, утверждая о наличии у З. умысла на совершение преступления, указал, что об этом свидетельствует игнорирование З. требований обязательного представления, в котором приведены положения закона, запрещающие использование объектов авторского права и возлагающие на руководителя обязанность по устранению нарушений, а также указано, что З. действенных мер для предотвращения нарушения авторских прав не предпринял, поскольку имел возможность привлечь для проверки компьютерной техники лиц, обладающих специальными познаниями, однако не сделал этого. При этом суд в приговоре также указал, что неосведомленность руководителя общества о наличии на компьютерах контрафактных продуктов не освобождает его от ответственности за возглавляемое им юридическое лицо.

Таким образом, суд счел достаточным основанием для признания наличия у З. умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, установленного в судебном заседании факта непривлечения осужденным специалиста для проверки компьютеров после получения предписания полиции. Иных обстоятельств, свидетельствующих об умышленной форме вины в содеянном З., в приговоре не установлено.

Вместе с тем, как следует из материалов дела, З. каких-либо указаний и распоряжений на приобретение и установку нелицензионных компьютерных программ не давал, а также не был осведомлен как руководитель ООО «П.» о том, что на его

предприятии используются нелицензионные компьютерные программы. С учетом изложенного вывод суда о наличии умышленной формы вины в содеянном З. вызывает сомнение, поскольку непривлечение осужденным специалиста для проверки компьютеров после получения предписания полиции само по себе не свидетельствует о том, что З. знал об использовании в ООО «П.» нелицензионных компьютерных программ...

Судами апелляционной и кассационной инстанций изложенные выше обстоятельства не были приняты во внимание. При таких обстоятельствах Судебная коллегия приходит к выводу о наличии существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела, являющихся основаниями для отмены апелляционного и кассационного определений».[1]

Кроме осознания незаконности обвиняемый должен осознавать и крупный размер действий, которые ему вменяются. Между тем анализ приговоров по данной категории дел свидетельствует, что мотивировка наличия этого элемента осознания практически всегда судами игнорируется. Чаще всего, описывая обстоятельства произошедшего, суды, опираясь на рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по определению размера анализируемых деяний, просто отражают стоимость соответствующего лицензионного объекта авторского права и констатируют наличие крупного или особо крупного размера. Но, по нашему мнению, такой подход является проявлением объективного вменения, что не допускается. Считаем, что правоприменитель должен устанавливать, знал ли обвиняемый о точной или хотя бы примерной стоимости оригинального (лицензионного) объекта авторского права, незаконные использование, приобретение, хранение или перевозка которого ставятся ему в вину.

Таким образом, мы разделяем позицию Ю.А. Алексеева, что «при доказывании умышленной формы вины и вида умысла по делам о рассматриваемых преступлениях важно установить обстоятельства, подтверждающие осведомленность лица относительно всех криминообразующих объективных признаков таких уголовно наказуемых деяний, в том числе о свойствах предметов посягательства, наличии прав на таковые, принадлежащих другим физическим или юридическим лицам, отсутствии у него легальных оснований на совершение соответствующих действий с данными предметами, равно, как и о контрафактном характере фонограмм или произведений, которые вовсе не должны находиться в гражданском обороте» [8, с. 222].

Применительно к составам приобретения, хранения, перевозки контрафактных экземпляров произведений или фонограмм закон в качестве обязательного признака указывает цель сбыта. С учетом правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации эту цель можно охарактеризовать как стремление виновного предоставить другим лицам контрафактные экземпляры оригинальных (лицензионных) произведений или фонограмм.[2] Возмездность или безвозмездность, а также

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.09.2025 г. № 48-УД25-22-К7 [Электронный ресурс]: сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2489074 (дата обращения: 08.05.2026). Стоит отметить, что при повторном рассмотрении дела в апелляционной инстанции Свердловский областной суд отменил обвинительный приговор и вернул дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

[2] О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 (в актуальной редакции) [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые

предполагаемый способ передачи значения не имеют, - виновный может хотеть продать, сдать в прокат, бесплатного распространить в рекламных целях, подарить, разместить произведение в сети Интернет.

Как указывает Верховный Суд РФ, цель сбыта может подтверждаться, в частности, нахождением изъятых контрафактных экземпляров в торговых местах, пунктах проката, на складах и т.п., количеством указанных предметов.[1] О наличии цели сбыта свидетельствует и размещение виновным соответствующих объявлений, в т.ч. в сети Интернет, - в подавляющем числе изученных нами приговоров обвиняемые предлагали свои услуги по установке нелицензионного программного обеспечения, публикуя предложения на сайтах типа «Авито» либо в своих социальных сетях.

Мотивы действий, предусмотренных ч.ч. 2, ст. 146 УК РФ могут быть самыми разнообразными и на квалификацию влияния не оказывают. Как показывает практика, чаще всего виновные руководствуются корыстными побуждениями (по некоторым оценкам – до 97% случаев [5, с. 21]), однако для незаконного использования объектов авторского права или смежных прав не исключаются и ложно понятые интересы организации, карьеризм и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина ; под научной редакцией А. И. Чучаева. – М. : Издательство Юрайт, 2025. – 468 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/580312 (дата обращения: 08.05.2026)

2. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 1 : учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 351 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/537615 (дата обращения: 08.05.2026)

3. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2025. – 479 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/557446 (дата обращения: 08.05.2026).

4. Глухова Г.О. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004. – 30 с.

5. Вощинский М.В. Уголовно-правовые меры противодействия нарушению авторского и смежных прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – 30 с.

6. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности : учебник для вузов / под общей редакцией В. И. Гладких, А. К. Есаяна. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2025. – 206 с. –Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/567544 (дата обращения: 08.05.2026).

7. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2025. – 564 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/563340 (дата обращения: 08.05.2026).

8. Алексеев Ю.А. Особенности субъективных признаков преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 219-226.

системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2026. Режим доступа: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 08.05.2026)

[1] Там же.

УДК 340.12

Е. Е. Степанова

РЕФЛЕКСИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДЬЕЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется проблема нормативных пределов оценки доказательств в контексте современной эволюции доказательственного права. На основе теоретико-правового анализа обосновывается необходимость перехода от классической модели «свободного внутреннего убеждения» к модели «рефлексивного контроля», предполагающей обязательную экспликацию судьей правил вывода и способов разрешения сомнений. Рассматриваются исторические этапы развития нормативных пределов оценки доказательств, анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Делается вывод о том, что рефлексивный контроль выступает условием рациональной реализации принципа свободной оценки доказательств и легитимации судебных решений.

Ключевые слова: *оценка доказательств, внутреннее убеждение, рефлексивный контроль, законность, обоснованность, мотивированность, судейское усмотрение.*

E. E. Stepanova

REFLEXIVE CONTROL OF JUDGE'S EVALUATION OF EVIDENCE: A THEORETICAL AND LEGAL STUDY

Abstract. The article examines the problem of normative limits of evidence evaluation in the context of modern evolution of evidence law. Based on theoretical and legal analysis, the author substantiates the necessity of transition from the classical model of “free inner conviction” to the model of “reflexive control”, which presupposes mandatory explication by the judge of the rules of inference and methods of resolving doubts. The historical stages of development of normative limits of evidence evaluation are considered, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation are analyzed. It is concluded that reflexive control acts as a condition for rational implementation of the principle of free evaluation of evidence and legitimation of judicial decisions.

Keywords: *evidence evaluation, inner conviction, reflexive control, legality, validity, reasoning, judicial discretion.*

Проблема оценки доказательств является одной из центральных в теории государства и права, поскольку она непосредственно связана с фундаментальными вопросами правосудия: как судья приходит к убеждению в виновности или невиновности подсудимого, в обоснованности или необоснованности иска? Каковы пределы судейского усмотрения и как право может их регулировать, не превращая судью в простого «счетчика доказательств»?

Современное российское процессуальное законодательство закрепляет принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению. В соответствии со ст. 17 УПК РФ судья оценивает доказательства «по своему внутреннему убеждению,

основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью»[1].

Аналогичные нормы содержатся в ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики и правовых позиций высших судебных инстанций, простого провозглашения свободы недостаточно. Возникает вопрос: каковы нормативные пределы этой свободы? Как отличить рациональное, обоснованное убеждение от произвольного, интуитивного решения? Как обеспечить проверяемость и контролируемость судейской оценки доказательств вышестоящими инстанциями?

В настоящей статье предлагается теоретико-правовое обоснование концепции «рефлексивного контроля» как ответа на эти вопросы. Рефлексивный контроль понимается как требование к судье не просто перечислить доказательства и сформулировать вывод, но эксплицировать саму процедуру оценивания: указать правила вывода (логические, правовые, презумптивные), показать, как были разрешены сомнения, и обосновать, почему совокупность доказательств достигла требуемого стандарта доказывания.

Для понимания концепции рефлексивного контроля необходимо обратиться к истории развития нормативных пределов оценки доказательств. В этом развитии можно выделить три основных этапа.

Первый этап — формальная (легальная) система оценки доказательств. Господствовавшая в римском праве, средневековой Европе и отчасти в России до судебной реформы 1864 года, эта система предполагала, что закон сам устанавливает, какие доказательства являются достаточными для установления факта. «Полное доказательство» достигалось, например, показаниями двух «добрых» свидетелей или собственным признанием обвиняемого [2, с. 245].

И. Я. Фойницкий выделял характерную черту легальной (формальной) теории доказательств, состоявшую в детерминированности процессуальных действий судьи и устранении дискреционных полномочий при принятии решения. В рамках данной модели предписание закона о необходимом количестве свидетелей приобретало императивный характер: недостижение установленного порога влекло за собой невозможность констатировать факт доказанным, даже при отсутствии у судьи субъективных сомнений в его истинности. Обратная ситуация также была строго регламентирована: совокупность формальных условий обязывала судью признать факт установленным вне зависимости от наличия у него внутренних сомнений относительно подлинности обстоятельств дела [2].

К числу достоинств формальной модели относили унификацию судебной практики и предсказуемость правоприменительных актов. Вместе с тем ее уязвимой стороной признавалась негибкость, а также принципиальная неспособность дифференцировать доказательства с учетом их индивидуальной специфики и особенностей формирования.

Закономерным этапом эволюции правовой мысли стал переход к системе свободной оценки доказательств, фундированной категорией внутреннего убеждения. Указанная трансформация произошла на европейском континенте в период конца XVIII — XIX столетий (Великая французская революция, судебные реформы в германских государствах, российские Уставы 1864 года). Причиной данного перелома

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

послужило стремление преодолеть ограничения, имманентные формальной модели. В результате реформирования судья обрел возможность самостоятельно оценивать доказательственный материал, руководствуясь исключительно «внутренним убеждением, складывающимся из всей совокупности обстоятельств дела».

Однако данный переход породил новую проблему: требовалось найти механизмы ограничения судейского усмотрения, не допускающие его перерождения в произвол. Решением стало введение требования мотивированности судебных актов. Судебные уставы 1864 года обязывали суд указывать основания, по которым он признал доказательства достаточными либо недостаточными. Это означало важный шаг вперед: судья был обязан не просто вынести решение, но и разъяснить его логику.

Советское процессуальное законодательство также закрепляло требование мотивировки приговора. Согласно ст. 314 УПК РСФСР 1960 года, в приговоре надлежало отражать «доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства». Однако на практике мотивировка зачастую носила формальный и шаблонный характер, поскольку закон не раскрывал, каким образом судья должен обосновывать свое доверие одним доказательствам и неприятие других.

Третий этап – рефлексивный контроль. Современный этап эволюции характеризуется пониманием того, что мотивированность не может быть формальной; она должна раскрывать внутреннюю логику судейского убеждения.

Концепция рефлексивного контроля предлагает такую методологию и включает следующие элементы:

перечень доказательств, исследованных в судебном заседании;

оценку каждого доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достоверности;

сопоставление доказательств между собой, выявление их согласованности или противоречий;

экспликацию правил вывода – указание на то, какие логические законы, правовые презумпции и стандарты доказывания применялись при переходе от доказательств к выводу;

описание способа разрешения сомнений (если сомнения остаются неустранимыми).

Л. А. Воскобитова отмечает, что внутреннее убеждение судьи подлежит рациональной экспликации, поскольку только в этом случае решение может быть проверено вышестоящим судом [3].

Концепция рефлексивного контроля не противоречит принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, а, напротив, дополняет и конкретизирует его. Свобода судьи не означает отсутствия ограничений; в правовом контексте свобода – это возможность действовать в соответствии с законом и профессиональными стандартами, а не произвол. Рефлексивный контроль не предписывает судье, какое решение вынести; он предписывает, как обосновать это решение. Более того, экспликация собственных логических шагов делает судью более свободным, поскольку он перестает быть рабом бессознательных когнитивных искажений и интуитивных догадок.

Кроме того, рефлексивный контроль выполняет важную легитимирующую функцию. Как писал Ю. Хабермас, легитимность правовых решений в современном обществе основывается не на их соответствии абсолютной истине (которая недоступна), а на рациональной процедуре их вынесения [4]. Рефлексивный контроль

– это и есть такая процедура. Он не гарантирует, что решение будет истинным в метафизическом смысле, но гарантирует, что решение будет рационально обоснованным, а значит – проверяемым, контролируемым и в этом смысле легитимным.

Практическая реализация концепции рефлексивного контроля возможна через дополнение процессуального законодательства требованиями к содержанию мотивировочной части судебных актов, а также через разработку методических рекомендаций для судей по экспликации оценочной деятельности.

Таким образом, проведенный теоретико-правовой анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

Эволюция нормативных пределов оценки доказательств движется от формальной законности (легальная система) к содержательной обоснованности (свободная оценка) и далее – к мотивированности как экспликации процедуры оценивания. Концепция рефлексивного контроля представляет собой теоретическое обобщение этого эволюционного тренда.

Рефлексивный контроль не противоречит принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, а, напротив, является условием его рациональной реализации. Экспликация правил вывода и способов разрешения сомнений не ограничивает свободу судьи, а освобождает его от неконтролируемой интуиции и обеспечивает легитимность судебных решений.

Практическая имплементация концепции рефлексивного контроля возможна через дополнение процессуального законодательства требованиями к содержанию мотивировочной части судебных актов, а также через разработку методических рекомендаций для судей по экспликации оценочной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М. : Статут, 1997. 286 с.

2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. Печатается по третьему изданию, Спб.,1910. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. ISBN 5-87062-032-5. Текст : непосредственный. Текст : электронный. Т. 2. 1996. 606 с.

3. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти [Текст]: учебник / Л. А. Воскобитова ; Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2017. 287 с.: табл.; 22 см.; ISBN 978-5-16-011424-8

4. Habermas J. Faktizität und Geltung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992. URL: https://hal.science/hal-04721927/document (дата обращения 18.04.2026).

УДК 343.98

В.В. Тактоева, М.И. Самарин

К ВОПРОСУ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей статье исследуется понятие, правовая природа и особенности института приостановления предварительного расследования, дается авторское определение рассматриваемому понятию. Выявляются проблемы правоприменения норм, регламентирующих деятельность следователя после приостановления расследования и вносятся предложения по их преодолению.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, производство по уголовному делу, следователь, основания, процессуальные и следственные действия.

V.V. Taktoeva, M.I. Samarin

ON THE QUESTION OF SUSPENDING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

This article examines the concept, legal nature, and specific features of the suspension of a preliminary investigation, providing the author's own definition of this concept. It identifies challenges in the enforcement of rules governing investigators' activities after the investigation has been suspended, and proposes solutions.

Key words: suspension of preliminary investigation, criminal proceedings, investigator, grounds, procedural and investigative actions.

В современной следственной практике органы предварительного расследования сталкиваются с объективными проблемами, затрудняющими производство процессуальных действий и препятствующими полноценному осуществлению предварительного следствия или дознания в установленные законом сроки. Их неустранение или невозможность минимизации блокирует как совершение познавательных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), так и выполнение иных процедурных требований. Указанные обстоятельства, будучи внешними по отношению к должностным лицам, нередко обусловливают необходимость приостановления производства по уголовному делу [1, с. 87].

В настоящее время существует проблема применения института приостановления предварительного расследования действующими сотрудниками органов предварительного расследования, в том числе и в связи с недостаточной регламентацией деятельности следователя, после принятия рассматриваемого процессуального решения.

На протяжении длительного периода в следственной практике возникают такие проблемные вопросы, связанные с рассматриваемым институтом, как обоснованность принимаемого решения следователями и дознавателями, неоднократность применения, нарушение сроков расследования, возможность производства каких – либо процессуальных действий в этот период.

Решение о приостановлении предварительного расследования является процессуально регламентированным и принимается исключительно при наличии оснований, исчерпывающе предусмотренных ст. 208 УПК РФ.

Как следует из анализа нормы, все законодательно закрепленные основания

связаны с фигурами стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого) и предполагают объективное отсутствие возможности продолжения в отношении них уголовного преследования или дальнейшего расследования.

При этом в действующем УПК РФ отсутствуют легальные дефиниции понятия «приостановление» предварительного расследования, что актуализирует задачу их научно-доктринального определения и исследования особенностей данной правовой категории в контексте установленных оснований для принятия соответствующего процессуального решения.

В уголовно-процессуальной доктрине под приостановлением предварительного расследования традиционно понимается временное прекращение процессуальной деятельности следователя (дознавателя) по расследованию уголовного дела ввиду наступления обстоятельств, прямо указанных в законе [2, с. 162].

Хотя данная дефиниция верна в своей основе, она, на наш взгляд, требует уточнения, так как не в полной мере отражает специфику возникающих правоотношений и комплекс мер, предпринимаемых должностными лицами в данный период.

Более содержательным представляется определение, предлагаемое Д.В. Павловым и С.В. Яшиным, которые рассматривают приостановление как «предусмотренный уголовно-процессуальным законом временный перерыв в расследовании обстоятельств, подлежащих доказыванию, в течение которого следователь (дознаватель) принимает меры к устранению вызвавших его обстоятельств, а также осуществляет непроцессуальные действия по сбору информации для последующего своевременного возобновления производства по делу» [3, с. 84].

Схожей позиции придерживаются М.С. Бирук и А.С. Ходырева, определяя приостановление как временное прекращение деятельности уполномоченных должностных лиц в соответствии с законодательными основаниями, в процессе которого реализуются меры, направленные на устранение причин, повлекших такое приостановление [4, с. 430].

В доктринальных определениях приостановления производства традиционно выделяется ряд системообразующих признаков. Данный институт характеризуется как:

1)временный и вынужденный перерыв в осуществлении следственных или судебных действий [5, с. 118; 6, с 27];

2)перерыв, объективно обусловленный наличием препятствий (как правило, связанных с невозможностью участия обвиняемого/подозреваемого в обязательных процессуальных действиях) [7, с. 11];

3)состояние, влекущее изменение правового режима деятельности: доминирующий вектор усилий смещается с собственно уголовно-процессуальных отношений в сферу розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на устранение возникших препятствий [8, с. 13].

Отдельные исследователи усматривают тавтологию в дублировании понятий «перерыв» и «временный перерыв» [9, с. 432]. Однако, на наш взгляд, акцентуация на временном характере решения методологически оправдана. Она подчеркивает промежуточный, а не окончательный статус производства, выполняя важную телеологическую функцию – служит постоянным напоминанием правоприменителю о необходимости активных действий по устранению препятствий для скорейшего возобновления процесса и достижения его целей. Игнорирование этого аспекта на практике зачастую приводит к «забыванию» дел, что наносит ущерб как интересам правосудия, так и правам участников процесса.

Таким образом, в контексте операционализации доктринальных конструкций, наибольший научный и практический интерес представляют подходы к пониманию сущностного содержания и юридических последствий указанного перерыва, а не формальные дискуссии о дефинициях.

В современной уголовно-процессуальной доктрине отсутствует единая позиция относительно юридической природы приостановления производства по уголовному делу. Ряд исследователей трактуют данную процессуальную стадию как полное или частичное прекращение уголовно-процессуальных правоотношений. Так, С.Б. Россинский последовательно обосновывает, что приостановление производства представляет собой перерыв не только в производстве следственных действий и принятии процессуальных решений, но и во временном прекращении досудебных уголовно-процессуальных отношений. Восстановление этих отношений, по его мнению, происходит исключительно с момента возобновления производства по делу, что соответствует логике ст. 211 УПК РФ [10, с. 370;11 с.119,120].

Иную, более умеренную позицию занимает И.М. Кунов, который, не утверждая о полном прекращении правоотношений, констатирует их существенную минимизацию в связи с категорическим запретом следственных действий [12, с. 37].

Более осторожную и формально-юридическую позицию демонстрируют авторы «Курса уголовного процесса» под редакцией Л.В. Головко. Они не ставят вопрос о прекращении процессуальных отношений, однако, апеллируя к ч. 3 ст.209 УПК РФ, подчеркивают принципиальный и абсолютный запрет на совершение следственных и иных процессуальных действий, а также на вынесение решений до возобновления производства [13, с. 379].

Качественно иную интерпретацию предлагает А.О. Машовец, сводя сущность приостановления к временному перерыву исключительно в уголовно-процессуальном доказывании. Согласно этой позиции, блокируется лишь деятельность по доказыванию обвинения, в то время как иные мероприятия, направленные на устранение препятствий для дальнейшего производства, могут продолжаться [14, с. 433].

Таким образом, спектр научных взглядов варьируется от признания полного «замораживания» процессуальных отношений до их сугубо частичного ограничения в сфере доказывания.

Ключевой процессуальной особенностью данного института выступает отсутствие или невозможность участия стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого) в производстве по делу. Основное значение института заключается в оптимизации процессуальных сроков, позволяющей исключить из общего срока расследования периоды, в течение которых производство по объективным причинам невозможно, тем самым предотвращая их необоснованное истечение.

На основании изложенного, под приостановлением предварительного расследования предлагается понимать уголовно-процессуальное решение, принимаемое уполномоченным должностным лицом органа предварительного расследования (следователем, дознавателем) о временном, вынужденном прекращении производства по уголовному делу, вызванном наличием установленных законом обстоятельств, препятствующих расследованию и оформляемое соответствующим постановлением.

Проблемой практической направленности является необходимость осуществления следователем мер по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого и мер по розыску и установлению места нахождения скрывшихся подозреваемого (обвиняемого), в соответствии с п.1,2 ч.2 ст. 209 УПК РФ.

При этом ч.3 ст. 209 УПК РФ запрещает производство следственных действий в указанный период. Возможность осуществления иных процессуальных действий в действующей редакции не регламентирована. Таким образом, возникает проблема реализации требований закона при запрете уголовно-процессуальной деятельности со стороны следователя.

Внесение дополнений ст. 209 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «допускается производство отдельных процессуальных действий, в том числе направление запросов, истребование и приобщение информации во исполнение требований пп.1, 2 ч.2 настоящей статьи», могло бы урегулировать возникающие коллизии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стельмах В.Ю. Понятие, признаки и основания приостановления производства предварительного расследования / В.Ю. Стельмах // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3 (25). – С. 87-90.
2. Манова Н.С. Уголовный процесс: краткий курс лекций / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров. – М.: Юрайт, 2014. – 250 с.
3. Павлов Д.В. Приостановление и возобновление предварительного следствия в российском уголовном процессе: лекция / Д.В. Павлов, С.В. Яшин // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 12. – С. 83-88.
4. Бирук М.С. Процессуальный порядок действий следователя при приостановлении и возобновлении предварительного следствия / М.С. Бирук, А.С. Ходырева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 429-435.
5. Ломовский В.Д. Вопросы приостановления производства по уголовному делу в советском уголовном процессе // Правоведение. – 1962. – № 6. – С. 118-121.
6. Быков В.М., Попов А.М. Приостановление и возобновление предварительного расследования. Монография. Челябинск: Полиграф – Мастер, 2006. - 178с.
7. Химичева Г.П. Приостановление предварительного следствия (процессуальные и организационные вопросы): учебное пособие / Г.П. Химичева, Н.А. Патов. – М.: Юрайт, 1996. – 100 с.
8. Ефимичев С. Некоторые вопросы приостановления предварительного расследования / С. Ефимичев, П. Ефимичев // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 76-78.
9. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 480 с.
10. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник / С.Б. Россинский. – М.: ЭКСМО, 2009. – 400 с.
11. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник / С.Б. Россинский. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 200 с.
12. Кунов И.М. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук / И.М. Кунов. – Краснодар, 2019. – 220 с.
13. Курс уголовного процесса: учебник / под ред. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2016. – 600 с.
14. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 480 с. (автор главы – А.О. Машовец).

УДК 343.1

А. Л. Тимохина

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КАК ВИД ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие процессуального решения в уголовном процессе и один из его основных видов – постановление. Рассматривается его место в уголовном судопроизводстве, значимость удостоверяемых им юридических фактов, особенности деятельности участников уголовного судопроизводства по принятию решения, требования и свойства постановления, отдельные его виды, предусмотренные законом. Излагаются некоторые предложения по оптимизации законодательных положений, регламентирующих структуру, требования и виды данного вида процессуальных решений в досудебном производстве.

Ключевые слова. Процессуальные решения, уголовное судопроизводство, постановление, законность, обоснованность, мотивированность, справедливость.

A. L. Timokhina

RESOLUTION AS A TYPE OF PROCEDURAL DECISION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the concept of a procedural decision in criminal proceedings and one of its main types is a ruling. Its place in criminal proceedings, the significance of the legal facts certified by it, the specifics of the activities of participants in criminal proceedings in decision-making, the requirements and properties of the resolution, and its individual types provided for by law are considered. Some proposals are presented to optimize the legislative provisions governing the structure, requirements and types of this type of procedural decisions in pre-trial proceedings.

Keywords. Procedural decisions, criminal proceedings, resolution, legality, validity, motivation, justice.

Досудебное производство характеризуется активной деятельностью органов предварительного расследования, в ходе которой принимаются процессуальные решения. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) под процессуальным решением понимается решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ. В качестве одного из видов процессуального решения, принимаемого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, выделяется постановление, под которым понимается решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления[1].

Исходя из анализа законодательной дефиниции, можно сделать вывод, что в приводимых понятиях не отражается сущность данного решения, а лишь приводится перечень субъектов, уполномоченных на его принятие и указывается на необходимость

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ. Между тем, постановление является основным процессуальным документом, закрепляющим значимые для уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении юридические факты. Большинство видов постановлений прямо предусмотрены законом (например, постановление о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о признании потерпевшим, о привлечении лица в качестве обвиняемого, о прекращении уголовного дела и др.).

Однако, в понятии постановления подразумевается, что любое своё решение уполномоченное лицо может изложить именно в постановлении, то есть оно может быть вынесено не только в случаях, прямо определённых законом. Так, в практике органов предварительного расследования, встречаются такие постановления, как постановление об установлении обстоятельств, постановление об уточнении данных, постановление о нецелесообразности производства какого-либо процессуального действия и иные порождённые практикой конкретного региона или подразделения постановления, обусловленные спецификой возникающих в ходе расследования задач). Но законом общие требования и правила к такому решению не изложены, в то время как уголовно-процессуальному праву свойственно императивное регулирование отношений, а подобные постановления становятся частью материалов уголовного дела, на основе которых суду предстоит разрешить дело по существу.

Представляется, что в уголовно-процессуальном законодательстве требуется закрепить общие требования к содержанию такого вида процессуальных решений, как постановление, поскольку в настоящее время они носят фрагментарный характер или регулируют особенности только отдельных видов постановлений. На сегодняшний день в УПК РФ определен перечень требований и свойств к определениям и постановлениям в целом – законность, обоснованность и мотивированность. В ст. 146 УПК РФ определены составные элементы постановления о возбуждении уголовного дела, в ст. 171 УПК РФ – постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в ст. 213 УПК РФ – постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. В остальных случаях закон ограничивается отсылкой на то, что определённое процессуальное решение оформляется постановлением.

Такой подход видится логически верным, поскольку, солидаризируясь с позицией С.Б. Россинского, полагающего, что отдельные положения УПК РФ регламентируют не столько порядок уголовного судопроизводства, сколько правила уголовно-процессуального делопроизводства, закон и не должен содержать подробного указания для каждого вида постановления, необходимость принятия которого возникает у должностных лиц [1, с. 121; 2, с. 44]. Между тем, представляется целесообразным обозначить в законе универсальные требования, элементы, структуру и форму к постановлению в целом, чтобы в практике не порождались ошибки, способные привести к недопустимости полученных доказательств и незаконности принятых решений. Как справедливо указывает И.П. Попова, унификация процессуальных решений призвана закреплять четкие критерии для их принятия, снижая риски процессуальных ошибок и злоупотреблений, и одновременно обеспечивая не только законность, но и справедливость принятых актов [3, с. 58].

Подобные предложения в своё время озвучивал А.С. Бахта, которым были разработаны проекты статей, отражающих содержание постановления [4, с. 419 – 425]. Развивая идеи профессора, предлагается несколько изменить подход с учётом действующего законодательства, особенностей современного этапа развития уголовного судопроизводства и собственной позиции по данному вопросу.

Представляется, что в статье, отражающей содержание и требования в постановлению, должно быть указано: понятие данного процессуального решения, способ его изготовления, структура, обязательные реквизиты для каждой части, требования и свойства, указание на необходимость ознакомления с правами и ответственностью, предусмотренной для конкретного участника (ов), порядок обжалования, сведения об ознакомлении, направлении копии, возможность приложения сопровождающих материальных носителей информации, а также установления дополнительных требований в отдельным видам постановлений.

Предлагаемые изменения позволят обеспечивать соблюдение уголовно-процессуальной формы и принципа законности, и в то же время не скажутся на процессуальной самостоятельности участников уголовного судопроизводства, ежедневно принимающих процессуальные решения, как непосредственно предусмотренных уголовно-процессуальных законом, так и востребованных практикой основывающихся на нормах, содержащих оценочные категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 116-135.

2. Россинский С. Б. О проникновении в уголовно-процессуальный кодекс правил следственного делопроизводства / С.Б.Россинский // Правда и Закон. – 2022. – № 3(21). – С. 43-50.

3. Попова И. П. Требования к процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве: унификация и усмотрение / И. П. Попова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2026. – № 1. – С. 57-60.

4. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.09. М., 2011. — 518 с.

УДК 343.13

В. В. Якубук

К ВОПРОСАМ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЫНЕСЕНИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящей статье рассмотрены нормы законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, регламентирующие реализацию положений постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, фактическое исполнение таких постановлений. Автором сделан вывод об отсутствии в законодательстве целостного системного подхода к регламентации порядка такой реализации, обозначена связанная с этим проблематика надлежащего исполнения требований законодательства, предложены пути решения проблемных вопросов.

Ключевые слова: отказ в возбуждении уголовного дела, правовые последствия.

W. W. Yakubuk

ON THE LEGAL CONSEQUENCES OF A DECISION OF REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the provisions of law of the Russian Federation and the Republic of Belarus, regulating the implementation of the provisions of decisions of refusal to initiate criminal proceedings, the actual execution of such decisions. The author makes the conclusion

that there is no comprehensive system approach in the legislation to regulating the procedure for such implementation, identifies the related issues of proper execution of legal requirements, proposes solutions to problematic issues.

Keywords: refusal to initiate a criminal case, legal consequences.

Стадия возбуждения уголовного дела является единственной стадией, через которую проходит любое уголовно-процессуальное производство, в связи с чем итоговые решения этой стадии имеют существенное значение для всего уголовного процесса, в целом определяя возможность его дальнейшего осуществления. При этом, именно принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела окончательно завершает эту деятельность, иные решения – «только передают ведение процесса в его следующую стадию или предоставляют возможность дальнейшего ведения процесса иным органам (лицам)» [1, с.187]. В большинстве источников научной литературы вынесение решения об отказе в возбуждении уголовного дела рассматривается в качестве юридического факта, порождающего установленные законодательством правовые последствия. При этом, С.Г.Леоновым справедливо отмечается, что часть из таких возникающих правоотношений напрямую зависит от примененного при вынесении этого процессуального решения исключающего возбуждение уголовного дела «пресекательного» основания [2, с.85–86, 102-122]. Так, только принятие указанного решения в первоначальной стадии судопроизводства сопровождается применением исключающих ведение уголовно-процессуальной деятельности оснований, предусмотренных ст.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. [3] (далее – УПК РФ) (в Республике Беларусь – обстоятельств, предусмотренных ст.29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. [4] (далее – УПК РБ), путем указания одного наиболее подходящего «пресекательного» основания (обстоятельства). Следует отметить, что именно названные основания (обстоятельства) наделяют рассматриваемое нами в целом универсальное процессуальное решение (одинаково завершающее уголовный процесс при наличии любого из них) установленным процессуальной деятельностью смысловым содержанием и в силу положений законодательства далее непосредственно определяют возникновение тех или иных правоотношений, в основном, вне уголовно-процессуальной сферы.

Так, нормами законодательства обоих государств применение некоторых нереабилитирующих оснований определяет обязанность регистрации и учета преступлений, в связи с чем правовые последствия исследуемого решения могут быть в определенной степени соотнесены с вынесением обвинительного приговора при осуждении лица без назначения ему наказания. Указанное постановление с учетом примененных «пресекательных» оснований (обстоятельств) также может определять правовые отношения и в других отраслях права, в частности, обязательное осуществление ряда иных последующих процессов (процедур) (например, административного процесса [5]). Кроме того, в связи с наличием в некоторых случаях возможности только однократного получения необходимой информации (в частности, при осмотре места дорожно-транспортного происшествия) и достижением в уголовном процессе объективной истины обоснованные выводы названного процессуального решения могут частично или полностью обуславливать выносимые в дальнейших процессах (процедурах) решения (например, о привлечении к гражданско-правовой ответственности установленного в ходе уголовно-процессуальной деятельности непосредственного причинителя вреда (владельца источника повышенной опасности)

в случаях заявления гражданского иска). Также принятие этого постановления обуславливает возникновение (изменение, прекращение) правового статуса субъектов правоотношений в иных отраслях права (например, возникновение права на ознакомление со сведениями, полученными в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности [6]). Таким образом, правовые последствия вынесения рассматриваемого решения имеют существенное значение для участников уголовного процесса и иного широкого круга лиц как в области уголовно-процессуальной деятельности, так и в значительной части правовых ситуаций вне ее.

Вместе с тем, в научной литературе рассмотрение проблематики правовых последствий итоговых процессуальных решений уголовного процесса сводится в основном к выяснению полноты выполнения ими карательной задачи уголовного процесса. Так, по мнению М.С.Строговича, исполнение таких итоговых решений в связи с разрешением в уголовном процессе основного вопроса «о виновности или невиновности» рассматриваемого лица «состоит в реализации, осуществлении принятого» решения именно по этому поводу [7, с.517, 519], тем самым, согласно позиции этого ученого, правовые последствия таких решений не выходят за рамки результатов разрешения этого вопроса. По нашему мнению, указанная позиция жестко связывается с выполнением только указанной карательной задачи и не учитывает множество иных процессуальных ситуаций, рассмотрение которых в уголовном процессе также однозначно влечет последующее возникновение правоотношений в иных отраслях права (например, вынесение рассматриваемого нами решения об отсутствии состава преступления в рассматриваемом деянии, несмотря на реабилитирующую цель такого решения, определяет возможность последующего привлечения лица к административной ответственности за совершение этого деяния [5]). При этом необходимо отметить, что именно эволюционное развитие общественной жизни приводит к необходимости правовой регламентации большего круга взаимосвязанных общественных отношений, определяет развитие законодательства и его усложнение, в частности наделение большей правовой значимостью итоговых процессуальных решений досудебных стадий уголовного процесса (например, объективная необходимость экономии уголовной репрессии определила регламентацию порядка освобождения лиц от уголовной ответственности с применением нереабилитирующих оснований). Расширение правовой роли указанных решений одновременно потребовало определение порядка их реализации, что фактически произведено законодателем в других связанных отраслях права.

Также, М.С. Строговичем отмечается наличие законной силы среди итоговых процессуальных решений только у приговора в связи с его вынесением от имени государства с соблюдением особой процедуры, вступлением в силу через определенный срок после вынесения и формированием процедурами его исполнения отдельной стадии уголовного процесса [7, с.519]. Вместе с тем, автоматическое следование приведенной позиции фактически может привести к выводу об определенном недостатке правовой силы у других итоговых процессуальных решений (например, исследуемого нами), возможной необязательности или необходимости наличия дополнительных условий для их исполнения. Однако, положения законодательства (например, указанные нами ранее) также наделяют иные итоговые процессуальные решения (помимо приговора) правовым значением, предусматривают обязательность следования их выводам и примененным при их вынесении «пресекательным» основаниям (обстоятельствам), регламентируют ответственность за их невыполнение (например, в случаях нарушения учетно-регистрационной

дисциплины при учете и регистрации преступлений и лиц, их совершивших). При этом, непосредственное отсутствие в УПК РФ и УПК РБ детальной правовой регламентации реализации правовых последствий вынесения на досудебных стадиях итоговых решений (отличающихся в общем от приговора только непринятием решения о применении мер уголовной ответственности) и ее детализация в различной степени в других актах законодательства свидетельствуют, по нашему мнению, только о стремлении законодателя исключить чрезмерное расширение норм уголовно-процессуального закона путем дублирования этого порядка наряду с его изложением во множестве иных актов, а также определить правовые предписания наиболее лаконичным образом только в соответствующем отраслевом законодательстве по предмету возникающих правоотношений.

При этом, иные итоговые решения (помимо приговора) окончательно завершают процессуальную деятельности с момента их вынесения, т.е. моменты окончательного разрешения процессуальных материалов и возникновения в связи с этим решением иных правовых отношений полностью совпадают. Это определяет необходимость одновременной реализации правоотношений (например, определение судьбы изъятых предметов в решении и немедленное возникновение соответствующих правоотношений с момента вынесения этого решения). Отсутствие временного промежутка для вступления в силу этих решений (например, с целью их обжалования до начала реализации), по нашему мнению, не свидетельствует об их меньшем правовом значении (в частности, по сравнению с приговором) или ином каком-либо усечении их правовой роли, показывает только отсутствие реальной необходимости такой отсрочки реализации в связи с непринятием ими решений о мерах уголовной ответственности и соответственно иных действий заинтересованных участников по данному поводу.

Необходимо также указать, что в законодательстве отсутствует требование о наличии какого-либо дополнительного отдельного акта об исполнении рассматриваемого в настоящей работе решения, что определяет немедленное возникновение (реализацию, осуществление) иных правоотношений с момента его вынесения. Тем самым, одновременно возникают права и обязанности как самого органа уголовного преследования (например, произвести действия по регистрации преступления), так и иных органов (лиц) (например, начать административный процесс, проверить или обжаловать принятое решение). При этом, для других органов (лиц) выполнение соответствующих действий фактически невозможно без наличия у них копии самого решения (осведомленности о его вынесении, наличия информации о его содержании), что определяет важность выполнения требований о направлении им в установленном порядке копии постановления или в целом процессуальных материалов (иного ознакомления с ними).

В настоящем исследовании следует отметить, что само решение об отказе в возбуждении уголовного дела только завершает ведение уголовного процесса, важную роль в возникновении дальнейших правоотношений играют иные указываемые в постановлении решения и выводы (например, примененные при его вынесении «пресекательные» основания (обстоятельства), обоснованные выводы в отношении рассмотренного деяния и его обстоятельств). Однако, в связи с тем, что законодателем они включаются в само постановление, получают свое материальное выражение в этом официальном документе и составляют его необходимую неотъемлемую часть, фактически именно вынесенное постановление в целом определяет возникающие

правоотношения, что, тем самым, по нашему мнению, одновременно свидетельствует об обязательности его действительной реализации, т.е. фактического исполнения.

Указанное отсутствие в уголовно-процессуальном законе систематизированных правовых предписаний по данному поводу, прямо регламентирующих порядок исполнения рассматриваемого решения, определило необходимость их конструирования в ином отраслевом законодательстве, что, по мнению автора, фактически в целом произведено отрывочно с недостаточной степенью детализации. Вместе с тем, выполнение соответствующих правовых норм необходимо также и в тех случаях, когда законодателем прямо не указывается об их связи с рассматриваемым нами решением, а только подразумевается в соответствующих правовых предписаниях (например, указание о совершении лицом преступления).

Описанная разрозненность правовой регламентации свидетельствует о необходимости как для должностных лиц органов уголовного преследования, так и в общем для лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, широкого знания законодательства, его системности и взаимосвязанности предписаний, что одновременно порождает в практической деятельности проблематику надлежащей реализации исследуемого нами решения. При этом, в тех случаях, когда в названном решении по каким-либо причинам (например, незнание законодательства, невнимательность) ошибочно не указаны решения таких сопутствующих вопросов (соответствующие правоотношения вообще не инициированы), по нашему мнению, их обязательное возникновение (изменение, прекращение) непосредственно определяют положения законодательства, поэтому неуказание правовых последствий в процессуальном решении не может препятствовать таким правоотношениям или свидетельствовать об их несостоятельности (например, в случаях дальнейшего инициативного ведения административного процесса по исследованному деянию), в целом необходима только осведомленность надлежащих лиц.

Вместе с тем, с целью выявления возможных нарушений законодательства надзорно-контрольным органам при проверке законности названного процессуального решения, по нашему мнению, необходимо осуществлять дополнительную проверку возможных вопросов его реализации. Такая проверка может быть произведена только при одновременной сверке положений этого решения с соответствующими учетами, базами данных, направлении соответствующих запросов и др. Только в этом случае может быть произведен надлежащий контроль самого возникновения правоотношений в иных отраслях права (например, привлечения соответствующих лиц к материальной ответственности [8]), что действительно позволит предупредить и пресечь нарушения требований законодательства.

Следует также отметить, что непосредственное отсутствие в уголовно-процессуальном законе регламентации реализации итоговых процессуальных решений (помимо приговора) определяет необходимость рассмотрения допущенных при вынесении этих решений ошибок только в рамках надзорно-контрольной деятельности, т.е. с обязательным привлечением этих органов (должностных лиц). При этом, вопросы изменения решения могут быть произведены только после применения такими органами полномочий на его отмену, что тем самым определяет необходимость последующего вынесения нового решения (с учетом устранения отмеченных недостатков). Однако, как правило, отмена исследуемого решения осуществляется только в значимых случаях, что, по нашему мнению, свидетельствует об отсутствии в уголовно-процессуальном законе эффективного механизма исправления самим органом уголовного преследования незначительных (не по существу) ошибок (описок)

вынесенного решения (например, касающихся судьбы изъятых предметов). В связи с изложенным, по нашему мнению, до внесения соответствующих изменений в закон научному сообществу и практическим работникам в таких случаях необходимо рассмотреть возможность применения аналогии закона в части использования правовых норм, регламентирующих вопросы приведения решений суда в исполнение.

Таким образом, изложенное приводит к выводу об отсутствии в законодательстве обоих государств единой целостной системы правовых предписаний в части регламентации реализации положений выносимых постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, т.е. фактического исполнения этих решений. Это в целом порождает проблематику выполнения требований законодательства, высокую латентность допускаемых нарушений, ущемление прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйствования, государственных и общественных интересов.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы как для совершенствования законодательства обоих государств, так и непосредственно в ходе практической правоприменительной деятельности и в качестве необходимой основы при дальнейших правовых исследованиях обозначенных проблемных вопросов. Использование полученных результатов усилит правозащитный потенциал уголовного судопроизводства, оптимизирует деятельность правоохранительных органов, послужит дополнительной мерой дебюрократизации государственного аппарата. Реализация приведенных предложений повлечет усиление доверия к деятельности государственных органов, сформирует действенный механизм разрешения проблемных ситуаций уголовного процесса и послужит усилению национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.ЯкубукВ.В. Правовое значение решения об отказе в возбуждении уголовного дела / Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. – Мн., 2026. – С.187–188. – URL: https://www.amia.by/images/amiaby/activity/rio/materials/2026/Propblem.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

2.ЛеоновС.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса : дис. … канд. юр. наук. – Краснодар, 2011. – 205 с.

3.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001г. №174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

4.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 16 июл. 1999г. №295-З [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы ЭТАЛОН.

5.ЯкубукВ.В О значении оснований принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела для ведения последующего административного процесса // Актуальные вопросы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности: сб. ст.– Могилев, 2025. – С.182–188. – URL: https://www.elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/9685 (дата обращения: 14.01.2026).

6.ЛопухД.В., ЯкубукВ.В. О праве на ознакомление со сведениями, полученными в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела // Актуальные вопросы теории и

практики оперативно-розыскной деятельности: тез. докл. – Мн., 2025. – С.88–91. – URL: https://www.elib.amia.by//handle/docs/14110 (дата обращения: 24.06.2025).

7.СтроговичМ.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. – 704с.

8.ЯкубукВ.В. О привлечении к материальной ответственности при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела // Экономическая безопасность как основной приоритет устойчивого развития государства : тез. докл. – Мн., 2025. – С.146–150. – URL: https://www.elib.amia.by//handle/docs/14485 (дата обращения: 28.11.2025).

СЕКЦИЯ III.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 342

С.Н. Грошев, Ю.В. Шелегов, Д.А. Кузнецова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье делается попытка рассмотреть государственное принуждение в качестве важнейшей категории науки права и государства. Авторы анализируют различные подходы к пониманию правовой природы указанного феномена, сравнивая такие понятия как «государственное принуждение», «правовое принуждение» и «государственно-правовое принуждение».

Ключевые слова: государство, право, социальное принуждение, государственное принуждение, правовое принуждение, юридическая ответственность, меры государственного принуждения, законность, правовая государственность.

S.N. Groshev, Yu.V. Shelegov, D.A. Kuznetsova

STATE COERCION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article attempts to consider state coercion as the most important category of the science of law and the state. The authors analyze various approaches to understanding the legal nature of this phenomenon, equating such concepts as "state coercion", "legal coercion" and "state-legal coercion".

Keywords: state, law, social coercion, state coercion, legal coercion, legal responsibility, measures of state coercion, legality, legal statehood.

Актуальность статьи заключается в том, что принуждение — это сложный и многослойный социальный конструкт, неизменно присущий социуму на всем протяжении человеческой цивилизации. По сути, властное воздействие на индивида, в рамках реализации установленных обществом обязанностей, фиксировалось всегда, в том числе и в догосударственный период. С момента возникновения государства принуждение эволюционирует, становясь государственным, обрастая новыми сложными закономерностями, приобретая гарантированность в образе аппарата и легитимности.

В отечественной юридической науке указанная проблематика считается фундаментальной. Тем не менее, в настоящее время она не получила своего однозначного и исчерпывающего решения. Достаточно дискуссионными выступают вопросы, затрагивающие сущность, меры, критерии и классификация государственного принуждения, а также пределы вмешательства государства в сферу автономии воли индивида.

Что же касается актуальности настоящей темы, то она проистекает из следующего: а) проблема легитимации государственного принуждения в контексте правового государства; б) вопрос трансформации подходов к осмыслению государственного принуждения в современных реалиях.

Целью настоящей работы выступает теоретико-правовой анализ института государственного принуждения, сквозь призму подходов к его пониманию и места в понятийном аппарате юридической науки.

Итак, анализ института государственного принуждения сквозь призму теории права необходимо коррелировать с социальным принуждением. В широком понимании последнее ни что иное как специфический вид социальной коммуникации, при которой субъект облаченный властью посредством активного физического или психического воздействия на волю подвластного заставляет того действовать вопреки своим собственным интересам и целям.

Отталкиваясь от этимологии «принуждение» восходит к глаголу «принуждать». Последнее же означает, если обратиться к словарю В. И. Даля, «приневолить, силовать, заставлять», то есть силой заставлять, побуждать [1, С. 431]. В этой связи, само слово «принуждение» выражает идею воздействия из вне, которое преодолевает или подавляет автономию воли индивида. Стоит отметить, что принуждение — это атрибут любого социума, так как ни в одной социальной группе не может быть тотального консенсуса в рамках реализации нормативных требований [2, С. 157]. По сути, принуждение — это необходимый институт общественного согласия в сложноустроенном обществе.

Структурно, принуждение как динамическое явление можно представить как процесс, включающий в себя следующие сегменты: цель, методы, инструментарий и результат. Более подробно о структуре описано в исследовании В.А. Чашникова [3].

В дефинитивном аспекте государственное принуждение это ни что иное как специфический вид социального принуждения. Специальным его делает особый статус властного субъекта — государства, обладающего монопольным правом применять насилие. Современные юридические исследования отражают в своей аналитике несколько подходов к пониманию сущности государственного принуждения. Так, согласно одной теории, государственное принуждение представляет собой способ воздействия на подвластное лицо посредством законным неблагоприятных последствий, которые возлагаются на субъекта в целях принудить его следовать нормам права. В свою очередь, И. П. Жаренов видит в государственном принуждение политико-правовую систему воздействия, несущую в себе охранительные характеристики для правопорядка [4, С. 34–37].

Если обобщить имеющийся материал, то можно выделить широкий спектр сущностных признаков, характеризующих государственное принуждение как юридический институт. К таковым следует относить: публично-властный характер, процессуальную форму, персонифицированность, вторичность по отношению к убеждению, охрана правопорядка, правовая регламентация.

В случае соотношения государственного, правового и государственно-правового принуждения можно прийти к выводу о том, что имеет место три основных подхода. Представителем первого подхода выступает А.И. Козулин, соединяет «государственное принуждение» и «правовое принуждение», определяя последнее как нормативно определенное принуждение. Исследователь подчеркивает, что критерием разграничения выступает правовая форма, в которую облекается государственно-властное воздействие [5, С. 12-14].

Второй подход выражается в том, что с дефинитивных позиций, как считает ряд авторов, добавление «правовое» к категории «государственное принуждение» выступает аналитическим излишеством. Можно согласиться с И.П. Жареновым, который справедливо полагает, что государственное принуждение всегда облачено в

правовую форму.

Третий подход видит в категории «государственно-правовое принуждение», акцентуацию на неразрывной связи государственных и правовых начал в механизме властного воздействия на поведение всех субъектов правого регулирования. Отдельно следует привести мнение Р.А. Рыженкова, полагающего мораль неизменным легитиматором государственного принуждения [6, С. 141].

Если обобщить представленную аналитику, то можно сделать вывод о том, что наиболее валидной видится доктрина, согласно которой правовое принуждение и государственное принуждение — это не тождественные понятия, хотя и близко между собой связанные. Здесь, на наш взгляд, важно то, что правовое принуждение заключается в правовую форму и предусмотрено нормами права, но властным субъектом может выступать не только органы государства, но и иные, уполномоченные законом субъекты. В то же время, государственное принуждение — это процесс, в котором государство предстает в качестве властного субъекта. Безусловно, государственное принуждение должно быть правовым, но современность демонстрирует и частые отклонения от подобного принципа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. М.: ГИС,1955. Т. 3. 555 с.

2. Шалютин, Б.С. К вопросу о сущности права, или о консенсусе ненасилия и свободе слова / Б.С. Шалютин // Философский журнал. 2024. №1. С. 153-168.

3. Чашников, В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 225 с.

4. Жаренов, И.П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 145 с.

5. Козулин, А.И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 16 с.

6. Рыженков, Р.А. Особенности государственно-правового принуждения в условиях политических режимов / Р.А. Рыженков // Евразийская адвокатура. 2024. №1 (66). С. 136-142.

УДК 342.413

Н.В. Кешикова

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА УРОВНЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НОВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается трансформация территориальных основ местного самоуправления через призму законодательной реформы, направленной на развитие единой системы публичной власти. Сделаны выводы о симбиозе двух уровней структуры территориальной организации местного самоуправления на практике и о существовании нескольких односторонних подходов по вопросу понимания территориальных основ в теории. Предлагается применение комплексного подхода к их пониманию на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному, а также структурно-логический вариант выстраивания соответствующего понятийного аппарата.

Ключевые слова: публичная власть, территориальные основы, уровневая организация, местное самоуправление, понятийный аппарат.

N.V. Keshikova

TERRITORIAL FOUNDATIONS OF THE ORGANIZATION OF PUBLIC AUTHORITY AT THE LOCAL GOVERNMENT LEVEL IN THE NEW LEGISLATIVE CONDITIONS

The article examines the transformation of the territorial foundations of local self-government through the prism of legislative reform aimed at developing a unified system of public authority. Conclusions are drawn about the symbiosis of two levels of the structure of the territorial organization of local self-government in practice and the existence of several unilateral approaches to the understanding of territorial foundations in theory. It is proposed to apply an integrated approach to their understanding based on the method of ascending from the abstract to the concrete, as well as a structural and logical variant of building the corresponding conceptual apparatus.

Keywords: public authority, territorial foundations, level organization, local government, conceptual framework.

Вопросы территориальных основ местного самоуправления как неотъемлемой части системы организации публичной власти все годы существования и функционирования местного самоуправления в России были остаются одними из актуальных и спорных. Несмотря на неутихающий интерес к этим вопросам, и до реформы 2025 года и после наблюдается «несоответствие научной разработки проблем территориальных основ местного самоуправления их актуальности» [1]. Тем более, что «их решение ставилось ранее и ставится сейчас в основу реформ местного самоуправления» [2, с. 106]. При этом недостаточное осмысление места, роли и особенностей территориальных основ напрямую нивелирует качество муниципального законодательства. А «динамика территориальных основ местного самоуправления влияет на нестабильный характер организации и осуществления местного самоуправления» [3, с. 2308]. Кроме того, следует заметить, что основные тенденции в определении территориальных основ местного самоуправления в юриспруденции оставляют желать лучшего. В связи с чем значимость и востребованность заявленной проблематики не вызывает сомнений.

Общеизвестно, что в июне 2025 года вступил в действие Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[1] (далее – Закон № 33-ФЗ) пришедший на замену Федеральному закону от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон 131-ФЗ)[2], который нужно заметить в определенной своей части действует до сих пор, причем это действие в апреле сего года продлено до 1 января 2028 года.

Краеугольным камнем, повлекшим неутихающие споры в течение нескольких лет с участием научного сообщества, органов государственной власти и представителей сообщества муниципальных образований стал вопрос о структурно-уровневой территориальной организации местного самоуправления. Так как

[1] Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.

[2] Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

первоначальный проект Закона № 33-ФЗ коренным образом менял архитектуру данной организации с двухуровневой в пользу одноуровневой. Что не соответствовало правовым позициям Конституционного Суда РФ, где неоднократно указывалось на важность и значимость именно поселенческого уровня структурной организации местного самоуправления для решения вопросов местного значения населением поселений (например, в Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П; от 30 ноября 2000 г. № 15-П)[1].

Сложившаяся ситуация нашла живой отклик в научной среде, что выразилось в целом ряде публикаций, так или иначе ее касающихся. Предметом познания стали, как косвенно связанные с проблемой территориальных основ местного самоуправления вопросы «места и роли муниципальной власти в конституционной модели единой системы публичной власти в Российской Федерации» [4]; «эволюции системы публичного муниципального управления» [5]. Так и напрямую затрагивающие проблемы территориальной организации местного самоуправления, среди них: территориальные основы через призму особенностей конституционно-правового регулирования местного самоуправления [6] и «децентрализации правового регулирования в сфере местного самоуправления, вплоть до предоставления субъектам Российской Федерации права самостоятельно устанавливать одноуровневую либо сохранять двухуровневую систему местного самоуправления» [7] и др.

Результатом многолетней научной и экспертной полемики, внесения предложений об изменении и дополнении в первоначальный текст проекта закона, а также уступок со стороны участников дискуссии, и был разработан и принят окончательный вариант текста закона, предусматривающий некий симбиоз – параллельное сосуществование и функционирование одноуровневой и двухуровневой структуры территориальной организации местного самоуправления на территории России. Причем решение в пользу той или иной структурно-уровневой организации федеральный законодатель мягко переложил на плечи государственных органов субъектов РФ. Тем самым федеральные органы государственной власти, пойдя по пути наименьшего сопротивления, сняли с себя решение этого спорного вопроса, возложив эту задачу на государственные органы субъектов РФ. В результате создали своего рода прецедент. Последний заключается в отсутствии, как это было принято до селе, прямого и однозначного закрепления рамочным специальным федеральным законом определенного вида структурно-уровневой территориальной организации местного самоуправления на всей территории России и возложении на государственные органы субъектов РФ путем принятия регионального закона выбора в пользу одно – или двухуровневой структуры территориальной организации местного самоуправления при условии, если в них сложились и имеются такие социально-экономические, исторические, национальные и иные особенности(ч. 7 ст. 9 Закона № 33-ФЗ), которые напрямую обусловливают возможность и необходимость сохранения двухуровневой структурной территориальной организации местного самоуправления. Прежняя такого рода организация (Закон 131-ФЗ), надо отметить, ограничивалась лишь сложностью и множественностью микроуровня – видов муниципально-территориальных единиц (в

[1] По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П //Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 1; По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 1.

целом 8), что в известной степени компенсировалось единой двухуровневой структурой территориальной организации местного самоуправления как на макроуровне на всем пространстве России, так и на мезо – в субъектах РФ.

В итоге, с одной стороны, мы наблюдаем как бы позитивную тенденцию. Она заключается в децентрализации решения вопроса выбора структурно-уровневой территориальной организации в рамках совместной сферы ведения России и субъектов РФ посредством исключения его из предметов ведения федерального законодателя и выведения из разряда общих принципов организации и одновременного включения в предметы ведения субъектов РФ как вопроса об особенностях такой организации в них. Однако данная тенденция, с другой стороны, одновременно вполне может приобрести и негативный характер. Поскольку положения же об исследуемой организации, установленные в Законе № 33-ФЗ, на наш взгляд, возвели сложность структурно-уровневой территориальной организации местного самоуправления в России в целом на макроуровне и ее разнородность в субъектах РФ на мезоуровне, а также даже при определенном сокращении видов муниципально-территориальных единиц с восьми до шести на микроуровне до высочайшей степени. Что явно «сужает единое «пространство для маневра» при реагировании на новые вызовы, природа которых непрерывно видоизменяется с учетом феноменального научно-технического прогресса и связанных с ним социальных трансформаций» и в пространстве всего государства [8, с. 28] и в субъектах РФ. Более того, может возникнуть вопрос, а разве вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ[1] не определяет и не обусловливает единую же структурно-уровневую территориальную организацию местного самоуправления в целях осуществления ими муниципальной власти как неотъемлемого элемента единой системы публичной власти, а также взаимодействия не только с органами субъектов РФ в целях реализации региональной политики, но и федеральными органами государственной власти в рамках общегосударственной политики? Вопрос превращается в риторический.

Еще одной проблемой, существующей и в юридической науке, и в практике стал понятийный аппарат, характеризующий генеральный объект муниципального права политико-правовой институт местного самоуправления в целом, а также один из институтов общей части муниципального права «территориальные основы местного самоуправления». Начнем с того, что в юриспруденции нет единого подхода к пониманию и составу последнего. Различия в мнениях авторов, на наш взгляд, с одной стороны, обусловливает то, какой научный подход они используют, исследуя названную характеристику местного самоуправления на элементарном уровне познания. К примеру, Н.В. Постовой, применяя функциональный подход, определяет территориальные основы местного самоуправления через систему правоотношений, возникающих по поводу его территориального устройства [9, с. 90]. При этом акцентирует внимание на их динамической стороне, упуская из виду статику. В свою очередь О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев опираются на формально-юридический подход, сообразно последнему представляют территориальные основы местного самоуправления в качестве правового института муниципального права и дефинируют его как «совокупность муниципально-правовых норм, закрепляющих и регулирующих

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. 4 июля 2020 года. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.04.2026).

территориальную организацию местного самоуправления (формирование и состав территории муниципального образования, границы территории муниципального образования, порядок их установления и изменения)» [10, с. 291]. В этом варианте понимания территориальных основ авторы делают упор на статические характеристики объекта исследования. В целом же обе позиции ограничиваются лишь одной стороной характеристики, не учитывая другие, и в результате мы имеем дело с субъективным односторонним пониманием указанных основ. Что свидетельствует о дуализме соответствующих представлений и противоречивости модели в целом. Хотя, на наш взгляд, в характеристике исследуемых основ должны сочетаться одновременно и статика, и динамика. Для этого выбор методов познания должен основываться на комплексном подходе.

На наш взгляд, в основу познания понятия и структуры территориальных основ местного самоуправления следует заложить комплексный подход, который вытекает из общефилософских начал методологии познания. Подходящей здесь вполне будет диалектическая методология в форме материализма, в рамках которой «онтогносеологическая и методологическая традиция нашей философии исходит из достаточно часто применяемого метода «восхождения от абстрактного к конкретному» [11, с. 96]. Развивая позицию А.Б. Невелева, полагаем возможным рассматривать понятие и структуру территориальных основ местного самоуправления через призму парных категорий абстрактное – конкретное, идеальное – материальное(реальное). Иначе говоря, территориальные основы местного самоуправления в роли абстрактной и идеальной категории предстают в качестве муниципально-правового института общей части отрасли муниципального права, который формируется путем абстрактных же умозаключений и существует в сознании исследователя в качестве идеальной муниципально-правовой модели. Одновременно те же территориальные основы местного самоуправления объективируются(материализуется) в публично-правовой действительности через реальное существование и функционирование конкретных муниципальных образований в лице населения, органов и должностных лиц местного самоуправления и иных субъектов, заинтересованных в участии в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и находящихся в пределах реально установленных границ территории соответствующего муниципального образования, которая предстает при этом в качестве его материальной основы.

Что касается понятийного аппарата территориальных основ местного самоуправления, то в целях систематизации его можно представить, на наш взгляд, в виде структурно-логической схемы «территориальные основы публичного управления(общее) – территориальные основы местного самоуправления(род) – территориальная организация(вид) – территориальное устройство местного самоуправления(особенное)». Где общим понятием является «территориальные основы публичного управления», как верхний уровень, объединяющий несколько родовых, в свою очередь родовым выступает понятие «территориальные основы местного самоуправления», следом место видового понятия занимает «территориальная организация местного самоуправления», наконец завершает понятийный ряд понятие «территориальное устройство местного самоуправления» в качестве особенного.

Таким образом, территориальные основы местного самоуправления, их структура и организация в России представляют собой сложный и многогранный механизм, сочетающий в себе, с одной стороны, единые конституционно- и

законодательно-правовые основы на уровне России и региональные особенности на уровне субъектов РФ. В условиях усиливающегося внимания к эффективности территориальной организации и функционирования публичной власти особое место отводится правовой четкости, институциональной устойчивости и оптимальному балансу структурно-уровневой организации территориальных основ местного самоуправления, а также прозрачности, качеству и результативности процедур территориальной организации местного самоуправления. Необходимыми остаются направленные на дальнейшее совершенствование территориальных основ местного самоуправления меры по последующему развитию правового регулирования соотношения и взаимодействия на макро уровне муниципальной и государственной власти в единой системе публичной власти в целом в целях обеспечения их равновесия и стабильности, включая мезоуровень гарантирования соразмерности и гармонии между уровнями структурной организации территориальных основ местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шарнина Л.А. Территориальная организация местного самоуправления Российской Федерации: монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 168 с.
2. Фасеев И.Ф. Проблемы развития местного самоуправления и территориальная организация местного самоуправления // Полития. – 2024. – № 1. – С 106 –123.
3. Медведева Н.В. Динамика территориальной организации местного самоуправления: формат округов // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 9. – С. 2307–2318.
4. Кешикова Н.В. Муниципальная власть в конституционной модели единой системы публичной власти в Российской Федерации// В сб.: I Восточно-Сибирский юридический форум. Сб. мат-лов XXX межд. научно-практ. конф. – Иркутск, 2025. – С. 299–303.
5. Карпенко А.И. Новый вектор развития системы публичного муниципального управления// Научно-практический журнал «Индустриальная экономика». – 2024. – № 3. – С. 10–15.
6. Бурмистрова Ю.Ю., Микерин А.А. Особенности конституционно-правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – Т. 16. – № 3 (61). – С. 26 – 34.
7. Котельников А.Д. Право не избирать? Новый закон о местном самоуправлении и механизм народовластия // Искусство правоведения. – 2025. – № 3. – С. 75–81.
8. Костюков А.Н. Конституционное развитие современной России // Правоприменение. –2025. –Т. 9, № 3. – С. 25–31.
9. Постовой Н. В. Муниципальное право России : учебник / Н.В. Постовой, В. В. Таболин, Н. Н. Черногор ; под ред. Н. В. Постового. – 4-е изд., перераб., и доп. – М.: Юриспруденция, 2016. – 456 с.
10. Кутафин О.Е. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев. – 3-е изд., перераб., и доп. – Москва: Проспект, 2010. – 672 с.
11. Невелев А. Б. О категории чувственно-абстрактного: к постановке вопроса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 4 (486). – С. 95–101.

УДК 347, 341.9

А. В. Колосов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию эволюции и современного состояния гражданско-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации. Анализируется процесс становления информации как самостоятельного объекта правового регулирования, рассматриваются исторические этапы развития правового режима информации, а также влияние цифровизации на трансформацию гражданского оборота. Особое внимание уделяется формированию нормативной базы, включая регулирование персональных данных, цифровых прав и больших данных, а также выявлению существующих пробелов в правовом регулировании. Отдельно рассматриваются перспективы дальнейшего развития правовой категории «информация» в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: гражданское право, информация, цифровые права, информационные отношения, большие данные, цифровизация, правовое регулирование.

A. V. Kolosov

TRANSFORMATION OF CIVIL LAW REGULATION OF INFORMATION CIRCULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the evolution and current state of civil law regulation of information relations in the Russian Federation. It analyzes the process of establishing information as an independent legal object, as well as the historical stages of the development of its legal regime and the impact of digitalization on the transformation of civil circulation. Special attention is paid to the formation of the regulatory framework, including the regulation of personal data, digital rights, and big data, as well as the identification of existing gaps in legal regulation. The study also considers the prospects for further development of the civil law status of information in the context of the digital economy.

Keywords: civil law, information, digital rights, information relations, big data, digitalization, legal regulation.

В современной действительности информация занимает особое место, выступая универсальным основанием функционирования практически всех общественных отношений. Цифровизация экономики, развитие сетевых технологий и усложнение механизмов социального взаимодействия привели к тому, что именно информационный обмен становится определяющим фактором устойчивости гражданского оборота, эффективности государственного управления и реализации субъективных прав. Информация постепенно утрачивает исключительно прикладной характер и приобретает значение самостоятельной юридической категории, обладающей не только нематериальной природой, но и выраженной имущественной ценностью. В этих условиях информация превращается в стратегический объект правового регулирования, а ее правовой режим становится одним из ключевых

элементов развития современной правовой системы и адаптации законодательства к реалиям цифровой эпохи.

Вместе с тем, подобное значение информации как ключевого элемента общественного и правового устройства не носило неизменного характера и формировалось постепенно под воздействием политических, экономических и технологических преобразований российского государства.

На ранних этапах становления российского права, охватывающих дореволюционный и советский исторические периоды, информация не воспринималась в качестве самостоятельного объекта гражданско-правового регулирования, что было обусловлено как особенностями социально-экономического уклада, так и спецификой господствующих правовых концепций. Дореволюционная цивилистическая доктрина концентрировала основное внимание преимущественно на вещных, обязательственных и наследственных правоотношениях, рассматривая имущественный оборот через призму материальных объектов и классических имущественных конструкций. Информация при этом не обладала признаками самостоятельной экономической ценности и не выделялась в отдельную правовую категорию, поскольку выполняла главным образом вспомогательную функцию в рамках документарного и управленческого оборота.

В советский период данная тенденция получила дальнейшее развитие вследствие господства централизованной плановой экономики, исключавшей свободный рыночный оборот информационных ресурсов. Информация рассматривалась преимущественно как инструмент государственного управления, идеологического воздействия и административного контроля, а ее правовое регулирование носило несистемный и отраслевой характер. Основное внимание законодателя было сосредоточено на обеспечении режима государственной тайны, охране служебных сведений и регулировании отдельных аспектов интеллектуальной деятельности, тогда как частноправовая ценность информации фактически отрицалась. В результате вплоть до конца XX века российская правовая система не выработала комплексного подхода к определению правовой природы информации и ее места в структуре объектов гражданских прав.

Существенным этапом формирования современного правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации стало принятие Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее ФЗ № 149), который впервые на законодательном уровне закрепил универсальное определение информации как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления[1]. Подобный подход позволил сформировать базовую нормативную конструкцию информации и обеспечить единообразие регулирования в условиях стремительного развития цифровых технологий и информационных систем. Вместе с тем, закрепленное законодателем определение носит преимущественно общий и технологически нейтральный характер, поскольку ориентировано главным образом на обеспечение доступа к информации, регулирование информационных процессов и защиту информационной безопасности. Несмотря на значимость данного нормативного акта, его положения в большей степени отражают публично-правовую природу регулирования, связанную с обеспечением

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

государственного контроля и порядка обращения сведений, тогда как частноправовая составляющая остается недостаточно разработанной [1, с. 7].

Закон фактически не формирует целостной гражданско-правовой концепции информации как самостоятельного объекта имущественного оборота, не определяет пределы ее оборотоспособности, особенности осуществления правомочий в отношении информационных ресурсов и механизмы их гражданско-правовой защиты. В результате современное регулирование информации характеризуется определенной концептуальной неполнотой, при которой экономическая ценность информации активно развивается в цифровой среде значительно быстрее, чем соответствующие правовые механизмы ее гражданско-правового регулирования [2, с. 434].

Существенные изменения в подходах к правовому регулированию информации стали формироваться в связи с развитием цифровой экономики и закреплением стратегических направлений государственной политики. Особое значение в данном процессе имел Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[1], закрепивший принципиально новый подход к пониманию роли информации и данных в современной экономической системе. Впервые на уровне стратегического государственного планирования данные были определены в качестве ключевого фактора производства наряду с традиционными экономическими ресурсами, что фактически ознаменовало переход к признанию информации самостоятельным экономически значимым активом.

Подобная трансформация свидетельствует о постепенном изменении правовой природы информации из объекта преимущественно административного и технологического регулирования она превращается в элемент цифрового имущественного оборота. Дальнейшее развитие указанной концепции получило отражение в Указе Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2] и иных стратегических документах, ориентированных на ускоренное развитие цифровой инфраструктуры, технологий обработки больших массивов данных, искусственного интеллекта и платформенных механизмов управления.

В совокупности данные нормативно-стратегические акты сформировали новую государственную парадигму, в рамках которой информация рассматривается не только как средство коммуникации или объект защиты, но и как стратегический ресурс, определяющий конкурентоспособность государства, устойчивость экономических процессов и направления модернизации правового регулирования.

Одним из наиболее значимых этапов данной трансформации стало закрепление в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] института цифровых прав, который фактически обозначил признание существования новых объектов

[1] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.05.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвёртая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410; 2001. № 49. Ст. 4552; 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

гражданского оборота, функционирующих исключительно в цифровой среде посредством информационных систем и электронных записей. Введение указанной категории свидетельствует о постепенном расширении предмета гражданско-правового регулирования за пределы традиционных имущественных конструкций и отражает стремление законодателя адаптировать гражданское право к реалиям цифровой экономики.

Вместе с тем, проведенный анализ эволюции гражданско-правового регулирования оборота информации в Российской Федерации позволяет выявить наличие ряда концептуальных проблем, нормативных пробелов и противоречий, которые сохраняются несмотря на активное развитие цифрового законодательства. В связи с обозначенной трансформацией информационных отношений представляется возможным сформулировать комплекс предложений, направленных на дальнейшую систематизацию и совершенствование правового регулирования данной сферы.

Прежде всего представляется обоснованным нормативное закрепление информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, обладающего собственным правовым режимом и четко определенными признаками оборотоспособности. Отсутствие единой гражданско-правовой концепции информации как целостного объекта имущественного оборота обусловливает существенную правовую неопределенность, проявляющуюся в вопросах установления принадлежности информационных ресурсов, определения пределов их оборотоспособности и формирования выверенных подходов к их экономической оценке. Современное состояние гражданско-правового регулирования в данной сфере в целом характеризуется системной разобщенностью, несогласованностью правовых режимов и объективным отставанием нормативной базы от динамики технологического развития, что в совокупности актуализирует необходимость переосмысления информации как самостоятельной категории гражданского права.

Одним из перспективных направлений развития гражданско-правового регулирования информационных отношений также является формирование самостоятельного правового режима больших данных (Big Data), что обусловлено их возрастающей ролью в цифровой экономике и управлении современными информационными системами [3, с. 42]. Несмотря на широкое использование категории «большие данные» в стратегических документах и нормативно-техническом регулировании, на уровне федерального законодательства данный термин до настоящего времени не получил закрепления в качестве самостоятельной юридической категории. В частности, в ГОСТ Р 59925-2021 большие данные определяются как массивы данных, обладающие значительным объемом, высокой скоростью обработки и разнообразием структур[1]. Однако подобная техническая дефиниция не оформлена в полноценную правовую конструкцию, что создает разрыв между нормативно-техническим и гражданско-правовым уровнями регулирования. Значимость правового регулирования больших данных подчеркивается и на государственном уровне. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал необходимость укрепления информационной безопасности, контроля оборота больших данных в целях недопущения причинения ущерба гражданам, а также развития отечественных технологий обработки данных и проектов в сфере искусственного интеллекта, что свидетельствует о признании больших данных одним из ключевых элементов

[1] ГОСТ Р 59925–2021. Большие данные. Термины и определения. — М.: Стандартинформ, 2021.

современной цифровой экономики[1]. В связи с этим представляется необходимым разработать легальное определение больших данных в рамках федерального законодательства, а также определить их правовой режим как самостоятельного объекта гражданских прав, включая вопросы принадлежности, допустимых форм оборота и механизмов правовой защиты, что позволит обеспечить системность и предсказуемость правового регулирования в условиях цифровой трансформации экономики.

Одним из приоритетных направлений дальнейшего развития гражданско-правового регулирования информационных отношений выступает совершенствование правового режима оборота информации в условиях платформенной экономики. Цифровые платформы фактически трансформировались в ключевые инфраструктурные посредники, обеспечивающие сбор, обработку, систематизацию и перераспределение значительных массивов данных пользователей, что придает им системообразующее значение в современном информационном обороте. Вместе с тем, их гражданско-правовой статус, а также пределы ответственности за действия с информацией и последствия ее использования остаются недостаточно определенными и нормативно фрагментарными. Действующее регулирование не формирует целостной модели обязанностей платформ как самостоятельных участников цифровых отношений, особенно в части установления требований к законности сбора данных, условиям их хранения, порядку передачи третьим лицам и обеспечению информационной безопасности пользователей[2]. В связи с этим представляется необходимым разработать специальные гражданско-правовые нормы, учитывающие специфику платформенной экономики и направленные на детальную регламентацию информационных обязанностей цифровых посредников, а также на формирование сбалансированного механизма защиты интересов всех участников цифрового оборота, включая пользователей, платформы и иных субъектов информационных отношений.

Значимым направлением дальнейшего совершенствования правового регулирования информационных отношений выступает развитие механизмов правового обеспечения трансграничного оборота информации. В условиях, когда информационные потоки утрачивают территориальные ограничения и свободно перемещаются между странами, возникает необходимость согласования национальных правовых режимов с международными стандартами регулирования данных и информационных технологий. Данная ситуация актуализирует проблему правовой фрагментации, выражающейся в различиях подходов к определению статуса информации, условий ее обработки и пределов допустимого использования в различных юрисдикциях. В этой связи особую значимость приобретает развитие устойчивых механизмов международного сотрудничества в сфере защиты данных, а также последовательная гармонизация правовых подходов к определению правового режима информации, направленная на формирование более предсказуемой и согласованной модели трансграничного цифрового оборота.

---

[1] Путин В. В. О необходимости развития технологий обработки больших данных и укрепления информационной безопасности // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/18039191 (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289–ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.05.2026).

Одним из ключевых направлений дальнейшего развития гражданско-правового регулирования информационных отношений выступает совершенствование механизмов защиты информации в рамках гражданского оборота. В условиях цифровизации экономики особую актуальность приобретает усиление гарантий прав субъектов данных, предполагающее не только формальное закрепление правомочий, но и формирование эффективных процедур их реализации и восстановления в случае нарушения. Существенным элементом обозначенного направления является также совершенствование механизмов судебной защиты прав в цифровой среде, предполагающее адаптацию процессуальных конструкций к специфике электронного документооборота, распределенных информационных систем и трансграничного характера цифровых споров. В совокупности указанные меры направлены на формирование более устойчивой и предсказуемой системы правовой охраны информации как важнейшего элемента современного гражданского оборота.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о в целом позитивной динамике развития гражданско-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации. Вместе с тем сохраняется ряд проблем, связанных с фрагментарностью правового регулирования, недостаточной определенностью правового статуса информации и отдельных цифровых объектов, а также несоответствием темпов нормативного развития динамике технологических преобразований. Указанные проблемы, однако, не носят непреодолимого характера и могут быть эффективно решены посредством дальнейшей доктринальной проработки соответствующих институтов, совершенствования законодательства и унификации подходов к регулированию цифровой среды. В перспективе можно отметить, что развитие правового регулирования оборота информации обладает значительным потенциалом и формирует устойчивую основу для становления целостной системы цифрового гражданского права, отвечающей требованиям современной экономики и технологического прогресса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Потапенко С. В., Пащенко И. Ю. Цифровые права и информация в системе современного гражданского оборота // Труды по интеллектуальной собственности. 2019. Т. 34. № 3–4. С. 5–19.

2. Мирских И. Ю., Мингалева Ж. А. К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 430–445.

3. Тагаева С. Н., Гатиятуллина Э. М. Большие данные и персональные данные: правовая природа и вопросы регулирования // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 2. С. 40–52.

УДК 342.7

Е.С. Красинская

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХДЕЛ

В статье рассматриваются правовые и практические проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел. Анализируются основные способы распространения порочащих сведений, трудности доказывания и квалификации. Рассматриваются гражданско-правовые, административные и уголовные механизмы защиты, а также предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, сотрудник органов внутренних дел, гражданско-правовая защита.

E.S. Krasinskaya

TOPICAL ISSUES OF EXERCISING THE RIGHT TO PROTECTION OF HONOUR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

The article examines legal and practical issues of protecting honour, dignity and business reputation of internal affairs officers. The main methods of disseminating defamatory information (oral statements, traditional media, official documents), as well as the difficulties of proof and legal qualification, are analysed. Civil, administrative and criminal law protection mechanisms are considered, and ways to improve legislation and law enforcement practice are proposed.

Keywords: honour, dignity, business reputation, internal affairs officercivil law protection

Наличие у сотрудника органов внутренних дел особого правового статуса как представителя государственной власти, наделённого властными полномочиями, предопределяет повышенные требования к его морально-нравственному облику, чести, достоинству и деловой репутации. Как справедливо отмечает О. М. Климова, «сотрудник полиции является публичным лицом, находящимся под пристальным вниманием граждан и средств массовой информации, что делает его особенно уязвимым для распространения порочащих сведений» [1, с. 197].

Сущностно-содержательный элемент защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел остаётся малоизученным, отсутствует единое толкование (понимание) среди специалистов, что порождает серьёзные трудности в правоприменительной практике, в том числе при разграничении порочащих сведений и оценочных суждений, а также при доказывании факта распространения недостоверной информации. Актуальность темы обусловлена ростом числа случаев дискредитации сотрудников органов внутренних дел в условиях современного информационного общества, когда сведения могут быть распространены оперативно и массово, а их опровержение зачастую требует длительных судебных процедур.

Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел имеет некоторые особенности: с одной стороны, речь идёт о защите

частных (личных) нематериальных благ конкретного гражданина – сотрудника полиции, с другой — умаление репутации сотрудника ОВД наносит ущерб публичным интересам, поскольку подрывает доверие к правоохранительной системе в целом, поэтому правовая система защиты чести и достоинства сотрудников ОВД должна учитывать данную особенность и предусматривать не только гражданско-правовые, но также административные и уголовные механизмы реагирования на факты дискредитации [2, с. 196]. При этом важно не нарушать баланс между необходимостью защиты репутации сотрудника и конституционным правом граждан на свободу выражения мнения (ст. 29 Конституции РФ[1]).

Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.02.2005 № 3[2], под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан, следует понимать «опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу». Таким образом, анализ способов распространения порочащих сведений в отношении сотрудников ОВД имеет важное практическое значение, поскольку именно от правильной квалификации характера и канала распространения зависит выбор надлежащего механизма защиты

Переходя к проблемам доказывания и юридической квалификации, необходимо отметить, что именно эти аспекты вызывают наибольшие трудности в правоприменительной практике. Как справедливо указывает Т. В. Каравай, по причине того, что граждане, чьи права могли быть затронуты действиями сотрудника ОВД, нередко выражают своё негативное отношение в форме субъективных оценок, ключевой проблемой является отграничение порочащих сведений от оценочных суждений (мнений, убеждений), которые не могут быть проверены на предмет соответствия действительности и не влекут юридической ответственности [5, с. 79].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ[3], не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности. Оценочные же суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ[4], поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности [6, с. 4]. Ответчики пытаются вуалировать недостоверную информацию под субъективное мнение.

Для успешной судебно-исковой защиты важно доказать наличие трёх условий: во-первых, распространённые сведения должны носить порочащий характер; во-вторых, они должны быть распространены (то есть доведены до сведения хотя бы одного третьего лица); в-третьих, они должны не соответствовать действительности [1, с. 196]. При этом бремя доказывания соответствия действительности распространённых сведений лежит на ответчике. Истец же обязан доказать сам факт распространения сведений и их порочащий характер [6, с. 5].

---

[1] Российская газета. – 1993. – № 237.

2 СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

[4]Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Трудности доказывания в делах данной категории связаны также с необходимостью фиксации факта распространения. В отличие от письменных источников, устные высказывания зачастую не могут быть подтверждены иначе как свидетельскими показаниями, что создаёт риск субъективной оценки и недоказанности. Кроме того, проблема анонимности нарушителя, например при направлении анонимных писем, существенно затрудняет или делает невозможным привлечение виновного лица к ответственности [8, с. 81].

В контексте квалификации порочащих сведений важное значение имеет также понимание того, какие именно сведения могут быть признаны порочащими. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ[1], порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту или других сведениях, которые умаляют честь и достоинство гражданина либо его деловую репутацию [6, с. 3]. Применительно к сотрудникам ОВД порочащими могут быть признаны, например, сведения о коррупции, превышении должностных полномочий, фальсификации материалов дела, жестоком обращении с задержанными и иные аналогичные утверждения.

Следует отметить, что российское законодательство предусматривает несколько уровней такой защиты:

– гражданско-правовой, закреплённый в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. Указанная норма предоставляет лицу, ставшему объектом распространения порочащей информации использовать следующие способы защиты: опровержение недостоверной порочащей информации, публикация ответа пострадавшего в тех же СМИ, устранение соответствующих данных, а также пресечение или запрет на дальнейшее распространение указанных сведений. Ключевой составляющей гражданско-правовой охраны чести и достоинства выступает возмещение морального вреда, который был нанесен распространением порочащих сведений

– административный, предусмотренный ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[2], которая устанавливает наказание за оскорбление. Санкции по данной статье включают штрафы: для граждан – от 3 до 5 тысяч рублей, для должностных лиц – от 10 до 30 тысяч рублей, для юридических лиц – от 50 до 100 тысяч рублей. При этом административная ответственность наступает только в случае, если действия нарушителя не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

– Уголовный, предусмотренный ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ[3], устанавливающей ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Санкции по данной статье являются достаточно суровыми и включают штрафы от 500 тысяч до 5 миллионов рублей в зависимости от квалификации.

– внутриведомственный. В соответствии с Приказом МВД России от 19.12.2018 № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

[3] Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

органов внутренних дел Российской Федерации»[1], в каждом территориальном органе МВД России создаются комиссии по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников [5, с. 80]. Указанные комиссии осуществляют проверку фактов распространения порочащих сведений, организуют служебные проверки, а также вырабатывают рекомендации по защите нарушенных прав.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд системных проблем, снижающих эффективность защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД, и предложить пути их решения. Одной из основных причин отказов в удовлетворении исков является невозможность установления надлежащего ответчика, что особенно характерно для случаев анонимного распространения порочащих сведений [2, с. 198]. В связи с этим представляется целесообразным законодательное закрепление упрощённого порядка идентификации лиц, распространяющих порочащие сведения, в том числе через механизм судебного запроса в организации, предоставляющие услуги связи и хостинга.

Вторая проблема, по мнению Т. В. Каравай, — сложность разграничения порочащих сведений и оценочных суждений [5, с. 82]. Для её решения требуется развитие судебной практики и, возможно, принятие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ[2], закрепляющего чёткие критерии для дел о защите чести и достоинства публичных лиц, в том числе сотрудников правоохранительных органов.

Третья проблема связана с отсутствием единого толкования ключевых понятий среди специалистов теории оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим представляется обоснованным предложение о разработке ведомственного методического пособия, в котором были бы систематизированы подходы к выявлению, закреплению и подтверждению фактов распространения порочащих сотрудников ОВД сведений.

Четвёртой проблемой является низкая эффективность дисциплинарных механизмов защиты. Несмотря на наличие Приказа МВД России от 19.12.2018 № 850, регламентирующего деятельность комиссий по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников, на практике работа данных комиссий зачастую носит формальный характер, а принимаемые ими решения не всегда приводят к реальному восстановлению нарушенных прав. Представляется необходимым усиление ответственности руководителей территориальных органов ОВД за непринятие мер по защите подчинённых сотрудников от дискредитации, а также регулярное проведение обучающих семинаров по вопросам правовой защиты.

Пятым недостатком можно назвать правовую неосведомлённость самих сотрудников ОВД. Многие просто не знают, как защитить свою честь и достоинство: ни о ведомственных комиссиях, ни о порядке действий при клевете, ни о реальных шансах в суде [7, с. 6]. Выход — обучать этому в рамках профессиональной подготовки и курсов повышения квалификации.

Из анализа судебной практики можно сделать вывод, что размеры моральной компенсации по искам сотрудников ОВД зачастую являются символическими, а потому не способны ни реально возместить вред, ни предотвратить подобные нарушения в будущем. Как обоснованно отмечают А. И. Числов и Ж. К. Маликов,

---

[1]Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

«размер компенсации морального вреда должен быть соразмерен характеру и объёму причинённых страданий, однако на практике суды нередко занижают суммы, что снижает эффективность данного способа защиты» [1, с. 198]. Было бы оправданно уточнить позицию Пленума Верховного Суда РФ по вопросу компенсации морального вреда публичным лицам: установить нижние границы выплат, привязав их к тяжести нарушения и характеру порочащих сведений.

В заключение проведённого исследования необходимо сделать следующие основные выводы.

Во-первых, защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД имеет два измерения: частное (личные права самого гражданина) и публичное (поддержание доверия к правоохранительной системе в целом).

Во-вторых, существующая система способов защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД включает гражданско-правовые, административные, уголовные и внутриведомственные механизмы, однако их применение сопряжено с рядом проблем, в том числе со сложностью доказывания, отграничения порочащих сведений от оценочных суждений, а также с низкой эффективностью дисциплинарных процедур.

В-третьих, для повышения эффективности защиты предлагается: а) законодательное закрепление упрощённого порядка идентификации лиц, распространяющих порочащие сведения; б) принятие дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам разграничения фактологических утверждений и оценочных суждений; в) разработка ведомственного методического пособия по выявлению и доказыванию фактов дискредитации сотрудников ОВД; г) усиление ответственности руководителей за непринятие мер защиты; д) включение соответствующих модулей в программы профессиональной подготовки сотрудников.

Таким образом, реализация права на защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, развитие судебной практики, повышение правовой грамотности самих сотрудников и усиление внутриведомственного контроля. Только при условии эффективной работы всех указанных механизмов можно обеспечить надёжную защиту сотрудников ОВД от необоснованной дискредитации и тем самым укрепить авторитет всей правоохранительной системы Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Климова О.М. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников правоохранительных органов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2(218). – С. 197-198.

2. Числов А.И., Маликов Ж.К. Правовая система защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: проблемные аспекты // Наука и практика. – 2018. – № 1. – С. 195-199.

3. Иванов П.И. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (понятие, сущность и содержание) // Закон и право. – 2023. – № 12. – С. 195-200.

4. Боуш К.С. О некоторых проблемных вопросах реализации механизма правовой защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2021. – № 2. – С. 44-48.

5. Каравай Т.В. К вопросу о понятии распространения в отношении органа внутренних дел или его должностного лица порочащих или не соответствующих действительности сведений // Научный портал МВД России. – 2021. – № 3(55). – С. 77-83.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М. : Статут, 1998. – 353 с.
7. Агарков М.М. Ценность частного права // Избранные труды по гражданскому праву. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 110-130.
8. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. – М. : БЕК, 2000. – 240 с.

УДК 342

Т.А. Полякова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДНЕЙ ОТДЫХА СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается проблема компенсации слушателям образовательных учреждений МВД, являющихся сотрудниками органов внутренних дел, выходных дней, в течение которых они проходили обучение. Высказанные автором предложения могут быть учтены и использованы при внесении изменений и дополнений в законодательство, и в ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок и условия похождения службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: внутренний служебный распорядок, дополнительный день отдыха, органы внутренних дел, профессиональная подготовка, режим служебного времени, сотрудник, слушатель.

T.A. Polyakova

CURRENT ISSUES OF GRANTING ADDITIONAL DAYS OF REST TO INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

This article examines the issue of compensating students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs who are employees of internal affairs agencies for the days off during which they were trained. The author's proposals can be considered and applied when amending legislation and departmental regulations governing the procedures and conditions for service in internal affairs agencies.

Keywords: internal service regulations, additional day of rest, internal affairs agencies, professional training, work schedule, employee, student.

Сотрудники органов внутренних дел имеют особый служебный статус, который наделяет их специальными, присущими только им правами и обязанностями, устанавливает значительное количество ограничений и запретов. Именно потому они нуждаются в повышенных льготах и гарантиях, связанных с прохождением службы в органах внутренних дел.

Сотрудник органов внутренних дел может быть направлен в служебную командировку с целью выполнения какого-либо служебного задания, вопросы которого не могут быть решены без выезда на места. Продолжительность командировки может быть различной, но чаще всего составляет несколько дней.

Направление на обучение в образовательные организации системы МВД России или центры профессиональной подготовки территориальных органов МВД России также считается командированием, даже в том случае, если учебное заведение расположено по мету жительства обучаемого или же он имеет возможность ежедневно

возвращаться к месту жительства.

На сотрудников, находящихся в служебной командировке, распространяется режим служебного времени подразделений органов внутренних дел и иных организаций, в которые они командированы. Режим служебного времени подразумевает время начала и окончания рабочего дня, продолжительность перерывов в течении рабочего дня, время приема граждан, количество выходных дней и др.

Законодательством Российской Федерации сотрудникам установлена пятидневная, 40-часовая служебная неделя[1]. Но для сотрудников, проходящих обучение в образовательных организациях МВД России, устанавливается шестидневная служебная неделя. В этой части закон не приемлет двоякого толкования. Как только сотрудник приказом уполномоченного руководителя образовательной организации МВД России зачисляется на обучение, он приобретает статус слушателя (курсанта), и его обучение осуществляется шесть дней в неделю.

Форма обучения (очная, заочная) в данном случае не имеет значения, поскольку Закон о службе этот вопрос не оговаривает. Так же не уточняется по каким программам проходит обучение. Сотрудники могут обучаться по программам профессиональной подготовки, программам среднего профессионального образования и высшего образования. В первом случае сотрудник не повышает уровень своего образования, а лишь в зависимости от программы и продолжительности обучения получает допуск к самостоятельному несению службы или повышает свою квалификацию. Решающим значением для установления шестидневной служебной недели является организация, в которой сотрудник проходит обучение, т.е. образовательная организация МВД России. Профессиональное обучение сотрудников осуществляется, в основном, именно в таких организациях и при очной форме обучения составляет от двух недель до пяти месяцев в зависимости от осваиваемой учебной программы.

Таким образом, сотрудник органов внутренних дел, направленный на обучение по программам профессионального обучения (далее – слушатель) в образовательную организацию МВД России, находится в командировке, даже если расположение образовательной организации позволяет ему ежедневно возвращаться к месту своего жительства и обязан нести службу шесть дней в неделю с одним выходным днем в соответствии с внутренним служебным распорядком организации. Это, безусловно, нарушает его право на отдых, поскольку по основному месту службы он имеет два выходных дня в неделю. Количество выходных дней для сотрудника не может быть сокращено, а неиспользованные выходные дни компенсируются дополнительными днями отдыха, за исключением случаев направления сотрудника в командировку с целью охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, в том числе при особых условиях службы.

Разрешение данной ситуации предусмотрено приказом МВД России от 27 мая 2021 года № 300 «Об утверждении порядка и условии командирования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на территории Российской Федерации».[2] Так, если режим служебного времени в подразделениях органов внутренних дел или иных организациях, в которые командирован сотрудник, отличается от режима служебного времени в подразделении, где сотрудник проходит

[1] Часть 2 статьи 53 Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 года №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе)

[2] http://publication.pravo.gjv.ru, номер опубликования 0001202107080034, дата опубликования 08.07.2021

службу на постоянной основе в сторону уменьшения дней отдыха, сотруднику по возвращению из командировки предоставляется соответствующее количество дней отдыха. Следует обратить внимание на формулировку данного пункта: дни отдыха именно «предоставляются», а не «могут быть предоставлены» при соблюдении определенных условий. Это однозначное утверждение, обязывающее уполномоченных руководителей строго его выполнять.

Казалось бы, все очевидно: Закон о службе однозначно устанавливает для слушателей шестидневную служебную неделю; продолжительность и период обучения сотрудника известны, поскольку зафиксированы в командировочном удостоверении; количество неиспользованных выходных дней легко установить; приказ МВД № 300 требует предоставить сотруднику соответствующее количество дней отдыха. Однако на практике реализовать это право слушателей не представляется возможным по следующей причине.

Пункт 112 приказа МВД России № 300 имеет ссылку на другой приказ МВД России – № 50 от 1.02.2018г. То есть дополнительные дни отдыха предоставляются сотруднику в соответствии с требованиями указанного приказа. В свою очередь, приказ № 50 гласит, что в целях учета переработки, несения службы в выходные и нерабочие праздничные дни в подразделениях органов внутренних дел ведутся табели учета служебного времени, в которых, в том числе, указываются количество отработанных часов, выходные и нерабочие праздничные дни, а также дата предоставления дополнительного времени или дня отдыха. На основании данного пункта уполномоченными руководителями справедливо делается вывод, что при отсутствии табеля предоставление дополнительных дней отдыха невозможно. В образовательных организациях МВД России табель учета служебного времени слушателей и курсантов не ведется, поскольку сама организация дополнительные дни отдыха им не предоставляет.

Для недопущения подобных фактов в дальнейшем, необходимо внести в приказы МВД России № 50 и № 300 некоторые дополнения.

Так, пункт 277 приказа МВД России от 1 февраля 2018 года целесообразно дополнить фразой «кроме учета служебного времени сотрудников, проходящих обучение в образовательных организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел».

Приказ МВД России от 27 мая 2021 года № 300 дополнить пунктом 112.1 «Сотрудникам, проходившим профессиональное обучение в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, находящихся в ведении МВД России, федеральных государственных организациях дополнительного профессионального образования, находящихся в ведении МВД России, центрах профессиональной подготовки территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном, региональном уровнях по очной форме обучения предоставляются другие дни отдыха по возвращении из служебной командировки на основании части 3 статьи 53 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ и соответствующие количеству неиспользованных выходных дней, приходящихся на период командировки».

УДК 343.9.01

Е.Д. Солодовник

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

В настоящей статье рассматриваются вопросы противодействия преступлений террористического характера в Российской Федерации на примере Алтайского края. Автором анализируются причины роста террористической активности, а также роль государства, общества, образовательных учреждений, правоохранительных органов и средств массовой информации в профилактике терроризма. Особое внимание уделяется взаимодействию государственных и общественных институтов, направленному на формирование антитеррористического сознания у населения, прежде всего среди молодёжи и пожилых людей. Сделан вывод о значении комплексного взаимодействия государства и общества в целях предупреждения терроризма.

Ключевые слова: терроризм, противодействие преступности, профилактика терроризма, экстремизм, Алтайский край, молодёжь, правоохранительные органы.

E.D. Solodovnik

INTERACTION OF THE STATE AND SOCIETY IN COUNTERING TERRORISM (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI KRAI)

Article discusses the issues of countering crimes of a terrorist nature in the Russian Federation on the example of the Altai Krai. The author analyzes the causes of the growth of terrorist activity, as well as the role of the state, society, educational institutions, law enforcement agencies and
mass media in the prevention of terrorism. Special attention is paid to the interaction of state and public institutions aimed at the formation of anti-terrorist consciousness among the population, especially among young people and the elderly. The article concludes that comprehensive interaction between the state and society is essential for preventing terrorism.

Keywords: terrorism, crime prevention, terrorism prevention, extremism, Altai Krai, youth, law enforcement agencies.

На протяжении всей истории человечества борьба с преступностью была и остаётся актуальной. Хотя каждая страна сталкивается со своими специфическими видами противоправных деяний, существуют преступления, несущие угрозу всему мировому сообществу. Одной из таких глобальных проблем является терроризм.

В России понятие терроризма закреплено в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Согласно пункту 1 статьи 3 этого закона, терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий[1].

Статистика из открытых источников подтверждает актуальность проблемы - по данным МВД РФ, за первые девять месяцев 2025 года в стране было зафиксировано 4467 преступлений террористической направленности, что превышает показатель 2024

[1] 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

года (2600 случаев) на 75%[1].

В настоящее время увеличение числа преступлений данного характера обусловлено проведением Россией специальной военной операции, одной из важнейшей целью которой является денацификация Украины. Сторонники действующего украинского режима, как самостоятельно, так и путём вербовки уязвимых категорий граждан России, совершают преступления данного характера. Отмечается рост активности иностранных организаций, пропагандирующих нацистские идеи через Интернет.

В связи с этим, особую значимость приобретает предупреждение преступлений террористического характера. Алтайский край, учитывая своё географическое положение, может стать мишенью для деяний террористических организаций. Особую уязвимость представляют молодежь и пожилые люди, легко поддающиеся влиянию вербовщиков.

Как отмечал Ю. М. Антонян, полностью искоренить преступность невозможно, но её нужно контролировать на «некоем цивилизованном уровне» [1]. Для этого и существует институт противодействия преступности.

Под противодействием преступности Ю. А. Воронин и А. В. Майоров понимают комплекс мероприятий по обеспечению безопасности охраняемых законом интересов граждан, общества и государства, заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по воспрепятствованию возникновению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также по их выявлению, предотвращению и пресечению путем профилактики и предупреждения преступлений [2, с. 14].

Субъектами данной деятельности являются государство и общество. Они организуют, направляют и осуществляют борьбу с преступностью, включая профилактику, предотвращение и пресечение преступлений. На примере Алтайского края можно проследить, как именно такое взаимодействие формирует эффективную систему борьбы с данным видом преступности.

Государство играет ведущую роль в противодействии терроризму. В регионах эту функцию выполняют, в том числе, органы местного самоуправления. Так, в Алтайском крае действует государственная программа «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае», утверждённая постановлением Правительства края от 22 декабря 2023 года № 510, направленная на защиту граждан, общества и государства, реализацию профилактических мер и пресечение противоправной деятельности.

Координацию работы по противодействию терроризма и минимизации его последствий в Алтайском крае осуществляет Антитеррористическая комиссия Алтайского края, целью которой является проведение на территории края государственной политики РФ в области борьбы с терроризмом, а также разработка и реализация комплекса мер, направленных на повышение эффективности работы по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению терроризма и осуществлению террористической деятельности.

В муниципальных образованиях созданы профильные комиссии по противодействию экстремизму. Например, в Алтайском районе действует антитеррористическая комиссия, которая рассматривает вопросы безопасности инфраструктуры, действий органов местного самоуправления при угрозе терроризма и

[1] Число террористических преступлений в России с начала года выросло на 75% // Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/8228398 (дата обращения: 20.04.2026).

комплексного плана противодействия идеологии терроризма.

Однако стоит отметить, что эффективность антитеррористической деятельности возрастает, когда к данному процессу подключается обществ Образовательные учреждения играют ключевую роль в формировании у молодёжи антитеррористического сознания - проводятся мероприятия, приуроченные к Дню защитника Отечества, Дню Победы, Дню солидарности в борьбе с терроризмом и другим датам. В профессиональных образовательных организациях реализуются проекты, например, «Равный - равному», направленные на профилактику терроризма.

В настоящее время набирают популярность различные общественные организации и движения. Так, молодёжь активно вступает в ряды «Движения первых», «Юнармии», военно-патриотических клубов способствующих формированию гражданской ответственности и патриотизма.

Профилактическая работа с пожилыми людьми также важна. В Алтайском крае ежегодно проводится «Марафон долголетия», включающий спортивные, культурные и образовательные мероприятия. Сотрудники социальной защиты и волонтёры оказывают поддержку одиноким пенсионерам – доставляют продукты и лекарства, помогают с оплатой коммунальных услуг и решают другие бытовые вопросы. Стоит отметить и проведение бесед среди данной категории населения. Так, в 2024 году сообщалось, что в Алтайском доме-интернате для престарелых и инвалидов провели беседу «Осторожно, терроризм!». Жителям напомнили основные правила противодействия терроризму, рассказали, какую угрозу он несёт обществу, как вести себя в подобной ситуации, как не попасть в террористическую организацию, какие действия нужно предпринять, если вдруг оказаться в заложниках у террористов.

Средства массовой информации (СМИ), как мощный инструмент влияния, участвуют в противодействии терроризму через информирование населения и размещение профилактических материалов. Например, в Барнауле материалы антитеррористического характера регулярно размещают на официальном сайте города, в официальных страницах администрации в социальных сетях, такие как «Одноклассники», «ВКонтакте». На цифровых рекламных носителях также транслируются информационные материалы, посвящённые борьбе с терроризмом. За 2024 год указанные макеты были размещены на таких конструкциях в количестве 51 штуки.

Правоохранительные органы реализуют комплекс мер по противодействию терроризму, включая профилактику, выявление, пресечение террористической деятельности, а также минимизацию последствий таких угроз. Эта работа координируется на региональном уровне с участием различных ведомств, таких как УФСБ, ГУ МВД, СУ СК и другие. Значительный вклад вносят и курсанты БЮИ МВД России через просветительскую работу - они проводят лектории и беседы со студентами техникумов, колледжей и вузов. По данным на 2024 год, профилактической работой БЮИ МВД России было охвачено более 4,5 тысячи студентов барнаульских учебных заведений.

Таким образом, противодействие преступлений террористического характера является ключевым элементом обеспечения национальной безопасности России в целом. Высокой эффективности возможно достичь лишь при тесном сотрудничестве государства, правоохранительных органов, образовательных учреждений, общественных организаций, СМИ и населения. Опыт Алтайского края подтверждает, что комплексная работа, направленная на формирование антитеррористического сознания общества, в частности, у молодёжи и лиц пожилого возраста, способствует

снижению уровня преступности и укреплению общественной безопасности края и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю.М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. - №3.

2. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2013. - № 1. - С. 7 - 16.

УДК 347.63

Г.Н. Суслова

УДОСТОВЕРЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В настоящей статье рассмотрены подходы к классификации видов происхождения детей от родителей, основанные на различных критериях. Автором сделан вывод о значении удостоверения происхождения ребенка для возникновения взаимных личных неимущественных и имущественных правоотношений между ребенком и его родителями, порождении юридических последствий и реализации конституционных прав несовершеннолетнего.

Ключевые слова: происхождение детей от родителей, личные неимущественные и имущественные права, интересы ребенка, гарантии прав несовершеннолетнего.

G.N. Suslova

CHILD CERTIFICATE OF ORIGIN IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS LEGAL SIGNIFICANCE

This article discusses approaches to classifying the types of origin of children from parents based on various criteria. The author concluded on the importance of the child's certificate of origin for the emergence of mutual personal non-property and property legal relations between the child and his parents, the generation of legal consequences and the implementation of the constitutional rights of a minor.

Keywords: the origin of children from parents, personal non-property and property rights, the interests of the child, guarantees of the rights of a minor.

Современное законодательство, регулирующее установление происхождения детей в Российской Федерации основывается, прежде всего, на нормах международного права. В соответствии с Конституцией Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы[1].

Одним из основополагающих международных документов, регулирующих личные отношения между ребенком и его родителями, является Конвенция ООН

[1] Конституция Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo. gov.ru (дата обращения: 17.02.2026).

«О правах ребенка» 1989 года[1]. Конвенция закрепляет право ребенка знать своих родителей и право на их заботу и общение с ними, право поддерживать на регулярной основе личные и прямые контакты с родителями, а также определяет, что каждый ребенок должен быть зарегистрирован сразу после рождения. Российская Федерация является участницей данной Конвенции с 15 сентября 1990 г.

16 декабря 1966 года резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеей

Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН) был принят Пакт «О гражданских и политических правах». Россия является участницей данного Пакта с 23 марта 1976 года. В силу данного Пакта «каждый ребенок должен быть зарегистрирован немедленно после его рождения и должен иметь имя»[2].

В силу ст. 72 Конституции РФ семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ. Это означает, что семейно-правовые акты могут приниматься не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов Российской Федерации. Это дает возможность применять не только федеральное семейное законодательство, но и учитывать национальные особенности субъектов Федерации.

К источникам установления происхождение детей относятся федеральные законы, наиболее важными из которых являются кодексы Российской Федерации – Семейный, Гражданский и Гражданский процессуальный, федеральный закон «Об актах гражданского состояния», а также законы субъектов.

В главе 10 Семейного кодекса раскрываются положения, посвященные вопросам возникновения прав и обязанностей родителей и детей, установления происхождения ребенка, правилам записи родителей ребенка в книге записей рождения, факта признания отцовства судом и другие положения.

Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»[3] определяет основания и порядок государственной регистрации факта рождения ребенка, а также содержание записи акта о рождении и свидетельства о рождении.

Гражданский кодекс Российской Федерации в 47 статье определяет, что подлежат государственной регистрации такие акты гражданского состояния, как рождение, усыновление (удочерение), установление отцовства и другие.

Подраздел II раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации посвящен исковому производству, по правилам которого рассматриваются дела об оспаривании материнства и отцовства. Установление же фактов рождения ребенка, признания отцовства рассматриваются судом в порядке особого производства на основании главы 28 подраздела IV раздела II ГПК РФ.

Постановления Верховного Суда Российской Федерации не относятся к источникам права, но являются актами толкования действующего законодательства. Так, в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей, Пленум

---

[1] Конвенция о правах ребенка (одобрена ГА ООН 20.11.1989, ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1 и вступила в силу 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[2] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 40. Ст. 564.

[3] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. – 1997. – 20 ноября.

Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»[1].

Виды происхождения детей от родителей в российском семейном праве определяются, в первую очередь, положениями СК РФ, прежде всего главой 12 (статьи 47–56).

Происхождение ребенка от родителей (матери и отца) устанавливается на основании государственной регистрации рождения, которая может быть основана на браке, совместном заявлении родителей (если они не в браке) или установлена в судебном порядке.

Таким образом, к основным двум видам происхождения детей от родителей можно отнести: происхождение от родителей, состоящих в браке, и происхождение от родителей, не состоящих в браке.

Помимо приведенной классификации, в научной литературе и правовой практике выделяются и другие подходы к классификации видов происхождения детей от родителей, основанные на различных критериях – биологическом, правовом, социальном, технологическом и функциональном. Рассмотрим альтернативные классификации видов происхождения детей.

По характеру основания выделяют биологическое, юридическое и социальное происхождение. Биологическое происхождение устанавливается на основе генетической связи между ребенком и родителем (ДНК–тест), является фактическим основанием, но не всегда ведет к юридическому признанию. Юридическое (формально–правовое) происхождение возникает на основании закона, независимо от биологии (презумпция, признание, решение суда) и является главным критерием для возникновения прав и обязанностей. Социальное (психологическое, фактическое) происхождение основано на реальных отношениях заботы, воспитания и привязанности между взрослым и ребенком, не имеет самостоятельного правового режима, но учитывается судами при определении интересов ребенка.

Как отмечает С.В. Зыков, современная семейная правовая система все чаще сталкивается с расхождением биологического, юридического и социального отцовства, что требует комплексного подхода при установлении происхождения [3, с. 44].

По способу фиксации выделяют естественное и искусственное происхождение. Естественное происхождение возникает в результате естественного зачатия и родов без применения медицинских технологий. Искусственное происхождение формируется в условиях использования вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатное материнство, донорство яйцеклеток или спермы). Эта классификация становится все более актуальной в связи с развитием биомедицины. При этом закон (ст. 45, 51 СК РФ) четко разграничивает биологическую и правовую стороны: донор не является родителем, а гестационная мать при суррогатстве – не мать в юридическом смысле.

По статусу родителя выделяют полное и ограниченное происхождение. Полное происхождение – это юридическое установление родства ребенка, как с матерью, так и с отцом, что влечет возникновение полноценной системы взаимных прав и обязанностей по обеим линиям. Такое происхождение обеспечивает ребенку максимальную правовую, социальную и имущественную защиту. Полное

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

происхождение способствует формированию устойчивой семейной идентичности, психологической стабильности и социальной защищенности. Оно соответствует принципу приоритета интересов ребенка (ст. 7 СК РФ), закрепленному также в п. 3 ст. 6 Конвенции о правах ребенка. Как отмечает А.Р. Пурге, полное происхождение – это не просто формальная запись в ЗАГСе, а фундамент, на котором строится право ребенка на семью, на заботу и на развитие в благоприятной среде [4, с.71].

Ограниченное происхождение – это установление родства только с одним родителем (обычно с матерью), при отсутствии юридически закрепленной связи с другим (отцом). Такая ситуация часто складывается при рождении ребенка вне брака, если отец не признал свое отцовство и не был установлен судом. Ограниченное происхождение, хотя и допускается законом, рассматривается как неполноценная правовая конструкция, требующая активного вмешательства государства для ее преодоления. Современная правовая политика должна быть направлена на минимизацию случаев ограниченного происхождения через упрощение процедур установления отцовства, усиление ответственности родителей и защиту интересов ребенка как приоритетной ценности. Как указывают специалисты, ограниченное происхождение – это не просто юридический пробел, а риск системного ущемления интересов ребенка, особенно если он длится годами без попыток установления отцовства [2, с. 107].

Такая классификация важна для анализа уровня защиты прав ребенка, особенно в контексте алиментных обязательств и психологического благополучия.

По форме выражения воли виды происхождения можно классифицировать на добровольное и принудительное Принудительное установление возможно только в пользу ребенка и только при наличии достаточных доказательств (ст. 49–50 СК РФ).

По временн**о**му признаку выделяют первичное и вторичное происхождение Первичное происхождение – это юридическое установление родства между ребенком и родителем сразу после рождения или в ближайшее время к нему, на основании очевидных фактов или презумпций, предусмотренных законом. Такое установление происходит в порядке, не требующем длительных доказательств или судебного разбирательства. Правовое значение первичного происхождения заключается в том, что оно закладывает правовую базу семьи, формирует начальную правовую идентичность ребенка и позволяет избежать социальной маргинализации. Как отмечает Л.М. Звягинцева, своевременная регистрация происхождения – первый шаг к реализации права ребенка на семью и личную жизнь [5, с. 176].

Вторичное происхождение – это установление родства между ребенком и родителем спустя значительное время после рождения, как правило, в случае, когда первичное установление было невозможно, уклонилось или оспаривается. Часто связано с конфликтными ситуациями и требует активного участия государства, в том числе судебного вмешательства. Вторичное происхождение может быть связано с изменением семейной ситуации, появлением новых доказательств или защитой прав ребенка в будущем (например, при наследовании). Правовое значение вторичного происхождения заключается в том, что играет важную роль в защите интересов ребенка, который ранее оказался в правовой «тени». Оно позволяет восстановить нарушенные права на содержание (взыскание алиментов, в том числе ретроспективно); обеспечить право на наследование; установить психологическую и социальную связь с биологическим родителем; изменить паспортные данные (фамилию, отчество) для формирования семейной идентичности. Д.А. Белова указывает, что вторичное установление происхождения – это не просто юридическая корректировка, а

восстановление справедливости в отношении ребенка, чьи права были ущемлены вследствие бездействия или умысла взрослых [1, с. 21].

По типу происхождения можно выделить традиционное и нетрадиционное происхождение. В России признание родительства в нетрадиционных семьях ограничено: например, второй партнер в однополой паре не может быть записан родителем, даже если участвовал в воспитании.

При этом представляется недопустимым, чтобы основанием для установления происхождения ребенка и возникновения родительских прав являлся гражданско–правовой договор, в том числе договор о вынашивании и рождении ребенка.

Полагаем, что происходит нарушение, неправильное применение норм семейного, гражданского и медицинского законодательства, нарушается положение ст. 4 СК РФ о непротиворечии гражданского законодательства существу семейных отношений.

Жизнь рожденного ребенка находится под защитой государства, и принятие решений о возникновении родительских отношений, думаем, не может находиться в сфере полномочий медицинского учреждения или иной организации, кроме тех, которые указаны именно в семейном законодательстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что установление происхождения ребенка от родителей строится на комплексе взаимосвязанных принципов, среди которых приоритет интересов ребенка занимает центральное место.

Юридическое значение установления происхождения ребенка заключается в том, что оно является правовым основанием возникновения взаимных личных неимущественных и имущественных правоотношений между ребенком и его родителями. Установление происхождения порождает юридические последствия, предусмотренные семейным законодательством, и служит гарантией реализации конституционных и международно-правовых прав несовершеннолетнего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белова,Д.А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка / Д.А. Белова // Lex russica, - 2020, - № 8. - С. 21.

2. Бурдо, Е. П. Некоторые проблемы установления происхождения детей по законодательству Российской Федерации / Е. П. Бурдо, К. А. Корчемкина // Марийский юридический вестник. 2017. 1(20). С. 107– 110.

3. Зыков, С. В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия / С.В. Зыков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44 –71.

4. Пурге, А. Р. Правовые проблемы установления происхождения детей / А. Р. Пурге // Современный юрист. – 2022. – № 3. – С. 71 – 80.

5. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / А.В. Закарлюка, Л.М. Звягинцева, М.А. Куликова и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2021. С. 176.

УДК 343. 98

Н.Д. Халудорова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются процессуальные проблемы и проблемы правоприменения, возникающие при реализации полномочий уполномоченного по защите прав предпринимателей в арбитражном судопроизводстве. Анализируется правовая природа участия в арбитражном процессе, выявляются коллизии между законодательно закрепленными полномочиями и реальными возможностями их реализации. Особое внимание уделяется различному объему прав федерального и региональных уполномоченных, а также перспективам совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: Уполномоченный по защите прав предпринимателей, арбитражный процесс, процессуальный статус, суд, заключение.

N.D. Khaludorova

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE POWERS OF THE COMMISSIONER FOR THE PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN ARBITRATION PROCEEDINGS

The article examines procedural problems and law-enforcement issues arising in the exercise of the powers of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in arbitration proceedings. It analyzes the legal nature of participation in arbitration proceedings and identifies conflicts between statutorily established powers and the actual possibilities for their implementation. Special attention is paid to the different scope of powers of federal and regional commissioners, as well as to the prospects for improving legislation in this area.

Keywords: Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights, arbitration proceedings, procedural status, court, opinion.

Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей (далее по тексту – бизнес-омбудсмена) был учрежден в Российской Федерации в 2012 году с целью обеспечения государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Одним из ключевых направлений деятельности бизнес-омбудсмена является его участие в судебных процессах, в том числе в арбитражном судопроизводстве, где рассматривается основная масса экономических споров с участием предпринимателей [1].

В ноябре 2013 года в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее по тексту – АПК РФ) были внесены изменения, в соответствии с которыми появилась статья 53.1 [2], регламентирующая участие бизнес-омбудсмена в арбитражном процессе. Однако, несмотря на прошедшее с тех пор время, вопросы реализации полномочий уполномоченного в арбитражном суде остаются дискуссионными, а правоприменительная практика выявляет множество проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Правовой статус уполномоченного по защите прав предпринимателей в арбитражном процессе определяется статьей 53.1 АПК РФ, которая предусматривает три основные формы участия бизнес-омбудсмена в арбитражном судопроизводстве.

Во-первых, согласно части 1 статьи 53.1 АПК РФ, федеральный и региональный бизнес-омбудсмены, обратившиеся в арбитражный суд, пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности истца. Это означает, что уполномоченный вправе инициировать судебное разбирательство в защиту нарушенных прав предпринимателя, выступая в качестве процессуального истца.

Во-вторых, в соответствии с частью 2 указанной статьи, уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей вправе вступить в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Важно отметить, что данное право в действующей редакции АПК РФ предоставлено только федеральному бизнес-омбудсмену, что создает определенную асимметрию в процессуальных возможностях.

В-третьих, часть 3 статьи 53.1 АПК РФ закрепляет право федерального уполномоченного обжаловать вступившие в законную силу судебные акты по правилам, установленным статьей 42 АПК РФ. Это право также не распространено на региональных уполномоченных.

Так, в деле с участием уполномоченного по защите прав предпринимателей Свердловской области Елены Артюх она в течение полутора лет участвовала в шести заседаниях суда первой инстанции по спору предпринимателя с таможенными органами о необоснованном начислении акциза, и в итоге суд признал решение таможни незаконным. При этом, как отмечает сама Елена Артюх, работа была непростой, а успех стал возможен благодаря проведению судебной экспертизы, привлечению независимого оценщика и экспертов УрГЮУ [3].

Важно отметить, что в данном случае закон не предоставлял региональному уполномоченному права на вступление в дело в качестве третьего лица. Тем не менее, он участвовал в процессе как фактический представитель предпринимателя, что свидетельствует о существовании не урегулированных законом оснований для участия таких лиц в арбитражном процессе. Это подтверждает существующую проблему: отсутствие четкого процессуального статуса регионального бизнес-омбудсмена при рассмотрении арбитражных споров.

Таким образом, на сегодняшний день в арбитражном процессе существует неравенство процессуального статуса федерального и региональных бизнес-омбудсменов. Только уполномоченный при Президенте РФ обладает всей более широким объемом процессуальных прав, включая право вступать в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. В то время как региональные уполномоченные могут лишь выступать в арбитражном суде в качестве истца, это существенно ограничивает их возможности в защите прав предпринимателей

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкого определения правовой природы заключения бизнес-омбудсмена, представляемого в арбитражный суд. В отличие от Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), где участие уполномоченного по правам человека в субъекте РФ для дачи заключения прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 47 ГПК РФ [4], АПК РФ такой формы участия не содержит. Это порождает неопределенность относительно процессуального статуса представляемых бизнес-омбудсменом документов и их доказательственного значения.

На практике уполномоченные вынуждены использовать различные процессуальные конструкции для представления своей позиции по делу, что не всегда эффективно и зависит от усмотрения суда. В ряде случаев арбитражные суды отказываются приобщать заключения бизнес-омбудсмена к материалам дела, мотивируя это отсутствием у уполномоченного процессуального статуса лица, участвующего в деле.

Проблема разграничения полномочий между федеральным и региональными бизнес-омбудсменами в арбитражном процессе наиболее остро проявляется в ситуациях, когда требуется оперативное процессуальное реагирование на нарушение прав предпринимателя в конкретном регионе [5, с. 24].

Как справедливо отмечается в пояснительной записке к законопроекту № 1023759-8 [6], федеральный уполномоченный физически не может охватить своим участием все экономические споры, рассматриваемые в арбитражных судах на всей территории РФ. Однако существующее законодательное регулирование фактически лишает региональных уполномоченных каких-либо действенных процессуальных инструментов для защиты прав предпринимателей.

Региональные бизнес-омбудсмены осуществляют деятельность непосредственно на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, что позволяет им своевременно получать информацию о нарушениях прав предпринимателей и оперативно реагировать на возникающие проблемы. Вместе с тем действующее законодательство не предоставляет им права вступать в арбитражный процесс в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о расширении процессуальных возможностей региональных бизнес-омбудсменов посредством предоставления им указанного права. Вместе с тем вопрос о наделении региональных уполномоченных самостоятельным правом обжалования судебных актов требует дополнительного научного осмысления с учетом принципов построения системы арбитражного судопроизводства и разграничения компетенции между федеральным и региональным уровнями института бизнес-омбудсменов.

Судебная практика по данному вопросу неоднородна. В одних случаях суды признают право федерального уполномоченного на обжалование, в других — отказывают, ссылаясь на отсутствие нарушения прав и законных интересов самого омбудсмена. Такая неопределенность снижает эффективность данного механизма судебной защиты.

Следует отметить, что объем процессуальных возможностей бизнес-омбудсмена объективно ограничен особенностями его правового статуса. Уполномоченный осуществляет защиту прав предпринимателей, однако не является носителем спорного материального права и не может самостоятельно распоряжаться предметом спора вопреки воле предпринимателя. Вместе с тем действующее законодательство не всегда обеспечивает достаточные процессуальные механизмы для эффективного представления позиции уполномоченного в арбитражном процессе, что снижает потенциал данного института.

Показательным является дело № А43-40886/2024, рассмотренное арбитражным судом Нижегородской области [7]. IT-компания обратилась к уполномоченному по защите прав предпринимателей в связи с тем, что государственное учреждение отказалось оплачивать выполненные работы по контракту на сумму 9,5 млн рублей и само обратилось в суд с иском о взыскании с компании крупной суммы якобы за просрочку выполнения работ. Уполномоченный подключил к работе общественного помощника, который подготовил заключение о необоснованности претензий госоргана и встречный иск. Решением суда от 24 сентября 2025 года в удовлетворении первоначального иска было отказано, а с госучреждения в пользу предпринимателя взыскано 8,6 млн рублей задолженности и 100 000 рублей судебных расходов.

Однако реальная защита была обеспечена не столько процессуальными полномочиями самого омбудсмена, сколько привлечением квалифицированного юриста. Сам уполномоченный не обладал правом вступления в дело в качестве третьего лица, однако содействие осуществлялось через подготовку аналитического

заключения, принятого судом в качестве письменного доказательства, и консультационную поддержку.

Одной из проблем правового регулирования является различие объема процессуальных полномочий федерального и региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей. В частности, действующая редакция статьи 53.1 АПК РФ предоставляет федеральному бизнес-омбудсмену более широкий круг процессуальных возможностей по сравнению с региональными уполномоченными. Внесенный в Государственную Думу законопроект № 1023759-8, направленный на расширение процессуальных прав региональных бизнес-омбудсменов, свидетельствует о наличии потребности в дальнейшем совершенствовании механизма их участия в арбитражном процессе.

Анализ судебной практики свидетельствует о востребованности и эффективности института бизнес-омбудсмена при защите прав предпринимателей в арбитражных судах. При этом существующие процессуальные ограничения не позволяют в полной мере реализовать потенциал данного института.

Совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере предполагает реализацию ряда конкретных мер.

Во-первых, целесообразно распространить на региональных бизнес-омбудсменов право вступать в арбитражный процесс в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора.

Во-вторых, представляется необходимым нормативно определить процессуальный статус заключений бизнес-омбудсменов и закрепить возможность их представления в арбитражный суд в качестве самостоятельной формы выражения правовой позиции уполномоченного.

В-третьих, требуется уточнение механизма реализации права федерального бизнес-омбудсмена на обжалование судебных актов, включая определение оснований и процессуального порядка такого обжалования.

В-четвертых, представляется перспективным дальнейшее развитие института общественных помощников и экспертного сопровождения деятельности бизнес-омбудсменов, что позволит повысить качество защиты прав предпринимателей в судебных спорах.

Реализация указанных мер будет способствовать повышению эффективности деятельности института уполномоченного по защите прав предпринимателей и укреплению гарантий судебной защиты субъектов предпринимательской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации : фед. закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 19. — Ст. 2305.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.

3. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 09.08.2024 по делу № А60-17808/2024. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.05.2026).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. — 2002. — № 220 — Ст. 1.

5. Абросимова, Е.Б. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей: проблемы и перспективы развития // Предпринимательское право. — 2021. — № 3. — С. 22-29.

6. Законопроект № 1023759-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации“ и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен в Государственную Думу 23.09.2025) .
7. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 24.09.2025 по делу № А43-40886/2024. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.05.2026).

УДК 347.4

Е.П. Шевчук

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Автором анализируется судебная практика применения гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей к различным видам деятельности в сфере медицины и как это влияет на возмещение вреда на случай возникновения негативных последствий для его здоровья.

Ключевые слова: медицинская организация, законодательство о защите прав потребителей, медицинские услуги, помощь, стандарты медицинской помощи.

E.P. Shevchuk

COURT PRACTICE IN CASES OF COMPENSATION FOR DAMAGE TO HEALTH IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

The author analyzes the judicial practice of applying civil law and consumer protection legislation to various types of medical activities and how this affects compensation for damages in the event of negative consequences to health.

Keywords: medical organization, consumer protection legislation, medical services, assistance, medical care standards.

Практика применения закона о защите прав потребителей[1] показывает, что его нормы должны применятся к любым отношениям в сфере медицинской деятельности[2], однако своим определением коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7 отказала в выплате штрафа за нарушения прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке медицинской организацией[3]. Суд посчитал, что закон должен применяться для отношений в медицинской сфере на основе возмездного договор [1, с.35], которые возникают между пациентом и медицинской организацией по правилам главы 39 Гражданского кодекса

[1] О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. №2300-I // Российская газета. 1992. 7 апреля.

[2] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. 2012. 11 июля.

[3] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. 2012. 11 июля.

РФ (далее - ГК РФ)[1]. Но судебная практика пошла по такому пути - когда осуществляется медицинская помощь на основе программы обязательного медицинского страхования (далее - ОМС) закон о защите прав потребителей не применяется, хотя это прослеживается не во всех решениях[2].

Те медицинские манипуляции, которые оказываются по программе ОМС для пациента формально на безвозмездной основе, хотя медицинская организация получает возмещение из тех фондов которые формируются косвенно из доходов граждан – всего работающего населения Российской Федерации. Но в некоторых решениях продолжает упоминаться критерий для разграничения понятий в сфере медицины тип отношений[3] – для медицинских услуг характерен возмездный тип отношений с применением норм ГК РФ и законодательства о защите прав потребителей, а для медицинской помощи безвозмездный, имеющий социальную направленность по программе ОМС.

Стоит отметить, что любое медицинское вмешательство осуществляется с целью обеспечения выполнения действий со стороны медицинской организации лечебной диагностических, профилактических, реабилитационных манипуляций для поддержания здоровья пациента независимо от того по какому договору - отдельно взятому с медицинской организацией и пациентом, либо по договору в пользу третьего лица по ОМС с медицинской организации независимо от ее организационно-правовой формы [2, с.104]. На наш, взгляд следует применять единое правовое регулирование, поскольку сами действия медицинской клиники носят комплексный характер и выделить какие из них были оказаны по договорам возмездным, а какие по ОМС затруднительно, тем более выявить причинно-следственную связь, которая образуется между этими манипуляциями в рамках разных договорных конструкций, и последствиями для здоровья пациента. Следует помнить о том, что момент исполнения договора является обращение пациента за медицинской помощью при наступлении страхового случая, а сам момент заключения договора имеет место быть еще до этого момента – он заключается между медицинской организации и страховой компанией в пользу этого гражданина в силу закона. Отдельные же договоры, которыми связаны медицинская организация и пациент имеют консенсуальную природу, заключаются в пользу контрагентов, носят возмездный характер, а сами действия по ее оказанию имеют денежный эквивалент [3, с. 1948]. Для экономической оценки и были разработаны стандарты оказания медицинской помощи и порядки, определяющие организацию такой помощи, которые должны соответствовать клиническим рекомендациям, определяемым через категории достоверности и ранее это подтверждалось практикой применения в судах[4]. В настоящее время клинические рекомендации могут применяться по усмотрению врача и в интересах пациента, но изменение тактики ведения пациента должна подтверждаться медицинской

[1] Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 6, 7, 8 февраля.

[2] Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 7 мая 2018 г. по делу № 2-64/2018 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.

[3] Определение СК Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7// Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 № 16-КГ23-23-К4 https://legalacts-ru.turbopages.org/legalacts.ru/s/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21082023-n-16-kg23-23-k4/

документацией, если это предусмотрено порядком применения клинических рекомендаций[1].

Таким образом, при рассмотрении медицинских дел следует применять общий режим правового регулирования. Судам следует учитывать, что субъектами в правоотношениях на которые распространяется законодательство о защите прав потребителей являются медицинские организации независимо от формы их собственности и потребители, которые получает услугу на основе возмездного договора из разных источников финансирования. Применение стандартного подхода к регулированию отношений в сфере медицины сохраняет свою актуальность и является, пожалуй, единственным инструментом в оценке качества медицинской деятельности[2], клинические рекомендации, как показывает судебная практика становятся основой для оценки действий с точки зрения их правомерности при рассмотрении дела в суде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевчук С.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг / С. С. Шевчук // Журнал рос. права. - 2001. - №2. – С. 35-40.
2. Вильгоненко И.М., Степанова Л.П. Соотношение понятий "медицинская помощь" и "медицинская услуга" и их правовая природа // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. - Т. 26. - №2. - С. 104 – 107
3. Бурцева Т.А. Развитие платных медицинских услуг как фактор сбережения населения // Экономика, предпринимательство и право. - 2025. - № 3. Т.15. – С. 1948- 1958

[1] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27.10.2025 № 642н "Об утверждении порядка применения клинических рекомендаций" // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512090012

2 Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.04.2025 № 203н // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 29 мая 2025 г. № 0001202505290045

СЕКЦИЯ IV.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА

УДК 342.9

А.Р. Богатырёв, В.М. Ленский

ВИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена проблеме определения вины юридического лица как субъекта административной ответственности. Анализируются субъективная (психологическая) и объективная (поведенческая) концепции, а также правовая позиция Конституционного Суда РФ и практика арбитражных судов. Выявляются недостатки действующей редакции ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, приводящие к объективному вменению и нарушению презумпции невиновности. Предлагаются конкретные изменения в КоАП РФ, направленные на закрепление вины организации как дефекта организационно-распорядительной деятельности и перераспределение бремени доказывания.

Ключевые слова: вина юридического лица, административная ответственность, объективное вменение, презумпция невиновности, поведенческая концепция, КоАП РФ.

A.R. Bogatyrev, V.M. Lensky

CULPABILITY OF A LEGAL ENTITY IN ADMINISTRATIVE LAW

The article addresses the problem of defining the culpability of a legal entity as a subject of administrative liability. It analyzes the subjective (psychological) and objective (behavioral) concepts, as well as the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation and the practice of arbitration courts. The author identifies shortcomings in the current version of Part 2 of Article 2.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which lead to objective imputation and violation of the presumption of innocence. Specific amendments to the Code are proposed to establish the culpability of an organization as a defect in its organizational and managerial activities and to redistribute the burden of proof.

Keywords: corporate culpability, administrative liability, objective imputation, presumption of innocence, behavioral concept, Russian Code of Administrative Offenses

Деятельность правового государства немыслима без отлаженного механизма юридической ответственности, где ключевым элементом выступает вина. Однако современная российская доктрина административного права не разрешила до сих пор одну известную проблему: в настоящее время отсутствует единое, обоснованное понимание природы вины коллективных субъектов.

Если в отношении физических лиц законодатель традиционно опирается на психологическую теорию (вина как отношение сознания и воли к деянию), то попытка механически перенести этот подход на юридические лица приводит правоприменителей и исследователей в тупик.

Стоит понимать, что юридическое лицо, будучи фикцией, не обладает психикой. Оно не может «осознавать» опасность своих действий или «желать» наступления вредных последствий в том смысле, который вкладывает в эти понятия классическая

теория права по отношению в людям (физическим лицам).

В попытках разрешить это противоречие наука выработала несколько подходов, среди которых доминируют два основных направления:

1. Субъективная («психологическая») концепция. Сторонники этого подход, например, И.В. Панова предлагают искать вину организации через призму вины её должностных лиц [7]. Логика проста: нет виновного сотрудника — нет виновной компании;

2. Объективная («поведенческая») концепция. В данном случае вина определяется не через психику, а через факт непринятия объективно возможных мер для соблюдения закона.

Встречается сочетание указанных двух концепций - поведенческо-психологическая теория вины [9]. Некоторые исследователи выделяют теорию социальной вины (ответственность юридических лиц перед обществом за вину работника) [6, с. 35].

Субъективная концепция, несмотря на свою популярность в прошлом, подвергается критике. Так, В.Д. Сорокин указывал, что при таком подходе закон фактически подменяет вину организации виной её работника. Получается, что к ответственности привлекается субъект (юрлицо), чья собственная вина не установлена, а лишь презюмируется через действия другого лица. Это, по мнению ученого, является формой ответственности без вины, что прямо нарушает принципы ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ [9].

Ярким примером неудачной реализации этого подхода служит Налоговый кодекс РФ (ст. 110 НК РФ)[1], который прямо связывает вину организации с виновными действиями её представителей. В.Д. Сорокин, проанализировав коллизию между ст. 108 и ст. 110 НК РФ, выявив «замкнутый круг»: чтобы наказать организацию, нужно найти виновного сотрудника, но квалификация действий сотрудника неразрывно связана с фактом нарушения со стороны организации [9].

Более того, само понятие вины в НК РФ не раскрыто, а ст. 111 содержит лишь перечень исключающих обстоятельств, что вынуждает правоприменителя действовать по наитию, оценивая степень вины произвольно.

В связи с этим интересна позиция Конституционного Суда РФ[2], где суд сформулировал тонкую правовую позицию: действия юридического лица действительно производны от действий людей, но юридически не тождественны им. Цель наказания компании — не покарать «абстракцию», а воздействовать на волю физических лиц, стоящих за ней (частная превенция). Суд подчеркнул, что автоматическое отождествление вины работника и работодателя недопустимо, требуя устанавливать вину именно коллективного субъекта.

Действующий КоАП РФ в ч. 2 ст. 2.1 сделал выбор в пользу поведенческой концепции. Законодатель отказался от психологии в пользу объективного критерия: лицо виновно, если у него «имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению».

Однако на практике эта, казалось бы, прогрессивная формула создает риски, о

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета. – № 148-149. – 06.08.1998.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2020 № 17-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 3. – 2020.

которых предупреждал В.Д. Сорокин. Размытость критерия «всех зависящих мер» позволяет государственным органам привлекать юридических лиц с к ответственности фактически за сам факт нарушения (объективное вменение), игнорируя реальные обстоятельства дела.

Такой подход, продиктованный ведомственными интересами, подрывает презумпцию невиновности и несовместим с принципами правового государства.

Суды, формально следуя букве закона, фактически возлагают на привлекаемое к ответственности лицо бремя доказывания своей невиновности, что противоречит конституционному смыслу судопроизводства[1].

В решениях арбитражных судов Московского округа и иных инстанций систематически используется шаблонная формулировка: «Доказательств того, что Обществом приняты все зависящие от него меры… не представлено»[2].

Подобные формулировки демонстрируют отказ от презумпции невиновности в административном процессе. В отличие от гражданского права, где равенство сторон позволяет суду оценивать «степень заботливости и осмотрительности» (п. 1 ст. 401 ГК РФ[3]), в административных правоотношениях государство выступает властным субъектом. Как справедливо отмечает И.В. Панова, поведенческая концепция (оценка объективных мер) идеально подходит для договорных споров, но в деликтных отношениях, где заранее невозможно предвидеть все необходимые действия, она превращается в инструмент фискального давления [6].

Суды, обосновывая вину компании фактом самого нарушения, игнорируют статусы. Юридическое лицо ставится в положение, когда отсутствие доказательств абсолютной невозможности соблюдения правил трактуется как вина. Это нарушает принцип справедливости наказания и подрывает доверие бизнеса к судебной системе, превращая административную ответственность в «налог на деятельность».

Кризис института вины породил в научной среде радикальные предложения по трансформации системы ответственности. Ряд ученых (Ю.П. Соловей, А.И. Каплунов) выступают с позицией, которую можно назвать «аболиционистской» [8]. Они полагают, что административная ответственность юридических лиц — это рудимент «лихих 90-х», средство неправового давления на бизнес.

По их мнению, штраф, налагаемый на компанию, фактически является коллективным наказанием невиновных работников (через уменьшение фонда оплаты труда, банкротство и т.д.), что противоречит принципу индивидуализации ответственности. Предлагается полностью отказаться от наказания юрлиц в КоАП, перенеся всю тяжесть санкций на должностных лиц.

Однако крупные корпорации, обладая большими ресурсами, могут создавать риски, несопоставимые с возможностями контроля со стороны отдельных менеджеров. Отказ от ответственности юрлиц приведет к потере контроля государства над экономическими процессами. Проблема не в наличии института, а в его слабой

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.02.2021 № Ф05-23677/2020 по делу № А40-75308/2020 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=379716#qPLo69VZkheJrF95 (дата обращения: 23.01.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Российская газета. – № 238-239. – 08.12.1994.

теоретической проработке (смешении субъективных и объективных критериев).

На основе изложенного считаем, что необходимо уйти от абстрактной формулировки «приняло все зависящие меры», которая позволяет судам писать шаблонные решения. Следует конкретизировать, что вина организации — это дефект ее организационной деятельности (отсутствие контроля, неверный подбор персонала, игнорирование регламентов).

В связи с этим предлагается изложить ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ в следующей редакции:

«2. Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данное лицо не приняло все зависящие от него меры по их соблюдению.

О непринятии юридическим лицом всех зависящих от него мер, в частности, могут свидетельствовать:

- отсутствие надлежащего контроля со стороны органов управления юридического лица за исполнением служебных обязанностей его работниками;

- неосуществление действий, прямо предписанных внутренними регламентами или нормативными актами, предотвращающих наступление вредных последствий.»

Считаем, что такое дополнение заставит суды проверять не просто «могло или не могло», а конкретные дефекты в управлении (был ли контроль? были ли инструкции?).

Поскольку суды часто перекладывают бремя доказывания невиновности на юридических лиц, нужно прямо запретить. В связи с этим предлагается дополнить ст. 1.5 частью 3.1 КоАП РФ следующего содержания:

«3.1. Бремя доказывания того, что юридическим лицом не были приняты все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм, лежит на органах и должностных лицах, осуществляющих производство по делу об административном правонарушении. Недоказанность возможности соблюдения юридическим лицом установленных правил и норм не может служить основанием для привлечения его к ответственности».

Считаем, что такое нововведение запретит практику, когда госорган просто фиксирует нарушение, а директор потом обязан оправдываться. Если государственный орган не докажет, что у фирмы была реальная возможность избежать нарушения (например, закупить оборудование, обучить штат), штраф будет считаться незаконным.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что институт вины юридического лица в современном российском административном праве находится в состоянии кризиса.

Действующая законодательная конструкция (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ), формально закрепляющая «поведенческую» концепцию вины, на практике выродилась в инструмент объективного вменения. Суды и правоприменительные органы, используя размытость формулировки «всех зависящих мер», фактически подменяют презумпцию невиновности презумпцией виновности хозяйствующего субъекта.

Анализ полемики исследователей показывает, что полный отказ от административной ответственности юридических лиц преждевременен и опасен потерей контроля над крупными экономическими игроками. Однако сохранение статус-кво также недопустимо, так как оно превращает административную

ответственность в фискальный механизм, не связанный с реальной общественной опасностью деяния.

Решение проблемы лежит в плоскости конкретизации законодательства. Необходимо законодательно закрепить понимание вины организации как доказанного дефекта организационно-распорядительной деятельности (отсутствие контроля, системные сбои в управлении), а не просто факта нарушения.

Предложенные в работе изменения в ст. 2.1 и ст. 1.5 КоАП РФ призваны восстановить баланс между публичными интересами государства и гарантиями прав бизнеса, исключив привлечение к ответственности без установления реальной вины коллективного субъекта. Только так можно вернуть институту административной ответственности его правовую, а не карательную природу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц: монография. – Москва: Норма, 2019. – 192 с.

2. Панова И. В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2007. – № 8. – С. 1-30.

3. Светлана В. П. Вина юридического лица в административном праве: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – №3 (103). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vina-yuridicheskogo-litsa-v-administrativnom-prave-postanovka-problemy (дата обращения: 23.01.2026).

4. Сорокин В. Д. Избранные труды / предисл.: Д. Н. Бахрах, В. В. Денисенко. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 665 с.

5. Трубин Е. М. Вина юридического лица. Заметки об административной ответственности // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=34045#EiLcbIU4MNFEHy%20lql (дата обращения: 23.01.2026).

УДК 342.5

Е.Ю. Вайсергисер

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПДН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В настоящей статье поднимается вопрос осуществления профилактики и предупреждения правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Данная тема остается актуальной в связи с высоким уровнем преступности среди лиц, не достигших 18-летнего возраста. Главным субъектом, осуществляющим данную деятельность, являются подразделения органов внутренних дел, а именно подразделения по делам несовершеннолетних. Автором проанализированы и рассмотрены основные причины совершения преступлений и правонарушений данной категорией лиц, а также ключевые задачи, которые стоят перед соответствующим подразделением.

Ключевые слова: подразделения по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, подростки, предупреждение, правонарушение, профилактика, беспризорность, безнадзорность.

E. Yu. Vaisergiser

LEGAL STATUS AND ORGANIZATION OF THE PND'S WORK IN PREVENTING CRIMES COMMITTED BY MINORITIES

This article raises the issue of the implementation of the prevention and prevention of offenses and crimes committed by minors. This topic remains relevant due to the high level of crime among persons under the age of 18. The main subject carrying out this activity is the units of internal affairs bodies, namely the units for minors. The author analyzes and examines the main reasons for committing crimes and offenses by this category of persons, as well as the key tasks facing the relevant unit.

Keywords: juvenile affairs units, minors, teenagers, prevention, offense, prevention, homelessness, neglect.

В настоящие дни в Российской Федерации, к сожалению, по-прежнему остаются актуальными проблемы профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Продолжает увеличиваться количество семей, которые находятся в социально-опасной обстановке. Главной проблемой является ухудшение физического и эмоционального здоровья несовершеннолетних лиц вследствие злоупотребления спиртосодержащих напитков, наркотических и психотропных веществ. На достаточно высоком уровне находится беспризорность лиц, не достигших совершеннолетия. Стоит отметить, что в настоящее время прослеживается тенденция снижения возраста несовершеннолетних лиц, которые совершают правонарушения.

Подросток очень легко подвергается влиянию со стороны окружающих, а в особенности негативному воздействию. Сейчас образовательные организации уже не несут ответственности за воспитание несовершеннолетних лиц. К сожалению, именно от «трудных» подростков пытаются как можно быстрее «отделаться». Помимо образовательных организаций, существует также проблема недостатка спортивных кружков, лагерей и других учреждений, целью которых является организация досуга детей и подростков на бесплатной основе. Именно это и является причинами склонности несовершеннолетних лиц к совершению правонарушений. Как раз, поэтому на данном этапе ключевой задачей является борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних. Актуальность данной темы обеспечивается также необходимостью реорганизации и преобразования существующей системы контроля за поведением подростков.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел по делам несовершеннолетних (далее по тексту – ПДН) является неотъемлемой частью общего функционирования правоохранительных органов касаемо предупреждения и пресечения правонарушений и снижения общего уровня преступности в нашей стране. Как раз ПДН и работает целенаправленно с семьями и их детьми.

Профилактика беспризорности и безнадзорности лиц, не достигших совершеннолетия, осуществляется самым лучшим способом путем согласованным взаимодействием всех служб и подразделений при проведении различного рода мероприятий. Политика, проводимая государством, направлена на профилактику правонарушений посредством, например, создания разных программ для воспитания и развития молодого поколения. К таким мерам еще можно отнести и создание нормативных актов, которые бы дополняли данную сферу деятельности.

Ключевым нормативно-правовым актом, который регулирует сферу совершения несовершеннолетними правонарушений, является Федеральный закон №120-ФЗ

«Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который имеет положение, касающееся части исключения предпосылок совершения тех или иных правонарушений несовершеннолетними [1]. В ст.1 настоящего ФЗ дается понятие профилактике – это система мер, направленных на устранение причин этих правонарушений и работа с семьями несовершеннолетних лиц, которые находятся в особо опасной ситуации.

Что касается причин совершения правонарушений подростками, следует выделить следующие:

– социально-экономические, например, экономический спад в стране, в том числе увеличение числа безработных;

– социально-психологические: ухудшение материального положения семьи, воспитание одним родителем несовершеннолетнего;

– психологические: наличие психического уклонения и др.

Родители этих подростков пытаются снять с себя обязанности по воспитанию детей, переложив их на школу и другие учреждения дополнительного образования. Однако именно в кругу семьи ребенок получает все самые необходимые нормы поведения. Именно поэтому к причинам высокого уровня преступности среди подростков выделяют именно недостаток в воспитании.

К сожалению, во многих семьях прослеживается негативное влияние со стороны членов семьи. Такие семьи принято называть неблагополучными [2. с. 19]. Личность ребенка поддается воздействию со стороны аморального поведения и таким образом у подрастающего человека вырабатываются отрицательные черты характера. Еще одним фактором является высокий уровень бедности. Так родители нацелены только на содержании семьи и недостаточно уделяют времени на воспитании своих детей.

Следует выделить некоторые задачи по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних:

– обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности и развития детей;

– гарантия предоставления образования и здравоохранения;

– борьба с причинами, способствующими совершению правонарушений;

– обеспечение механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

– функционирование системы профилактики и реабилитации подростков;

– поддержка детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, малообеспеченных, детей-сирот;

– выявление несовершеннолетних с алкогольной и наркотической зависимостью и т.д.

Согласно Федеральному Закону №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» осуществляется регулирование непосредственное помещение подростков в Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, направление на принудительное медицинское освидетельствование. В ст. 20-23 данного Закона органы внутренних дел осуществляют свои функции касаемо профилактики правонарушений, в частности подразделение по делам несовершеннолетних, а также Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП).

ПДН выполняют функции по предупреждению правонарушений, совершаемых подростками, используя при этом административно-предупредительные меры – предупреждение совершения преступлений и правонарушений, обеспечение

общественной безопасности и профилактические меры. Перечисленные меры осуществляются в отношении:

– безнадзорных – лиц, которые находятся не под контролем со стороны родителей вследствие ненадлежащего исполнения последними своих обязанностей;

– беспризорных – лиц, которые не имеют места жительства;

– несовершеннолетних, которые совершают непосредственно действия неправомерного характера;

– лиц, не достигших совершеннолетия, которые находятся в условиях, угрожающих их жизни или здоровью;

– несовершеннолетних, которые злоупотребляют спиртными напитками и наркотическими средствами;

– несовершеннолетними, которые представляют угрозу для общества и др.

Работа сотрудников ПДН заключается в пропаганде правомерного поведения, а также здорового образа жизни. Для успешной реализации перечисленных задач следует принять к сведению личностные характеристики и несовершеннолетнего, но и его родителей. Продуктивность деятельности ПДН зависит от:

– своевременного реагирования на отклонения от нормального воспитания подростков;

– прогнозирование в части развития неблагоприятной обстановки;

– учет индивидуальных особенностей каждого несовершеннолетнего в отдельности.

– соблюдение определенной процедуры применения мер воздействия;

– комплексный характер – взаимодействие не только различных подразделений, но и учреждений культурной, образовательной направленности.

Сотрудники ПДН должны учитывать возрастные, психических и физические особенности личности несовершеннолетнего. Без внимания не должны оставаться и сложившаяся обстановка в семье, условия его жизни, а также его окружающие люди, которые непосредственно и оказывают то влияние, которое отражается на его поведении. Стоит также учитывать сотрудниками культурную и образовательную сферу жизнедеятельности подростка.

Анализ современного развития российской государственности показывает, что за последние два десятилетия в нашей стране произошли радикальные социально-экономические преобразования, которые вывели в системе профессионально-служебной подготовки сотрудников полиции на лидирующие позиции актуальность подготовки высококвалифицированных профессионалов, непосредственно связанных сорганизацией ипроведением предупредительной, профилактической работой противоправного поведения среди граждан подросткового имолодежного возраста. [3, с.111]. Эта проблема требует комплексного решения, а также активного участия государства в разработке наиболее эффективных способов борьбы с соответствующими дефектами воспитания молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Российская газета. 1999. 30 июня.

2. Галлямов Н.А. «Взаимодействие субъектов профилактики» // Вопросы ювенальной юстиции. № 1. С. 15-18.

3. Протасов, Ю. С. Профессиональная мораль как основа деятельности сотрудников ПДН и конфликт интересов с молодежной субкультурой / Ю. С. Протасов, С. А. Сашенков, В. Е. Талынев // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 107-121. – EDN CXTUBY.

УДК 343.3

Ч.Ф. Валиуллина, Р.Р. Гасанова

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Данная статья посвящена комплексному исследованию проблемы дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с участием несовершеннолетних, как в качестве водителей, так и пешеходов или пассажиров. Особое внимание уделено рассмотрению основных факторов, которые содействуют совершению ДТП данной возрастной группой, включая нехватку опыта, игнорирование правил, а также действие внешних обстоятельств и поведения иных участников движения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, несовершеннолетний, правонарушение, уголовная ответственность, материальная ответственность.

Ch.F. Valiullina, R.R. Gasanova

TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING MINORS

This paper takes a close look at road traffic accidents involving minors – whether they act as drivers, pedestrians, or passengers. The focus is on the main reasons why children and teenagers get into crashes. These include a lack of real-world experience, ignoring traffic rules, outside circumstances, and unpredictable behavior from other road users.

Keywords: road traffic accident, minor, offense, criminal liability, financial liability.

Охрана детства в сфере дорожного движения — один из главных приоритетов государственной политики. Особую тревогу вызывают аварии, виновниками которых становятся сами несовершеннолетние. Сегодня ситуация усугубляется: растёт популярность электросамокатов, питбайков, гироскутеров и других средств индивидуальной мобильности, подросткам всё доступнее мототехника, к тому же многие родители никак не контролируют, как их дети пользуются транспортом. Всё это создаёт новые, ранее не встречавшиеся угрозы для жизни и здоровья молодого поколения. Поэтому крайне важно вовремя выявлять и устранять причины детского травматизма и гибели на дорогах — от этого напрямую зависит безопасность будущего страны.

Несмотря на введение образовательных программ, количество правонарушений в области дорожного движения, совершаемых подростками, остается на высоком уровне. Имеется разрыв между знаниями теории правил дорожного движения (ПДД) и истинным поведением несовершеннолетних на дороге, который обусловлен психологическими особенностями данного возраста. Основное противоречие – несоответствие между растущей технической оснащенностью подростков (мощные электросамокаты, питбайки) и уровнем их правовой грамотности, а также механизмов контроля со стороны законных представителей и государства.

Цель статьи – провести комплексный анализ динамики ДТП с участием несовершеннолетних, рассмотреть механизмы ответственности и определить пути минимизации подобных происшествий.

Проблема безопасности детей на дорогах широко освещена в трудах педагогов и юристов. Однако стремительное развитие законодательства в области СИМ и модификация структуры автопарка подростков требуют актуализации исследований с учетом реалий.

В 2025 году на дорогах Татарстана случилось 465 ДТП с участием несовершеннолетних. В результате аварий погибли 15 детей, еще 497 получили ранения разной степени тяжести (ГБУ «Безопасность дорожного движения»). По данным Госавтоинспекции, чаще всего дети делались участниками ДТП как пешеходы: за год зарегистрировано 217 таких случаев. Еще 150 аварий произошли с детьми-пассажирами, а 41 ДТП – с детьми-водителями[1].

Сравнивая данные результатов дорожно-транспортных правонарушений, можно выделить следующие тенденции:

– Смещение акцентов: если в 2022–2023 гг. верхние позиции занимали пешеходные нарушения, то в 2024–2025 гг. — нарушения водителей СИМ и легкого мототранспорта.

– Территориальный фактор: в крупных городах преобладают ДТП на арендованных электросамокатах, в сельской местности — на неисправной мототехнике.

– Психологический аспект: непринятие подростками правил поведения на дорогах усиливается отсутствием истинных барьеров для доступа к технике (легкий доступ к ключам техники, отсутствие регистрации СИМ).

Цифры удостоверяют: в каждом четвертом ДТП с участием несовершеннолетнего водителя регистрируется отсутствие права управления транспортным средством. В 2025 году было зафиксировано снижение среднего возраста правонарушителя — до 13–15 лет[2].

Анализ статистических показателей и структуры дорожно-транспортного травматизма среди несовершеннолетних позволяет выделить чёткие закономерности в зависимости от роли пострадавшего (пешеход, водитель, пассажир) и вида происшествия.

Пешеходы являются наиболее уязвимой категорией, при этом самый высокий уровень риска наблюдается в возрастной группе 7–14 лет. Наиболее типичным видом происшествия с участием данной категории является наезд на пешехода. Основные факторы риска включают переход проезжей части в неустановленном месте, а также импульсивное, непредсказуемое поведение на дороге.

Водители (велосипедов и мототранспорта)представлены преимущественно несовершеннолетними в возрасте 14–17 лет. Наиболее распространёнными видами происшествий среди этой группы являютсястолкновение и падение. Ключевыми факторами риска выступают отсутствие опыта управления транспортным средством и отсутствие надлежащей экипировки (шлемов, защитных приспособлений).

Пассажиры — особенно в возрастной категории от 0 до 14 лет — также

[1]ТАТАРИнформ. Официальный сайт // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tatar-inform.ru/news/za-proslyi-god-v-dtp-na-dorogax-tatarstana-pogibli-15-detei-6014435

[2] Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (с изменениями на 31 июля 2025 года) // [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9014765 (дата обращения: 07.04.2026).

характеризуются высокой степенью уязвимости. Типичным видом происшествия для пассажиров является столкновение транспортных средств. Основные факторы риска включают нарушение правил перевозки детей (например, перевозка без специальных удерживающих устройств), а также отсутствие или неправильное использование детских удерживающих систем.

Значительную долю дорожных происшествий (около 19%) составляют инциденты с использованием мототехники (мопеды, скутеры, питбайки). Основная проблема 2026 года — эксплуатация подростками питбайков на дорогах общего пользования, хотя данный вид техники считается спортинвентарем. Прогнозы на 2026 год свидетельствуют о сохранении тренда роста аварийности в сегменте средств индивидуальной мобильности (электросамокаты суммарной мощностью более 250 Вт), что призывает к ужесточению контроля за их продажей и эксплуатацией.

Анализ статистических данных указывает на выраженную сезонность ДТП (рост числа происшествий в теплое время года, в пиковые часы, например, после окончания школьных занятий).

Перечислим ключевые факторы риска возникновения дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних [1]:

- недостаток опыта и знаний (отсутствие практических навыков при наличии теоретических знаний: несоблюдение скоростного режима, правил маневрирования и неправильная оценка дистанции);

- психологические особенности возраста (недооценка рисков, импульсивное поведение);

- влияние социальной среды, групповое давление (участие в опасных заездах, «рисковое» поведение на дороге);

- отвлекающие факторы (мобильные телефоны, наушники и т.д.);

- внешние условия (дорожная инфраструктура: плохое освещение, отсутствие разметки, опасные перекрестки и др.).

Как отмечают Дьячкова, Белова и Кукушкина в своём исследовании экономических и социальных проблем обеспечения детской дорожной безопасности в современных городских условиях, юридическая ответственность несовершеннолетних за нарушения в сфере дорожного движения наступает по-разному — в зависимости от возраста и тяжести последствий [1]

- Административная ответственность. По данным исследователей, она наступает с 16 лет в соответствии с КоАП РФ. Чаще всего подростки привлекаются по статье 12.7 (управление транспортным средством без прав) и статье 12.29 (нарушение ПДД пешеходом или иным лицом). Дьячкова, Белова и Кукушкина особо подчёркивают, что в 2025 году активно начала применяться практика штрафования за управление электросамокатами в состоянии опьянения, а также за езду вдвоём.

- Уголовная ответственность. Наступает с 16 лет (ст. 264 УК РФ). В случае, если ДТП влечет тяжкий вред здоровью или смерть, несовершеннолетний может быть приговорен к реальному лишению свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии.

- Гражданско-правовая ответственность. Исследователи обращают внимание на возрастные различия: до 14 лет ущерб, причинённый ребёнком, полностью

[1] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (с изменениями, вступившими в силу в 2023–2024 гг., касающимися СИМ) (с изменениями на 16 июля 2025 года) // [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9004835 (дата обращения: 07.04.2026).

компенсируют родители. В возрасте от 14 до 18 лет подросток несёт ответственность самостоятельно — своим имуществом или доходами, а при их отсутствии ответственность ложится на его законных представителей.

- Ответственность родителей. По ст.5.35 КоАП РФ законные представители привлекаются за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, если они допустили ребенка к управлению ТС.

Структура последствий ДТП с участием несовершеннолетних показана на схеме 1.

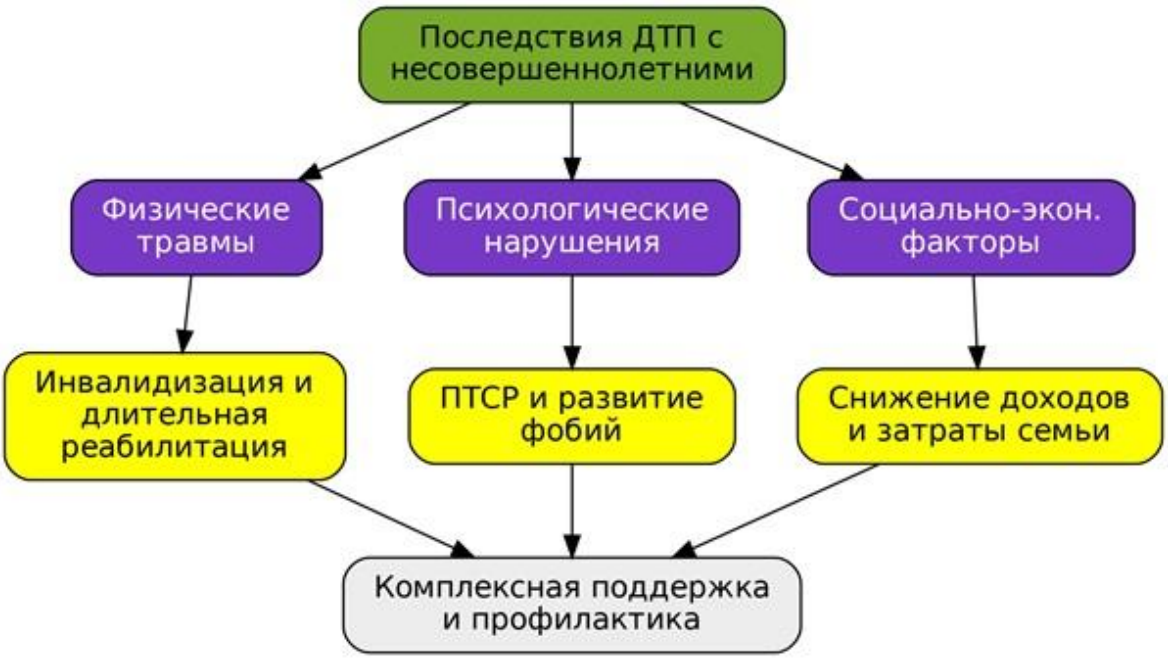

Схема 1 – Структура последствий ДТП с участием несовершеннолетних

Дорожно-транспортные происшествия с участием несовершеннолетних носят комплексный характер. Они требуют разработки превентивных мер, снижающих вероятность совершения ДТП.

Системное обучение — основа профилактической работы. Должно осуществляться на протяжении всего периода взросления. В дошкольном и младшем школьном возрасте упор делается на базовых правилах безопасного поведения пешехода: правильный переход дороги, выбор места для игр, поведение неподалёку от проезжей части. Применяются игровые формы, сказки, наглядные материалы для увлекательности и запоминаемости. При переходе в среднее и старшее звено школьные программы должны предусматривать изучение ПДД для велосипедистов, правил поведения в общественном транспорте, а также основ безопасного управления СИМ (самокаты, ролики).

Государство систематически разрабатывает и совершенствует образовательные программы, внедряя их в учебные планы. Специализированные программы обучения навыкам безопасного вождения для подростков включают теоретическую, практическую и психологическую подготовку, отработку экстренных ситуаций. Важно, чтобы эти программы были доступными и ориентированными на специфику поведения молодых водителей.

Комплексная система профилактики складывается из нескольких элементов: это и информационные кампании, которые ведутся через разные медиаканалы, и тесное взаимодействие ГИБДД с образовательными учреждениями, общественными

организациями и родительскими сообществами [1].

Комплексная система мер по предотвращению ДДТТ и формированию культуры безопасности представлена на схеме 2.

Считаем, что общими усилиями можно воспитать культуру безопасности на дорогах. Когда все заинтересованные стороны работают вместе — результат действительно есть.

Проведённое исследование показало: аварии с участием несовершеннолетних — это не просто статистика, а острая социальная и юридическая проблема, которая никуда не уходит. Главные причины, на наш взгляд, лежат на поверхности: родители часто не контролируют детей, доступ к электросамокатам и другой мобильной технике слишком лёгкий, да и сами ребята плохо знают свои права и обязанности.

Поставленная в начале работы цель была достигнута. А именно:

- мы описали, как обстоят дела с детским дорожным травматизмом сегодня;

- разобрали, какую ответственность несут несовершеннолетние за нарушение ПДД;

- предложили конкретные меры, чтобы учить детей безопасному поведению на улицах и дорогах.

Подводя итог, выделим несколько ключевых моментов, которые можно взять за основу. Необходимо пересмотреть образовательные программы в школах, колледжах. Кроме теории нужны именно практические занятия: как переходить дорогу, что делать в опасной ситуации, почему нельзя садиться за руль без прав. Также необходимо активнее подключать родителей. Без их личного примера и контроля любые лекции почти бесполезны. Наладить реальное, а не бумажное взаимодействие между школами, Госавтоинспекцией и общественниками. Обязательно заняться дорожной инфраструктурой вокруг школ и детских садов: сделать безопасные переходы, ограничить скорость, убрать опасные места.

Все перечисленные меры — не отдельные пункты, а части одной системы. Только вместе они способны реально снизить число ДТП с участием детей и подростков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дьячкова О.М., Белова Е.А., Кукушкина Е.В. Экономические и социальные проблемы обеспечения детской дорожной безопасности в условиях современного города на примере г. Хабаровска // ЕГИ, 2023, № 2 (46). - С. 94-99

2. Уголовное право России: состояние и перспективы (транспортные преступления): материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года / под общ. ред. А. А. Сапожкова ; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. - СПбЮИ (ф) УП РФ, 2023. - 391 с.

УДК 342.9

Е. Л. Власова

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОВАЙДЕРОВ ХОСТИНГА: НОВЕЛЛЫ 2026 ГОДА

Аннотация: В статье исследуются актуальные изменения в административно-правовом регулировании деятельности провайдеров хостинга в Российской Федерации, вступившие в силу в 2026 году. Автор анализирует новый нормативно-правовой статус провайдеров хостинга, заключающийся в ужесточение требований к регистрации в реестре Роскомнадзора, расширении их обязанностей по взаимодействию с государственными органами и обеспечению технической инфраструктуры. В статье уделяется особое внимание новым составам административных правонарушений, направленным на обеспечение технологического суверенитета и повышение защищенности национальной цифровой инфраструктуры. В работе выявляются проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при расследовании киберпреступлений в условиях новой системы надзора. Обоснована необходимость комплексного совершенствования правового и организационного обеспечения деятельности органов внутренних дел в данной сфере.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, хостинг-провайдер, реестр Роскомнадзора, кибербезопасность, информационная безопасность, цифровой суверенитет

E. L. Vlasova

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF HOSTING PROVIDERS: NEWS OF 2026

Abstract: This article examines current changes in the administrative and legal regulation of hosting providers in the Russian Federation, which came into force in 2026. The author analyzes the new legal status of hosting providers, which includes stricter requirements for registration in the Roskomnadzor registry, expanded responsibilities for interaction with government agencies, and provision of technical infrastructure. The article focuses on new administrative offenses aimed at ensuring technological sovereignty and increasing the security of the national digital infrastructure. This paper identifies the challenges law enforcement agencies face when investigating cybercrimes under the new oversight system. It also substantiates the need for comprehensive improvements to the legal and organizational framework for law enforcement agencies' activities in this area.

Keywords: administrative and legal regulation, hosting provider, Roskomnadzor registry, cybersecurity, information security, digital sovereignty

Провайдер хостинга[1] – это компания, которая предоставляет услуги по размещению сайтов, баз данных, приложений на своих серверах. В его обязанности входит техническое обслуживание серверов, поддержка функциональности всей инфраструктуры, обеспечение бесперебойной работы сайта и высокой скорости загрузки страниц, а также защита данных клиентов[2].

[1] Хостинг – это услуга по размещению сайта на сервере. Серверы хостинг-провайдера располагаются в специальных помещениях – дата-центрах.

[2] Кто такой хостинг-провайдер. URL: https://www.nic.ru/help/kto-takoj-hosting-provajder_11170.html (дата обращения: 21.04.2026).

Деятельность провайдеров хостинга в России регулируется несколькими нормативно-правовыми актами, среди которых ключевое место занимает Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1].

С 1 февраля 2024 года оказание услуг хостинга в России стало возможно только для провайдеров, включённых в реестр Роскомнадзора[2], сформированный на основании требований, установленных Федеральным законом №406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи»». По данным на 25 марта 2026 года, в реестре провайдеров хостинга Роскомнадзора зарегистрировано 443 компании[3]. До 1 января 2026 года деятельность провайдеров хостинга в России была менее детализированной, основное внимание уделялось вопросам ограничения доступа к информации и её удаления (статья 13.41 КоАП РФ). С 2026 года введены более строгие требования к регистрации, взаимодействию с государственными органами и технической инфраструктуре.

Так, статья 13.54 (вступила в силу с 1 января 2026 года) устанавливает штрафы за работу провайдера хостинга, не включённого в реестр Роскомнадзора (до 1 млн рублей), за нарушение правил взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, или разглашение тактических приёмов (до 5 млн рублей), а также за неисполнение обязанностей по обеспечению требований к вычислительной мощности (оборотный штраф от выручки, но не менее 1 млн рублей; при повторном нарушении – не менее 10 млн рублей)[4]. Часть 1 статьи 13.44 (вступила в силу с 1 марта 2026 года) вводит ответственность за неиспользование

---

[1] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи»; Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2023 года №2008 «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра провайдеров хостинга»; Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2023 года №1952 «Об утверждении требований к вычислительной мощности, используемой провайдером хостинга, для проведения уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач»; Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 1 ноября 2023 года №935.

[2] Роскомнадзор – федеральный орган исполнительной власти, который осуществляет контроль и надзор в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. В контексте регулирования деятельности хостинг-провайдеров Роскомнадзор выполняет следующие функции: Формирование и ведение реестра провайдеров хостинга. Согласно Постановлению Правительства РФ от 28 ноября 2023 года №2008, Роскомнадзор является оператором этого реестра. В него включаются сведения о компаниях, которые предоставляют вычислительные мощности для размещения информации в информационных системах, постоянно подключённых к сети «Интернет».Приём уведомлений о начале деятельности. Провайдеры хостинга обязаны направлять в Роскомнадзор уведомление о начале своей деятельности. Порядок подачи уведомления утверждён Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2023 года №2009. Документ подаётся в электронном виде через личный кабинет на сайте Роскомнадзора.

[3] Сведения о провайдерах хостинга, внесенных в реестр. URL: https://rkn.gov.ru/activity/connection/register/p1578/ (дата обращения: 21.04.2026).

[4] С 1 января 2026 года вступают в силу масштабные поправки в КоАП РФ, усиливающие ответственность операторов связи и провайдеров хостинга. Законвводит новые составы правонарушений и ужесточает старые. URL: https://konkovo.mos.ru/law-and-poryado/prokuror-razyasnyaet/clarification-of-legislation/detail/13509007.html (дата обращения: 21.04.2026).

провайдером средств, предназначенных для мониторинга адресов в сети Интернет (например, оборудования для блокировки запрещённых сайтов по требованию Роскомнадзора). Штраф для юридических лиц – до 50 тыс. рублей, при повторном нарушении – до 100 тыс. рублей[1].

Часть 6 статьи 13.43 (с 1 марта 2026 года) предусматривает штраф от 30 тыс. до 50 тыс. рублей за нарушение правил обеспечения устойчивого взаимодействия с сетями других операторов (технические сбои, разрывы соединения и т. п.)[2]. Часть 3 статьи 13.43 (с 1 марта 2026 года) устанавливает ответственность за неисполнение обязанности использовать точки обмена трафиком из государственного реестра. Максимальный штраф для юридических лиц – 700 тыс. рублей, при повторном нарушении – 1 млн рублей. Таким образом, изменения направлены на создание более жёсткого правового поля, которое способствует соблюдению законодательства, повышению безопасности и качества услуг в сфере хостинга.

Ужесточения мер регулирования деятельности провайдеров хостинга в России есть несколько ключевых причин, связанных с обеспечением информационной безопасности, технологического суверенитета и контроля за распространением запрещённого контента. Эти изменения направлены на минимизацию рисков для национальной инфраструктуры и защиту данных граждан[3]. Ежедневно на российские компании фиксируется большое количество кибератак. В 2025 году число веб-атак на сайты и приложения российских компаний выросло на 89% по сравнению с 2024 годом и достигло 3,3 млрд событий. Среднее число инцидентов на одну компанию увеличилось в 1,6 раза[4]. В 2025 году 47% всех атак на российские компании оказались успешными и привели к нарушению деятельности компаний. В 2024 году хакеры добивались успеха лишь в 31% случаев. В 2025 году аналитики Threat Intelligence компании F6 зафиксировали на андеграундных форумах и в тематических Telegram-каналах появление 250 новых случаев публичных утечек баз данных компаний СНГ, из них – 230 российских организаций. Суммарно утечки баз данных за 2025 год содержали более 767 млн строк с данными российских пользователей[5]. В октябре 2025 года среднее число срабатываний на вредоносное программное обеспечение (далее – ПО) на одну компанию достигло 99 – рост в 2,5

[1] Обзор «Основные изменения в КоАП РФ в 2026 году». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518324/d0bb476bd3c4a6e8f7acdd9ffcc513eb7f48da80/ (дата обращения: 21.04.2026).

[2] Новая редакция КоАП РФ с 1 марта 2026 года: штрафы для провайдеров, экспедиторов и представителей искусства. URL: https://ppt.ru/obzory/koap/2026-03-01 (дата обращения: 21.04.2026).

[3] В Госдуму внесён законопроект о штрафах для хостинг-провайдеров, не вошедших в специальный реестр Роскомнадзора. URL: https://habr.com/ru/news/907790/ (дата обращения: 21.04.2026).

[4] В России зафиксировали почти двукратный рост числа кибератак на сайты и приложения компаний. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2026/02/03/27766555.shtml (дата обращения: 21.04.2026).

[5] Больше атакующих и больше ущерба: F6 назвала главные киберугрозы в 2026 году. URL: https://www.f6.ru/media-center/press-releases/cybercrime-trends-annual-report-2025-2026/ (дата обращения: 21.04.2026).

раза за год[1]. Небольшие хостинг-провайдеры часто становятся уязвимым звеном, через которое злоумышленники получают доступ к конфиденциальной информации. Так, они могут использовать устаревшее или неподдерживаемое ПО, которое содержит уязвимости. У них часто отсутствуют ресурсы и экспертиза для внедрения комплексных мер безопасности. Некоторые провайдеры перепродают услуги зарубежных хостингов, что создаёт риски трансграничной передачи данных и снижает контроль над их защитой. Малые провайдеры могут не проводить регулярный аудит инфраструктуры и не внедрять современные средства защиты[2], такие как сертифицированные антивирусные системы или шифрование данных. Вот почему административное законодательство с 1 марта 2026 ужесточило меры ответственности хостинг провайдеров. Эти меры направлены на решение актуальных проблем в сфере кибербезопасности, защиты данных и противодействия незаконным действиям в интернете. Одна из главных целей – сделать интернет более устойчивым к внешним угрозам. Для этого вводится обязательное использование Национальной системы доменных имён (далее – НСДИ). НСДИ дублирует глобальную систему DNS[3] и обеспечивает работу отечественных ресурсов даже при гипотетическом отключении национального сегмента интернета от глобальной сети. Это снижает зависимость от международных технологических платформ и повышает цифровой суверенитет[4]. Кроме того, провайдеры обязаны подключаться к государственной системе обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (далее – ГосСОПКА), контролируемой ФСБ. Это позволяет оперативно выявлять и блокировать кибератаки, а также передавать данные о вредоносном трафике в систему. Требование размещать серверное оборудование исключительно на территории РФ минимизирует риски несанкционированного доступа к информации. Это особенно важно для защиты персональных данных и критической инфраструктуры. Такой подход соответствует требованиям Федерального закона от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных» и других нормативных актов, регулирующих обработку информации[5].

Также, хостинг-провайдеры обязаны взаимодействовать с Центром мониторинга и управления сетью связи общего пользования (далее – ЦМУ ССОП). Этот центр, созданный на базе ФГУП «Главный радиочастотный центр» (далее – ГРЧЦ), занимается выявлением и предотвращением угроз на инфраструктуре российских

---

[1] Кибератаки 2026: статистика, векторы атак и главные уязвимости. URL: https://passwork.ru/blog/kiberataki-2026/ (дата обращения: 21.04.2026).

[2] Статья 10.2-1 «Особенности регулирования деятельности провайдера хостинга», которая была введена Федеральным законом от 31 июля 2023 года №406-ФЗ.

[3] DNS – это распределённая система, которая позволяет преобразовывать понятные человеку доменные имена в числовые IP-адреса понятные компьютерам и сетевому оборудованию.

[4] Не по адресу: чего ждать от новых блокировок ресурсов по доменам. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/555382-ne-po-adresu-cego-zdat-ot-novyh-blokirovok-resursov-po-domenam (дата обращения: 21.04.2026).

[5] Требования безопасности к серверам баз данных. URL: https://searchinform.ru/services/outsource-ib/zaschita-informatsii/bezopasnost-baz-dannykh/zaschita-baz-dannykh/trebovaniya-bezopasnosti-k-serveram-baz-dannykh/ (дата обращения: 21.04.2026).

операторов связи[1]. Участие в учениях по обеспечению устойчивости интернета[2] также становится обязательным. Такие учения помогают отработать механизмы реагирования на DDoS-атаки, сбои и другие угрозы, а также улучшить координацию между провайдерами и государственными органами. Провайдеры получают статус «контролёров», а не просто технических посредников. Они обязаны проверять клиентов по «чёрным спискам» и отказывать в услугах тем, кто связан с распространением запрещённой в России информации, включая владельцев VPN-сервисов. Это часть мер, предусмотренных законопроектом «Антифрод 2.0»[3]. Такие требования переводят хостинг-провайдеров из статуса нейтральных посредников в роль активных участников системы контроля за интернет-пространством. Однако реализация этих мер требует от компаний дополнительных инвестиций в технологии и процедуры проверки клиентов, что может привести к росту цен на услуги. Таким образом, ужесточение административной ответственности направлено на создание более защищённой, управляемой и суверенной цифровой инфраструктуры в России. Однако реализация этих мер сопряжена с техническими и экономическими вызовами для провайдеров.

Контроль за деятельностью хостинг-провайдеров в России в 2026 году осуществляется несколькими государственными органами, каждый из которых отвечает за определённые аспекты регулирования. Основные полномочия распределены между Роскомнадзором, ФСБ и Минцифры. Роскомнадзор осуществляет общий контроль и ведение реестра, ФСБ – обеспечение безопасности и проведение ОРМ, Минцифры – нормативно-правовое регулирование. Это создаёт многоуровневую систему надзора, направленную на обеспечение стабильности, безопасности и соответствия деятельности провайдеров законодательству. Полиция не осуществляет регулярный надзор за хостинг-провайдерами – это задача Роскомнадзора, ФСБ и Минцифры. Однако она: участвует в расследовании преступлений, где хостинг используется как инструмент или источник доказательств; взаимодействует с провайдерами по запросам в рамках уголовных

[1] Центр мониторинга и управления сетью связи общего пользования (ЦМУ ССОП) был создан на базе ФГУП «Главный радиочастотный центр» (ГРЧЦ) постановление Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года №136. Дополнительно деятельность ЦМУ ССОП регулируется приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 31 июля 2019 года №225 «Об утверждении Положения о Центре мониторинга и управления сетью связи общего пользования».

[2] Учения по обеспечению устойчивости, безопасности и целостности функционирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования в России регулируются Постановлением Правительства РФ от 12 октября 2019 года №1316 «Об утверждении Положения о проведении учений по обеспечению устойчивого, безопасного и целостного функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования».

[3] «Антифрод 2.0» – это пакет поправок к законодательству, направленный на борьбу с мошенничеством и нарушениями в сфере информационных технологий. Ко второму чтению законопроекта были предложены изменения, которые касаются в том числе регулирования деятельности хостинг-провайдеров и их роли в противодействии обходу блокировок.

дел; исполняет решения суда о блокировке или предоставлении данных. Таким образом, роль полиции – реактивная и следственная, а не профилактическая и контролирующая. Существующая система распределения полномочий между регуляторами – Роскомнадзором, ФСБ и Минцифры – создаёт для полиции, в том числе для подразделений МВД, целый комплекс проблем, серьёзно осложняющих работу по расследованию киберпреступлений. Прежде всего это выражается в существенном замедлении расследований из-за необходимости многоуровневого согласования: чтобы получить данные от хостинг-провайдера, полиции зачастую приходится сначала обращаться в Роскомнадзор за информацией о самом провайдере и его статусе в реестре, затем согласовывать запрос с ФСБ, особенно если речь идёт о защищённых данных или требуется проведение оперативно-розыскных мероприятий. В результате сроки получения критически важной информации растягиваются, а в условиях киберпреступлений, где счёт идёт на часы, такие задержки нередко приводят к утрате доказательств. Ещё одна серьёзная проблема связана с отсутствием у полиции профильных подразделений, обладающих глубокой экспертизой в области сетевых технологий: сотрудники не всегда разбираются в таких вопросах, как работа DNS, маршрутизация трафика, различия между виртуальным и выделенным хостингом, особенности функционирования CDN или нюансы логирования трафика[1]. Из-за этого возникают сложности с формулировкой точных запросов к провайдерам и адекватной оценкой полученных данных. Кроме того, полиция не имеет прямого доступа к ключевым системам, таким как ГосСОПКА (система ФСБ по обнаружению кибератак), ЦМУ ССОП (центр мониторинга и управления сетью связи общего пользования), НСДИ (национальная система доменных имён) и реестр хостинг-провайдеров Роскомнадзора. Чтобы получить данные из этих ресурсов, приходится запрашивать помощь профильных ведомств, что добавляет дополнительных бюрократических процедур и ещё больше замедляет процесс. Ситуация усугубляется сложностями с идентификацией и отслеживанием злоумышленников: преступники активно используют инструменты анонимизации – VPN, прокси, TOR, – прибегают к услугам зарубежных или «серых» хостинг-провайдеров внутри РФ, регистрируют услуги с помощью поддельных или украденных учётных данных. Даже если полиция получает какие-то данные от провайдера, установить реального нарушителя зачастую крайне затруднительно. К этому добавляются технические сложности сбора доказательств: логи и данные о трафике хранятся ограниченное время (обычно 30–90 дней), а процесс запроса и получения информации может занять больше времени; данные нередко зашифрованы или распределены между несколькими серверами, а при изъятии оборудования в рамках оперативно-розыскных мероприятий есть риск повредить или безвозвратно потерять важную информацию. Не менее значимы и правовые аспекты: в ряде случаев нормативно не прописаны чёткие сроки предоставления данных хостинг-провайдерами, отсутствуют единые форматы запросов и ответов, возникают споры о юрисдикции, например, когда сервер находится на территории РФ, а владелец ресурса проживает в другой стране. Такая неопределённость создаёт риски оспаривания собранных доказательств в суде.

[1] CDN – это быстрее загрузка за счёт распределённых серверов. Логирование трафика запись «журнала» сетевых событий для контроля и анализа.

Ресурсные ограничения тоже играют негативную роль: в подразделениях МВД, занимающихся противодействием киберпреступлениям (в т. ч. в Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий – УБК, а также в профильных подразделениях уголовного розыска и экспертно-криминалистических подразделениях), наблюдается нехватка квалифицированных кадров. Финансирование для закупки специализированного программного обеспечения для анализа сетевого трафика и цифровых доказательств недостаточно, а нагрузка на сотрудников растёт из-за постоянного увеличения числа киберпреступлений.

Кроме того, между ведомствами порой возникают конфликты компетенций: дублирование функций (например, параллельное расследование одного и того же дела МВД и ФСБ), разногласия в трактовке законов и конкуренция за приоритет в расследовании приводят к несогласованности действий и напрасной трате времени. При расследовании трансграничных преступлений обостряются проблемы международного взаимодействия: запросы в иностранные юрисдикции обрабатываются месяцами, некоторые страны отказываются сотрудничать с российскими правоохранительными органами, а различия в законодательстве разных государств серьёзно затрудняют сбор доказательств. Наконец, существует риск утечки данных при межведомственном обмене информацией: пересылка чувствительной информации между МВД, ФСБ и Роскомнадзором через незащищённые каналы или с нарушением установленных процедур может привести к компрометации оперативных мероприятий и раскрытию источников информации. В итоге текущая система контроля за хостинг-провайдерами существенно осложняет работу полиции в сфере киберпреступлений и административных правонарушений: замедляет расследования, ограничивает доступ к необходимым данным, выявляет нехватку экспертизы и ресурсов. Таким образом, для минимизации этих проблем требуется комплекс мер: упрощение процедур межведомственного взаимодействия, повышение квалификации сотрудников полиции в сфере информационных технологий, расширение доступа полиции к ключевым государственным системам мониторинга (при строгом соблюдении режима безопасности), унификация форматов запросов и сроков предоставления данных хостинг-провайдерами, усиление международного сотрудничества в сфере кибербезопасности, а также чёткое регламентирование межведомственного взаимодействия и разграничение зон ответственности ведомств.

УДК 342.9

Л. В. Дудченко, В. В. Зубкова

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье анализируются правовые и организационные изменения в деятельности Госавтоинспекции, связанные с массовым внедрением нейросетевых систем автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения. Рассмотрены новые технологические возможности камер, изменения законодательства 2025–2026 годов, практика применения в регионах России, а также проблемы реализации принципа презумпции невиновности и отдельные вопросы обжалования ошибочных постановлений. Приводятся статистические данные о снижении аварийности и количестве выявленных нарушений. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дорожное движение, фотовидеофиксация, административная ответственность, безопасность, Госавтоинспекция.

L.V. Dudchenko, V.V. Zubkova

TRANSFORMATION OF THE ADMINISTRATIVE PRACTICE OF TRAFFIC POLICE IN THE IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract: the article analyzes legal and organizational changes in the activities of the State Traffic Inspectorate related to the massive introduction of neural network systems for automatically recording violations of traffic rules. The new technological capabilities of the cameras, changes in the legislation of 2025-2026, the practice of application in the regions of Russia, as well as the problems of implementing the principle of the presumption of innocence and certain issues of appealing erroneous decisions are considered. Statistics on the reduction of accidents and the number of detected violations are provided. It is concluded that further improvement of legal regulation is necessary.

Key words: artificial intelligence, traffic, photo and video recording, administrative responsibility, security, traffic police.

Внедрение современных цифровых технологий в сферу безопасности дорожного движения стало одним из приоритетов государственной политики. Указом Президента РФ от 14 ноября 2025 года № 841 утверждена Стратегия повышения безопасности дорожного движения на период до 2036 года. Документ ставит цель к 2030 году сократить смертность в ДТП в полтора раза, а к 2036 году – вдвое по сравнению с уровнем 2023 года.[1]

Достичь таких показателей без широкого внедрения современных технологий автоматического контроля невозможно. Традиционные комплексы фотовидеофиксации распознавали в основном превышение скорости и проезд на запрещающий сигнал. На смену им приходят нейросетевые системы с элементами искусственного интеллекта (ИИ). По данным Госавтоинспекции МВД России, в 2025

[1] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента РФ от 14.11.2025 № 841 // «Собрание законодательства РФ», 17.11.2025, № 46, ст. 6877.

году с помощью камер выявлено более 216 млн. нарушений Правил дорожного движения – это 93% от общего числа зафиксированных правонарушений.[1]

Как отмечают И.В. Бушуев и Е.Е. Власенко, технологии ИИ трансформируют традиционные подходы в работе Госавтоинспекции, так методы компьютерного зрения снижают нагрузку на инспекторов, а интеллектуальный анализ данных помогает прогнозировать места и время нарушений [1, с. 1-2].

Благодаря внедрению нейросети сущность контроля становится принципиально иной. Искусственный интеллект постепенно замещает человека при выявлении и оформлении нарушений в сфере безопасности дорожного движения, тем самым усиливая объективность и всеохватность.

Современные комплексы фотовидеофиксации, оснащённые алгоритмами компьютерного зрения, способны анализировать видеопоток в реальном времени. Они определяют положение водителя, фиксируют непристёгнутый ремень безопасности, использование мобильного телефона за рулём, а также сложные составы – создание помех, остановку в запрещённых местах, выезд на встречную полосу. Практика внедрения таких камер в российских регионах показывает их высокую эффективность. В феврале 2026 года на Московском скоростном диаметре установили 470 «умных» камер. Они распознают 15 видов опасных инцидентов: пешеходов на проезжей части, аварии, остановку на полосе движения, проведение дорожных работ и другие[2]. Нейросеть анализирует видеопоток, а при обнаружении инцидента информация передаётся в Центр организации дорожного движения (ЦОДД). Оттуда выводятся предупреждения на дорожные табло, и информируются патрули.

С 26 февраля 2026 года в Ульяновской области установлены стационарные комплексы фотовидеофиксации, они начали автоматически выявлять водителей, которые держат мобильный телефон в руке во время движения. Камеры анализируют изображение в реальном времени и фиксируют сам факт использования гаджета без гарнитуры.[3]

В Тульской области применяется передвижной комплекс «Кордон ПРО» с инфракрасной подсветкой. Он работает в ночное время и контролирует зону длиной до 800 метров. Система считывает номера, скорость, фиксирует выезд на встречную полосу и пересечение сплошной линии разметки.[4]

С 2026 года компания «Автодор» внедряет обновлённые комплексы фотовидеофиксации. Они фиксируют не только превышение скорости, но и остановку на обочине в запрещённых местах, непристёгнутых водителей, использование телефона. Камеры установлены как на стационарных опорах, так и на автомобилях

---

[1] Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения: официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. URL:http://stat.gibdd.ru/(дата обращения: 23.04.2026).

[2] В Москве установили 470 новых дорожных камер с нейросетями // Известия. 2026. 17 февраля [Электронный ресурс] URL:https://iz.ru/2044382/2026-02-17/v-moskve-ustanovili-470-novykh-dorozhnykh-kamer-s-neirosetiami(дата обращения: 23.04.2026).

[3] В Ульяновской области камеры фотовидеофиксации начнут автоматически выявлять водителей, использующих телефон за рулём: официальный сайт Министерства транспорта Ульяновской области. URL:https://transport.ulregion.ru/novosti/v-ulyanovskoj-oblasti-kamery-fotovideofiksatsii-nachnut-avtomaticheski-vyyavlyat-voditelej-ispolzuyushchikh-telefon-za-ruljom(дата обращения: 23.04.2026).

[4] На дорогах Тулы нарушителей ловят камеры на базе ИИ // Первый Тульский. 2026. 10 апреля [Электронный ресурс] URL:https://1tulatv.ru/novosti-reportazhi/251826-na-dorogah-tuly-narushiteley-lovyat-kamery-na-baze-ii.html(дата обращения: 23.04.2026).

аварийных комиссаров, что позволяет контролировать протяжённые участки без постоянной инфраструктуры.[1]

При этом окончательное решение о вынесении постановления по-прежнему принимает сотрудник Госавтоинспекции или ЦОДД. Автоматизация не исключает человеческого контроля: данные передаются в центр обработки, где инспекторы проверяют кадры перед вынесением штрафа. Как справедливо отмечает О.В. Гарина, использование возможностей искусственного интеллекта положительно отражается на безопасности дорожного движения, однако отказаться от человека как субъекта обеспечения безопасности дорожного движения невозможно [3, с. 95].

Федеральный закон от 23 марта 2026 года № 75-ФЗвнёс поправки в статью 12.37 КоАП РФ[2], которая устанавливает ответственность за отсутствие полиса ОСАГО. В случае если автомобиль без полиса зафиксирован камерами несколько раз в течение 24 часов, штраф применяется только один раз – за первый случай. Повторные наказания в тот же день не назначаются. МВД России официально разъяснило, что в настоящее время отсутствует техническая возможность администрирования в автоматическом режиме нарушений по ОСАГО, поэтому штрафы на основе фото- и видеоматериалов пока не выносятся.[3] Для реализации этой нормы дорабатывается программное обеспечение единой информационно-аналитической системы МВД «Паутина», которая объединяет данные со всех камер фотовидеофиксации и помогает находить угнанные машины, автомобили с подложными номерами и водителей, скрывшихся с мест ДТП.

Наиболее острая правовая проблема при внедрении нейросетевых камер – действие принципа презумпции невиновности. Общее правило закреплено в статье 1.5 КоАП РФ: лицо подлежит административной ответственности только за те нарушения, в отношении которых установлена его вина, причём обязанность доказывания лежит на уполномоченном органе. Однако примечание к той же статье устанавливает исключение: при фиксации правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП[4], работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, обязанность доказывания своей невиновности лежит на лице, привлекаемом к ответственности. Фактически законодатель вводит «презумпцию виновности» собственника транспортного средства.

Конституционный суд РФ подтвердил, что в таких случаях общее правило о презумпции невиновности не распространяется – Госавтоинспекция не обязана доказывать вину автовладельца. При этом суд разъяснил, что собственник вправе обжаловать постановление, представив доказательства того, что в момент фиксации

---

[1] «Автодор» внедрит обновлённые комплексы фотовидеофиксации с ИИ для выявления новых нарушений в 2026 году // RUБЕЖ 2026. 15 апреля [Электронный ресурс] URL:https: // ru-bezh.ru/gossektor/news/26/04/15/avtodor-vnedrit-obnovlennye-kompleksy-fotovideofiksatsii-s-ii-dl(дата обращения: 23.04.2026).

[2]«О внесении изменения в статью 12.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» Федеральный закон от 23.03.2026 № 75-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 30.03.2026, № 13, ст. 1530

[3] Официальная информация МВД России о применении Федерального закона № 75-ФЗ // Приобье. 2026. 25 марта [Электронный ресурс]. URL: https://priobie.ru/index.php/события/гибдд/14514-официальная-информация-мвд-россии (дата обращения: 23.04.2026).

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.

транспортное средство находилось во владении или пользовании иного лица.[1] Верховный Суд РФ в постановлении от 30 января 2026 года № 32-АД26-2-К1 подтвердил строгость данного подхода. Собственник автомобиля, привлечённый к ответственности за повторный проезд на красный свет, ссылался на то, что за рулём находилась его супруга, допущенная к управлению по полису ОСАГО. Суд отклонил этот довод, указав, что полиса ОСАГО недостаточно для освобождения от ответственности — необходимо представить иные доказательства, бесспорно подтверждающие, что транспортное средство выбыло из владения собственника[2]. Как отмечают М.В. Костенников, А.В. Куракин и И.С. Трегубов, в науке административного права обоснованно обращается внимание на то, что «презумпция невиновности не всегда получает конституционное закрепление, однако её функциональность состоит в том, чтобы органы, производящие расследование, не относились к лицу, привлечённому к ответственности, с излишним предубеждением его заведомой виновности, а также не перекладывали бремя доказывания своей невиновности на само лицо» [2, с. 15]. При этом учёные констатируют, что в КоАП РФ наряду с «презумпцией невиновности (ст. 1.5) закрепляется и так называемая «презумпция виновности собственника транспортного средства» (ст. 2.6.1), которая не должна рассматриваться как отступление от принципа презумпции невиновности, а является лишь приёмом обеспечения безопасности дорожного движения, в частности пресечения, необоснованно высокого скоростного режима управления автомобилем [2, с.16]. Главная проблема, по мнению авторов, заключается не в самом отступлении от принципа презумпции невиновности, а в создании механизмов привлечения к ответственности именно виновного лица, невиновное же лицо должно максимально быстро и чётко обосновать» свою позицию [2, с.17].

Дополнительные разъяснения по вопросам исчисления сроков уплаты административных штрафов и их обжалования содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 38 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выражающихся в уклонении от исполнения наказания в виде административного штрафа».[3] В соответствии с п. 7 указанного Постановления[4] срок обжалования, не вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, составляет десять дней, со дня, следующего за днём получения копии постановления. А срок уплаты штрафа - 60 дней со дня вступления постановления в законную силу.

---

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2026 № 40-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокофьевой Риммы Васильевны на нарушение ее конституционных прав примечанием к статье 1.5 и частью 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Верховного суда Российской Федерации от 30.01.2026 № 32-АД26-2-К1 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2518852 (дата обращения 24.04.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 38 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выражающихся в уклонении от исполнения наказания в виде административного штрафа» [Электронный ресурс]: от 30декабря 2001 г. № 195-ФЗ: с изм. от 09 января 2026г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Там же: п.7.

Несмотря на развитие технологий, полностью исключить ошибки не удаётся. В Москве ранее фиксировались случаи, когда эвакуатор вёз автомобиль на платформе, превышал скорость, а штраф с камеры получал владелец перевозимой машины – комплекс ошибочно распознавал именно его номер. В ЦОДД внедрили дополнительную проверку: нейросеть определяет эвакуатор по внешним признакам, и если формируется два постановления (на перевозимую машину и на эвакуатор), первое отбраковывается.

Анализ судебной практики, проведённый М.В. Сидоровой, показывает, что суды по-разному подходят к оценке доказательств, полученных с помощью интеллектуальных систем. В одних случаях техническая ошибка при распознавании номера стала основанием для освобождения от ответственности, в других — суд признал законным привлечение к ответственности, отклонив доводы о погрешности системы [4, с. 319]. Автор приходит к выводу о необходимости выработки чётких критериев допустимости таких доказательств [4, с. 319].

По данным экспертов, около 30% действующих на российских дорогах комплексов фотовидеофиксации не поддерживают новые технологии, включая нейросети. Большая часть камер просто не справляется со сложными составами нарушений, что в дальнейшем влечет ошибки при заполнении процессуальных документов.[1] Кроме того, как отмечает О.В. Гарина, нейросеть использует алгоритм, составленный человеком, а субъективный фактор является одной из причин совершения правонарушений. Следовательно, полностью довериться мнению, сформированному нейросетью, нельзя – оно требует проверки и уточнения [3, с. 96].

Статистические данные последних двух лет демонстрируют устойчивую положительную динамику в регионах, где активно применяются нейросетевые камеры. Искусственный интеллект позволяет существенно расширить перечень выявляемых нарушений, повысить объективность контроля и снизить влияние человеческого фактора.

Однако массовое применение «умных» камер порождает комплекс правовых проблем, требующих дальнейшего регулирования. Среди них: необходимость уточнения действия принципа презумпции невиновности при автоматической фиксации; обеспечение надлежащей точности распознавания (особенно на устаревших комплексах); создание эффективных механизмов обжалования ошибочных постановлений; устранение технических ограничений, препятствующих автоматическому контролю по отдельным составам.

Статистические данные свидетельствуют о значительном положительном эффекте: в регионах с активным применением нейросетевых камер наблюдается устойчивое снижение аварийности (от 11% до 30%)[2]. Это позволяет рассматривать дальнейшее развитие нейросетевых систем контроля как одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

---

[1] Быстрее, жестче, точнее: в 2026 году камеры фото- и видеофиксации удивят водителей // АвтоВзгляд. 2026. 31 марта [Электронный ресурс] URL: https://www.avtovzglyad.ru/gai/pdd/71032-2026-03-31-byistree-zhestche-tochnee-v2026-godu-kameryi-foto-ivideofiksatsii-udivyat-voditeley/ (дата обращения: 23.04.2026).

[2] ДТП в Тульской области сократились на 30% за счёт фотовидеофиксации // ТСН24. 2026. 15 апреля. [Электронный ресурс] URL: https://www.tsn24.ru/2026/04/15/352369-dtp-v-tulskoy-oblasti-sokratilis-na-30-za-schyet-fotovideofiksatsii/.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бушуев, И. В. Внедрение и применение технологий искусственного интеллекта в деятельности Госавтоинспекции для повышения эффективности оперативно-служебной деятельности / И. В. Бушуев, Е. Е. Власенко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2026. – № 1(163). С.1-4

2. Костенников, М. В. Вопросы правовой презумпции и правовой фикции в административной деятельности полиции / М. В. Костенников, А. В. Куракин, И. С. Трегубов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 4(60). – С. 11-21.

3. Гарина, О. В. Возможности использования нейросетей в таксомоторной деятельности / О. В. Гарина // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования : Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Орёл, 25–26 апреля 2024 года. – Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2024. – С. 95-98.

4. Сидорова, М. В. Искусственный интеллект в деятельности сотрудников Госавтоинспекции: современный взгляд / М. В. Сидорова // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования : Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Орёл, 24 апреля 2025 года. – Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2025. – С. 317-322.

УДК 34.09

С.М. Ковалев

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ РАЗНИЦА ЗАДЕРЖАНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ

Правовой институт задержания занимает центральное место в механизме обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации особое значение имеет четкое разграничение задержания лица по подозрению в совершении преступления и административного задержания. Непонимание различий между указанными мерами способно привести к нарушениям прав граждан, признанию доказательств недопустимыми, дисциплинарной и даже уголовной ответственности должностных лиц.

Ключевые слова: процессуальные особенности задержания, правовая квалификация деяний, обеспечение правопорядка.

S.M. Kovalev

PRINCIPAL DIFFERENCE BETWEEN DETENTION AND ADMINISTRATIVE DETENTION IN THE ACTIVITIES OF RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS EMPLOYEES

The legal institution of detention occupies a central place in the mechanism of ensuring law and order and public safety. For employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, a clear distinction between the detention of a person suspected of committing a

crime and administrative detention is of particular importance. Failure to understand the differences between these measures can lead to violations of citizens' rights, the recognition of evidence as inadmissible, and disciplinary and even criminal liability for officials.

Keywords: procedural features of detention, legal qualification of acts, ensuring law and order.

Современная правоприменительная практика показывает, что границы правового института задержания нередко размываются. Это связано с неоднородностью правовой квалификации деяний, особенностями оперативной обстановки, недостатком правовой подготовки сотрудников, а также несовершенством правосознания граждан. Поэтому анализ принципиальных различий данных мер государственного принуждения представляется актуальным [3, с. 32].

Задержание в уголовном процессе представляет собой меру процессуального принуждения, применяемую к лицу, подозреваемому в совершении преступления. Оно закреплено в УПК РФ и по своей природе является временным ограничением права на свободу и личную неприкосновенность.

Ключевые признаки уголовно-процессуального задержания:

-применяется в связи с преступлением;

-связано с наличием статуса подозреваемого;

-направлено на обеспечение производства по уголовному делу;

-носит временный характер;

-требует строгой процессуальной формы.

Основания задержания перечислены в статье 91 УПК РФ, к ним относятся:

-лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него;

-очевидцы прямо указывают на лицо как совершившее преступление;

-на подозреваемом или его одежде обнаружены явные следы преступления.

Дополнительно допускается задержание при наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в преступлении, если оно пыталось скрыться, не имеет постоянного места жительства или личность не установлена.

Задержание оформляется протоколом, о нем уведомляется прокурор и близкие родственники в срок до 48 часов, после чего лицо должно быть освобождено либо по решению суда заключено под стражу [4, с. 235].

Таким образом, уголовно-процессуальное задержание – это элемент уголовного судопроизводства, тесно связанный с уголовной ответственностью и судебным контролем.

Административное задержание регулируется КоАП РФ. Это мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанная с кратковременным ограничением свободы лица.

Целью административного задержания является пресечение правонарушения и обеспечение рассмотрения дела. Оно не связано с подозрением в совершении преступления и не влечет возникновения статуса подозреваемого или обвиняемого.

Основания административного задержания перечислены в статье 27.3 КоАП РФ. Среди них:

-необходимость установления личности;

-составление протокола при невозможности его составления на месте;

-обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела;

-исполнение наказания в виде административного ареста.

Срок административного задержания, как общее правило, не превышает 3 часов. Исключения установлены для отдельных категорий дел (например, нарушение пограничного режима, режимных правил, алкогольное опьянение, нарушение миграционного законодательства). В этих случаях срок может достигать 48 часов [1, с. 20].

Административное задержание не предполагает автоматического возбуждения уголовного дела и применяется в рамках юрисдикции органов внутренних дел как мера обеспечения производства.

Главное различие двух институтов заключается в их целевой направленности.

Целями уголовного задержания являются:

-пресечение преступления;

-предотвращение сокрытия подозреваемого;

-обеспечение расследования уголовного дела;

-обеспечение участия лица в процессуальных действиях.

Целями административного задержания являются:

-прекращение административного правонарушения;

-установление личности правонарушителя;

-составление процессуальных документов;

-обеспечение исполнения административного наказания.

Следовательно, уголовное задержание всегда связано с уголовным преследованием, тогда как административное задержание связано с административной ответственностью.

Рассматривая основания применения и их практическую значимость установлено, что уголовное задержание возможно только при наличии данных о признаках преступления. Нельзя задержать лицо по УПК РФ за деяние, очевидно относящееся к административным проступкам.

Административное задержание применяется при следующих обстоятельствах:

-за мелкое хулиганство;

-появление в общественных местах в состоянии опьянения;

-неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции;

-мелкое взяточничество;

-нарушения миграционного режима;

-другие правонарушения, предусмотренные КоАП РФ.

В реальной практике возможны ситуации пограничного характера. Например, семейный конфликт может трактоваться как мелкое хулиганство или как побои (преступление). Здесь от квалификации зависит выбор меры - административное или уголовное задержание [2, с. 83].

Рассматривая процессуальную форму оформления задержания установлены следующие различия:

1.Уголовное задержание – всегда оформляется протоколом, обязательно разъяснение прав подозреваемого, уведомление прокурора в течение 12 часов, уведомление родственников, медицинский осмотр при необходимости.

2.Административное задержание – оформляется протоколом административного задержания, права лица разъясняются, составляется протокол об административном правонарушении, разъясняется право на защитника, фиксируется фактическое время задержания.

Нарушение формы влечет недопустимость доказательств и ответственность

должностных лиц.

Сроки задержания также различаются: срок уголовного задержания составляет 48 часов (продление возможно только судом при решении вопроса об избрании меры пресечения), срок административного задержания по общему правилу составляет до 3 часов, а по отдельным составам до 48 часов.

Таким образом, совпадение предельных сроков не меняет разницы правовой природы мер.

Гарантии прав задержанных лиц включают в себя:

-право на адвоката;

-право на телефонный звонок;

-право на медицинскую помощь;

-право на ознакомление с протоколом;

-право на обжалование.

В уголовном процессе гарантии шире и детальнее, поскольку речь идет о возможной изоляции на длительный срок и уголовной ответственности.

Вместе с тем, практика выявляет следующие типичные ошибки сотрудников полиции:

1.Подмена административного задержания уголовным и наоборот.

2.Превышение сроков.

3.Неразъяснение прав.

4.Отсутствие уведомлений родственников.

5.Составление протоколов «задним числом».

6.Задержание без достаточных оснований.

Такие нарушения ведут к отмене постановлений, признанию доказательств недопустимыми, дисциплинарной ответственности сотрудников МВД России.

Корректное применение мер задержания и правильная квалификация для деятельности МВД России обеспечивает:

-законность деятельности полиции;

-доверие граждан к государству;

-защиту общества от преступности;

-процессуальную устойчивость материалов дел;

-снижение числа жалоб и исков.

Правовое государство держится не на громких лозунгах, а на аккуратном соблюдении процессуальных мелочей.

Таким образом, задержание и административное задержание в деятельности сотрудников МВД России являются внешне сходными, но принципиально различными мерами государственного принуждения. Они отличаются целями, основаниями, порядком применения, правовыми последствиями и процессуальными гарантиями.

Задержание по УПК РФ является элементом уголовного преследования, связанным с подозрением в совершении преступления и строгим судебным контролем. Административное задержание – это мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Четкое понимание различий и грамотное правоприменение выступает ключевым фактором законности деятельности органов внутренних дел и уважения прав граждан. В перспективе развития правовой системы России приоритетом должно оставаться повышение правовой грамотности сотрудников полиции и совершенствование процедурных регламентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохина С.Ю. Особенности осуществления административного задержания на срок до трех часов : Учебно-методическое пособие / С.Ю. Анохина. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2015. – 20 с.
2. Бабин С.В. О совершенствовании подготовки сотрудников органов внутренних дел в области полицейского принуждения / С.В. Бабин // Научный компонент. – 2021. – № 2(10). – С. 81-87.
3. Ковалев С.М. Основные аспекты формирования профессиональных навыков сотрудников полиции / С.М. Ковалев // Рефлексия. – 2025. – № 6. – С. 31-34.
4. Тарута А.Г. Актуальные вопросы правового регулирования деятельности нарядов патрульно-постовой службы полиции / А.Г. Тарута // Обеспечение норм законодательства при несении службы нарядами патрульно-постовой службы полиции: Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 мая 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 233-236.

Лю Бо

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ДЛЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛЕДОВО-СНЕЖНОГО КЛИМАТА ВЫСОКОГОРНЫХ И ХОЛОДНЫХ ГОРОДОВ — НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНА

高寒城市冰雪气候下老年群体出行安全保障与执法研究—以哈尔滨市为例

刘波 黑龙江省公安警官职业学院交通管理系

摘要： 研究选取中国的典型高寒省会城市哈尔滨作为案例城市，关注该地区冬季冰雪气候条件下，城市道路老年群体所面临交通安全问题，分析冰雪环境对于道路情况和交通行为的影响机制，凭借调研信息和经验得出“道路工程改进+智能交通管理+政策手段干预+执法规范与协同”的四维道路安全安全保障机制与执法优化模型，为我国北方高寒地区城市道路交通安全改善给予一定参考借鉴意义。

关键词：高寒城市、冰雪气候、老年群体、安全保障机制、执法优化

一、引言

（一）研究背景

2025年12月中旬至次年1月初，黑龙江省佳木斯、伊春、七台河等地区现场违法查处量同比均上升超过10%以上，其中主要原因是由于道路清冰除雪协同不到位、冬季重点交通违法查处不到位等原因所致[1]。而哈尔滨作为省会城市，冬季寒冷漫长，积雪期长达5个月左右，平均气温-20℃左右，最低温度可达零下37.7℃。夜间路面常常会出现透明的薄冰层，摩擦系数低至0.1-0.3[1]，车辆制动距离延长2-3倍。其更具有高寒地区城市冰雪交通的代表性。

老年群体由于缺乏自身保护能力,且不适应外界环境，行动、视觉与听觉均有所下降，老年群体事故发生率在冬季高达60%以上。此外，老化的交通设施需要疏导、行人不得不走

较佳道路而非人行道、昼夜温差造成路面上薄冰浮现等交通安全隐患，都是威胁高寒城市生活的老年群体的主要因素。

（二）研究意义

1.理论意义

目前研究交通应对暴雪环境下，交通疏导往往牺牲老年群体的权益。本研究从冰雪气候特征及道路特征、交通行为特征、事故风险呈现复合叠加效应，提出了“道路工程改造+智能交通管理+政策干预手段+执法规范与协同”协同优化理论，丰富了交通安全领域对老年群体的保护理论边界。

2.实践意义

提升老年群体出行安全性。通过有针对性地改良道路设施，加强交通管理，推广智能预警技术，从而守护好老年人等一类的高危人群的出行安全，削减由于交通事故引发的医疗费用和社会开支。

保障冬季城市交通系统高效运行。冰雪天气时，道路摩擦系数降到极低，极易引发交通事故，造成交通拥堵，本研究给出的“道路工程改造+智能交通管理+政策干预+执法规范与协同”策略，保证城市交通功能正常运转。

为哈尔滨及同类城市提供可操作的治理方案。黑龙江省临近俄罗斯、朝鲜，其气候特点与长春、乌鲁木齐等同纬度的边界省会城市相差无几，本研究结果可以直接用于其他此类城市。加强冬季执法规范。提升执法公信力，保障群众冬季出行安全。

3.研究方法

文献分析法

事故数据分析法

比较研究:借鉴国际国内案例。

二、哈尔滨冰雪气候对交通安全的影响机制

（一）冰雪气候特征与道路通行条件

1.驾驶员能见度严重受限。强降雪天气时，空气里飘着雪花，看得见的距离会变少，暴风雪情况下的能见度不到50米，驾驶员很难马上看清前面的道路情况，车子跟车子之间的距离还有交通标志，反应速度要少40%-60%，事故发生的几率也跟着翻倍[0]。

2.路面附着条件急剧恶化。降雪会使得路面的摩擦系数降低到0.1-0.3（干燥路面为0.7-0.9），积雪容易融化成水膜再次结冰，在路面上形成一层透明的薄冰，大幅降低轮胎的抓地力，使车辆容易失控。

（二）交通行为特征

1.车辆操控稳定性降低。雪天行车，司机常常会碰到车辆操控麻烦状况，湿滑或者结冰的路面会明显减弱制动性能和转向反应速度，致使司机很难准确把握车辆前行路线和速度，在高速公路上等车辆密集地段尤其危险，很容易造成连环撞击之类的严重事故。

2.交通流运行效率下跌。受降雪与路面湿滑的影响，驾驶员大多会减速，这使交通流速度骤降，速度上的差异容易引发车流混乱，高速公路这类封闭道路就可能形成很长的堵车现象甚至完全停滞，严重影响道路通行。

（三）事故风险呈现复合叠加效应

雪天综合因素，低能见度会影响驾驶员视线、湿滑路面加大车辆操控难度、雪天行驶影响对制动距离的判断从而增加追尾风险等，这些因素叠加在一起就容易引发多种类型的交通事故。雪天路面附着系数大幅度下降是事故风险剧增的主要原因。

（四）老年群体特征分析

1.根据哈尔滨近四年交通事故死亡统计调研后发现，因生理机能衰退等因素的影响，老年群体在交通事故中遭受严重伤害或死亡的概率远远大于其他年龄段。

2.老年人肇事在涉老年人交通事故中占比较高。老年人既是交通事故的受害者，也是交通事故的肇事者。

3.当前老年人出行以中短途为主，多依赖步行或轻便交通工具等。

4.部分老年人群体对交通法规不熟悉，存在不文明驾驶、违规横穿马路或非法驾驶报废车辆的行为。

三、 国内外治理经验借鉴

（一）日本及欧美：铺设芳纶纤维导热丝

目前日本以及欧洲利用芳纶纤维导热丝，通过电流产生的热效应进行融雪化冰，但是金属发热丝长时间使用会受氧化与疲劳等影响，使用年限不长。而且道路需要承载车辆、货车等重载，在高压状态下使用，金属丝容易发生变形、断裂等情况。

（二）长春市：自融雪路面技术

自融雪沥青路面是采用新技术，用低冰点材料代替传统矿粉，形成一种新型路面结构，冻性强，防滑性好。

四、高寒地区冰雪气候交通安全保障与执法

（一）交通安全保障

1.道路工程改造：为老年群体打造安全通道适老化步行系统，在公园、医院、菜市场等老年人经常去的地方把人行道拓宽到3米以上，这些地方是老年人经常去的地方，拓宽人行道可以让老年人有一个更宽敞、更安全的地方走动。

2.设置连续的扶手系统。高度设置为0.85-0.9米，间距控制在1.5米以内。这样的高度和间距便于老年人抓扶，老年人在行走的时候能更加稳定。

3.铺设双层防滑路面，底层用吸水防滑材料，表层涂高摩擦系数的，让路面摩擦系数到0.7以上，减少老人滑倒的危险。

4.交叉口设置“老年人专用过街按钮”，老人按压后，绿灯时间可延时3-5秒，让老人有更多的时间安全过街。

5.安装语音提示系统，以较大音量播报过街安全提示，警示老年人留意过往车辆。

（二）智能交通管理

1.老年群体关怀系统出行提醒服务。通过社区平台向老年人发送定制的出行建议，根据天气、路况等信息为他们提供合适的出行时间和路线。

2.智能手机APP增设“长辈模式”，通过字体放大与语音导航功能，提升老年人操作便捷性。

3.在老年人常去地点设置电子关怀牌显示实时路况以便提前了解道路情况

4.紧急救援网络。打造“一键呼叫”，与社区服务中心相联系，老人在碰到紧急状况的时候，只需按下按钮，就会立刻得到援助。

5.救护车优先通行系统确保3分钟内到达老年人求助现场。

（三）政策干预

1.老年群体特别保护。冬季老人出行补贴计划。为减轻老年人冬季出行的经济压力，特实施交通补贴政策。

2.公交系统开通专线并配备老年志愿者，提供贴心服务。

3.出租车公司组建专属车队提供老年人出行预约服务。

4.安全法规保障。强制新建小区配置适老化交通设施，确保老年人出行安全。

5.公共场所应设老年人休息区以保障其出行休憩需求。

6.处罚忽视老年人安全的商家，提升其重视程度。

7.加强老年人交通法规与常识普及，开展社区交通安全知识活动。

（四）交通安全执法

1.规范执法。加强队伍执法素养建设，提升单警素养，能做到对老年群体，有特殊的执法对待，比如耐心执法、沟通执法、角色执法等，通过技巧和扎实业务水平，来弱化对立效果，提升执法效能。

2.加强法制宣传，提升老年群体安全意识。由于老年群体接受与理解能力有限，不能搞“大水漫灌”，必须“精准滴灌”。才能让道路交通安全法律知识灌输老年人的潜意识里，也方便理解执法者的执法行为，提高执法效能，减少事故发生。

3.配备执法规范监督员，参与执法监督与反馈收集，执法与道德双素质定期考核。并开展多渠道反馈植发效果，形成“执法-监督-反馈”的闭环。

4.协同执法。警务部门与社区成立专项守护执法协同团队，帮扶老人，关注其生活与出行安全；定期多部门协同组织冰雪天气应急演练，提升社区居民应急反应能力；构建24小时值班响应机制，及时解决社区居民问题；每个社区配置1名专职老年交通协管员，维护周边交通秩序，保障老年人出行安全；多方完善构建老年人出行大数据平台，分析其出行规律与需求，为交通管理执法提供基础数据。

五、结论与展望

（一）核心成果

针对哈尔滨冰雪路面的特殊环境以及老年群体的出行需求，总结出“道路工程改进+智能交通管理+政策手段干预+执法规范与协同”的四维道路安全安全保障机制与执法优化模型。

1.道路工程改进：加宽人行道、设连续扶手、双层防滑路面，给老人营造安全的行走环境。

2.智能交通管理：给老人给予紧急救援网络，跌倒检测传感器之类的保障

3.政策手段干预：出台老年人出行补贴计划、公交“夕阳红”专线等政策，减少出行经济负担。

4.执法规范与协同：加强队伍建设，尤其是执法与道德双素质考核，形成执法-监督-反馈闭环，成立社区邻里互助队伍、志愿者服务架构，予以日常生活中的照料与援救，促使企业开展适老用品的研制工作，并支持技术革新，创建起公众监视网络以及社会评判系统，以调动社会积极主动性。

（二）未来展望

1.技术创新加深：进一步探寻人工智能，大数据，物联网这些新技术在交通安全方面的应用，从而改善保障的精确度和及时性。

2.执法规范与服务内容扩展：在原有基础上，提供更多个性化、多样的执法服务。为老年人提供定制的出行计划及健康监测服务。聚焦特殊群体，加大社会照顾力度，发挥执法的效能.

3.完善长效保障机制：不断完善政策法规及协同治理机制，加强监督考核反馈，保证各项措施落实到位，形成可持续的交通安全保障机制。

参考文献

[1] 黑龙江省公安厅交通管理总队.黑龙江省公安厅交通管理局.关于岁末年初全省冬季道路交通安全工作开展情况的通报[EB/OL]. (2026-1-15）. http://10.112.52.2

[2] 孟显成,冰雪路面摩擦系数的影响因素研究[J].内蒙古公路与运输,2014,(01):1-2

万渝嘉. 冰雪天气下高速公路交通事故分析与预防对策研究[D]. 南京: 东南大学, 2015

Перевод

УДК 364

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ДЛЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛЕДОВО-СНЕЖНОГО КЛИМАТА ВЫСОКОГОРНЫХ И ХОЛОДНЫХ ГОРОДОВ — НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНА

Лю Бо

Аннотация: в качестве объекта исследования выбран Харбин — типичный административный центр провинции в зоне с суровым холодным климатом Китая. В работе рассматриваются проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, с которыми сталкиваются пожилые люди на городских дорогах в условиях зимнего ледово-снежного климата данного региона. Анализируется механизм влияния ледово-снежной среды на состояние дорожного полотна и поведение участников дорожного движения. На основе данных опросов и практического опыта разработана четырехмерная модель обеспечения безопасности дорожного движения и оптимизации

правоприменения, включающая «совершенствование дорожного строительства + интеллектуальное управление дорожным движением + меры политического вмешательства + стандартизацию и координацию правоприменения». Результаты исследования могут служить ориентиром для повышения безопасности дорожного движения в городах северных регионов Китая с суровым холодным климатом.

Ключевые слова: города с суровым холодным климатом; ледово-снежный климат; пожилое население; механизм обеспечения безопасности; оптимизация правоприменения.

Iu Bo

A STUDY ON ENSURING SAFE MOBILITY AND LAW ENFORCEMENT FOR THE ELDERLY IN HIGH-ALTITUDE AND COLD CITIES WITH SNOWY AND ICY CLIMATES: A CASE STUDY OF HARBIN

Abstract: This study focuses on Harbin, a typical provincial administrative center located in a region of China characterized by a harsh, cold climate. The paper examines road safety challenges faced by the elderly on urban roads under the region's winter conditions of ice and snow. It analyzes how the icy and snowy environment affects road surface conditions and the behavior of road users. Based on survey data and practical experience, a four-dimensional model for ensuring road safety and optimizing law enforcement is developed, comprising "road infrastructure improvements + intelligent traffic management + policy interventions + standardization and coordination of law enforcement." The research findings offer a reference for enhancing road safety in cities across northern China's harsh, cold regions.

Keywords: cities with harsh, cold climates; icy and snowy climate; elderly population; safety assurance mechanism; law enforcement optimization.

С середины декабря 2025 года по начало января 2026 года в провинции Хэйлунцзян, включая города Цзямуси, Ичунь и Цитайхэ, количество расследованных и проанализированных нарушений на дорогах возросло более чем на 10% по сравнению с предыдущим годом. Основной причиной этого стало недостаточное взаимодействие между службами по уборке льда и снега, а также недостаточный контроль за соблюдением правил дорожного движения в зимний сезон.

Харбин, столица провинции, отличается особенно долгой и холодной зимой, когда снег накапливается на протяжении 5 месяцев. Средние температуры зимой опускаются до -20°C, а минимальные могут достигать -37,7°C. В ночное время на дорогах часто образуется тонкий слой прозрачного льда, коэффициент трения которого составляет всего 0,1-0,3. Из-за этого тормозной путь автомобилей увеличивается в 2-3 раза. Это явление особенно характерно для высокогорных и холодных регионов.

Пожилые люди часто страдают от снижения подвижности, ухудшения зрения и слуха из-за ослабленной способности к самозащите и низкой адаптации к внешней среде. Это приводит к росту числа несчастных случаев зимой более чем на 60%. Устаревшая транспортная инфраструктура, вынуждающая пешеходов идти по дорогам вместо тротуаров, и тонкий слой льда, возникающий из-за суточных колебаний температуры, также представляют серьезную угрозу для их жизни в холодных городских условиях.

(II) Значение исследования

1. Теоретическое значение. Современные исследования по организации дорожного движения в условиях снежных бурь не всегда учитывают права пожилых людей. В этой работе, анализируя влияние ледяных и снежных погодных условий, состояние дорог, особенности поведения участников движения и риски аварий,

предлагается синергетическая теория. Она включает реконструкцию дорог, интеллектуальное управление движением, политическое вмешательство и стандарты правоприменения. Это расширяет теоретические рамки защиты безопасности дорожного движения для пожилых граждан.

2. Практическое значение: Повышение безопасности передвижения пожилых людей. За счет целенаправленного улучшения дорожной инфраструктуры, усиления управления дорожным движением и внедрения интеллектуальных технологий раннего предупреждения можно лучше защитить безопасность передвижения групп высокого риска, таких как пожилые люди, а также снизить медицинские и социальные издержки, вызванные дорожно-транспортными происшествиями.

Зимой важно поддерживать работу городских транспортных систем. Гололед и снег снижают трение на дорогах, увеличивая риск аварий и пробок. В этом исследовании предлагается комплексная стратегия: улучшение дорожного строительства, интеллектуальное управление движением, политическая поддержка и скоординированное правоприменение. Это поможет городским транспортным системам работать эффективно.

Разработать решения по оперативному управлению для Харбина и других городов с аналогичными условиями. Провинция Хэйлунцзян граничит с Россией и Северной Кореей, а ее климат похож на приграничные города на той же широте, включая Чанчунь и Урумчи. Результаты этого исследования можно применить к другим подобным городам. Усилить зимние меры по обеспечению правопорядка. Повысить доверие к правоохранительным органам и защитить людей, путешествующих зимой.

II. Механизм воздействия ледово-снежного климата Харбина на безопасность дорожного движения

(I) Характеристики ледово-снежного климата и дорожных условий

1. Видимость водителя сильно ограничена. Во время сильного снегопада снежинки парят в воздухе, и видимая дистанция уменьшается. В условиях метели видимость составляет менее 50 метров. Водителям трудно сразу оценить дорожную обстановку впереди. Расстояние между транспортными средствами и дорожными знаками также уменьшается, а скорость реакции замедляется на 40-60%. Вероятность аварий также удваивается[3].

2. Условия сцепления дорожного покрытия резко ухудшаются. Снегопад снижает коэффициент трения дорожного покрытия до 0,1-0,3 (0,7-0,9 для сухих дорог). Снег легко тает, образуя водяную пленку, а затем снова замерзает, формируя тонкий, прозрачный слой льда на дорожном покрытии. Это значительно снижает сцепление шин и повышает вероятность потери управления автомобилем.

(II) Характеристики поведения на дороге

1. Сниженная устойчивость управления автомобилем. При движении в снежную погоду водители часто сталкиваются с трудностями в управлении автомобилем. Скользкие или обледенелые дороги значительно снижают эффективность торможения и скорость реакции рулевого управления, что затрудняет точное отслеживание траектории движения и скорости автомобиля. Это особенно опасно в местах с интенсивным движением, таких как автомагистрали, где это может легко привести к серьезным авариям, например, к столкновениям цепей.

2. Снижение эффективности транспортного потока. Из-за снегопада и скользких дорог большинство водителей снижают скорость, что приводит к резкому падению скорости движения. Эта разница в скорости может легко привести к транспортному хаосу, а на закрытых дорогах, таких как автомагистрали, могут образоваться длинные пробки или даже полная остановка движения, что серьезно повлияет на дорожное движение.

(III) Риски дорожно-транспортных происшествий демонстрируют сложный и кумулятивный эффект.

Снежная погода представляет собой сочетание факторов, включая плохую видимость, влияющую на обзорность водителя, скользкие дороги, затрудняющие управление транспортным средством, и заснеженные условия, влияющие на оценку тормозного пути, что увеличивает риск столкновений сзади. Сочетание этих факторов может легко привести к различным видам дорожно-транспортных происшествий. Значительное снижение коэффициента сцепления дорожного покрытия в снежную погоду является основной причиной резкого увеличения риска аварий.

(IV) Анализ характеристик пожилого населения

1. Исследование смертельных случаев в дорожно-транспортных происшествиях в Харбине за последние четыре года показало, что из-за таких факторов, как снижение физиологических функций, пожилое население гораздо чаще получает серьезные травмы или погибает в дорожно-транспортных происшествиях, чем другие возрастные группы.

2. Несчастные случаи с участием пожилых людей составляют относительно высокую долю дорожно-транспортных происшествий с их участием. Пожилые люди являются как жертвами, так и виновниками дорожно-транспортных происшествий.

3. В настоящее время пожилые люди в основном передвигаются на короткие и средние расстояния, в основном пешком или на легком транспорте.

4. Часть пожилого населения плохо знакома с правилами дорожного движения, что приводит к некультурному вождению, переходу проезжей части в неположенных местах или незаконному управлению транспортными средствами, подлежащими утилизации.

III. Зарубежный и отечественный опыт управления и решения проблем

1. Япония, США и Европа: укладка теплопроводящих нитей из арамидного волокна

В настоящее время в Японии и странах Европы для плавления снега и льда используют теплопроводящие нити из арамидного волокна. Они работают за счет теплового эффекта электрического тока. Однако при длительной эксплуатации металлические нагревательные нити подвергаются окислению и усталостным разрушениям. Это существенно сокращает срок их службы. Кроме того, автомобильные дороги испытывают высокие нагрузки от легкового и грузового транспорта. В условиях такого высокого давления металлические нити легко деформируются и разрываются.

2. Город Чанчунь: технология самотающего дорожного покрытия

Асфальтобетонное покрытие с функцией самотания снега создается по новой технологии. В нем традиционный минеральный порошок заменяется материалами с низкой температурой замерзания. Это формирует принципиально новую структуру дорожного полотна. Такое покрытие обладает высокой морозостойкостью и отличными противоскользящими свойствами.

IV. Гарантия безопасности дорожного движения и обеспечение соблюдения закона в высокогорных и холодных регионах со снежным климатом

(I) Гарантия безопасности дорожного движения

1. Улучшение дорожного строительства: Создание безопасных проходов и удобных для пожилых людей пешеходных систем. Расширение тротуаров до более чем 3 метров в местах, часто посещаемых пожилыми людьми, таких как парки, больницы и фермерские рынки. Это места, которые часто посещают пожилые люди, и расширение тротуаров обеспечит им более просторное и безопасное место для прогулок.

2. Установите сплошную систему поручней. Высота должна составлять 0,85-0,9 метра, а расстояние между поручнями должно быть в пределах 1,5 метра. Такая высота

и расстояние облегчат пожилым людям захват поручней, обеспечивая большую устойчивость при ходьбе.

3. Уложите двухслойное противоскользящее покрытие. Нижний слой должен быть изготовлен из водопоглощающего противоскользящего материала, а верхний слой должен быть покрыт материалом с высоким коэффициентом трения, обеспечивающим коэффициент трения покрытия выше 0,7, что снизит риск скольжения для пожилых людей.

4. Установите на перекрестках специальные кнопки для пешеходов, предназначенные для пожилых людей. При нажатии пожилым человеком кнопки зеленый свет будет загораться с задержкой в 3-5 секунд, что даст ему больше времени для безопасного перехода улицы.

5. Установите систему голосовых подсказок для громкого оповещения о безопасности пешеходов, чтобы пожилые люди были внимательны к приближающимся транспортным средствам.

(II) Интеллектуальное управление дорожным движением

1. Служба напоминаний о поездках для пожилых людей: через платформу сообщества будут отправляться персонализированные предложения по поездкам, предлагающие подходящее время и маршруты с учетом погоды, состояния дорог и другой информации.

2. В приложение для смартфонов будет добавлен «Режим для пожилых людей», повышающий удобство использования для пожилых людей благодаря увеличенному шрифту и голосовой навигации.

3. В местах, часто посещаемых пожилыми людьми, будут установлены электронные информационные табло, отображающие состояние дорог в режиме реального времени, чтобы они могли заранее быть в курсе дорожной ситуации.

4. Сеть экстренной помощи. Система «вызова одним нажатием» связывает пожилых людей с центрами социальных услуг, позволяя им получить немедленную помощь простым нажатием кнопки в случае чрезвычайной ситуации.

5. Система приоритетного вызова скорой помощи обеспечивает прибытие на место вызова пожилого человека в течение 3 минут.

(III) Меры государственной политики

1. Особая защита пожилых людей. Программа субсидирования зимних поездок для пожилых людей. Для облегчения финансового бремени зимних поездок для пожилых людей внедряется политика субсидирования транспортных услуг.

2. Системы общественного транспорта будут запускать выделенные автобусные маршруты и привлекать пожилых волонтеров для оказания услуг.

3. Таксомоторные компании создадут собственные автопарки для предоставления услуг по бронированию поездок для пожилых людей.

4. Безопасность и юридические гарантии. В новых жилых районах необходимо будет включать транспортные средства, удобные для пожилых людей, чтобы обеспечить их безопасность.

5. В общественных местах должны быть зоны отдыха для пожилых людей, чтобы удовлетворить их потребности в отдыхе и расслаблении.

6. Наказывать предприятия, которые пренебрегают безопасностью пожилых людей, чтобы повысить их осведомленность и внимание к этому вопросу.

7. Усилить популяризацию правил дорожного движения и знаний среди пожилых людей, а также проводить общественные мероприятия по повышению осведомленности о безопасности дорожного движения.

(IV) Обеспечение безопасности дорожного движения

1. Стандартизация правоприменительной деятельности. Необходимо повышать уровень профессиональной культуры правоохранительных органов и развивать

профессиональные навыки каждого отдельного сотрудника. Важно обеспечить особый подход к пожилым людям при осуществлении правоприменительной деятельности: применять методы терпеливого реагирования, разъяснительного общения и ролевого взаимодействия. За счет использования специальных навыков и высокого уровня профессионализма сотрудников необходимо снижать уровень противостояния с гражданами и повышать общую эффективность правоприменения.

2. Усиление правовой пропаганды и повышение уровня грамотности пожилых людей в сфере безопасности. Поскольку пожилые люди обладают ограниченной способностью к пониманию и принятию, шаблонное информирование в этой ситуации неэффективно; вместо этого необходим «точечный подход», т.е. адресная, понятная подача материала. Это обеспечит закрепление знаний о безопасности дорожного движения, облегчит понимание действий правоохранительных органов, повысит эффективность правоприменения и снизит количество дорожно-транспортных происшествий.

3. Назначение инспекторов по контролю за соблюдением стандартов правоприменения. Данные специалисты должны участвовать в надзоре за правоприменительной деятельностью и сборе обратной связи, а также проводить регулярную оценку сотрудников по двум критериям: профессиональным навыкам и соблюдению этических норм. Кроме того, необходимо задействовать различные каналы для оценки результатов правоприменения, чтобы сформировать замкнутый цикл по схеме «правоприменение – контроль – обратная связь».

4. Взаимодействие при осуществлении правоприменительной деятельности. Департамент полиции совместно с администрацией жилых кварталов (комьюнити) должны создать специализированные межведомственные группы для оказания помощи пожилым людям и контроля за безопасностью их повседневной жизни и перемещений. Необходимо регулярно проводить межведомственные учения по ликвидации последствий гололеда и снегопадов для повышения готовности жителей кварталов к чрезвычайным ситуациям. Важно организовать круглосуточную службу дежурного реагирования для оперативного решения проблем местных жителей. За каждым кварталом следует закрепить по одному штатному помощнику по регулированию дорожного движения для пожилых людей, который будет поддерживать порядок на прилегающей территории и обеспечивать безопасность престарелых граждан. Совместными усилиями различных ведомств необходимо разработать и развивать платформу больших данных по перемещениям пожилых людей, которая позволит анализировать графики и потребности их поездок, предоставляя базовые данные для управления и контроля дорожного движения.

V. Заключение и перспективы

(1) Ключевые результаты. С учетом специфики обледенелых и заснеженных дорог Харбина, а также потребностей пожилых людей в передвижении, сформулирована четырехмерная модель обеспечения безопасности дорожного движения и оптимизации правоприменения: «улучшение дорожной инфраструктуры + интеллектуальное управление движением + меры государственной политики + нормативно-правовое регулирование и межведомственное взаимодействие».

1. Улучшение дорожной инфраструктуры: расширение тротуаров, установка непрерывных поручней и укладка двухслойного противоскользящего дорожного покрытия для создания безопасной среды передвижения пожилых людей.

2. Интеллектуальное управление дорожным движением: обеспечение пожилых людей доступом к сети экстренной помощи и таким средствам защиты, как датчики обнаружения падения.

3. Меры государственной политики: запуск программ субсидирования поездок для пожилых граждан и создание специальных автобусных маршрутов «Сиянхун» («Красный закат») для снижения их финансовых расходов на транспорт.

4. Нормативно-правовое регулирование и межведомственное взаимодействие: укрепление кадрового состава (особенно внедрение комплексной оценки профессиональных и этических качеств сотрудников), формирование замкнутого цикла «контроль — надзор — обратная связь»; создание отрядов добрососедской взаимопомощи и волонтерских структур для обеспечения повседневного ухода и спасения; стимулирование предприятий к разработке товаров, адаптированных для пожилых людей, и поддержка технологических инноваций; создание сетей общественного мониторинга и систем социальной оценки для повышения активности общества.

(2) Перспективы на будущее

1. Углубление технологических инноваций: дальнейшее изучение применения таких новых технологий, как искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей (IoT) в сфере безопасности дорожного движения, для повышения точности и своевременности обеспечения защиты.

2. Стандартизация правоприменения и расширение спектра услуг: предоставление большего количества персонализированных и разнообразных сервисов на базе уже существующей инфраструктуры; разработка индивидуальных маршрутов поездок и услуг мониторинга здоровья для пожилых людей; смещение фокуса на уязвимые группы населения, усиление социальной поддержки и максимальное повышение эффективности правоприменительной практики.

3. Совершенствование долгосрочного механизма обеспечения безопасности: непрерывное улучшение нормативно-правовой базы и механизмов совместного управления, усиление контроля, оценки и обратной связи для гарантированной реализации всех мер и формирования устойчивой системы обеспечения безопасности дорожного движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

[1] 关于岁末年初全省冬季道路交通安全工作开展情况的通报 : 公告 / 黑龙江省公安厅交通管理总队, 黑龙江省公安厅交通管理局. — 2026-01-15. — URL: http://10.112.52.2 (дата обращения: 29.07.2026). — (На кит. яз.).
[2] 孟显成. 冰雪路面摩擦系数的影响因素研究 = Исследование факторов, влияющих на коэффициент трения обледенелого и заснежного дорожного покрытия / 孟显成 // 内蒙古公路与运输. — 2014. — № 1. — С. 1–2. — (На кит. яз.).
[3] 万渝嘉. 冰雪天气下高速公路交通事故分析与预防对策研究 = Анализ дорожно-транспортных происшествий на автомагистралях в ледово-снежную погоду и исследование превентивных мер : дис. ... магистра / 万渝嘉 ; Юго-Восточный университет. — Нанкин, 2015. — (На кит. яз.).

УДК 342.9

К. И. Никитин, П. А. Ямшанова

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

В статье рассматриваются тактико-криминалистические и административно-правовые аспекты деятельности сотрудников Госавтоинспекции по выявлению водителей, находящихся в состоянии опьянения. Автор анализирует нормативные

критерии опьянения, поведенческие индикаторы правонарушителей и процессуальный порядок закрепления доказательственной базы. Особое внимание уделяется интеграции методов визуального наблюдения и следственного освидетельствования для обеспечения неотвратимости ответственности.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, состояние опьянения, тактика выявления, административное правонарушение, освидетельствование.

K. I. Nikitin, P. A. Yamshanova

TACTICAL FEATURES OF IDENTIFYING PERSONS IN A STATE OF ALCOHOL INTOXICATION

The article examines the tactical-forensic and administrative-legal aspects of the activities of traffic police officers in identifying drivers in a state of intoxication. The author analyzes the regulatory criteria for intoxication, behavioral indicators of offenders, and the procedural order for consolidating the evidence base. Special attention is paid to the integration of visual observation methods and investigative examination to ensure the inevitability of responsibility.

Keywords: traffic police, state of intoxication, identification tactics, administrative offense, examination.

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения в современных условиях неразрывно связана с совершенствованием тактико-криминалистических и административно-правовых механизмов выявления водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения.

Актуальность данного исследования обусловлена сохраняющейся высокой степенью общественной опасности указанных деяний, что подтверждается последовательным ужесточением государственной политики в области административного и уголовного законодательства. Основной целью тактических мероприятий в рассматриваемой сфере является своевременное обнаружение, фиксация и пресечение фактов управления транспортом лицами, чья психофизиологическая реакция искажена воздействием алкоголя, что минимизирует риски возникновения дорожно-транспортных происшествий и обеспечивает реализацию принципа неотвратимости ответственности.

Правовой фундамент противодействия нетрезвому вождению основывается на нормах КоАП РФ и УК РФ. Согласно статье 12.8 КоАП РФ, управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, влечет наложение административного штрафа в размере сорока пяти тысяч рублей с лишением права управления на срок от полутора до двух лет. Законодатель устанавливает четкие технико-юридические критерии состояния опьянения: наличие абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или 0,3 и более грамма на один литр крови. Данные пороги, закрепленные в примечании к указанной статье, исключают субъективизм при квалификации деяния и служат императивным основанием для применения мер государственного принуждения.

Тактика выявления правонарушителей сотрудниками Госавтоинспекции представляет собой синтез методов визуального наблюдения и процессуального контроля. В методологии надзора Ю.С. Колиснык выделяет методы сплошной проверки, применяемые в ходе профилактических мероприятий, избирательный метод, основанный на визуальном мониторинге транспортного потока, и ориентировочный

метод, заключающийся в реагировании на оперативную информацию и косвенные данные [2, с. 2]. Г.Ф. Хаметдинова рассматривает тактику, как совокупность средств и приемов, применяемых для достижения цели, и подчеркивает, что в условиях интенсивного городского движения метод сплошной проверки является наиболее эффективным [5, с. 399]. Представляется, что позиция Ю.С. Колиснык в части выделения ориентировочного метода является более перспективной для современной практики, так как она учитывает возможности цифровизации (системы автоматической фиксации, сообщения в чат-боты), в то время как традиционный избирательный метод Г.Ф. Хаметдиновой в условиях плотного трафика неизбежно ведет к высокой доле латентных правонарушений.

Ключевое значение в тактике выявления имеют визуальные признаки девиантного вождения, позволяющие выделить потенциального нарушителя в общем потоке. Г.Ф. Хаметдинова относит к ним неоправданно высокую скорость и нетипичную траекторию маневрирования [5, с. 401], а Ю.С. Колиснык дополняет перечень резкими рывками автомобиля с места [2, с. 3]. Глубинную причину такого поведения раскрывают А.В. Масякин, отмечая, что предикторами нетрезвого вождения выступают высокий уровень дистресса, трудности эмоциональной саморегуляции и демонстративная гипертимность [3, с. 35]. Оценивая данные позиции в контексте тактики, следует признать, что психологический профиль нарушителя (импульсивность, агрессия) напрямую формирует те самые визуальные маркеры на дороге, которые служат для инспектора приоритетным основанием для остановки транспортного средства.

Процессуальное закрепление факта опьянения требует от должностных лиц строгого соблюдения алгоритмов, что на практике сопряжено с рядом трудностей. И.Д. Мотрович справедливо отмечает, что применение мер обеспечения производства (доставление, задержание) к нетрезвым лицам часто осложняется правовыми пробелами и отсутствием специализированных медицинских учреждений, что требует четкой регламентации сроков изоляции правонарушителя [4, с. 29]. Именно на фоне этих административных барьеров особую значимость приобретает уголовно-процессуальный подход. А.Т. Анешева указывает на уникальность следственного освидетельствования (ст. 179 УПК РФ) как инструмента фиксации «исчезающих» доказательств (запах, тремор) непосредственно на месте выявления [1, с. 210]. Сопоставляя эти взгляды, можно сделать вывод: процессуальная фиксация по УПК РФ является необходимой тактической компенсацией административно-правовых трудностей, описанных И.Д. Мотровичем, позволяя сохранить доказательственную базу до проведения полноценной экспертизы.

Подводя итог, следует констатировать, что тактика выявления лиц, находящихся в состоянии опьянения, должна носить комплексный характер, объединяя в себе приемы визуальной диагностики, методы массовых проверок и строгое соблюдение процессуальных алгоритмов фиксации доказательств. Мотивированная оценка представленных позиций ученых позволяет сделать вывод о необходимости смещения акцента с пассивного наблюдения на активное использование ориентировочных методов и следственного освидетельствования на ранних этапах производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анешева А.Т., Тимошенко С. Е., Шеховцова Л.С. Тактико-криминалистические особенности производства освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – № 2. – С. 210-225.

2. Колиснык Ю.С. Приемы и способы выявления лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения // Юридические науки. – [Б. м.], 2017. – С. 1-7.

3. Масякин А.В., Сазонова А. С., Деменко Е. Г. [и др.]. Медико-социальные и психологические предикторы готовности индивидуума управлять транспортным средством в состоянии опьянения // Здоровье мегаполиса. – 2025. – Т. 6, вып. 1. – С. 29-41.

4. Мотрович И.Д. Предупреждение и пресечение органами внутренних дел (полицией) административных правонарушений в сфере общественного порядка, связанных с потреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции и появлением в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2015. – 37 с.

5. Хаметдинова Г. Ф. Тактика выявления лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования) : сборник материалов X международной научно-практической конференции. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – С. 399-403.

УДК 342.9

А. В. Никитин

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ШТРАФОВ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена ростом масштабов использования цифровых платформ и внесением поправок в КоАП РФ (ст. 13.29.1, 13.29.2, ч. 1.1 ст. 13.46, 13.53, ч. 18 ст. 14.3), ужесточающих ответственность за нарушения на них. На примере первого дела, рассмотренного в России по ст. 13.53 КоАП РФ выявлены ключевые проблемы: неопределённость правовых норм (в т. ч. понятия «умышленный поиск»), сложности доказывания с использованием цифровых следов, процессуальные недостатки, социальные последствия привлечения к ответственности, размытость границ между административной и уголовной ответственностью, риски для операторов платформ. Для решения выявленных проблем предложены конкретные меры: конкретизация критериев разграничения случайного доступа к контенту и умышленного действия, упорядочение работы с цифровыми доказательствами, закрепление обязанностей платформ и мониторинг правоприменительной практики. Реализация этих мер поможет сбалансировать безопасность общества и обеспечить защиту прав личности в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровые платформы, административная ответственность, КоАП РФ, цифровые следы, метаданные, правоприменительная практика, умысел, модерация контента, «Пакет Яровой», защита персональных данных, электронные доказательства.

A. V. Nikitin

DIGITAL PLATFORMS AND ADMINISTRATIVE LIABILITY: ANALYSIS OF THE PRACTICAL APPLICATION OF NEW FINES

Abstract. The relevance of this article is determined by the growing use of digital platforms and the amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Articles 13.29.1, 13.29.2, Part 1.1 of Article 13.46, 13.53, Part 18 of Article 14.3), which increase penalties for violations on these platforms. Using the example of the first case heard in Russia under Article 13.29.1, 13.29.2, Part 1.1 of Article 13.46, 13.53, Part 18 of Article 14.3, this article is relevant. Article 13.53 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation identifies key issues: the ambiguity of legal norms (including the

concept of "deliberate search"), difficulties in proving digital traces, procedural shortcomings, the social consequences of prosecution, the blurred boundaries between administrative and criminal liability, and risks for platform operators. Specific measures have been proposed to address these issues: specifying criteria for distinguishing between accidental access to content and deliberate actions, streamlining the management of digital evidence, establishing platform responsibilities, and monitoring law enforcement practices. Implementing these measures will help balance public safety and ensure the protection of individual rights in the digital environment.

Keywords: digital platforms, administrative liability, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, digital traces, metadata, law enforcement practices, intent, content moderation, Yarovaya Package, personal data protection, electronic evidence.

В условиях цифровой трансформации экономики и государственного управления цифровые платформы становятся ключевым элементом взаимодействия граждан, бизнеса и государства. Цифровые платформы стали неотъемлемой частью современной экономики и общественной жизни. Официальное определение цифровой платформы закреплено в статье 2 Федерального закона от 31 июля 2025 года №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289-ФЗ): цифровая платформа – информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и её распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг[1].

По данным аналитического доклада Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ[2], цифровые платформы охватывают до 78 % интернет-пользователей в России, а более 3,5 млн человек вовлечены в платформенные формы занятости[3].

На фоне роста масштабов использования цифровых платформ[4] фиксируются новые виды административных правонарушений[5], в связи с чем возникает объективная

[1] Федеральный закон от 31 июля 2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4643.

[2] Платформы для связи людей и дел их, смыслов и вещей. URL: https://issek.hse.ru/news/832629300.html (дата обращения: 22.04.2026).

[3] Платформенная занятость в России (экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ). URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-10-16_platformennaya_zanyatost (дата обращения: 22.04.2026).

[4] На данный момент официального перечня цифровых платформ в России не существует. Реестр посреднических цифровых платформ, который должен стать таким перечнем, пока не запущен. Его создание предусмотрено Федеральным законом №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступает в силу 1 октября 2026 года. Минэкономразвития РФ будет вести этот реестр на своём официальном сайте.

[5] Например, нарушение требований к размещению предложений о продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг на платформе; нарушение правил обработки персональных данных; распространение запрещённого или незаконного контента; невыполнение требований к идентификации партнёров и проверке их данных; нарушение правил передачи данных в налоговые органы и т.д.

необходимость совершенствования механизмов административной ответственности. Законодатель отреагировал на эти вызовы: в последние годы в КоАП РФ были внесены поправки, предусматривающие закрепление новых составов правонарушений и установление штрафных санкций за нарушения, связанные с деятельностью на цифровых платформах[1]. Так, С 1 сентября 2025 года вступили в силу поправки, закреплённые Федеральным законом от 31 июля 2025 года №281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»». Они ужесточили ответственность в сфере связи и информации, в том числе для организаторов распространения информации в интернете, а также организаций, которые предоставляют услуги в сфере цифровых коммуникаций и онлайн-сервисов. Речь идет о статьях 13.29.1, 13.29.2, части 1.1 статьи 13.46, 13.53, части 18 статьи 14.3 КоАП РФ[2].

На данный момент открытой статистики по привлечению к административной ответственности по статьям 13.29.1, 13.29.2, 1.1 ст. 13.46, 13.53 и 18 ст. 14.3 КоАП РФ (введённых или дополненных Федеральным законом от 31 июля 2025 года №281-ФЗ) в открытых источниках не представлено ввиду того, что статьи начали действовать с 1 сентября 2025 года, прошло недостаточно времени для накопления масштабной статистики. Однако, есть отдельные упоминания о практике применения некоторых из этих норм, например, о статье 13.53 КоАП РФ (поиск заведомо экстремистских материалов). В ноябре 2025 года сообщалось о первом деле по этой статье. Дело рассматривалось в мировом суде судебного участка №2 Красногорского судебного района Каменска-Уральского (Свердловская область). Фигурант Сергей Глухих, которого привлекли за «умышленный поиск» материалов организаций, признанных экстремистскими. 6 ноября 2025 года мировой судья вернула материалы дела в полицию для устранения недостатков. В деле отсутствовали доказательства умысла на совершение правонарушения. В материалах были только протокол допроса с признательными показаниями и скриншоты с символикой запрещённых организаций. Решение было вынесено 10 декабря 2025 года – Глухих признали виновным и назначили штраф в размере 3 тысяч рублей

Дело Сергея Глухих, ставшее первым в России прецедентом применения статьи 13.53 КоАП РФ, вскрыло целый комплекс взаимосвязанных проблем в сфере административной ответственности за нарушения на цифровых платформах. Эти проблемы связаны с неопределённостью правовых норм, сложностями доказывания, процессуальными недостатками и социальными последствиями привлечения к ответственности – и характерны не только для одной статьи, но и для всего блока новых норм КоАП РФ о нарушениях на цифровых платформах.

Ключевой проблемой оказалась неопределённость понятия «умышленный поиск», закреплённого в статье 13.53 КоАП РФ. Норма предусматривает ответственность за умышленный поиск заведомо экстремистских материалов, однако на практике крайне сложно доказать или опровергнуть наличие умысла. В деле Глухих

[1] Один из примеров – законопроект №959258-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который Госдума приняла в первом чтении в июле 2025 года. Он предусматривает дополнение КоАП РФ новой статьёй 14.68 «Неисполнение требований оператором посреднической цифровой платформы», которая должна вступить в силу 1 марта 2027 года.

[2] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4635.

защита настаивала, что фигурант случайно наткнулся на запрещённый контент, а не искал его целенаправленно[1]. Так, позиция защиты строилась на нескольких ключевых аргументах. Во-первых, адвокаты указали на отсутствие прямой причинно-следственной связи между поисковым запросом и фактом обнаружения экстремистских материалов. Поисковые системы, как известно, формируют результаты выдачи на основе сложных алгоритмов, и пользователь не может контролировать, какие именно ссылки появятся в ответ на его запрос. Во-вторых, защита подчеркнула, что сам по себе интерес к информации, которая впоследствии была признана запрещённой, не может рассматриваться как умышленный поиск, если лицо не предпринимало целенаправленных действий по обходу блокировок или использованию специализированных средств для доступа к закрытым ресурсам. Правоохранители, напротив, ссылались на то, что ранее Глухих проявлял интерес к подобной тематике и должен был знать о запрещённом статусе материалов.

Законодатель, формулируя состав правонарушения, исходил из предположения, что умысел может быть установлен на основании косвенных признаков, таких как история поисковых запросов, частота посещения определённых сайтов или факт ознакомления с материалами, признанными экстремистскими в прошлом. Однако подобный подход вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности, поскольку перекладывает на лицо бремя доказывания отсутствия умысла. Гражданин, чьи поисковые запросы были зафиксированы системой мониторинга, оказывается в положении, где он должен доказать, что его интерес носил случайный или исследовательский характер, а не был направлен на умышленное ознакомление с запрещённым контентом.

Аналогичные риски произвольного толкования возникают и при квалификации иных нарушений, связанных с передачей абонентских номеров (ст.13.29.1) или предоставлением информации для авторизации (ст. 13.29.2) Непосредственно с этой проблемой связана роль цифровых следов и метаданных в доказывании вины. Согласно требованиям «Пакета Яровой»[2], операторы связи обязаны хранить метаданные о соединениях пользователей в течение 30 дней [1, с. 215]. В случае с Глухих именно информация о его поисковых запросах, переданная оператором связи в

[1] Суд вернул полицейским прецедентное дело о поиске запрещенных материалов в интернете. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8181654 (дата обращения: 22.04.2026).

[2] «Пакет Яровой» – это неофициальное название пакета поправок, который был принят в 2016 году. Он состоит из двух федеральных законов: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. №374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Федеральный закон от 6 июля 2016 г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Поправки были инициированы депутатом Госдумы Ириной Яровой. Некоторые требования «Пакета Яровой»: хранение данных операторами связи и интернет-компаниями. С 1 июля 2018 года сотовые операторы и интернет-компании обязаны хранить до 6 месяцев весь пользовательский интернет-трафик: переписку в мессенджерах, социальных сетях и электронной почте, аудиозаписи звонков. Метаданные (информация о том, кому и когда звонил или пересылал файлы пользователь) должны храниться в течение 3 лет. «Организаторы распространения информации» (мессенджеры, сервисы электронной почты, форумы и т.д.) также обязаны сохранять эти данные. Расширение полномочий правоохранительных органов. Спецслужбы (МВД, ФСБ, СВР, ФСО, ФСИН, ФТС) получили право доступа к хранящимся данным на основании судебного решения при наличии оперативных данных о лицах, совершивших или готовящих преступления, а также о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности РФ.

правоохранительные органы, стала основанием для возбуждения дела.

Суд, возвращая материалы дела в полицию, фактически признал, что собранные доказательства не позволяют однозначно квалифицировать действия фигуранта. В определении суда, как следует из доступных источников, было указано на недостаточность данных, характеризующих субъективную сторону правонарушения. В частности, суд обратил внимание на то, что в протоколе не раскрыто, каким образом был установлен умысел Глухих, какие именно доказательства свидетельствуют о том, что он осознавал противоправный характер своих действий и желал наступления соответствующих последствий.

По данным СМИ, после инцидента Глухих был вынужден уволиться из больницы из-за травли со стороны коллег, а также столкнулся с серьёзными психологическими проблемами – замкнулся в себе и нуждался в помощи психиатра. Это демонстрирует, что даже относительно «мягкое» наказание в виде штрафа может иметь долгосрочные негативные последствия для жизни человека, выходящие далеко за рамки формального привлечения к ответственности. Подобные риски существуют и при применении других статей КоАП РФ в цифровой сфере.

Таким образом, дело Сергея Глухих стало наглядным примером того, как несовершенство законодательства в сфере цифровых технологий может приводить к правовым коллизиям, нарушать баланс интересов личности, общества и государства.

Как отмечалось ранее, одной из ключевых проблем является диспропорция между размером штрафа и реальным ущербом от правонарушения. В ряде случаев санкции применяются за формальные нарушения, не связанные с распространением особо опасного контента, что ставит вопрос о соразмерности наказания. Кроме того, действующее законодательство практически не дифференцирует ответственность в зависимости от типа платформы. Социальная сеть, новостной агрегатор и маркетплейс выполняют разные функции и несут разную степень контроля за действиями пользователей. Однако закон применяет к ним единые стандарты, что ведет к неоднородной правоприменительной практике. Например, требования по блокировке незаконного контента для торговых площадок часто технически трудновыполнимы в силу огромного количества товарных позиций, однако штрафы налагаются так же, как и на соцсети с ручной модерацией[1].

На основе анализа практики можно предложить следующие пути решения вышеназванных проблем: ввести четкие критерии дифференциации ответственности платформ в зависимости от их функционального назначения, размера аудитории и доли рынка; установить предельные размеры штрафов для малых и средних платформ, чтобы избежать их банкротства за одно нарушение; создать механизм соразмерности наказания, предусмотрев возможность снижения штрафа при устранении нарушения в добровольном порядке до вынесения постановления; законодательно определить перечень обстоятельств, исключающих вину платформы, в частности, когда блокировка контента технически невозможна из-за ограничений со стороны третьих лиц или природы самого контента.

Таким образом, введение новых составов административных правонарушений в отношении цифровых платформ отражает стремление государства распространить свое регулирование на интернет-среду. Развитие цифровых платформ требует постоянного совершенствования механизмов административной ответственности. Дальнейшее развитие регулирования должно идти по пути установления пропорциональности наказания, внедрения понятия «должной осмотрительности»

[1] Нюансы ответственности за поиск заведомо экстремистского материала и доступ к нему требуют уточнения. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/kogda-umysel-neodnoznachen/ (дата обращения: 22.04.2026).

платформы и создания стимулов для добросовестного соблюдения закона. Только в этом случае административная ответственность сможет выполнять не только карательную, но и превентивную функцию, не подавляя развитие цифровой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровина А.А. Практика применения метаданных как электронных доказательств в отечественном и зарубежном цивилистическом процессе / А.А. Дубровина // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 9-1. – С. 213-221. – DOI 10.34670/AR.2022.38.99.068. – EDN QSZSBN.

УДК 342

А. С. Прудников

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СФЕРЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Аннотация. В статье рассматривается значение информационных технологий в деятельности Миграционной службы Министерства внутренних дел Российской Федерации при противодействии незаконной миграции в условиях новых вызовов и угроз. Анализируются нормативно-правовые основы применения указанных технологий, включая положения Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и подзаконных актов. Исследуются прикладные направления: государственная информационная система миграционного учета, биометрическая идентификация, специализированные реестры нарушителей, системы видеонаблюдения с распознаванием лиц, цифровой мониторинг перемещений. Приводятся статистические данные и примеры судебной практики. Делается вывод о решающей роли информационных технологий в повышении эффективности миграционного контроля.

Ключевые слова: информационные технологии, Миграционная служба МВД России, незаконная миграция, противодействие, государственная информационная система миграционного учета, биометрическая идентификация, цифровой профиль иностранного гражданина, реестр контролируемых лиц, видеонаблюдение с распознаванием лиц.

A. S. Prudnikov

INFORMATION TECHNOLOGIES AND THEIR IMPORTANCE IN THE ACTIVITIES OF THE MIGRATION SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA TO COMBAT ILLEGAL MIGRATION IN THE FIELD OF NEW CHALLENGES AND THREATS

Abstract. This article examines the role of information technology in the activities of the Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in combating illegal migration in the face of new challenges and threats. It analyzes the regulatory framework for the application of these technologies, including the provisions of the Federal Law "On the Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" and its bylaws. The article explores applied areas such as the state migration registration information system, biometric identification, specialized violator

registries, video surveillance systems with facial recognition, and digital movement monitoring. Statistical data and case law examples are presented. A conclusion is reached regarding the crucial role of information technology in improving the effectiveness of migration control.

Keywords: information technology, Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, illegal migration, counteraction, state information system of migration registration, biometric identification, digital profile of a foreign citizen, register of controlled persons, video surveillance with facial recognition.

Деятельность Миграционной службы Министерства внутренних дел Российской Федерации по противодействию незаконной миграции в условиях возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности невозможна без широкого внедрения информационных технологий. В настоящее время незаконная миграция, связанная с нарушением установленного порядка пересечения границы, въезда, пребывания или транзита через территорию России, продолжает оставаться ключевым направлением законотворчества в государстве, поскольку угрозы, связанные с такими нарушениями, сохраняются.

Под незаконной миграцией в доктрине миграционного права понимается «въезд в Российскую Федерацию, пребывание в ней и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением российского законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории Российской Федерации». Данное определение охватывает весь перечень противоправных деяний, совершаемых иностранными гражданами в миграционной сфере.

Правовую основу применения информационных технологий в деятельности Миграционной службы МВД России составляют многочисленные нормативные правовые акты. Ключевым среди них является Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». В пункте 1 статьи 10 указанного закона установлено, что «органы миграционного учета на основе получаемых сведений об иностранном гражданине, указанных в статье 9 настоящего Федерального закона, формируют государственную информационную систему миграционного учета» [3].

Перечень сведений, фиксируемых при осуществлении миграционного учета, является достаточно обширным и включает в себя не только основные анкетные данные иностранного гражданина, но и сведения биометрического характера, что свидетельствует о повышенном внимании государства к вопросам идентификации личности и обеспечения миграционной безопасности. В соответствии с пунктом 1 статьи 9 названного закона, при осуществлении миграционного учета производятся сбор, фиксация, хранение, обобщение и использование сведений об иностранном гражданине, необходимых для контроля законности его пребывания на территории Российской Федерации [3].

В развитие положений Федерального закона № 109-ФЗ принято Постановление Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2007 года № 94 «О государственной информационной системе миграционного учета» [5}. Согласно абзацу «а» пункта 2 указанного постановления, «государственная информационная система миграционного учета представляет собой межведомственную

автоматизированную систему и формируется на основе получаемых сведений». При этом, межведомственный характер данной системы является ее важнейшей характеристикой, поскольку он обеспечивает интеграцию информации из различных источников.

В 2025 году произошли изменения в законодательстве, направленные на усиление миграционного контроля с использованием информационных технологий. Указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 года № 467 поручено Министерству внутренних дел Российской Федерации до 30 июня 2026 года «обеспечить создание государственного информационного ресурса "Цифровой профиль иностранного гражданина", содержащего сведения об иностранных гражданах и лицах без гражданства» [4]. Данный ресурс призван аккумулировать комплексную информацию об иностранных гражданах, включая данные о въезде, выезде, пребывании, миграционном учете, пересечении границы, наличии ограничений на въезд, трудовой деятельности и используемых абонентских номерах.

Значимые изменения были внесены и в ведомственные нормативные правовые акты. Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 ноября 2025 года № 972, вносящим изменения в приказ МВД России от 26 февраля 2018 года № 109 «О порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"»[7].

Практическое применение информационных технологий в деятельности Миграционной службы МВД России осуществляется по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых имеет собственную нормативную и технологическую основу.

Первым направлением является автоматизированная обработка персональных данных иностранных граждан в рамках государственной информационной системы миграционного учета. Как установлено в статье 10 Федерального закона № 109-ФЗ, «сведения об иностранных гражданах, содержащиеся в государственной информационной системе миграционного учета, относятся к информации ограниченного доступа. Порядок и срок хранения и порядок защиты сведений, фиксируемых при миграционном учете и содержащихся в государственной информационной системе миграционного учета, устанавливаются Правительством Российской Федерации». Данное положение гарантирует соблюдение требований законодательства о персональных данных при одновременном обеспечении эффективного информационного обмена между уполномоченными органами.

Вторым направлением является внедрение биометрической идентификации. С 30 июня 2025 года в Российской Федерации начал действовать новый этап эксперимента, в рамках которого при безвизовом въезде в Российскую Федерацию иностранные граждане обязаны сдавать биометрические данные. При этом, как сообщается в официальных источниках, «биометрия помогла выявить более 1,7 тыс. мигрантов с запретом на въезд в Россию». По состоянию на декабрь 2025 года «6 млн иностранцев» прошли регистрацию в системе, при этом «всего 3,6 млн уникальных иностранных граждан зарегистрировано по биометрии».

Третьим направлением выступает создание специализированных реестров нарушителей миграционного законодательства. С февраля 2025 года введен в действие правовой режим высылки, в рамках которого иностранные граждане, утратившие основания для пребывания в Российской Федерации, «вносятся в общедоступный реестр на сайте МВД, где уже содержится информация о более чем 775 тысячах

человек». Кроме того, «в феврале 2025 года был запущен федеральный реестр, куда заносят нарушителей миграционных законов. Попадание в него грозит блокировкой счетов, сим-карт и высылкой из страны». Данный реестр позволяет не только отслеживать нарушителей, но и применять к ним меры оперативного реагирования.

Четвертым направлением является использование систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. Как отметил руководитель Министерства внутренних дел Российской Федерации, «в борьбе с нелегальной миграцией наиболее эффективно себя зарекомендовала система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, которая просто не оставляет приезжим шансов остаться вне поля зрения полиции». В Санкт-Петербурге городская система видеонаблюдения получила обновление, позволяющее камерам распознавать расовые и этнические черты людей для выявления скоплений мигрантов и «резиновых квартир».

Пятым направлением является цифровой мониторинг перемещений и деятельности иностранных граждан. Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, утвержденная Президентом Российской Федерации, предусматривает «внедрение системы мониторинга мигрантов с использованием цифровых технологий: мобильных приложений, геолокации и биометрии. Цель — повысить эффективность контроля за миграционными потоками и снизить риски нелегальной трудовой деятельности. Параллельно будут внедрены дактилоскопическая регистрация и фотографирование иностранцев в основных пунктах пропуска через границу».

Результаты применения информационных технологий в противодействии незаконной миграции находят подтверждение в статистических данных и материалах судебной практики. По итогам федеральной оперативно-профилактической операции «Нелегал-2025», проведенной Министерством внутренних дел Российской Федерации, «выявлено свыше 128 тысяч нарушений миграционного законодательства. Более 100 тысяч из них касались нарушений правил въезда, выезда, транзитного проезда и режима пребывания (проживания) иностранных граждан на территории России. Также выявлено свыше 28 тысяч нарушений порядка осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами. Возбуждено около 4,8 тысячи уголовных дел, связанных с организацией незаконной миграции, а также порядка 1,5 тысячи уголовных дел по иным преступлениям».

Судебная практика демонстрирует применение уголовно-правовых норм в отношении лиц, организующих незаконную миграцию. Так, приговором Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 марта 2025 года по делу № 1-90/2025 [8] гражданин Российской Федерации признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно в организации незаконного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, что выразилось в нарушении пункта 7 части 1 статьи 2 Федерального закона № 109-ФЗ.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что информационные технологии играют определяющую роль в деятельности Миграционной службы МВД России по противодействию незаконной миграции. Создание и развитие государственной информационной системы миграционного учета, внедрение биометрической идентификации, формирование цифровых профилей иностранных граждан и специализированных реестров, использование систем видеонаблюдения с функциями распознавания лиц – все эти меры в совокупности создают эффективную систему контроля, позволяющую своевременно выявлять и

пресекать нарушения миграционного законодательства. В условиях сохранения и трансформации новых вызовов и угроз дальнейшее совершенствование информационно-технологической составляющей миграционной деятельности приобретает характер императивной необходимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 23.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 30. – Ст. 3285.
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе "Цифровой профиль иностранного гражданина"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 28. – Ст. 5123.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2007 № 94 «О государственной информационной системе миграционного учета» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 8. – Ст. 1020.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 9.
7. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.11.2025 № 972 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты МВД России» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru.
8. Приговор Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18.03.2025 по делу № 1-90/2025.

УДК 342

А. И. Серпионова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ ЗА ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются современные проблемы назначения административного наказания в виде выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы применения данной меры. Особое внимание уделяется вопросам правоприменительной практики, связанным с исполнением постановлений об административном выдворении, разграничением административного выдворения и депортации, а также порядком содержания иностранных граждан в специализированных учреждениях временного пребывания. В работе анализируются статистические данные за период 2023–2025 годов, отражающие динамику применения рассматриваемой меры административного принуждения. Кроме того, приводятся примеры судебной практики, позволяющие выявить основные проблемы и тенденции, возникающие при реализации законодательства в сфере миграционного контроля и исполнения решений о выдворении иностранных граждан за пределы Российской Федерации.

Ключевые слова: административное выдворение, иностранный гражданин, лицо без гражданства, депортация, административное наказание, незаконная миграция, реадмиссия, центр временного содержания.

A. I. Serpionova

CURRENT ISSUES OF IMPOSING ADMINISTRATIVE DEPORTATION ON FOREIGN CITIZENS OUTSIDE THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article examines current issues related to the imposition of administrative deportation on foreign citizens from the Russian Federation. It analyzes the legal framework for this type of administrative punishment, including the provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law "On the Procedure for Exit from and Entry into the Russian Federation". This article examines law enforcement issues related to the enforcement of administrative expulsion orders, the distinction between administrative expulsion and deportation, and the detention of foreign citizens in special facilities. Statistical data from the Federal Bailiff Service of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2023–2025, as well as case law examples, are presented.

Key words: administrative expulsion, foreign citizen, stateless person, deportation, administrative punishment, illegal migration, readmission, temporary detention center.

В системе мер административно-правового принуждения, применяемых в Российской Федерации к иностранным гражданам и лицам без гражданства, наказание в виде административного выдворения за пределы территории Российской Федерации занимает особое место.

Административное выдворение представляет собой одну из наиболее строгих мер административной ответственности, поскольку влечет для иностранного

гражданина или лица без гражданства существенные ограничения правового статуса, свободы передвижения, права на проживание и трудовую деятельность на территории Российской Федерации. По своему характеру и последствиям данная мера во многом сопоставима с отдельными мерами уголовно-правового воздействия, так как фактически связана с принудительным прекращением пребывания лица в государстве и нередко сопровождается длительным запретом на последующий въезд в Российскую Федерацию.

Нормативное закрепление административного выдворения содержится в части 1 статьи 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. Из содержания приведенной нормы следует, что административное выдворение является особой мерой административной ответственности, применяемой исключительно к специальному субъекту — иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Особенность административного выдворения заключается также в его двойственной правовой природе. С одной стороны, оно выступает мерой административного наказания, направленной на обеспечение соблюдения миграционного законодательства, охрану общественного порядка и государственной безопасности. С другой стороны, применение данной меры непосредственно затрагивает конституционные права и свободы человека, включая право на уважение семейной жизни, свободу передвижения и право на судебную защиту. В связи с этим законодатель устанавливает особый порядок назначения административного выдворения, предусматривая судебный контроль за его применением в большинстве случаев.

Следует отметить, что административное выдворение применяется преимущественно за правонарушения в сфере миграционного учета и режима пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации. Наиболее часто данное наказание назначается за нарушение правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания), осуществление трудовой деятельности без необходимых разрешительных документов, а также иные нарушения миграционного законодательства. При этом суд при назначении административного выдворения обязан учитывать характер совершенного правонарушения, личность виновного, наличие семейных и социальных связей на территории Российской Федерации, продолжительность проживания лица в стране и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Приведённая трактовка имеет юрисдикционный характер данной санкции и позволяет чётко отделить её от депортации. Депортация же выступает не формой ответственности за проступок, а сугубо ограничительным административным средством. Разграничение этих институтов крайне важно на практике. Ключевое различие кроется в основаниях применения: выдворение всегда следует как реакция исключительно на совершённое административное правонарушение, в то время как депортация запускается фактом исчезновения или аннулирования правовых предпосылок для легального нахождения (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации. Стоит отметить, что если депортация не является наказанием, это государственный метод воздействия на человека, то выдворение — это вид наказания. Чтобы депортировать иностранного гражданина достаточно выполнения только одного условия: отсутствия легальных оснований для проживания в России.

Важной особенностью административного выдворения является возможность его назначения как в качестве основного, так и в качестве дополнительного

административного наказания. При этом, как обоснованно отмечается в правовой доктрине, «в практике суда имеется пять случаев, когда наказание в виде выдворения не назначалось», что свидетельствует о наличии у судей дискреционных полномочий при решении вопроса о применении данной меры ответственности. Административное выдворение не может применяться к военнослужащим — иностранным гражданам (часть 2 статьи 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), что является законодательным исключением из общего правила.

Перечень составов административных правонарушений, влекущих назначение административного выдворения, содержится в различных главах Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Наиболее распространенным основанием для применения рассматриваемого наказания является совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 статьи 18.8 КоАП РФ, а именно нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в Российской Федерации [1].

Анализ статистических данных показывает, что по итогам 2024 года органами Министерства внутренних дел Российской Федерации принято свыше 190 тысяч решений об административном выдворении иностранных граждан, что почти на треть превышает аналогичные показатели 2023 года [6]. При этом Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации в 2024 году обеспечен принудительный выезд более 87 тысяч иностранных граждан в 66 государств, что почти вдвое превышает показатель 2023 года (44 тысячи выдворенных). Вместе с тем, как свидетельствуют данные судебной статистики, не все принятые решения об административном выдворении находят фактическое исполнение. По информации Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, «за 11 месяцев 2025 года принудительно выдворено за пределы Российской Федерации 54,4 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства», что свидетельствует о наличии разрыва между количеством вынесенных постановлений и числом реально исполненных выдворений [5]. Причинами сложившейся ситуации выступают: отсутствие у выдворяемого иностранного гражданина документа, удостоверяющего личность; отказ государства гражданства выдворяемого лица принимать его на своей территории; недостаточное финансирование процедуры принудительного выдворения; а также длительное судебное обжалование вынесенных постановлений.

Судебная практика по делам о назначении административного выдворения демонстрирует неоднозначные подходы судов к разрешению вопросов о возможности замены выдворения административным штрафом, а также об избрании формы выдворения: принудительное выдворение либо контролируемый самостоятельный выезд. В качестве примера следует привести постановление Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2025 года № 78-АД24-33-К3 [3], которым суд изменил судебные акты по делу о нарушении иностранным гражданином режима пребывания в Российской Федерации в части исключения указания на назначение административного наказания в виде административного выдворения в форме контролируемого самостоятельного выезда, поскольку правонарушитель относился к категории лиц, в отношении которых решения о депортации и административном выдворении не принимаются, а ранее принятые решения прекращают действие и не подлежат исполнению.

Административное выдворение влечет за собой существенные правовые последствия для иностранного гражданина, основным из которых является установление запрета на въезд в Российскую Федерацию. В соответствии с

положениями Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранному гражданину, подвергнутому административному выдворению, въезд в Российскую Федерацию не разрешается в течение пяти лет со дня административного выдворения за пределы Российской Федерации [2].

Как отмечается в решении Московского городского суда от 17 июня 2025 года по делу № 7-9007/2025, «суд подтвердил законность продления срока содержания иностранного гражданина в специальном учреждении, поскольку фактическая возможность его выдворения из РФ отсутствовала» [4].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации является одним из наиболее действенных инструментов противодействия незаконной миграции. Вместе с тем правоприменительная практика выявляет ряд проблемных аспектов реализации данного вида административного наказания, среди которых: отсутствие единообразного подхода судов к назначению выдворения в качестве основного либо дополнительного наказания; значительный разрыв между количеством вынесенных постановлений и числом фактически исполненных выдворений; а также длительность процедуры принудительного выдворения, обусловленная необходимостью получения разрешительных документов от государства гражданства выдворяемого лица. Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего как совершенствование нормативно-правового регулирования порядка исполнения административного выдворения, так и развитие международного сотрудничества в сфере реадмиссии иностранных граждан, подлежащих принудительному возвращению в государство их гражданской принадлежности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

2. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 34. — Ст. 4029.

3. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2025 № 78-АД24-33-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Московского городского суда от 17 июня 2025 года по делу № 7-9007/2025 // Судебные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

5. ФССП: В 2025 году из России принудительно выдворили более 54 тысяч мигрантов // Парламентская газета. — 2026. — 4 января.

6. Обобщение практики применения административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // Илекский районный суд Оренбургской области. — 2025. — 25 июля.

УДК 342

М. В. Сидорова

КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МВД РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу кадрового кризиса в следственных подразделениях МВД России. Рассматриваются причины (низкая оплата, высокая нагрузка, социальная неустроенность) и последствия дефицита кадров. Предлагаются пути решения: повышение денежного довольствия, оптимизация отбора и снижение бюрократической нагрузки.

Ключевые слова: МВД России, следственные подразделения, следователь, служебная нагрузка, некомплект, социальные гарантии.

M. V. Sidorova

PERSONNEL SECURITY OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: SYSTEM CRISIS OF THE INVESTIGATIVE BODIES

Abstract: The article is devoted to the analysis of the personnel crisis in the investigative units of the Russian Ministry of Internal Affairs. The causes (low salaries, high workload, and social instability) and consequences of the shortage of personnel are considered. The article proposes solutions, such as increasing salaries, optimizing selection processes, and reducing bureaucratic burdens.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, investigative units, investigator, workload, shortage, social guarantees

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) является составной частью системы органов исполнительной власти государства. Сегодня на МВД Росси возлагается в соответствии с Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» целый ряд компетенций, начиная от формирования основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел; координации межведомственного взаимодействия; предупреждения преступлений и административных правонарушений, обеспечения безопасности граждан и правопорядка в общественных местах; организации и осуществления дознания и производства предварительного следствия по уголовным делам и заканчивая предоставлением сведений о своей деятельности средствам массовой информации; организации и осуществления профилактических, лечебно-оздоровительных мероприятий. В соответствии с положениями вышерассмотренного указа структурно МВД России представлено органами внутренних дел, включающими полицию и организациями и подразделениями, созданными для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России. Если рассматривать структуру Министерства внутренних дел России, то в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 в единую централизованную систему МВД России входят: «органы внутренних дел, включающие в себя полицию; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД

России»[1]. Органы предварительного следствия входят в состав системы МВД России, как один из ее неотъемлемых элементов, согласно Указу Президента РФ от 01.06.2021 № 333[2]

Как видно система МВД России представлена абсолютно разными службами, специфика которых и правовой статус существенно отличается друг от друга. Значимость органов предварительного следствия в структуре МВД России определяется их непосредственным влиянием на криминогенную обстановку. Именно на данном этапе правоприменения закладывается фундамент для реализации ключевого правового принципа неотвратимости наказания. Своевременное и качественное производство следственных действий не только способствует изобличению виновных, но и служит важным фактором сдерживания и профилактики противоправных деяний.

Особая значимость следственных подразделений МВД России на современном этапе диктуется необходимостью противодействия преступлениям, совершенным с применением цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим в структуру профессиональных компетенций следователя МВД России включаются не только глубокие правовые знания, но и навыки работы со сложными IT-системами, понимание принципов функционирования искусственного интеллекта и механизмов совершения хищений в платежных системах. Следователь, обладающий такими междисциплинарными компетенциями, выступает ключевой фигурой в механизме защиты прав граждан и национальных интересов, обеспечивая неотвратимость ответственности за новые виды криминальных посягательств.

Эффективность реализации указанных задач наглядно подтверждается результатами деятельности следственных органов по итогам 2025 года. Как отметил заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, органами предварительного следствия направлено прокурору с обвинительным заключением более 191 тысячи уголовных дел в отношении 210 тысяч обвиняемых, а всего предварительно расследовано свыше 330 тысяч преступлений. Эффективность следственной работы по ключевым направлениям констатируют ее качественные показатели в 2025 году. Так, количество уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования снизилось более чем на четверть, тем самым подтверждая эффективность процессуального контроля совершенствование профессиональной компетентности следователей[3] [1].

Активно реализуется межведомственное сотрудничество. Благодаря симбиозу оперативных подразделений ФСБ России и МВД России расследование преступлений преступных сообществ, а также особо тяжких преступлений значительно выросло (на 30 %) в отличии от предыдущих лет [3]. Представленные данные подтверждают, что,

---

[1] Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Рос. Федерации от 20 мая 2004 г. № 649 // Рос. газ. 2004., 22 мая, № 106.

[2] О внесении изменений в Положение об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422, Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типовое положение о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» Указ Президента Рос. Федерации 01.06.2021 № 333 // "Собрание законодательства РФ, 07.06.2021, № 23, ст. 4036.

[3] Итоги деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России за 2025 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: https://szao.77.мвд.рф/news/item/78376319 (дата обращения 05.04.2026)

несмотря на то, что, сегодня российское общество сталкивается с множеством угроз и вызовов, Эти вызовы касаются не только международной обстановки, но и внутренней, в том числе и криминального уровня. В этих условиях сотрудники следственных подразделений МВД России, при интенсивном уровне служебной нагрузки стабильно подтверждают эффективность своей служебной деятельности.

Вместе тем, противостояние нарушению правопорядка со стороны следователей связано с определенными трудностями, в части касающейся в том числе со значимым кадровым «голодом» в следственным подразделениях. Проблема кадрового дефицита приобрела масштабный и системный характер. Так, выступая на заседании комитета Государственной Думы по безопасности, Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев привел тревожные данные: общий некомплект личного состава в отдельных подразделениях достигает 40%, а в следственных аппаратах этот показатель составляет 27%. Министр охарактеризовал сложившуюся ситуацию как работу личного состава «на пределе возможностей, я бы сказал, за гранью возможностей». В 2025 году количество уволившихся сотрудников на 40% превысило число поступивших на службу, а общее число вакансий в системе МВД достигло 212 тысяч. В 41 регионе некомплект превышает четверть штата, а в 19 районных отделах не хватает более половины сотрудников[1]. Столь высокий дефицит кадров, обусловленный преимущественно низким уровнем денежного довольствия и нерешенными социально-бытовыми проблемами, создает критическую нагрузку на действующих следователей, что неизбежно сказывается на сроках и качестве расследования, а также ставит под угрозу реализацию принципа неотвратимости наказания и защиту прав граждан.

Как было отмечено ранее, статистические данные свидетельствуют о критическом некомплекте личного состава, однако за цифрами скрываются реальные условия службы, которые зачастую становятся определяющим фактором при принятии сотрудником решения об увольнении. Понятие «служебная нагрузка на следователей», представляется как комплекс множественных содержательный действий их профессиональной деятельности [1, с. 22].

Анализ мнения практических сотрудников по вопросу преодоления кадрового голода в следствии, показал, что, наличие действующего социального пакета для сотрудников органов внутренних дел не позволит разрешить спектр тех трудностей, с которыми сталкивается следователь в современных условиях[2]. Кроме профессиональных нагрузок следователи испытывают колоссальный масштаб негативных эмоций, поскольку контактирует с гражданами с преступным поведением. Именно эти факторы, наряду с высокой ответственностью и жесткими процессуальными сроками, приводят к тому, что следственные аппараты, несмотря на единые социальные гарантии, испытывают наиболее острый кадровый голод.

Данное обстоятельство выявляет серьезное противоречие. С одной стороны, профессия предъявляет повышенные требования к психофизиологическим качествам личности. С другой стороны, действующая система отбора и последующей мотивации

---

[1] Колокольцев: Полиция работает на пределе возможности [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал «Российской газеты» URL:https://rg.ru/2026/02/19/ (дата обращения: 05.04.2026)

[2] Опыт службы: о трудностях и вызовах в работе следователя [Электронный ресурс] // Официальный сайт сетевого издания «Вести Верхоянья» Республика Саха (Якутия) URL: https://вестиверхоянья.рф/opyt-sluzhby-dmitrij-shestakov-o-trudnostyah-i-vyzovah-v-rabote-sledovatelya/(дата обращения: 06.04.2026)

не всегда учитывает эту специфику либо, напротив, создает дополнительные бюрократические барьеры.

На наш взгляд, достаточно строгие критерии отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, включая процедуры, связанные с прохождением медицинского обследования, психологического тестирования, а также проверки на полиграфе, во многом затрудняют трудоустройство и отталкивают потенциальных кандидатов, особенно тех, кто рассматривает несколько вариантов профессиональной реализации [6, с. 102; 7, с. 211]. При этом специфика следственной деятельности предъявляет еще более высокие требования к кандидатам, что дополнительно сужает кадровый резерв. Получается парадоксальная ситуация: система, призванная отсеивать непригодных, в условиях рынка труда начинает работать как фильтр, отпугивающий многих пригодных и перспективных специалистов, которые не готовы проходить длительные и стрессовые проверки, имея альтернативные предложения.

При комплектовании следственных подразделений приоритет традиционно отдается выпускникам образовательных организаций системы МВД России юридического профиля. Однако здесь возникает проблема качественной подготовки. Выпускники ведомственных образовательных организаций приходят на службу, получив высшее юридическое образование, но имея незначительный жизненный опыт и недостаточные практические навыки. Им приходится постигать тонкости организации следственной работы, процессуальные особенности расследования и тактику производства следственных действий непосредственно на рабочих местах, что в условиях острого кадрового дефицита и высокой нагрузки на действующих сотрудников создает дополнительные сложности. Опытные наставники физически не имеют времени на полноценное обучение стажеров, что снижает качество подготовки молодых специалистов и увеличивает риск ошибок при расследовании.

Существенным демотивирующим фактором является и уровень материального обеспечения и социальных гарантий. Нынешнее денежное довольствие сотрудников [4, с. 147] следственных подразделений, несмотря на отдельные надбавки за сложность и напряженность, в ряде регионов остается недостаточно конкурентоспособным по сравнению с оплатой труда в иных правоохранительных органах, что не делает службу в следственных подразделениях МВД России привлекательной для наиболее подготовленных специалистов. К сожалению, большинство социальных гарантий лишь остаются декларативной нормой.

Следствием перечисленных факторов является высокая ротация кадров. Имеющийся некомплект кадров ставит руководителей следственных органов в такие условия, при которых они не могут своевременно освобождаться от специалистов ненадлежащей квалификации в связи с увеличением нагрузки на остальных сотрудников и отсутствием реальной возможности по их замене. Руководитель вынужден «держаться» за любого сотрудника, даже если его уровень квалификации оставляет желать лучшего, поскольку увольнение одного человека приведет к коллапсу для всего подразделения.

Принимая во внимание вышеперечисленные факты, можно предложить варианты разрешения сложившейся проблемы.

Совершенствование профориентации и отбора. Важно не ужесточать, а оптимизировать процедуры отбора. Требуется смещение акцента с формального выявления противопоказаний на выявление профессионально важных качеств (стрессоустойчивость, аналитическое мышление, эмпатия). Целесообразно активнее взаимодействовать с государственными и иными организациями по привлечению

трудоспособного населения на службу. Эту работу следует проводить в первую очередь с центрами занятости населения (заключение договоров на безвозмездной основе и ежемесячное предоставление информации о вакантных должностях следователей), военными комиссариатами (информирование увольняющихся в запас военнослужащих, имеющих юридическое образование, о перспективах прохождения службы, имеющихся льготах и социальных гарантиях), а также в высших учебных заведениях среди студентов выпускных курсов юридических факультетов. Важно доносить до кандидатов не только требования, но и перспективы.

Преодоление данного кризиса требует комплекса неотложных мер на законодательном и организационно-управленческом уровнях:

Пересмотр системы оплаты труда. Необходимо кардинальное повышение денежного довольствия следователей, в первую очередь за счет увеличения окладов по типовым должностям и введения эффективных стимулирующих выплат, зависящих исключительно от качества и сложности расследуемых дел, а не от формальных показателей. Уровень дохода должен быть конкурентоспособным по сравнению с иными сферами юридической деятельности и компенсировать существующие ограничения и запреты, связанные с госслужбой.

Решение социально-бытовых вопросов. Разработка и реализация ведомственной программы обеспечения жильем (служебным или социальным) сотрудников следственных подразделений, особенно в проблемных регионах с высоким уровнем некомплекта. Важным шагом станет совершенствование системы медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения, как самих сотрудников, так и членов их семей.

Оптимизация процессуальной нагрузки и цифровизация. Несмотря на декларируемое внедрение цифровых технологий, требуется дальнейшая автоматизация рутинных процессов и оптимизация документооборота для снижения бюрократической нагрузки на следователя. Освобождение его от несвойственных функций позволит сконцентрироваться на качественном производстве следственных действий. При этом инвестиции в техническое оснащение должны идти рука об руку с обучением кадров работе с новыми IT-системами.

Совершенствование системы отбора и мотивации. Полагаю, что подбор кадров в следственные подразделения должен осуществляться с учетом наличия позитивной мотивации. Реанимировать институт наставничества, с одновременным стимулированием, с целью не только сохранения действующих кадров, но и успешной и оперативной адаптации новых сотрудников-следователей.

Таким образом, следователь МВД России выступает ключевой основой в механизме процессуальной деятельности, осуществляемой им с целью изобличения в преступном деянии. Игнорирование вопроса кадрового дефицита в следственных подразделениях МВД России может не только минимизировать настоящие достижения работы следователей, но и совершенствование правового и организационного поля их деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богатырева Л.И. К вопросу о правовом регулировании служебной нагрузки в следственных подразделениях МВД России // Право и государство: теория и практика. 2019. №12 (180). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii-sluzhebnoy-nagruzki-v-sledstvennyh-podrazdeleniyah-mvd-rossii (дата обращения: 09.04.2026).

2. Кофтина, Ю. Н. Организационно-правовое обеспечение кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 4. С. 100-105.

3. Кофтина Ю.Н. Профессиональная мотивация сотрудников органов внутренних дел как условие эффективного обеспечения кадровой политики МВД России: вопросы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 210-213.

4. Бадасян А.В. Перспективы кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации // Гуманитарный научный вестник. 2025. №1. С 144-149.

УДК 343.98

О. В. Становая

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБОРОТА СПИСАННОГО (ОХОЛОЩЕННОГО) ОРУЖИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье анализируются правовые основы оборота списанного охолощенного оружия (СХП) в Российской Федерации в контексте последних законодательных изменений 2022–2024 г. Рассматривается понятийный аппарат, нормативно-правовая база, а также практика регистрации СХП в подразделениях лицензионно-разрешительной работы Росгвардии.

Выявлены некоторые проблемы правоприменения: отсутствия в законе более полного определения списанного оружия и предметов конструктивно сходных с ним, невозможности оборота СХП оружия несоответствующего криминалистическим требованиям, риски незаконной переделки СХП в огнестрельное оружие, пробелы в механизме его контроля за оборотом. На основе анализа судебной практики по делам о незаконном обороте оружия предложены меры по совершенствованию законодательства, усилению технических требований к списанному оружию и цифровизации системы учета СХП.

Ключевые слова: списанное оружие, охолощенное оружие, оборот оружия, регистрация оружия.

O.V. Stanovaya

LEGAL ASPECTS OF THE CIRCULATION OF DECOMMISSIONED (BLANK-FIRING) WEAPONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. This article analyzes the legal framework for the circulation of decommissioned blank-firing weapons (SXP) in the Russian Federation in the context of recent legislative changes from 2022 to 2024. It examines the conceptual framework, regulatory framework, and practice of registering SXP with the licensing and permitting departments of the Russian National Guard.

Several law enforcement issues are identified: the lack of a more comprehensive definition of decommissioned weapons and items structurally similar to them in the law, the impossibility of circulating SXP weapons that do not meet forensic requirements, the risks of illegally converting SXP into firearms, and gaps in the mechanism for monitoring their circulation. Based on an analysis of judicial practice in cases involving illegal weapons

trafficking, measures are proposed to improve legislation, strengthen technical requirements for decommissioned weapons, and digitalize the SXP registration system.

Keywords: decommissioned weapons, deactivated weapons, weapons circulation, weapons registration.

Списанное (охолощенное) оружие представляет собой особую категорию гражданского оружия, занимающую промежуточное положение между боевым оружием и предметами коллекционирования. В условиях роста преступлений, связанных с незаконной переделкой охолощенного оружия в огнестрельное, пригодное для стрельбы металлическим снарядом, а также введения обязательной регистрации такого оружия в 2022 г., актуализируется проблема совершенствования правового регулирования его оборота.

Целью исследования является комплексный анализ правовых аспектов оборота списанного оружия в РФ, выявление проблем правоприменения и разработка предложений по оптимизации законодательства. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить правовой статус охолощенного оружия в системе российского оружейного законодательства, проанализировать динамику изменений нормативно-правовой базы в период с 2022 по 2024 г., выявить правоприменительные проблемы на основе судебной практики, сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Согласно ст.1 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», списанное оружие определяется как огнестрельное оружие, в каждую основную часть которого внесены технические изменения, исключающие возможность производства выстрела из него или с использованием его основных частей патронами, в том числе метаемым снаряжением, и которое предназначено для использования при осуществлении культурной и образовательной деятельности с возможностью имитации выстрела из него патроном светозвукового действия (охолощенное оружие) [1].

Из текста закона следует, что охолощенное оружие фактически является списанным, то есть ранее оно было боевым, но технически приведено в состоянии (деактивация) пригодное только для стрельбы холостыми патронами. На практике же многие образцы охолощенного оружия изготавливаются не из боевого оружия, а как «новодельные» имитаторы стрельбы, которые боевым оружием никогда не были, в частности множество образцов оружия Турецкой фирм RETAY, Российской фирмы РОК.

Здесь важно отметить терминологическую неопределенность: в научной литературе и практике часто смешиваются понятия «списанное» и «охолощенное» оружие, хотя юридически они имеют различия. Списанное оружие — это боевое оружие, снятое с вооружения и подвергнутое процедуре деактивации, тогда как охолощенное оружие может изготавливаться изначально как имитатор без этапа списания с вооружения.

Поэтому в сегодняшних реалиях, с практической и юридической точки зрения понятие списанного (охолощенного) оружия расширилось. В связи с этим автор предлагает внести в ст.1 ФЗ-150 «Закона об Оружии», в определении списанного оружия дополнение: «списанное оружие – огнестрельное оружие (или оружие изначально изготовленное для имитации стрельбы). Из дополненного текста следует логичный вывод о том, охолощенное оружие могло ранее быть как боевым, так и быть изготовлено заводом изначально.

Кроме того определенную неясность в оборот СХП вносит тот факт, что в ФЗ-

150 «Об оружии» отсутствует упоминания макета-массогабаритного (ММГ) оружия. Ст.1 данного закона гласит что, к оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием (далее - конструктивно сходные с оружием изделия) [1].

Исходя из этого, что все макеты (ММГ) оружия в РФ сертифицированы как предметы конструктивно сходные с оружием, они оружием не являются, для стрельбы непригодны, основных частей оружия в своем составе не имеют.

Но заводы изготовители, например «Концерн Калашников» изготавливают свою продукцию с названием: «Изделие: макет-массогабаритный автомат Калашникова АК 74 М-М». И маркируется данная модель с литерой «М». Кроме того на экспертизу могут поступить множество стволов с маркировкой ММГ из Китая, Украины и т.д., у которых сертификат отсутствует, или не действителен на территории России.

На практике получается что, различные стволы с маркировкой М производятся и поступают на исследование, имеют сертификаты. Эксперты в своих заключениях указывают: предмет является макетом автомата «АК 74М» и огнестрельным оружием не является, а в законе «Об оружии» определение макета-массогабаритного не встречается.

Кроме того, есть разница между сувенирным изделием из детского магазина, который изготовлен из пластика и стреляет пластиковыми шариками и полноценным ММГ оружия, которое изготавливается на соседней линии с боевым оружием и имеет внешнее сходство с ним по весу и габаритам.

Поэтому для более полной, точной и всесторонней регламентации оборота оружия и предметов сходных с ним, желательно дополнить абзац 39 ст.1 «ФЗ-Об оружии», в определении конструктивно сходные с оружием изделия словом «макеты-массогабаритные [1].

Правовой статус СХП двойственен: с одной стороны, оно не приравнивается к боевому оружию и может приобретаться гражданами РФ с 18 лет без лицензии (п. 6 ст. 13 ФЗ «Об оружии») [1]; с другой — подлежит обязательной регистрации в территориальных органах Росгвардии в 14-дневный срок с момента приобретения (ч. 14 ст. 6 ФЗ «Об оружии» в ред. ФЗ № 231 от 28.06.2021) [1]. Данная двойственность создает правовые коллизии при квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом СХП.

К правовой неопределенности оборота СХП оружия также приводит тот факт, что согласно ст.6 ФЗ-150 Об оружии на территории России запрещается оборот оружия, которое не соответствует Криминалистическим требованиям.

В июне 2022 года вступил в силу приказ МВД России № 403, который утвердил новые криминалистические требования на гражданское оружие., а в частности запретил иметь в списанном оружии автоматическую стрельбу. До 2022 года в России было продано большое количество образцов списанного оружия, имеющего в своей конструкции автоматическую стрельбу (СХП автоматы АК-74, 103, 12, ППШ и т.д.). Данные образцы имели сертификаты соответствия, которые на сегодняшний день устарели и не соответствуют новым кримтребованиям.

Получается, что на сегодняшний день правоохранительные органы могут на законных основаниях изымать у владельцев охолощенное оружие имеющие автоматический огонь. Самим владельцам такое оружие нельзя хранить, коллекционировать, перевозить, носить и т.д., самостоятельно удалять детали, позволяющие вести стрельбу очередями в оружии также нельзя.

Поэтому для устранения такой неопределенности, возможно внесение в ведомственные приказы МВД требований о том, что СХП оружие с автоматической стрельбой, приобретенное до 2022 года соответствовало старым кримтребованиям и изъятию не подлежит, а владельцы например могут его сдать в ремонтные организации для удаления соответствующих деталей, с последующей регистрацией оружию по новым требованиям.

Ключевым этапом в регулировании оборота списанного оружия стало введение его обязательной регистрации. С 29 июня 2022 г. владельцы такого оружия обязаны были поставить оружие на учет в подразделениях лицензионно-разрешительной работы (ЛРР) Росгвардии [3]. Для лиц, владевших СХП до вступления изменений в силу, был установлен переходный период — один год (до 28 июня 2023 г.) для регистрации имеющегося оружия [3].

В 2023–2024 г. законодательство претерпело дальнейшие изменения. В ст. 25 ФЗ «Об оружии» была закреплена обязанность собственника списанного оружия уведомлять территориальный орган Росгвардии о его утрате или хищении. Одновременно Постановлением Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 (в ред. от 15.10.2025) были уточнены технические требования к охолощению оружия и порядок его регистрации.

Однако в нормативных актах отсутствуют единые технические стандарты, определяющие последовательность и полноту самой процедуры охолощения. То есть заводы изготовители сами решают каким способом, в каком месте и в каком количестве они будут вносить технические изменения при деактивации оружия.

Это создает условия для незаконной переделки СХП в огнестрельное оружие пригодное для стрельбы металлическим снарядом, что подтверждается данными правоохранительных органов: в 2023–2024 гг. зафиксирован рост числа уголовных дел по ст. 223 УК РФ (незаконное изготовление оружия), связанных с восстановлением функциональности списанного оружия.

Основная угроза, связанная с оборотом СХП — возможность его переделки в огнестрельное оружие. Согласно данным МВД России, процедура восстановления функциональности охолощенного оружия технически осуществима при наличии минимальных навыков работы на металло-режущих станках. За незаконную переделку СХП предусмотрена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 223 УК РФ (лишение свободы до 4 лет), однако доказывание умысла на переделку и определения точной квалификация таких деяний представляет значительные сложности для следствия.

Кроме того, несмотря на введение обязательной регистрации списанного оружия сохраняются пробелы в механизме его контроля:

- отсутствие единой федеральной базы данных зарегистрированного СХП;
- невозможность отслеживания перемещения оружия между регионами;
- слабый контроль за соблюдением 14-дневного срока регистрации (ст. 20.10 КоАП РФ предусматривает штраф до 3 000 руб., что не является эффективным сдерживающим фактором).

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер по оптимизации правового регулирования оборота СХП в Российской Федерации:

Унификация терминологии. Внести в ст. 1 ФЗ «Об оружии»: более полное определение «списанного охолощенного оружия» в части касающейся его изготовления изначально как имитатора стрельбы без этапа списания с вооружения, дополнить абзац 39, в определении конструктивно сходные с оружием изделия слово «макет-массогабаритный.

Усиление технических требований. Разработать и утвердить единые технические стандарты охолощения оружия для всех отечественных заводов изготовителей включающие:

обязательную фиксацию в паспорте оружия всех технических изменений узлов и деталей;

Цифровизация системы учета. Создать единую федеральную информационную систему учета СХП с возможностью:

онлайн-регистрации через портал госуслуг;

автоматического уведомления о нарушении сроков регистрации;

интеграции с системами таможенного и пограничного контроля для предотвращения незаконного ввоза/вывоза.

Ужесточение ответственности. Повысить административные санкции за нарушение сроков регистрации СХП (ст. 20.11 КоАП РФ) до уровня, сопоставимого с ответственностью за нарушение правил хранения травматического оружия (штраф до 5000 руб. или лишение права приобретения оружия).

Предложенные меры в виде унификация терминологии, усиление технических требований, цифровизация учета и ужесточение ответственности — позволят минимизировать риски незаконной переделки СХП в огнестрельное оружие и повысить эффективность правоприменения.

Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ международного опыта регулирования оборота оружия предназначенного для имитации стрельбы (ЕС, США) с целью адаптации лучших практик к российским условиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

2. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему» (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 30. Ст. 3448.

3. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 11.04.2022 № 119 «Об утверждении порядка подачи и формы уведомления о приобретении (продаже, дарении) списанного оружия в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации или ее территориальный орган».

4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2021 № 11 «О судебной практике по делам о незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8.

7. Консультант Плюс. Электронная правовая система. Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2026).

8.Официальный сайт Росгвардии. Раздел «Лицензионно-разрешительная работа». Режим доступа: https://rosguard.gov.ru (дата обращения: 12.02.2026).

УДК 342.9

А. Ю. Суворова

НОВЫЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИКОВ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ В КОАП РФ С 1 МАРТА 2026 ГОДА

Аннотация: В статье анализируются изменения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, вступившие в силу с 1 марта 2026 года и касающиеся ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Рассматриваются ключевые нововведения, их правовая природа, возможные последствия для правоприменительной практики и общества в целом. Особое внимание уделяется правовым проблемам, возникшим в результате реформы: неопределённости критериев «оправданности жанром», сложностям для издательского бизнеса (рост издержек, изъятие книг из продажи) и правоохранительных органов (субъективность оценок, технические ограничения), а также негативным последствиям для доступности литературы. На основе проведённого анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства, в т. ч. уточнение критериев пропаганды, создание единой базы проверенных произведений и разработка методических рекомендаций.

Ключевые слова: пропаганда наркотиков, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, административная ответственность, профилактика потребления наркотиков, маркировка, оправданность жанром, правовая неопределённость.

A. Yu. Suvorova

NEW STANDARDS ON LIABILITY FOR DRUG PROPAGANDA: ANALYSIS OF CHANGES TO THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM MARCH 1, 2026

Abstract: This article analyzes the amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which entered into force on March 1, 2026, and concern liability for the promotion of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues. The article examines the key innovations, their legal nature, and the potential implications for law enforcement and society as a whole. Particular attention is given to the legal issues that arose as a result of the reform: the uncertainty of "genre-justified" criteria, the challenges for the publishing industry (increased costs, book recalls) and law enforcement agencies (subjective assessments, technical limitations), as well as the negative consequences for the availability of literature. Based on the analysis, proposals are formulated for improving legislation, including clarifying the criteria for propaganda, creating a unified database of verified works, and developing methodological recommendations.

Keywords: drug propaganda, Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, administrative liability, drug use prevention, labeling, genre-justified, legal uncertainty.

Запрет на оборот наркотиков в России установлен Федеральным законом от 8 января 1998 года №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 08.08.2024). Этот закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту. Он запрещает потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, а также

пропаганду этих веществ[1]. По данным Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2030 ода[2], с 2010 по 2024 год в России более чем в 5,5 раза выросло число граждан, зависимых от неизвестных психоактивных стимуляторов: с 4,24 тыс. до 23,97 тыс. человек. В четыре раза – до 75,5 тыс. человек – выросло количество наркозависимых и случаев полинаркомании (зависимость от двух и более психоактивных веществ). В 2024 году правоохранительные органы зафиксировали около 200 тыс. преступлений, связанных с оборотом наркотиков. Доля таких преступлений в общем количестве за 2010-2024 годы составила в среднем 9,7%. В 2024 году от отравления наркотиками погибли почти 8 тыс. человек. В 2024 году количество зарегистрированных наркопреступлений увеличилось на 3,7% по сравнению с 2023 годом (198 043 против 190 988)[3].

Рост негативных показателей в сфере наркоситуации в России стал одним из факторов, побудивших законодателя усилить меры противодействия незаконному обороту наркотиков, в том числе через внесение изменений в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Эти изменения направлены на ужесточение ответственности за пропаганду и распространение информации о запрещённых веществах, что отражает стремление государства снизить масштабы наркопреступности и наркозависимости.

Федеральный закон от 08.08.2024 №225-ФЗ **«О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»**[4] внёс изменения в статью 6.13 КоАП РФ, установив более строгую административную ответственность за пропаганду наркотиков и распространение информации о них с нарушением требований о маркировке. Изменения вступили в силу с 1 марта 2026 года и предусматривают расширение состава правонарушения. Теперь ответственность наступает не только за прямую пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, но и за распространение произведений литературы и искусства, содержащих информацию о них, с нарушением требований о маркировке. Маркировка[5] представляет собой текстовое предупреждение о вреде потребления и незаконности оборота таких веществ либо специальный знак (равносторонний треугольник с закруглёнными углами и восклицательным знаком внутри). При распространении таких произведений без необходимой маркировки предусмотрены штрафы: граждане могут получить предупреждение или штраф в размере от 2 000 до 4 000 рублей;

---

[1] Федеральный закон от 8 января 1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

[2] Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 48. Ст. 7710.

[3] В России с 2010 года число колющих наркотики снизилось на 65%. URL: https://tass.ru/obschestvo/26462833 (дата обращения: 21.04.2026).

[4] Федеральный закон от 8 августа 2024 № 225-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4921.

[5] Порядок маркировки установлен приказом Минцифры от 20 мая 2025 года № 475. Маркировка должна содержать текстовое предупреждение, например: «Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность». В печатных изданиях размер текстового сообщения должен составлять не менее 5% площади обложки. Также может использоваться предупреждающий знак (равносторонний треугольник с закруглёнными углами и вписанным в него восклицательным знаком).

юридические лица обязаны уплатить штраф от 300 000 до 600 000 рублей, а продукция, нарушающая требования, подлежит конфискации[1]. Маркировка не требуется для произведений, где информация о наркотиках составляет оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла, а также для специализированных медицинских и фармацевтических изданий, научных и учебных работ, материалов оперативно-розыскной деятельности и других случаев.

Если действия совершены в информационно-телекоммуникационных сетях и не содержат признаков уголовного деяния, штрафы для граждан составляют от 5 тыс. до 30 тыс. рублей[2]. Для должностных лиц предусмотрено дополнительное наказание – дисквалификация на срок от 1 года до 2 лет[3]. Для иностранных граждан и лиц без гражданства увеличен штраф с 4 тыс. до 5 тыс. рублей. Также возможно административное выдворение за пределы РФ или административный арест до 15 суток.

Одновременно исключена административная ответственность провайдеров хостинга и владельцев сайтов за непринятие мер по ограничению доступа к информации о незаконных действиях с наркотиками, если они не были уведомлены о нарушении[4].

Таким образом, изменения существенно ужесточили административную ответственность в сфере противодействия пропаганде наркотиков, расширив круг правонарушений и увеличив размеры штрафов. Они направлены на снижение масштабов наркопреступности и наркозависимости через усиление контроля за распространением информации о запрещённых веществах. Однако, законодательные изменения, связанные с маркировкой произведений, содержащих упоминания о наркотических средствах в ст. 6.13 КоАП РФ, привели к ряду проблем – как для бизнеса, так и для правоохранительных органов.

Так, ст.6.13 КоАП РФ требует маркировать произведения, где информация о наркотиках «составляет оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла». Однако критерии такой «оправданности» не определены, что создаёт правовую неопределённость. Издатели и распространители вынуждены самостоятельно решать, требуется ли маркировка, что повышает риск ошибок и штрафов. Например, под маркировку случайно попали «Денискины рассказы» Виктора Драгунского из-за того, что нейросеть в фамилии автора нашла корень «драг» (от англ.

---

[1] Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 20 мая 2025 № 475 «Об утверждении порядка маркировки и перечня произведений литературы, указанных в подпункте 1 пункта 2 статьи 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

[2]Распространение информации о наркотических средствах, а также их пропаганда с 1 марта 2026 г. URL: https://zakon.ru/blog/2026/02/17/rasprostranenie_informacii_o_narkoticheskih_sredstvah_a_takzhe_ih_propaganda_s_1_marta_2026_g (дата обращения: 21.04.2026).

[3] С 1 марта 2026 года вступят в законную силу изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, касающиеся ответственности за пропаганду наркотиков и психотропных веществ. URL: https://admuswa.ru/about/info/news/novosti-prokuratura.php?ELEMENT_ID=27916 (дата обращения: 21.04.2026).

[4] С 1 марта 2026 года ужесточается ответственность за пропаганду наркотиков и психотропных веществ. URL: https://www.kavraion.ru/prokuratura-informiruet/2025-god/s-1-marta-2026-goda-uzhestochaetsya-otvetstvennost-za-propagandu-narkotikov-i-psikhotropnykh-veshche/ (дата обращения: 21.04.2026).

drug – наркотик).

Хотя закон не распространяется на книги, опубликованные до 1 августа 1990 года, правовая ситуация в отношении некоторых классических произведений остаётся неясной. Обсуждался вопрос о возможном попадании под маркировку книг Михаила Булгакова или Льва Толстого, где упоминаются наркотики. Также возникает путаница с переводами: если речь о мировой классике, вероятнее всего, имеет значение, когда был сделан конкретный перевод.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (далее – Минцифры), которое играет ключевую роль в регулировании вопросов возрастной маркировки информационной продукции, включая книги, отвечает и за разработку критериев и правил маркировки, определяет, какой возрастной рейтинг должна получать книга в зависимости от её содержания, не предоставило чётких критериев для выставления возрастных рейтингов (12+, 16+, 18+) для книг с упоминанием наркотиков. Это привело к тому, что многие издательства автоматически ставили рейтинг 18+, что в итоге повлияло на доступность книг для определённой аудитории[1]. Произведения, которые могли бы быть доступны подросткам (12+ или 16+), становились доступными только для взрослых. При маркировке 18+ к стоимости применялась базовая ставка НДС (22%), а не льготная (10%), что повышало цену для читателей. Издательствам необходимо проверить все книги, выпущенные с 1 августа 1990 года, на наличие упоминаний наркотиков. По оценкам Российской книжной палаты, это около 3 млн. 154 тыс. 654 наименований. Многие издания не сохранились в электронном виде, а бумажные экземпляры могут отсутствовать в издательствах, что затрудняет проверку. Маркировка требует дополнительных расходов на наклейки, их нанесение, а также на экспертизу и проверку контента. Книжные магазины вынуждены отвлекать ресурсы на маркировку уже имеющихся в продаже книг: их нужно найти, снять с полки, наклеить стикер и вернуть на место. Это замедляет оборот и увеличивает логистические издержки. Как результат Маркетплейсы и розничные сети иногда перестраховываются и отказываются работать с книгами, которые могут подпадать под действие закона, что ограничивает доступность литературы для читателей. Например, «Литрес» временно изъял из продажи около 4500 книг из-за сомнений в правильности маркировки.

При этом, повторное нарушение в течение года влечёт уголовную ответственность по ст. 230.3 УК РФ с максимальным наказанием до 2 лет лишения свободы. Это усиливает давление на бизнес и побуждает к избыточной осторожности, что может привести к самоцензуре.

Законодательные изменения, связанные с маркировкой произведений, содержащих упоминания о наркотических средствах (ст. 6.13 КоАП РФ), привели к ряду проблем не только для бизнеса, но и для правоохранительных органов. Эти сложности связаны с неоднозначностью правовых норм, техническими ограничениями, нехваткой профильных экспертов, сложностями с доказательной базой и координацией между ведомствами. Ключевая проблема – отсутствие чётких методических рекомендаций по разграничению пропаганды наркотиков (запрещённой) и художественного описания, оправданного жанром (допустимого). Закон формулирует общее правило: произведения не считаются пропагандой, если наркотики составляют «оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла». Однако критерии «оправданности» не определены, что приводит к субъективному

[1] «Ведомости»: издательства начали повышать цены на книги с упоминанием наркотиков. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8552806 (дата обращения: 21.04.2026).

толкованию и риску злоупотреблений[1]. Правоохранительные органы часто сталкиваются с трудностями при квалификации действий: например, сложно определить, содержит ли произведение положительную оценку наркотиков или лишь отражает их как элемент сюжета. Это затрудняет возбуждение дел и повышает риск ошибочных решений. Роскомнадзор и полиция сталкиваются с колоссальным объёмом контента: книги, фильмы, соцсети, маркетплейсы требуют постоянного анализа. Автоматизированные системы поиска (включая нейросети) часто допускают ошибки. Такие системы не способны учитывать контекст и нюансы художественного текста, что приводит к ложным срабатываниям и необоснованным претензиям к легальным произведениям. Для объективной оценки содержания произведений требуются специалисты: филологи, лингвисты, культурологи. Однако правоохранительные органы не всегда могут привлечь таких экспертов, что снижает качество проверок. Это особенно актуально при необходимости проведения психолого-лингвистических и художественных экспертиз для определения, является ли упоминание наркотиков частью художественного замысла[2].

При фиксации нарушений в интернете (соцсети, сайты) возникают сложности: сложно корректно зафиксировать скриншоты и видеозаписи, особенно если контент быстро удаляется; анонимность в интернете затрудняет идентификацию виновных; если контент удалён после жалобы, доказать его существование становится проблематично [1, с. 259].

Отсутствует эффективная координация между полицией, Роскомнадзором, прокуратурой и другими органами. Это приводит к: отсутствию единого реестра проверенных произведений; дублированию проверок одних и тех же объектов; отсутствию централизованной базы данных по вынесенным решениям. Нет чётких инструкций, как трактовать упоминания наркотиков в произведениях, опубликованных до 1 августа 1990 года, или в переводах мировой классики. Хотя закон прямо исключает из-под действия норм произведения, обнародованные до этой даты, на практике возникают вопросы по интерпретации таких текстов, особенно в случае их переизданий или новых переводов[3].

Таким образом, изменения в ст. 6.13 КоАП РФ создали **системные проблемы**: для правоохранителей – субъективность оценок, технические и организационные сложности; для бизнеса – финансовые потери, сокращение ассортимента, риск уголовного преследования. Считаем необходимым: уточнить критерии «пропаганды» и «оправданности жанром»; создать единую базу проверенных произведений; разработать методические рекомендации для судов и правоохранительных органов; снизить нагрузку на бизнес через упрощение процедур маркировки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Котышева Е.А. Правовое обеспечение деятельности государства по противодействию незаконному обороту наркотиков / Е.А. Котышева // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 259-261.

[1] В ГД рассказали, когда допускается упоминание наркотиков в литературе. URL: https://ria.ru/20240702/propaganda-1956837588.html (дата обращения: 21.04.2026).

[2] Книги с упоминанием наркотиков: как будет работать новый закон. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/04/2025/67fe5b9e9a79474af372d3e7 (дата обращения: 21.04.2026).

[3] Эксперт: как книжный рынок адаптируется к новому закону о запрете пропаганды наркотиков. URL: https://vfokuse.mail.ru/articles/69613068-ekspert-kak-knizhnyj-rynok-adaptiruetsya-k-novomu-zakonu-o-zaprete-propagandy-narkotikov/ (дата обращения: 21.04.2026).

Сунь Мохань

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПОДКЛЮЧЕННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

智能网联汽车交通事故责任认定

的法律研究

摘要：伴随着科技的迅速发展，AI技术的更新迭代促进着自动驾驶汽车从概念逐渐走向现实，其商业化应用进程不断加速逐步迈向规模化应用阶段。然而，我国现行法律法规主要基于传统驾驶汽车方式构建，难以适应自动驾驶汽车的“人机协同”的驾驶模式与算法主导的决策逻辑，这种不匹配导致自动驾驶汽车在研发、测试及商业化应用过程中面临诸多法律困境，如责任认定模糊、法律适用冲突等。

本文首先深入分析了智能网联汽车交通事故责任认定这一前沿法律问题，系统剖析了现行以《民法典》和《道路交通安全法》为核心的传统法律框架在自动驾驶技术冲击下面临的适用困境。研究指出，基于“自然人”驾驶员构建的责任体系在“人机共驾”场景下出现明显真空，表现为“人机二分”局限性、产品责任适用难题及算法“黑箱”对过错认定的挑战。

关键词：自动驾驶汽车；法律法规；责任认定；人工智能

一、绪论

（一）研究背景

伴随着人工智能的迅猛发展，汽车工业也紧跟时代发展的步伐，智能网联汽车作为当前汽车发展的主要方向，正在逐步从测试场走向公共道路。然而这一技术在发展的同时也对我国现行法律体系尤其是以《中华人民共和国民法典》（以下简称《民法典》）和《中华人民共和国道路交通安全法》（以下简称《道交法》）为核心的交通事故责任认定框架，提出了前所未有的挑战。目前，传统的法律规则是建立在“自然人”为车辆驾驶员的行为模式上，在面对由“人机共驾”乃至“机器驾驶”引发的交通事故时，传统法律中的责任主体、归责原则及构成要件就显现出了显著的适用困境和解释空间。

（二）《民法典》与《道路交通安全法》的核心条款分析

我国现行交通事故责任认定的法律基石主要由《民法典》第七编“侵权责任”中所涉及相关规定以及《道交法》共同构成。这些法律条文在设计上主要服务于传统的、由“自然人”完全控制的机动车，其核心逻辑是通过规制驾驶人的行为来保障道路交通

安全。

1.《民法典》第七篇第五章：机动车交通事故责任

本部分第一条（1208条）规定：“机动车发生交通事故造成损害的，依照道路交通安全法律和本法的有关规定承担赔偿责任。”此条款本身是一个引致性规范，它将交通事故责任的认定指向了《道交法》等特别法以及《民法典》自身的相关规定。以《民法典》第一千二百一十三条为例，在传统的法律适用中承保交强险的保险公司在责任限额内予以赔偿，不足部分再由承保商业三者险的保险公司根据合同约定赔偿，仍有不足的，则由侵权人（通常是机动车驾驶人）承担赔偿责任。这一规定体现了对受害人权益的优先保护，并通过保险机制分散了驾驶人的个人风险。但是在自动驾驶场景下，由自动驾驶情况下发生的交通事故，“侵权人”的界定便成了问题，责任主体由“自然人”驾驶员拓展到车辆的生产者，系统研发者，车辆运营平台（如萝卜快跑）。因此，本章节所涉及“侵权人”需要在自动驾驶情况下的重新解释和界定，以适应责任主体多元化的现实。

2.《道路交通安全法》第七十六条：交通事故责任主体的界定

《道交法》第七十六条具体划分了交通事故责任，确立了以过错责任为主，无过错责任为辅的归责原则。相对于传统交通事故处理方式：由有过错的一方承担赔偿责任；双方都有过错的，按照各自过错的比例分担责任，在自动驾驶状态下，驾驶任务主要由系统完成，驾驶员的角色转变为监控者和接管者。此时，如果发生事故，责任是由于驾驶员未能及时接管，还是由于系统本身的设计缺陷或算法错误，抑或两者兼有？传统的“过错”评价标准难以直接适用于一个非人类的、基于算法决策的系统。因此，《道交法》第七十六条在自动驾驶场景下面临着核心构成要件——“过错”——的认定难题，亟须进行适应性调整。

（三）传统法律框架所面临的挑战

1.“人机二分”责任的局限性

现行交通事故责任制度的核心是建立在“自然人”为驾驶员的基础上。无论是《民法典》还是《道交法》，其规制的主要对象都是“自然人”驾驶员的驾驶行为，责任的承担者也主要指向享有车辆运行支配地位和运行利益的驾驶员。自动驾驶技术的介入彻底颠覆了这一“人机二分”的认知基础。在L3级“有条件自动驾驶”模式下，驾驶权在人与系统之间动态切换，系统可在特定条件下自主完成驾驶任务，仅在必要时请求人类驾驶员接管[1]。在“人机共管”的条件下发生交通事故时对人的责任的认定，可能会

[1]郑振瑶.L3级自动驾驶汽车侵权责任法律风险及规制研究[C]//《智慧法治》集刊2023年第3卷——推进教育数字化的法治保障研究文集.上海政法学院;,2024:177-185.DOI:10.26914/c.cnkihy.2024.000849.

出现有失公平的情况，如事故可能源于系统的算法缺陷或传感器失灵，而非人的操作失误。这种“人机二分”的责任体系在自动驾驶场景下出现了明显的责任真空地带，无法有效回应技术变革带来的挑战。

2.产品责任的适用难题

面对传统责任体系的局限性，有学者提出可以援引《中华人民共和国产品质量法》中的产品责任来追究制造商的责任。产品责任的核心在于，因产品存在缺陷造成他人损害的，生产者应当承担侵权责任，这是一种无过错责任。然而，将产品责任直接适用于自动驾驶汽车也存在诸多难题。首先，自动驾驶系统的“缺陷”难以界定。传统产品的缺陷通常指设计、制造或警示上的瑕疵，而自动驾驶系统的缺陷可能源于算法的逻辑漏洞、训练数据的偏差、传感器的感知局限，甚至是网络攻击等外部因素，这些“软缺陷”的认定远比“硬缺陷”复杂[1]。其次，因果关系证明困难。自动驾驶系统的决策过程是一个复杂的“黑箱”，涉及深度学习等不可解释的算法，受害者很难证明事故是由系统的某个具体“缺陷”直接导致的[2]。最后，将所有责任归于制造商可能会抑制技术创新。自动驾驶技术的研发需要巨大的投入和试错，如果制造商需要为所有系统故障承担无过错责任，无疑会大幅增加其运营风险和成本，从而可能阻碍整个产业的发展[3]。

3.算法“黑箱”对过错认定的挑战

自动驾驶汽车的核心是其算法系统，而算法的“黑箱”特性给侵权责任的认定带来了前所未有的挑战。无论是适用过错责任还是产品责任，都需要对行为或产品的“过错”或“缺陷”进行认定。然而，基于深度学习等人工智能技术的自动驾驶系统，其决策过程往往缺乏透明度和可解释性[4]。当事故发生时，即使能够获取车辆的行驶数据，也很难清晰地还原算法做出某一决策的具体逻辑和依据[5].

二、自动驾驶等级下的责任主体认定差异

（一）自动驾驶等级概括

自动驾驶汽车的技术分级是界定责任边界、识别侵权风险的基础框架。根据我国《汽车驾驶自动化分级》（GB/T40429-2021），驾驶自动化等级从“无自动化”到“完全自动化”划分为L0-L5级，不同等级对应人机交互模式、系统功能范围与责任主体的

[1]张志坚.论人工智能的电子法人地位[J].现代法学,2019,41(05):75-88.

[2]王伟业.自动驾驶汽车交通事故侵权责任主体法律问题研究[J].争议解决,2025,11(5):103-114.

[3]赵申豪.自动驾驶汽车侵权责任研究[J].江西社会科学,2018,38(07):207-218.

[4]王伟业.自动驾驶汽车交通事故侵权责任主体法律问题研究[J].争议解决,2025,11(5):103-114.

[5]赵申豪.自动驾驶汽车侵权责任研究[J].江西社会科学,2018,38(07):207-218.

显著差异。其中，L0-L2级属于“驾驶辅助阶段”，系统仅提供单一或组合式辅助功能（如L1级的定速巡航、L2级的车道保持+自适应巡航），驾驶主体始终为人类驾驶员，需全程掌控车辆运行；而L3-L5级进入“自动驾驶阶段”，系统在特定条件或全场景下替代人类执行动态驾驶任务，成为核心规制对象。

（二）L2级辅助驾驶条件下各方责任主体认定

1.驾驶人

L2级自动驾驶是目前汽车市场中普遍达到的自动驾驶等级，通常也被称为“辅助驾驶”。该等级下系统能够同时控制车辆的横向（如转向）和纵向（如加减速）运动，但驾驶员必须持续监控驾驶环境，并随时准备接管车辆。在这一阶段，尽管车辆具备了一定的自主控制能力，但法律意义上的“驾驶人”仍然是车辆控制和安全的第一责任人。目前法律和实践普遍认为L2级系统仅为辅助工具，不能代替驾驶员的驾驶义务。在（2024）苏02民终6213号案，即龚某钢诉无锡某新能源汽车产品缺陷案中，一审法院认为“智能领航系统仅是驾驶辅助功能，不能代替驾驶员驾驶车辆时的安全注意义务”，二审法院认为“驾驶辅助功能，可以辅助驾驶员，但不能代替驾驶员进行驾驶”，因此驾驶员负有全部责任。这些案例清晰地表明，在L2级阶段，驾驶员被视为车辆的最终控制主体，其责任并未因系统的辅助而减轻。这种“驾驶员中心主义”的责任认定模式，旨在防止驾驶员对辅助驾驶功能产生过度依赖和误解，确保其始终保持对道路环境的警觉和对车辆的控制。

2.汽车生产者及销售商

虽然驾驶人作为L2级交通事故中的责任主体，但是这并不意味着汽车生产者及销售商可以完全免责，两者有义务向消费者清晰、准确地告知其产品功能边界、使用限制和潜在风险。这包括在用户手册中对辅助驾驶系统的功能局限作出明确警示，以及在销售和宣传过程中避免使用可能误导消费者的夸大性言辞。在沈某敏诉江苏泰州海某汽车销售服务有限公司产品责任纠纷案[1]中明确辅助驾驶功能的风险警示、提示义务。汽车生产者、销售者需要通过提供充分的警示，告知消费者智能汽车存在不可预期的危险，令普通消费者能够理解智能汽车产品的正确使用方式并谨慎驾驶，降低风险发生的概率。反之，如果车企存在夸大宣传（如发布会中将L2级宣传为“自动驾驶”）、未充分告知系统局限性，或者系统存在未被披露的固有缺陷，那么车企可能需要承担相应的补充或连带赔偿责任。

（三）L3级自动驾驶条件下各方责任主体认定

[1]沈某敏诉江苏泰州海某汽车销售服务有限公司产品责任纠纷案［(2022)苏1203民初2530号］．人民法院案例库，2025-07-15［2025-11-26］．入库编号：2025-07-2-373-007.

1.“人机共驾”模式下的责任划分困境

L3级别汽车交通事故责任认定的难点在于交通事故发生时车辆状态的认定，要确认是系统完全主导，还是在驾驶员正在接管过程中，或者驾驶人已经接管。在这三种条件下，事故的责任主体各不相同。如果事故发生在系统激活且未请求接管期间，责任显然不应由正在“从事其他活动”的驾驶员承担。但如果事故发生在系统发出接管请求后，而驾驶员未能及时、正确地响应，那么驾驶员就可能需要承担责任。这种动态的责任边界使得事故调查变得异常复杂，需要依赖高精度的车辆数据记录（如“黑匣子”）来还原事故发生前的人机交互过程。如何界定“及时接管”的标准，如何评估驾驶员在紧急情况下的反应能力，以及如何处理系统无预警降级（L3降L2）等模糊地带，都是L3级责任划分中需要解决的难题。

2.“接管”过程中的责任认定

L3级系统虽然解放了驾驶员的“双手”，但驾驶员并未完全免除责任。驾驶员的核心义务转变为“随时准备接管”汽车。当系统因超出设计运行域、遇到无法处理的复杂情况或自身出现故障而发出接管请求时，驾驶员有义务立即响应并接管车辆控制权。如果驾驶员因分心、疲劳或故意忽视接管请求而导致未能及时接管，从而引发事故，那么驾驶员需要承担相应的责任。这种责任可能是主要责任，也可能是与车企共同分担的责任，具体取决于事故的具体情况和各方的过错程度。反之，如果系统突然退出且未提供足够的警示时间，那么车企的责任将更大。因此，L3级模式下驾驶员的责任边界，在于其是否履行了合理的监控和接管义务，这需要在个案中结合技术证据进行具体分析。

3.车辆缺陷导致的损害与追偿机制

2022年8月1日起施行的《深圳经济特区智能网联汽车管理条例》第五十三条“有驾驶人的智能网联汽车发生交通事故造成损害，属于该智能网联汽车一方责任的，由驾驶人承担赔偿责任。”第五十四条规定了：“智能网联汽车发生交通事故，因智能网联汽车存在缺陷造成损害的，车辆驾驶人或者所有人、管理人依照本条例第五十三条的规定赔偿后，可以依法向生产者、销售者请求赔偿。”条款明确了在事故发生时，由驾驶人（或所有人、管理人）对受害人承担第一性的赔偿责任，这保证了受害人能够得到及时救济。然后，它赋予了驾驶人在承担责任后，如果事故是由车辆缺陷（即产品责任范畴）引起的，可以向车辆的生产者或销售者进行追偿的权利。这种“初步责任”或“首要责任”的设定，旨在更好地保护处于相对弱势地位的驾驶员和受害人，同时也为车企设定了明确的法律预期，有效平衡了受害人、驾驶员和车企三方的利益。

三、法律应对与制度完善建议

目前《智能网联车辆道路交通事故调查处理规范》正在由公安部道路交通安全研究中心为主要牵头单位起草，但在基本法层面上《道路交通安全法》《民法典》需要修订和完善来构建一个既能促进技术创新又能保障公共安全的法律框架，为自动驾驶产业的健康发展提供坚实的法治保障。

（一）针对《中华人民共和国道路交通安全法》的建议

1.明确自动驾驶汽车的责任划分

建议在《道交法》中增设“自动驾驶汽车管理”专章，系统性地规定自动驾驶汽车的准入、登记、上路通行、数据管理、事故处理及法律责任等内容。在责任划分方面，应根据不同自动驾驶等级，建立差异化的责任规则。例如，明确规定在L3级系统激活状态下，由车辆制造商或系统运营者承担主要责任；在L4/L5级无人驾驶状态下，由车辆所有人或管理人承担保有人责任，并可通过产品责任向制造商追偿。同时，应明确数据记录装置（黑匣子）的安装、数据保存和提供义务，为事故责任认定提供技术保障。

2.引入“机器驾驶人”概念

为了从根本上解决责任主体模糊的问题，有全国人大代表和学者建议在法律修订中引入“机器驾驶人”的定义[1]。将自动驾驶系统在特定条件下拟制为“驾驶人”，使其能够独立承担驾驶任务和相应的法律责任。这一概念的引入，将为L3及以上级别自动驾驶的责任认定提供直接的法律依据，是法律适应技术变革的重大创新。通过赋予“机器驾驶人”法律地位，可以清晰地界定其在不同场景下的权利、义务和责任，从而构建一个更加清晰、公平的责任分配框架。

（二）针对《中华人民共和国民法典》的建议

建议应在《民法典》或《产品质量法》中，针对自动驾驶汽车的特点，明确其产品责任的特殊规则。例如，可以规定在自动驾驶模式下发生的事故，推定车辆存在缺陷，由生产者承担举证责任，证明其产品不存在缺陷。同时，应明确自动驾驶系统算法、软件等无形产品也属于产品责任的客体。而为了平衡诉讼双方的举证能力，应在法律中明确规定，在自动驾驶产品责任纠纷中，实行举证责任倒置原则。即由产品的生产者、销售者就其生产、销售的产品不存在缺陷以及缺陷与损害之间不存在因果关

[1]朱华荣。完善自动驾驶法规标准建设[EB/OL].(2025-03-11)[2025-11-26]. https://www.cqrd.gov.cn/site/article/13489638303543582 72/web/content_13489638303543582 72.html.

系承担举证责任。这将极大地减轻受害者的诉讼负担，有效保护其合法权益。[1]

（三）保险制度的建议

通过借鉴国外先进经验，并结合中国国情，本文认为可以通过构建“双层责任+保障基金”机制，以此建立一个多层次、全覆盖、高效率的风险分担体系，既能确保交通事故受害者得到及时、充分的救济，又能合理分散和化解自动驾驶技术带来的新型风险，从而在技术创新的社会红利与潜在风险之间取得精妙平衡，为产业的健康发展保驾护航。这一构想部分借鉴了付新华教授提出的“双层保险框架”理论[2]，并在此基础上进行了深化和拓展。

1.第一层：强制保险与商业保险衔接

是面向所有上路行驶的自动驾驶汽车的基础性、强制性保险保障。其核心目标是确保在任何情况下，交通事故的受害者都能获得快速、便捷的赔付，避免因责任认定不清而陷入索赔困境。

2.第二层：国家层面设立保证基金

在第一层强制保险之上，设立一个由国家主导、行业共建的“国家安全发展保障基金”。该基金的主要功能是作为风险的最后承担者和产业创新的稳定器，旨在应对超出常规保险赔付能力范围的重大、特大事故，并分担因技术不确定性带来的系统性风险，其基金的资金主要来源于所有在中国境内销售L3级及以上自动驾驶汽车的生产商和系统提供商。可以按其年度销售额或车辆保有量的一定比例缴纳。当发生自动驾驶汽车事故，其造成的损失超过了第一层强制保险的赔付限额，或者事故原因涉及整个行业面临的共性技术缺陷（如某一批次的芯片存在设计缺陷导致大规模召回或事故），第一层保险无法完全覆盖时，即可启动保障基金进行赔付。通过设立国家安全发展保障基金，可以在国家层面构建一个强大的风险缓冲垫，不仅能够应对自动驾驶技术可能带来的“黑天鹅”事件，还能通过市场化的激励手段，引导产业向着更安全、更可靠的方向发展，实现技术创新与社会安全的协同共进。

四、结语

人机协同、人机交互是自动驾驶汽车发展与应用的可预见未来，智能网联汽车技术的跨越式发展，正深刻重塑着传统交通事故责任认定的法律逻辑。现行以“自然人”驾驶员为核心的《民法典》与《道路交通安全法》框架，在应对L3级及以上自动驾

[1]于海欣,彭昱人,曹晨阳.自动驾驶汽车民事侵权责任的因应[J].现代商贸工业,2024,45(11):196-198.DOI:10.19311/j.cnki.1672-3198.2024.11.067.

[2] 付新华.自动驾驶汽车事故:责任归属、法律适用与"双层保险框架"的构建J].华东政法大学学报,2018,(04):66-77

驶技术时，已显现出捉襟见肘。从L3级“人机共驾”的责任动态切换，再到L4/L5级无人驾驶时代的“机器驾驶人”拟制，责任主体呈现出从单一到多元、从清晰到复杂的演进轨迹对法律体系的适配性提出了更高要求。

为应对技术变革带来的法律挑战，需从三个维度重构自动驾驶汽车侵权责任法律体系：一是建立与自动驾驶等级相适配的差异化责任规则，明确系统激活状态下的责任转移机制，破解人机共驾的责任划分难题；二是革新产品责任认定标准，引入消费者合理期待与风险 - 效用双重标准，同时实行举证责任倒置，破解算法“黑箱”下的受害人举证困境；三是构建“强制保险+国家安全发展保障基金”的双层风险分担体系，既确保受害人得到及时、充分的救济，又合理分散自动驾驶技术的系统性创新风险。

21世纪是人工智能时代，第四次工业革命正在来临，唯有通过法律与技术的协同演进，在产业促进与权利保护之间寻求动态平衡，方能构建起契合智能时代需求的交通事故治理新范式，为智能网联汽车产业的健康可持续发展筑牢法治根基。

参考文献

[1]崔胜民。智能网联汽车新技术 [M]. 北京：化学工业出版社，2021：3-4.

[2] 郑振瑶。 L3 级自动驾驶汽车侵权责任法律风险及规制研究 [C]//《智慧法治》集刊 2023 年第 3 卷 —— 推进教育数字化的法治保障研究文集。上海政法学院，2024:177-185. DOI:10.26914/c.cnkihy.2024.000849.

[3] 张志坚。论人工智能的电子法人地位 [J]. 现代法学，2019，41 (05)：75-88.

[4]王伟业。自动驾驶汽车交通事故侵权责任主体法律问题研究 [J]. 争议解决，2025，11 (5)：103-114.[5]

[5]赵申豪。自动驾驶汽车侵权责任研究 [J]. 江西社会科学，2018，38 (07)：207-218.[6]

[6]沈某敏诉江苏泰州海某汽车销售服务有限公司产品责任纠纷案 [(2022) 苏 1203 民初 2530 号][EB/OL]. 人民法院案例库，2025-07-15 [2025-11-26]. 入库编号：2025-07-2-373-007.

[7]皮勇。论自动驾驶汽车生产者的刑事责任 [J]. 比较法研究，2022 (01)：55-70.

[8]郑志峰.自动驾驶汽车交通事故责任的立法论与解释论－－以民法典相关内容为视角[J].东方法学,2021,(03):156-170.DOI:10.19404/j.cnki.dffx.20210430.010.

[9]朱华荣。完善自动驾驶法规标准建设 [EB/OL]. (2025-03-11)[2025-11-26]. https://www.cqrd.gov.cn/site/article/13489638303543582 72/web/content_1348963830354358272.html.

[10] 于海欣，彭昱人，曹晨阳。自动驾驶汽车民事侵权责任的因应 [J]. 现代商贸工业，2024，45 (11)：196-198. DOI:10.19311/j.cnki.1672-3198.2024.11.067.

[11] 付新华。自动驾驶汽车事故：责任归属、法律适用与 “双层保险框架” 的构建 [J]. 华东政法大学学报，2018 (04)：66-77.

Перевод

Сунь Мохань

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПОДКЛЮЧЕННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация: Стремительное развитие науки и техники, а также непрерывная эволюция технологий искусственного интеллекта (ИИ) способствуют постепенному переходу беспилотных автомобилей из плоскости концептуальных разработок в реальность. Процесс их коммерческого внедрения неуклонно ускоряется, переходя на стадию масштабного практического применения. Однако действующее законодательство и нормативно-правовая база КНР сформированы преимущественно на основе традиционных способов управления транспортными средствами. Они оказываются неадаптированными к присущей беспилотному транспорту модели «синергии человека и машины» (человеко-машинного взаимодействия) и алгоритмической логике принятия решений. Данное несоответствие порождает множество правовых дилемм в процессах исследований, испытаний и коммерческой эксплуатации беспилотных автомобилей, среди которых наиболее острыми являются неопределенность при разграничении ответственности и коллизии правоприменения.

Статья анализирует правовые проблемы определения ответственности при ДТП с участием беспилотных автомобилей, выявляя неприменимость традиционной «человекоцентричной» системы в условиях «человеко-машинного» управления. Исследование фокусируется на правовых вакуумах в вопросах ответственности за продукт и сложностях установления вины из-за алгоритмических «черных ящиков».

Ключевые слова: Автономные транспортные средства; законы и правила; определение ответственности; искусственный интеллект

УДК 347

Sun Mohan

LEGAL ASPECTS OF DETERMINING LIABILITY IN TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING INTELLIGENT CONNECTED VEHICLES

Abstract. The rapid advancement of science and technology, alongside the continuous evolution of artificial intelligence (AI), is facilitating the transition of autonomous vehicles from the conceptual stage to reality. The process of their commercial deployment is steadily accelerating, moving toward large-scale practical application. However, China’s current legal and regulatory framework is primarily based on traditional vehicle operation methods. It is ill-suited to the "human-machine synergy" model (human-machine interaction) and the algorithmic decision-making logic inherent in autonomous vehicles. This mismatch gives rise to numerous legal dilemmas during the research, testing, and commercial operation of autonomous vehicles; the most critical issues include uncertainty regarding the allocation of liability and conflicts in law enforcement.

This article analyzes the legal challenges associated with determining liability in traffic accidents involving autonomous vehicles, highlighting the inapplicability of the traditional "human-centric" system to "human-machine" control environments. The study focuses on legal gaps concerning product liability and the difficulties of establishing fault due to algorithmic "black boxes."

Keywords: Autonomous vehicles; laws and regulations; determination of liability; artificial intelligence

I. Введение

(1) Актуальность исследования

На фоне стремительного развития технологий искусственного интеллекта автомобильная промышленность также движется в ногу со временем. Интеллектуальные подключенные транспортные средства (ICV), являясь основным вектором современного автомобилестроения, постепенно переходят со специализированных испытательных полигонов на дороги общего пользования. Однако эволюция данной технологии одновременно бросает беспрецедентный вызов действующей правовой системе КНР, в особенности — нормативно-правовой базе определения ответственности при дорожно-транспортных происшествиях, ядром которой выступают Гражданский кодекс КНР (далее — ГК КНР) и Закон КНР «О безопасности дорожного движения» (далее — Закон о БДД).

В настоящее время традиционные правовые нормы строятся на поведенческой модели, где в качестве водителя транспортного средства выступает «физическое лицо». В случае же ДТП, вызванных в условиях «человеко-машинного» (совместного) или полностью «автоматического» (машинного) управления, классические институты деликта — субъекты ответственности, принципы привлечения к ответственности (критерии вменения) и элементы состава правонарушения — сталкиваются со значительными трудностями правоприменения и широтой регуляторного вакуума.

(II) Анализ основных положений Гражданского кодекса и Закона о безопасности дорожного движения.

Правовой фундамент определения ответственности при ДТП в КНР сформирован разделом VII «Деликтная ответственность» Гражданского кодекса КНР и нормами Закона о БДД. Данные акты изначально разработаны для регулирования традиционных транспортных средств, находящихся под полным контролем «физического лица», и направлены на обеспечение безопасности путем регламентирования поведения водителя.

1. Глава 5 части VII Гражданского кодекса: Ответственность за дорожно-транспортные происшествия

Статья 1 (статья 1208) этой части гласит: «В случае причинения ущерба транспортным средством в результате дорожно-транспортного происшествия ответственность за компенсацию несет в соответствии с соответствующими положениями Закона о безопасности дорожного движения и настоящего Закона». Сама эта статья является ориентировочной нормой, указывающей на определение ответственности за дорожно-транспортные происшествия в соответствии со специальными законами, такими как Закон о безопасности дорожного движения, и соответствующими положениями самого Гражданского кодекса. Взяв в качестве примера статью 1213 Гражданского кодекса, в традиционном применении права страховая компания, предоставляющая обязательное страхование гражданской

ответственности за дорожно-транспортные происшествия, обеспечивает компенсацию в пределах установленного лимита ответственности. Недостаточная часть затем компенсируется страховой компанией, предоставляющей коммерческое страхование гражданской ответственности перед третьими лицами в соответствии с договором. Если остается недостающая сумма, ответственность за компенсацию несет виновник ДТП (обычно водитель транспортного средства). Это положение отражает приоритетную защиту прав и интересов пострадавших и распределяет личный риск водителя посредством страхового механизма. Однако в контексте автономного вождения определение «виновника» становится проблематичным в дорожно-транспортных происшествиях, происходящих в условиях автономного вождения. Ответственность распространяется не только на «физическое лицо» — водителя, но и на производителя транспортного средства, разработчика системы и платформу управления транспортным средством (например, Luobo Express). Поэтому термин «нарушитель» в данной главе необходимо переосмыслить и переопределить в контексте автономного вождения, чтобы адаптироваться к реальности разнообразия субъектов ответственности.

2. Статья 76 Закона о безопасности дорожного движения: Определение субъекта ответственности за дорожно-транспортные происшествия

Статья 76 Закона о безопасности дорожного движения конкретно определяет ответственность за дорожно-транспортные происшествия, устанавливая принцип распределения ответственности, основанный прежде всего на вине, дополненный ответственностью без установления вины. По сравнению с традиционными методами урегулирования дорожно-транспортных происшествий, где виновная сторона несет ответственность за компенсацию, или обе стороны несут ответственность в соответствии со степенью своей вины, в автономном вождении задача управления в основном выполняется системой, а роль водителя трансформируется в роль наблюдателя и получателя. В этой ситуации, если происходит авария, возникает вопрос: связана ли ответственность с неспособностью водителя своевременно взять управление на себя, с недостатками конструкции или алгоритмическими ошибками самой системы, или с обоими факторами? Традиционные стандарты оценки «вины» трудно напрямую применять к нечеловеческой, основанной на алгоритмах системе принятия решений. Поэтому статья 76 Закона о безопасности дорожного движения сталкивается с проблемой определения основного элемента — «вины» — в сценариях автономного вождения, что срочно требует адаптивных корректировок.

(III) Проблемы, с которыми сталкивается традиционная правовая система

1. Ограничения ответственности по принципу «человек-машина»

Действующий институт ответственности за дорожно-транспортные происшествия в своей основе выстроен вокруг «физического лица» как водителя. И Гражданский кодекс, и Закон о БДД регулируют преимущественно поведение водителя-человека, а обязанность по возмещению вреда возлагается главным образом на лицо, которое осуществляет фактический контроль над движением транспортного средства и извлекает из него эксплуатационную выгоду.

Внедрение технологий автономного вождения в корне подрывает эту когнитивную основу, базирующуюся на дихотомии «человек — машина». В режиме «условного автоматического вождения» уровня L3 права управления динамически переходят от человека к системе и обратно: система способна автономно выполнять задачи по вождению в определенных условиях, запрашивая перехват управления человеком лишь в случае необходимости. Когда ДТП происходит в условиях такого

«совместного человеко-машинного управления», привлечение к ответственности исключительно человека может оказаться несправедливым. Например, авария может быть вызвана дефектом алгоритма системы или отказом датчиков, а не ошибкой оператора. Данная двухкомпонентная система ответственности «человек — машина» порождает очевидный правовой вакуум в сценариях с беспилотным транспортом и оказывается неспособной эффективно реагировать на вызовы, вызванные технологической трансформацией.

2. Применение института ответственности за качество продукции к беспилотным автомобилям

Столкнувшись с ограничениями традиционной системы ответственности, некоторые ученые предложили использовать положения об ответственности за качество продукции, содержащиеся в «Законе о качестве продукции Китайской Народной Республики», для привлечения производителей к ответственности. Суть ответственности за качество продукции заключается в том, что если дефект продукции причиняет вред другим лицам, производитель несет деликтную ответственность, которая является формой ответственности без установления вины. Однако прямое применение ответственности за качество продукции к автономным транспортным средствам также сопряжено со многими трудностями. Во-первых, «дефекты» автономных систем вождения трудно определить. Дефекты в традиционных продуктах обычно относятся к недостаткам конструкции, производства или предупреждений, в то время как дефекты в автономных системах вождения могут быть вызваны логическими лазейками в алгоритмах, предвзятостью в обучающих данных, ограничениями в восприятии датчиков или даже внешними факторами, такими как кибератаки. Выявление этих «мягких дефектов» гораздо сложнее, чем выявление «жестких дефектов». Во-вторых, доказать причинно-следственную связь сложно. Процесс принятия решений в системе автономного вождения представляет собой сложный «черный ящик», включающий необъяснимые алгоритмы, такие как глубокое обучение. Пострадавшим трудно доказать, что авария была непосредственно вызвана конкретным «дефектом» в системе. Наконец, возложение всей ответственности на производителей может препятствовать технологическим инновациям. Разработка технологии автономного вождения требует огромных инвестиций и проб и ошибок. Если от производителей потребуется нести безусловную ответственность за все сбои системы, это, несомненно, значительно увеличит их операционные риски и затраты, что может затормозить развитие всей отрасли.

3. Вызовы алгоритмического «черного ящика» при установлении вины

Ядром беспилотного автомобиля является его алгоритмическая система, однако свойственный алгоритмам эффект «черного ящика» бросает беспрецедентный вызов процессу определения деликтной ответственности. Вне зависимости от того, применяется ли классический принцип ответственности за вину или институт ответственности за качество продукции, правоприменителю в любом случае необходимо установить наличие «вины» в действиях субъекта или «дефекта» в самом продукте.

Вместе с тем процессы принятия решений автономными системами вождения, функционирующими на базе таких технологий искусственного интеллекта, как глубокое обучение, зачастую лишены прозрачности и объяснимости. В случае дорожно-транспортного происшествия, даже при наличии полного доступа к телеметрии и бортовым данным автомобиля, оказывается крайне сложно четко

восстановить конкретную логику и причинно-следственные основания, которыми руководствовался алгоритм при принятии того или иного решения.

II. Различия в определении субъектов ответственности при разных уровнях автоматизированного вождения

(I) Обзор уровней автоматизированного вождения

Технологическая классификация автономных транспортных средств формирует фундаментальную основу для определения границ ответственности и выявления рисков причинения вреда. Согласно «Классификации автоматизации вождения автомобилей» (GB/T40429-2021) нашей страны, уровни автоматизации вождения делятся на L0-L5, от «отсутствия автоматизации» до «полностью автоматизированного». Каждый уровень соответствует существенным различиям в режимах взаимодействия человека и машины, функциональном объеме системы и ответственной стороне. В частности, L0-L2 относятся к «этапу помощи водителю», где система предоставляет только отдельные или комбинированные функции помощи (например, круиз-контроль L1 и система удержания полосы движения L2 + адаптивный круиз-контроль). Водителем остается человек, который должен полностью контролировать управление транспортным средством. L3-L5, с другой стороны, относятся к «этапу автономного вождения», где система заменяет человека в выполнении динамических задач вождения в определенных условиях или во всех сценариях, становясь основным предметом регулирования.

（二）Определение ответственности сторон в условиях вспомогательного вождения уровня L2

1. Водитель

Автоматизированное вождение уровня L2 является наиболее распространенным уровнем на современном автомобильном рынке и обычно называется «вспомогательным вождением» (辅助驾驶). На этом уровне система способна одновременно управлять как поперечным (например, рулением), так и продольным (например, ускорением и замедлением) движением автомобиля. Однако водитель обязан непрерывно контролировать дорожную обстановку и быть готовым в любой момент взять управление на себя.

На данном этапе, несмотря на наличие у автомобиля определенных возможностей автономного контроля, «водитель» в юридическом смысле остается главным ответственным лицом за управление и безопасность транспортного средства. В настоящее время закон и судебная практика единогласно признают системы уровня L2 лишь вспомогательным инструментом, который не может заменить обязанности водителя по управлению автомобилем.

В деле № (2024) 苏02民终6213号 (Гун Моуган против автомобильной компании на новых источниках энергии в г. Уси о дефекте продукции) суд первой инстанции постановил, что «интеллектуальная навигационная система является лишь функцией содействия водителю и не может заменить его обязанность по соблюдению мер безопасности при управлении транспортным средством». Суд второй инстанции также указал, что «функция вспомогательного вождения может помогать водителю, но не может заменять его». На основании этого вся ответственность была возложена на водителя.

Эти прецеденты четко демонстрируют, что на этапе L2 водитель рассматривается как конечный субъект контроля над автомобилем, и его ответственность не уменьшается из-за наличия вспомогательных систем. Данная модель определения ответственности, основанная на принципе «водителецентризма» (

驾驶员中心主义), направлена на предотвращение чрезмерной зависимости водителя от вспомогательных функций и ложного понимания их работы, гарантируя, что он всегда будет сохранять бдительность по отношению к дорожной обстановке и контроль над транспортным средством.

2. Производители и продавцы автомобилей

Несмотря на то, что в случае ДТП при использовании систем уровня L2 субъектом ответственности признается водитель, это не означает, что производители и продавцы автомобилей полностью освобождаются от ответственности. Обе стороны обязаны четко и точно информировать потребителей о границах возможностей продукта, ограничениях по его использованию и потенциальных рисках. Это включает в себя размещение четких предупреждений об ограничениях системы вспомогательного вождения в руководстве пользователя, а также отказ от использования преувеличенных формулировок в процессе продаж и рекламы, которые могут ввести потребителей в заблуждение.

В деле по спору о товарной ответственности Шэнь Моуминь против компании по продажам и обслуживанию автомобилей «Хаймоу» в г. Тайчжоу провинции Цзянсу была четко определена обязанность по предупреждению и информированию о рисках функций вспомогательного вождения. Производители и продавцы автомобилей должны предоставлять исчерпывающие предупреждения, извещая потребителей о наличии непредсказуемых опасностей в «умных» автомобилях. Это необходимо для того, чтобы обычный потребитель мог понять правильный способ эксплуатации интеллектуального транспортного средства, управлял им с осторожностью и тем самым снижал вероятность возникновения рисков.

В противном случае, если автопроизводитель допускает преувеличения в рекламе (например, позиционирует уровень L2 как «автономное вождение» на презентациях), не информирует в достаточной степени об ограничениях системы или если система имеет нераскрытые скрытые дефекты, компания может быть привлечена к соответствующей дополнительной (субсидиарной) или солидарной ответственности по возмещению ущерба.

(三) Определение ответственности сторон в условиях автономного вождения уровня L3

1. Дилемма распределения ответственности в режиме «совместного управления человеком и машиной»

Сложность определения ответственности в дорожно-транспортных происшествиях 3-го уровня (L3) заключается в установлении состояния транспортного средства на момент аварии. Крайне важно определить, полностью ли система контролировала ситуацию, находился ли водитель в процессе перехвата управления или уже перехватил управление. В этих трех случаях ответственная сторона различается. Если авария произошла во время активации системы без запроса на перехват управления, водитель, «занятый другими делами», очевидно, не должен нести ответственность. Однако, если авария произошла после того, как система отправила запрос на перехват управления, и водитель не отреагировал своевременно и корректно, то водитель может нести ответственность. Эта динамическая граница ответственности делает расследования аварий исключительно сложными, требуя использования высокоточных данных о транспортном средстве (таких как «черные ящики») для восстановления процесса взаимодействия человека и машины до аварии. Определение стандарта «своевременного перехвата управления», оценка способности водителя реагировать в чрезвычайных ситуациях и разрешение неясностей, таких как внезапные

переключения системы (с уровня L3 на L2), — все это сложные вопросы, которые необходимо учитывать при определении ответственности по уровню L3.

2. Определение ответственности в процессе «перехвата управления»

Хотя система уровня L3 освобождает «руки» водителя, сам водитель не освобождается от ответственности полностью. Главная обязанность водителя трансформируется в требование «быть готовым в любой момент перехватить управление» автомобилем. Когда система выдает запрос на перехват управления из-за выхода за пределы расчетной области эксплуатации, возникновения нештатной сложной ситуации или собственного сбоя, водитель обязан незамедлительно среагировать и взять контроль над транспортным средством на себя.

Если водитель из-за невнимательности, усталости или умышленного игнорирования запроса системы не смог своевременно перехватить управление, что привело к ДТП, то он должен нести соответствующую ответственность. В зависимости от конкретных обстоятельств происшествия и степени вины каждой из сторон, эта ответственность может быть как основной, так и разделенной совместно с автопроизводителем.

И наоборот, если система внезапно отключилась, не предоставив водителю достаточного времени для реагирования, то степень ответственности автопроизводителя будет выше. Таким образом, граница ответственности водителя в режиме уровня L3 зависит от того, выполнил ли он свои обязанности по разумному мониторингу и перехвату управления. Данный вопрос требует детального анализа в каждом конкретном случае с опорой на технические доказательства.

3. Ущерб, вызванный дефектами транспортного средства, и механизм регрессного требования

Статья 53 «Положения об управлении интеллектуальными подключенными транспортными средствами в Свободной экономической зоне Шэньчжэнь», вступившего в силу 1 августа 2022 года, гласит: «В случае если дорожно-транспортное происшествие с участием интеллектуального подключенного транспортного средства, управляемого водителем, повлекло за собой причинение вреда, и ответственность за это лежит на стороне данного транспортного средства, обязанность по возмещению ущерба возлагается на водителя».

Статья 54 того же Положения устанавливает: «Если в дорожно-транспортном происшествии с участием интеллектуального подключенного транспортного средства вред был причинен вследствие дефекта самого транспортного средства, водитель, собственник или управляющий транспортным средством после выплаты компенсации в соответствии со статьей 53 настоящего Положения имеет право в установленном законом порядке заявить требование о возмещении ущерба к производителю или продавцу».

Данные положения четко определяют, что в момент ДТП первичную (главную) ответственность по возмещению ущерба перед потерпевшим несет водитель (либо собственник, либо управляющий), что гарантирует потерпевшему своевременное получение правовой защиты и компенсации. Далее, в случае если авария была вызвана дефектом транспортного средства (что относится к категории ответственности за качество продукции), закон наделяет водителя, уже понесшего ответственность, правом обратного требования (регресса) к производителю или продавцу автомобиля.

Установление такой «первоочередной» или «первичной» ответственности призвано лучше защитить водителей и потерпевших, находящихся в заведомо более уязвимом положении. В то же время оно формирует четкие правовые ожидания для

автомобильных компаний, эффективно балансируя интересы трех сторон: потерпевших, водителей и автопроизводителей.

3. Рекомендации по правовому реагированию и совершенствованию институциональной системы

В настоящее время Исследовательский центр безопасности дорожного движения Министерства общественной безопасности выступает в качестве ведущего разработчика «Норм расследования и ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий с участием интеллектуальных подключенных транспортных средств». Тем не менее, на уровне базового законодательства требуется внесение изменений и дополнений в «Закон о безопасности дорожного движения» и «Гражданский кодекс». Это необходимо для формирования такой правовой базы, которая сможет одновременно стимулировать технологические инновации и обеспечивать общественную безопасность, создавая прочный правовой фундамент для здорового развития индустрии автономного вождения.

(1) Рекомендации в отношении «Закона Китайской Народной Республики о безопасности дорожного движения»

1. Четкое разграничение ответственности для беспилотных автомобилей

Рекомендуется дополнить «Закон о безопасности дорожного движения» специальной главой «Управление беспилотными транспортными средствами», которая бы системно регулировала вопросы допуска, регистрации, движения по дорогам общего пользования, управления данными, ликвидации последствий ДТП и юридической ответственности таких автомобилей.

В части распределения ответственности следует установить дифференцированные правила в зависимости от уровня автономности вождения. Например, четко прописать, что при активированной системе уровня L3 основную ответственность должен нести производитель автомобиля либо оператор системы. В случае же полностью беспилотного вождения уровня L4/L5 ответственность владельца (хранителя) возлагается на собственника или управляющего транспортным средством, который сохраняет за собой право регрессного требования к производителю в рамках ответственности за качество продукции.

В то же время необходимо нормативно закрепить обязанности по установке устройств регистрации данных («черных ящиков»), хранению и предоставлению этих данных, что обеспечит техническую базу для определения ответственности при дорожно-транспортных происшествиях.

2. Введение концепции «робота-водителя»

Для координального решения проблемы неопределенности субъекта ответственности некоторые депутаты Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и ученые предлагают при внесении изменений в законодательство ввести определение «робота-водитель» (или «машинный водитель» / «machine driver»). Юридическое фикционирование (признание) системы автономного вождения в качестве «водителя» при определенных условиях позволит ей независимо выполнять задачи по управлению транспортным средством и нести соответствующую юридическую ответственность.

Введение данной концепции обеспечит прямую правовую основу для определения ответственности при автономном вождении уровня L3 и выше, что станет важнейшей инновацией в области адаптации права к технологическим изменениям. Наделение «робота-водителя» правовым статусом позволит четко разграничить его

права, обязанности и ответственность в различных сценариях, сформировав тем самым более прозрачную и справедливую структуру распределения ответственности.

(2) Рекомендации в отношении «Гражданского кодекса Китайской Народной Республики»

Рекомендуется закрепить в «Гражданском кодексе» или в «Законе о качестве продукции» специальные правила ответственности за качество продукции, учитывающие специфику беспилотных автомобилей.

Например, можно установить, что в случае ДТП, произошедшего в режиме автономного вождения, презумируется наличие дефекта в транспортном средстве, в связи с чем на производителя возлагается обязанность доказать отсутствие дефектов в его продукте. В то же время необходимо четко прописать, что нематериальные продукты, такие как алгоритмы и программное обеспечение систем автономного вождения, также являются объектами ответственности за качество продукции.

Для того чтобы сбалансировать возможности сторон по представлению доказательств в судебном процессе, в законодательстве следует прямо закрепить принцип перевернутого бремени доказывания (举证责任倒置原则) при разрешении споров об ответственности за качество беспилотной продукции. Это означает, что именно производители и продавцы продукции должны нести бремя доказывания того, что произведенный или проданный ими товар не имеет дефектов, а также того, что между дефектом и причиненным вредом отсутствует причинно-следственная связь. Введение этой нормы значительно снизит процессуальное бремя для потерпевших и эффективно защитит их законные права и интересы.

(3) Рекомендации по совершенствованию системы страхования

Опираясь на передовой зарубежный опыт и учитывая национальную специфику Китая, в настоящей работе предлагается концепция механизма «двухуровневой ответственности + гарантийного фонда». Данный подход позволит создать многоуровневую, всеобъемлющую и высокоэффективную систему распределения рисков. Она не только гарантирует потерпевшим в ДТП своевременное и полное возмещение ущерба, но и позволит разумно распределить и нивелировать новые виды рисков, возникающие с развитием технологий автономного вождения. Таким образом будет достигнут тонкий баланс между общественным благом от технологических инноваций и потенциальными угрозами, что обеспечит надежное правовое сопровождение здорового развития индустрии.

Эта концепция частично опирается на теорию «двухуровневой структуры страхования», предложенную профессором Фу Синхуа, и развивает её вглубь и вширь.

1. Первый уровень: согласованность обязательного и коммерческого страхования

Это базовое обязательное страховое обеспечение, распространяющееся на все беспилотные автомобили, допущенные к дорожному движению. Его ключевая цель заключается в том, чтобы гарантировать потерпевшим в ДТП быстрое и беспрепятственное получение выплат в любых обстоятельствах, исключая ситуации, когда пострадавшие оказываются в затруднительном положении из-за неопределенности при разграничении ответственности.

2. Второй уровень: создание гарантийного фонда на государственном уровне

Поверх обязательного страхования первого уровня создается управляемый государством и формируемый совместно с представителями индустрии «Государственный фонд обеспечения безопасного развития». Основная функция данного фонда заключается в том, чтобы выступать в качестве конечного гаранта

покрытия рисков и стабилизатора промышленных инноваций. Он предназначен для ликвидации последствий крупных и особо крупных ДТП, выходящих за рамки стандартных страховых выплат, а также для распределения системных рисков, вызванных технологической неопределенностью.

Капитал фонда формируется преимущественно за счет отчислений всех автопроизводителей и поставщиков систем, продающих на территории Китая беспилотные автомобили уровня L3 и выше. Взносы могут рассчитываться как определенный процент от их годового объема продаж или от объема эксплуатируемого автопарка.

Механизм выплат из гарантийного фонда активируется в случаях, когда:

- Ущерб от ДТП с участием беспилотного автомобиля превышает лимиты выплат по обязательному страхованию первого уровня.
- Причина аварии связана с системными технологическими дефектами, общими для всей отрасли (например, конструктивный дефект определенной партии чипов, повлекший за собой массовые отзывы или аварии), из-за чего страхование первого уровня не способно полностью покрыть убытки.

Создание Государственного фонда обеспечения безопасного развития позволит сформировать мощную подушку финансовой безопасности на общегосударственном уровне. Это поможет не только эффективно реагировать на форс-мажорные события типа «черного лебедя» в сфере беспилотных технологий, но и через рыночные механизмы стимулирования направлять развитие индустрии в сторону большей безопасности и надежности, обеспечивая синергию технологических инноваций и общественной безопасности.

IV. Заключение

Сотрудничество и взаимодействие человека и машины представляют собой обозримое будущее развития и применения беспилотных автомобилей. Стремительный прорыв в технологиях интеллектуального сетевого транспорта (ICV) коренным образом меняет правовую логику традиционного определения ответственности за дорожно-транспортные происшествия. Действующие рамки Гражданского кодекса и Закона о безопасности дорожного движения, ориентированные на водителя — «физическое лицо», уже демонстрируют свою несостоятельность при столкновении с технологиями автоматического вождения уровня L3 и выше. Эволюционный трек субъектов ответственности — от динамического переключения ответственности в режиме «совместного управления человеком и машиной» на уровне L3 до юридической фикции «робота-водителя» в эпоху беспилотного вождения уровней L4/L5 — демонстрирует переход от единичности к множественности и от ясности к сложности, что предъявляет повышенные требования к адаптивности правовой системы.

Для преодоления правовых вызовов, вызванных технологической трансформацией, необходимо перестроить правовую систему деликтной ответственности для автоматизированных транспортных средств в трех измерениях:

1. **Установление дифференцированных правил ответственности**, соответствующих уровням автоматизации. Требуется четко определить механизм передачи ответственности при активированном состоянии системы, чтобы разрешить проблему распределения ответственности в условиях совместного управления человеком и машиной.

2. **Реформирование стандартов определения ответственности за качество продукции**. Необходимо внедрить двойной стандарт «разумных ожиданий

потребителя» и «риска-полезности», а также ввести перенос бремени доказывания (презумпцию вины производителя), чтобы решить проблему сбора доказательств пострадавшей стороной в условиях «черного ящика» алгоритмов.

3. **Построение двухуровневой системы распределения рисков** «обязательное страхование + государственный фонд обеспечения безопасного развития». Это позволит не только гарантировать своевременное и полное возмещение ущерба пострадавшим, но и разумно распределить системные инновационные риски, связанные с технологиями автоматического вождения.

XXI век — это эпоха искусственного интеллекта, и четвертая промышленная революция уже наступает. Только путем синергетической эволюции права и технологий, а также поиска динамичного баланса между развитием индустрии и защитой прав, можно выстроить новую парадигму регулирования дорожно-транспортных происшествий, отвечающую потребностям интеллектуальной эпохи, и заложить прочный фундамент верховенства закона для здорового и устойчивого развития индустрии интеллектуального сетевого транспорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цуй Шэнминь. Новые технологии для интеллектуальных подключенных транспортных средств [M]. Пекин: Издательство химической промышленности, 2021: 3-4.

2. Чжэн Чжэньяо. Исследование правовых рисков и регулирования ответственности за причинение вреда для автономных транспортных средств уровня L3 [C]//Сборник «Умное верховенство права», том 3, 2023 г. — Сборник исследовательских работ по правовым гарантиям содействия цифровому образованию. Шанхайский университет политических наук и права, 2024: 177-185. DOI: 10.26914/c.cnkihy.2024.000849.

3. Чжан Чжицзянь. О статусе электронного юридического лица в контексте искусственного интеллекта [J]. Современная юриспруденция, 2019, 41 (05): 75-88.

4. Ван Вэйе. Исследование правовых вопросов, касающихся ответственности за причинение вреда в дорожно-транспортных происшествиях с участием беспилотных автомобилей [J]. Разрешение споров, 2025, 11 (5): 103-114. [5]

5. Чжао Шэньхао. Исследование ответственности за причинение вреда в результате дорожно-транспортных происшествий с участием беспилотных автомобилей [J]. Социальные науки провинции Цзянси, 2018, 38 (07): 207-218.

6. Шэнь Моумин против компании Jiangsu Taizhou Hai Mou Automobile Sales Service Co., Ltd. Дело о споре о ответственности за качество продукции [(2022) Су 1203 Мин Чу № 2530] [EB/OL]. База данных дел Народного суда, 15.07.2025 [26.11.2025]. Номер записи в базе данных: 2025-07-2-373-007.

7. Пи Юн. О уголовной ответственности производителей автономных транспортных средств [J]. Сравнительно-правовые исследования, 2022 (01): 55-70.

8. Чжэн Чжифэн. Законодательная и интерпретационная теория ответственности автономных транспортных средств за дорожно-транспортные происшествия — с точки зрения соответствующих положений Гражданского кодекса [J]. Право Востока, 2021, (03): 156-170. DOI: 10.19404/j.cnki.dffx.20210430.010.

9. Чжу Хуаронг. Совершенствование построения нормативных актов и стандартов для автономного вождения [EB/OL]. (2025-03-11) [2025-11-26]. https://www.cqrd.gov.cn/site/article/13489638303543 58272.html.

10. Ю Хайсинь, Пэн Южэнь, Цао Чэньян. Ответы на гражданско-правовую ответственность за автономные транспортные средства [J]. Современная деловая и торговая индустрия, 2024, 45 (11): 196-198. DOI:10.19311/j.cnki.1672-3198.2024.11.067.
11. Фу Синьхуа. Аварии с участием автономных транспортных средств: определение ответственности, применение права и построение «двухуровневой системы страхования» [J]. Журнал Восточно-Китайского университета политических наук и права, 2018 (04): 66-77.

Цянь Фэн

ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

行政案件快速办理程序的实践检视与制度完善

黑龙江公安警官职业学院民警培训部 钱峰

摘要：快速办理程序是《公安机关办理行政案件程序规定》为应对基层“案多人少”矛盾而设立的重要制度，实施以来显著提升了执法效率。但在基层实践中，该程序面临适用范围把握失准、证据简化标准模糊、自愿性审查缺位三重困境。本文提出细化适用条件、确立最低证据清单、建立自愿性双重确认机制等完善路径，以期实现效率与公正的动态平衡。

关键词：行政案件；快速办理；程序简化；权利保障

一、引言

作为规范公安机关行政执法活动的基本部门规章，《公安机关办理行政案件程序规定》（以下简称《程序规定》）在中国公安法治体系中占据着核心地位。该规定由中华人民共和国公安部制定并颁布，是指导全国公安机关办理治安案件及各类行政违法案件的操作规程与法律依据。对于中国基层公安机关而言，它的重要性相当于日常执法办案的“操作说明书”和“基本法”。

近年来，随着中国社会治理精细化程度的提升，基层派出所年均接处警量持续攀升。根据中国统计年鉴近几年的数据显示，行政案件占办案总量70%以上，每名民警年均办理行政案件超过150起。“案多人少”的矛盾日益尖锐，导致部分案件久拖不决，既耗费了大量警力资源，也影响了执法公信力。为破解这一难题，2018年修订的《程序规定》增设了“快速办理”程序（第四十条至第四十六条）。这一制度设计的核心在于“繁简分流”：对于那些事实清楚、违法嫌疑人自愿认错认罚且无异议的行政案件，公安机关可以通过简化取证方式和审核审批手续，在极短时间内完成办理。

这一制度设计的初衷是“简程序不减权利，提效率不降标准”。然而，自2018年实

施八年来，快速办理程序在基层执法实践中逐渐暴露出不少“水土不服”的问题。有的办案单位将其等同于“简易程序的变通版”，导致适用范围不当扩张；有的案件为了追求“快”，过度简化取证，甚至缺失关键证据链条；还有的案件中，违法嫌疑人“认错认罚”的自愿性缺乏实质性审查，存在诱导性认罚风险。这些问题不仅削弱了快速办理制度的正当性，也引发了学界和实务界对“效率优先是否会侵蚀程序公正”的深层担忧。

本文正是基于上述背景，以基层派出所快速办理行政案件的典型样态为基础，集中剖析适用实务中的三大困境，并提出有针对性的优化路径，旨在向国际同行展示中国公安执法改革的实践样本，同时为完善我国公安行政案件快速办理程序提供参考。

二、快速办理程序的规范内涵与制度价值

（一）规范内涵

根据《程序规定》第四十条，快速办理须同时满足四个条件：不适用简易程序；事实清楚；违法嫌疑人自愿认错认罚，对违法事实和法律适用无异议；书面告知并取得同意。

快速办理的核心是“有限简化”——主要简化取证方式和内部审核审批流程，但不降低证明标准，不缩减当事人核心程序权利（如陈述申辩权、申请回避权、申请听证权等）。

具体简化体现在：可使用口头传唤替代书面传唤；询问笔录可适当简化；可采取录音录像替代部分书面笔录；审核审批环节可合并或缩减层级；办案期限从一般程序的30日压缩至48小时（可延至72小时）。简化的只是程序性环节，证明标准和当事人的核心权利（陈述申辩权、申请回避权等）不受任何减损。

（二）制度价值

快速办理实现了三个层面的价值：一是效率价值，将平均办案时长从15天缩短至2天；二是资源配置价值，减少警力占用约40%；三是程序分流价值，使办案人员能将更多精力投入疑难复杂案件。

三、基层适用中的三大实务困境

（一）适用范围边界把握失准

《程序规定》第四十一条列举了六类不适用快速办理的情形，包括盲聋哑人或未成年人、同案人或被害人有异议、卖淫嫖娼赌博毒品等敏感案件。但基层执法中，“事实清楚”和“没有异议”两个核心标准判断弹性过大。例如，被害人虽口头表示“不追究”，但对致伤过程描述与嫌疑人所述存在细节差异，个别办案人员仍启动快速办理。再如，部分嫌疑人因法律素质低下，对自己行为的违法性并不真正理解，办案人员

为省时将其简单认定为“自愿认错认罚”，实质侵犯了当事人的知悉权。

（二）证据简化标准缺乏指引

《程序规定》对快速办理中证据应简化到何种程度，没有给出具体操作指引。各地自行制定的细则差异巨大：有的要求除询问笔录简化外，必须收集全部其他证据；有的则允许仅凭嫌疑人陈述和一份视听资料结案。标准不统一导致跨辖区办案证据互认困难，基层民警“可简可繁、随意性大”。更严重的是，个别案件关键物证、书证未提取，嫌疑人一旦翻供，公安机关因证据链条断裂陷入被动。

（三）自愿性审查机制缺位

刑事案件中嫌疑人认罪认罚有值班律师在场、书面具结、法庭当庭审查等多重保障。而行政案件快速办理中，嫌疑人往往只在办案民警单独询问场景下表示“认罚”，既无第三方见证，也无全程同步录音录像的刚性要求。实践中，个别民警采取“你不认就不能走”“不认就拖下去”等变相施压方式，嫌疑人迫于压力“自愿认罚”，背离制度初衷。

四、完善快速办理程序的路径建议

（一）细化适用条件的判断标准

建议在《程序规定》修订或执法细则中，对“事实清楚”“没有异议”作出更具体可操作的指引。采取“正向列举+负面清单”结合方式：正向列举适用快速办理的典型案由（如轻微殴打、小额盗窃、违规燃放烟花爆竹等），负面清单进一步明确不得适用的具体情形。同时建立“速裁前审查”机制，启动快速办理前由专职法制员对适用条件进行书面审查并签字确认，防止办案民警随意决定。

（二）确立最低证据收集清单

针对快速办理案件类型化程度高的特点，分类制定“最低证据收集清单”。例如：打架斗殴类至少收集嫌疑人询问笔录、被害人陈述、伤情照片或病历复印件、现场视听资料（如有）；盗窃类至少收集嫌疑人笔录、赃物或价值证明、被害人陈述。清单所列证据必须完整收集，清单外证据可裁量取舍。同时要求对快速办理全程进行连续录音录像，录像画质不低于720P，录像内容替代部分书面笔录的同时为自愿性审查提供客观依据。

（三）强化认错认罚的自愿性实质审查

建立快速办理案件“自愿性双重确认”机制。第一步：办案民警书面告知适用快速办理的法律后果（包括放弃部分程序权利、有权随时转为一般程序等），嫌疑人阅读后签字确认。第二步：法制员或值班所领导对嫌疑人单独询问，实质审查其认错真实性、法律后果认知程度以及是否受到不当压力，并制作简要审查笔录或同步录像。对

盲聋哑人、未成年人、老年人等特殊群体原则上不适用快速办理，确需适用的应通知法定代理人或合适成年人到场。

（四）建立动态退出与监督纠错机制

快速办理程序允许嫌疑人任何阶段申请转为一般程序，且不得因其申请退出作不利认定。公安机关发现不符合条件的应当立即退出，已收集证据审查合法后可继续使用。上级公安机关应定期对快速办理案件开展专项执法检查，重点审查适用范围合法性、证据链条完整性、自愿性保障到位性，并将检查结果纳入执法质量考核。对违规适用造成当事人权利损害的，依法追究执法过错责任。

五、结语

快速办理程序是公安机关在行政案件领域推行“繁简分流”改革的重要探索。当前基层执法中出现的适用边界不清、证据标准模糊、自愿性审查缺位等问题，实质上是效率优先与程序正义之间紧张关系的具体投射。解决之道不是放弃快速办理，而是通过制度细则的再精细化、监督机制的再强化，将快速办理真正打造成“简化程序不减权利、提高效率不降标准”的优质执法产品。

参考文献

[1] 公安部. 公安机关办理行政案件程序规定（2018年修订）[S].
[2] 张李斌.公安机关行政案件快速办理程序执行研究 —— 以J市为例[J].中国人民公安大学学报(社会科学版),2024,40 (04):112-118.
[3] 公安部法制局.公安机关办理行政案件程序规定释义与实务指南[M]. 中国人民公安大学出版社，2019.
[4] 王理.公安行政案件快速办理刍议 [J].北京警察学院学报，2020(06):88-92.
[5] 伏怡，秦大强.公安行政案件快速办理的边界、困境与制度完善 [J].上海公安学院学报，2022,32(04):37-43.
[6] 洪梓睿，张小兵.治安案件快速办理程序适用问题及其完善 [J]. 广西警察学院学报，2025,38(04):76-81.

Перевод
Цянь Фэн

ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация: Ускоренная процедура рассмотрения дел — это важный институт, учрежденный «Положениями о порядке ведения административных дел органами общественной безопасности» для разрешения противоречия между «большим количеством дел и нехваткой кадров» на низовом уровне. С момента внедрения данная процедура значительно повысила эффективность правоприменения. Однако в низовой практике она сталкивается с тройной проблемой: неточными границами сферы применения, размытыми стандартами упрощения доказательной базы и отсутствием

проверки добровольности согласия сторон. В данной статье предлагаются такие пути совершенствования, как детализация условий применения, определение минимального перечня доказательств и создание механизма двойного подтверждения добровольности, с целью достижения динамичного баланса между эффективностью и справедливостью.

Ключевые слова: административные дела; ускоренное производство; упрощение процедур; защита прав.

УДК 342.9

Qian Feng

PRACTICAL ANALYSIS AND INSTITUTIONAL IMPROVING THE PROCEDURE FOR EXPEDITED PROCEEDINGS IN ADMINISTRATIVE CASES

Abstract. The expedited case-handling procedure is a significant mechanism established by the "Regulations on the Procedure for Handling Administrative Cases by Public Security Agencies" to resolve the conflict between a "high volume of cases and a shortage of personnel" at the grassroots level. Since its implementation, this procedure has significantly enhanced law enforcement efficiency. However, in grassroots practice, it faces a threefold challenge: imprecise boundaries regarding its scope of application, vague standards for simplifying evidentiary requirements, and a lack of verification regarding the voluntary nature of the parties' consent. This article proposes improvements—such as detailing the conditions for application, defining a minimum list of required evidence, and establishing a mechanism for double-verification of voluntariness—aimed at achieving a dynamic balance between efficiency and fairness.

Keywords: administrative cases; expedited proceedings; procedural simplification; protection of rights.

I. Введение

Являясь основным ведомственным нормативным правовым актом, регламентирующим административно-правоприменительную деятельность органов общественной безопасности, «Положения о порядке ведения административных дел органами общественной безопасности» (далее — «Процедурные положения») занимают центральное место в системе правового регулирования деятельности полиции Китая. Данный документ, разработанный и изданный Министерством общественной безопасности КНР, служит процессуальным регламентом и правовой основой, руководствуясь которыми органы общественной безопасности по всей стране ведут дела о нарушении общественного порядка, а также иные категории административных правонарушений. Для низовых органов общественной безопасности Китая значимость этих Положений сопоставима с «инструкцией по эксплуатации» и «основным законом» в их повседневной правоприменительной практике.

В последние годы, по мере повышения детализации социального управления в Китае, среднегодовой объем обрабатываемых низовыми отделениями полиции (полицейскими участками) заявлений и сообщений о происшествиях продолжает расти. Согласно данным Китайского статистического ежегодника за последние годы, на долю административных дел приходится более 70% от общего объема ведения дел, а на каждого сотрудника полиции в среднем приходится свыше 150 административных дел в год. Противоречие между «большим количеством дел и нехваткой кадров» становится все более острым. Это приводит к затягиванию сроков рассмотрения части

дел, что не только расходует колоссальные кадровые ресурсы полиции, но и подрывает доверие к правоприменительной деятельности. Для решения этой сложной проблемы в редакцию «Процедурных положений» 2018 года была добавлена процедура «ускоренного производства» (статьи с 40 по 46). Суть данного правового института заключается в разделении дел на «сложные и простые»: в отношении тех административных дел, где факты очевидны, а подозреваемый в правонарушении добровольно признает свою вину, соглашается с наказанием и не имеет возражений, органы общественной безопасности могут завершить производство в кратчайшие сроки за счет упрощения способов сбора доказательств, а также процедур проверки и утверждения.

Изначальная цель данного правового института формулировалась как «упрощение процедур без ущемления прав, повышение эффективности без снижения стандартов». Однако за восемь лет, прошедших с момента внедрения в 2018 году, процедура ускоренного производства в правоприменительной практике на низовом уровне постепенно обнажила немало проблем, связанных с её адаптацией к реальным условиям. Некоторые следственные подразделения приравняли её к «модифицированной версии упрощенного производства», что привело к неправомерному расширению сферы её применения. В других случаях в погоне за «скоростью» чрезмерно упрощался сбор доказательств, вплоть до разрыва ключевых доказательственных цепочек. Кроме того, по ряду дел добровольность «признания вины и согласия с наказанием» со стороны подозреваемого в правонарушении не подвергалась содержательной проверке, что создавало риски вынужденного или мотивированного извне признания. Эти проблемы не только ослабляют легитимность института ускоренного производства, но и вызывают глубокую озабоченность в научных и практических кругах относительно того, не приведет ли «приоритет эффективности к размыванию процессуальной справедливости».

Именно на основе вышеуказанного контекста и опираясь на типичные модели ускоренного производства по административным делам в низовых отделениях полиции, в настоящей статье подробно анализируются три основные проблемы в правоприменительной практике и предлагаются целенаправленные пути их оптимизации. Цель данной работы — продемонстрировать международным коллегам практический пример реформирования правоприменительной деятельности органов общественной безопасности Китая и одновременно представить аналитическую базу для совершенствования отечественной процедуры ускоренного производства по административным делам.

II. Нормативное содержание и институциональная ценность процедуры ускоренного производства

(I) Нормативное содержание

В соответствии со статьей 40 «Процедурных положений», для применения процедуры ускоренного производства необходимо одновременное соблюдение четырех условий:

1. дело не подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства;
2. факты правонарушения очевидны;
3. подозреваемый в правонарушении добровольно признает свою вину, соглашается с наказанием и не имеет возражений против установленных фактов и подлежащих применению норм права;
4. лицо уведомлено в письменной форме и выразило свое согласие.

Суть ускоренного производства заключается в «ограниченном упрощении»: упрощаются главным образом способы сбора доказательств и процедуры внутриведомственного контроля и утверждения, однако при этом не снижаются стандарты доказывания и не ущемляются ключевые процессуальные права сторон

(такие как право на дачу объяснений и защиту, право заявлять отводы, право ходатайствовать о проведении слушаний и т. д.).

Конкретные упрощения выражаются в следующем:

- допускается использование устного привода (вызова) взамен письменного извещения;
- протокол допроса (опроса) может быть надлежащим образом сокращен;
- допускается использование аудио- и видеозаписи вместо некоторых видов письменных протоколов;
- этапы проверки и утверждения документов могут быть объединены, а количество инстанций сокращено;
- сроки ведения дела сжимаются с 30 дней, предусмотренных общим производством, до 48 часов (с возможностью продления до 72 часов).

Упрощению подлежат исключительно процессуальные этапы: стандарты доказывания и ключевые права сторон (право на дачу объяснений и защиту, право заявлять отводы и т. д.) не подлежат какому-либо ограничению или ущемлению.

(II) Институциональная ценность

Процедура ускоренного производства обеспечивает реализацию ценностей на трех уровнях: во-первых, ценность эффективности: средняя продолжительность производства по делу сокращается с 15 до 2 дней; во-вторых, ценность распределения ресурсов: затраты кадровых ресурсов полиции снижаются примерно на 40%; в-третьих, ценность процессуального разделения (дифференциации) дел: сотрудники следственных органов получают возможность направлять больше сил и внимания на расследование сложных и запутанных дел.

III. Три основные практические проблемы в правоприменении на низовом уровне

(I) Неточное определение границ сферы применения

Статья 41 «Процедурных положений» перечисляет шесть категорий случаев, в которых процедура ускоренного производства не подлежит применению. К ним относятся дела с участием лиц с инвалидностью по зрению, слуху или речи, несовершеннолетних, случаи наличия возражений со стороны соучастников или потерпевших, а также такие резонансные дела, как занятие проституцией, организация притонов, азартные игры и незаконный оборот наркотиков. Однако в правоприменительной практике на низовом уровне два ключевых критерия — «очевидность фактов» и «отсутствие возражений» – имеют излишне гибкие рамки оценки.

Например, бывают случаи, когда потерпевший устно заявляет об «отсутствии претензий», но его описание процесса причинения телесных повреждений в деталях расходится со словами подозреваемого, и тем не менее отдельные сотрудники следствия всё равно запускают процедуру ускоренного производства. Другой пример: некоторые подозреваемые в силу низкого уровня правовой грамотности не до конца понимают противоправный характер своих действий. Стремясь сэкономить время, сотрудники полиции формально квалифицируют это как «добровольное признание вины и согласие с наказанием», что по существу нарушает право стороны на информированность.

(II) Отсутствие методических указаний по стандартам упрощения доказательной базы

«Процедурные положения» не содержат конкретных практических указаний относительно того, до какой степени могут быть упрощены доказательства при ускоренном производстве. Нормативы, разрабатываемые в регионах самостоятельно, имеют колоссальные различия: в одних требуется собрать все остальные доказательства, помимо сокращенного протокола допроса, в то время как в других допускается закрытие дела исключительно на основании показаний подозреваемого и

одного аудио- или видеоматериала. Отсутствие единого стандарта затрудняет взаимное признание доказательств при ведении дел между различными юрисдикциями, из-за чего низовые сотрудники полиции действуют произвольно, по своему усмотрению усложняя или упрощая процесс. Что еще более серьезно, в отдельных делах не изымаются ключевые вещественные или письменные доказательства. В случае отказа подозреваемого от ранее давших показаний органы общественной безопасности оказываются в уязвимом положении из-за разрыва доказательственной цепочки.

(III) Отсутствие механизма проверки добровольности согласия

В уголовном процессе признание вины и согласие подозреваемого с наказанием защищены многоуровневыми гарантиями: присутствием дежурного адвоката, письменным оформлением соглашения и проверкой непосредственно в зале суда. Напротив, при ускоренном производстве по административным делам подозреваемый зачастую выражает свое согласие с наказанием в ходе единоличного допроса сотрудником полиции, ведущим дело. При этом отсутствуют как свидетели со стороны третьих лиц, так и жесткие нормативные требования к обязательному непрерывному аудио- и видеопротоколированию процесса. На практике отдельные сотрудники полиции прибегают к скрытому давлению в формате «не признаешь вину — не уйдешь» или «будешь отрицать — затянем дело». Под таким давлением подозреваемые вынужденно соглашаются с наказанием, что полностью противоречит изначальной цели данного правового института.

IV. Рекомендации по путям совершенствования процедуры ускоренного производства

(I) Детализация критериев оценки условий применения

Рекомендуется в рамках внесения изменений в «Процедурные положения» либо в ведомственных правилах правоприменения зафиксировать более конкретные и практико-ориентированные указания относительно понятий «очевидность фактов» и «отсутствие возражений». Целесообразно использовать комбинированный метод «позитивного перечня и негативного списка». Позитивный перечень должен содержать типичные составы правонарушений, подлежащие ускоренному производству (например, нанесение побоев легкой степени, мелкое хищение, нарушение правил запуска пиротехнических изделий и т. д.), а негативный список — детально определять конкретные ситуации, при которых данная процедура категорически не допускается. Одновременно необходимо внедрить механизм «предварительной правовой проверки». Перед запуском процедуры ускоренного производства штатный инспектор по правовой работе должен провести документальную проверку условий применения и подтвердить ее своей подписью, что позволит исключить произвольные решения со стороны ведущего дело сотрудника полиции.

(II) Определение минимального перечня собираемых доказательств

С учетом высокой степени типизации дел, подлежащих ускоренному производству, необходимо разработать дифференцированные «минимальные перечни собираемых доказательств». Например: по делам о драках и потасовках в обязательном порядке должны быть собраны протокол допроса подозреваемого, показания потерпевшего, фотографии телесных повреждений или копии медицинских карт, а также аудио- и видеоматериалы с места происшествия (при их наличии); по делам о кражах — протокол допроса подозреваемого, похищенное имущество или документы, подтверждающие его стоимость, и показания потерпевшего. Доказательства, включенные в данный перечень, подлежат сбору в полном объеме, тогда как в отношении доказательств, не вошедших в него, допускается дискреционное усмотрение. Одновременно с этим необходимо ввести требование о непрерывном аудио- и видеопротоколировании всего процесса ускоренного производства с качеством видеозаписи не ниже 720P. Данные видеоматериалы заменят собой часть

письменных протоколов и выступят объективной основой для последующей проверки добровольности согласия сторон.

(III) Усиление содержательной проверки добровольности признания вины и согласия с наказанием

Необходимо внедрить механизм «двойного подтверждения добровольности» по делам, рассматриваемым в порядке ускоренного производства.

- Первый шаг: ведущий дело сотрудник полиции в письменной форме уведомляет правонарушителя о юридических последствиях применения ускоренного производства (включая отказ от части процессуальных прав и право в любой момент перевести дело в порядок общего производства), после чего подозреваемый знакомится с документом и подтверждает его своей подписью.
- Второй шаг: инспектор по правовой работе либо дежурный руководитель отделения полиции проводят единоличный опрос подозреваемого для содержательной проверки искренности признания им вины, степени понимания правовых последствий, а также отсутствия ненадлежащего давления, с составлением краткого протокола проверки или одновременной видеозаписью.

В отношении уязвимых категорий граждан, таких как лица с инвалидностью по зрению, слуху или речи, несовершеннолетние и лица пожилого возраста, процедура ускоренного производства, как правило, не применяется. В случаях, когда её применение действительно необходимо, в обязательном порядке обеспечивается присутствие законных представителей или заменяющих их дееспособных лиц.

(IV) Создание механизмов динамического выхода из процедуры и надзорного исправления ошибок

Процедура ускоренного производства должна позволять подозреваемому на любом этапе заявить ходатайство о переходе к общему порядку производства, причем такой отказ от ускоренной процедуры не может трактоваться против него или служить основанием для ухудшения его положения. Если органы общественной безопасности выявляют несоответствие дела установленным условиям, они обязаны незамедлительно прекратить ускоренное производство; при этом уже собранные доказательства после проверки их законности могут быть использованы в дальнейшем.

Вышестоящие органы общественной безопасности должны регулярно проводить целевые проверки соблюдения законодательства по делам, рассмотренным в ускоренном порядке. Особое внимание при этом следует уделять законности сферы применения, целостности доказательственной цепочки и полноте обеспечения добровольности согласия, а результаты проверок — включать в систему оценки качества правоприменительной деятельности. В случаях, когда неправомерное применение данной процедуры повлекло за собой ущемление прав сторон, виновные лица привлекаются к ответственности за правоприменительные ошибки в соответствии с законом.

V. Заключение

Процедура ускоренного производства представляет собой важный опыт органов общественной безопасности по реформированию системы ведения административных дел на основе принципа «разделения сложных и простых производств». Проблемы, возникающие в настоящее время в низовой правоприменительной практике — такие как нечеткость границ применения, размытость стандартов доказывания и отсутствие проверки добровольности согласия, — по сути, являются конкретным отражением напряженности в отношениях между приоритетом эффективности и процессуальной справедливостью. Решение заключается не в отказе от ускоренного производства, а в дальнейшей детализации институциональных правил и ужесточении механизмов надзора. Это позволит превратить ускоренное производство в по-настоящему

качественный правоприменительный продукт, отвечающий принципу «упрощение процедур без ущемления прав, повышение эффективности без снижения стандартов».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Министерство общественной безопасности КНР. Положения о порядке ведения административных дел органами общественной безопасности (Редакция 2018 года) [S].

2. Чжан Либинь. Исследование практики применения органами общественной безопасности процедуры ускоренного производства по административным делам: на примере города J [J]. Вестник Китайского народного университета общественной безопасности: Серия «Общественные науки» (Zhongguo Renmin Gong'an Daxue Xuebao: Shehui Kexue Ban), 2024, 40 (04): 112-118.

3. Правовое бюро Министерства общественной безопасности КНР. Толкование и практическое руководство к Положениям о порядке ведения административных дел органами общественной безопасности [M]. Издательство Китайского народного университета общественной безопасности (Zhongguo Renmin Gong'an Daxue Chubanshe), 2019.

4. Ван Ли. К вопросу об ускоренном производстве по административным делам в органах общественной безопасности [J]. Вестник Пекинского полицейского института (Beijing Jingcha Xueyuan Xuebao), 2020 (06): 88-92.

5. Фу И, Цинь Дацян. Границы, проблемы и институциональное совершенствование процедуры ускоренного производства по административным делам в органах общественной безопасности [J]. Вестник Шанхайского полицейского института (Shanghai Gong'an Xueyuan Xuebao), 2022, 32 (04): 37-43.

6. Хун Цзыжуй, Чжан Сяобин. Проблемы применения процедуры ускоренного производства по делам о нарушении общественного порядка и пути ее совершенствования [J]. Вестник Гуансийского полицейского института (Guangxi Jingcha Xueyuan Xuebao), 2025, 38 (04): 76-81.

СЕКЦИЯ V.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 316.422

Р. Г. Ардашев, А. Н. Адилов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье проводится анализ социокультурных рисков социальной безопасности возникающих в современном обществе. На основе проведенного исследования выделяются ключевые факторы, способствующие развитию угроз социальной безопасности, особенности проявления рисков в современном мире, способы профилактики и общие рекомендации по стабилизации процессов социокультурной безопасности.

Ключевые слова: социокультурные риски, социальная безопасность, социальное развитие, социальная динамика

R. G. Ardashev, A. N. Adilov

SOCIOCULTURAL RISKS TO SOCIAL SECURITY

This article analyzes the sociocultural risks to social security emerging in modern society. Based on the research, the key factors contributing to the development of social security threats, the specific manifestations of risks in the modern world, prevention methods, and general recommendations for stabilizing sociocultural security processes are identified.

Keywords: sociocultural risks, social security, social development, social dynamics

Социальная безопасность строится на социокультурном основании общественного воспроизводства. Так как традиционные нормы и правила, лежащие в основе законов и норм морали, прежде всего, были призваны обезопасить жизнь людей, создать условия совместного комфортного проживания.

Важные социокультурные условия определяют условия и контекст социальных связей людей, их социальной солидарности и социальной идентичности в конкретный момент времени и их связь с другими поколениями (преемственность поколений). Если есть риски социокультурной социальной безопасности, то все составляющие ее элементы разрушаются в принципе. Общество долго не может быть стабильно при разрушающемся социокультурном единстве своих членов.

В современных условиях, социокультурные нормы безопасности стали более разнообразны и опираются на современный контекст социальных трансформаций, учитывают новые условия жизни, в виде глобализации, цифровизации, вестернизации и т.д. Это то, что меняет повседневный уклад жизни обывателей и формирует отдельное направление работы для правоохранительных органов.

В ряде наших работ [1,2,3] мы подчеркивали роль сотрудников правоохранительных органов в обеспечении социальной безопасности общества. Значимость социокультурного фактора была одна из ключевых в анализе причин возникновения угроз безопасности общества, а также в формировании деструктивного поведения среди граждан. Данная работа позволяет более глубоко рассмотреть существующие угрозы социокультурной безопасности общества.

Мы провели исследование россиян, оценки рисков возникновения проблем социальной безопасности в социокультурном контексте (n=1200), 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных регионах России и имеющих разный социально-экономический статус. Исследование проводилось онлайн через платформу опросов www.google.com. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Мы выяснили, что социокультурные проблемы социальной безопасности возникают не на пустом месте, они постепенно формируются через внутренние проблемы и недовольство: недовольство собой как личностью (30%), недовольство своим социальным положением (32%), пессимистичнее оценки своего настоящего и будущего (отсутствием жизненных перспектив) – 38%; внешние проблемы и невозможность их решить или как-то изменить: социальная несправедливость (27%), безнаказанность (33%), большое количество соблазнов (40%). См. рис. 1.

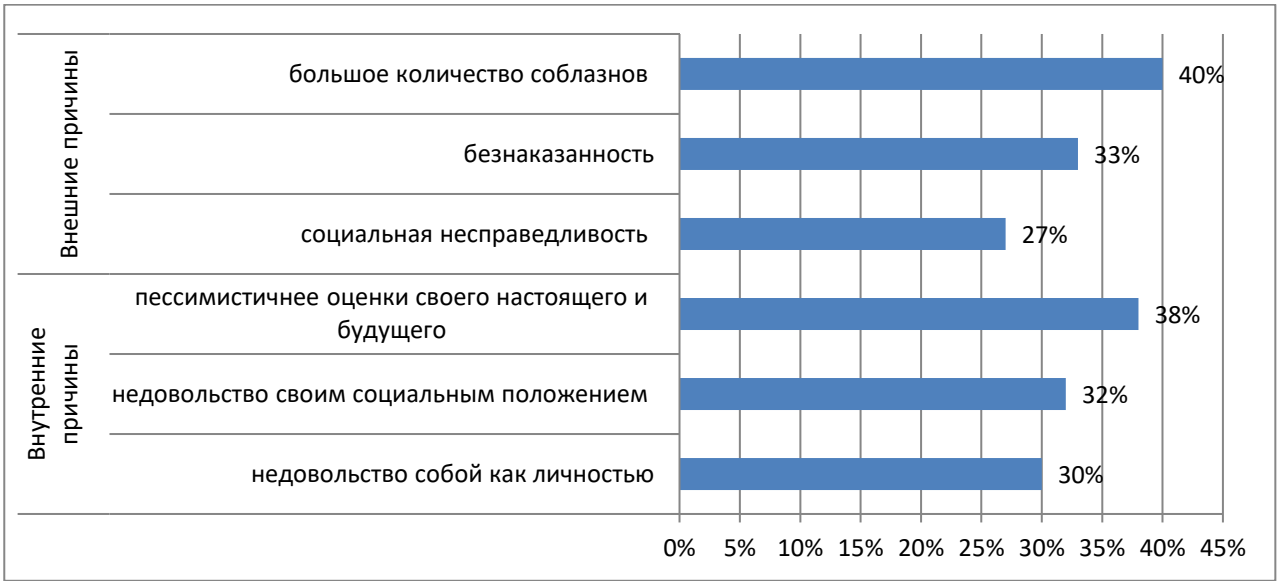

Рис. 1. Внутренние и внешние причины социокультурных рисков социальной безопасности

Если внутренние причины опираются на личностные характеристики – когда человек проявляет инфантильность (считая, что от него ничего не зависит) – 38%, или же неверие в то, что может что-то изменить (социальная беспомощность) – 32%, а также ожидает, что что-то поменять может кто-то другой (более умный, более знающий, более везучий и т.д.) – 40%. Это результат индивидуальных оценок, процесса социализации и жизненных реалий отдельных людей. Поэтому, поверить в себя и начать что-то изменять им достаточно трудно.

Внешние причины зависят от тех обстоятельств, свидетелем или участником которых стал сам респондент. Судя по ответам, эти ситуации в большинстве своем имели негативный характер и привели к тому, что у россиян отсутствует понимание своих возможностей и перспектив (22%), отсутствует желание что-либо менять (20%), так как нет веры в успех (18%), нет веры в себя (16%) и в других (14%) и в целом в общество (10%), большинство опрошенных готовы поставить на себе крест. Это заставляет задуматься о том, что жизненный опыт и жизненный сценарий большей части опрошенных строится по негативным лекалам, что может быть свойственны социальным группам и сообществам, в которые включены респонденты (их социальное окружение), которое и оценивает свои и чужие жизненные перспективы как негативные. Они являются свидетелями деструктивных практик (кражи, обманы,

мошенничество на уровне повседневного личного опыта или регулярно видят это в СМИ, новостной ленте или криминальной хронике), поэтому не могут найти для себя позитивных ориентиров и перспектив.

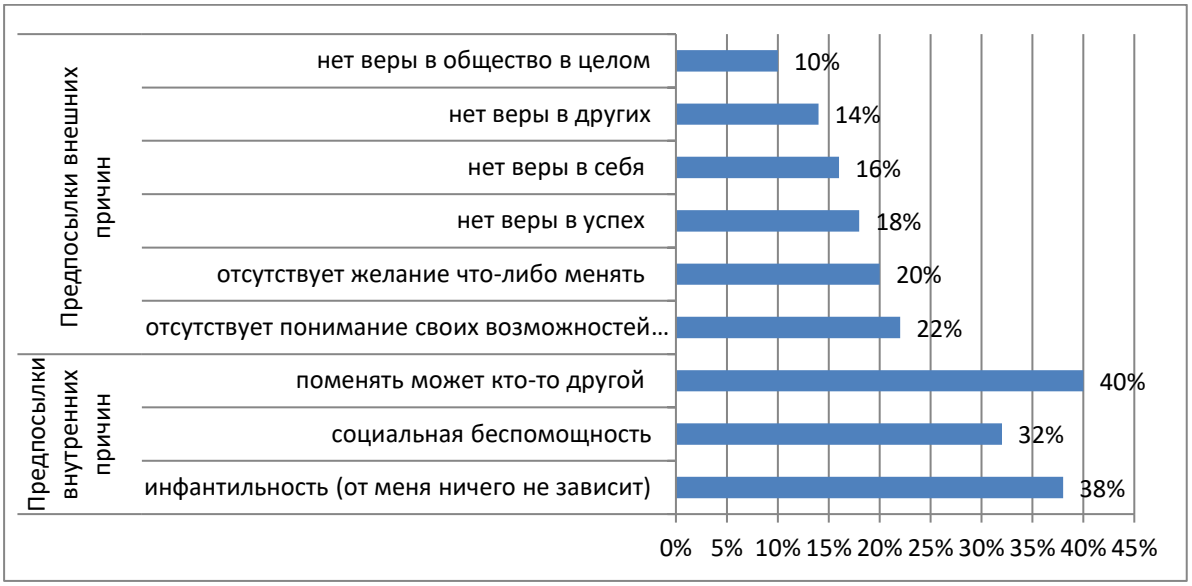

Рис. 2. Предпосылки внешних и внутренних причин развития социокультурных рисков социальной безопасности

Чтобы выделенные предпосылки появились, необходимо нарушение социального воспроизводства на большой территории на протяжении какого-то времени. Это не разовые проблемы, а системные нарушения, которые накапливаются приводят к социальным сбоям: создавая негативные убеждения у обывателей и делая многие профилактические мероприятия не эффективными. Социокультурные риски социальной безопасности строятся на нарушении целого комплекса основополагающих социокультурных констант. См. рис. 3.

Рис. 3. Нарушенные социокультурные константы, которые способствуют угрозам социальной безопасности

Респонденты указывали на обесценивание морально-этических норм общества (22%), когда слова «*честь», «Родина», «долг»* ничего не значат, то это не может не привести к краху моральных ориентиров и утрате чувства гордости за свою страну. В результате разрушается гражданская идентичность и социальная солидарность сообществ.

Опрошенные указывали на перекосы в ценностных трансформациях различных сообществ и групп (17%), когда одни смыслы заменяются на другие, когда традиционные нормы обесцениваются из-за того, что им на смену пришли совершенно новые (вестернизация разрушила социокультурную основу воспроизводства естественных связей в обществе).

Далее, были обозначены усиливающиеся экстремистские ориентации (25%), особенно масштабно себя проявляющие в привлечении молодежи в свои сообщества. Это становится возможно из-за потери внутренних ориентиров молодых людей и слабой идеологической работы с подрастающим поколением, отсутствием позиции власти в отношении воспитания молодежи.

Отдельно была выделена радикализация поведения, выраженная в провоцировании конфликтов в разных сообществах и средах (15%). Это результат недостатка толерантности и ограниченного кругозора, так как конфликты, как правило, надуманны и спровоцированы кем-то со стороны, большинство участников выступают исполнителями физической агрессии.

Общее девиантное и делинквентное поведение выступает своего рода системной характеристикой (11%), позволяющей судить о том, кто выступает реальным и потенциальным нарушителем социальных и социокультурных норм. Это группы людей, потенциально несущие угрозу для стабильности общества и система профилактических мероприятий с ними должна быть реализована в первую очередь.

Отдельным пунктом был указан религиозный фанатизм (10%). Он занимает не ведущее значение, но от того не менее важен при рассмотрении социокультурных рисков социальной безопасности, так как радикализм в любой форме – деструктивен, мешает социальному взаимодействию и толерантности, нахождению компромиссов и точек пересечения.

Представленные данные показывают, что социокультурные основания угроз социальной безопасности общества достаточно разнообразны. Без анализа сложного взаимодействия социокультурных факторов не может сложиться полное понимание проблем и социальных перспектив изменения ситуации.

Для профилактики социокультурных рисков социальной безопасности стоит:

- учреждениям образования, культуры, НКО максимально увеличить просветительскую работу в разных социальных сообществах;
- органам власти сформировать «заказ» на фильмы, направленные на поддержание социокультурных принципов единства и безопасности страны;
- в СМИ, в среде блогеров и шоуменов культивировать пропаганду социокультурных оснований российской государственности и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Роль правоохранительных органов в обеспечении социальной безопасности в контексте социокультурных факторов // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 341-345.

2. Ардашев Р. Г., Маслодудова Н. В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361-363.

3. Ардашев Р. Г., Рустамзода А. К. Социокультурные принципы формирования социальной компетентности сотрудников правоохранительных органов // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 345-349.

Ван Бинъяо, Цзинь Цюйбо

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: ПУТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И МОДЕРНИЗАЦИИ МЕТОДОВ РАБОТЫ ПОЛИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА)

警务英语育人赋能：执法队伍专业化与警察现代工作方式提升路径研究
——以龙江警院教育实践为例

王兵瑶 金曲波
黑龙江公安警官职业学院基础教研部

摘要：加快形成公安机关新质战斗力是新时代公安工作的核心命题，而执法队伍专业化建设与警察现代工作方式提升是破解这一命题的关键抓手。警务英语能力作为涉外警务工作的核心素养，是推动执法队伍专业化、革新工作方式的重要支撑。本文以黑龙江公安警官职业学院警务英语育人实践为例，从创新教学模式、搭建社团平台、深耕实战需求三个维度，探究警务英语育人赋能执法队伍专业化建设与警察现代工作方式提升的内在逻辑与实践路径。

关键词：警务英语；执法队伍专业化；现代工作方式；育人路径；新质战斗力

一、引言

随着全球化进程的不断深入与我国对外开放格局的持续扩大，涉外警务工作面临着前所未有的机遇与挑战。跨境犯罪打击、国际警务合作、涉外执法服务等工作的常态化开展，对执法队伍的专业化素养提出了更高要求，也推动着警察工作方式向现代化、精准化、国际化转型。习近平总书记强调，要“坚持政治建警、改革强警、科技兴警、从严治警，履行好党和人民赋予的新时代职责使命”，这为执法队伍建设与工作方式革新指明了方向。

执法队伍专业化建设的核心在于人才素养的精准培育，而警察现代工作方式的提升则依赖于人才能力与实战需求的深度契合。警务英语作为连接国内执法与国际协作的语言桥梁，影响着执法队伍专业化水平的提升成效与现代工作方式的转型进度。龙江警院锚定“高质量发展、高水平办学、高标准育才”建设目标，以“向人才要战斗力，向创新要战斗力，向实践要战斗力”为导向，探索形成了独具特色的警务英语育人路径，为执法队伍专业化建设与警察现代工作方式提升提供了有力支撑。

二、核心概念与内在关联

（一）核心概念

1. 执法队伍专业化建设，是指以实战需求为导向，通过系统的教育培养、实践锻炼、机制保障，提升执法人员的专业知识、专业技能、专业素养，实现执法工作标准

化、规范化、精细化的过程。对于涉外警务领域而言，专业化建设不仅要求执法人员具备扎实的公安业务知识与执法技能，更强调其具备过硬的警务英语应用能力、跨文化沟通能力与涉外执法处置能力。

2. 警察现代工作方式，是指依托现代教育理念、信息技术手段与实战协作机制，实现警务工作高效化、精准化、国际化的工作模式。其核心特征包括：以实战需求为导向的工作定位、以协同协作为核心的工作机制、以专业能力为支撑的工作保障、以科技赋能为助力的工作手段，具体体现在涉外警务处置的精准性、国际警务合作的顺畅性、涉外服务保障的高效性等方面。

3. 警务英语育人路径，是指公安院校围绕涉外警务人才培养目标，通过教学模式创新、实践平台搭建、实战资源整合等方式，培育学生警务英语应用能力、跨文化沟通能力与涉外执法素养的系列举措与实施过程。其核心目标是实现“基础扎实、能力突出”的警务英语人才培养，为执法队伍专业化建设与警察现代工作方式提升提供人才支撑。

（二）内在关联

1. 警务英语育人是执法队伍专业化建设的核心支撑。执法队伍专业化的核心是人才专业化，而警务英语能力是涉外警务人才专业化的核心素养。通过科学的警务英语育人路径，能够系统培育执法人员的语言应用能力与跨文化沟通能力，弥补涉外警务工作中的语言短板，推动执法队伍专业化水平的提升。

2. 警务英语育人是警察现代工作方式提升的重要驱动。现代警务工作的国际化、精准化转型，要求警察工作方式突破传统地域与语言限制。警务英语育人不仅培育语言能力，更注重培育“语言+实战”的综合能力，推动执法人员形成“实战导向、协同协作、精准处置”的现代工作思维。

3. 执法队伍专业化与警察现代工作方式相互促进。执法队伍专业化水平的提升，为警察现代工作方式的落地提供了人才保障；而警察现代工作方式的推广，又对执法队伍的专业化素养提出了更高要求，倒逼育人路径优化。

三、龙江公安警务英语育人赋能的实践路径

龙江警院立足区域公安工作实际与涉外警务人才培养需求，以“创新、协同、实战”为核心，探索形成了“教学模式创新驱动、社团平台协同支撑、实战需求精准对接”的警务英语育人路径，实现了育人质量与执法队伍建设、工作方式提升的深度融合。

（一）以创新教学模式为核心，驱动以赛促教新引擎

打破传统“课堂讲授+课后练习”的单一教学模式，以各类警务英语竞赛为依托，构建“以赛促教、以赛促学、以赛提能”的教学新生态，推动教学质量与人才能力同步提升。

学院积极开拓各类竞赛渠道，搭建多层次、多元化的竞赛平台，覆盖全国性、区域性、行业性等不同级别赛事，为师生提供展示能力、锤炼本领的舞台。在“外研社杯”职场英语挑战赛演讲大赛全国决赛中斩获二等奖；第四届全国警务英语大赛中，斩获“团体一等奖”等四个奖项；在第三届公安政法院校涉外警务能力语言大赛中取得三等奖；在省外办组织的亚冬会黑龙江省外语演讲大赛中，获得三等奖；在省职业院校技能大赛冰雪特色赛项获得二等奖；教师论文在2024年公安政法院校涉外警务语言能力研讨会获评一等奖……一系列赛事佳绩的取得，不仅展现了学院警务英语育人的丰硕成果，更倒逼教学模式不断革新。

在“以赛促教”导向下，优化警务英语课程体系，把涉外警务情景模拟、警务英语

情景剧创作、国际警务合作会晤模拟、涉外警务知识等纳入课程实训内容，提升教学的针对性与实用性。采用“集中培训+个性化指导”的模式，深挖学生潜力，激发学习动力。通过赛事历练，学生的警务英语应用能力、涉外执法处置能力得到显著提升，教师的教学水平与专业素养同步增强。

（二）以社团多元活动为依托，搭建英才成长新桥梁

围绕“价值塑造、能力培养、知识传授”三位一体的课程教学目标，着力将“龙英警语”社团打造成培养新时代涉外警务人才的自主学习、实践锻炼、交流协作的特色平台。

社团以警务英语应用为核心，举办形式多样的品牌活动，涵盖诵读、赏析、竞赛、实践活动以及志愿服务等多个领域。在活动开展过程中，注重思政教育元素的有机融入，实现“语言能力培育”与“价值理念塑造”的同步推进，学生的学习潜能得到持续激发，警务英语应用能力、跨文化沟通能力、团队协作能力、责任担当意识等综合素质得到全面提升，为创新型公安人才培养发挥了积极作用，也为警察现代工作方式所要求的协同协作、精准服务能力培育奠定了基础。

（三）以公安实战需求为导向，深耕服务新警务根基

秉持“实战有所需、教学必有应”的原则，积极打通系部与基层公安机关的协作通道。一是强化实战调研与协作。教师深入基层公安机关开展调研、全面掌握一线涉外警务工作的实际需求，与基层实战单位共同优化课程体系，确保教学内容精准对接实战需求。同时，邀请基层实战教官走进课堂，提升教学的实战性。二是开展精准送教服务。针对基层公安机关的实际需求，提供专题送教服务，有效提升了一线民警的警务英语应用能力，为执法队伍专业化建设提供了直接支撑。三是助力重大活动涉外保障。如结合涉外警务礼仪、和亚冬会通识等知识点，编印亚冬会宣传手册，录制微课视频，举办专题讲座，为亚冬会安保工作筑牢理论根基。教师承担澜湄代表团陪同翻译工作，为国际警务交流合作提供了语言支撑。四是编写实战工具书。发挥学院智库优势，深度融合教学科研与公安实战，编写中英俄日对照的《公安民警实用外语手册》，为一线公安民警提供了有力的语言支持，推动了警察现代工作方式的落地见效。

四、警务英语育人赋能的成效与启示

（一）育人赋能成效

通过多元化的警务英语育人路径，学生的警务英语应用能力、跨文化沟通能力等得到进一步提升，在各类外语竞赛中屡获佳绩，为执法队伍专业化建设提供了优质人才储备。通过精准送教、实战手册编写等举措，助力基层民警警务外语应用能力提升和涉外执法与服务的标准化、规范化水平提高。警务英语育人过程中培育的实战导向思维、协同协作能力，推动警察工作方式从“经验型”向“专业型”、“封闭型”向“开放型”转型。

（二）实践启示

警务英语育人必须紧密对接公安实战需求，将实战内容融入教学全过程，通过“教学研练战”一体化模式，实现育人与实战的深度融合。要打破传统教学模式的局限，构建“以赛促教、以赛促学、以赛提能”的教学新生态，依托社团平台，实现“知识传授、能力培养、价值塑造”的三位一体育人目标。要加强公安院校与基层公安机关的协作，建立师资共享、资源整合、需求对接的长效机制，确保育人内容精准对接实战需求，育人成果有效转化为实战能力。

五、结论与展望

新时代下，执法队伍专业化建设与警察现代工作方式提升是公安高质量发展和新质战斗力形成的关键。龙江警院的警务英语育人实践，为相关提升工作提供了路径参考。未来需进一步优化警务英语育人体系，强化科技赋能与协作联动，聚焦重点领域

育才，以更高育人质效为公安工作提供人才支撑。

Перевод

УДК 378

Ван Бинъяо, Цзинь Цюйбо

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: ПУТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И МОДЕРНИЗАЦИИ МЕТОДОВ РАБОТЫ ПОЛИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА)

Аннотация: Ускоренное формирование новых качественных боевых сил органов общественной безопасности является ключевой задачей работы полиции в новую эпоху. При этом профессионализация кадров правоохранительных органов и модернизация методов работы полиции служат важнейшими рычагами для решения этой задачи. Владение профессиональным английским языком как базовое качество в сфере международного полицейского сотрудничества выступает важной опорой для повышения профессионализма сотрудников и обновления методов их работы. На примере образовательной практики Хэйлунцзянского профессионального института полиции общественной безопасности в данной статье исследуются внутренняя логика и практические пути применения полицейского английского языка для повышения квалификации кадров. Анализ проводится в трех направлениях: внедрение инновационных моделей обучения, создание платформ студенческих сообществ и глубокое изучение потребностей реальной боевой работы.

Ключевые слова: полицейский английский язык; профессионализация правоохранительных органов; современные методы работы; пути обучения; новые качественные боевые силы.

УДК 378

Wang Bingyao, Jin Qubo

PROFESSIONAL ENGLISH TRAINING FOR POLICE AS A FACTOR IN PROFESSIONAL DEVELOPMENT: PATHWAYS TO THE PROFESSIONALIZATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND THE MODERNIZATION OF POLICE OPERATIONAL METHODS (A CASE STUDY OF THE EDUCATIONAL PRACTICE AT THE HEILONGJIANG POLICE VOCATIONAL INSTITUTE)

Abstract. Accelerating the development of high-quality operational capabilities within public security agencies is a key task for police work in the new era. The professionalization of law enforcement personnel and the modernization of policing methods serve as crucial levers for achieving this objective. Proficiency in professional English—a fundamental asset in international police cooperation—plays a vital role in enhancing officer professionalism and modernizing operational practices. Drawing on the educational experience of the Heilongjiang Public Security Police Vocational College, this article examines the underlying logic and practical approaches to utilizing "police English" for personnel development. The analysis focuses on three areas: implementing innovative training models, establishing student community platforms, and conducting an in-depth assessment of real-world operational requirements.

Keywords: police English; law enforcement professionalization; modern operational methods; training pathways; high-quality operational capabilities.

В условиях глобализации и расширения открытости Китая деятельность органов общественной безопасности сталкивается с новыми вызовами, требующими интернационализации и повышения профессионализма полицейских методов. Рутинное осуществление трансграничной борьбы с преступностью, международное полицейское сотрудничество и правоохранительные услуги за рубежом предъявляют более высокие требования к профессиональной компетентности правоохранительных органов и способствуют трансформации методов работы полиции в сторону модернизации, точности и интернационализации. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул необходимость «придерживаться принципов построения политически дееспособной полиции, укрепления полиции посредством реформ, активизации полиции посредством науки и техники и строгого управления полицией, выполнения обязанностей и задач новой эпохи, возложенных на нас партией и народом», что определило путь для формирования правоохранительных групп и реформирования методов их работы.

Ядром профессионализации правоохранительных органов является точечное развитие компетенций сотрудников. При этом совершенствование современных методов работы полиции напрямую зависит от глубокого соответствия навыков персонала реальным потребностям оперативно-служебной деятельности.

Полицейский английский язык выступает лингвистическим мостом между внутренним правопорядком и международным сотрудничеством. Он напрямую влияет на эффективность повышения профессионального уровня кадров и скорость перехода к современным методам работы.

Ориентируясь на стратегические цели «высококачественного развития, высокого уровня преподавания и высоких стандартов подготовки талантов», Хэйлунцзянский полицейский институт (Лунцзян警院) руководствуется принципом «извлекать боеспособность из кадров, инноваций и практики». В вузе сформирована уникальная модель обучения полицейскому английскому языку. Она стала надежной опорой для профессионализации правоохранительных органов и модернизации методов работы полиции.

II. Ключевые концепции и их взаимосвязь

(1) Ключевые концепции

1. Профессионализация кадров правоохранительных органов — это ориентированный на практические нужды процесс повышения уровня профессиональных знаний, навыков и компетенций сотрудников через системное обучение, практическую подготовку и институциональное обеспечение. Его целью является стандартизация, регламентация и детализация правоохранительной деятельности.

В сфере работы с иностранными гражданами и внешних связей (涉外警务) профессионализация требует от сотрудников не только прочных базовых знаний полиции и навыков правоприменения. Она также накладывает особый акцент на владение полицейским английским языком, развитие навыков кросс-культурной коммуникации и умение эффективно разрешать служебные ситуации с участием иностранцев.

2. Современные методы работы полиции — это модель служебной деятельности, которая опирается на передовые образовательные концепции, информационные технологии и механизмы практического взаимодействия для достижения высокой эффективности, точности и международной интеграции полицейской работы.

К ее ключевым характеристикам относятся:

• Целеполагание — ориентация на реальные практические нужды и оперативную обстановку.

• Рабочий механизм — упор на координацию и межведомственное (в том числе международное) взаимодействие.

• Гарантия эффективности — опора на высокий уровень профессиональных компетенций сотрудников.

• Инструментарий — активное внедрение и содействие научно-технических достижений и цифровизации.

В практическом плане данные методы напрямую отражаются на точности реагирования при разрешении инцидентов с участием иностранцев, слаженности международного полицейского сотрудничества и высокой эффективности предоставления государственных услуг и обеспечения безопасности в сфере внешних связей.

3. Модель обучения полицейскому английскому языку — это комплекс мер и процесс их реализации в ведомственных вузах полиции, направленный на развитие у курсантов навыков применения английского языка в служебной деятельности, кросс-культурной коммуникации и компетенций в сфере работы с иностранными гражданами. Данная модель строится вокруг целей подготовки специалистов для международного и внешнеполитического секторов правопорядка через внедрение инновационных методов обучения, создание практических платформ и интеграцию ресурсов оперативно-служебной деятельности.

Ее **главная цель** — подготовка кадров с «прочной базой и выдающимися способностями» в области полицейского английского языка, что обеспечивает кадровое сопровождение для профессионализации правоохранительных органов и модернизации методов работы полиции.

(2) Внутренняя взаимосвязь

1. Обучение полицейскому английскому языку — это ключевой элемент профессионализации кадров.

Основу профессионализации правоохранительных органов составляет профессионализм самих сотрудников. При этом владение полицейским английским языком является базовой компетенцией для специалистов в сфере работы с иностранными гражданами и внешних связей.

Использование научно обоснованной модели профильного языкового обучения позволяет системно развивать у личного состава навыки применения языка и кросс-культурной коммуникации. Это устраняет языковой барьер в оперативно-служебной деятельности и напрямую повышает общий уровень профессионализации ведомства.

2. Обучение полицейскому английскому языку — важный фактор модернизации методов работы полиции.

Переход к современным формам полицейской деятельности, для которых характерны международная интеграция и высокая точность, требует от сотрудников выхода за рамки традиционных территориальных и языковых ограничений.

Профильное языковое обучение не просто развивает лингвистические навыки, но и делает упор на комплексную формулу «язык + практика». Это стимулирует формирование у личного состава современного служебного мышления, основанного на принципах практической ориентированности, координации усилий и точности реагирования при выполнении задач.

3. Профессионализация кадров и современные методы работы полиции взаимно дополняют друг друга.

Повышение уровня профессионализации правоохранительных органов обеспечивает кадровый фундамент для внедрения современных методов работы полиции. В свою очередь, повсеместное распространение этих методов предъявляет

более высокие требования к квалификации сотрудников, что стимулирует непрерывное совершенствование и оптимизацию всей образовательной модели.

III. Практическая модель обучения полицейскому английскому языку в провинции Хэйлунцзян

Хэйлунцзянский полицейский институт опирается на оперативную обстановку в регионе и потребности в кадрах для сферы внешних связей. Взяв за основу принципы «инноваций, координации и практики», вуз разработал уникальную модель профильного языкового обучения. Она сочетает в себе инновационные методы преподавания, поддержку со стороны студенческих объединений и точечное соответствие реальным нуждам оперативно-служебной деятельности. Это позволило добиться глубокой интеграции качества подготовки курсантов, укрепления кадрового потенциала ведомства и модернизации методов работы.

(1) Инновации в методике преподавания как двигатель учебного процесса под девизом «стимулирование обучения через конкурсы»

Вуз отказался от традиционного однообразного формата «лекция в аудитории + домашнее задание». Взяв за основу проведение различных конкурсов по полицейскому английскому языку, институт сформировал новую образовательную экосистему, которая работает по принципу «конкурсы стимулируют преподавание, конкурсы мотивируют к учебе, конкурсы повышают квалификацию». Это обеспечивает одновременный рост качества обучения и профессиональных компетенций будущих специалистов.

Училище активно расширяет каналы участия в конкурсной деятельности и создает многоуровневые, диверсифицированные соревновательные платформы. Они охватывают мероприятия общенационального, регионального и отраслевого масштаба, предоставляя преподавателям и курсантам площадку для демонстрации талантов и закалки профессионального мастерства.

Среди знаковых достижений вуза можно выделить следующие результаты:

- **Второе место** в общенациональном финале конкурса ораторского мастерства «Кубок FLTRP» (Турнир по деловому английскому языку).
- **Четыре награды**, включая **Гран-при в командном зачете (Первое место)**, на IV Общенациональном конкурсе по полицейскому английскому языку.
- **Третье место** на III Конкурсе языковых компетенций в сфере международной полицейской деятельности среди вузов общественной безопасности и юстиции.
- **Третье место** на Студенческом конкурсе ораторского мастерства на иностранных языках провинции Хэйлунцзян, приуроченном к Азиатским зимним играм (организован Канцелярией иностранных дел провинции).
- **Второе место** в специальной дисциплине «Зимние виды спорта» на Конкурсе профессионального мастерства среди профессиональных учебных заведений провинции.
- **Первое место** за научно-исследовательскую статью преподавателя на Симпозиуме по языковым компетенциям в сфере международной полицейской деятельности среди вузов общественной безопасности и юстиции (2024 год).

Эта серия высоких результатов не только демонстрирует богатые плоды разработанной в институте модели обучения полицейскому английскому языку, но и стимулирует непрерывное обновление самих подходов к преподаванию.

Под эгидой принципа «стимулирование обучения через конкурсы» вуз оптимизирует систему учебных курсов по полицейскому английскому языку, внедряя моделирование ситуаций международной полицейской деятельности...

Под эгидой принципа «стимулирование обучения через конкурсы» вуз оптимизирует систему учебных курсов по полицейскому английскому языку. В программу практических занятий внедряются моделирование ситуаций

международной полицейской деятельности, создание тематических сценок на английском языке, симуляция встреч в рамках международного полицейского сотрудничества, а также изучение специфики работы с иностранными гражданами. Это позволяет сделать обучение более адресным и практически применимым.

В образовательном процессе используется формат «групповые тренировки + индивидуальное наставничество», что помогает полностью раскрыть потенциал курсантов и повысить их мотивацию к учебе. Благодаря опыту участия в конкурсных мероприятиях навыки применения английского языка и компетенции курсантов при разрешении инцидентов с участием иностранцев заметно возросли. Одновременно с этим повысились педагогическое мастерство и профессионализм профессорско-преподавательского состава.

(2) Опора на многоформатную деятельность студенческих объединений как новый мост для профессионального роста будущих специалистов

В рамках триединой образовательной концепции «формирование ценностей, развитие способностей, передача знаний» вуз активно превращает студенческое объединение «Полицейский язык Лунъин» (龙英警语) в профильную площадку. Данная платформа предназначена для самостоятельного обучения, практической подготовки, обмена опытом и взаимодействия будущих специалистов в сфере международной полицейской деятельности нового поколения.

В своей работе объединение делает упор на практическое применение языка и организует разнообразные брендовые мероприятия, которые охватывают чтение вслух, разбор текстов, конкурсы, практические занятия и волонтерскую деятельность.

В ходе проведения мероприятий особое внимание уделяется органичному внедрению элементов идеологического и политического воспитания. Это позволяет синхронно развивать языковые компетенции и формировать систему ценностей курсантов.

Такой подход обеспечивает постоянную стимуляцию учебного потенциала учащихся. У них комплексно повышаются навыки использования полицейского английского языка, кросс-культурной коммуникации, командной работы и чувство профессиональной ответственности. Деятельность объединения играет важную роль в подготовке инновационных кадров для органов общественной безопасности. Она также закладывает прочный фундамент для развития навыков координации и точечного оказания услуг, которые необходимы при современных методах работы полиции.

(3) Ориентация на практические нужды органов общественной безопасности как основа для построения новой модели полицейской деятельности

Придерживаясь принципа «все, что необходимо в оперативно-служебной деятельности, должно находить отражение в учебном процессе», институт активно развивает каналы взаимодействия между профильными кафедрами и низовыми органами полиции. Данная работа ведется по четырем ключевым направлениям:

1. **Укрепление практических исследований и координации.** Преподаватели вуза регулярно выезжают в территориальные органы полиции для проведения исследований и комплексного изучения реальных потребностей сотрудников первой линии при работе с иностранными гражданами. Совместно с практическими подразделениями они оптимизируют учебные программы, гарантируя точечное соответствие содержания занятий нуждам практики. Кроме того, к проведению занятий активно привлекаются действующие инструкторы из практических органов, что повышает прикладной характер обучения.

2. **Организация выездных курсов целевого обучения.** Отвечая на конкретные запросы территориальных органов полиции, институт организует тематические выездные занятия. Это позволяет эффективно повышать навыки применения

английского языка у сотрудников на местах и оказывает прямую поддержку профессионализации кадров правоохранительных органов.

3. **Обеспечение лингвистического сопровождения крупных международных мероприятий.** На основе учебных модулей по международному полицейскому этикету и общим знаниям об Азиатских зимних играх вуз подготовил и издал информационные буклеты, записал серию видеолекций (микроуроков) и провел цикл тематических семинаров. Это заложило прочную теоретическую базу для обеспечения безопасности Азиатских зимних игр. Кроме того, преподаватели института выступили в качестве переводчиков сопровождения для делегаций стран Ланьканцзян-Меконгского региона, обеспечив языковую поддержку международного полицейского обмена и сотрудничества.

4. **Разработка практических справочных пособий.** Используя потенциал института как экспертно-аналитического центра и обеспечивая глубокую интеграцию научно-исследовательской деятельности с полицейской практикой, специалисты вуза подготовили «Краткий справочник иностранных языков для сотрудников полиции» на китайском, английском, русском и японском языках. Пособие стало надежным инструментом языковой поддержки для сотрудников на первой линии и способствовало реальному внедрению современных методов работы полиции на практике.

IV. Результаты и выводы из опыта внедрения модели обучения полицейскому английскому языку

Результаты внедрения модели

Благодаря использованию многоформатной модели обучения полицейскому английскому языку курсанты существенно повысили навыки применения иностранного языка и кросс-культурной коммуникации. Они регулярно занимают призовые места на профильных языковых конкурсах, что формирует качественный кадровый резерв для профессионализации правоохранительных органов.

Реализация таких мер, как организация выездных курсов целевого обучения и разработка практических справочных пособий, помогла повысить уровень владения иностранными языками у сотрудников на местах. Это также способствовало росту стандартизации и регламентации при осуществлении правоприменительной деятельности и оказании услуг в сфере работы с иностранными гражданами.

Ориентация на практику и навыки координации, заложенные в процессе обучения полицейскому английскому языку, стимулируют модернизацию методов работы полиции. Это обеспечивает переход от деятельности, основанной исключительно на «жизненном опыте», к «профессиональной» модели, а также трансформацию ведомства из «закрытого» типа в «открытый».

(2) Практические выводы

Обучение полицейскому английскому языку должно быть неразрывно связано с практическими нуждами органов общественной безопасности. Необходимо полностью интегрировать прикладной контент в учебный процесс. Через сквозную модель «обучение — исследования — тренировки — практика» (教学研练战) следует обеспечивать глубокое слияние образовательной деятельности с реальной службой.

Необходимо преодолеть рамки традиционных методик преподавания. Важно развивать новую образовательную экосистему под девизом «конкурсы стимулируют преподавание, конкурсы мотивируют к учебе, конкурсы повышают квалификацию». Опираясь на студенческие объединения, вузы должны реализовывать триединую цель: передачу знаний, развитие способностей и формирование ценностей.

Требуется укреплять координацию между ведомственными вузами и территориальными органами полиции. Следует выстроить долгосрочный механизм обмена преподавательскими кадрами, интеграции ресурсов и точечного мониторинга

потребностей. Это гарантирует адресное соответствие содержания программ нуждам практики и позволит эффективно трансформировать результаты обучения в реальную боеспособность личного состава.

V. Заключение и перспективы

В новую эпоху профессионализация кадров правоохранительных органов и модернизация методов работы полиции играют ключевую роль в высококачественном развитии органов общественной безопасности и формировании боеспособности нового качества (新质战斗力). Практический опыт Хэйлунцзянского полицейского института по обучению полицейскому английскому языку предлагает готовую модель и ориентиры для проведения этой работы.

В будущем необходимо продолжить оптимизацию системы профильного языкового обучения. Важно активнее внедрять научно-технические достижения, укреплять координацию и межведомственное взаимодействие, а также сосредоточить усилия на подготовке кадров для приоритетных направлений. Это позволит обеспечить органы общественной безопасности надежной кадровой поддержкой за счет еще более высокого качества и эффективности образовательного процесса.

УДК 343.1

П.Е. Власов

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДИПФЕЙКОВ

Аннотация. В статье исследуется вопрос о возможности, необходимости и своевременности криминализации деяний, связанных с использованием синтезированного контента (продукта, результата). Анализируется законопроект, разработанный в целях регулирования деятельности в сфере использования (разработки, внедрения) искусственных когнитивных систем.

Ключевые слова: современные технологии, цифровизация, искусственный интеллект, дипфейк.

P.E. Vlasov

ON THE NECESSITY OF CRIMINALIZING DIPFAKES

Annotation. The article explores the possibility, necessity, and timeliness of criminalizing acts related to the use of synthesized content (product, result). It analyzes a bill designed to regulate the development, implementation, and use of artificial cognitive systems.

Keywords: modern technologies, digitalization, artificial intelligence, and deepfake.

Искусственные системы, воспроизводящие когнитивные функции, в настоящее время стали доступными широкой массе пользователей: появилось множество онлайн-нейросетевых ресурсов, различных приложений и пр.

Вместе с тем обнажилась проблема: нейросеть может дать «вредный совет». В мире зарегистрированы случаи, когда такие «советы» наносили вред здоровью человека, угрожали его жизни, либо вовсе приводили к летальному исходу, актам суицида. Свежий пример «некорректной работы нейросетевого советчика» - ChatGPT Health (чат-GPT «Здоровье»), который начал функционировать с января текущего года, к нему обращаются более 40 миллионов человек ежедневно! В 51,6% данный нейросетевой ресурс рекомендовал оставаться дома, в то время как обратившимся была необходима срочная госпитализация; 64,8% совершенно здоровых людей получили рекомендацию срочно обратиться в медицинские учреждения [1].

С помощью подобных нейросетевых технологий можно сгенерировать данные транзакций, которые затем использовать для машинного обучения, и получить в результате систему, способную точно различать транзакции - подозрительные и подлинные [2, с. 4].

Для моделирования изображений по текстовому запросу, для изменения внешности, голоса человека в реальном времени применяются технологии deepfake (дипфейк)[1] [3]. Вышеуказанные и технологии дипфейк могут быть использованы для совершения мошеннических действий, направленных на незаконное завладение денежными средствами граждан, клеветы, подмены целостности доказательств по уголовным делам и пр., т.е., они могут быть использованы в преступных целях, что уже достаточно как для законодательного закрепления «правового статуса» нейросетевых технологий («искусственного интеллекта») и пр., так и для разработки норм, предусматривающих ответственность, за противоправное использование таких технологий.

Вопросы о необходимости криминализации технологий дипфейк в юридической литературе поднимались неоднократно.

Законодательное регулирование ИИ-контента в России находится в «серой зоне», характеризуемой хаотичностью нормотворческих усилий. Такой вывод можно сделать, проведя анализ действующих нормативных правовых актов и законопроектов.

Так, например, в прошлом году Минцифры России разработал проект постановления Правительства РФ «О проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении»[2]. При этом в проекте ключевой предмет – «искусственный интеллект», предполагаемый к использованию в государственном управлении, не определен. Не были определены и «большие генеративные модели искусственного интеллекта».

Законопроект до сих пор находится на этапе проведения антикоррупционной экспертизы и принят не был.

Вместе с тем, актуальность приведенного нормативного правового акта, по нашему мнению, неоспорима, о чем может свидетельствовать содержание пояснительной записки к нему, из которой следует, что «принятие постановления будет способствовать решению задач развития искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепленных в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490; его действие направлено на обеспечение реализации национальных целей развития, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

«Логичным продолжением» так и не вступившего в законную силу проекта постановления Правительства явился законопроект, разработанный Минцифры России - проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»[3], интернет-обсуждение которого завершилось 15 апреля т.г., проект находится на одном из этапов его рассмотрения.

Актуальность данного законопроекта вряд ли можно переоценить по ряду ключевых моментов, спроектированных в его нормах, ввиду чего выражаем глубокую

---

[1] К технологиям дипфейк относят синтетический мультимедийный контент, созданный с помощью нейросетевых технологий и искусственных когнитивных систем («искусственного интеллекта») для подмены на итоговом фото, видео-, аудио- контенте, биометрических или аудиовизуальных характеристик реального человека на иные, фейковые, не принадлежащие ему.

[2] СПС КонсультантПлюс.

[3] СПС КонсультантПлюс.

заинтересованность и надежду на его принятие и вступление в силу.

Прежде всего следует отметить, что проект закона направлен на регулирование правоотношений в сфере разработки, внедрения и использования искусственных когнитивных систем, его нормы закрепляют основные понятия связанных с данной областью технологий и возникающих в связи с их применением и использованием общественных отношений, закрепляют субъектов сферы использования «искусственного интеллекта», их обязанности, ответственность.

Из неопределённой субъектной абстракции, существующей на сегодняшний момент, законопроект вводит «разработчиков ИИ-модели», «операторов ИИ-систем», «владельцев сервиса ИИ» и их пользователей. При этом субъекты разделяются по «функциональным» признакам: «разработчик ИИ-модели» - это гражданин, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые проводят исследования, проектирование, разработку, обучение, тестирование или модификацию модели «искусственного интеллекта», а «оператор ИИ-системы» - лицо её эксплуатирующее для достижения определенного результата, либо обрабатывающее информацию из её баз данных. Первых законопроект наделяет функциональными обязанностями по обеспечению безопасности работы таких систем, включая создание ограничений для их функционирования (правил и допустимых пределов), по документированию архитектуры и логики функционирования ИИ-систем. Вторых - технического обслуживания, поддержания работоспособности и необходимого тестирования, законопроект обязывает вести учет инцидентов – сбоев в работе таких систем, для последующего анализа и выработки средств, направленных на их повторное появление или минимизацию вредных последствий.

Правовой статус владельца таких систем имеет гражданско-правовую, юридическую выраженность – это лицо, обладающее правами на сервис «искусственного интеллекта», включая исключительные или иные права. Владельцам ИИ-систем предписывается информировать пользователей о том, что они взаимодействуют с системой, или сгенерированным ею контентом, как с «искусственным интеллектом», а пользователи, при использовании таких систем или контента, не должны преследовать достижение незаконных целей.

Важным в рассматриваемом законопроекте является и то, что в нем были учтены некоторые технико-технологические моменты, получившие правовое «обрамление». Основываясь на познаниях сущности функционирования искусственных когнитивных систем, скорости развития технико-технологического прогресса, следует предположить, что в обозримой перспективе рассматриваемый вид технологий достигнет такого уровня, что отличить синтезированный от не синтезированного контента будет практически невозможно. Причем не только пользователем, но и аппаратно-программными средствами, тем же «искусственным интеллектом», имеющим более «примитивную» архитектуру. В этой связи законопроектом предлагается маркировать искусственно созданный, синтезированный контент в обязательном порядке без каких-либо исключений, что само по себе является своевременной и действенной мерой. По нашему мнению, на сегодняшний момент и в долгосрочной перспективе, это, пожалуй, единственный способ «найти различия». Кроме того, «несоблюдение» обязательной маркировки синтезированного контента можно вменить виновному лицу.

Законопроектом предусматриваются правовые меры охранительного характера – ответственность за использование ИИ-контента, нарушающее действующее законодательство. Однако без достаточной конкретизации. Так, спроектированная статья 11 прямо устанавливает соразмерную от степени вины ответственность для каждого определенного в законе субъекта, если результат, полученный с

использованием «искусственного интеллекта», нарушает действующее национальное законодательство. Кроме того, данная норма определяет юридические признаки, имеющие ключевое значение для установления вины конкретного субъекта, а также обстоятельства, влекущие освобождение от ответственности.

Такие нормотворческие предписания позволяют прийти к выводу о том, что законодатель не только допускает появление, но и фактически предписывает закрепление уголовной и административной ответственности в случаях преступного и правонарушающего применения (использования) технологий «искусственного интеллекта».

Анализ содержащихся в приведенных законопроектах норм в достаточно очевидной форме определят необходимость криминализации сгенерированного ИИ-контента. Для этого в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях полагаем необходимым закрепить нормы, предусматривающие, соответственно, ответственность за преступления и правонарушения, совершённые с использованием технологий искусственных когнитивных систем («искусственного интеллекта»), технологий дипфейк.

Вместе с тем полагаем необходимым заострить внимание на технико-технологическом обстоятельстве, требующем юридической оценки. Для законодательного закрепления преступного использования ИИ-систем необходимо обладать знаниями о сущности функционирования новых технологических решений, присущих только таким системам признаках. Полагаем, что используемые в действующих нормативных правовых актах формулировки, указанные особенности функционирования и признаки не раскрывают, а как отмечают сами разработчики таких систем - принципы функционирования «искусственного интеллекта» остаются еще достаточно иллюзорными из-за низкой отслеживаемости причинно-следственных связей в итоговом результате, выдаваемом пользователю [4, с. 149], таким системам присуща непрозрачность и предвзятость [5, 6, 7]. Поэтому рекомендовать законодательное закрепление отдельного вида преступления или правонарушения, совершенного с использованием технологий дипфейк, до момента технического разрешения указанных негативных для юридического закрепления технико-технологических обстоятельств, наверное, преждевременно.

В связи с этим в качестве альтернативы законодательному закреплению отдельного состава преступления и правонарушения, совершенного с использованием технологий дипфейк, полагаем возможным на современном этапе становления правовой базы в рассматриваемой сфере правоотношений, закрепление в уголовном кодексе и кодексе об административных правонарушениях в качестве отягчающего обстоятельства - совершение преступления (правонарушения) с использованием контента (продукта, результата) искусственных когнитивных систем и нейросетевых технологий[1] [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шемякинская Е. ChatGPT дает неправильные советы в большинстве неотложных медицинских ситуаций. URL: http: //hightech.plus/2026/03/15/chatgpt-daet-nepravilnie-soveti-v-bolshinstve-neotlozhnih-medicinskih-situacii/ (дата обращения: 18.03.2026).

2. Барщевский Е.Г. Генеративно-состязательные нейронные сети // EESJ. 2024. № 1-1 (98). С. 4 - 5.

[1] Например, статьей 37 Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте предлагается установить факт использования робота для совершения военных преступлений в качестве отягчающего обстоятельства.

3. Воронин И.А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. С. 28 – 48.

4. Чурикрва А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дисс. … д-р юрид. наук. Саратов, 2024. 498 с.

5. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488-515.

6. Кузнецов А.Г. Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. 2020. Т. 32, № 2. С. 157-182.

7. Сумин А.А., Химичева О.В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств Азиатско-Тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18-21.

8. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.

УДК 378

А. М. Ворожцов

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация: формирование патриотизма у обучающихся образовательных организаций МВД России – одно из важных направлений в воспитании молодых сотрудников. Необходимо, чтобы каждый преподаватель проводил воспитательную работу по формированию и привитию любви к профессии, развитию патриотических чувств, национального самосознания посредством своего предмета.

Ключевые слова: патриотизм, День Победы, Бессмертный полк

A. M. Vorozhtsov

THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A FACTOR IN SHAPING HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTIC ATTITUDES AMONG POLICE OFFICERS

Abstract: the formation of patriotism among students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is one of the important directions in the education of young employees. It is necessary that every teacher carry out educational work to form and instill love for the profession, the development of patriotic feelings, and national identity through their subject.

Key words: patriotism, Victory Day, Immortal Regiment

Служба сотрудников правоохранительных органов всегда была и остается сложной. На сотрудников оказывается большое внешнее давление, связанное с напряженным графиком работы и практически отсутствием личного времени, которое можно посвятить близким и семье. Это подтверждают данные имеющейся статистики

показывающие, что в число основных причин увольнения входят: низкая заработная плата – 27%, высокая нагрузка – 23%, эмоциональное выгорание – 17%, изменения в пенсионном законодательстве – 14%, отсутствие карьерных перспектив – 10 %, конфликты в коллективе – 6%, разочарование в системе – 3%. Каждая из этих причин в отдельности может снизить желание служить, а если несколько причин сочетаются, то решение о смене вида деятельности будет принято [1].

В связи с этим сотрудник полиции должен обладать твёрдыми внутренними установками, которые позволят ему справиться со сложившимся положением и выполнить свою работу. Считаем, что наряду с различными положительными аспектами продолжения службы этому будут способствовать и сформированные патриотические установки. «… Вклад в науку, искусство, безопасность и различные области социальной жизни человека зависит от наличия у будущего поколения преданности и самоотверженности…» [2, С. 505].

Великая Отечественная война – это одно из самых трагичных и одновременно великих событий в истории нашей страны. Знания об этом важном событии российской истории позволяют сформировать необходимые моральные установки у будущих сотрудников органов внутренних дел. Изучение истории Великой Отечественной войны нужно проводить в школах и продолжить в период обучения в образовательной организации МВД России. Следует также учесть, что в современном мире война из абстрактного понятия стала реальностью сегодняшнего дня и это наверняка повлияло на отношение молодежи к прошедшей войне. Поэтому знание о ВОВ, оставляющее след в душе, приобретает особую актуальность.

Данное исследование, проведенное среди обучающихся образовательной организации МВД России, как раз направлено на поиск ответов на эти вопросы и помогает увидеть тенденции среди обучающихся в образовательных организациях МВД России. Вопросы, которые были использованы в опросе взяты из уже проведённых исследований в Нижнем Новгороде в марте-апреле 2015 г.

Отчет по анкетированию

В опросе приняли участие 17 человек. Большинство — 14 человек (82,4%) — обучаются по программам высшего образования. Остальные 3 человека (17,6%) — по программам среднего образования.

По курсам обучения: первокурсников бакалавриата четверо (23,5%), второкурсников шестеро (35,3%), на третьем курсе двое (11,8%), на четвертом трое (17,6%), в магистратуре двое (11,8%). Среди учащихся СПО: один на третьем курсе, двое на четвертом.

По месту жительства до поступления: большинство — 11 человек (64,7%) — проживали в большом городе. Трое (17,6%) из села или деревни. Двое (11,8%) из областного центра. Один (5,9%) из рабочего поселка.

Вопрос 1. Принимаете ли Вы участие в подготовке и праздновании Дня Победы?

Почти половина опрошенных — 8 человек (47,1%) — планируют участвовать в параде или демонстрации 9 мая. 6 человек (35,3%) отметили участие в конкурсах работ. Во встречах с ветеранами участвуют 3 человека (17,6%). Ни в каких мероприятиях не участвуют 3 человека (17,6%). Двое (11,8%) оставили вопрос без ответа.

Наиболее активны обучающиеся по программам высшего образования — они чаще участвуют сразу в нескольких мероприятиях. Учащиеся СПО, напротив, либо ограничиваются чем-то одним, либо пассивны: из трех не участвующих ни в чем двое — учащиеся СПО. Все четверо респондентов из сел и малых городов отметили участие хотя бы в одном мероприятии, причем трое идут на парад.

Таким образом, видна зависимость уровня вовлеченности в празднование Дня Победы от профиля обучения и места жительства. В малых населенных пунктах День Победы сохраняет статус основного общественного события, объединяющего жителей.

Вопрос 2. Какие художественные произведения о Великой Отечественной войне Вы знаете?

Чаще всего отметили «А зори здесь тихие» - 12 человек (70,6%). Далее «Судьба человека» — 7 упоминаний (41,2%). «Василия Теркина» и «Брестскую крепость» назвали по 4 раза (23,5%). Еще три произведения упоминаются по одному разу. «А зори здесь тихие» знают представители всех категорий. Более глубокое знание литературы демонстрируют бакалавры и магистранты старших курсов — они называют по 4-5 произведений. Учащиеся СПО и первокурсники ограничиваются одной-двумя позициями, причем часто называют современные фильмы, а не книги. Таким образом, уровень литературной эрудиции в теме войны напрямую связан с профилем обучения. Данный вопрос был открытый и респонденты сами записывали свои варианты.

Вопрос 3. Какие музыкальные произведения о Великой Отечественной войне Вы знаете?

«Катюша» и «День Победы» — по 12 упоминаний (70,6%). «Священная война» — 7 раз (41,2%). «Темная ночь» и «Смуглянка» — по 5 раз (29,4%). «Журавли» и «О той весне» — по 4 раза (23,5%). Ещё несколько песен упоминаются по одному разы. Музыкальная эрудиция в теме войны довольно высокая и меньше зависит от профиля, чем знание литературы.

Вопрос 4. С каким суждением о современных фильмах и сериалах о войне Вы, скорее всего, согласитесь?

«Очевидно, была и такая война, и новые поколения должны знать всю правду» — 13 человек (76,5%). «Наконец-то кино перестало приукрашивать события» - 2 респондента (11,8%). «Современные фильмы подрывают уважение к ветеранам» - 1 человек (5,9%). Еще один не ответил на поставленный вопрос.

Запрос на «правду о войне» объединяет все группы опрошенных. Единственный критик — курсант второго курса из областного центра, тот самый респондент, который ранее признал недостаток знаний о войне. Таким образом, молодежь устала от приукрашенной картинки и предпочитает историческую правду - это важный признак взросления молодежи.

В связи с этим мы поставили вопрос, касающийся уровня патриотизма современной учащийся молодежи.

Вопрос 5. Что значит быть патриотом России?

Расставьте по значимости (1 — самое важное, 10 — наименее важное):

Вариант «уважать и знать историю России» — 11 человек (73,3%) поставили на 1-3 место; «испытывать гордость за свою страну» — у 8 человек (53,3%) в тройке; «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилым» — у 7 человек (46,7%) в тройке. На последнем месте все респонденты указали «покупать в основном отечественные товары».

«Уважение к участникам ВОВ» чаще других ставили на первое место жители села. «Готовность к самопожертвованию» и «Ответственность за страну» выше котируют жители городов.

Таким образом, патриотизм для современной молодежи — это прежде всего внутренняя связь с историей и культурой, а не потребительский выбор. Различия в приоритетах между местом жительства: бакалаврам и магистрантам ближе идея

личного подвига и гражданского участия, жителям провинции — уважение к старшим и традициям.

Вопрос 6. Чем является День Победы для Вашей семьи?

«День памяти о родных, прошедших войну» — 9 человек (52,9%). «Праздник со слезами на глазах» — 7 человек (41,2%). «Просто выходной» — 1 человек (5,9%).

Жители сельских населённых пунктов чаще выбирают «День памяти о родных» (6 из 9). Жители больших городов чаще отмечают «праздник со слезами на глазах» (5 из 7). Единственная, для кого это «просто выходной», — курсант четвертого курса из большого города. Таким образом, для большинства День Победы — это личная, семейная дата.

Вопрос 7. Ваша семья возлагает 9 мая цветы к Вечному огню, памятникам погибшим?

Бабушки и дедушки — в 7 семьях (41,2%). Родители — в 5 семьях (29,4%). Сами учащиеся — в 7 случаях (41,2%). Не занимаются этим в 3 семьях (17,6%), двое опрашиваемых не ответили.

Курсанты и слушатели подключаются активнее к этому мероприятию, если живут в городах с мемориалами (6 из 7). Среди тех, чьи семьи не возлагают цветы, — в основном жители сел и малых городов. Таким образом, традиция возложения цветов сильнее в городах, где есть доступные мемориалы.

Вопрос 8. Ваша семья участвует в акции «Бессмертный полк»?

Бабушки и дедушки — 4 семьи (23,5%), родители — 5 (29,4%), сами обучающиеся — 6 (35,3%). Не участвуют 4 семьи (23,5%), трое не ответили. Бакалавры и магистранты участвуют чаще (6 из 10). Среди не участвующих — в основном обучающиеся СПО. Таким образом, «Бессмертный полк» стал заметной частью праздника для большинства семей, причем молодежь сама активно принимает участие в нем.

Вопрос 9. Кто из членов Вашей семьи был участником Великой Отечественной войны?

14 человек (82,4%) знают о родственниках-участниках ВОВ. Чаще всего это прадедушки — 12 раз (70,6%). Прабабушки — 4 раза, дедушки — 3 раза, другие родственники — 3 раза. Только один человек (5,9%) не знает.

Семейная память о войне жива у большинства обучающихся, независимо от профиля и места жительства. Опрошенные, как правило, указывают несколько категорий родственников.

Вопрос 10. Как часто Вы разговариваете о Великой Отечественной войне?

С родителями: «раз в полгода» — 7 человек (41,2%), «редко» — 6 (35,3%), «часто» — 1 (5,9%). С бабушками и дедушками: «редко» — 7 (41,2%), «раз в полгода» — 4 (23,5%). С друзьями: «редко» — 11 (64,7%), «раз в полгода» — 3 (17,6%), «часто» — 0.

Жители села и малых городов чуть чаще обсуждают войну с родными, чем жители больших городов. Но в целом, война не является повседневной темой даже в семьях. С друзьями о ней практически не говорят. В провинции связи между поколениями родственников чуть крепче, поэтому разговоры с родными случаются чаще.

Вопрос 11. Если в Ваших семьях хранятся реликвии военных лет, то какие?

В 14 семьях (82,4%) хранятся реликвии. Фотографии упоминаются — 9 раз (52,9%), военные награды назвали — 7 раз (41,2%), вещи военных лет отметили — 4 раза (23,5%). Писем не сохранилось ни у кого. Трое (17,6%) сказали, что реликвий нет.

Материальная память о войне есть в большинстве семей. Фотографии — самый распространенный артефакт. Отсутствие реликвий именно в городских семьях может

быть связано с более высокой мобильностью и утратой вещей при переездах. В малых населенных пунктах к ним относятся более бережно.

Проведённый нами опрос показал, что тема Великой Отечественной войны сохраняет свою значимость в жизни молодежи и День Победы для большинства остается важной семейной датой. Источниками этих знаний чаще всего являются школа, советские фильмы, литература и семья. В обычной жизни о Великой Отечественной войне говорят редко, особенно с друзьями. Имеющиеся исторические знания и памятные реликвии тех лет можно использовать для сплочения и формирования патриотических установок в служебных коллективах.

В связи с этим становится важным чтобы каждый сотрудник образовательной организации МВД России, в той или иной форме, проводил воспитательную работу по формированию и привитию любви к профессии, развитию патриотических чувств, национального самосознания посредством своего предмета. «...ориентация студенческой молодёжи на общечеловеческие и национальные ценности - важное направление в учебно-воспитательной практике университетского образования. Знание истории нашей страны и органов внутренних дел в частности, способствует формированию в молодых людях патриотизма, гражданственности и национального самосознания, что является неотъемлемой частью воспитания гражданина Российской Федерации...» [3, ч. 2, с. 362-363].

Целесообразно формировать у обучающихся потребность и стремление быть нужным и приносить пользу обществу и государству при выполнении своей повседневной служебной деятельности. «... Необходимо чтобы сама социальная среда внутри образовательной организации МВД России формировала личность полицейского. Важно так построить педагогический процесс, чтобы сотрудники руководили деятельностью курсанта или слушателя, организуя его активное самовоспитание путем совершения самостоятельных и ответственных поступков...» [4].

В ходе этого процесса важно, чтобы коллектив образовательной организации состоял из педагогических кадров, имеющих богатый практический и жизненный опыт, хорошо разбирающихся в специфике ведомственного образования и проявляющих заботу о курсантах и слушателях, которых обучают [5, С. 90].

В ведомственных образовательных организациях тема войны чаще обсуждается ситуативно, в связи с памятными датами, и не является частью постоянной программы. В контексте современной ситуации в мире необходимо как можно чаще посвящать ей внимание. «...В ситуации, когда нужны ответные действия, направленные на подавление влияния экстремистских и террористических атак на нашу страну...» [6, С. 118]. «... Составной частью патриотического воспитания является военно-патриотическое воспитание, ориентированное на формирование готовности к службе в органах внутренних дел, которая, бесспорно, является особым видом государственной службы...» [7, С. 326]. Задача ведомственного образования помочь не утратить знания о ВОВ и роли органов внутренних дел в ней, дать эти знания молодым сотрудникам и поддержать их честным разговором о прошлом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Почему увольняются из МВД: 7 главных причин ухода сотрудников» URL: https://sky.pro/wiki/profession/pochemu-uvolnyayutsya-iz-mvd-7-glavnyh-prichin-uhoda-sotrudnikov/ (дата обращения: 2.05.2026). Режим доступа: свободный.

2. Каргаполова Е.В., Карева Н.А. Проведение анкетирования к 70-летию Великой победы как методическое средство диагностирования и формирования

патриотизма у обучающихся // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования: материалы V Международного научного форума молодых ученых, студентов и школьников 26-29 апреля 2016 г. / под общ. ред. Д. П. Ануфриева. Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. с. 504-510.

3. Шаломова Е. В. Воспитание студенческой молодёжи в высшей школе // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Высшая школа : опыт, проблемы, перспективы» 21-22 апреля 2016 г. Москва : РУДН, 2016 г. ч. 2. 641 с. : ил.

4. Ворожцов А.М. Система воспитания личности в вузе МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 3(62). С. 98-103.

5. Ворожцов А.М. Формирование и реализация профессионально-личностных стратегий выпускников Сибирских вузов МВД России в современных условиях [Текст]: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04: защищена 24.03.09. утв. 26.06.09г. / Ворожцов Александр Михайлович. – Ирк., 2009. – 209 с.

6. Лайкова, Е. А., Бурзанов, Ю. Л. Реализация уголовной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 117-126.

7. Жигалова Е.А., Якушев А.В. Воспитание патриотизма в современных условиях: проблемы и перспективы Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 324-329.

УДК 37.047

М. К. Гайдай, А. А. Кузнецов

ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье определяется сущность профориентационной работы в преломлении к ведомственным образовательным организациям. Подчеркивается актуальность и практическая значимость такой деятельности. Специфика профориентационной работы в ведомственных образовательных организациях обусловлена наличием особых требований к личности будущего специалиста, что накладывает дополнительную ответственность на лиц ее осуществляющих.

Ключевые слова: профориентация, профориентационная деятельность, ведомственные образовательные организации, профессиональная подготовка, выбор профессии.

M.K. Gaidai, A.A. Kuznetsov

VOCATIONAL GUIDANCE ACTIVITIES OF DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

The article defines the essence of career guidance work in refraction to departmental educational organizations. The relevance and practical significance of such activities is emphasized. The specificity of career guidance work in departmental educational organizations is due to the presence of special requirements for the personality of the future specialist, which imposes additional responsibility on the persons carrying it out.

Keywords: career guidance, career guidance activities, departmental educational organizations, professional training, choice of profession.

Введение: актуальность профориентации в ведомственных вузах

В современных условиях реформирования правоохранительной системы Российской Федерации особое значение приобретает качественный отбор кадров для службы в органах внутренних дел, прокуратуре, следственном комитете и других структурах. В профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов велика роль профориентационной деятельности ведомственных образовательных организаций. Эффективность правоохранительной деятельности, ее результативность зависят не в последнюю очередь от уровня подготовленности специалистов, поступающих на службу. Поэтому вопросы выбора профессии, самоопределения молодежи имеют значение не только на личностном уровне отдельного выпускника школы, но и на уровне общества и государства.

В ведомственных образовательных организациях профориентационная работа имеет повышенную актуальность в связи с наличием особых требований к личности будущего сотрудника. Если гражданские вузы могут позволить себе более лояльный подход к абитуриентам, то отбор в учебные заведения МВД России, прокуратуры Российской Федерации, следственного комитета Российской Федерации и аналогичных структур сопряжен с жесткой системой медицинских, психологических и профессиональных критериев. Ошибка в выборе профессии оборачивается здесь не просто разочарованием молодого человека, а потенциальными рисками для общества, когда неподготовленный морально или физически сотрудник оказывается неспособным выполнить служебный долг в экстремальной ситуации. Следовательно, профориентация выступает не просто как система информирования, а как механизм формирования профессионального иммунитета и осознанной мотивации.

Теоретические основы профессионального самоопределения будущих правоохранителей

Осознанность выбора будущей профессии предполагает наличие сформированного представления о той деятельности, на которой остановил свой выбор абитуриент. Психология труда разделяет понятия «профессиональный выбор» и «профессиональное самоопределение». Если выбор – это сиюминутное решение (например, подача документов в конкретный вуз), то самоопределение – это длительный процесс, включающий в себя формирование отношения к профессии, соотнесение своих качеств с ее требованиями и принятие профессии как части своей идентичности.

При этом значение имеет мотивация этого выбора, моральные качества и личностные способности, а также психологическая готовность работать по выбранной профессии. Анализ практики работы приемных комиссий ведомственных образовательных организаций высшего образования показывает, что значительная часть отсева обучающихся на первом-втором курсах связана именно с крушением иллюзий. Абитуриенты, движимые романтическими представлениями из сериалов или желанием получить льготы, сталкиваются с жесткой дисциплиной, монотонной работой с документами, высокой физической нагрузкой и психологическим давлением.

Готовность к выполнению стоящих перед правоохранительными органами задач для кандидата на службу предполагает позитивное отношение к самой деятельности и государственной службе, достаточную информированность о специфике данного вида государственной деятельности. Правоохранительная сфера государства предполагает выполнение важных задач по охране прав и свобод граждан, обеспечению законности и правопорядка, что требует от сотрудника таких качеств, как высокая самодисциплина, ответственность, честность и преданность профессиональному

долгу. В этом отношении очень важно, чтобы выбор профессии был самостоятельным, внутренне мотивированным выбором кандидата на службу, а не результатом давления родителей или случайных обстоятельств.

Нормативно-правовое и научное определение профессиональной ориентации

Для понимания сущности профориентации обратимся к официальным документам и научным трудам. Постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 27 сентября 1996 г. № 1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» профессиональная ориентация определяется как «обобщенное понятие одного из компонентов общечеловеческой культуры, проявляющегося в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, а также проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально-экономической ситуации на рынке труда».

Это определение подчеркивает двусторонний характер профориентации: с одной стороны, это забота государства и общества о молодежи, с другой – учет личных потребностей и способностей человека. Однако для правоохранительной сферы акцент смещается в сторону общественных интересов, так как защита правопорядка является публичной функцией.

Понятие «профессиональной ориентации» раскрывается и в научных работах. Так, Н.А. Горбач и Ю.Г. Панюкова, исследуя вопросы профессиональной ориентации и профессионального отбора в образовательные организации МВД России, дают следующую дефиницию: «Профессиональная ориентация – это система психолого-педагогических, организационных и других мер государства, конкретных ведомств специалистов-психологов, направленных на оптимизацию процесса трудоустройства молодежи в соответствии с желаниями, склонностями, сформировавшимися способностями, с учетом потребности в конкретных специалистах» [1, с. 79]. В данном определении ключевым является слово «оптимизацию», то есть приведение к наилучшему, наиболее эффективному соответствию между личностью и профессией.

Психолого-возрастные особенности школьников как фактор профориентации

Для выпускника школы – будущего абитуриента вопрос «кем быть?» имеет принципиально важное значение, поскольку ответ на него во многом обуславливает всю дальнейшую жизнь. Это именно та жизненная задача, решение которой оказывает влияние не только на выбор специальности и конкретной образовательной организации, но и на весь дальнейший профессиональный путь человека. Старший школьный возраст (15-17 лет) характеризуется кризисом идентичности. Молодые люди примеряют на себя различные социальные роли, ищут референтные группы. В этот период авторитет родителей может снижаться, а влияние сверстников и медиасреды – возрастать.

При профессиональной ориентации должны учитываться возрастные особенности школьников, их восприятие значимости той или иной профессии. В этом отношении видится очень важным информировать школьников о реальных особенностях учебы в ведомственных образовательных организациях и специфике самой профессиональной деятельности. Ведь преимущественно школьники получают информацию о той или иной трудовой деятельности из средств массовой информации,

кино- и видеопродукции, в которых она нередко бывает освещена однобоко и романтизирована.

Пример: в массовом кинематографе работа следователя часто показана как череда погонь, перестрелок и блистательных очных ставок с опасными преступниками. Реальность же такова: большая часть времени следователя (до 70% рабочего времени) уходит на работу с документами, юридическим анализом, заполнением процессуальных актов и кабинетную работу. Это расхождение между ожиданием и реальностью является главной причиной увольнений молодых специалистов на стадии стажировки.

Исследователями отмечается, что «важной составляющей профессиональной жизни человека является период его профессионального самоопределения, когда профессиональные предпочтения формируются в основном на сведениях, полученных из школьной программы, средств массовой информации, сети Интернет и ближайшего социального окружения (родители, друзья, знакомые)» [2, с. 473]. Таким образом, «информационный пузырь» школьника часто ограничен, и задача профориентации – пробить этот пузырь, предоставив достоверные, подчас «неприглядные», но честные данные.

Специфика требований к кандидатам на службу в правоохранительные органы

Молодой человек должен знать и понимать, что служба в правоохранительных органах накладывает на сотрудника дополнительные обязанности и предъявляет особые требования к уровню его подготовки и даже состоянию здоровья. Эти требования можно разделить на несколько групп:

Психофизиологические требования: стрессоустойчивость, способность принимать решения в условиях дефицита времени и информации, эмоциональная стабильность (особенно важна для сотрудников патрульно-постовой службы, оперативных работников).

Морально-этические требования: честность, принципиальность, нетерпимость к коррупции, уважение к правам человека. Практика показывает, что именно моральные качества являются фундаментом, на котором строится доверие граждан к прокуратуре, полиции и т.д.

Интеллектуальные требования: знание законодательства, логическое мышление, хорошая память. Для некоторых специальностей (например, прокурор, следователь, эксперт-криминалист) требуются выраженные аналитические способности.

Физические требования: нормативы по силе, выносливости, быстроте реакции. Для курсантов ведомственных вузов физическая подготовка является обязательным предметом, а не факультативом.

Кроме того, специальные требования предъявляются не только к профессиональным, но и к личностным моральным качествам и способностям человека. К некоторым требованиям, предъявляемым к профессии правоохранителя, человек может адаптироваться с течением времени, так сказать, привыкнуть к ним. Например, к ненормированному рабочему дню или необходимости работать в ночные смены. Но есть и те, которые могут стать непреодолимым препятствием для вхождения в профессию. К числу таких непреодолимых препятствий относятся: психические расстройства, наличие судимости у близких родственников (по отдельным должностям), стойкое неприятие иерархии и субординации, а также некоторые хронические заболевания. Выявление таких ограничений на стадии профориентации

позволяет сберечь время и ресурсы как самого абитуриента, так и образовательной организации.

Методы, формы и технологии современной профориентационной работы

Подводя итог теоретическому анализу, необходимо перейти к практическим рекомендациям. Одним из способов профессионального самоопределения школьника является профориентационная работа. При этом профориентационная деятельность должна использовать те методы, приемы и форматы, которые являются актуальными в настоящее время и могут принести реальный результат исходя из той аудитории, на которую они направлены – будущих сотрудников правоохранительных органов.

Современная классификация методов профориентации включает:

Информационные методы: лекции, экскурсии в подразделения (дежурные части, следственные отделы, музеи органов внутренних дел, музеи прокуратуры), встречи с ветеранами и действующими сотрудниками. Однако важно, чтобы эти встречи не носили парадный характер, а включали элементы «погружения в профессию».

Диагностические методы: психологическое тестирование (опросники профессиональных склонностей, тесты на тип профессии и пр.), профессиональные пробы (решение простейших юридических кейсов, ознакомление со средствами криминалистической техники на выездных занятиях).

Активизирующие методы: деловые игры («Оперативный эксперимент», «Допрос свидетеля», «Осмотр места происшествия» и пр.), форумы с элементами тренинга, где школьники могут попробовать себя в роли следователя или инспектора ДПС.

Ключевым трендом последних лет является цифровая трансформация профориентации. Ведомственные образовательные организации активно используют социальные сети, создают видеоролики о буднях курсантов, проводят дни открытых дверей, онлайн-туры по казармам и учебным классам. Например, формат «день открытых дверей онлайн» позволяет охватить абитуриентов из отдаленных регионов, которые физически не могут приехать в областной центр. Однако при всех плюсах дистанционных форматов, ничто не заменит живого общения и реальной попытки выполнить физическое упражнение или юридическое задание под руководством наставника.

Особого внимания заслуживает работа с родителями выпускников школ. Зачастую именно родители, опасаясь за будущее ребенка (служба связана с риском), сознательно или бессознательно саботируют его решение. Поэтому эффективная профориентация в ведомственных вузах должна включать родительские собрания с участием психологов, где развеиваются мифы о службе и объясняются социальные гарантии (льготы, выслуга лет, пенсионное обеспечение).

Заключение и практические рекомендации

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что профориентационная деятельность ведомственных образовательных организаций является не просто вспомогательным процессом набора абитуриентов, а стратегическим направлением кадровой политики правоохранительных органов. От качества этой работы зависит, кто придет служить закону через несколько лет – случайные, разочарованные люди или мотивированные, психологически устойчивые патриоты.

Конкретные способы и формы такой деятельности должны повышать интерес и мотивированность выбора профессии правоохранителя. Исходя из вышесказанного, *можно предложить следующие направления совершенствования*

профориентационной работы:

- Внедрение института «профессиональных проб» на базе профильных психолого-педагогических классов. Не менее 20% учебного времени в таких классах должно быть посвящено практическим занятиям под руководством сотрудников правоохранительных органов.
- Создание на официальных сайтах вузов раздела «Реальная профессия» с видеодневниками молодых сотрудников, где они рассказывают о типичных трудностях первого года службы, а не только о героических задержаниях.
- Развитие наставничества «курсант – школьник» (волонтерские отряды профориентации), где молодые люди примерно одного возраста могут общаться на равных, что снижает барьеры восприятия.
- Регулярное проведение психологических тренингов для школьников с элементами диагностики, чтобы абитуриент заранее мог оценить свою стрессоустойчивость и коммуникативные навыки.

Реализация этих мер позволит снизить процент отсева обучающихся на ранних этапах обучения, повысить престиж правоохранительных специальностей и, в конечном счете, укрепить кадровую безопасность государства. Осознанный выбор профессии – это основа, на которой только и может быть построена эффективная правоохранительная деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбач Н.А., Панюкова Ю.Г. Проблемы профессиональной ориентации и отбора молодежи на обучение в ведомственные вузы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. №3 (9). С. 78-84.

2. Губин В.А., Шабаров Д.В., Снигищенко Е.Ф., Кособуцкий А.О., Молдованов А.В. Представление о прокурорской деятельности и профессиональное самоопределение лиц, имеющих среднее общее образование // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. №7 (185). С. 472-476.

3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. — М.: Академия, 2010.

4. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М.: Знание, 2016.

УДК 37.035.6:34

О. П. Грибунов

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется правовое воспитание как инструмент реализации стратегических национальных приоритетов России. На основе анализа Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Указа Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года» выявляется человекоцентричный вектор современной государственной политики. Автором обосновывается тезис о том, что сформированная правовая культура гражданина является необходимым условием сбережения народа России, укрепления законности и защиты от противоправных посягательств. На примере материалов документального фильма А. Медведева «Предательство» демонстрируется разрыв между правовым информированием и

реальным уровнем правосознания молодежи, приводящий к катастрофическому неверному прогнозу уголовной ответственности (ожидание 2–3 лет лишения свободы при реальных приговорах 18–25 лет). Формулируется вывод о том, что правовое воспитание является прямым элементом обеспечения национальной безопасности, и предлагаются конкретные меры по его реализации в системе высшего образования.

Ключевые слова: правовое воспитание, национальная безопасность, правовая культура, гражданская идентичность, профилактика правонарушений.

O. P. Gribunov

LEGAL EDUCATION AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

Abstract. The article examines legal education as a tool for implementing the strategic national priorities of the Russian Federation. Based on the analysis of the Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” and the Decree of the President of the Russian Federation No. 858 of November 25, 2025 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036”, the human-centric vector of modern state policy is identified. The author substantiates the thesis that a formed legal culture of a citizen is a necessary condition for preserving the people of Russia, strengthening the rule of law and protecting against illegal encroachments. Using the materials of the documentary film “Betrayal” by A. Medvedev as an example, the article demonstrates the gap between legal information and the real level of legal awareness of young people, leading to a catastrophic incorrect forecast of criminal liability (expecting 2–3 years of imprisonment while actual sentences are 18–25 years). The conclusion is drawn that legal education is a direct element of national security, and specific measures for its implementation in the higher education system are proposed.

Keywords: legal education, national security, legal culture, civic identity, crime prevention.

Анализ действующих стратегических документов Российской Федерации позволяет сделать принципиальный вывод: в основе современной государственной политики лежит человекоцентричный подход. Это означает, что человек, его развитие, права и безопасность рассматриваются в качестве безусловного приоритета при определении национальных интересов. Конституция Российской Федерации в статье 2 закрепляет фундаментальное положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»[1]. Из данной нормы вытекает, что безопасность государства не может обеспечиваться в ущерб личности, равно как и защита суверенитета не должна вступать в противоречие с правами конкретного гражданина. Однако из этого же положения следует и обратная зависимость: высокая ценность личности предполагает сформированную правовую культуру самого человека. Государство может защищать права гражданина, но не способно прожить его жизнь за него. Гражданин, не знающий законов и не понимающий тяжести последствий своих действий, становится не достоянием, а уязвимым звеном национальной безопасности.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[1] закрепляет систему национальных приоритетов и стратегических целей. В пункте 25 Стратегии первым среди них названо «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Данный приоритет расположен выше защиты конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности.

Такое расположение указывает на то, что государство исходит из фундаментального принципа: сильная страна – это прежде всего здоровое, образованное, правокультурное население. В пункте 26 среди стратегических национальных приоритетов последовательно закреплены: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала (пп. 1), государственная и общественная безопасность (пп. 3), защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (пп. 8). Особое значение имеет приоритет «государственная и общественная безопасность», поскольку его обеспечение невозможно без укрепления законности, которое, в свою очередь, требует не только карательных мер, но и профилактики правонарушений. Эффективная профилактика немыслима без системного правового воспитания населения, в первую очередь — молодежи.

Ответ на вопрос об инструментах формирования правосознания граждан содержится в другом стратегическом документе – Указе Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»[2]. Пп. «а» п. 37 закрепляет в качестве одного из приоритетных направлений «укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей». Гражданская идентичность понимается как осознание человеком своей принадлежности к российскому обществу, принятие его норм, правил и законов, готовность следовать правовым предписаниям и понимание неотвратимости ответственности за их нарушение. Ключевую роль здесь играет правовое воспитание, которое выступает механизмом, превращающим абстрактные правовые нормы во внутренние убеждения личности. Без правового воспитания невозможно сформировать уважение к закону, преодолеть правовой нигилизм, добиться добровольного и осознанного соблюдения правовых запретов.

Таким образом, правовое воспитание является не второстепенной задачей, а прямым инструментом реализации стратегических приоритетов, закрепленных на высшем уровне государственного управления. Игнорирование этого инструмента ведет к правовой неграмотности населения, которая, в свою очередь, создает реальные угрозы национальной безопасности.

Серьезность этой угрозы подтверждается эмпирическими данными. В 2026 году вышел документальный фильм Александра Медведева «Предательство», посвященный молодым людям, совершившим особо тяжкие преступления против государства[3]. В

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

[2] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

[3] Фильм «Предательство»: документальная история о вербовке и её последствиях / Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://omgpu.ru/news/film-predatelstvo-dokumentalnaya-istoriya-o-verbovke-i-eyo-posledstviyakh (дата обращения 20.05.2026).

ходе интервью с осужденными был зафиксирован следующий факт: на вопрос о прогнозируемом наказании молодые люди, уже находящиеся под следствием, заявляли, что ожидают 2–3 года лишения свободы. Реальный приговор, оглашенный судом, составил от 18 до 25 лет лишения свободы. Реакция осужденных – искреннее недоумение: «Почему так много?». Анализ данной ситуации позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, молодые люди продемонстрировали примитивный уровень правосознания: они знали о факте запрета, но не понимали его содержания и реальных последствий. Во-вторых, они не были информированы об уголовной политике Российской Федерации, в частности о том, что уголовное законодательство, оставаясь в целом гуманным и ориентированным на защиту личности и общественной безопасности, проявляет максимальную суровость к посягательствам на основы конституционного строя. В-третьих, их поведение не было скорректировано на этапе формирования правосознания ни школой, ни семьей, ни социальным окружением.

Данный случай является не единичным, а системным индикатором, сигнализирующим о глубинном дефиците правового воспитания в стране. Если молодые люди, дошедшие до скамьи подсудимых, не понимают, почему им дают 20 лет вместо 2–3, то это проблема не только правоохранительной системы, но и всей системы формирования личности, включая высшее образование.

Таким образом, правовое воспитание является прямым элементом обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Данный вывод обосновывается тремя группами аргументов. Первая — профилактическая. Низкая правовая культура и неверная оценка тяжести последствий делают молодого человека легкой мишенью для деструктивных сил. Вербовщик, экстремист, организатор незаконных схем могут убедить его в минимальности риска («дадут условно», «отделаешься парой лет»). Профилактика преступности начинается не с ужесточения наказания, а с правового просвещения задолго до того, как человек встанет на преступный путь. Вторая — инструментальная. Правовое воспитание является необходимым условием реализации стратегических приоритетов, закрепленных в указах Президента. Без него невозможно укрепить законность и сформировать гражданскую идентичность. Третья — демографическая и экономическая. Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала — главный национальный интерес. Каждый молодой человек, получивший длительный срок лишения свободы вместо того, чтобы получить профессию, создать семью и работать на благо страны, представляет собой безвозвратную потерю для демографии и экономики.

В целях реализации стратегических приоритетов и снижения выявленных рисков в системе высшего образования представляется целесообразным реализовать следующие меры. Во-первых, интегрировать правовоспитательный компонент в образовательные программы, включив в обязательный курс «Правоведение» специальный модуль, посвященный уголовной политике Российской Федерации с разбором реальных санкций за преступления против общественной безопасности и конституционного строя. Во-вторых, организовать на базе университетов дискуссионные площадки с участием представителей судебной системы, прокуратуры и Следственного комитета для прямого диалога со студентами. В-третьих, использовать документальный фильм «Предательство» и аналогичные материалы в воспитательной работе с обязательным последующим юридическим разбором. В-четвертых, внедрить индикаторы эффективности правового воспитания (входное и выходное тестирование студентов по вопросам юридической ответственности).

Проведенный анализ позволяет сформулировать итоговый вывод. Стратегические документы Российской Федерации закрепляют человекоцентричный подход, в рамках которого человек признается высшей ценностью, а сбережение

народа — первым национальным интересом. Однако реализация этого подхода невозможна без сформированной правовой культуры самих граждан. Документальный фильм «Предательство» наглядно демонстрирует последствия отсутствия системного правового воспитания: катастрофический разрыв между ожидаемым и реальным наказанием. Правовое воспитание является элементом обеспечения национальной безопасности, инструментом профилактики преступности, условием реализации стратегических приоритетов и механизмом сохранения человеческого капитала. Образовательная организация высшего образования как ключевой институт социализации молодого поколения обязана взять на себя активную роль в решении этой задачи. Инвестиции в правовое воспитание студентов — это инвестиции в безопасность государства.

Дун Жуин

КУЛЬТУРНОЕ ВНЕДРЕНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

文化嵌入与法治实践
---公安执法行为的社会文化维度探析

董如英 黑龙江公安警官职业学院法律系

摘要：公安执法行为不仅是法律适用过程，更是深嵌于社会文化结构、受多重文化因素共同塑造的法治实践活动。从文化嵌入视角看公安执法与社会文化维度的内在关联。传统法律文化、现代法治文化、网络舆论文化对公安执法行为的社会文化影响。提出公安执法的优化方向，培育执法者的文化自觉，在坚持法治底色的前提下，实现法治精神与社会文化的创造性融合。

关键词：文化嵌入；公安执法；法治实践；社会文化；网络舆论文化

公安机关是维护国家安全、社会安定、人民安宁的专门力量，公安执法直接关系公民权利保障、法律权威树立与社会和谐稳定。长期以来，公安执法研究多集中法学视角，法律规范、权力规制，制度机制、程序正义、诉讼流程等层面，但任何执法活动都不是抽象的权力运作，而是在特定文化场域中展开的社会实践。公安执法不能脱离其所在的社会和文化系统，执法者的价值判断、行为选择、裁量尺度，以及社会公众对执法的认知、期待与接受程度，均受到社会文化潜移默化的塑造。

文化嵌入理论引入公安执法研究，因执法行为从来不是在文化真空中运行的，它始终受制于并反作用于特定的社会文化环境，可以更深刻地理解执法实践中的情理考量、弹性空间、舆论压力与地域差异。当前我国传统法律文化与现代法治文化碰撞融合，城乡差异、民族习俗、网络舆论共同构成复杂的执法文化环境。人民警察常常面临严格执法与柔性处置、程序规范与群众感受、统一标准与地方实际之间的平衡难题，其本质正是文化嵌入与法治实践之间张力的外在显现。

一、文化嵌入视角下的公安执法行为

文化嵌入是指个体或组织的行为、决策与实践活动，受到所处社会的价值观念、行为规范、风俗习惯、舆论氛围与身份认同等文化因素的深刻影响，从而呈现出与文化环境相适应的特征。文化嵌入不是外部约束，而是内化于认知、判断与行动之中的内在逻辑。

在公安执法中，文化嵌入是指执法行为的方式、逻辑与效果，深受其所处社会的文化传统、价值观念、行为规范的影响与塑造。执法者对法律的理解、对权力的认知、对群众的态度受文化影响；公众对执法权威、程序正义、处罚结果的评价受文化塑造；警民互动模式、矛盾化解方式、执法裁量空间被文化环境影响。离开社会文化维度，就难以真正理解公安执法的现实样态与运行逻辑。

文化嵌入与公安执法法治实践并非对立关系，而是互构共生关系。一方面，文化为法治提供社会基础与认同支撑，符合文化心理的执法更容易获得理解与支持；另一方面，法治引领文化发展，通过规范、公正、文明的执法实践培育全社会规则意识与法治信仰。优秀的执法实践，应当在法治框架内实现文化适配，在文化认同基础上强化法治权威。

二、影响公安执法行为的主要社会文化维度

（一）传统法律文化

中国传统法律文化以“礼法合治、德主刑辅”为核心，礼侧重于教化引导，法侧重于强制约束，二者相辅相成。这种文化传统对当代公安执法仍有深远影响。一方面，它塑造了公众对执法的期待，期望执法者“依法办事”，也期望执法者“通情达理”；另一方面，它也影响了执法者的自我认知，执法者既是法律适用者，也是社会关系的调停者和群众工作的实践者。其次是息讼止争、无讼为贵的治理传统，推动公安机关坚持和发展新时代“枫桥经验”，将矛盾化解在源头、解决在基层。传统法律文化为执法提供了亲民、务实、和谐的价值导向，但也可能带来人情干预执法、重结果轻程序、以情代法等风险，对法律统一适用构成挑战。

（二）现代法治文化

以习近平法治思想为指导的社会主义法治文化，是新时代公安执法的主导文化，确立了“严格规范公正文明”的核心准则。一是程序正义与权利保障。现代法治要求执法尊重和保障人权，注重证据、遵守程序、告知权利、接受监督。执法从“结果导向”逐步转向“程序与结果并重”，执法全流程记录、办案中心管理、法制审核等制度不断完善。二是以人民为中心的价值立场。“人民公安为人民”从政治要求转化为执法实践，推动执法理念从“管理本位”向“服务与治理并重”转变。首违不罚、轻微不罚、柔性执法、说理式执法等实践，体现了法治的温度。三是权力监督与公开透明。法治文化要求权力在阳光下运行，执法公开、接受监督、责任追究、容错纠错成为常态，执法规范化、标准化、精细化水平不断提升，执法公信力建设持续推进。现代法治文化为执法提供合法性与权威性，但在社会法治素养不均衡的背景下，也可能出现规范执法不被理解、程序严谨被视为推诿等文化适配难题。

（三）网络舆论文化

互联网、短视频、自媒体构建起全民围观、即时传播、情绪共振的网络舆论文化，深刻改变了公安执法生态。人人都是摄像机，一线执法行为随时可能被拍摄、传播、放大。执法语言、动作、态度、情绪都处于公共监督之下，微小瑕疵可能引发舆情风暴，对执法规范化、文明化提出更高要求。网络传播具有碎片化、情绪化、标签化特征，公众容易基于片段信息、情感立场做出判断，形成舆论浪潮，与法律强调的证据、程序、中立存在明显冲突，甚至出现“舆论审判”干扰执法公正。网络舆论文化既是监督执法的重要力量，也是考验公安机关媒介素养与舆情应对能力的重要场域。

三、公安执法行为的多重文化嵌入

公安执法行为的文化嵌入，可以从以下几个维度加以把握。

第一，执法目标嵌入。公安执法的目标是维护社会秩序、保障公民权益、实现公平正义，这本身就是特定文化价值的体现。传统情理文化、现代法治文化共同决定执法的价值取向，影响执法者在秩序、公正、效率、温情之间的权衡。第二，执法方式嵌入。执法者采取何种方式与群众沟通、如何运用自由裁量权、如何处理情法冲突，很大程度上取决于特定社会的交往规范和行为逻辑。在中国，乡土熟人关系、都市陌生人社会、民族社群关系结构差异，决定执法沟通方式与信任基础。第三，执法规范嵌入。法律规范、职业规范、民俗规范、网络舆论规范共同构成行为约束体系，使公安执法在多重规范中寻求平衡。第四，执法场域嵌入。线下现场执法与线上舆论相互叠加，使公安执法行为同时接受现实监督与网络评判。

四、公安执法文化的优化路径

（一）法治精神与文化认同的统一

公安执法文化优化路径，首先是确立清晰的价值导向。这既包括对法治精神的坚守，也包括对社会文化脉络的尊重。坚持法治引领，确保所有执法活动在法治轨道上运行，夯实文化嵌入的制度底线，在坚守法律底线的前提下实现文化适配。执法者真正理解法治精神与中国文化传统的内在关联，在具体实践中实现法治精神与文化认同的有机统一。

（二）专业素养与文化智慧的结合

执法者是执法文化的承载者和践行者，吸纳优秀传统文化，提升执法温度与认同，必须重视执法者主体的培育。培育先进职业文化，提升执法综合能力。人民警察教育和培训中融入更多的人文社会科学内容，法学教育，社会学、人类学、心理学等等。传承情理法兼顾的传统治理智慧，坚持法、理、情有机统一。专业素养是基础，这包括对法律知识的系统掌握、对执法程序的熟练运用、对证据规则的准确理解。文化智慧同样不可或缺，这包括对民族习俗、乡土习惯、城市规则的理解与尊重，沟通协调能力、情绪管理、对情感互动的把握。

（三）适应网络舆论文化塑造公信形象

网络舆论文化是一把双刃剑，既强化监督，也放大矛盾、消耗权威，对公安机关媒介素养、舆情应对能力与执法文明程度提出全新挑战。全面提升民警媒介素养与规范执法能力，自觉在镜头下执法，做到理性、平和、文明、规范。健全舆情快速响应与信息发布机制，及时公开、主动回应、以真相破谣言、以透明化误解。以权威引导舆论，将网络监督转化为提升执法质量的外部动力。善于运用群众易懂的语言传播执法故事，增强警民之间的情感认同与文化认同。

公安执法行为的社会文化维度，本质上是在探索如何让法治规范有机嵌入社会文化脉络，使法治精神获得文化的滋养与支撑。通过法治引领文化、文化支撑法治，推动执法从刚性管控向刚柔并济转变，真正实现法律效果、政治效果与社会效果有机统一。既要坚持法治的统一与权威，也要尊重文化的多样与差异，既要推进技术的赋能与应用，也要守护人文的温度与关怀。让法治精神真正在社会的文化土壤中生根发芽、开花结果。

参考文献：
[1] 李锡海. 文化视角下的警务创新研究[J]. 山东警察学院学报, 2022(4).
[2] 辛平.新媒体语境下警民双向沟通模式构建[N].中国警察网,2025-05-11.

Перевод

Дун Жуин

КУЛЬТУРНОЕ ВНЕДРЕНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Правоприменительная деятельность органов общественной безопасности представляет собой не просто процесс применения правовых норм, но и государственно-правовую практику, которая глубоко укоренена в социокультурной структуре общества и формируется под совместным воздействием множества культурных факторов. В статье с позиции культурного имбеддинга (внедрения) рассматривается внутренняя взаимосвязь между деятельностью органов общественной безопасности и социокультурным измерением. Анализируется социокультурное влияние традиционной правовой культуры, современной правовой культуры и культуры сетевого общественного мнения на правоприменительную практику органов общественной безопасности. На основе проведенного анализа предлагаются направления оптимизации данной деятельности и пути формирования культурного самосознания сотрудников правоохранительных органов. Автор обосновывает необходимость достижения созидательного синтеза духа верховенства права и социокультурных особенностей при обязательном сохранении фундаментального правового базиса.

Ключевые слова: культурный эмбеддинг; правоприменительная деятельность органов общественной безопасности; государственно-правовая практика; социокультура; культура сетевого общественного мнения.

УДК 34:008

Dong Zhuying

CULTURAL INTEGRATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE: AN ANALYSIS OF THE SOCIOCULTURAL DIMENSION OF PUBLIC SECURITY LAW ENFORCEMENT

Abstract. The law enforcement activities of public security agencies constitute not merely a process of applying legal norms but also a state-legal practice deeply rooted in the sociocultural structure of society and shaped by the combined influence of numerous cultural factors. This article examines the intrinsic relationship between the activities of public security agencies and the sociocultural dimension through the lens of cultural embedding. It analyzes the sociocultural impact of traditional legal culture, modern legal culture, and the culture of online public opinion on the law enforcement practices of public security agencies. Based on this analysis, the article proposes ways to optimize these activities and foster cultural self-awareness among law enforcement personnel. The author substantiates the need to achieve a constructive synthesis of the spirit of the rule of law and sociocultural characteristics, while strictly preserving the fundamental legal framework.

Keywords: cultural embedding; law enforcement activities of public security agencies; state-legal practice; sociocultural context; culture of online public opinion.

Органы общественной безопасности являются специализированной силой, обеспечивающей защиту национальной безопасности, общественного порядка и спокойствия граждан, а их правоприменительная деятельность напрямую связана с гарантированием прав граждан, утверждением авторитета закона, а также социальной гармонией и стабильностью. Долгое время исследования деятельности органов общественной безопасности преимущественно концентрировались в рамках правовой науки, затрагивая такие аспекты, как правовые нормы, ограничение полномочий, институциональные механизмы, процессуальная справедливость и стадии судопроизводства. Однако любая правоприменительная деятельность представляет собой не абстрактное функционирование власти, а социальную практику, разворачивающуюся в конкретном культурном поле. Деятельность органов общественной безопасности невозможно отделить от социальной и культурной системы, в которой она осуществляется. Ценностные суждения правоприменителей, выбор ими моделей поведения, пределы дискреционных полномочий, а также восприятие, ожидания и степень одобрения правоохранительной деятельности со стороны общественности — все это подспудно формируется под воздействием социокультуры.

Внедрение теории культурного имбеддинга (внедрения) в исследования правоприменительной деятельности органов общественной безопасности обусловлено тем, что правоохранительные действия никогда не осуществляются в культурном вакууме. Они неизменно детерминируются специфической социокультурной средой и одновременно оказывают на нее обратное воздействие. Данный подход позволяет глубже понять такие аспекты правоприменительной практики, как учет морально-этических факторов и жизненного контекста (情理), наличие пространства для гибкого реагирования, давление со стороны общественного мнения и региональные различия.

В настоящее время в Китае происходит столкновение и интеграция традиционной правовой культуры и современной культуры верховенства права. При этом различия между городом и деревней, национальные обычаи и сетевое общественное мнение в совокупности формируют сложную культурную среду правоприменения. Сотрудники народной полиции часто сталкиваются с трудностями при поиске баланса между строгим соблюдением закона и гибким (мягким) реагированием, процессуальными нормами и субъективным восприятием граждан, едиными стандартами и местной спецификой. Сущность этих дилемм как раз и представляет собой внешнее проявление латентного напряжения (диссонанса) между культурным эмбеддингом и правоприменительной практикой.

I. Правоприменительная деятельность органов общественной безопасности в контексте культурного эмбеддинга

Культурный эмбеддинг (внедрение) означает, что поведение, решения и практическая деятельность индивидов или организаций находятся под глубоким влиянием таких культурных факторов, как ценностные ориентации, поведенческие нормы, обычаи, атмосфера общественного мнения и идентичность, существующие в данном обществе, вследствие чего они приобретают характеристики, адаптированные к этой культурной среде. Культурный эмбеддинг является не внешним ограничителем, а внутренней логикой, интегрированной в процессы познания, суждения и действия.

В правоприменительной деятельности органов общественной безопасности культурный эмбеддинг выражается в том, что методы, логика и результаты правоохранительных действий подвержены глубокому влиянию и формированию со стороны культурных традиций, ценностных ориентаций и поведенческих норм

конкретного общества. Культура определяет то, как правоприменитель понимает закон, как он воспринимает власть и как относится к гражданам. Она же формирует оценку законности действий полиции, процессуальной справедливости и результатов вынесения наказаний со стороны общественности. Под воздействием культурной среды складываются модели взаимодействия между полицией и населением, способы разрешения конфликтов и рамки дискреционных полномочий при отправлении правосудия. Без учета социокультурного измерения невозможно подлинно осмыслить реальное состояние и внутреннюю логику функционирования правоприменительной системы органов общественной безопасности.

Культурный эмбеддинг и государственно-правовая практика органов общественной безопасности не находятся в отношениях противоборства — они характеризуются взаимным конструированием и симбиозом. С одной стороны, культура обеспечивает социальную основу и легитимизирующую поддержку верховенству права: правоприменение, резонирующее с культурно-психологическими установками общества, гораздо легче находит понимание и содействие со стороны граждан. С другой стороны, верховенство права выступает ориентиром для культурного развития, формируя через законную, справедливую и цивилизованную правоприменительную практику всеобщее уважение к правилам и веру в закон. Эффективная правоохранительная практика должна обеспечивать адаптацию к культурному контексту в рамках правового поля и укреплять авторитет правосудия на базе общественного признания культурных ценностей.

II. Основные социокультурные факторы, влияющие на поведение полиции при применении правоохранительных мер

(I) Традиционная правовая культура

В основе традиционной китайской правовой культуры лежит концепция «совместного управления на основе этических норм и законов, при котором добродетель провозглашается основой, а наказания — вспомогательным средством». При этом этико-социальные нормы (ли) делают акцент на нравственном воспитании и наставлении, тогда как закон (фа) ориентирован на принудительное ограничение, благодаря чему они дополняют друг друга. Эта культурная традиция до сих пор оказывает глубокое влияние на современную правоприменительную деятельность органов общественной безопасности.

С одной стороны, она формирует общественные ожидания: граждане рассчитывают, что правоприменители будут не только «действовать строго по закону», но и «проявлять понимание и человечность». С другой стороны, она влияет на самосознание самих сотрудников, которые позиционируют себя не просто как субъектов применения права, но и как посредников в социальных отношениях, а также практиков работы с населением.

Кроме того, управленческая традиция, направленная на прекращение тяжб и урегулирование споров, где наивысшей ценностью признается бесконфликтность, побуждает органы общественной безопасности развивать «Фэнцяоский опыт» в новую эпоху, разрешая конфликты в самом зародыше и на низовом уровне. Традиционная правовая культура задает правоприменению близкую к народу, прагматичную и гармоничную ценностную ориентацию. Однако она также несет в себе риски вмешательства личных связей в деятельность полиции, приоритета практического результата над юридической процедурой и подмены закона личными чувствами, что бросает вызов принципу единообразия применения права.

(2) Современная правовая культура

Социалистическая правовая культура, основанная на идеях Си Цзиньпина о верховенстве закона, является доминирующей культурой в деятельности органов общественной безопасности в новую эпоху [KHP]. Она закрепляет в качестве ключевого принципа **«строгое, стандартизированное, справедливое и цивилизованное правоприменение»**.

• **Процессуальная справедливость и защита прав.** Современное верховенство права требует, чтобы правоприменение основывалось на уважении и защите прав человека, повышенном внимании к доказательственной базе, соблюдении процедур, разъяснении прав гражданам и открытости к надзору. Правоохранительная деятельность постепенно переходит от **«ориентации на результат»** к **«равнозначности процедуры и результата»**; непрерывно совершенствуются системы сквозной видеофиксации всех этапов правоприменения, централизованного управления материалами дел и правовой экспертизы принимаемых решений.

• **Ориентация на интересы народа как фундаментальная ценностная позиция.** Принцип «народная полиция — для народа» трансформировался из сугубо политического лозунга в реальную правоприменительную практику. Это стимулировало переход концепции правопорядка от **«приоритета контроля»** к **«равному значению сервисных функций и управления»**. Внедрение таких практик, как неприменение наказания при первом или малозначительном правонарушении, мягкое (гибкое) реагирование и разъяснительный (аргументированный) формат вынесения взысканий, наглядно отражает гуманистическую составляющую верховенства права.

• **Контроль за полномочиями, гласность и прозрачность.** Правовая культура требует, чтобы власть функционировала в условиях максимальной транспарентности. Открытость правоприменения, подотчетность надзорным органам, привлечение к юридической ответственности, а также механизмы исправления и минимизации ошибок стали повседневной нормой. Благодаря этому непрерывно повышается уровень нормативности, стандартизации и детализации деятельности ведомства, а также укрепляется общественное доверие к правоохранительной системе.

Современная правовая культура обеспечивает легитимность и авторитет правоприменения. Тем не менее в условиях неравномерного уровня правосознания в обществе нередко возникают **проблемы культурной адаптации**, когда строгое следование правилам не находит понимания у граждан, а процедурная скрупулезность воспринимается ими как бюрократическое затягивание процесса.

(3) Культура сетевого общественного мнения

Развитие интернета, сервисов коротких видеороликов и персональных медиа (блогов) сформировало феномен «всеобщего цифрового наблюдения», мгновенного распространения информации и эмоционального резонанса, что в корне изменило экосистему правоприменительной деятельности органов общественной безопасности. В условиях, когда «каждый человек является видеокамерой», любые действия сотрудников полиции на передовой могут быть зафиксированы, опубликованы и преданы широкой огласке в любой момент. Речевая культура, жесты, отношение и эмоции правоприменителей находятся под непрерывным общественным контролем, а малейшая ошибка способна спровоцировать масштабный кризис в медиапространстве, что предъявляет повышенные требования к нормативности и этичности действий полиции.

Сетевое распространение информации характеризуется фрагментарностью, повышенной эмоциональностью и стигматизацией (наклеиванием ярлыков). Общественность склонна делать выводы на основе отрывочных данных и субъективных эмоциональных позиций, формируя мощные волны общественного мнения. Это вступает в явное противоречие с фундаментальными правовыми принципами объективности доказательств, строгости процедур и нейтралитета, а в ряде случаев приводит к «суду толпы» (медиасуду), препятствующему беспристрастному отправлению правосудия. Таким образом, культура сетевого общественного мнения выступает не только важным инструментом гражданского контроля за полицией, но и ключевым пространством, проверяющим на прочность медиаграмотность органов общественной безопасности и их способность эффективно реагировать на репутационные кризисы.

IV. Пути оптимизации правоприменительной культуры органов общественной безопасности

(1) Единство духа верховенства права и культурной идентичности

Траектория оптимизации правоприменительной культуры органов общественной безопасности требует прежде всего формирования четких ценностных ориентиров. Это подразумевает как неукоснительное следование духу верховенства права, так и уважение к социокультурному контексту. Приоритет правового регулирования обеспечивает осуществление всей правоохранительной деятельности строго в правовом поле, что закладывает институциональный базис для культурного эмбеддинга; при этом адаптация к культурной среде должна происходить исключительно при условии соблюдения буквы закона. Правоприменителю необходимо глубоко осознавать внутреннюю взаимосвязь между духом верховенства права и китайскими культурными традициями, добиваясь в своей практической деятельности органического единства между правовыми ценностями и культурной идентичностью общества.

(2) Сочетание профессиональных компетенций и культурной мудрости

Правоприменители являются непосредственными носителями и практиками правоохранительной культуры. Процесс абсорбции выдающегося традиционного культурного наследия, направленный на повышение гуманистической составляющей (температуры) правоприменения и уровня его общественного признания, требует первостепенного внимания к формированию личности самого правоприменителя. Необходимо развивать передовую профессиональную культуру и повышать комплексные навыки сотрудников. В связи с этим в систему образования и профессиональной подготовки сотрудников народной полиции следует интегрировать более широкий спектр гуманитарных и социальных наук, включая философию права, социологию, антропологию, психологию и другие дисциплины. Наследование традиционной управленческой мудрости, предполагающей одновременный учет норм закона, здравого смысла и человеческих чувств (цин-ли-фа), должно базироваться на неукоснительном соблюдении принципа их органического единства.

Профессиональные компетенции служат фундаментом данной деятельности. Они включают в себя системное владение юридическими знаниями, уверенное применение правоприменительных процедур и точное понимание правил работы с доказательственной базой. Однако культурная мудрость не менее важна: она подразумевает понимание и уважение к национальным обычаям, локальным сельским традициям и городским правилам общежития, а также развитые коммуникативные

навыки, способности к медиации, управлению собственными эмоциями и грамотному выстраиванию психологического взаимодействия с гражданами.

(3) Адаптация к культуре сетевого общественного мнения и формирование авторитетного имиджаКультура сетевого общественного мнения представляет собой палку о двух концах: с одной стороны, она усиливает гражданский контроль, с другой — масштабирует конфликты и подрывает авторитет ведомства, что ставит принципиально новые задачи перед органами общественной безопасности в сфере медиакомпетентности, реагирования на репутационные кризисы и повышения уровня этичности правоприменения. Необходимо всесторонне повышать медиаграмотность сотрудников и их способность осуществлять деятельность строго в рамках регламентов, формируя готовность осознанно выполнять свои обязанности «под прицелом видеокамер», действуя рационально, сдержанно, вежливо и нормативно.

Требуется совершенствовать механизмы оперативного реагирования на кризисные ситуации в медиасреде и каналы публикации официальной информации, обеспечивая своевременную гласность, проактивное реагирование, развенчание слухов с помощью фактов и устранение недопонимания за счет транспарентности. Опираясь на институциональный авторитет, следует грамотно направлять общественное мнение, трансформируя цифровой надзор со стороны граждан во внешний стимул для повышения качества правоприменительной практики. Важно также умело использовать доступный и понятный населению язык для освещения повседневной деятельности полиции, укрепляя эмоциональную и культурную интеграцию между полицией и обществом.

Изучение социокультурного измерения правоприменительной деятельности органов общественной безопасности по своей сути является поиском путей органичной интеграции правовых норм в социокультурный контекст, что позволяет духу верховенства права обрести прочную культурную основу и поддержку. Направляя развитие культуры через закон и укрепляя закон с помощью культуры, необходимо стимулировать переход правоохранительной практики от жесткого административного контроля к сочетанию императивных и диспозитивных (мягких) методов (刚柔并济). Это позволит достичь подлинного и органичного единства юридического, политического и социального эффектов правоприменения. Процесс государственно-правового строительства требует неукоснительного сохранения единообразия и авторитета закона при одновременном уважении культурного многообразия и локальной специфики; он предполагает активное внедрение передовых технологических решений при обязательном сохранении гуманистической составляющей и заботы о человеке. Только при соблюдении этих условий дух верховенства права сможет по-настоящему пустить корни, окрепнуть и принести плоды на социокультурной почве общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ли Сихай. Исследование инноваций в полиции с культурной точки зрения [J]. Журнал Академии полиции Шаньдуна, 2022(4).

2. Синь Пин. Построение модели двусторонней коммуникации между полицией и гражданским населением в контексте новых медиа [N]. Китайская полицейская сеть, 11 мая 2025 г.

УДК 371.311.1

М.Г. Евдокимова

ШАГ ЗА ШАГОМ К ПАТРИОТИЗМУ: ОПЫТ ШЕФСКОЙ РАБОТЫ В ДЕТСКОМ ДОМЕ

В статье рассматривается вопрос о формировании патриотизма у воспитанников, оставшихся без попечения родителей в г. Иркутске. Основным средством патриотического воспитания является приобщение молодых людей к истории России, героическому военному и трудовому настоящему и прошлому через комплекс мероприятий, которые делают воспитательный процесс практико-ориентированным, интерактивным, эмоциональным. Для эффективного проведения мероприятий традиционно применяется метод коллективного творческого воспитания кафедрой иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России.

Ключевые слова: патриотизм, гражданская активность, патриотическое воспитание, шефская работа, метод коллективного творческого воспитания.

M.G. Yevdokimova

STEP BY STEP TO PATRIOTISM: EXPERIENCE OF PATRONAGE WORK IN AN ORPHANAGE

The article considers the issue of the formation of patriotism among pupils left without parental care in the city of Irkutsk. The main means of patriotic education is to introduce young people to the history of Russia, the heroic military and labor present and past through a set of events that make the educational process practical-oriented, interactive, and emotional. For the effective conduct of events the Department of Foreign Languages and Speech Culture of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia traditionally have been using the method of collective creative education.

Keywords: patriotism, civic engagement, patriotic education, mentoring, collective creative education method.

Смысл современного патриотического воспитания молодых людей отождествляется с государственной значимостью России.

Исторически сложилось так, что в эпоху Просвещения, в XVIII веке в России понятие «патриотизм» имело особое значение и упоминалось как «единство» и «братство» в литературных памятниках» [1, с.178]. Единение всех народов, проживающих в России, объяснялось служением государству и воспринималось как высочайшая нравственная и гражданская позиция каждого.

Как отмечает Ю. Л. Морарь, В. В. Петрухина, все изменения, которые произошли в последнее время в России, определили новый импульс «места и роли патриотизма в общественной жизни. Само понятие «патриотизм» символизирует влюбленность в свою Родину, активную причастность к ее истории, культуре, природе, к прогрессивной жизни, ее достижениям и проблемам. Другими словами, патриотизм – это высоконравственная категория, а патриотическое воспитание подрастающего поколения является одной из важнейших задач современной школы» [1, с.177].

Целевое назначение патриотизма в рамках новой философии – формирование активной гражданской позиции каждого гражданина, духовных и личностных качеств, способность брать на себя ответственность соблюдать права и обязанности, направленных на защиту и укрепление государственных интересов.

Ежегодно в соответствии с планом шефской работы и программы морально-психологического обеспечения воспитательного процесса и служебной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России все кафедры, отделы и факультеты проводят мероприятия патриотической направленности. Это стало традицией проводить лектории, детские праздники, спортивные игры, беседы, квесты, викторины, деловые игры, посвящённые знаменательным дням истории России: празднование Дня защитника Отечества, Дня Победы. Несмотря на существование неофициальных праздников во многие мероприятия включены вопросы по снятию блокады с Ленинграда, Сталинградской, Курской битвы, битвы за Кавказ и другие.

Особенность шефской работы заключается не только в общении, поддержке и создании условий социализации детей, но и окружении их заботой, добрыми намерениями к соотечественнику, другу, развитии патриотических чувств через практическую деятельность, творческие задания.

Патриотическое воспитание подрастающего поколения имеет важное значение как для государства, для которого это есть основа жизнеспособности и активной позиций гражданина, готового самоотверженно служить Отчизне, так и для формирования устойчивых характеристик человека, с его нравственными и мировоззренческими взглядами, нормами поведения. Таким образом, патриотизм проявляется в общественном сознании, в совместных настроениях, поступках и находит своё отражение в изучении истории, культуры, языков, обрядов и традиций народ России.

В основу проведения патриотических мероприятий кафедрой иностранных языков и культуры речи заложена методика коллективного творческого воспитания[1]. Основоположниками этого метода являются Н.К. Крупская, С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко, Т.А. Стефановская. Вслед за Т.А. Стефановской выделим 4 компонента МКТВ: «коллективную деятельность по улучшению окружающей жизни, проявление творчества, сменяемость всего актива, особую позицию педагога» [2, с. 119].

Первый компонент методики – коллективной деятельности по улучшению окружающей жизни является ключевым и включает коллективное планирование этапов проведения мероприятия в виде вопросов, смены деятельности, анализа проведения мероприятия, рефлексии участников. Творческий компонент ориентирует воспитанников на продуктивную деятельность, а значит, способствует к созиданию и самосозиданию. Смена деятельности групп – важный аспект к смене активной деятельности, в которой каждый несёт ответственность за себя и за весть коллектив. Четвёртый компонент определяет субъектно-субъектные доверительные отношения, при которых педагог лишь регулирует сам процесс, а обучающиеся определяют формы и методы решения, поставленных вопросов. Рассмотрим примеры традиционного применения кафедрой МКТВ при проведении мероприятий патриотической направленности.

Задание к викторине «Дети-участники Великой отечественной войны»

[1] Далее: МКТВ

(13 ноября, 2018г.). Группа детей делится на 2 команды, каждая из которых должна составить 5 вопросов из просмотренной презентации, включающих характеристики детей, факты событий, их заслуги и вклад в Победу.

Следует отметить, что учащихся 2-4 классов «Школы-интернат музыкантских воспитанников оставшимся без попечения родителей г. Иркутска» с соревновательным энтузиазмом восприняли это задание, поскольку им самим необходимо было разработать вопросы к квесту. Мотивация к проявлению творчества очевидна и это является вторым этапом методики этого мероприятия. Сменяемость коллектива была не по жребию, а по крутящемуся волчку, вокруг которого были расположены продуманные ребятами вопросы на листочках и обращёнными записями вниз. Позиция педагога определялась как направляющего руководителя и помогающего наставника.

Задание к диспуту «Выбор профессии на страже Порядка и сохранения Жизни» (13.04.2019 г.). Это мероприятие было направлено на определение ценностной ориентации детей в выборе опасных, но жизненного важных профессий для воспитанников Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Свердловского района г. Иркутска, ОГКУСО с группой старшеклассников.

Ребятам было предложено просмотреть фильм «На дне знаний!», принять участие в квесте и затем составить характеристики к выбору профессий: сотрудник МЧС, пожарный, сотрудник правоохранительных органов, военный. Характеристика должна включать такие критерии (преимущества), чтобы участник мог не только догадаться, о какой профессии идёт речь, но и положить себе в копилку выбор этой профессии на будущее.

Задание к викторине «А на западном фронте без перемен!» (23.04.2025г.) было посвящёно празднованию Победы в Великой Отечественной войне для воспитанников Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Свердловского района г. Иркутска, ОГКУСО с группой «Самоцветы».

Учитывая разный возраст, группе ребят было предложено озвучить письмо солдата при просмотре фильма с отключением звука. С чувством собственного достоинства и актёрским мастерством дети исполнили роль солдата. Следует заметить, что разный возраст и разобщённость детей по интересам не стали препятствием в выполнении творческого задания. Старшие ребята помогали младшим.

В завершение викторины детям было предложено написать пожелания друг другу, как будущему защитнику Отечества и оставить памятный автограф в письме-треуголке, а через пять лет открыть письмо и прочитать письмо из будущего. Было очевидно, что такое предложение оставило эмоциональный и запоминающийся отклик в сердцах детей.

Диспут «Выбор профессии на страже Порядка и сохранения Жизни» (13.04.2019 г.)

Викторина «Дети-участники Великой отечественной войны» (13 ноября, 2018г.)

Рисунок 1. Мероприятия, проведённые кафедрой иностранных языков и культуры речи по методике коллективного творческого воспитания

Следует отметить, что системность применения МКТВ кафедрой в проведении мероприятий патриотического характера способствует не только формированию детских коллективов с творческим мышлением, но и формированию истинного патриотизма, что очень важно для развития личности каждого ребёнка. Умение отличать ложный патриотизм: безразличие к судьбе страны, проявление агрессивных поступков к другому мировоззрению, другим народам – это важный шаг к полноценному патриотизму, гражданскому сознанию, любви к Родине!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морарь, Ю.Л. Особенности патриотического воспитания обучающихся в современной системе образования / Ю.Л. Морарь, В.В. Петрухина // Теория и практика современной науки. 2021. №7 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-patrioticheskogo-vospitaniya-obuchayuschihsya-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya (дата обращения: 07.05.2026).

2. Стефановская, Т.А. Классный руководитель : Функции и основные направления деятельности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.А. Стефановская. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 192с.

УДК:37.011.33

В.Е. Журавлев

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МВД: К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРАХ

В данной статье исследуется вопрос о духовно-нравственных ориентирах образовательной системы МВД. Особое внимание уделено структуре образовательного пространства и форматированию духовно-нравственной составляющей. Интеграция внутренней логики развития, ориентированной на созидательный духовный «мы-дискурс» и внешней целесообразности с ориентацией на гражданственность и государственность может способствовать выстраиванию новых ландшафтов коэволюции на основе нравственности.

Ключевые слова: сингулярность, парадигма, мотивация, культурный код, духовность, солидарность, пайдейя.

V.E. Zhuravlev

EDUCATIONAL SPACE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: TO THE QUESTION OF SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES

This article examines the spiritual and moral guidelines of the Ministry of Internal Affairs' educational system. Particular attention is paid to the structure of the educational space and the formatting of the spiritual and moral component. The integration of internal development logic, oriented toward a creative spiritual "we-discourse," and external expediency focused on civic and statehood can facilitate the construction of new landscapes of coevolution based on morality.

Keywords: singularity, paradigm, motivation, cultural code, spirituality, solidarity, paideia.

Перемены, происходящие в мире, задают новые форматы реальности, требуя переосмысления происходящих процессов, а также прошлого и будущего. Фазовый кризис и связанный с ним цивилизационный виток, когда объектом присвоения впервые за всю историю человечества становится не материальное, а духовное, (на что в частности указывает выдающийся отечественный историк, социолог А. И. Фурсов) бросают грандиозный вызов бытию и сознанию [1].

Трансформации подвержены все сферы социума: технологизация, сетевые конструкты диктуют новый уклад. Полифуркационные процессы рисуют варианты возможного развития событий: от «свёртывания» всего, что обрело человечество и до «разбитого корыта» либо до таких «высот» технологической сингулярности, когда искусственный разум заменит самую человеческую личность с её извечными ипостасями любви, эмоций и жажды познания [2].

Парадигма будущего неизбежно становится парадигмой ценностей и перед обществом неизбежно встанет этот вопрос как вопрос выживания. Вопрос о нравственной, гармоничной, интеллектуально развитой станет основным вопросом воспитания и образования. От того насколько эта личность будет способна к самореализации, самоактуализации, насколько духовна будет мотивационная составляющая такой личности и зависит то, каким будет грядущий мир. Иными словами, подчинит ли такая личность цифровые платформы, выстроятся ли новые

ландшафты коэволюции на основе созидания и нравственности – эти проблемы предстают перед человечеством и заставляют задуматься.

Тот факт, что вопрос о воспитании вновь объявлен неотъемлемым звеном системы образования, не вызывает сомнений. При этом основной темой повестки дня становится тема духовно-нравственных ориентиров. Соотносимы ли эти ориентиры со светским социумом или приоритетом воспитания должны стать базовые теологические принципы? Всё это являет предмет обсуждения.

Как отмечают Н. М. Кропачёв и Д. В. Шмонин, опираясь на документы стратегического развития России (Указы Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»), модель выпускника середины XXI века представляет собой высококвалифицированного специалиста с критическим мышлением, исторической памятью и широким культурным горизонтом. Авторы предлагают решить первоначально междисциплинарную задачу с приведением мировоззренческих понятий в нормативную систему с помощью привлечения филологов, юристов, философов, культурологов, педагогов, социологов и теологов [3]. Процесс возврата к воспитательной парадигме нелёгок: превалирование компетентностного подхода и либерализация системы образования с декларированием его как рынка услуг с одновременным «вымыванием» воспитания, привела к существенной деформации этой сферы. Но ведь любой университет, любой институт передаёт культурный код, выстраивая пространство, где тонка грань между традицией и инновацией, между сакральным и рациональным. Источник образа будущего кроется в вузовских форматах. Следуя замечательной метафоре А. Г. Дугина, источник всего нового и будущего – во внимании ко всему родному, глубинному, а родное – это прошлое, это корни, которые живы и растут где-то в глубине, и мы не видя их прорастания, должны прислушиваться к прошлому[1].

Несомненно форматирование духовно-нравственного пространства имеет особую важность для тех, кто призван стоять на защите гражданских прав и свобод, противостоять коррупции, быть честным и неподкупным.

Образовательная система МВД должна являть собой пример такого пространства.

Модель вуза МВД может быть представлена интеграцией внутренней логики развития и внешней целесообразности при умелом управлении. Внутренняя логика развития содержится во внутренней структуре вуза, представленной собственно учебным процессом с его главными актантами – педагогом и курсантом. Эта структура наиболее динамична в силу постоянного диалога или полилога. Здесь рождаются внутренние смыслы, происходит постижения «мы-дискурса» через собственный «я-дискурс». Внешняя целесообразность – в структуре внешней, к элементам которой относятся и ритуал, и традиция, и административные службы. Элементы внешней структуры статичны и не обладают большой мобильностью относительно элементов внутренней структуры. Однако и традиция, и ритуал – как раз и представляет собой источник обращения к корням при условии, если они вносят живую ноту и не являются формальным актом. Преобладание внешних элементов над внутренними может создать

[1] Дугин, А.Г. Выступление в ВоГУ: перезагрузка образования, метафизика мелочей и возрождения русской философии. https://rutube.ru/video /399ce28576e8ecb6e36e03f1dc1d1d9c/ (дата обращения 19.04.26)

придать формализм системе, в то время как доминирование внутренней структуры с излишним апеллированием к «я-дискурсу» курсанта придаст эгоцентрику и разрушив солидарный «мы-дискурс» сделает систему неоднородной, приведя к утрате внутренних смыслов – тех что предохраняют от личностной деформации и восходят к понятиям государственности, гражданственности, солидарности.

Внутренние смыслы образовательного пространства в период возникновения системы, её становления как раз и зиждились на понятиях гражданственности, солидарности с преобладанием высших форм мотивации.

Однако это пространство было более нравственным нежели духовным в христианском понимании этого слова. Полагаем, что и рациональное, и духовное, и нравственное, и социальное, и новое, и традиционное можно консолидировать идей пайдейи, в основе которой лежит единство образования и воспитания. Вслед за А. Г. Дугиным отметим, что воспитание немыслимо без образования: воспитание – это и духовность, и интеллект[1].

Восприятие гуманитарного знания невозможно без интеллектуальной и духовной подготовки. Такая подготовка лежит в поле образования, создавая «образ» - образ будущего, образы прошлого, скрепляя их настоящим.

Важность данного вопроса для системы образовательного пространства МВД несомненна. Более того, образовательное поле МВД отлично от образовательной системы гражданского вуза тем, что оно в большей степени выходит за свои пределы, пересекаясь с иными полями социума- политическим, гражданским, семейным, культурно-историческим, правовым. Без приоритета духовно-нравственных ценностей это пространство неизбежно деформируется, наполняясь симулякрами. Полагаем, что для решения вопроса необходима интегрирование конституэнтов внешней и внутренней структур вуза. В этом процессе важны и флуктуации-инициатива малых групп, и консолидирующая роль администрации. Сама же идея пайдейи будет восходить к роли авангардной модальной личности – преподавателя, обладателя культурного кода, носителя духовно-нравственных ориентиров и когнитивного знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фурсов, А. И. 12 целей мировой элиты / А.И. Фурсов. Газета «Завтра»: электронное издание. 2025 [Электронный ресурс]. Сайт завтра.ру: [сайт], 2023, URL: https://www.zavtra.ru/blogs/12_tcelej_mirovoj_eliti (дата обращения 16.05.2025)

2. Панченко, Н. Н. Система высшего образования: кризис логики vs логика развития / Н. Н. Панченко, В. Е. Журавлев // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-4. – С. 108-111.

3. Кропачев, Н. М. Ценности в образовании и современный университет / Н. М. Кропачев, Д. В. Шмонин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, № 2. – С. 208-223. – DOI 10.21638/spbu17.2023.201. – EDN NKBLFQ.

[1] Дугин, А.Г.: Понятие пайдея: образование и воспитание 02. https://rutube.ru/video/7281df0e1ad83226a81e3d2119d7965a/ (дата обращения 19.04.26)

УДК 159.9

М. В. Кивокурцева, А. А. Тирских

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Исследованы проблемы данного воздействия иностранных спецслужб, экстремистских и террористических структур. Изучены обстоятельства воздействия криминала по продвижению преступной идеологии, воздействия на сотрудников правоохранительных органов. Использование новых технологий рассматривалось через призму использования информационно-психологического давления на сотрудников органов внутренних дел. В заключение предложен ряд мер общегосударственного и ведомственного характера, направленных на нейтрализацию указанных негативных действий.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, сотрудники, органы внутренних дел, спецслужбы, экстремистские и террористические структуры, криминал, нейтрализация, меры.

M. V. Kivokurtseva, A. A. Tirskikh

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT ON LAW ENFORCEMENT OFFICERS: COUNTERACTION ISSUES

This article examines current issues related to information and psychological pressure on law enforcement officers in the Russian Federation. The problems of such pressure exerted by foreign intelligence agencies, extremist, and terrorist organizations are explored. The circumstances of criminal influence in promoting criminal ideology and its impact on law enforcement officers are examined. The use of new technologies is examined through the prism of information and psychological pressure on law enforcement officers. In conclusion, a number of national and departmental measures are proposed aimed at neutralizing these negative actions.

Keywords: information and psychological pressure, officers, law enforcement agencies, intelligence agencies, extremist and terrorist organizations, crime, neutralization, measures.

Современный мир погружается в полосу нестабильности, социальных противоречий, вооруженных конфликтов, неопределенностей политического и экономического характера. Заметно обострилось соперничество государств на международной арене. Возросли риски террористической активности и проявлений экстремизма различного рода. На этом фоне важное значение приобретает бесперебойная и эффективная деятельность государственных органов, особенно их правоохранительного сегмента.

Правоохранительные органы, и в частности органы внутренних дел Российской Федерации, всегда являлись надежным звеном всего государственного механизма, обеспечивающим реальную защиту прав и свобод граждан, обеспечения правопорядка и законности, функционирования всех государственных и общественных структур.

Именно поэтому органы внутренних дел в первую очередь становятся мишенью негативной противоправной деятельности, связанной с информационно-

противоправным воздействием со стороны спецслужб иностранных государств, террористических, экстремистских и криминальных структур [1].

Спецслужбы иностранных государств с целью достижения своих политических целей крайне заинтересованы в создании атмосферы нестабильности, хаоса и неопределённости в российском обществе и государстве. Особенно это проявилось после событий 2014 года, связанных с возвращением Крыма и Севастополя в состав России, когда спецслужбы иностранных государств через свои специальные подразделения стали вести целенаправленное информационно-психологическое воздействие на население, государственные органы, в том числе органы внутренних дел. В ходе этих противоправных действий проводились специальные информационные операции, целью которых являлись вбросы недостоверной информации о деятельности органов внутренних дел, обвинения в массовой коррупции, совершении различного рода преступлений, чтобы дискредитировать и опорочить сотрудников правоохранительных органов.

Деятельность экстремистских и террористических структур всегда представляла угрозу национальной безопасности России. Наряду с совершением террористических актов и диверсий эти преступные организации предпринимают попытки постоянного психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов, в том числе и сотрудников органов внутренних дел. К числу этих незаконных действий можно отнести угрозы расправы с сотрудниками органов внутренних дел и членами их семей, призывы немедленно покинуть службу, стремление к вербовке отдельных сотрудников и т.д. Следует отметить, что, принимая во внимание приверженность ряда сотрудников органов внутренних дел к религиозных конфессиям, в информационно-психологическом воздействии на них используют и религиозные мотивы.

Криминальные структуры, особенно имеющие организованные формы, на постоянной основе испытывая давление правоохранительных органов, бесспорною заинтересованы в их ослаблении, снижении активности и коррумпировании. И здесь важнейшими инструментами в борьбе с правоохранительными органами криминал задействует преступную идеологию, криминальную субкультуру, нравы преступного мира, которые пытает внедрять в массовое сознание населения. Раздувая мифы о всесилии криминала, о бессилии и ненужности сотрудников органов внутренних дел, их продажности, коррумпированности, аморальности, представители преступного мира, несомненно, оказывают психологическое воздействие не только на обычных граждан, но и зачастую на сотрудников правоохранительных органов. Представляется, что отчасти можно отметить проникновение преступной идеологии на отдельные группы населения, в частности представителей средств массовой информации, кинобизнеса и т.д. Иначе как можно объяснить десятки фильмов и сериалов, многочисленные статьи отдельных журналистов, в которых преступники нередко изображаются с положительной стороны, а сотрудники органов внутренних дел представляются сплошь пьяницами, коррумпированными лицами, аморальными личностями, совершающими преступления и различные правонарушения. Отдельные эпизоды с противоправным поведением сотрудников ОВД из сериалов и фильмов воспринимаются гражданами как реальная ситуация и проецируются на всю систему правоохранительных органов. Безусловно негативный эффект этой информации распространяется и на сотрудников органов внутренних дел, которые зачастую становятся ошарашены и дезориентированы, не знают, как поступить в ряде ситуаций.

Угрозы информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел в настоящее время возросли многократно. Если раньше для такого

воздействия использовались листовки, газеты, телевизионные передачи, выступления на радио и т.д. Сегодня ситуация в информационной сфере изменилась кардинальным образом. В значительной степени ушли в прошлое телевидение, печать и радио и на первый план вышли новые средства коммуникации: смартфоны, ноутбуки и планшеты. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет связала всех граждан и стала основным поставщиком информации. Достаточно отметить, что на сегодняшний день современный телефон с выходом сеть Интернет имеется практически у каждого гражданина России. Естественно, что такие телефоны имеются и у сотрудников органов внутренних дел, что в свою очередь наряду с положительными моментами предоставления служебной информации, оповещения, несет и ряд негативных рисков, связанных с возросшей возможностью субъектов информационно-психологического воздействия оказывать давление на сотрудников ОВД, пытаться манипулировать ими, осуществлять попытки их вербовки.

Принимая во внимание опасность такого рода действий, на повестку дня встает вопрос о разработке ряда эффективных мер, направленных на нейтрализацию информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [2].

Такая работа сталкивается с рядом трудностей, связанных со спецификой информационного пространства и общественным и личным сознанием населения.

Переход от жестко идеологизированной советской системы к правовому государству со свободой средств массовой и информации и передачи информации в России привел к демократизации в данной сфере, к возникновению наряду с государственными средствами массовой информации и частных организаций данного типа. Возник плюрализм мнений, исчезла идеологическая составляющая и единственно верная точка зрения на все события, что внесло определенную дезориентацию среди граждан.

Сегодня, когда государство провозгласило укрепление традиционных ценностей, патриотизм, единство всех народов России в условиях Специальной военной операции происходит усиление информационно-психологического воздействия на население России, на государственные структуры, в том числе и органы внутренних дел. Определенную остроту этим негативным действиям придает развитие новых технологий, когда появилась возможность создания видеоконтента с использованием технологии дипфейков, когда может быть представлено сгенерированное видео с фальшивыми действиями и звуком. Повсеместно внедряются технологии подмены номеров и звонков от имени государственных органов. Заметно увеличилась скорость создания и качество неправомерного контента, которое может выглядеть правдивым и не вызывать сомнения у лиц, получающих такую информацию.

В такой ситуации сотрудники органов внутренних дел могут подвергнуться психологическому давлению и манипуляциям, что в условиях дефицита времени и информации может способствовать принятию ими противоправных решений, а может и преступлений.

Думается, что деятельность по нейтрализации негативной деятельности информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации не должна решаться, изолировано, а носить общегосударственный характер. К числу данных мер можно отнести:

принятие федеральных законов, регламентирующих вопросы распространения неправомерного контента, функционирования иностранных интернет-платформ, не подчиняющихся российскому законодательству и т.д.;

принятие Стратегии противодействия информационно-психологического воздействия на население Российской Федерации. Представляется правильным, также создание Стратегии противодействия информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации;

запрет и ограничение для сотрудников органов внутренних дел на пользование иностранными мессенджерами, деятельность которых ограничена в России;

проведение служебных занятий с сотрудниками ОВД с демонстрацией методов создания дипфейков, производства иного противоправного контента и доведения алгоритма действия сотрудников ОВД при возникновении ситуаций, связанных с воздействием и давлением на них;

оперативное доведение до сотрудников ОВД информационного контента с новыми видами мошенничеств, манипуляций и методами давления;

перестройка воспитательной работы с сотрудниками ОВД, с учетом новых тенденций информационно-психологического давления, внедрение новых форм политико-воспитательной работы с использованием информационных технологий.

В заключение следует отметить, что только комплексный подход и своевременное пресечение информационно-психологического давления сможет обеспечить нормальную деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не допуская ее деформации и негативных изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Психология воздействия. Информационно-психологическое воздействие: учебное пособие. / А. В. Вашкевич [и др.] — Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2022. — 148 с.

2. Вахнина В.В., Морщакина М.С. Особенности негативного информационно-психологического воздействия и его влияние на осуществление профессиональной деятельности сотрудников отделов информации и общественных связей органов внутренних дел Российской Федерации // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 2. С .150-158.

УДК 378.147:351.74

А. И. Коновалов

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье поднимаются актуальные вопросы адаптации выпускников образовательных организаций МВД России к профессиональной деятельности средствами физической культуры. Проведенный анализ научно-методических источников показал, что в настоящее время система образования в силовых ведомствах, а именно в образовательных организациях находящихся в ведении МВД России нуждаются в кардинальных изменениях с целью повышения уровня подготовленности выпускников. Определена значимость физической подготовки на профессиональную подготовленность сотрудников и ее роль в адаптации к служебной деятельности молодых специалистов.

Ключевые слова: служебная деятельность, оперативно-служебные задачи, физическая подготовка, физическая культура, адаптация, здоровый образ жизни, профессиональные компетентности, профессиональная подготовка.

A. I. Konovalov

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PROFESSIONAL ADAPTATION OF CADETS AND STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Abstract. This article addresses current issues related to the adaptation of graduates of educational institutions affiliated with the Russian Ministry of Internal Affairs to professional work through physical training. An analysis of scientific and methodological sources revealed that the current education system in law enforcement agencies, specifically educational institutions affiliated with the Russian Ministry of Internal Affairs, requires fundamental changes to improve the preparedness of graduates. The importance of physical training for the professional preparedness of employees and its role in the adaptation of young specialists to professional work are determined.

Keywords: official activities, operational and official tasks, physical training, physical education, adaptation, healthy lifestyle, professional competencies, professional training.

В настоящее время в условиях развития современного социального общества и перехода его к демократическому и правовому государству необходимы коренные изменения в системе обучения, т.е. переход от авторитарного образования к таким условиям, где появится возможность полностью раскрыть творческий потенциал обучающегося. Эти условия подхода к образовательному процессу коснулись и системы обучения в образовательных организациях, находящихся в ведении МВД России по подготовке высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел. Основные направления в воспитании, на которые обращается большое внимание в системе образования, заключаются в первую очередь в становлении личности будущих сотрудников органов внутренних дел, формировании у них гражданской ответственности, правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и т.д.

Наиболее актуальной проблемой образовательного процесса при обучении курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России заключается в формировании высококвалифицированных специалистов, способных решать любые поставленные оперативно-служебные задачи по обеспечению правопорядка и безопасности граждан в различных экстремальных ситуациях служебной деятельности. Профессиональные компетенции, формируемые во время образовательного процесса, направлены на подготовку выпускников вузов МВД России к эффективному выполнению должностных обязанностей в служебной деятельности. Также курсантов и слушателей приобщают к регулярным занятиям физической культурой и спортом с целью развития, совершенствования и поддержания физической подготовленности на протяжении всего срока службы, которое необходимо для повышения работоспособности при выполнении поставленных оперативно-служебных задач, а также противоборства с правонарушителями и преступными лицами [1, с. 192].

Существующие в настоящее время социально-экономические и внешнеполитические преобразования в России привели к существенным изменениям в подготовке специалистов для правоохранительных органов. Анализируя стратегию директивных документов, к которым относится федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Постановление Правительства

РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”», Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», можно констатировать, что вопросы подготовки кадров вузах МВД являются актуальной и приоритетной задачей не только ведомства, но и государства, а проблематика этой подготовки широко изучается и исследуется в научной сфере.

В исследованиях Т.Т. Щелина указывает, что профессионализм стал рассматриваться как одна из ведущих категорий, как ценность, которая определяет способность человека к самоутверждению и самореализации в избранном виде деятельности [2, с. 32]. Большое внимание специалистов в научной сфере привлекает становление профессионализма обучающихся в студенческие годы, где происходит психологическая готовность к будущей профессиональной деятельности.

В научном исследовании А.М. Голубкиной, И.Г. Евсеевой уделяется большое внимание необходимости саморазвития в процессе профессионального обучения, которая, как указывают авторы, отражает воспитательную среду образовательной организации высшего образования и относится к факторам личностно-профессионального становления обучающегося [3, с. 135]. Поэтому значимость педагогического проектирования программы профессиональной подготовки специалистов в современных условиях образования является одной из приоритетных и должна обеспечиваться мониторингом, на основании которого можно судить о качестве подготовки.

Большое значение в повышении уровня профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел, а также курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России играют регулярные, повседневные занятия физической культурой и спортом. Данный вид активной деятельности также рекомендован приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», он способствует повышению уровня физической и профессиональной подготовленности сотрудника, а также приобщению к здоровому образу жизни.

Во многих научных работах (Баркалова С.Н., 2018; Глубокого В.А. 2019; Кузнецова С.В., 2020; Серебрянникова А.В., 2021; Панова Е.В., 2024 и др.) неоднократно отмечалась возросшая роль физической подготовки в образовательных организациях МВД России, которая направлена на развитие и совершенствование физических качеств, а также на формирование у курсантов и слушателей умений и навыков владения боевыми приемами борьбы для эффективного противоборства с правонарушителями и преступными лицами при выполнении оперативно-служебных задач. Поднятая тема очень актуальна и злободневна, которая показывает готовность будущих выпускников к решению оперативно-служебных задач в процессе выполнения должностных обязанностей.

Стоит отметить, что профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов ежедневно связана взаимодействием с гражданами из разных слоев нашего общества, в связи с чем умение строить грамотный диалог с ними является отличительным профессиональным качеством. На эту особенность коммуникабельности сотрудников в своих научных работах обращали внимание Т.С. Купавцев, С.Е. Кораблева и Н.В. Гладкова, которые отмечали значимость сформированных педагогических умений и психологической компетентности обеспечение устойчивости в служебной деятельности [4, с. 133; 5, с. 207; 6, с. 14].

Проводя анализ нашего исследования, следует подчеркнуть высокую значимость профессиональной подготовки для курсантов и слушателей, в которой должна просматриваться взаимосвязь профессиональных установок с акцентуацией характера, связь профессиональной самооценки с представлениями о профессионально значимых качествах личности, а также формирование профессионального самосознания, направленности, самоопределения и интеграции профессиональной и гуманитарной подготовки.

Поэтому авторами подчеркивается усиливающаяся воспитывающая функция физического воспитания, которая способствует быстрой адаптации курсантов и слушателей к служебной деятельности, формируя нравственную культуру личности, ориентируя их на здоровый и активный образ жизни. Вместе с этим физическая культура также способствует поддержанию и укреплению здоровья, сохранению продуктивного уровня общей работоспособности и повышению устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов служебной деятельности [7, с. 311].

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что проблема подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России к профессиональной самореализации в современных реалиях высшего образования в настоящее время недостаточно изучена и нуждается в дополнительном ее исследовании. Особенно это связано с тем, что в последние годы в органах внутренних дел и образовательных организациях МВД России значительно увеличилось число представительниц женского пола, которые наравне с мужчинами успешно выполняют сложные оперативно-служебные задачи во многих подразделениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Струганов С.М., Кугно Э.Э., Баирова Т.В. Спортивно-массовая работа как одна из основных форм повышения психологической подготовленности сотрудников правоохранительных органов // Физическая культура и спорт в профессиональной деятельности: современные направления и образовательные технологии : Материалы XI международной научно-практической конференции (Хабаровск, 30–31 октября 2024 г.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России инистерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова, 2024. С. 190-194.

2. Щелина Т.Т. Социальное воспитание в системе уровневого психолого-педагогического образования: опыт моделирования // Педагогическое образование и наука. 2016. № 4. С. 30-34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27385093_31151101.pdf (дата обращения: 06.05.2026).

3. Голубкина А.М., Евсеева И.Г. Формирование компетенции саморазвития курсантов как направление воспитательной работы образовательной организации МВД России // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 12. С. 132-138. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_56446963_79294564.pdf (дата обращения: 06.05.2026).

4. Купавцев Т.С. Сущность, содержание и специфика самосовершенствования сотрудников МВД России в системе профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. 2013. № 2(9). С. 129-136.

5. Кораблев С.Е. Методические и содержательные аспекты тренинга развития навыков уверенного поведения полицейских // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 200-212.

6. Гладкая Н.В. Роль проектного обучения в развитии профессиональных ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел в системе

дополнительного профессионального образования // Педагогика и психология: академический журнал. 2025. № 3(10). С. 12-17.

7. Фоменко К.Д., Струганов С.М., Кугно Э.Э. Влияние физической культуры и спорта на процесс формирования всесторонне развитой личности и здорового стиля жизни в образовательных организациях МВД России // Физическая культура, спорт и туризм в высшем образовании : Сборник материалов XXXVI Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых, профессорско-преподавательского состава (Ростов-на-Дону, 24–25 апреля 2025 г.). Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2025. С. 309-313.

УДК 351.74:004.8

М. М. Котиева, А. В. Войтов

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОММУНИКАЦИИ С ОБЩЕСТВОМ

В работе рассматривается феномен цифровой социализации органов внутренних дел в условиях массового внедрения систем искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность. Анализируется содержание категории «цифровая социализация» применительно к институциональной среде МВД России и её соотношение с процессами цифровой трансформации государственного управления. Раскрываются направления изменения профессиональной культуры сотрудников под воздействием алгоритмических инструментов, систем поддержки принятия решений и предиктивной аналитики. Выявляются качественные сдвиги в коммуникации правоохранительных органов с обществом, обусловленные распространением цифровых каналов взаимодействия. Освещаются правовые риски, сопряжённые с применением алгоритмических решений, включая угрозы конституционным правам граждан, закреплённым статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации. Обосновывается необходимость формирования сбалансированной модели правового регулирования, обеспечивающей сочетание технологической эффективности и гуманистических начал права.

Ключевые слова: цифровая социализация, искусственный интеллект, правоохранительные органы, профессиональная культура, цифровая трансформация, алгоритмическая предвзятость, цифровое доверие.

M. M. Kotieva, A. V. Voitov

DIGITAL SOCIALIZATION OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE AND COMMUNICATION WITH SOCIETY

The paper examines the phenomenon of digital socialization of internal affairs bodies in the context of mass implementation of artificial intelligence systems in law enforcement activities. The content of the category “digital socialization” is analyzed in relation to the institutional environment of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its correlation with the processes of digital transformation of public administration. Directions for changing the professional culture of employees under the influence of algorithmic tools, decision support systems and predictive analytics are revealed. Qualitative shifts in the communication of law

enforcement agencies with society caused by the spread of digital interaction channels are identified. Legal risks associated with the use of algorithmic solutions are highlighted, including threats to the constitutional rights of citizens enshrined in Articles 23 and 24 of the Constitution of the Russian Federation. The need to form a balanced model of legal regulation that ensures a combination of technological efficiency and humanistic foundations of law is substantiated.

Keywords: digital socialization, artificial intelligence, law enforcement bodies, professional culture, digital transformation, algorithmic bias, digital trust.

Стремительное проникновение цифровых технологий во все сегменты государственного управления актуализировало вопрос о трансформации правоохранительных институтов как особого субъекта обеспечения публичного правопорядка. Категория цифровой социализации, длительное время разрабатывавшаяся преимущественно в рамках социологии и педагогики применительно к индивидуальному уровню, постепенно приобретает институциональное измерение. Применительно к органам внутренних дел под цифровой социализацией предлагается понимать процесс адаптации профессиональной среды сотрудников к технологически опосредованной реальности, сопровождающийся усвоением новых норм, ценностей и поведенческих паттернов, формируемых цифровой инфраструктурой. Соответствующий процесс развивается параллельно с цифровой трансформацией государственного управления, закреплённой Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1], однако обладает выраженной отраслевой спецификой, обусловленной особым характером правоохранительной деятельности.

Соотношение цифровой социализации и цифровой трансформации в институциональной среде МВД России имеет диалектический характер. Цифровая трансформация выступает технико-организационной основой, обеспечивающей внедрение программно-аппаратных комплексов, тогда как цифровая социализация отражает социокультурное измерение этих процессов. Внедрение биометрической идентификации, систем интеллектуального видеонаблюдения, программного комплекса «Безопасный город», а также инструментов предиктивной аналитики, прогнозирующих криминогенную обстановку, повлекло за собой не только техническое перевооружение, но и качественную перестройку институциональной среды. С.А. Афонин и В.А. Минбалеев справедливо указывают, что искусственный интеллект из инструмента вспомогательного характера превращается в субъект влияния на содержание управленческих решений [2, с. 78].

Воздействие искусственного интеллекта на профессиональную культуру сотрудников органов внутренних дел проявляется через ряд взаимосвязанных направлений. Прежде всего, изменяются модели принятия решений: от индивидуальной экспертной оценки, основанной на профессиональном опыте, осуществляется переход к гибридным моделям, в которых рекомендации алгоритмических систем выступают значимым, а порой и доминирующим источником обоснования решения. Алгоритмизация деятельности приводит к стандартизации процедур, сокращению пространства профессионального усмотрения и одновременно к повышению формальной верифицируемости действий сотрудника. Вместе с тем складывается новая структура профессиональных компетенций, в которой цифровая

грамотность, навыки работы с большими массивами данных и понимание принципов функционирования алгоритмических систем становятся базовыми элементами наряду с традиционными юридическими знаниями.

Восприятие искусственного интеллекта гражданами остаётся неоднородным. Социологические исследования последних лет фиксируют сохраняющийся разрыв между технологической готовностью населения и уровнем доверия к автоматизированным решениям, принимаемым в публично-правовой сфере. Указанный разрыв обусловлен совокупностью факторов: непрозрачностью алгоритмов, отсутствием полноценного механизма оспаривания результатов их работы, общей настороженностью в отношении использования персональных данных. На преодоление этих противоречий ориентированы положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [3], устанавливающего требования к обработке информации, идентифицирующей физическое лицо, а также Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4].

Правовые и социальные риски цифровой социализации правоохранительной системы образуют отдельный предметный блок. Алгоритмическая дискриминация, возникающая вследствие смещений в обучающих выборках, способна воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства, что входит в противоречие с конституционным принципом равенства перед законом. Как справедливо отмечает Э.В. Талапина, отсутствие нормативно закреплённых требований к объяснимости алгоритмических решений создаёт правовой вакуум, препятствующий эффективной защите прав граждан [5, с. 90]. Утечки персональных данных, периодически фиксируемые в практике, ставят под угрозу право на неприкосновенность частной жизни, гарантированное статьёй 23 Конституции Российской Федерации [6], а также право на тайну сообщений. Положения статьи 24 Конституции Российской Федерации, запрещающие сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, в условиях массового применения систем распознавания лиц и анализа поведенческих паттернов требуют конкретизирующего нормативного развития. Снижение роли человеческого фактора при принятии юридически значимых решений, в свою очередь, ставит вопрос о сохранении гарантий, традиционно связываемых с индивидуальной судебной и административно-юрисдикционной оценкой обстоятельств дела.

Перспективы развития цифровой социализации правоохранительных органов связываются с формированием специализированного нормативного регулирования применения искусственного интеллекта в правоохранительной сфере. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года определяет общие ориентиры, однако отраслевая специфика правоохранительной деятельности требует разработки дифференцированных правил, учитывающих повышенный риск нарушения прав граждан при использовании алгоритмических решений в публично-властной сфере. Приоритетным направлением представляется законодательное закрепление требований к объяснимости алгоритмов, применяемых при принятии решений, затрагивающих права и свободы личности, а также установление процедур обязательной правовой экспертизы программных комплексов до их внедрения в оперативно-служебную деятельность.

Формирование цифровой профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел предполагает системное обновление образовательных программ ведомственных вузов, включение в них модулей, посвящённых правовым основам

применения искусственного интеллекта, этическим аспектам алгоритмических решений и методам критической оценки результатов работы автоматизированных систем. Указанный подход обеспечивает преодоление технократического уклона и сохранение гуманистических основ правоохранительной деятельности. М.А. Бавсун обоснованно полагает, что профессиональная культура сотрудника правоохранительных органов в цифровую эпоху должна сочетать технологическую компетентность с устойчивой ценностной ориентацией на защиту прав человека.

Обобщая изложенное, необходимо констатировать, что цифровая социализация правоохранительных органов представляет собой многомерный процесс, охватывающий технологическое, нормативное, культурно-этическое и коммуникативное измерения. Достижение баланса между технологичностью и гуманистическими принципами права предполагает не механическое внедрение цифровых решений, а их интеграцию в институциональную ткань правоохранительной системы с сохранением приоритета прав и свобод человека и гражданина. Дальнейшее развитие соответствующего направления требует комплексного междисциплинарного исследования, объединяющего юридические, социологические и технические подходы, что позволит сформировать научно обоснованную модель цифрового развития правоохранительных институтов в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

2. Афонин С.А., Минбалеев А.В. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 75–83.

3. О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 7 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

5. Талапина Э.В. Алгоритмы и право: проблемы регулирования // Государство и право. – 2025. – № 3. – С. 88–99.

6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

УДК 316.346

М. Н. Корелин

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ СПОРТА И ПАТРИОТИЗМА В ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ

В статье рассматриваются особенности развития спортивных достижений и патриотического развития среди курсантов. Выделяются социокультурные нормы подготовки курсантов. Приводятся результаты исследования взаимосвязи спорта и патриотизма среди курсантов вузов МВД России.

Ключевые слова: спорт, патриотизм, воспитание, курсанты, социокультурные нормы

M. N. Korelin

SOCIOCULTURAL STANDARDS OF SPORTS AND PATRIOTISM IN THE EDUCATION OF CADETS

The article discusses the features of the development of sports achievements and patriotic development among cadets. The article highlights the sociocultural norms of cadets' training. The article presents the results of a study on the relationship between sports and patriotism among cadets of Russian Interior Ministry universities.

Keywords: sports, patriotism, education, cadets, sociocultural norms

В Древнем Риме была поговорка: *в здоровом теле, здоровый дух*. Это актуально и в наши дни. Спорт важен в жизни молодого человека, он способствует развитию физической выносливости и силы (тело), а также воли, целеустремленности, активности (дух).

Не мене важно, развитие патриотических ориентиров, так как развитие здоровой личности (с развитым телом и духом) становится задачей любого государства, так как на таких людей и опирается система социального воспроизводства и развития. Это те люди, которые двигают прогресс и защищают общество от внешних и внутренних угроз.

Именно поэтому, связка спорта и патриотизма выступает ключевой для регулирования процессов социального развития и социальной активности. Это то, что помогает понимать и направлять моделирование социальных систем (при комплексном спортивно-воспитательном подходе). Это вдвойне важно при работе с курсантами вузов МВД, так как позволяет более глубоко и качественно подготовить молодых людей к выполнению своих профессиональных обязанностей.

В литературе имеется ряд исследований, позволяющих выделять особенности спортивной и патриотической подготовки как социокультурной системы (П. А. Баев [1, 2], О. А. Полюшкевич [3, 4]). Эти авторы показывают, что взаимодействие проходит на внешнем и внутреннем уровне, позволяет регулировать общественное развитие и выводит общество на новый социальный уровень интеракций.

В нашем исследовании, мы провели опрос курсантов вузов МВД России распложенных в городах Сибири (n=200), из них 60% юноши и 40% девушки, в возрасте от 18 до 23 лет, обучающиеся на разных курсах. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Из опрошенных, все занимаются спортом (еще до обучения в вузе занимались спортом 63% и 37% нигде не занимались). Занимаются спортом, потому что им это нравится – 56%, потому что приходится это делать из-за кого-то (44%).

Считают себя патриотами 74% молодых людей, не считают себя патриотами – 16%, не знают ответ на вопрос – 10%. Этот показатель является глубинным

механизмом фиксации внутренних ориентиров личности, определяет насколько успешна может быть патриотическая работа, а также насколько эффективно и какими методами можно его вовлекать в спортивную деятельность. См. рис. 1.

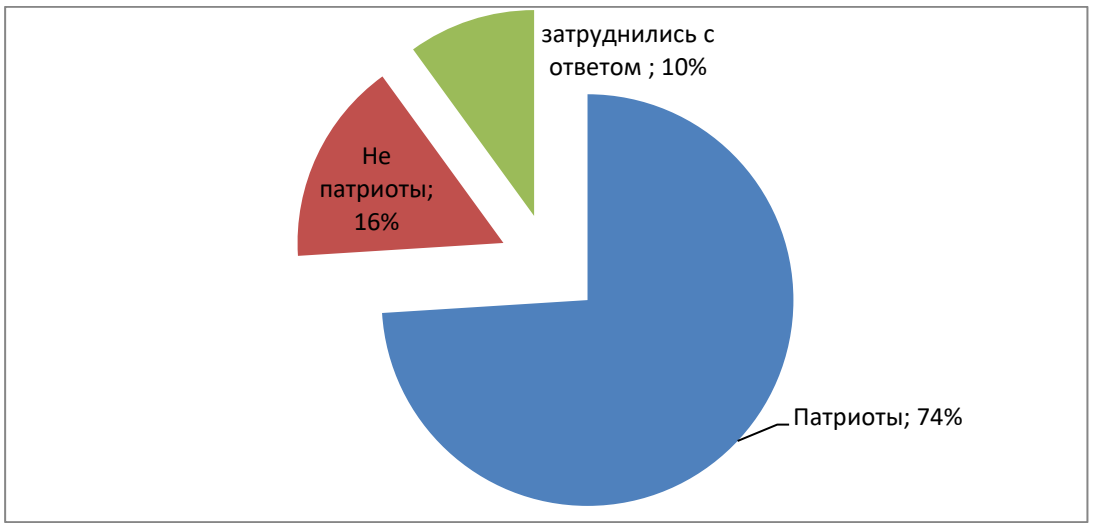

Рис.1. Распределение самооценки патриотов и не патриотов среди курсантов

Нами было выделено три уровня оценки патриотов и патриотизма: деятельностный, аффективный и когнитивный. Каждый из выделенных уровней фиксирует определённые мотивы, смыслы и представления молодых людей о том, кто такие патриоты и как они себя проявляют в обществе и главное, насколько сами курсанты себя с ними ассоциируют. См. рис. 2.

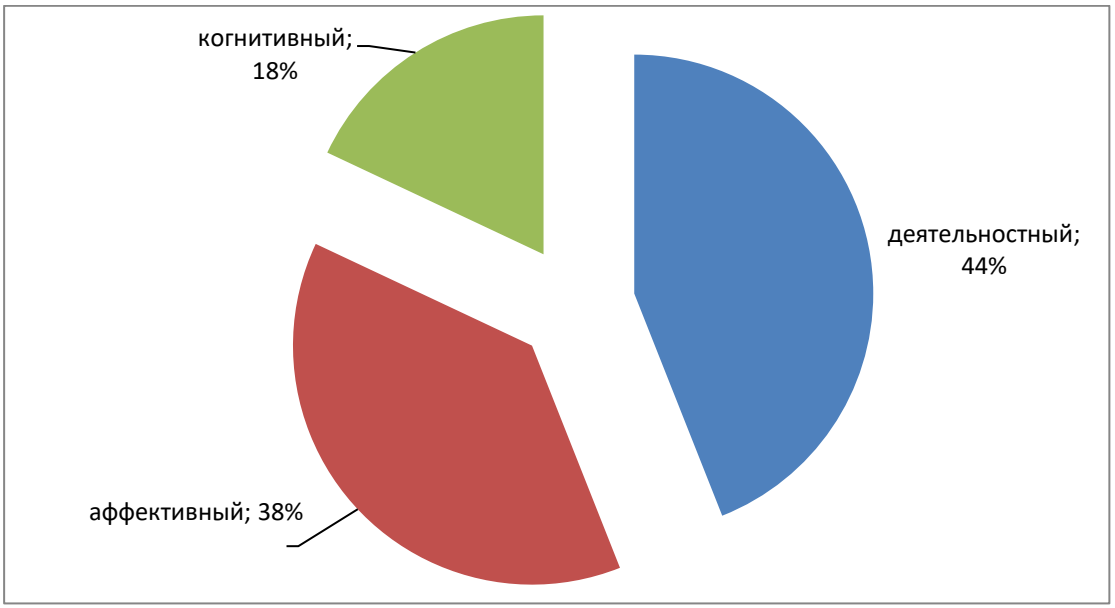

Рис. 2. Уровни оценки патриотизма

Патриот – это социально-активный граждан (деятельностный уровень) – 44%, который реально участвует в социальных проектах, гражданских инициативах, направленных на улучшение жизни других в нашем обществе. То есть, молодые люди выделяют деятельностный фактор как ключевой, для оценки уровня развитости патриотизма. В этой группе – 100% тех, кто сам занимается спортом, потому что это нравиться, молодые люди видят собственную реализацию, признание и успех в этом.

Патриот – это человек, который эмоционально сопереживает за благополучие страны (аффективный уровень) – 38%, вовлечен в эмоциональную поддержку государства (выступает болельщиком на спортивных соревнованиях, активно комментирует события, связанные с успехами государства и ее граждан в спорте, музыке, кино и т.д.). То есть, эмоциональное взаимодействие с интересами государства является важным элементом патриотической составляющей. При этом, среди этой группы тех, кто занимается спортом, потому что ему самому интересно – 65%, вынужден делать потому что это надо (вузу, родителям и т.д.) – 35%.

Патриот – это человек, который знает историю своего государства, этапы развития, проблемы и особенности изменения ситуации из-за каких-то действий или не действий (когнитивный уровень) – 18%. Эта группа курсантов обладает высоким уровнем знаний об истории, культуре, политике и других составляющих социальных сфер нашего общества, но они готовы рассуждать, но не действовать или эмоционально сопереживать. В этой группе вынужденных заниматься спортом максимальное количество, так как они понимают выгоду от этого, но не обладают достаточным личным интересом (65%), лично замотивированных (35%).

Полученные данные лишь в общем виде показывают прямые взаимосвязи между спортом и патриотизмом в среде курсантов. Если более активно проводить разъяснительную работу по важности патриотической и спортивной подготовки и готовности молодых людей использовать полученные знания для личного развития, а также блага страны, то это стало бы ключевым механизм в целом в социокультурном воспроизводстве общества в новых социально-исторических условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баев П. А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.

2. Баев П. А. Развитие патриотизма в спортивных секциях в условиях ВУЗА //Теория и практика физической культуры. 2026. № 4. С. 8.

3. Полюшкевич О. А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10. С. 41.

4. Полюшкевич О. А. Просоциальная риторика спортивных соревнований // Теория и практика физической культуры. 2026. № 3. С. 101.

УДК: 93/94

Д.В. Михаэлис, А.Д. Древс

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АМНИСТИЙ 1945, 1953 И 1955 ГГ.

В настоящей статье анализируются три крупные амнистии – 1945, 1953 и 1955 гг. – как акты государственной «мягкой силы», воздействовавшие на внутреннюю и внешнюю аудиторию. Исследование опирается на архивные документы, опубликованные указы Президиума Верховного Совета СССР, материалы органов госбезопасности и современную историографию.

Ключевые слова: амнистия, СССР, преступность, послевоенное время, Л. П. Берия.

D.V. Mikhaelis, A.D. Drevs

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE AMNISTIES OF 1945, 1953 AND 1955

This article analyzes three major amnesties – of 1945, 1953 and 1955 – as acts of state “soft power” that influenced the domestic and foreign audiences. The study is based on

archival documents, published decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, materials from state security agencies, and modern historiography.
Keywords: amnesty, USSR, crime, post-war period, L. P. Beria.

Послевоенное десятилетие в СССР обычно воспринимается сквозь призму ужесточения режима, «ленинградского дела» и борьбы с космополитизмом. Однако именно в этот период институт амнистии превратился в гибкий инструмент, который власт использовала вовсе не из соображений гуманизма. На деле амнистии 1945, 1953 и 1955 гг. работали как тонкие механизмы «мягкой силы», позволяя государству одновременно решать экономические задачи и конструировать выгодный образ на международной арене.

Особый интерес здесь вызывает разрыв между реальным содержанием амнистий и их публичным нарративом. Высвобождая на свободу сотни тысяч преступников (как в 1953 г.) или бывших коллаборационистов (как в 1955 г.), власть демонстрировала свою справедливость и милосердие. Это позволяет изучать амнистию не только как юридический факт, а как полноценный пропагандистский инструмент. Во внутренней политике амнистия доказывала превосходство социалистического строя, который давал второй шанс преступникам. Во внешней – создавала видимость отказа от массового террора в разгар холодной войны, обеляя образ страны перед западным общественным мнением.

Первой послевоенной амнистией стал Указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией[1]. Формально акт обосновывался «проявлением гуманности» к лицам, осуждённым за незначительные преступления. Реально, однако, экономическая подоплёка была очевидна: страна, лежавшая в руинах, остро нуждалась в рабочих руках. Амнистия 1945 г., как было показано в монографии Е.Ю. Спицына, носила ограниченный характер и не оказала существенного влияния на криминогенную обстановку [1, с. 117]. Её пропагандистский эффект заключался в демонстрации «победного гуманизма» – советская власть, одержав триумф над фашизмом, готова милостиво простить «заблудших». Документы того периода, в частности стенограммы заседаний Президиума Верховного Совета СССР, подтверждают, что публичная риторика акцентировала именно этот нарратив: «упрочение социалистического правопорядка» и «возвращение к честной трудовой жизни»[2].

Значительно более масштабной и противоречивой стала амнистия от 27 марта 1953 г., инициированная Л.П. Берией. Как следует из его записки в Президиум ЦК от 26 марта 1953 г., на тот момент в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержалось более 2,5 млн человек, из которых лишь 221 тысяча могла быть отнесена к «особо опасным»[3]. Указ предусматривал освобождение осуждённых на срок до пяти лет, а также беременных женщин, матерей с детьми, несовершеннолетних, пожилых и тяжелобольных. При этом амнистия не распространялась на осуждённых за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленные убийства и хищения социалистической собственности в особо крупных размерах[4].

Одновременно с подписанием указа в газете «Правда» от 28 марта 1953 г. была

[1] Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией: указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г.

[2] Записка Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС о проведении амнистии от 26 марта 1953 г.

[3] Записка Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС о проведении амнистии от 26 марта 1953 г.

[4] Об амнистии: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953.

опубликована статья, объяснявшая амнистию «ростом сознательности советских людей» и «укреплением социалистического правопорядка». Для внутренней аудитории, измученной послевоенными репрессиями, сам факт массового освобождения становился сигналом «оттепели». Л.П. Берия, как показано в документальных публикациях, рассчитывал таким образом завоевать популярность и укрепить свои позиции в борьбе за власть.

Реакция населения, однако, оказалась далеко не однозначной. По материалам из Свердловской области отечественным исследователем П.В. Шаравьевым было выделено три группы мнений. Рабочие и служащие в основном восприняли амнистию как проявление «постоянной заботы правительства о людях». Инженерно-технические работники высказывали опасения по поводу роста преступности. Наконец, критически настроенная интеллигенция расценила амнистию как «попытку произвести впечатление на зарубежные страны», особо подчёркивая, что «политзаключенные оставались в тюрьмах» [2, с. 73]. Последнее замечание особенно показательно: пропагандистский дискурс «гуманизма» вступал в явное противоречие с реальностью, в которой политические противники режима не подлежали освобождению. Сотни тысяч освобождённых, лишённые жилья, документов и средств к существованию, «вновь начинали заниматься противоправной деятельностью» [3, с. 122]. Вследствие этого криминальная ситуация в регионе нормализовалась лишь к концу 1953 г., за исключением районов, прилегавших к Вятлагу. Это позволило политическим противникам Л.П. Берии использовать рост преступности как доказательство его «преступной халатности», что ускорило арест и казнь бывшего всесильного министра в декабре 1953 г.

Особого внимания заслуживает амнистия от 17 сентября 1955 г., ставшая, по меткому выражению Е.Ю. Спицына, «роковой ошибкой властей» [4, с. 342]. Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» был принят в контексте установления дипломатических отношений с Федеративной Республикой Германия. В сентябре 1955 г. в Москву прибыл канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, и, как указано в подборке документов, «жестом доброй воли со стороны нашей страны стал пересмотр дел немецких граждан, осужденных за военные преступления» [5, с. 150]. Уже в октябре того же года около 50 тыс. немцев были репатриированы в ФРГ и ГДР.

Амнистия 1955 г., однако, распространялась не только на немецких военнопленных, но и на советских коллаборационистов – граждан, служивших в немецкой армии, полиции, вспомогательных формированиях, а также на членов националистических организаций [6, с. 87]. Согласно официальным данным, к весне 1956 г. из мест заключения освободились более 60 тыс. человек [4, с. 345]. Формально указ не распространялся на лиц, осуждённых за шпионаж, террор или особо тяжкие преступления. Однако на практике, как показано в работе Б.Н. Ковалева, «советские суды сотнями, а иногда и тысячами освобождали людей, которые не покаялись и не понесли заслуженного наказания» [6, с. 112].

Особую остроту проблеме придавало то обстоятельство, что среди амнистированных оказались лица, совершившие тяжкие военные преступления. Показательным является случай Григория Васюры – карателя, лично руководившего уничтожением деревни Хатынь, где погибли 149 жителей, включая 75 детей. Осуждённый в 1952 г. на 25 лет, он был амнистирован в 1955 году, после чего, как свидетельствуют материалы следствия, «успешно работал, стал заместителем директора совхоза, даже вступил в КПСС». Лишь в 1986 году Васюра был арестован и

приговорён к расстрелу [6, с. 208–210]. Данный случай демонстрирует, что пропагандистский расчёт на «прощение заблудших» вступал в непримиримое противоречие с принципами исторической справедливости.

Амнистия 1955 г. имела и долгосрочные политические последствия, особенно на Западной Украине. Согласно справке МВД СССР от августа 1956 г., на территорию Западной Украины вернулись более 20 тыс. бывших оуновцев и бандеровцев, из которых не менее 7 тыс. осели во Львове [4, с. 360]. Ещё около 50 тыс. коллаборантов вернулись из-за границы. Как отмечает Е.Ю. Спицын, эти люди не просто возвращались к мирной жизни, но и активно интегрировались в партийно-государственный аппарат. При первом секретаре ЦК КПУ П.Е. Шелесте (1963–1972) в руководящие структуры «хлынул поток работников из западноукраинских областей», включая будущего первого президента независимой Украины Л.М. Кравчука [4, с. 365].

В этом контексте становится понятной стратегия, сформулированная одним из главарей Львовского краевого провода ОУН Василем Заставным, на которую ссылается Е.Ю. Спицын: «Период борьбы с пистолетом и автоматом закончился. Настал другой период – период борьбы за молодёжь, период врастания в советскую власть с целью её перерождения под большевистскими лозунгами… Наша цель – проникать на всевозможные посты» [4, с. 366]. Амнистия 1955 г., будучи задумана как акт «всепрощения», способный «завершить раскол общества, начатый Гражданской войной» [5, с. 154], фактически создала условия для легализации и последующего усиления националистических элементов в советской номенклатуре.

Не менее важным представляется и анализ пропагандистского дискурса, сопровождавшего амнистии. Официальные формулировки указов апеллировали к «малодушию или несознательности» коллаборационистов, противопоставляя их «закоренелым врагам»[1] [11, л. 2]. Нарратив «прощения», как показано в исследовании Н.В. Петрова, был адресован как внутренней аудитории (демонстрация гуманности социалистического строя), так и внешней (создание образа СССР как цивилизованного государства, отказавшегося от практики массового террора) [7, с. 289]. Внутренняя пропаганда, однако, сталкивалась с очевидным диссонансом: миллионы советских людей, потерявших на войне родных и близких, воспринимали амнистию коллаборационистов как оскорбление памяти жертв. Как отмечает Б.Н. Ковалев, розыск и наказание нацистских пособников продолжались на протяжении десятилетий, однако амнистия 1955 года существенно затруднила эту работу, поскольку многие каратели были освобождены досрочно и успели легализоваться [5, с. 196].

Институт амнистии в послевоенном СССР (1945–1956 гг.) функционировал не столько как правовой механизм реализации принципа гуманизма, сколько как инструмент пропагандистской войны, использовавшийся для решения как внутриполитических, так и внешнеполитических задач. Амнистия 1945 г. носила преимущественно демонстративный характер, закладывая нарратив «победного милосердия». Амнистия 1953 г., инициированная Л.П. Берией, была направлена на завоевание популярности среди населения и разгрузку переполненной пенитенциарной системы, однако отсутствие продуманного механизма социальной адаптации привело к резкому росту преступности и «криминальной катастрофе», что было использовано для устранения самого инициатора. Амнистия 1955 г., принятая в контексте установления дипломатических отношений с ФРГ, имела ярко выраженное

[1] Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.

внешнеполитическое измерение, но её долгосрочным последствием стала легализация и интеграция коллаборационистов в партийно-государственный аппарат, особенно на Западной Украине, что создало «мину замедленного действия» под фундаментом советской государственности. Пропагандистский дискурс «всепрощения», демонстрировавший Западу «цивилизованное лицо социализма», вступал в непримиримое противоречие с интересами исторической справедливости и памятью о жертвах войны. Это позволяет заключить, что в долгосрочной перспективе амнистии 1953-1955 гг. способствовали не укреплению, а размыванию легитимности советской власти, создавая условия для будущих этнополитических конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Спицын Е. Ю. Хрущёвская слякоть : советская держава в 1953–1964 годах / Е. Ю. Спицын. – М. : Книжный мир, 2019. – 592 с.
2. Шаравьев П. В. Амнистия 1953 г. и ее влияние на криминогенную ситуацию на Среднем Урале по материалам спецсообщений органов госбезопасности / П. В. Шаравьев // История и современное мировоззрение. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 71–77.
3. Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 / Н. В. Петров. – М. : РОССПЭН, 2011. – 351 с.
4. Спицын Е. Ю. Хрущёвская слякоть : советская держава в 1953–1964 годах / Е. Ю. Спицын. – М. : Книжный мир, 2019. – 592 с.
5. Амнистия 1953 года в СССР: [подборка документов] // Исторический архив. – 1996. – № 4. – С. 143–159.
6. Ковалев Б. Н. «Оттепель» и наследники Гитлера : из истории розыска и наказания нацистских пособников на Северо-Западе России в конце 50-х – первой половине 60-х годов XX века / Б. Н. Ковалев. – М. : Фонд «Историческая память», 2024. – 224 с.

УДК: 93/94

Д. В. Михаэлис, Е. С. Браташ

КРАСНОДАРСКИЙ И ХАРЬКОВСКИЙ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

В настоящей работе рассматриваются и анализируются Краснодарский и Харьковский судебные процесса 1943 г., как первые открытые суды над нацистскими преступниками в СССР. Указывается, что они стали предшественниками Нюрнбергского процесса как в части сбора доказательств о преступлениях нацистов, так и самого факта открытого осуждения военных преступников их пособников.

Ключевые слова: Краснодарский процесс, Харьковский процесс, нацистские преступления, Нюрнбергский процесс, трибунал.

D.V. Mikhaelis

THE KRASNODAR AND KHARKIV TRIALS AS PREDECESSORS OF THE NUREMBERG TRIBUNAL

This paper examines and analyzes the Krasnodar and Kharkov trials of 1943, as the first open trials of Nazi criminals in the USSR. It is pointed out that they became the forerunners of the Nuremberg trials both in terms of collecting evidence about Nazi crimes and the very fact of openly condemning war criminals and their accomplices.

Keywords: Krasnodar Process, Kharkiv Process, Nazi Crimes, Nuremberg Process, Tribunal

История Великой Отечественной войны запечатлела в себе не только примеры героизма наших предков, но и нескончаемый список военных преступлений нацистов и их союзников. В ответ на это советское руководство разработала правовую базу для привлечения виновных к ответственности. Одним из главных правовых актов, заложивших основу борьбы с нацистами и их пособниками, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании специального органа - Чрезвычайной государственной комиссии для установления и расследования преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (далее – Чрезвычайно государственная комиссия)[1]. Данная комиссия проводила расследования, собирала свидетельские показания, эксгумировала массовые захоронения, составляла акты о разрушениях и ущербе, а также проводились посмертные судебно-медицинские экспертизы. Все эти материалы становились основной доказательной базой на судах. Вторым нормативно-правовым актом стал Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором прописывалась ответственность для нацистов и их пособников (далее – Указ), который устанавливал категории лиц, подлежавших уголовному преследованию: «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи» и их пособники из числа местного населения[2]. Таким образом, правовая система СССР создала особый механизм реагирования на беспрецедентные преступления.

Первая в истории практика подобных процессов связана с городом Краснодаром. Краснодарский процесс проходил с 14 по 17 июля 1943 г. На скамье подсудимых оказалось 11 человек из числа советских граждан, помогавших врагу. По юридической терминологии того времени их называли не иначе как «изменники Родины», им вменялись массовые убийства мирных жителей с использованием автомашин - «душегубок». Также в ходе указанного судебного процесса руководителями всех совершенных преступлений были названы командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Р. Руофф и начальник краснодарского гестапо полковник Кристман, которые на процессе не присутствовали. Приговоры основывались на показаниях свидетелей, отчетах ЧГК и судебно-медицинских экспертизах. Наказание для нацистких пособников было суровым: 8 человек приговорены к смертной казни в виде повешения, трое к каторжным работам на 20 лет. В полном соответствии с текстом Указа, приговоренные были казнены прилюдно. После процесса был выпущен документальный фильм «Приговор народа», который был переведен на английский язык и демонстрировался в странах – союзниках СССР [1, с. 146]. Публичность процесса продемонстрировало приверженность СССР принципу открытого и справедливого правосудия. Таким образом, данный процесс преследовал двойную цель: не только привлечение виновных к ответственности, но и демонстрацию

[1] Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР: Указ Президиума ВС СССР от 02 ноября 1942 г. № 160/17 // «Ведомости Верховного Совета СССР», 1942 г., № 40.

[2] О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников: Указ Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 // СПС КонсультантПлюс

неизбежности наказания за совершенные преступления. Значение Краснодарского процесса велико, так как он стал первым открытым процессом над пособниками немецких захватчиков. Более того, документы об автомашинах-«душегубках» были представлены на Нюрнбергском судебном процессе [2].

Всего через несколько месяцев после вынесения приговора в Краснодаре, в декабре 1943 г. состоялся Харьковский процесс, который стал знаковым событием не только для советского, но и для международного права. Одной из особенностей данного процесса, было то, что судили нацистских преступников, непосредственно совершивших геноцид советских граждан. Подсудимыми на этом процессе стали офицер немецкой контрразведки В. Лангхельд, заместитель командира роты СС Г. Риц, чиновник тайной полевой полиции Р. Рецлав и предатель Родины М. М. Булганов. В числе прочих свидетелей был допрошен оберштурмбаннфюрер СА Георг Хейнриш, который был использован в качестве представителя нацисткой элиты. Военный трибунал 4-го Украинского фронта приговорил всех обвиняемых к смертной казни через повешение. В качестве доказательств использовал заключение судебно-медицинской комиссии, которая исследовала места массового уничтожения советских граждан. По результатам расследования подсудимые обвинялись в убийстве свыше 3000 убийствах советских граждан. Таким образом, комиссия подтвердила преступления, совершенные нацистскими оккупантами в Харькове и его окрестностях. Также в обвинительном заключении упоминается судебно-медицинская экспертиза Краснодарского процесса, что показывает последовательность Советского союза в деле наказания нацистов.

Присутствие иностранных корреспондентов, дипломатов и наблюдателей на судебных процессах позволило информации о зверствах нацистов дойти до международной общественности. С освобождением территории Советского Союза начинается расширение географии судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками. СССР использовал эти процессы для обоснования необходимости создания международного трибунала и разработки общих принципов наказания военных преступников. Одним из важных этапов на пути к международному осуждению нацистов стала Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства принятая СССР, США и Великобританией [3]. В этом документе закреплялась ответственность нацистов за преступления, совершенные на оккупированных территориях Европы в соответствии с законами стран, которым они будут выданы после окончания войны. Также указывалось, что под его юрисдикцию не попадала верхушка Третьего Рейха, который будут наказаны в соответствии с отдельным документом.

Открытые советские суды над нацистами, прошедшие в 1943 г., стали важнейшим, но лишь начальным этапом на пути к Нюрнбергскому процессу. Историко-правовой анализ Краснодарского и Харьковского процессов указывают на стремление Советского Союза провести показательные процессы не только с точки зрения банального осуждения преступников, но и продемонстрировать стремление к справедливому преследованию нацистской идеологии, которая будет осуждена в соответствии с соблюдением всех правовых аспектов. Их изучение и анализ являются составной частью подвига наших предков, многие из которых отдали свои жизни по имя победы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Страхова С. В. Советские открытые судебные процессы над нацистами и их пособниками 1943 г. как первая ступень к Нюрнбергу // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 1(105). – С. 143-149.

2. С. П. Ивонин Историко-правовые предпосылки проведения Нюрнбергского судебного процесса // На пути к гражданскому обществу. 2024. №1 (53). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-predposylki-provedeniya-nyurnbergskogo-sudebnogo-protsessa (дата обращения: 19.03.2026).

3. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Материалы и документы. Том 1. М.; ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1944. – 688 с.

УДК 351.74 : 343.98

Никитин Ю. П.

ХАРАКТЕР ОТВЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ПРИ ИХ ЗАДЕРЖАНИИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье поднимается актуальная проблема, связанная с активным сопротивлением правонарушителей сотрудникам полиции во время выполнения ими их задержания. Изучены нормативные правовые акты и проведен анализ оперативно-служебных ситуаций, на основе проведенного анкетирования сотрудников полиции, в которых правонарушители оказывали им активное сопротивление.

Ключевые слова: служебная деятельность, оперативно-служебные задачи, активное сопротивление, технико-тактические действия, задержание правонарушителей, физическая сила,

Nikitin Yu. P.

THE NATURE OF OFFENDERS' RESPONSE WHEN ARRESTED BY POLICE OFFICERS

Abstract. This article addresses the pressing issue of offenders actively resisting police officers during their arrest. Regulatory legal acts are examined and operational situations are analyzed, based on a survey of police officers in which offenders actively resisted.

Keywords: official activities, operational tasks, active resistance, technical and tactical actions, offender apprehension, physical force.

Участившиеся случаи нападения на сотрудников полиции и оказания им сопротивления со стороны правонарушителей вынуждают вносить коррективы в профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел на предмет применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Характер действий правонарушителей в практике их задержания не достаточно изучен и это часто отрицательно сказывается на эффективности выполнения оперативно-служебных задач сотрудниками полиции. Поэтому возникает необходимость изучения данной актуальной проблемы ее разработки и внедрения новых средств и методов совершенствования профессиональной, служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел [1, с. 199].

В проведенном нами исследовании проанализирована статистика применения физической силы, в том числе боевых приемов борьбы в случаях нападения и оказания

активного сопротивления правонарушителей сотрудникам полиции при обеспечении общественного порядка и безопасности граждан. Также составлен профиль ответных действий правонарушителей при их задержании и оказания противоборства законным требованиям сотрудников полиции [2, с. 98].

Цель исследования заключается в изучении характера ответных и других двигательных действий со стороны правонарушителей при их задержании и противоборстве законным требованиям сотрудников полиции.

Для изучения практики задержания правонарушителей в случаях оказания ими сопротивления сотрудникам полиции были изучены:

– документы, специальная методическая литература, информационные бюллетени;

– сведения о выявленных случаях оказания сопротивления и нападения, согласно сводкам территориальных органов МВД России, предоставленной отделом профессиональной подготовки Управления по работе с личным составом ГУВД по Иркутской области;

– анкетные данные, согласно проведенному анкетированию сотрудников полиции патрульно-постовой службы (50 человек) и участковых уполномоченных органов внутренних дел (27 человек).

Анкетирование сотрудников полиции показало, что около 75% респондентов сталкивались со случаями противоборства, где в 30% случаях правонарушитель применял или использовал против них оружие или подручные средства. В данных ситуациях практической деятельности правонарушители в основном вооруженные ножом или палкой, в процессе которых задержание происходило в 62,7 и 66,7% случаях соответственно. Намного реже противоборство правонарушителей и их нападение на сотрудников полиции этих подразделений происходило с применением длинноствольного и коротконствольного огнестрельного оружия, во время которых задержание происходило в 24,5 и 23,1% случаях соответственно. В 6% случаях респонденты ответили, что нападение на них производилось другими подручными средствами, которым относились кастеты, различные трубы, цепи, газовые ключи, биты и газовые баллончики.

Наряду с вооруженными сопротивлениями в практике сотрудников полиции чаще встречаются случаи пассивного и активного сопротивления. Пассивное сопротивление обычно выражается в виде различных упоров, толчков, рывков, сковывающих захватов и обхватов и т.д., после которых правонарушитель часто пытается вырваться и скрыться бегством. При активном сопротивлении правонарушитель наоборот старается держаться на расстоянии для противоборства сотрудникам полиции, которое выражается в нанесении различных ударов руками и ногами. Данные контингент правонарушителей в основном хорошо подготовлен, владеют навыками ударных видов единоборств и поэтому любят держаться на расстоянии, но в тоже время часто бывает, что они слабо подготовлены для борьбы в тесном контакте [3, с. 148].

Статистика применение боевых приемов борьбы и физической силы сотрудниками полиции в Иркутской области показала следующий профиль действий сотрудников органов внутренних дел (применение приемов указаны в процентах, по отношению к изученным 227 случаев использования физической силы и специальных средств): наружный осмотр – 74%; сопровождение задержанного правонарушителя в опорный пункт или отделение полиции – 51%; задержание правонарушителя, оказывающего пассивное сопротивление – 44%; задержание правонарушителя, оказывающего активное

сопротивление – 30%; задержание и обезоруживание вооруженного правонарушителя вооруженного палкой – 36%; задержание и обезоруживание вооруженного правонарушителя вооруженного ножом – 26% случаях; применение боевых приемов борьбы в целях самообороны при нападении правонарушителя на сотрудника – 18%; применение боевых приемов борьбы в целях оказания помощи другому сотруднику или для предотвращения нападения на других лиц – 16%.

В процессе обработки анкетных данных было отмечено, что респонденты в своей служебной деятельности редко применяют специальные средства и огнестрельное оружие. Использование наручников сотрудниками полиции зарегистрировано всего в 5,4% случаях, применение палку резиновую в 4,6%, огнестрельное оружие в 1,6% случаях, электронно-шоковое устройство и слезоточивый газ всего в 0,4% случаях. Это связано, скорее всего, в первую очередь с федеральным законом «О полиции», где в п. 3 ст. 19 сказано, что «… сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба …»[1]. Выполнения этой части данного федерального закона в практической деятельности в условиях приближенных к экстремальным ситуациям иногда сделать не представляется возможным, в том числе, чтобы также обеспечить личную безопасность и безопасность граждан [4, с. 130]. Также стоит отметить, что одним из основных фактором здесь играет то, что обеспечивая общественный порядок, сотрудники полиции в основном работают с гражданским населением, многолюдных и общественных местах, где присутствует большое количество людей и применение специальных средств, особенно огнестрельного оружия не целесообразно в целях соблюдения общественной безопасности [5, с. 39].

Проанализировав ответы респондентов при анкетировании было отмечено, что из большого арсенала боевых приемов борьбы, при силовом задержании правонарушителей во время решения оперативно-служебных задач в процессе профессиональной деятельности [6, с. 134], сотрудники полиции наиболее часто применяют:

– наружный досмотр, который выполняют в основном под воздействием болевого приема;

– сопровождение правонарушителей в опорный пункт или отделение полиции;

– болевые приемы на руки и загибы руки рывком во время пассивного сопротивления.

Статистика нападений на сотрудников ОВД по Иркутской области анализировалась на основе анкетирования и статистического ежемесячного материала предоставленного отделом профессиональной подготовки Управления по работе с личным составом ГУВД по Иркутской области. Проведенный анализ показал, что наиболее часто нападению подвергаются сотрудники ППС и ДПС, немного реже на оперуполномоченных, дежурных нарядов полиции и участковых уполномоченных и редко на дознавателей.

Характеризуя пол, возраст и состояние нападавших правонарушителей выяснилось, что в 65% случаев правонарушители находились в состоянии алкогольного опьянения. Возраст нападавших варьируется от 19 до 60 лет. В трех

[1] О полиции : Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : принят Государственной Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/?ysclid=lo6iabcbb 2647452674 (дата обращения: 02.05.2026). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

случаях (24,75%) нападение совершили женщины. В четырех случаях (33%) нападавшие были вооружены, во время которых сотрудникам полиции был нанесен вред здоровью в виде получения травм, ушибов и ранений. Вооруженное нападение правонарушителей в данных ситуациях осуществлялось с использованием палки, топора, обломок стекла, биты, молотка и т.д. В четырех случаях (33%) нападавших было двое и более человек. В 50% случаях нападение на сотрудника было совершено на частной территории (частный дом, квартира, двор, личный автомобиль).

В девяти случаях из двенадцати (73,25%) сотрудники полиции пострадали от нападения правонарушителей и получили различные травмы: резаные и рубленые раны, ушибы, ссадины, сотрясения головного мозга, закрытые черепно-мозговые травмы, переломы.

Профиль действий правонарушителей вырисовывался на основе опроса и анкетирования сотрудников полиции, выполняющих задачи по охране общественного порядка и безопасности граждан. В качестве респондентов были выбраны сотрудники подразделений патрульно-постовой службы, срок службы которых составлял от 3 лет и более.

Сотрудникам патрульно-постовой службы были выбраны не случайно, так как именно им приходится часто сталкиваться с правонарушениями на улицах города, задерживать их и доставлять в дежурную часть. Поэтому у них имеется большой опыт контактов с правонарушителями различных групп населения и социального положения.

Цель проведения анкетирования заключалось:

1. выявить частоту или количественный показатель оказания сопротивления на общее число случаев задержания правонарушителей;
2. определить вид сопротивления;
3. характеризовать и классифицировать ответно-защитные действия правонарушителей;
4. выяснить при каких характерных обстоятельствах правонарушители оказывали сопротивление;
5. анализировать травмы, полученные сотрудниками патрульно-постовой службы при задержании.

При опросе выяснилось, что практически все сотрудники полиции сталкивались с фактами оказания сопротивления со стороны задерживаемых (120 случаев). При этом средняя частота ситуаций связанных с нападением на одного сотрудника составила 1,26 случаев.

При анализе вопроса из анкеты, «Какой вид сопротивления наиболее часто оказывают правонарушители при их задержании?», были получены следующие данные, что чаще всего это относится к пассивному неповиновению, примерно в 47% случаев; активное неповиновение – 37%; пассивное сопротивление – 31%; и активное сопротивление – 16%.

Определение профиля ответно-защитных действий правонарушителей на их задержания сотрудниками полиции вошло 16 видов: 1) упоры; 2) сковывающие захваты; 3) высвобождение от захватов; 4) зацепления за предметы; 5) захваты и обхваты; 6) борьба; 7) броски; 8) удушающие приемы; 9) болевые приемы; 10) удары руками; 11) удары ногами; 12) попытка убежать, скрыться; 13) использование подручных средств; 14) метание предметов; 15) угроза холодным оружием (палка, бита, бутылка и т.д.); 16) угроза травматическим оружием.

В профиль ответных действий не вошли применение холодного (колюще-режущие предметы) и огнестрельного оружия, так как случаи применения данных действий по результатам опроса не встречались.

Анализ анкет показал, что во время задержания наиболее часто, в 52% случаев, правонарушители начинают упираться, в 38% - пытаются скрыться или убежать, в 31% - цепляются за посторонние предметы, в 28% - высвобождаются от захватов или пытаются вырваться.

Встречаются ситуации, когда правонарушители оказывая противоборство начинают бороться в 18% случаях, выполнять захваты и обхваты – 11%, в том числе применять сковывающие захваты – 13%, используют бросковую технику –6%, болевые приемы борьбы – 2,7% или удушающие приемы – 3,7%. Также довольно часто правонарушители наносят удары руками в 13% и ногами в 11% случаях. К очень редким видам сопротивления относятся: метание предметов в сотрудника (3%); использование подручных средств (1,7%); угроза холодным оружием (1%); угроза травматическим оружием (0,3%).

Изучая объективные обстоятельства, при которых правонарушители оказывали сопротивление, мы выделили восемь основных факторов, из которых шесть касаются правонарушителей и два окружающей обстановки.

При опросе выяснилось, что на первое место выступают два наиболее значимых фактора: алкогольное опьянение задерживаемых (5,67 балов из 10) и количество правонарушителей (4,46 балла), когда их двое и более человек. Внешнее поведение правонарушителей определялось по уровню агрессивности и агрессивность, как фактор, предшествующий нападению поставлен респондентами на высокое место (3,94 балла). Было также выявлено, что к категории правонарушителей оказывающих сопротивление относятся ранее судимые (3,92 балла) и правонарушители, совершившие тяжкое преступление (2,69 балла). Фактор же, указывающий на то, что вооруженные правонарушители могут оказать сопротивление не является ведущим и поставлен респондентами на последнее место (1,17 баллов).

Исходя из вышеприведенных факторов, определяющих вероятность оказания сопротивления при задержании правонарушителей, следует отметить, что наибольшей вероятностью к началу противоборству и активному сопротивлению следует отнести следующие случаи, когда лицо агрессивно настроено, находится в состоянии алкогольного опьянения или в составе группы численностью от двух и более человек. Респондентами также было отмечено, что наиболее часто задерживаемые лица оказывают сопротивление в вечернее время суток (4,42 балла) или на своей, частной территории (2,36 баллов).

Полученные выводы позволяют внести следующие коррективы в части повышения личной безопасности сотрудников ОВД при задержании правонарушителей. По результатам исследования обозначены некоторые практические рекомендации, которые включают алгоритм действий сотрудников при задержании правонарушителей и статистику нападений в определенных ситуациях служебной деятельности. Данный материал может использоваться при инструктаже суточных нарядов полиции, которые заступают на службу охраны общественного порядка и безопасности граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Струганов С.М., Горелов С.А., Кугно Э.Э. Особенности психологической подготовки сотрудников патрульно-постовой службы к действиям в экстремальных

ситуациях с риском для жизни // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2024. № 10-3. С. 197-204.

2. Струганов С.М., Мудрый А.Е., Кугно Э.Э. Применение специальных средств ограничения подвижности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Автономия личности. 2024. № 3(33). С. 35-43. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_76482262_70605752.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

3. Баркалов С.Н. Комплексное формирование готовности обучающихся образовательных организаций МВД России к обеспечению личной безопасности в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Автономия личности. 2020. № 1 (21). С. 146-153. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42644172_47942330.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

4. Горелов С.А., Струганов С.М. Обеспечение личной безопасности сотрудников патрульно-постовой службы при выполнении оперативно-служебных задач // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-3. С. 130-136.

5. Толдиев А.Б. К вопросу обеспечения личной безопасности сотрудников МВД России // Теория и практика общественного развития. 2016. №3. С. 97-99.

6. Кугно Э.Э., Чашечникова Д.О., Струганов С.М. Правовые и практические аспекты задержания лица в российском законодательстве // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики : Сборник научных трудов X Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 21 марта 2025 г.). Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2025. С. 127-132.

УДК 340.114.5

А. В. Римский, М. С. Сорокопуд

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОВД В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. На основе классических учений о правосознании анализируется трансформация правосознания и правовой культуры сотрудников ОВД в условиях тотальной цифровизации. Выявляются структурные деформации, порождаемые цифровой средой: клиповость восприятия, размывание публично-частных границ, алгоритмическая предопределенность решений. Обосновывается категория «цифровая правовая культура» как интегративное профессиональное качество сотрудника полиции в электронном государстве. Акцентированы риски цифрового конформизма и ценностного релятивизма, а также пути их преодоления через аксиологическое обновление подготовки. Формулируется теоретическая модель правовой культуры нового типа, объединяющая традиционные правовые идеалы и цифровую компетентность.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, сотрудники ОВД, цифровая трансформация, цифровая правовая культура, деформация правосознания, профессиональная этика.

A. V. Rimskiy, M. S. Sorokopud

LEGAL AWARENESS AND LEGAL CULTURE OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Abstract. Based on classical doctrines of legal awareness, the article analyzes the transformation of legal awareness and legal culture of internal affairs officers under conditions of total digitalization. Structural deformations generated by the digital environment are identified: clip-like perception, blurring of public-private boundaries, algorithmic predetermination of decisions. The category of "digital legal culture" is substantiated as an integrative professional quality of a police officer in an electronic state. The risks of digital conformism and value relativism are highlighted, as well as ways to overcome them through axiological renewal of professional training. A theoretical model of a new type of legal culture is formulated, combining traditional legal ideals and digital competence.

Keywords: legal awareness, legal culture, internal affairs officers, digital transformation, digital legal culture, deformation of legal awareness, professional ethics.

Беспрецедентное ускорение процессов цифровой трансформации, охватившее все сферы жизнедеятельности общества, предъявляет качественно новые требования к субъектам правоприменения. Выступая основным проводником государственной воли, органы внутренних дел оказались на острие противоречий между классической, инерционной системой правового регулирования и динамичной средой цифрового социума. В этих условиях традиционные подходы к пониманию профессионального правосознания и правовой культуры сотрудников ОВД обнаруживают свою недостаточность [1, с. 42]. Теоретическое значение имеет следующее положение о том, что «постсоветский период отечественной истории отмечен не только эрозией правовой культуры прошлого, но и противоречивым становлением новых культурно-правовых реалий... Современный конфликт между Россией и Западом пытаются рассматривать в духе борьбы демократии против авторитаризма» [2, с. 6].

Цифровая реальность формирует особый тип социального взаимодействия, в котором виртуальное и физическое пространства неразрывно слиты. В развитие представленной теоретической линии нами обосновано положение, согласно которому «алгоритмическое управление становится скрытым регулятором информационных потоков и поведения пользователей» [3, с. 146]. Правоохранительная деятельность более не может ограничиваться реагированием на правонарушения в их материальном выражении; объектом правовой охраны становятся цифровые права личности, персональные данные, информационная безопасность граждан [4, с. 18]. Погруженный в эту среду, сотрудник полиции неизбежно испытывает трансформирующее воздействие на собственное правосознание: меняются каналы получения правовой информации, ускоряется ритм принятия решений. Виртуальное пространство – это «онтологически значимое пространство бытия, в котором происходит реконфигурация субъективности» [5, с. 43].

Фундаментальные вызовы цифровой эпохи многообразны. Нарастает разрыв между формально-догматическим правовым знанием и реальной цифровой практикой, требующей понимания принципов работы искусственного интеллекта [6, с. 88]. Профессиональная правовая культура сотрудников ОВД, традиционно ориентированная на иерархичность и стабильность, входит в конфликт с сетевыми

структурами и анонимностью цифровой преступности [7, с. 205]. Собственное цифровое поведение сотрудника становится фактором, напрямую влияющим на авторитет всей правоохранительной системы.

Теоретико-правовой аспект проблемы позволяет взглянуть на нее с ценностно-мировоззренческой стороны. Именно на уровне правосознания закладывается отношение к праву, определяющее правомерность поведения правоприменителя. Цифровизация способна совершенствовать правоохрану и незаметно подтачивать правовые идеалы, подменяя их технологической эффективностью.

В классической науке правосознание понимается как совокупность идей, чувств, представлений и установок, выражающих отношение субъектов к праву [8, с. 156]. Развивая данное положение, отметим, что правосознание представляет собой «систему взглядов, воззрений, представлений, образов и установок, отражающих «социальную онтологию» права и составляющих ядро правовой культуры» [2, с. 7]. Профессиональное правосознание сотрудников ОВД отличается высокой степенью прагматичности, связью с правоприменительной практикой, а также неизбежной профессиональной деформацией [9, с. 49–50].

В условиях цифровой трансформации структура профессионального правосознания усложняется. Правовая идеология сотрудника сегодня формируется под воздействием ведомственных актов, а также социальных сетей, мессенджеров, анонимных форумов. Социальные сети превращаются в мощный инструмент формирования общественного мнения и установок, выходя за рамки простой коммуникации [3, с. 150]. Эта же логика прослеживается и на более глубоком уровне: современные алгоритмические системы не только регулируют поведение, но и конституируют «успешную» цифровую идентичность с помощью внутренней саморегуляции [5, с. 45]. Возникает феномен «цифровой гносеологической перегрузки», когда обилие разрозненной информации подрывает системность правовых знаний: «мозаичное, клиповое мышление, прививаемое цифровой средой, несовместимо с логико-понятийной строгостью юридического мышления» [10, с. 34].

Правовая психология сотрудника подвергается коррозии со стороны механизмов анонимизации и деперсонализации. Постоянное взаимодействие с электронными документами создает иллюзию общения с абстрактным объектом, а не с живым человеком. Онтология сетевого бытия такова, что цифровая власть проявляется как продуктивная сила, переопределяющая границы личностного «я». Вместе с тем, виртуальное пространство, предоставляя широкие возможности самопрезентации, одновременно действует как поле жесткой нормативизации [5, с. 44, 47]. Закономерный результат – снижение эмпатии, формализация правоприменительных актов и деформация правосознания по типу «цифрового бюрократизма», когда алгоритм воспринимается как высший критерий законности [11, с. 15].

Нарастает разрыв между рациональным и иррациональным уровнями правосознания. Рациональный компонент фрагментируется из-за обилия обновляемых цифровых платформ. Иррациональный компонент (правовая интуиция) атрофируется из-за зависимости от автоматизированных систем поддержки решений, что позволяет утверждать, что появился новый вид профессиональной деформации – «алгоритмическая гипономность», добровольное подчинение правосознания машинной логике [12, с. 91].

Правовая культура представляет собой качественное состояние правовой жизни общества [13, с. 211]. Если «в традиционном праве правовая культура, являясь освоением норм, ценностей и правил, ориентирована на привязку к нравственным,

моральным нормам, к образам права, связанным с социальной гармонией и социальной справедливостью» [2, с. 16], то цифровая экономика породила новую нормативную реальность, в которой регуляторами выступают уже и программный код [14, с. 122].

В структуру правовой культуры сотрудника ОВД нового типа необходимо включить когнитивный компонент (знание цифрового права), аксиологический (ценности свободы, достоинства, презумпции невиновности) [15, с. 77] и конативный (навыки правомерного поведения в цифровом пространстве). Вместе с тем цифровые механизмы выступают «инструментами не только контроля, но и производства субъектности» [5, с. 44]. Формирование цифровой правовой культуры представляет собой это глубокую гуманитарную трансформацию профессионального мировоззрения.

Теоретико-правовая модель желаемого состояния включает три императива. Мировоззренческий требует возвращения к праву как мере свободы и справедливости. Справедливо мнение о том, что «отказ от рациоцентризма, свойственного западному праву и превращенного в правовой тоталитаризм, является условием определения правового воспитания как составной части патриотического воспитания» [2, с. 16]. Институциональный императив подразумевает регламентацию применения автоматизированных систем, исключение тотального цифрового контроля [16, с. 145]. Личностный императив связан с самовоспитанием и цифровой гигиеной сотрудника.

Среди наиболее острых вызовов выделим цифровой конформизм – некритичное принятие цифровых нововведений как самодостаточной ценности. Алгоритмическая власть подменяет свободу выбора предзаданными моделями поведения и выступает в качестве современного диспозитива власти, а правовой нигилизм является продуктом современной правовой культуры [2, с. 16; 5, с. 43; 3, с. 148]. Проявляется это в феномене «автоматизированного усмотрения»: сотрудник механически применяет решение, предложенное электронным сервисом. Другой риск – цифровой правовой релятивизм, подрывающий профессиональную идентичность защитника национального правопорядка [17, с. 302–303]. Нейтрализация этих рисков видится в развитии «цифровой правовой рефлексии» – умении задавать себе вопрос: способствует ли это действие реализации права?

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровая трансформация выступает мощным фактором, преобразующим сущность правосознания и правовой культуры сотрудников ОВД. Власть в эпоху цифровых медиа становится более гибкой, но и более тотальной [3, с. 153]. В этой связи обосновано введение категории «цифровая правовая культура сотрудника ОВД» – интегративного качества, выполняющего роль иммунной системы правосознания.

В конечном счете, идентичность современного сотрудника ОВД должна пониматься «не как заданная сущность, а как динамический конструкт, возникающий в результате пересечения технологических, дискурсивных и властных влияний» [5, с. 43]. Будущее правосознания и правовой культуры – в утверждении права как высшей ценности, ради сохранения которой служат технологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров Ю.А. Правовое сознание в условиях цифровой реальности // Государство и право. – 2021. – № 12. – С. 39–48.

2. Римский А.В. Правовое сознание, правовое воспитание и правовая культура / Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел: монография / А.Н.

Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – С. 6–21.

3. Римский А.В., Сорокопуд М.С., Ахмаров А.В. От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2025. – Т. 50, № 1. – С. 146–154.

4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. – 2018. – 29 мая.

5. Римский А.В., Сорокопуд М.С., Ахмаров А.В. Идентичность в виртуальном мире: власть и новые границы личностного самовыражения // Философская мысль. – 2024. – № 4. – С. 42–51.

6. Карташов В.Н. Профессиональная правовая культура и юридическая деятельность в условиях информационного общества // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 85–92.

7. Белов В.А. Цифровое право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 354 с.

8. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 640 с.

9. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел: теоретические проблемы. – М.: ВЮЗШ, 1992. – 128 с.

10. Кудрявцев А.В. Клиповое мышление как фактор деформации профессионального правосознания сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – № 3 (90). – С. 31–36.

11. Сорокин В.В. Правовая психология в условиях цифровизации правовой жизни // Российский юридический журнал. – 2023. – № 2. – С. 12–19.

12. Васильев А.А. Искусственный интеллект и правосознание: постановка проблемы // Юрислингвистика. – 2024. – № 31. – С. 88–94.

13. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 560 с.

14. Лессиг Л. Код и другие законы киберпространства / пер. с англ. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2019. – 320 с.

15. Малько А.В., Лиманская А.П. Цифровая правовая культура: понятие и признаки // Правовая культура. – 2023. – № 1 (52). – С. 74–80.

16. Чеботарев В.Е. Информационная безопасность личности в правоохранительной деятельности: правовые и организационные аспекты. – М.: ДМК Пресс, 2022. – 210 с.

17. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. Т. 1. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 864 с.

УДК 94(470)

А.А. Сысоев

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СЫСКА НА СИБИРСКИХ ТЕРРТОРИЯХ В КОНЦЕ В XIX СТОЛЕТИЯ

В настоящей статье рассмотрены особенности финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности сибирской полиции. Автором сделан вывод о недостаточном финансировании агентурной работы и нецелом использовании денежных сум, выделяемых в качестве «сыскного кредита».

Ключевые слова: уголовный сыск, финансирование, Восточная Сибирь, общая полиция, преступность, безопасность.

A.A. Sysoev

FEATURES OF FINANCIAL SUPPORT FOR CRIMINAL INVESTIGATION IN THE SIBERIAN TERRITORIES AT THE END OF THE 19TH CENTUR

This article examines the financial support for the operational and investigative activities of the Siberian police. The author concludes that there is insufficient funding for intelligence work and that the funds allocated as "investigative loans" are not being used effectively.

Keywords: criminal investigation, financing, Eastern Siberia, general police, crime, security

Стремясь к развитию оперативно-розыскной деятельности сибирской полиции, руководство министерства внутренних дел предпринимало меры для ее финансирования. В фондах государственного архива Иркутской области сохранились сведения о том, что в 1897 г. «из сыскного кредита» губернаторами было получено: Иркутским – 1 620 руб., Енисейским – 820 руб. и Якутским – 341 руб. 79 коп.; соответственно в 1898 г. – 1 177 руб., 835 руб. и 220 руб., а в 1899 г. – 645 руб., 650 руб. и 130 руб[1].

Помимо запланированных расходов на оперативные нужды допускались и особые выплаты. Так в 1898 г. Иркутскому полицмейстеру было дополнительно предоставлено 250 руб. В 1899 г. эту сумму увеличили до 1 456 руб [1, с. 299]. По схожей схеме происходило финансирование и в 1900 г., когда Иркутскому генерал-губернатору был открыт сыскной кредит в 1 500 руб. с уведомлением о том, что в случае израсходования этой суммы и неотложной необходимости в производстве новых издержек по «сыскной части» необходимо войти с ходатайством о дополнительном отпуске этого кредита, с предъявлением подробного отчета о произведенных расходах из первоначально назначенной суммы[2].

Между тем далеко не все деньги, отпускаемые для оперативных расходов, тратились по своему прямому назначению. Так из сохранившихся документов финансовой ревизии Иркутского городского полицейского управления следует, что из денег «сыскного кредита» в 1897, 1898 и 1899 г. были произведены выдачи: рабочим Типографии областного правления за напечатание Журнала Областного Совета, чинам полиции без обозначения, на какой именно предмет, в награду за труды по секретной

[1] Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. 25, оп. 3, д. 338, л. 40.
[2] ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 338, л. 5, 7.

части, на содержание явочно-справочного стола, на командировки чинов полиции за пределы их участков, на негласное наблюдение и на перевозку вещественных доказательств, т.е. на надобности не относящиеся к розыскному делу[1]. Подобная практика нецелевого использования денежных средств свидетельствовала о явной недостаточности общего финансирования сибирской полиции.

В таких условиях проблема недостаточного денежного обеспечения оперативной деятельности ощущалась наиболее остро. Об этом в первую очередь свидетельствовал критически низкий уровень личной и имущественной безопасности сибирского населения. В этой связи лица прокурорского надзора обращали внимание руководства губернией на почти полное отсутствие розыска. По мнению прокуроров именно, «благодаря этому большое число совершаемых преступлений и при том самого тяжелого характера оставались не раскрытыми»[2].

Таким образом, общая полиция явно не справлялась с проявлениями уголовной преступности, в связи с чем большая часть преступных посягательств на жизнь и имущество сибиряков оставалась безнаказанной. При этом стремление местных властей переломить ситуацию путем создания специализированных подразделений уголовного сыска неизменно сталкивалось с проблемой их финансирования.

Впервые с ходатайством перед департаментом полиции об организации сыскной части выступил Иркутский губернатор Ефимов в 1880 г. Однако в прошении было отказано, а выделенной на агентурные расходы суммы в размере 107 руб. оказалось явно недостаточно для осуществления организационно-штатных изменений [2, с. 43].

Спустя пять лет, в 1883 г. сыскной отряд в Иркутске все-таки появился, и… был распущен через несколько месяцев за «неимением средств». По расчетам полицмейстера капитана А.В. Озерского для содержания отряда, состоящего всего из нескольких сотрудников, в течении одного года требовалось около 1000 руб[3]. При этом сумма «сыскного кредита», выделенного на всю полицию Иркутской губернии, составляла лишь 629 руб.

Последняя попытка создания сыскного подразделения при иркутской городской полиции состоялась в 1885 г. Однако из требуемых для организации работы сыщиков 5000 руб[4] было выделено лишь 1620 руб[5]. В результате, сыскной отряд также расформировали [3, с. 81].

Неудачи в реформировании местных полицейских структур объяснялись отсутствием нормативных актов, оговаривающих саму возможность создания сыскной полиции в сибирских городах. Все попытки расходования «сыскного кредита» на реформирование местной правоохранительной системы с точки зрения чиновников министерства внутренних дел являлись нецелевым использованием денежных средств. Выделяемые министерством суммы предназначались исключительно на оплату агентурной сети. Те же средства, которые уходили на содержание общей полиции, предусматривали траты только для «Высочайше» утвержденных штатов. Таким образом, департамент полиции предлагал старую и неэффективную схему борьбы с уголовной преступностью, когда деньги на сыск выдавались полицейским приставам каждой части исключительно на оплату агентурных услуг.

---

[1] ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 338, л. 78.
[2] ГАИО, ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 45.
[3] ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 5555, л. 1.
[4] ГАИО, ф. 32, оп. 3, д. 145, л. 2.
[5] ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 446, л. 142. ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 338, л. 42.

Вместе с тем отсутствие специализированных структур уголовного сыска снижало эффективность агентурной работы и приводило к парадоксальным ситуациям, когда имеющиеся денежные средства «сыскного кредита» вследствие низкой компетентности чинов общей полиции либо не использовались, либо расходовались не рационально. Это наглядно демонстрируют отчеты правоохранителей о личных финансовых потерях. В одном из таких документов полицейский пристав 1-й части канцелярский служитель Валериан Леонидович Порецкий докладывал полицмейстеру, что потратил из собственных средств на сыскную часть 32 руб. Однако чиновник не мог предоставить ни одного документального подтверждения своим тратам, так как, по его мнению, было «крайне неудобно брать росписи с тех людей, которые открывают какие-либо преступления»[1].

В результате неспособности сотрудников общей полиции осуществлять оперативную деятельность последняя явно не соответствовала требованиям времени. «Розыски если и делаются, то только на бумаге, и то ужасно медленно», – сообщалось в «Записке о ревизии Иркутского Городского Полицейского Управления», датированной 1885 г[2].

Очевидная бесперспективность обращений в вышестоящие инстанции с проектами создания сыскной полиции привела к тому, что губернское руководство попыталось получить материальные средства от органов местного самоуправления. Однако при обсуждении вопроса о создании в штате городской полиции сыскной части гласные Иркутской думы проголосовали против. Выборные представители иркутского общества вполне обосновано отказались от очередного увеличения обязательных выплат на содержание правоохранительных структур, так как доля городских расходов составляла около 80 процентов от общей суммы, затрачиваемой на содержание полиции. В абсолютных цифрах затраты составляли около 30.000 руб. в год [4, с. 107]. Стремясь ограничить затраты на содержание общей полиции, депутаты городской думы фактически блокировали решение проблемы обеспечения личной и имущественной безопасности местного населения.

Таким образом, не смотря на ежегодное государственное финансирование агентурной работы чиновников общей полиции, она не приносила должного результата. Отсутствие в штатах городской полиции отдельных структур уголовного сыска делало финансовые траты малоэффективными. Повсеместно практиковавшееся нецелевое использование «сыскного кредита» усугубляло и без того невысокое качество оперативной деятельности. Низкий уровень профессиональной подготовки чиновников общей полиции инициировал попытки местной администрации в создании отдельных сыскных подразделений. Однако денег, выделяемых государством на агентурную работу, не хватало для организационно-штатных изменений. Попытка получения дополнительного финансирования со стороны местного самоуправления оказалась неудачной. Город отказал в выделении дополнительных средств в виду и без того значительных трат на содержание полиции. Вследствие этого уровень личной и имущественной безопасности местного населения к началу XX столетия снизился до критически низких значений.

[1] ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1051, л. 2.

[2] ГАИО, ф. 91, оп. 2, д. 309, л. 12, 26.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сысоев А.А. Нецелевое использование денег «сыскного кредита» и политика хозяйственного освоения сибирских территорий в конце XIX-начале XX вв. // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов и государственной противопожарной службы: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2002. – С. 298-300.

2. Сысоев А.А. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. – Иркутск, 2013. – 354 с.

3. Сысоев А.А. Уголовный сыск Иркутской губернии во второй половине XIX в.: особенности формирования и организации // Вестник ВСИ МВД России. – 2005. – №4 (35). – С. 80-88.

4. Сысоев А.А. Реформирование городской полиции и обеспечение имущественной безопасности населения Иркутска в начале XX века // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири: материалы научно-теоретического семинара. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2003. – С. 106-112.

УДК 342.924:656.11:070-043.2

М.Д. Покровский

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ МЕДИАКОНТЕНТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ УСТАНОВОК УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена комплексному исследованию влияния медиаконтента на формирование правосознания участников дорожного движения. В работе анализируется, каким образом визуальные модели поведения (как позитивные, так и негативные), распространяемые в СМИ и социальных сетях, воздействуют на ценностные ориентиры и поведенческие стратегии водителей и пешеходов.

Ключевые слова: медиаконтент, правосознание, правовая культура, участники дорожного движения, безопасность движения.

M.D. Pokrovsky

INFORMATION ANALYSIS-PSYCHOLOGICAL INFLUENCE OF MEDIA CONTENT ON THE FORMATION OF LEGAL ATTITUDES OF ROAD USERS

The article is devoted to a comprehensive study of the influence of media content on the formation of legal awareness of road users. The paper analyzes how visual behaviors (both positive and negative), disseminated in the media and social networks, affect the value orientations and behavioral strategies of drivers and pedestrians.

Keywords: media content, legal awareness, legal culture, road users, traffic safety.

С переходом от индустриального общества к информационному приоритетными становятся задачи формирования инфраструктуры для удобного доступа населения к актуальной информации, создания платформ дистанционного обсуждения значимых общественных проблем и организации эффективного информационного обмена между представителями различных сфер деятельности и гражданами. В этом контексте ключевым вектором государственной политики становится цифровая трансформация общественных институтов, где государство выступает не просто как регулятор, но и

как активный «провайдер» цифровых сервисов и медиаконтента. В современных социокультурных реалиях медиасреда трансформировалась в доминирующий институт социализации личности. Особую значимость при этом приобретает воздействие массмедиа и каналов коммуникации на формирование устойчивых установок и структурных элементов правосознания. Последнее, выступая внутренним регулятором, предопределяет паттерны поведения индивида в юридически значимых ситуациях, наиболее часто и динамично возникающих в сфере дорожного движения.

Результаты анализа научной литературы свидетельствуют о том, что до настоящего момента в науке не представлено целостной концепции формирования правовых установок участников дорожного движения, что свидетельствует о наличии существенного пробела в данной области. Тем не менее отдельные аспекты проблемы получили освещение в трудах таких исследователей, как Р.Ш. Ахмадиева, М.Г. Белугин, М.В. Бондаренко, С.Е. Борисова, О.А. Строева, Н.А. Чечева и др.

Целью данного исследования выступает комплексное исследование влияния медиаконтента на формирование правосознания участников дорожного движения.

По справедливому утверждению М.В. Бондаренко и О.А. Строевой «…Высокий уровень правовой культуры обеспечивает правомерную деятельность участников дорожного движения и выражается в нормативных суждениях, ценностных ориентирах, складывающихся из знаний, оценок, предопределяющих действия личности в сфере правопорядка и способствующих формированию желательной модели поведения. При этом важно, чтобы правильное представление о праве и ответственности формировалось своевременно, до того, как участник дорожного движения совершит противоправное действие, а не после того, как опасности будут подвергнуты жизни других людей» [3, с. 91]. В связи с этим, первостепенной задачей государственной информационной политики становится превентивное правовое просвещение, основанное на принципах «позитивной социализации». Однако стоит признать, что на сегодняшний день правовая информация в цифровом поле часто проигрывает в конкуренции за внимание аудитории более динамичному, но деструктивному контенту. В научной литературе значительное внимание уделяется определению и анализу информационно-психологического воздействия средств массовой информации (далее — СМИ) на формирование как общественного, так и индивидуального правосознания. Превалирующее число медиаресурсов, содержащихся на просторах интернета, использует эмоционально насыщенные образы и вирусные форматы для популяризации опасного вождения, формируя у аудитории искажённые представления о допустимом поведении на дорогах. Отсутствие должной правовой модерации в сети Интернет приводит к тому, что у молодых водителей формируется ложное ощущение безнаказанности. В настоящее время аудитория проецирует поведение медиаперсонажей на себя. Если в контенте популярный блогер демонстрирует агрессивное вождение без негативных последствий, формируется установка на подражание. Широкое тиражирование видеоматериалов с нарушениями правил дорожного движения, в частности через вирусные челленджи в социальных сетях, способствует формированию ложной социальной нормы, при которой противоправные действия воспринимаются как типичное поведение большинства участников дорожного движения.

Чтобы переломить эту тенденцию, государству необходимо освоить язык новых медиа. Это предполагает переход от сухих нормативных формулировок к созданию эмоционально насыщенного, персонализированного контента, который апеллирует не только к страху перед наказанием, но и к ценности человеческой жизни, социальной

ответственности и престижности законопослушного образа жизни.

В целях обеспечения дальнейшего совершенствования реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. 841 была утверждена Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года[1]. Документ закрепляет приоритет превентивных мер, среди которых особое место отводится формированию правовой культуры и позитивного правосознания участников дорожного движения. В рамках Стратегии предусматривается ряд направлений повышения безопасности участников дорожного движения, среди которых:

1) повышение культуры участников дорожного движения в целях формирования устойчивого стереотипа безопасного поведения в условиях дорожного движения, развития принципов взаимного доверия и взаимопомощи между участниками дорожного движения, в том числе через произведения культуры и искусства;

2) совершенствование целевой пропаганды безопасности дорожного движения с учетом социально-демографических характеристик групп риска, приемлемых для них способов восприятия и источников информации, а также иных особенностей;

3) развитие единой системы информирования населения о необходимости соблюдения правил дорожного движения, рассмотрение перспектив включения соответствующих положений в стандарты оказания услуг населению;

4) развитие системы превентивного информирования участников дорожного движения об опасных условиях дорожного движения, в том числе через навигационные системы и операторов мобильной связи;

5) идентификация и минимизация влияния на безопасность дорожного движения факторов, связанных с отвлечением внимания участников дорожного движения и обусловленных в том числе использованием цифровых мобильных устройств, распространением на автомобильных дорогах наружной рекламы, создающей угрозу безопасности дорожного движения и др.

Закрепление указанных направлений в Стратегии свидетельствует о том, что государство не просто заявляет о намерениях, а приступает к реальному созданию информационной безопасности в области дорожного движения, как функциональной системы профилактики и просвещения.

Такой исследователь, как Р. Ш. Ахмадиева, также отдаёт приоритет информационному просвещению как ключевому инструменту повышения безопасности дорожного движения. Так, автор считает, что эффективная профилактика нарушений правил дорожного движения невозможна без системной работы по формированию правосознания и культуры безопасного поведения, которая должна включать создание информационно-образовательных сайтов по безопасности дорожного движения; деятельность карткпуба и др.).

Особое внимание Р. Ш. Ахмадиева уделяет принципу персонификации, обуславливающему интегрированное и целенаправленное воздействие на развитие свойств субъектности. Этот подход предполагает:

[1] Указ Президента РФ от 14.11.2025 N 841 "Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518887/?ysclid=mmntrx1a4q395648974 (дата обращения: 11.03.2026).

– формирование устойчивого, осознанного и позитивного отношения к безопасности дорожного движения на индивидуальном уровне;

– определение для каждого обучающегося (например, студента) персональной траектории развития компетенции безопасности жизнедеятельности на дорогах – с учётом его опыта, психофизиологических особенностей и зоны ближайшего развития [1].

Особый интерес вызывает исследование С. Е. Борисовой, в рамках которого обоснована позиция о том, что видеоконтент, построенный на освещении событий в контексте широких социальных отношений и общественно одобряемых идеалов, способен оказывать позитивное информационно-психологическое воздействие на сознание и поведение участников дорожного движения [4, с. 83].

Наибольшую эффективность демонстрируют видеоматериалы, которые:

– раскрывают связь безопасного поведения на дорогах с фундаментальными общественными ценностями (забота о близких, ответственность перед обществом, уважение к жизни и здоровью);

– показывают последствия нарушений ПДД не только в правовом, но и в социально-нравственном ключе (человеческие трагедии, разрушение семей, моральная ответственность);

– формируют позитивные ролевые модели законопослушных водителей и пешеходов, делая их образ привлекательным и социально одобряемым.

Автор, поддерживая приведённые тезисы отмечает, что «противовесом отрицательным факторам правовой социализации участников дорожного движения могут быть умелые и подкрепленные нормами законодательства Российской Федерации профессиональные действия сотрудников Госавтоинспекции, непринятие поведения водителей-правонарушителей обществом, принципиальная позиция СМИ, обнажающих существующие проблемы» [4, с. 83].

Одним из объектов исследовательского внимания стал видеосюжет «Главный полицейский Сахалина сам ловит нарушителей на дорогах». В рамках программы «Вести. Дежурная часть» был представлен материал о деятельности начальника сахалинского управления МВД Олега Долгого, который лично участвует в выявлении нарушений правил дорожного движения, в том числе организует и проводит погони. Трёхминутный ролик о том, как высокопоставленный офицер наводит порядок на трассах региона, стремительно разошёлся по социальным сетям, вызвав живой отклик аудитории.

Приведённый пример показывает, что динамичный видеосюжет о пресечении правонарушения в режиме реального времени оказывает более сильное информационно-психологическое воздействие на аудиторию, чем сухие статистические сводки о дорожно-транспортных происшествиях. Наблюдая за оперативным восстановлением правопорядка, зритель испытывает чувство удовлетворения, которое подсознательно формирует ассоциативную связь: соблюдение правил дорожного движения воспринимается не как ограничение свободы или признак слабости, а как элемент системы «силы» и «порядка».

В конечном итоге, представленный материал свидетельствует об изменении вектора правовой социализации в цифровой среде. Традиционные методы пропаганды безопасности дорожного движения постепенно уступают место «медиа-практикам прямого действия». Трансляция принципиальной позиции правоохранителей через современные медиаканалы позволяет не просто информировать граждан о правилах, а формировать глубокую внутреннюю убежденность в необходимости их соблюдения.

Таким образом, по справедливому утверждению ряда авторов «человек сталкивается с опасностью в транспортной среде на протяжении всей жизни, поэтому система подготовки компетентных участников дорожного движения должна быть непрерывной, включающей все возрастные группы населения» [2]. Перспективы повышения безопасности дорожного движения определяются синергией технологий контроля и методов информационно-психологического воздействия. Государство, выполняя функцию модератора информационного пространства, призвано формировать ценностно-нормативную среду, в которой законопослушное поведение выступает как единственно приемлемая модель самореализации личности в социуме. Реализация этой задачи через создание «правовой среды обитания» позволит достичь стратегической цели: трансформировать российские дороги из зоны повышенного риска в пространство правовой культуры, взаимного доверия и уважения к нормам дорожного движения. Это станет логическим результатом реализации государственной политики, закреплённой в Стратегии повышения безопасности дорожного движения до 2036 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадиева Р. Ш. Теоретико-методические основания формирования безопасности жизнедеятельности на дорогах как компетенции будущего специалиста // Вестник ЧГУ. 2011. №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodicheskie-osnovaniya-formirovaniya-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-na-dorogah-kak-kompetentsii-buduschego (дата обращения: 09.03.2026). – Загл. с экрана.

2. Ахмадиева Р. Ш., Белугин М. Г. Формирование компетенции транспортнобезопасной личности у школьников // КПЖ. 2016. №4 (117) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kompetentsii-transportnobezopasnoy-lichnosti-u-shkolnikov (дата обращения: 11.03.2026). – Загл. с экрана.

3. Бондаренко М. В. Правовая культура участников дорожного движения как необходимое условие обеспечения его безопасности / М. В. Бондаренко, О. А. Строева // Правовая культура. – 2016. – № 4(27). – С. 89-96. – EDN XEPLNX.

4. Борисова С. Е. Особенности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента интернет-телевидения на правосознание и поведение участников дорожного движения / С. Е. Борисова // Психология и право. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 77-89. – DOI 10.17759/psylaw.2021110406. – EDN FYXJRW.

УДК 346.326

А.А. Тирских, М.В. Кивокурцева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РФ В ДЕСТРУКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В настоящей статье рассмотрены отдельные вопросы деятельности деструктивных структур, которые предпринимают многочисленные попытки вовлечения граждан РФ в противоправную деятельность. Рассмотрены формы такой негативной противоправной деятельности. Предложен ряд дополнительных рекомендаций, направленных на профилактику совершения противоправных деяний.

Ключевые слова: граждане РФ, спецслужбы, противоправная деятельность, террористическая деятельность, деяния, информационно-психологическое воздействие, профилактика.

A.A. Tirskikh, M.V. Kivokurtseva

SOME ISSUES OF PREVENTING THE INVOLVEMENT OF RUSSIAN CITIZENS IN DESTRUCTIVE ACTIVITIES

This article examines specific aspects of the activities of destructive structures that make numerous attempts to involve Russian citizens in illegal activities. The forms of such negative illegal activity are examined. A number of additional recommendations aimed at preventing the commission of illegal acts are proposed.

Keywords: Russian citizens, special services, illegal activity, terrorist activity, acts, information and psychological influence, prevention.

Специальная военная операция (далее – СВО), которую с февраля 2022 года проводят Вооруженные силы Российской Федерации, стала важным шагом в обеспечении национальной безопасности государства, защиты прав и свобод российских граждан, продвижении интересов и укреплении международно-правового положения России.

Цели и задачи СВО вызвали резко негативную реакцию некоторых иностранных государств, которые наряду с оказанием Украине военной помощи, развернули широкую разведывательную и подрывную деятельность против России. В последние годы отмечаются многочисленные факты обучения западными кураторами украинских спецслужб специальным методам информационно-психологического воздействия на население России, продолжается активное вовлечение российских граждан в деструктивную деятельность, совершение диверсионно-террористических актов. Если ранее такие случаи были редки и встречались эпизодически, то сегодня данная негативная противоправная деятельность приобрела достаточно широкий масштаб.

Активная противоправная деятельность такого рода зачастую приводит к росту деяний террористической направленности. Так, например, только в период с начала Специальной военной операции до января 2024 года выявлено 220 фактов нападений и поджогов органов власти и военкоматов, а также свыше 180 случаев диверсий на железных дорогах [1]. В 2025 году террористическая деятельность еще более выросла, когда только на транспорте было совершено более 400 противоправных актов. Задержано свыше 300 человек [2]. Подобные тенденции, связанные с активизацией террористической деятельности в России, наблюдаются и в 2026 году.

Очевидно, что на сегодняшний день население России стало объектом информационно-психологического воздействия, отработки новых методов деформации создания со стороны западных, и в первую очередь украинских

спецслужб, различного рода националистических организаций и групп деструктивного характера.

Данные негативные структуры выбирают наиболее подверженные влиянию группы населения: несовершеннолетние, в том числе дети малообеспеченных семей; пенсионеры, а также лица с низкой моральной ответственностью, и оказывают на них морально-психологическое воздействие с целью склонения их к совершению противоправных деяний, связанных с террористической деятельностью.

И здесь основным инструментом в противоправной деятельности выступает информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Широкий доступ населения в сеть Интернет, социальные сети, свободное использование различных мессенджеров, облегчает проникновение буквально к каждому гражданину России со стороны деструктивных структур.

Можно выделить следующие формы вовлечения граждан России в противоправную деятельность с помощью интернет-платформ:

использование различного рода игр, в ходе которых за выполнение определенных заданий перечисляются определенные денежные суммы. Со временем эти задания стали носить противоправный характер;

мошеннические схемы, в ходе которых с жертвы вымогаются деньги, а также имущество, после их получения, за обещание вернуть изъятое, с граждан требуют совершить противоправное деяние;

используются схемы якобы легальной помощи правоохранительным органам, участия в спецоперациях спецслужб, однако на самом деле граждане также вовлекаются в совершение противоправных деяний;

применяются методы использования граждан в финансировании незаконной деятельности, курьеров по доставке незаконно изъятых денежных сумм; использования сим-боксов для звонков в мошеннических целях и ряд иных подобных действий.

Широкий диапазон схем вовлечения граждан в противоправную деятельность, гигантский размер похищенных денежных сумм, приводит к катастрофическим последствиям. Похищенные денежные средства используются для обогащения деструктивных структур и применяются в противоправной деятельности против России, а обманутые граждане нередко привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступных деяний. Стоит отметить, что только в 2025 году объем похищенных мошенниками средств составил 29,3 млрд рублей [3].

Размах преступных действий по вовлечению граждан РФ в деструктивную деятельность, часто связанную с совершением диверсий и террористических актов, ставит на повестку дня вопрос о выработке профилактических действий в данном направлении.

Проведение результативной профилактической работы является в настоящее время весьма сложной задачей, учитывая масштаб преступных действий, использования специальных методик спецслужб, нигилизм части населения, несовершенством мер, принимаемых государственными органами.

Современный гражданин России подвержен гигантским информационным потокам, в которых зачастую имеется контент прямо противоправного содержания, содержащий экстремистские и террористические установки, направленные против основ российского государства. Воспитанные в духе индивидуализма, потребительства, стяжательства, имеющие клиповое мышление, без четких жизненных ориентиров, некоторые граждане становятся легкой добычей вербовщиков спецслужб иностранных государств и различного рода экстремистских организаций и сообществ.

В этой связи выработка реально работающих профилактических мер, направленных на блокирование и нейтрализацию негативных тенденций вовлечения в

противоправную деятельность граждан РФ является жизненной необходимостью и первостепенной задачей государства и общества.

В первую очередь такие меры должны иметь комплексный подход, основанные на интегрированном симбиозе разработок криминологов, психологов, культурологов и иных специалистов, способных сформулировать научно обоснованные рекомендации по противодействию деятельности деструктивных структур.

Также предлагаются дополнительные меры, которые помогут профилактировать деятельность деструктивных структур:

весь информационный контент должен быть пронизан антидиверсионным и антитеррористическим содержанием;

реклама должна воспитывать уважение к Родине, стране, нашим достижениям, государственным символам, что служит дополнительным защитным барьером;

следует внедрять практику вознаграждения за сообщения о фактах терроризма;

обеспечить разработку специальных программ для смартфонов для сообщения о фактах терроризма;

необходимо активизировать разработку контента в игровой форме для доведения информации для молодежи (комиксы, игры, смайлики, плакаты, граффити, карикатуры);

обеспечить разработку типов российских супергероев, которые защищают наше государство, где в негативном ключе приводятся персонажи, которые занимаются противоправной деятельностью;

осуществить разработку и внедрение в сознание населения и особенно молодежи специальных мемов, слоганов противодиверсионной направленности и ряд иных мер.

В заключение следует отметить, что деятельность государственных органов по противодействию вовлечения в противоправную деятельность граждан РФ, несомненно, будет иметь успех в случае привлечение к такой работе представителей гражданского общества, патриотических организаций, ветеранов СВО, волонтеров и других активных граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. С начала СВО в России выявили около 400 поджогов военкоматов и диверсий на ж/д / https://www.interfax.ru/russia/941302 (дата обращения 13.05.2026).

2. В 2025 году за диверсии на транспорте задержали более 300 человек/ https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6953acef9a794749e22738e0?ysclid=motk7ouhb8659810860 (дата обращения 13.05.2026).

3. ЦБ сообщил о росте объема хищений мошенников в 2025 году до 29,3 млрд рублей/ https://www.interfax.ru/business/1072685 (дата обращения 13.05.2026).

УДК: 377.3

Л.С. Шестакова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОСНОВНЫХ ПРОГРАММАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В настоящей статье рассмотрены основные этапы внедрения и реализация регионального компонента в основных программах профессионального образования сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

Ключевые слова: региональный компонент образовательной программы, национально-региональный компонент, основная программа профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел.

L.S. Shestakova

REGIONAL COMPONENT OF KEY LAW ENFORCEMENT TRAINING PROGRAMMES: THEORY AND PRACTICE

This article discusses the main stages of implementation and implementation of the regional component in the main professional education programs for law enforcement officers of the Russian Federation.

Key words: regional component of the educational program, national-regional component, the main professional training program for employees of the internal affairs bodies.

В 90-е года прошлого столетия руководством нашего государства был взят курс на социально-экономическое преобразование России. В стране начинается период глобальных экономических и политических реформ. Изменения затронули и сферу образования. Изучив международный опыт в сфере образования, было принято решение о разработке единых образовательных стандартов для всех уровней подготовки.

В принятом в 1992 году законе «Об образовании в Российской Федерации» был сформулирован образовательный стандарт, состоящий из трех компонентов: федерального, национально-регионального и компонента учебного заведения, а также был определен обязательный минимум содержания образовательных программ, максимальный объем нагрузки обучающихся и требования к уровню их подготовки.

Термин «региональный компонент» впервые в законодательных актах появился в 2007 году в Федеральном базисном учебном плане образовательных учреждений Российской Федерации (по программа общего образования) и назывался «национально-региональный компонент» на изучение которого отводилось 40 % учебного времени. Позже, Министерства образования изменило не только название, но количество времени, выделяемого на его реализацию – не более 15 %. [1: С. 291]

Начиная с 2007 года «региональный компонент» стал вводиться во все образовательные программы. Основной целью его введения являлась необходимость дать обучающимся знания о регионе, его населении, природной и культурной среде, а также сформировать у них навыки продуктивного взаимодействия с окружающим миром.

При внедрении регионального компонента в образовательные программы использовался один из четырех вариантов: интегрированный полипредметный;

тематический полипредметный; факультативный многопредметный; интегрированный многопредметный вариант. [1: С. 292]

Для первого варианта «интегрированного полипредметного» характерно равномерное распределение РНК по всем дисциплинам образовательной программы. Основной учебный материал направлен на формирование общих знаний (понятий, определений, законов, явлений, и т.п.), а региональный компонент - на конкретизацию этих знаний в учетом специфика региона.

Для второго варианта «тематического полипредметного» характерно размещение РНК внутри тематического плана конкретной дисциплины. При таком построении на изучение учебного материала с региональным содержанием отводятся отдельные занятия с обязательным выделением дополнительных часов.

Для третьего варианта «факультативного многопредметного» характерно объединение регионального учебного материала по всем дисциплинам образовательной программы в отдельный самостоятельный факультатив в рамках дополнения к базовому блоку учебных дисциплин.

При четвертом варианте «интегрированном многопредметном» можно использовать один из двух способов реализации РНК - обобщение и систематизацию учебного материала с региональным содержание внутри определенной образовательной области либо максимально полное объединение разнообразных сведений из всех образовательных областей.

Если говорить о региональном компоненте в контексте профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов, то здесь речь шла о изучении обучающими законодательства субъектов Российской Федерации, рассмотрении наиболее распространённых в данном регионе составов противоправных деяний и особенности привлечения к юридической ответственности за нарушения этих правовых норм.

Изначально региональный компонент в основных программах профессионального обучения (профессиональной подготовки) сотрудников ОВД (далеепо тексту – ОППО) реализовывался в рамках конкретной темы. Например, тема 9 «Административные правонарушения, ответственность за которые установлена законами субъектов РФ» раздела 2 «Общие положения административного законодательства» дисциплины «Правовая подготовка» блочно-модульной программы специального профессионального обучения сотрудников, назначенных на должность патрульно-постовой службы полиции.

При введении многопрофильных программ профессионального обучения, образовательным организациям системы МВД Российской Федерации предоставлялось право вносить изменения в содержание учебного плана с учетом специфики региона, его криминогенной обстановки, национальных и культурных традиций, но не более 15 % от учебного времени, отведенного на изучение той или иной дисциплины.

Позже, при разработке унифицированных программ эта возможность была исключена. У образовательных организаций системы МВД Российской Федерации осталось только права перераспределять количество часов между занятиями лекционного и семинарского типа, но не более 15% от объема, предусмотренного примерной программой профессиональной подготовки.

В настоящее время в ОППО продолжают вносится изменения. В 2024 году были приняты новые программы профессионального обучения, срок обучения по которым был сокращен. В связи с этим было сокращено количество часов по отдельным

дисциплинам. Так, например, в предыдущей программе ОППО на изучение дисциплины «Основы административного права» отводилось 30 часов, на изучение дисциплины «Основы административно-процессуального права» - 32 часа. Сейчас эти две дисциплины объединены в одну, а количество часов составляет всего 48, включая самостоятельную подготовку (8 ч.) и зачет (2 ч.). При этом содержание учебных вопросов, подлежащих изучению, не изменилось. В этой ситуации преподаватели испытывают существенную нехватку времени для изложения материала, а реализация регионального компонента практически сведена к минимуму.

Действующая ОППО не предусматривается изучение регионального законодательства и порядка привлечения к административной ответственности за его нарушение. А это немаловажный вопрос! Например, административная ответственность за нарушение тишины и покоя граждан, административные правонарушения, влияющие на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие несовершеннолетних, деяния, посягающие на общественный порядок на территории субъекта РФ, и т.д., а также вопросы, связанные с порядком рассмотрения этих дел коллегиальными органами, деятельность которых также регулируется законами субъектов Российской Федерации. [2: С. 372]

Исходя из вышеизложенного, необходимо рассмотреть вопрос об введении регионального компонента в примерные программы профессионального обучения, предоставив образовательным организациям системы МВД Российской Федерации право самостоятельно вносить изменения в содержание учебного плана с учетом специфики региона, либо вести конкретные темы, направленные на изучение законодательства субъекта Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Штец А.А. Региональный компонент в современном российском образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-2 С. 291-295

2. Шестакова Л.С. Некоторые вопросы привлечения к административной и иной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан в Прибайкальском регионе // сборник материалов XXVII международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях / Иркутск, 2022 С. 372-374

3. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2004 года N 1312 «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования». Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901895864

УДК 343.9:004.8

А. Р. Шихаев, А. В. Войтов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье исследуются структурные, функциональные и ценностные изменения профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов под воздействием цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта. Анализируются трансформация профессиональной идентичности, смещение этических стандартов, риски деформации правосознания при делегировании

процессуальных функций алгоритмическим системам. Формулируются направления адаптации профессиональной подготовки кадров и совершенствования нормативного регулирования.

Ключевые слова: профессиональная культура, правоохранительные органы, искусственный интеллект, цифровизация, алгоритмизация, правосознание, профессиональная идентичность, этика, предиктивная аналитика, автоматизация.

A. R. Shikhaev

TRANSFORMATION OF THE PROFESSIONAL CULTURE OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IMPLEMENTATION

Abstract. The article examines structural, functional, and value-related changes in the professional culture of law enforcement officers under the influence of digitalisation and the introduction of artificial intelligence technologies. It analyses the transformation of professional identity, shifts in ethical standards, and risks of legal consciousness deformation when procedural functions are delegated to algorithmic systems. Directions for adapting professional training and improving regulatory frameworks are formulated.

Keywords: professional culture, law enforcement agencies, artificial intelligence, digitalisation, algorithmisation, legal consciousness, professional identity, ethics, predictive analytics, automation.

Профессиональная культура сотрудника правоохранительных органов представляет собой многоуровневый социально-правовой и институциональный феномен, охватывающий устойчивую совокупность ценностных ориентаций, нормативных установок, поведенческих моделей и коммуникационных стратегий, формирующихся в ходе служебной социализации и воспроизводящихся через механизмы профессиональной идентификации [1, с. 14]. В её структуре принято выделять когнитивный, нормативный, аксиологический и деятельностный компоненты, взаимодействие которых обеспечивает целостность профессионального поведения в условиях правовой неопределённости, морального напряжения и институциональных ограничений. Между тем стремительная цифровизация публичного управления и правоохранительной деятельности в частности создаёт принципиально новую технологическую среду, в которой указанные компоненты подвергаются системной трансформации.

Нормативную основу внедрения цифровых технологий в деятельность органов внутренних дел формируют Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», а также Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2]. Ведомственные акты МВД России конкретизируют порядок применения информационных систем, автоматизированных баз данных и аналитических платформ в оперативно-служебной деятельности. Вместе с тем действующая нормативная база остаётся фрагментарной: правовые механизмы разграничения ответственности между сотрудником и алгоритмической системой, а также требования к прозрачности автоматизированных решений в правоприменительной практике законодательно не закреплены в достаточной мере.

Под воздействием технологий искусственного интеллекта существенным образом трансформируется модель профессионального поведения сотрудника. Исторически сложившаяся практика правоохранительной деятельности предполагала доминирование личного суждения, накопленного оперативного опыта и интуиции как инструментов принятия решений. Предиктивные аналитические платформы — в частности, системы оценки криминогенных рисков, программного распознавания образов, автоматизированного анализа больших данных — формируют конкурирующий центр экспертизы, выводы которого нередко воспринимаются как более объективные в силу своей алгоритмической природы [3, с. 87]. Это порождает феномен «делегированного суждения»: сотрудник постепенно редуцирует собственную аналитическую функцию, воспроизводя рекомендации системы без их критического осмысления. Угроза утраты профессиональной автономии в данном контексте приобретает не только психологическое, но и юридическое измерение, поскольку возлагает на алгоритм функции, традиционно закреплённые за субъектом права.

Трансформация управленческих и исполнительских функций обнаруживается прежде всего в переходе от единоличного к гибридному (человеко-машинному) принятию решений. Алгоритмы скоринга рисков, применяемые при назначении меры пресечения, предсказательное патрулирование, системы распознавания лиц, используемые при идентификации подозреваемых, — всё это меняет не только технологию, но и саму структуру служебных правоотношений. Офицер перестаёт быть единственным носителем оперативного знания и превращается в интерпретатора машинных выводов, что неизбежно влечёт изменение его ролевого статуса внутри институциональной иерархии. Одновременно возникают новые исполнительские компетенции: умение верифицировать алгоритмические рекомендации, выявлять ошибки классификации, интерпретировать вероятностные показатели в конкретных правовых контекстах [4, с. 203].

Особую теоретическую и практическую значимость приобретает проблема алгоритмической предвзятости. Системы машинного обучения, обучённые на исторических массивах правоохранительных данных, воспроизводят — и нередко усиливают — структурные диспропорции, присущие этим данным: непропорциональное представление отдельных социальных групп в криминальной статистике, территориальные паттерны регистрации преступлений, связанные с интенсивностью полицейского патрулирования, а не с реальным уровнем преступности. Применение подобных систем без надлежащей критической рефлексии со стороны сотрудника создаёт риск систематической дискриминации, нарушающей конституционно закреплённые принципы равенства граждан перед законом (ст. 19 Конституции Российской Федерации) и запрет произвольного ограничения прав и свобод [5, с. 46]. В этом отношении профессиональная культура должна эволюционировать в направлении формирования устойчивого критического отношения к алгоритмическим выводам как необходимого элемента профессиональной компетентности.

Трансформация этических стандартов в условиях алгоритмизации связана прежде всего с переосмыслением вопросов ответственности, прозрачности и дискриминационного потенциала цифровых систем. Традиционная этика правоохранительной деятельности строилась на персонализированной ответственности: конкретный сотрудник нёс ответственность за конкретное решение. Делегирование части функций алгоритму размывает эту ответственность, распределяя её между разработчиком программного обеспечения, организацией-владельцем

системы, руководителем, принявшим решение о внедрении, и непосредственным пользователем. Подобная «диффузия ответственности» [6, с. 31] создаёт благоприятную почву для снижения моральной бдительности сотрудника: при отрицательных последствиях решения всегда имеется возможность сослаться на алгоритмическую рекомендацию. Преодоление этой тенденции требует выработки чётких этических стандартов, закрепляющих неделимость персональной ответственности за итоговое правоприменительное решение вне зависимости от степени участия автоматизированных систем.

Изменение профессиональной идентичности сотрудников проявляется в двух противоположных тенденциях. С одной стороны, часть сотрудников воспринимает технологии искусственного интеллекта как инструмент профессионального усиления, повышающий эффективность работы и освобождающий от рутинных операций для сосредоточения на задачах, требующих человеческой компетентности. С другой стороны, значительная часть специалистов испытывает угрозу профессиональной деквалификации, утраты уникальности накопленного опыта и снижения институционального веса личного суждения [7, с. 118]. Социологические исследования, проводившиеся в подразделениях МВД России в 2023–2025 годах, фиксируют устойчивую корреляцию между уровнем цифровой грамотности сотрудника и его готовностью к конструктивной интеграции ИИ-инструментов в профессиональную практику. Это свидетельствует о том, что трансформация профессиональной идентичности во многом детерминирована качеством профессиональной подготовки и наличием институциональной поддержки в процессе адаптации.

Соотношение человеческого усмотрения и машинных рекомендаций является ключевой проблемой, требующей нормативного урегулирования. Принцип разумного усмотрения, закреплённый в доктрине административного права и подразумевающий право уполномоченного должностного лица принимать решения на основе профессиональной оценки конкретных обстоятельств, вступает в системное напряжение с логикой алгоритмического управления, предполагающей стандартизацию и предсказуемость выводов. Правовая система в целом не готова к ситуации, когда алгоритм рекомендует одно решение, а сотрудник — опираясь на неформализуемые элементы ситуационного знания — принимает иное. Требуется выработка правовых механизмов, легитимирующих профессиональное суждение сотрудника в качестве обязательного и неотчуждаемого элемента правоприменительного процесса, а не факультативной надстройки над алгоритмом.

Доверие общества к правоохранительным органам формирует важнейший аспект анализируемой проблематики. Восприятие гражданами применения ИИ в полицейской деятельности неоднозначно: часть населения связывает с технологиями надежды на снижение коррупции и повышение объективности; другая часть опасается усиления слежки, непрозрачности алгоритмических решений и невозможности их оспорить. Институциональное доверие в значительной мере определяется тем, насколько профессиональная культура сотрудников правоохранительных органов обеспечивает подотчётность и объяснимость принимаемых решений — качества, которые в условиях алгоритмизации становятся не менее важными, чем традиционная вежливость и соблюдение регламентов [8, с. 74]. Отсюда следует, что коммуникационные компетенции сотрудника должны эволюционировать в направлении способности разъяснять гражданам логику решений, принятых с использованием цифровых инструментов.

Формирование новых профессиональных компетенций выступает необходимым условием сохранения качества правоохранительной деятельности в условиях цифровой трансформации. К числу ключевых компетенций, подлежащих развитию, относятся: цифровая грамотность в части понимания принципов функционирования систем машинного обучения; аналитическая критичность при работе с автоматизированными рекомендациями; способность выявлять и корректировать ошибки алгоритмической классификации; навыки защиты персональных данных при работе с цифровыми информационными массивами; умение документировать процессуальные решения таким образом, чтобы они отражали как алгоритмический вклад, так и независимое профессиональное суждение [9, с. 156]. Включение указанных компетенций в программы профессиональной подготовки и переподготовки ведомственных вузов МВД России является задачей первостепенной важности.

С точки зрения практической значимости настоящее исследование позволяет сформулировать следующие предложения. Во-первых, необходимо законодательно закрепить принцип неделимости персональной юридической ответственности должностного лица за правоприменительное решение, принятое с использованием автоматизированных систем, исключив возможность её полного или частичного переложения на алгоритм. Во-вторых, следует разработать ведомственные стандарты использования систем искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности, предусматривающие обязательную процедуру критической верификации алгоритмических рекомендаций перед принятием процессуальных решений. В-третьих, образовательные программы ведомственных вузов МВД России подлежат дополнению модулями цифровой грамотности, этики применения ИИ и критического анализа алгоритмических данных. В-четвёртых, целесообразно создание специализированных этических комиссий при территориальных органах МВД для мониторинга применения систем ИИ и рассмотрения жалоб граждан, связанных с автоматизированными решениями.

Таким образом, трансформация профессиональной культуры сотрудника правоохранительных органов под воздействием технологий искусственного интеллекта представляет собой комплексный процесс, охватывающий ценностно-нормативную, деятельностную и коммуникационную сферы профессиональной жизни. Сохранение человекоцентричной модели правоохранительной деятельности в условиях алгоритмизации предполагает не пассивное приспособление к технологическим изменениям, а активное формирование новых институциональных практик, обеспечивающих баланс между эффективностью цифровых инструментов и неотчуждаемостью профессионального суждения, этической ответственности и конституционных гарантий прав граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Деревягина О.Е. Профессиональная культура сотрудника органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект. – М.: Академия управления МВД России, 2022. – 198 с.

2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Лукьянов В.С., Семёнова Е.А. Предиктивная аналитика в деятельности правоохранительных органов: возможности и ограничения // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 82–96.

4. Морозова И.Н. Цифровая трансформация государственного управления и её

правовые последствия. – СПб.: Юридический центр, 2023. – 320 с.
5. Зорин А.В. Алгоритмическая предвзятость и принцип равенства в правоприменении // Правоведение. – 2025. – № 1. – С. 40–58.
6. Петренко Д.Ю. Диффузия юридической ответственности в условиях автоматизированного принятия решений // Журнал российского права. – 2024. – № 8. – С. 25–38.
7. Сидорова К.В. Профессиональная идентичность полицейских в эпоху цифровизации: социологический анализ // Социологические исследования. – 2024. – № 6. – С. 110–124.
8. Фёдоров А.Н. Доверие к полиции и цифровые технологии: опыт сравнительного анализа // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2025. – № 2. – С. 68–82.
9. Яковлев Г.Р. Цифровые компетенции в системе профессионального образования МВД России // Юридическое образование и наука. – 2024. – № 4. – С. 148–162.

УДК 342

В.В. Черных

МЕТОД ПЕРЛЮСТРАЦИИ

В настоящей статье осуществлён лапидарный анализ метода перлюстрации, имеющий богатую историю и использовавшийся всеми государствами мира, руками спецслужб в интересах борьбы с серьёзными проявлениями преступного характера, как-то действия, направленные на свержение существующего строя, индивидуального террора, так и действия организованных преступных групп.

Ключевые слова: перлюстрация, «чёрные кабинеты», корреспонденция, пересылка, Департамент полиции.

V.V. Chernykh

THE METHOD OF PERLUSTRATION

This article provides a lapidary analysis of the perlustration method, which has a rich history and has been used by all states of the world, by the hands of special services in the interests of combating serious manifestations of a criminal nature, such as actions aimed at overthrowing the existing system, individual terror, and actions of organized criminal groups.

Keywords: perlustration, "black cabinets", correspondence, forwarding, Police Department.

Конец XIX–начало XX вв. был ознаменован научно-техническим переворотом в области борьбы с преступностью. Правоохранители стали применять разнообразные научные методы и технические средства. Естественно это было обусловлено и промышленной революцией, создавшей немалое количество технических вузов и выпустивших в течение XIX в. не один набор инженеров и техников. Определённым толчком к использованию новых методов послужило и появление нового антигосударственного направления преступников, поставивших своей целью свержение самодержавие и отнесённых правоохранительными органами к разряду политических преступников. В силу того, что социальная среда, поставлявшая в эту группу преступников, была в основном вполне состоятельной (дети дворян, предпринимателей, разночинцы), следовательно, среди них был большой процент

людей с институтским образованием, что вынуждало правоохранительную структуру постоянно совершенствовать методы и формы борьбы с их преступными проявлениями. Многие из методов появились ранее, но активно они стали использоваться именно в это время. Это и метод идентификации, которое базировалось на таких двух направлениях, как антропометрия и дактилоскопия; это и циркулярный, т.е. письменный розыск; это и перлюстрация; это и цветоколористика; и физиогномика, и другие. Все эти методы, по-прежнему, играют значимую роль в обличении преступников, а знание их природы и особенностей имеет важное образовательное значение для специалистов правоохранителей. Цель данной статьи заключается в раскрытии только одного из вышеперечисленных методов, а именно перлюстрации, в следующих статьях будут рассмотрены иные методы.

Исследований, посвящённых раскрытию этого метода немного, что объясняется его конспирологической сущностью, потому что перлюстрация – это просмотр личной пересылаемой корреспонденции, совершаемый втайне от отправителя и/или получателя. Концентрировано и достаточно последовательно историческая фабула проблемы изложена в работах В. С. Измозика [3], А. С. Смыкалина [7], В.В. Гребенникова [2], З. И. Перегудовой [6], О. Ю. Абакумова [1], Ф. М. Лурье [4], И. В. Оржеховскиого [7], А. Г. Чукарева [9]. Можно перечислить ещё несколько десятков монографий и статей, где присутствует упоминание об перлюстрации, но, во-первых, они весьма опосредовано касаются этого метода, во-вторых, их подробный анализ был бы приемлем для серьёзного и пространного историографического обзора монографии, но никак ни для статьи преследующей цели общего представления об обсуждаемой проблеме. Что же касается вышеуказанных монографий, то отдавая честь основательной проработке данной проблемы, необходимо отметить, что все они (за исключением монографии В. С. Измозика), освещают узкие периоды, даже не полностью девятнадцатого века и не дают восприятия развития данной проблемы в XX и начале XXI века. Сильной стороной части этих монографий (В. С. Измозика, А. С. Смыкалина и З. И. Перегудовой) является ввод в научный оборот разноплановых источников, из которых необходимо особо отметить архивные материалы: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архива Государственного Эрмитажа, Архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). В заключение краткого историографического и источникового обзора, отметим, что наиболее полное, объективное и критически осмысленное сочинение по данной проблеме исследователь найдёт в монографии В. С. Измозика [3].

Исходную дату чтения чужой корреспонденции определить невозможно, но можно сказать наверняка, что это случилось в глубокой древности, с появления письменности. Чем продиктовано желание ознакомиться с какими - либо тайнами? С желанием избежать козней и непредсказуемых вызовов. Отсюда стремление на государственном уровне противодействовать тайным замыслам и непременным образованием структуры, которая должна заниматься подобными действиями.

В исторической литературе приводится такой любопытный случай, дабы предотвратить восстание ионийских городов, персидский наместник города Милета Аристогор, отправил послание своему союзнику на бритой голове раба, подождав,

когда отрасли волосы. Факт этот имел место в 499 г. до н.э. [1] А сколько голов пало в результате перехваченных писем. Или как можно было изменить ситуацию и брожение в народе и войсках, владея этими проявлениями, ознакомившись тайно с письмами горожан и воинов.

Отмечено функционирование перлюстрации в средневековье, однако создателем самой системы перлюстрации по праву считают кардинала Армана Ришелье, запретившего в 1628 г. пересылку писем помимо почты и велевшего создать при Парижском почтамте специальную комнату для тайного просмотра корреспонденции. Так возникло выражение «Чёрный кабинет» – помещение, где проводилась перлюстрация. В России «Чёрные кабинеты создаются при Елизавете Петровне. Людовик XIV, создаст полицейское политическое бюро, во второй половине XVII века, его примеру последуют все страны Европы [3, с.7]. Россия не стала исключением и с образованием регулярной почтовой связи возникает вопрос об охране и неприкосновенности пересылаемой корреспонденции. Такие указания мы находим у Петра I «Отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотреть»[2]; у Екатерины II : «Дабы должное к почтам доверие не токмо сохраняемо, но и далее распространяемо было и вследствие того, чтобы никакая власть или начальство или кто бы то ни был, не дерзали открывать писем на почтах, пересылаемых внутри империи или же их удерживать»[3, с.41]; у Александра I давшего указания, чтобы «корреспонденция, производимая между частными людьми, была неприкосновенна и вообще изъята от всякого осмотра и открытия»[3]. Этот список можно продолжать, ибо каждый глава государства стремится выглядеть в лице общества поборником права и защитником тайны переписки. На самом деле, с самого начала появления в России «Чёрных кабинетов» все наши государи позволяли себе, используя спецслужбы знакомится с корреспонденцией дипломатов, политических противников и т.п., оправдывая это государственными интересами.

Судебное законодательство Российской империи предусматривало уголовную ответственность за незаконное вскрытие почтовой корреспонденции, что неоднократно заявляли и дублировали различные законодательные акты, начиная с 1845 г., когда в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденном 15 августа 1845 года, было заявлено однозначно, что вскрывший чужое письмо приговаривается в зависимости от значимости письма: или к строгому выговору, или к денежному штрафу, или к отрешению от должности, а почтальоны к определению в военную службу рядовыми [3, с. 42].

XIX век выдвинул в качестве борцов с самодержавием мощную политическую силу, всё более организующую, сплачивающуюся, с серьёзными ресурсами, с террористическими методами борьбы, полностью игнорирующими национальное законодательство. Носителей этой политической силы назвали «политическими преступниками»: декабристы, участники польского восстания 1830–1831 гг., различные тайные революционные организации и партии революционного толка, взявшие на вооружение идею свержения самодержавия революционным путём.

В 1880 г. происходит реорганизация политического сыска и образуется Департамент полиции, первым директором которого становится барон Иван Осипович Велио, требовавший особого внимания к перепискам политических «внутренних

[1] Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Об истории возникновения и развития контроля почтовых отправлений // История государства и права. 2006. № 3. С. 22.

[2] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 3. СПб., 1830. № 1654.

[3] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109–109 об.

врагов государства». Перлюстрация становится одним из наиболее эффективных методов противодействия враждебным силам Российской Империи.

«Черные кабинеты" были созданы на многих крупных и средних почтамтах буквально в десятках городов империи. Общее руководство осуществлялось старшим цензором, заместителем начальника Управления почт и телеграфа в Петербурге. Старший цензор напрямую подчинялся министру внутренних дел. Незаконная операция проводилась тайно, при этом никаких письменных приказов и распоряжений не давалось. Приказы были только устные. Число сотрудников "черных кабинетов" в период народных волнений 1905 г. достигало 90 человек. В составе сотрудников "черных кабинетов" были опытные жандармы, хорошо изучившие методы тайнописи и шифровального дела. Вскрытие корреспонденции (в том числе иностранной) проходило очень быстро. Письмо, вызывающее подозрение копировалось, затем запечатывалось и тайно маркировалось, чтобы не было повторного вскрытия. Копии писем и телеграмм направлялись в Департамент полиции для дальнейшей работы. Революционеры долго не догадывались, что их корреспонденция просматривается полицией. К примеру, в руках офицеров Департамента оказалось более 50 писем только одного Ленина [8, с. 311].

Итак, перлюстрация (не путать с военной цензурой) играла в деле государственной безопасности большую роль. Это и контроль за перепиской иностранных дипломатов, часто выполнявших разведывательно-шпионские цели, причём, во все времена; это и контрразведывательная деятельность; это и выявление реальной или мнимой антиправительственной деятельности, обнаружение заговоров и различного рода тайных организаций; это и оперативно-розыскные мероприятия по обнаружению различного рода служебных и экономических злоупотреблений, таких как контрабанда, финансовые нарушения, коррупция, превышение должностных полномочий, нарушение моральных норм; контроль за чиновниками всех уровней. Ну и конечно, изучение реальных настроений различных групп населения, обнаружение и изъятие антиправительственной литературы, пересылаемой по почте. В настоящее время этот метод претерпел значительные изменения, почтовая переписка заметно сократилась, появились новые формы общения, более открытые (телеграф, электронная почта) и поэтому более контролируемые. Контроль за всеми видами сообщений (на основании судебного решения от 21 июля 2009 года) предусмотрен ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. [1]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абакумов О.Ю. «Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг.»: Центрполиграф; Москва; 2017. 198 с. ISBN 978-5-227-07747-9

2. Гребенников В.В. Перлюстрация. Перехват информации. 2019. 271с. пISBN:978-5-5321-0945-2

3. Измозик В. С. «Черные кабинеты» История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века / В. С. Измозик — «НЛО», 2015. 425 с.

4. Лурье Ф. М. Политический сыск в истории России, 1649-1917 гг. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.

5. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 220 с.

[1] Перлюстрация – Рувики: Интернет-энциклопедия ru.ruwiki.ru›wiki/Перлюстрация (обращение 21.10 2021).

6. Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917). – М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.

7. Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР М.: Издательство «Русайнс», 2015. 268 с.

8. Черных В.В. История органов внутренних дел: учебник / В.В. Черных. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2022. 440 с.

9. Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825-1855 гг. [Текст] / А. Г. Чукарев; Ассоц. Военная кн., О-во изучения истории отечественных спецслужб. — Москва, Жуковский: Кучково поле, 2005. 701 с. см.; ISBN 5-86090-120-8.

УДК 37

С.В. Цыдыпов

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МВД РОССИИ

Аннотация. Современная модель представителя правоохранительных органов России предполагает гармонично развитого специалиста, обладающего не только профессиональными навыками, но и широким кругозором, эстетическим вкусом, стрессоустойчивостью. Приобщение к ценностям отечественной и мировой культуры является действенным способом профилактики профессионального выгорания, расширения мировоззрения и формирования позитивных моделей проведения досуга.

В органах и подразделениях МВД России проводится культурно-просветительская работа по различным направлениям.

В статье более подробно приводится опыт работы в Восточно-Сибирском институте МВД России.

Ключевые слова: культурно-просветительская работа, культурно-просветительская деятельность, патриотизм.

S.V. Tsydypov

ORGANIZATION AND IMPROVEMENT OF CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN TERRITORIAL ORGANIZATIONS AND DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Abstract. The modern model of a Russian law enforcement officer envisions a well-rounded professional possessing not only job-specific skills but also a broad outlook, aesthetic taste, and stress resilience. Engagement with the values of domestic and global culture serves as an effective means of preventing professional burnout, broadening one’s worldview, and fostering positive leisure habits.

Cultural and educational activities are conducted across various areas within the organizations and units of the Russian Ministry of Internal Affairs.

This article details the experience of the East Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs in this regard.

Keywords: cultural and educational work, cultural and educational activities, patriotism.

Культурно-просветительская работа в системе МВД России представляет собой целенаправленную деятельность по формированию высокого уровня профессиональной и общей культуры сотрудников, поддержанию корпоративного духа и позитивного общественного имиджа ведомства, правовую основу которой образует многоуровневая система документов.

Ключевым документом, раскрывающим понятие и содержание культурно-просветительская деятельности, является приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [1].

В соответствии с требованиями Приказа МВД России № 500-2024 культурно-просветительская деятельность направлена на поддержание посредством культуры и искусства здорового морально-психологического состояния сотрудников, формирование у них профессионально значимых морально-психологических качеств и свойств личности, а также удовлетворение их духовных потребностей и организацию культурного досуга и имеет следующие задачи, в том числе:

— формирование в сознании сотрудников общероссийской гражданской идентичности на основе их приобщения к российским традиционным историческим, культурным и духовно-нравственным ценностям, удовлетворение духовных потребностей;

— освоение, поддержание и развитие системы полицейской профессиональной культуры, следование высшим целям профессиональной деятельности, кодексу этики и служебного поведения, приобщение личного состава к моральным ценностям, профессиональным традициям и символам, правовым и нравственно-этическим нормам;

— внедрение высоких эстетических стандартов и норм в служебную деятельность и быт личного состава;

— восстановление и поддержание на должном уровне физического и морально-психологического состояния сотрудников, организация культурного досуга;

— отображение в музейных экспозициях, литературных, музыкальных произведениях, произведениях изобразительного искусства и мемориальных объектах героических страниц истории российской полиции;

— увековечивание памяти о сотрудниках, совершивших подвиги и героические поступки, погибших при исполнении служебного долга;

— повышение привлекательности службы в органах внутренних дел, формирование позитивного имиджа сотрудника.

Основными направлениями культурно-массовой работы являются: развитие ведомственной культурной инфраструктуры (клубы, музеи, библиотеки), организация творческих коллективов и мероприятий (концерты, фестивали, выставки), патриотическое и историко-правовое просвещение личного состава, а также взаимодействие с государственными и общественными культурными институциями.

Значительное внимание уделяется сохранению исторического наследия органов внутренних дел через систему музеев и мемориальных комплексов, что способствует укреплению традиций и профессиональной преемственности.

Культурно-просветительскую работу (дале - КПР) обязаны организовывать

[1] Далее – «Приказ МВД России № 500-2024».

руководители, заместители руководителей по работе с личным составом, а при их отсутствии — должностные лица, на которых возложены обязанности по организации морально-психологического обеспечения. В органах внутренних дел культурно-просветительскую работу обязаны проводить отдельные подразделения культурно-просветительской работы, а при их отсутствии — подразделения по работе с личным составом [1, с. 104].

Одним из ведущих направлений рассматриваемого вида деятельности является историко-патриотическое просвещение личного состава, как основа организационной идентичности системы.

Данное направление является системообразующим. Ведомственная музейная сеть (музеи, комнаты истории и боевой славы) выполняет не только мемориальную, но и мощную воспитательную функцию.

Современные экспозиции регулярно обновляются и модернизируются, и переходят от простого хранения артефактов к созданию современных целых историй связывающих отдельные факты органов внутренних дел с историей страны.

В работу ведомственных музеев активно внедряются современные технологии: интерактивные панели, аудиогиды, реконструкции кабинетов разных эпох.

Ключевые формы работы с личным составом:

— уроки мужества с участием ветеранов боевых действий;

— церемонии принятия Присяги в музейных комнатах;

— выездные выставки, организуемые в образовательных учреждениях.

Следующее направление - художественно-творческая деятельность, позволяющая получить ресурс благодаря психологической разгрузке и становлению командных связей в коллективе.

Организация этого направление деятельности требует активного участия сотрудников, их инициативность и открытость к новому.

Среди наиболее ярких мероприятий отметим организацию и проведение разнообразных фестивалей и конкурсов, целью которых является не только популяризация культурных ценностей, но и поиск талантливых сотрудников, а также развитие неформального горизонтального взаимодействия сотрудников из разных регионов и служб.

Проводимый Министерством фестиваль «Щит и Лира» является одним из значимых культурных событий, в заключительном этапе которого ежегодно принимает участие более 300 сотрудников органов внутренних дел.

С 1991 года в г. Санкт-Петербург ежегодно проводится благотворительная акция «Милосердие белых ночей», направленная на раскрытие творческого потенциала сотрудников правоохранительных органов.

С 2008 года среди сотрудников ОВД проводятся фотоконкурс «Открытый взгляд» и литературный конкурс «Доброе слово» [2].

Также постоянно действующие вокально-инструментальные, хореографические коллективы подразделений МВД России повышают престиж выбранной профессии. Всего функционирует порядка 100 творческих коллективов, разного профиля, наиболее известные: Сводный оркестр полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации, основанный в 1920 г., Академический ансамбль песни и пляски войск национальной гвардии Российской Федерации, Танцевальный коллектив Волгоградской академии МВД России, Ансамбль постоянного состава Восточно-Сибирского института МВД России «Территория 02».

С целью развития эстетической культуры личного состава культурно-просветительская работа проводится на местном и региональном уровнях в культурно-досуговых центрах подразделений (клубах). Клубная работа (литературные, театральные, художественные кружки), направлена на раскрытие творческого потенциала сотрудников и членов их семей.

Важнейшая функция этого блока – психологическая реабилитация и эмоциональная разрядка в условиях хронического профессионального выгорания и стресса, а также укрепление социальных связей внутри коллектива.

Отдельно необходимо отметить организацию работы **б**иблиотек и информационно- медийного сопровождения деятельности отдельных подразделений (например, портал МВД-Медиа)[1].

Трансформация влияния современных информационных систем здесь наиболее очевидна. Традиционные ведомственные библиотеки меняют формат, стремясь стать культурно-просветительскими центрами, организуя встречи с писателями, дискуссионные клубы.

Издательская деятельность (журналы: «Полиция России», «Щит и Меч», «Альманах Профессионал») сочетает официальную хронику с публицистикой, историческими очерками и художественными произведениями сотрудников.

Цифровой вектор стал определяющим: официальный сайт МВД России и его социальные сети активно используются не только для новостей, но и для просветительских проектов: публикации архивных документов, онлайн-экскурсий по музеям, видеолекций по правовой и исторической тематике. Это позволяет выйти на новую, молодую аудиторию как внутри ведомства, так и за его пределами.

Несмотря на достижение весомых систематических результатов, состояние КПР характеризуется и некоторыми проблемами.

Основная проблема - недостаточный уровень финансирования и оснащение материально-технической базы, а также нехватка штатной укомплектованности подразделений, осуществляющих культурно-просветительскую деятельность. Безусловно, что уровень и масштаб мероприятий, проводимых в рамках КПР, в зависимости от удаленности от региональных центров довольно низкий, что приводит к «культурному неравенству» внутри самого ведомства.

Отсутствие специализированных кадров для осуществления КПР. Учитывая сложную оперативную-обстановку в стране, особенно в условиях дефицита кадров, то сотрудники, осуществляющие культурно –просветительскую работу, считаются «второстепенными». Штатные единицы для этой работы сокращены или совмещены, а привлечение внешних специалистов затруднено определенными организационными моментами. Отсутствует система целевой подготовки таких кадров для нужд МВД.

Во многих территориальных органах данный вид работы сведен к формальной. Например, в подразделении проводится лекция, встреча, но процедура ее организована в пассивной форме, слабо вовлекающей целевую аудиторию. Не используются, или используются недостаточно современные методы и формы подачи информации.

Проблема оценки эффективности КПР не является актуальной. Результаты рассматриваемой деятельности носят отсроченный и трудноизмеримый характер. Отчётность часто сводится к количественным показателям (число мероприятий, участников), а не к качественным изменениям в ценностных ориентациях, уровне сплочённости коллектива или общественном мнении о подразделении и ведомстве в

[1] Сетевое издание «МВД МЕДИА». URL: https://mvdmedia.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

целом. Отсутствуют четкие методы социологического мониторинга реального воздействия проводимых мероприятий.

Недостаточная связь КПР с системой образования и профессиональной подготовки. Культурно-просветительские модули, фрагментарно включены в программы образовательных организаций МВД, как частные элементы воспитательной работы. Однако их потенциал для формирования гуманистических установок, критического мышления и коммуникативных навыков будущих полицейских используется далеко не в полной мере.

Приоритетными задачами ВСИ МВД России по работе с личным составом определены мероприятия по сбережению личного состава, формирование у сотрудников профессионально значимых личностных качеств, достижение высокой степени морально-психологической готовности сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач.

На решение большей половины поставленных задач влияет качественно проведение КПР с личным составом.

Рассмотрим мероприятия, проведенные в Восточно-Сибирском институте МВД России за 2024-2025 годы, в рамках КПР. Количество мероприятий, проводимых ежегодно в институте, около 1000. Рассмотрим наиболее значимые и важные.

В институте проводятся уроки мужества; митинги; служебные церемонии и ритуалы; встречи с сотрудниками силовых ведомств, участниками боевых действий в Афганистане, на территориях Северо-Кавказского региона, участниками специальной военной операции, ветеранами МВД и МЧС, представителями традиционных религиозных конфессий, Российского общества «Знание», ОГКУ «Центр профилактики социально-негативных явлений в молодежной среде», ГБУЗ «ИОЦ СПИД», ОГКУ «Центр профилактики наркомании», Иркутского регионального отделения Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики».

В 2024-2025 гг. в преддверии 9 мая институтом организовано и проведено масштабное патриотическое мероприятие «Один день в солдатском полевом лагере» для жителей г. Иркутска, где в течение дня было представлено более 10 тематических локаций (выставка оружия, «Напиши письмо солдату», праздничный концерт и т.д.).

Традиционно, 9 мая личный состав института принимает участие в торжественном шествии силовых структур Иркутского гарнизона и показательных выступлениях на главной площади г. Иркутска по случаю празднования Победы в Великой Отечественной войне. С 2024 года с показательными выступлениями выступает взвод почетного караула института.

Кроме этого, к сожалению, взвод Почетного караула принял участие в 25 торжественных церемониях передачи орденов Мужества (посмертно) семьям и родственникам военнослужащих, погибших в ходе проведения специальной военной операции и в открытии мемориальной доски иркутянину, кавалеру ордена Мужества, погибшему бойцу специальной военной операции Олегу Игоревичу Сокову.

Личным составом института принято участие в патриотических акциях: «Письмо солдату», «Передача окопных свечей и писем солдатам», «Передача беспилотного летательного аппарата для сотрудников, принимающих участие в СВО», «Огненные картины войны», «Пламя гордости за Победу», «Георгиевская ленточка», «Никто не забыт, ничто не забыто!», «Субботник во дворе ветеранов Великой Отечественной войны», «Пишу тебе, Герой!», «Аллея Защитникам Отечества», «Аллея имени 50-летия БАМа» и т.д.

В октябре 2024 года личный состав института активно принял участие в подготовке съемочной площадки на базе учебного полигона института для проведения съемки полнометражного художественного фильма (в рамках реализации проекта «Герои среди нас»), основанного на реальных событиях подвига иркутского Героя России Эдуарда Станиславовича Дьяконова – участника специальной военной операции.

Ежегодно, в январе, проводится на региональном уровне торжественный митинг и лыжный поход, посвященный дважды Герою Советского Союза, генералу армии времён Великой Отечественной войны Афанасию Павлантьевичу Белобородову.

Совместно с Иркутской епархией проведены конференции: «Духовно-нравственный подвиг народа в борьбе с нацизмом и его современными проявлениями» (2024 г.), «Героизм и подвижничество русского народа, как выражение христианской сущности русской идеи: история и современность».

Список мероприятий, проводимых Восточно-Сибирским институтом МВД России, превышает перечень, который приведен в этой статье.

Культурно-просветительская деятельность в системе МВД России является неотъемлемым компонентом формирования профессионального и нравственного облика сотрудника органов внутренних дел. Через систему ведомственных музеев, творческих коллективов, издательских проектов и взаимодействия с учреждениями культуры МВД не только транслирует обществу позитивный образ службы, но и способствует гармоничному личностному развитию своих сотрудников, повышению их общей культуры и правосознания.

Восточно-Сибирский институт МВД России является не только важным образовательным учреждением, но и значимым культурным центром, который играет значительную роль в духовно-нравственном развитии своих сотрудников и граждан города Иркутска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сошникова, И. А. Организация культурно-просветительской работы в органах внутренних дел : Курс лекций // И.А. Сошникова, С.В. Паншина, А.В. Тонышев. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. 104 с.

2. Гордеева Екатерина Николаевна Культурно-просветительская работа как ресурс развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitelskaya-rabota-kak-resurs-razvitiya-esteticheskoy-kultury-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 03.02.2026).

СПИСОК АВТОРОВ

1. **АВДЕЕВ Вадим Авдеевич,** профессор Высшей школы права Югорского государственного университета**,** доктор юридических наук, профессор
2. **АВДЕЕВА Ольга Анатольевна,** профессор кафедры основ государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России, доктор юридических наук, доцент
3. **АДИЛОВ Айбек Насырович,** начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева, доктор юридических наук, профессор
4. **АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна**, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
5. **АЛИЕВ Тимур Фирудинович**, адъюнкт адъюнктуры Восточно-Сибирского института МВД России
6. **АРДАШЕВ Роман Георгиевич,** начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России; профессор кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета, доктор философских наук, кандидат юридических наук
7. **АХМАДИЕВ Асхат Бектурсынович**, старший преподаватель кафедры кибербезопасности и информационных технологий Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б.Бейсенова
8. **БАРХАТОВА Екатерина Николаевна**, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
9. **БАТАНОВ Александр Анатольевич,** преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
10. **БОГАТЫРЁВ Андрей Романович**, курсант Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
11. **БРАТАШ Евгения Сергеевна,** научный сотрудник научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России
12. **ВАЙСЕРГИСЕР Елена Юрьевна,** доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук
13. **ВАЛИУЛЛИНА Чулпан Файловна,** доцент кафедры специальных дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук
14. **ВАН БИНЪЯО, ЦЗИНЬ ЦЮЙБО,** Хэйлунцзянский профессиональный институт общественной безопасности МОБ КНР
15. **ВАСИНА Дарья Сергеевна,** курсант Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
16. **ВАСТЬЯНОВА Олеся Дмитриевна**, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук
17. **ВЛАСОВА Елена Львовна**, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент

18. ВЛАСОВ Павел Евгеньевич, докторант центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского институтаМВД России, кандидат юридических наук, доцент

19. ВОЙТОВ Александр Владимирович, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России**,** кандидат социологических наук, доцент

20. ВОРОЖЦОВ Александр Михайлович, начальник кафедры тактико-специальной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат социологических наук, доцент

21. ГАСАНОВА Ралина Рагибовна, инспектор ПДН (г. Елабуга)

22. ГАБЕЕВ Сергей Валерьевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

23. Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник сферы образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

24. ГАЙДАЙ Мария Константиновна, профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор социологических наук, доцент

25. ГАНХУЯНГ Арсланхуяг, начальник департамента полиции ГБ Улан-Батор (Монголия), соискатель Байкальского государственного университета

26. ГАПОНОВА Валентина Николаевна, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

27. ГРИБУНОВ Олег Павлович, ректор Байкальского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

28. ГРОШЕВ Сергей Николаевич, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

29. ГУНИНА Оксана Александровна, доцент кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета**,** кандидат юридических наук

30. ГОРШКОВА Анна Викторовна, студент юридического факультета Московского гуманитарного университета

31. ДЕМЕНЧЕНОК Олег Гениевич, доцент кафедры информационных технологий Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат технических наук, доцент

32. ДРЕВС Александра Дмитриевна, курсант Восточно-Сибирского института МВД России

33. ДУДЧЕНКО Лолита Вадимовна, преподаватель кафедры теории государства и права Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук

34. ЕВДОКИМОВА Марина Германовна, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент

35. ЖУРАВЛЕВ Валерий Евгеньевич, преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

36. ЗАГОРЬЯН Сергей Георгиевич, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России**,** кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Бурятия

37. ЗОЛОЧЕВСКАЯ Любовь Сергеевна, преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя МВД России

38. ЗУБКОВА Вера Владимировна, курсант Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

39. ИВАНОВА Анастасия Геннадьевна, адъюнкт адъюнктуры Восточно-Сибирского института МВД России

40. ИВАНОВА Людмила Аполлоновна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

41. ИВУШКИНА Ольга Викторовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат

42. КАЗНОВА Екатерина Андреевна, секретарь судебного заседания Шелеховского городского суда Иркутской области

43. КЕШИКОВА Наталья Владимировна, доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

44. КИВОКУРЦЕВА Марина Валериевна, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

45. КОЛОСОВ Александр Викторович, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

46. КОРЕЛИН Михаил Николаевич, преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

47. КОРОТАЕВА Юлия Алексеевна, старший преподаватель кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России

48. КОШКИНА Валентина Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Ф. Шилова

49. КРАСИНСКАЯ Елена Сергеевна, старший преподаватель кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России

50. КОВАЛЕВ Сергей Михайлович, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России

51. КОНОВАЛОВ Алексей Иванович, преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

52. КОТИЕВА Мадина Мустофаевна, курсант Волгоградской академии МВД России

53. КУЗНЕЦОВ Евгений Викторович, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

54. КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович, доцент кафедры отечественной истории Байкальского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

55. КУЗНЕЦОВА Дарья Анатольевна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

56. КУРОВСКИЙ Владимир Михайлович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

57. ЛАЙКОВА Елена Александровна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических, доцент

58. ЛАПУТНЕВА Екатерина Игоревна, студент Байкальского института БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета

59. ЛЕНСКИЙ Владимир Михайлович, доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

60. ЛЮ БО

61. МАНДРЫКА Юлия Сергеевна, доцент кафедра уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук

62. МИРОНОВА Анна Валентиновна, начальник кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

63. МИХАЙЛОВА Тамара Николаевна, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент

64. МИХАЭЛИС Дмитрий Владимирович, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России**,** кандидат исторических наук

65. НАЗАРОВА Мария Денисовна, преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук

66. НАЗЫРОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, заведующий кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

67. НЕЛЮБИНА Анастасия Вениаминовна, юрисконсульт Иркутского института (филиала) Всероссийского государственной института юстиции (РПА Минюста России)

68. НИКИТИН Александр Викторович, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

69. НИКИТИН Юрий Петрович, старший преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

70. НИКИТИН Константин Игоревич**,** преподаватель кафедры специальных дисциплин филиала Казанского юридического института МВД России (г. Набережные Челны)

71. НИКОЛЮК Вячеслав Владимирович, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

72. НОСОВА Ольга Владимировна, заместитель начальника штаба ГУ МВД России по Иркутской области

73. НЫНЮК Роман Николаевич, заместитель начальника ГУ МВД России по Иркутской области

74. ОВЧИННИКОВ Юрий Георгиевич, начальник кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент

75. ПОЛЯКОВА Татьяна Александровна, преподаватель кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

76. ПОКРОВСКИЙ Максим Дмитриевич, инспектор по исполнению административного законодательства группы ДПС и ИАЗ ОГИБДД ОГИБДД УМВД России «Макеевское»

77. СВЕРЧКОВА Анна Викторовна, начальник отделения следственного отдела ОМВД России по г. Уссурийску Приморского края

78. СЕРПИОНОВА Анастасия Игоревна, старший преподаватель учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

79. СЫСОЕВ Алексей Александрович, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, кандидат исторических наук, доцент

80. ОСОДОЕВА Наталия Васильевна, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

81. ПЕТУХОВА Жанна Петровна, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

82. ПОПОВА Ирина Павловна, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке

83. ПОПОВА Евгения Михайловна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат экономических наук

84. ПОПОВ Сергей Викторович, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

85. ПРУДНИКОВ Анатолий Семенович, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел в сфере миграции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

86. РЕПЕЦКАЯ Анна Леонидовна, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

87. РИМСКИЙ Алексей Викторович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, доктор философских наук

88. САМАРИН Максим Игоревич, слушатель Восточно-Сибирского института МВД России

89. СЕМЕНОВ Евгений Алексеевич, начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент

90. СИДОРОВА Екатерина Закариевна, начальник кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат

юридических, доцент

91. СИДОРОВА Маргарита Владимировна, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат педагогических наук, доцент

92. СМИРНОВ Виктор Александрович, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук

93. СТЕПАНОВА Елена Евгеньевна, заведующий отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

94. СИМОНЧУК Екатерина Романовна, адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России

95. СОЛОДОВНИК Елизавета Дмитриевна, командир отделения факультета подготовки сотрудников полиции и следователей Барнаульского юридического института МВД России

96. СОРОКОПУД Мария Сергеевна, старший научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат философских наук

97. СТАНОВАЯ Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры криминалистики УНК по ПС В ОВД Волгоградской академии МВД России

98. СТОЛБОВА Наталья Алексеевна, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук

99. СУВОРОВА Анастасия Юрьевна, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России

100. СУСЛОВА Галина Николаевна, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

101. РОДИВИЛИНА Виктория Александровна, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

102. ТАКТОЕВА Вера Викторовна, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России

103. ТИРСКИХ Анатолий Афанасьевич, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук

104. ТИМОХИНА Анастасия Леонидовна, преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

105. ТЮМЕНЦЕВА Анфиса Сергеевна, старший преподаватель кафедры информационных технологий Восточно-Сибирского института МВД России

106. ЦЕДРИК Сергей Викторович, заместитель директора Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

107. ЦЫДЫПОВ Сергей Викторович, заместитель начальника факультета профессиональной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

108. ЦЯНЬ ФЭН, заведующий отделом подготовки полицейских Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров милиции

общественной безопасности Китайской Народной Республики

109. ХАЛУДОРОВА Надежда Дмитриевна, главный специалист секретариата председателя Арбитражного суда Иркутской области

110. ЧАШЕЧНИКОВА Дарья Олеговна, слушатель Восточно-Сибирского института МВД России

111. ЧЕРНЫХ Владимир Васильевич, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

112. ЧЖУ ХАОЮАНЬ, преподаватель учебного отдела Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики

113. ШАЙКОВА Марина Витальевна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск), кандидат психологических наук, доцент

114. ШАРИФЗОДА Парвини Рахмулло, начальник кафедры предупреждения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан

115. ШЕВЧУК Елена Павловна, старший преподаватель кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российской государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

116. ШЕЛЕГОВ Юрий Владимирович, начальник кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

117. ШЕСТАКОВА Лариса Сергеевна, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России

118. ШИХАЕВ Абдуразак Робертович, курсант Волгоградской академии МВД России

119. ФОМИНА Инна Анатольевна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

120. ФРОЛОВА Алена Геннадьевна, слушатель Восточно-Сибирского института МВД России

121. ЯКОВЛЕВА Лариса Владимировна, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

122. ЯКУБУК Владислав Владимирович, заместитель начальника юридического управления Государственного пограничного комитета Республики Беларусь

123. ЯМШАНОВА Полина Александровна**,** инспектор ДПС ОБ ДПС Госавтоинспекции УМВД России по г. Кирову

МАТЕРИАЛЫ
II ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

(Часть 1. Деятельность правоохранительных органов
в современных условиях)

Минимальные системные требования: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память 256 МБ, свободное место на жестком диске 335 Мб; Windows (XP; Vista; 7 и т. п.)

Программное обеспечение: Acrobat Reader, Foxit Reader
либо любой другой их аналог
В авторской редакции
Компьютерная вёрстка Кивокурцева М.В.
Подписано к использованию 08.07.2026.
Формат PDF; 3 Мб
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2026